

Кінц: 44. С. Т. 28.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.
ТОМЪ II, ВЫП. 2-Й.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О ЯЗЫКѢ

СИНОДАЛЬНАГО СПИСКА 1-ой НОВГОРОДСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

ТРУДЪ

Б. М. Ляпунова.

Выпускъ I.

ИЗДАНИЕ

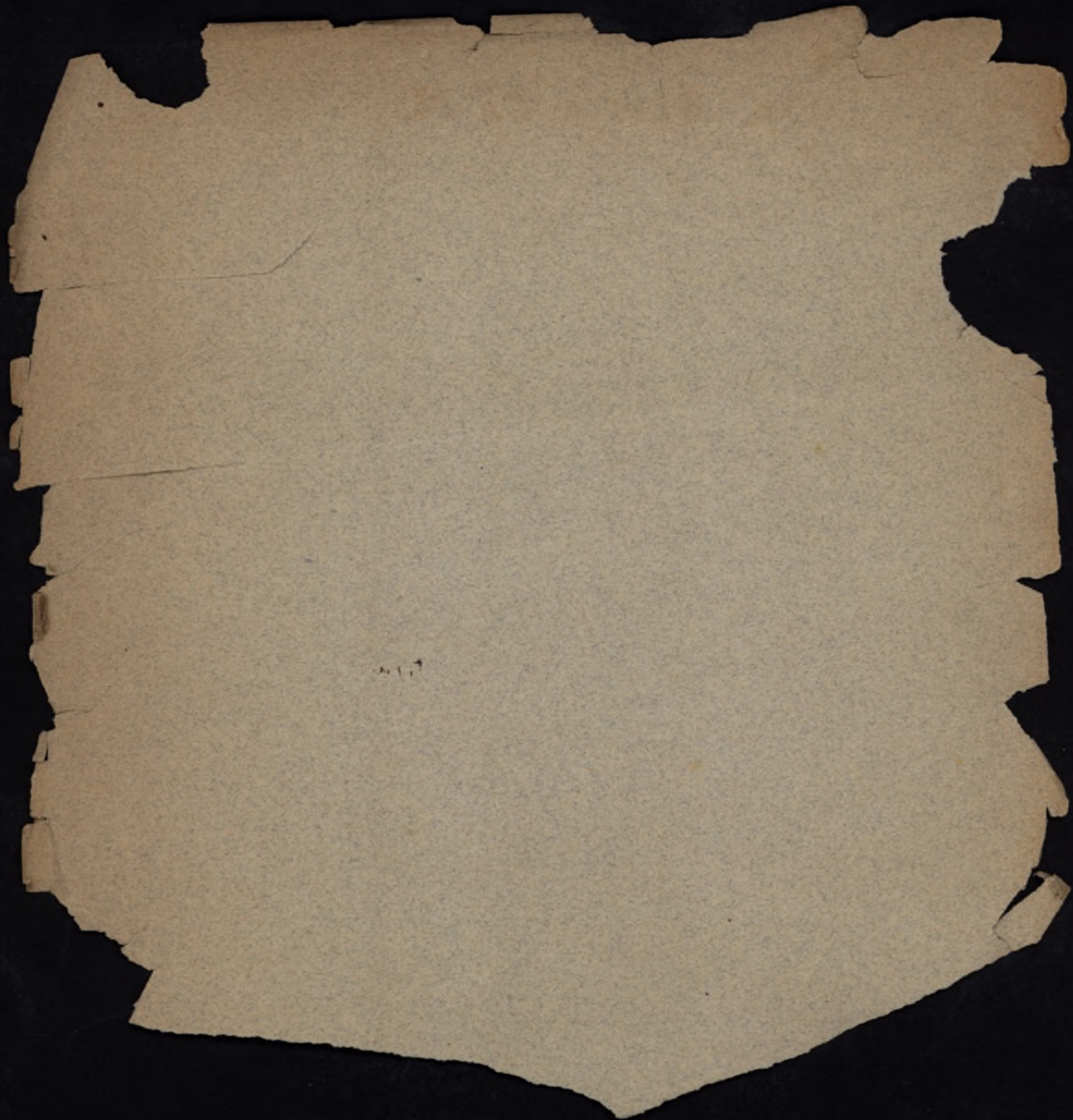
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

—>ж:<—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1900.

складъ и у комиссіонеровъ И.

К. Л. Р.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.
ТОМЪ II, ВЫП. 2-Й.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О ЯЗЫКѢ

СИНОДАЛЬНАГО СПИСКА 1-ой НОВГОРОДСКОЙ ЛѢТОПИСИ.

ТРУДЪ

Б. М. Ляпунова.

А. инв: 44.

Выпускъ I.

ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин. № 12.

1900.

129017

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1900 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ Н. Дубросинъ.

Предисловіе къ 1-ому выпуску.

Выпуская отдѣльной книгою «Очерки изъ исторіи ирраціональныхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ», я прошу не приписывать мнѣ мнѣнія, что я сдѣлалъ что либо существенное въ этомъ важномъ и трудномъ вопросѣ. Моя скромная роль ограничилась систематическимъ приведеніемъ въ извѣстность фактовъ одного весьма важнаго въ разбираемомъ отношеніи памятника и освѣщеніемъ ихъ нѣкоторыми фактами другихъ памятниковъ, при чемъ удалось сдѣлать кое-какія соображенія, частію самостоятельныя, но болѣею частію навѣяанныя трудами моихъ учителей и предшественниковъ. Если выпускъ моей книги я считаю нелишнимъ, то только потому, что она, можетъ быть, побудитъ къ подробному изученію правописанія и другихъ древнихъ русскихъ и южнославянскихъ памятниковъ, а безъ такого подробнаго, статистическаго изученія, по моему мнѣнію, невозможно подойти къ сколько нибудь правильному рѣшенію вопроса. Необходимо тщательное изученіе правописанія различныхъ памятниковъ, и тогда только будетъ положено болѣе или менѣе твердое основаніе. Кромѣ того, я льщу себя надеждой, что нѣкоторыя изъ моихъ предположеній, хотя и окажутся ошибочными, будутъ полезны тѣмъ, что возбудятъ критику со стороны другихъ и косвенно будутъ содѣйствовать болѣе правильному рѣшенію вопроса.

Скажу два слова объ употребляемыхъ мною отступленіяхъ отъ правописанія акад. Я. К. Грота. Они имѣютъ цѣлью болѣею послѣдовательность въ проведеніи этимологическаго принципа: я пишу *славяне*, *славянский* съ *о* вмѣсто *а* согласно съ этимологіей и имѣю предшественниками

В. И. Григоровича, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и нѣкоторыхъ другихъ; въ правописаніи *мѣлкій*, *мѣлочь*, *нѣчего*, *нѣ для чего* и т. п., этимологическая правильность котораго ясна каждому филологу, а также *будьто* я имѣю предшественникомъ А. Аѳ. Потембю.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить свою глубочайшую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ выходу въ свѣтъ моей книги, и прежде всего Отдѣленію русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ, въ особенности въ лицѣ академикова А. А. Шахматова и покойнаго Аѳ. Ѳ. Бычкова, которымъ я обязанъ напечатаніемъ ея. Глубокоуважаемымъ учителямъ моимъ И. В. Ягичу, М. С. Дринову, Ф. Ѳ. Фортунатову я обязанъ многими полезными совѣтами и указаніями. А. А. Шахматова благодарю особенно за постоянное теплое участіе, живою интересъ къ моей работѣ и весьма многія полезныя указанія. Затѣмъ приношу благодарность всѣмъ лицамъ, помогавшимъ мнѣ доставкой книгъ, рукописей и библиографическихъ справокъ, и между ними особенно бібліотекаряю Имп. Харьковск. университета К. И. Рубинскому и бібліотекарямъ С.-Петербургской духовной академіи и Московскаго единовѣрческаго Преображенскаго монастыря. Дорогого товарища П. К. Сими сердечно благодарю за безчисленныя одолженія, доставленіе новыхъ книгъ, веденіе корректуръ и проч.

Б. Ляпуновъ.

Харьковъ, 27 мая 1899 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Предисловіе	I— VII
А. Введеніе	1— 31
I. Главнѣйшія палеографическія особенности рукописи	1— 23
О буквахъ є и к	1— 8
О буквахъ ѡ и ѣ , ї и и , ѣ и т , оу , у и ѡ , ѡ и ѡ	8— 10
О буквѣ ѣ	10, 13
О причинахъ появленія ѡ и ѣ вмѣсто ѣ и ѣ въ южно- словянской письменности	10— 13
О надстрочныхъ знакахъ и знакахъ препинанія	14— 16
Общіе выводы	16— 17
Сличеніе свѣтопечатнаго изданія съ подлинникомъ	17— 23
II. Нѣсколько критическихъ соображеній о текстѣ Синодальной рукописи	23— 31
Б. Часть I-я. Изслѣдованіе фонетическихъ особенностей языка авторовъ или писцовъ Синодальнаго списка (общія замѣчанія)	32— 33
Глава I. О звукахъ глухихъ или иррациональных	33— 118
Главнѣйшія мнѣнія изслѣдователей	33— 36
Случаи употребленія з въ коренныхъ слогахъ и предло- гахъ	36— 40
Употребленіе з въ суффиксальныхъ слогахъ	40— 43

	Стран.
Неорганическое <i>з</i> въ иностранныхъ словахъ	44
Пропускъ <i>з</i> и замѣна его черезъ <i>о</i> въ 3-емъ почеркѣ. .	44— 47
Объясненіе нѣкоторыхъ случаевъ сохраненія <i>з</i> въ 1-омъ и 2-омъ почеркахъ.	48— 52
Нарѣчія и союзы <i>тѣгда</i> , <i>тогда</i> , <i>тоже</i> и <i>тѣ</i>	50— 54
Старословянскія и русскія формы твор. п. ед. ч. на <i>-ьмь</i>	54— 58
Употребленіе <i>з</i> вмѣсто <i>о</i>	58— 59
Употребленіе <i>ь</i> въ коренныхъ слогахъ въ 1-омъ и 2-омъ поч.	59— 65
Замѣтка о словѣ <i>мечь</i>	65— 71
Употребленіе <i>ь</i> , пропускъ его и замѣна черезъ <i>е</i> въ 3-емъ поч.	71— 72
Замѣтка о формахъ мѣстоименія <i>сьсь</i>	72— 74
Употребленіе <i>ь</i> въ суффиксальныхъ слогахъ.	74—105
Употребленіе <i>ь</i> вмѣсто <i>е</i>	105—107
Старые варианты съ кореннымъ <i>ь</i> при болѣе обычныхъ формахъ съ кореннымъ <i>е</i>	107—117
<i>ь</i> изъ <i>е</i> въ конечныхъ слогахъ.	117—118
 ГЛАВА II. О случаяхъ появленія <i>з</i> вмѣсто <i>зи</i> и <i>ь</i> вмѣсто <i>і</i> . . .	 119—207
Примѣры употребленія <i>з</i> вм. <i>зи</i>	119
Объясненіе немногихъ случаевъ <i>з</i> вм. <i>зи</i> не передъ <i>і</i> . . .	119—121
Объясненіе формъ <i>стрзя</i> , <i>крзяше</i> и т. п.	121—132
О формахъ <i>строя</i> , <i>крою</i> , <i>мою</i>	132—138
О формахъ имен. ед. муж. р. прилагат. членныхъ.	139—141
О формахъ имен. ед. муж. р. на <i>е</i> и <i>ей</i>	141—143
О единичной формѣ на <i>ой</i>	143—149
О формахъ имен. вин. множ. прилаг. членныхъ	149—150
Объ условіяхъ, содѣйствовавшихъ сохраненію слогового иррац. звука въ формахъ <i>стрзя</i> , <i>крзяше</i>	134—152
О вліяніи качества предшествующихъ согласныхъ на измѣненіе <i>зи</i> въ <i>у</i>	153—154
Примѣры чередованія <i>и</i> и <i>ь</i> не передъ <i>і</i>	155
О взаимныхъ отношеніяхъ формъ <i>только</i> — <i>колько</i> и <i>только</i> — <i>колько</i>	155—165

	Стран.
О формахъ <i>один</i> — (<i>ѣдин</i> —) и <i>*одън</i> — (<i>ѣдън</i> —).	165—178
О формахъ глагола <i>ждати</i>	178—180
О формахъ <i>сьмьюнъ</i> и <i>сьменъ</i>	181—182
ъ изъ <i>ѣ</i> (<i>ѣ</i>) въ конечныхъ неударяемыхъ слогахъ	182—188
Чередованіе ѡ съ <i>и</i> передъ слѣдующимъ <i>ѣ</i>	189—205
Отличіе формъ русскихъ на — <i>ѡ</i> и т. п. отъ соотвѣтствующихъ западно- и южно-славянскихъ	201—205
Объ образованіи звука <i>ѣ</i> (<i>ѣ</i>)	205—207
Глава III. О взаимномъ чередованіи <i>з</i> и <i>ѡ</i>	207—245
Случай ѡ вмѣсто <i>з</i> въ концѣ словъ	207—219
Случай <i>з</i> вмѣсто ѡ въ конечномъ открытомъ слогѣ.	219—236
Вліяніе губныхъ согласныхъ на измѣненіе слѣдующаго за ними неслогового ѡ въ <i>з</i>	221—233
Случай конечнаго <i>з</i> вмѣсто ожидаемаго <i>и</i> и въ собств. именахъ греческ. происхожденія и сходные съ ними.	234—236
Случай ѡ вмѣсто <i>з</i> внутри словъ	236—242
— <i>з</i> вмѣсто ѡ внутри словъ	242—245
Глава IV. Сочетанія «согласный + <i>з</i> или ѡ + плавный + согласный»	245—276
Существенная особенность этихъ сочетаній.	245—246
Главнѣйшія мнѣнія ученыхъ и оцѣнка ихъ	246—253
Доказательства необходимости формулы проф. Фортунова	251—253
О случаяхъ «второго полногласія» общаго и діалектискаго	254—261
Правописаніе Синод. списка Новгородской лѣтописи	261—265
Объясненіе его.	266—275
Объясненіе замѣнъ ѡ и <i>е</i> черезъ <i>ъ</i>	267—271
Общее заключеніе о правописаніи.	272—275
Дополненія и поправки	276—289
Нѣсколько словъ о развитіи и судьбѣ общеслов. <i>з</i> и ѡ въ южнославянскихъ нарѣчіяхъ.	276—280

	Стран.
<i>когда, тогда</i> и т. п.	280
Др. рус. им. ед. <i>всь, вхе</i> , болг. <i>всье, се</i> , кайк. <i>zà</i>	281—282
Древность графическаго смѣщенія <i>ь</i> съ <i>ъ</i>	282
Объ удареніи аористовъ въ болгарскомъ яз.	283
Мнѣніе проф. Фортунатова о <i>ь</i> въ <i>пъци</i> , — <i>жъже</i> и т. п. . . .	283—284
Мнѣніе Ягича объ окончаніи <i>ои</i> въ им. вин. ед. муж.	284
О случаяхъ <i>ки, ги</i> въ суффиксальныхъ слогахъ	284—286
<i>ниѣдногже</i> въ Зограф. Еванг.	286
Къ этимологіи слова <i>ѣдинъ</i> — <i>одинъ</i>	286—287
Этимологія старослов. <i>жѣд</i> —	287—288
О мѣстоименіи <i>онъси</i>	288—289
Болгарск. <i>пъленъ, дългъ</i>	289

І.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

о

ЯЗЫКЪ СИНОДАЛЬНАГО СПИСКА

1-ой новгородской летописи.

Б. М. ЛЯПУНОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемое теперь изслѣдованіе есть плодъ переработки моего студенческаго сочиненія, написаннаго еще въ 1884—1886 г. на тему, предложенную историко-филологическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета, при чемъ мною были представленъ лишь краткій обзоръ фонетическихъ явленій. При переработкѣ мною приняты въ соображеніе какъ замѣчанія проф. И. В. Ягича, сдѣланныя тогда же при разсмотрѣніи моей работы по порученію факультета, и замѣчанія покойнаго А. А. Потемни, любезно согласившагося просмотрѣть ее въ прежнемъ видѣ въ 1891 г., такъ и по возможности всѣ сочиненія, въ томъ или иномъ отношеніи касающіяся языка этого памятника, вышедшія за послѣднія 10 лѣтъ.

Я не буду особенно распространяться о важности разбираемаго мною памятника не только для исторіи русскаго языка и въ частности сѣверно-великорусскихъ говоровъ его, но и для сравнительно-исторической грамматики словянскихъ нарѣчій. Важность эта давно извѣстна всякому, знакомому съ древними памятниками русскаго и другихъ словянскихъ нарѣчій. Никто не станетъ отрицать, что языкъ русскихъ лѣтописей представляетъ богатѣйшій и единственный въ своемъ родѣ лингвистическій матеріалъ. Имѣя это въ виду, мы должны высоко цѣнить Синодальный списокъ, древнѣйшій не только среди другихъ списковъ 1-й Новгородской лѣтописи, но и среди всѣхъ вообще сохранившихся списковъ русскихъ лѣтописей, такъ какъ древнѣйшіе списки первоначальной лѣтописи, такъ называемыхъ «Повѣстей временныхъ лѣтъ» — Лаврентьевскій и Ипатьевскій написаны много позднѣе. Важность и древность Синодальнаго списка ¹⁾ уже

¹⁾ Названъ такъ потому, что хранится въ Московской Синодальной библиотекѣ (подъ № 786); писанъ въ 4-ую д. л., причемъ такихъ четвертей 169 (или 338 страницъ) (срв. предисловіе къ издан. 1888 г., стр. VI).

опредѣлена въ трудѣ П. А. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей», вышедшемъ въ 1852 г.; онъ-же опредѣлилъ и три различныхъ почерка въ Синодальномъ спискѣ. 1-й почеркъ, простирающійся по 123 стран. (о событіяхъ 1016—1200 г.), отнесенъ имъ къ самому началу XIII в., второй до 237 стр. (о событіяхъ до 1234 г.)—къ половинѣ XIII в. и третій (о событіяхъ до 1333 г.)—къ половинѣ XIV в. («О языкѣ с. р. л.» 154—156). Въ своемъ сочиненіи Лавровскій, однако, не особенно подробно касается собственно языка Синодальнаго списка, такъ какъ цѣль его обширнѣе—языкъ сѣверно-русскихъ лѣтописей, судя по названію, а въ дѣйствительности даже исторія великорусскаго языка вообще, паденіе древнихъ формъ русскаго языка и образованіе черезъ то, какъ онъ выражается, «языка стариннаго»; все его изслѣдованіе дѣлится такимъ образомъ на нѣсколько частей: въ первой части разсматриваются отличительныя свойства русскаго языка древняго, причемъ авторъ не предполагаетъ для древнѣйшей эпохи рѣзкаго раздѣленія на нарѣчія, во второй—свойства языка «стариннаго», характеризующагося утратой или смѣшеніемъ древнихъ формъ подъ вліяніемъ прекращенія дѣйствія старыхъ звуковыхъ законовъ, въ 3-ей—мѣстныя особенности Новгородскаго нарѣчія, и только заключительная глава посвящена общей характеристикѣ языка различныхъ списковъ Новгородской лѣтописи. Въ 1856 г. въ изданныхъ подъ редакціей И. И. Срезневскаго «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» вышли «выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ» П. А. Лавровскаго и словарь къ Новгородской первой лѣтописи А. Н. Пыпина.—Въ 1872 г. появился трудъ М. Колосова «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI-го по XVI-е столѣтіе», въ которомъ авторъ не разбираетъ языка Новгородскихъ лѣтописей, ссылаясь на сочиненіе Лавровскаго и приводя его мнѣніе о древности Синодальнаго списка, замѣчая однако при этомъ, что нѣкоторыя изъ заключающихся во 2-мъ и 1-мъ почеркахъ формальныхъ особенностей въ другихъ памятникахъ первой половины XIII-го столѣтія не встрѣчаются; но замѣчаніе это не имѣетъ силы, такъ какъ Колосовъ высказался такъ, имѣя возможность пользоваться лишь единственнымъ въ его время изданіемъ 1840-хъ годовъ («Полное собраніе русскихъ лѣтописей»), гдѣ и нашелъ примѣръ смѣшенія твердаго и мягкаго склон. — по чистѣи недѣлѣ 17, что оказалось неудачнымъ соображеніемъ издателей, раскрывшихъ невѣрно титулу, въ рукописи же написано: по чѣтѣи нѣ (83) (см. свѣтопеч. издан.). Это наглядный

примѣръ того, какъ рискованно иногда раскрывать титлы, особенно, если это дѣлается безъ надлежащаго вниманія къ звуковымъ и формальнымъ особенностямъ памятника.

Кромѣ указанныхъ трудовъ, никто, насколько мнѣ извѣстно, не занимался спеціально языкомъ 1-ой Новгородской лѣтописи¹⁾. Я впрочемъ долженъ назвать подробный словарь къ ней, составленный моимъ товарищемъ по университету, переводчикомъ «Сравнительной морфологіи» Миклошича, Н. В. Шляковымъ еще въ то время, когда и я принялся за свою работу, т. е. болѣе 10 лѣтъ тому назадъ; словарь этотъ оставался въ рукописи, и я, къ сожалѣнію, ничего объ немъ не знаю. Отдѣльные факты языка, болѣею частію общіе нашему памятнику съ другими памятниками такого же характера, упоминаются, однако, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и статьяхъ по исторіи русскаго языка. Первое мѣсто въ ряду ихъ занимаютъ фонетическіе, синтактическіе и лексическіе труды А. А. Потебни, его «Къ исторіи звуковъ русскаго языка» I—IV и «Изъ записокъ по русской грамматикѣ», въ которомъ главная часть матеріала почерпнута изъ лѣтописей. Затѣмъ не мало и въ статьяхъ проф. Ягича (въ его «Критическихъ замѣткахъ по исторіи русскаго языка» и нѣкоторыхъ замѣткахъ въ «Archiv für slav.-Philologie», напр. въ VI т. о союзѣ *агъ*), у Соболевскаго въ его «Исслѣдованіяхъ въ области русскаго языка» и въ его «лекціяхъ по исторіи русскаго языка» и у Шахматова въ «Исслѣдованіи о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» и въ «Исслѣдованіяхъ въ области русскаго фонетики». Наконецъ, и въ недавно вышедшемъ посмертномъ трудѣ А. Л. Дювернуа, въ «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка», изданныхъ вдовою покойнаго Г. А. Дювернуа въ Москвѣ 1894 г., мы находимъ много словъ, выписанныхъ изъ Синодальной рукописи 1-ой Новгородской лѣтописи, которой авторъ словаря пользовался, очевидно, довольно усердно²⁾.

Что касается изданій самаго текста, то изъ старыхъ изданій можно

1) Можно указать, пожалуй, еще на «Историческія чтенія о языкѣ и словесности. Новгородскія лѣтописи» М. П. Погодина въ Извѣстіяхъ 2 отд. Имп. Акад. Наукъ, т. VI (Спб. 1858), «Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки» Яниша (М. 1874) и на изслѣдованіе Г. П. Сенигова «О древнѣйшемъ лѣтописномъ сводѣ Великаго Новгорода» (издан. Археогр. ком. Спб. 1885 г.), гдѣ высказываются нѣкоторыя соображенія о составѣ Синодального списка на основ. данныхъ не только историческихъ, но и палеографическихъ и филологическихъ, а также статьи Срезневскаго во II т. «Извѣстій», стр. 18—27, 70—78; но во всѣхъ этихъ статьяхъ цѣли не лингвистическія, а историко-литературныя: онѣ стараются показать отношеніе Новгородскихъ лѣтописей къ другимъ по составу и содержанию.

2) То-же скажу и о выходящихъ выпусками «Матеріалахъ» И. И. Срезневскаго.

указать: «Лѣтописецъ новгородскій, начинающійся отъ 6255 (1017) году, и кончащійся 6860 (1352) годомъ. Москва. Въ синодальной (типографіи) 1819 года»¹⁾, а затѣмъ извѣстное «полное собраніе русскихъ лѣтописей» (т. 3) (издан. Археограф. ком.). Въ 1875 г. таже Археограф. комиссія издала цѣликомъ одинъ синодальный списокъ при помощи свѣтопечати, вслѣдствіе чего сдѣлала его доступнымъ для точныхъ палеографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій. Сдѣланное мною около 8 лѣтъ тому назадъ сличеніе этого изданія съ подлинникомъ заставило удостовѣриться въ полной точности изданія; только кое-гдѣ въ подлинникѣ можно разобрать стершіяся буквы, которыя въ изданіи не вышли совсѣмъ; кромѣ того, кое-гдѣ въ изданіи не вышли или умышленно пропущены позднѣйшія приписки, не представляющія впрочемъ ничего важнаго. Въ 1888 г. Археограф. комиссія выпустила еще новое критическое изданіе 1-ой Новгородской лѣтописи, въ которомъ принять за основной текстъ Синодальный списокъ, но къ нему приведены разночтенія и прибавлены недостающія мѣста по другимъ позднѣйшимъ спискамъ Академическому, Коммисіонному и Толстовскому, а также въ концѣ приложенъ указатель собственныхъ именъ личныхъ и географическихъ и указатель предметовъ, подобно тому, какъ это было сдѣлано при новыхъ изданіяхъ Археогр. ком. Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго списковъ лѣтописей, а также другихъ Новгородскихъ. Что касается опредѣленія почерковъ Синодальнаго списка и времени ихъ написанія, то издатель вполнѣ сходятся въ этомъ съ Лавровскимъ, указывая лишь еще на записи, слѣдующія послѣ 3-го почерка. Иное мнѣніе высказано проф. А. И. Соболевскимъ въ Русск. Филолог. Вѣстн. 1889 г. № 1, стр. 123: «редакторъ безъ достаточнаго основанія считаетъ первый почеркъ Синодальнаго списка относящимся къ самому началу XIII в.,—второй—къ 1-ой половинѣ XIV в. По нашему мнѣнію, Синодальный списокъ писалъ всего двумя почерками, изъ которыхъ второй (онъ продолжаетъ остановившійся на серединѣ фразы первый, фотолитогр. изд., 237) принадлежитъ тому же времени, что и 1-й—половинѣ XIV вѣка. Здѣсь, какъ во многихъ другихъ рукописяхъ, мы имѣемъ дѣло съ работою нѣсколькихъ писцовъ, раздѣлившихъ между собою трудъ и переписывавшихъ текстъ въ одно и то же время». Съ послѣднимъ мнѣніемъ я никакъ не могу согласиться. Если и справедливо, что 2 почерка Лавровскаго составляютъ одинъ, въ чемъ я сильно сомнѣ-

¹⁾ Заглавіе это выписано мною изъ экземпляра, сообщеннаго мнѣ А. А. Шахматовымъ.

ваюсь (я могу допустить, пожалуй, что они составляют трудъ приблизительно одного времени, и что писцы были изъ одной школы и говорили очень близкими между собою говорами), то никакъ нельзя признать, что часть списка, начинающаяся съ 237 стран., переписана въ одно и тоже время съ первой частью, такъ какъ этому противорѣчитъ рѣзкая разница какъ въ палеографическихъ пріемахъ, такъ и въ языкѣ, на сколько о немъ можно судить изъ правописанія. Это мнѣніе я постараюсь подтвердить слѣдующимъ ниже разборомъ сначала нѣкоторыхъ палеографическихъ, а затѣмъ лингвистическихъ особенностей разныхъ частей Синодальнаго списка.

ВВЕДЕНІЕ.

І. Главнѣйшія палеографическія особенности рукописи.

Какъ по языку, такъ и по начертанію и употребленію буквъ части, написанныя двумя первыми почерками по мнѣнію Лавровскаго, дѣйстви-тельно очень близки между собою, но значительно отличаются отъ части 3-ей и остальныхъ, занимающихъ послѣднія страницы. Остановлюсь лишь на главнѣйшихъ палеографическихъ особенностяхъ.

Одно изъ главныхъ отличій представляютъ *є* и *к*, которыя въ первой и второй частяхъ обыкновенно пишутся первое послѣ согласныхъ, второе послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ. Однако нерѣдко встрѣчаются и отступленія, а именно, хотя *к* никогда не пишется послѣ согласныхъ, *є* очень часто встрѣчается послѣ гласныхъ, но при этомъ незамѣтно никакой разницы въ начертаніи этого *є* и *є* послѣ согласныхъ; менѣе удивительны такіе примѣры, какъ *євдокию* 102, *єлены* 84, 118, *єрмина* 94, *єрѣмья* 198, *єспатиа* 90, *єпѣ* 116, — *а* 73, *єфиопиа* 191 (при переносѣ), въ *єпѣни* 231 при *кѣпѣю* 185 и т. п., такъ какъ эти слова греческія, въ которыхъ возможно бы было предположить не іотованное произношеніе, но замѣчательны: при *кѣкѣва* 66, 71, 76, — *ѣ* 76 едва ли не болѣе частое *кѣкѣвъ* 4, 39, — *а* 75, — *оу* 68, 69, 66, 71, 76, — *є* 78, — *ѣ* 66, 2, 14, 74, 75 въ листахъ, написанныхъ 1-мъ почеркомъ (во 2-омъ только *кѣкѣвъ* 126, 159, — *а* 159 (2 р.), 182, 183, 228, — *оу* 157, 159, 173, 217, 218, — *ѣ* 159, 183, — *кскѣни* 233), *єи* 84, *єл* 70, *ємоу* 67, 96, *є* (ас. plur.) 68, 69, *єго* 67 (3 р.), 80, 93, 109, *євоего* 81, 118, — *єю* 90 (при переносѣ), — *єи* 116 (при переносѣ), — *ємѣ* 117, *євоего* 96, *євие* 82, *єоеватѣ* 101, *євѣени* 95, *єндрѣєви* 76, *єндрѣєвицѣ* 75, 76, *єтрѣмѣ* 78,

качшее 66, оустъе 86—въ первомъ почеркѣ и его 176, 196, моего 176, своего 195 (при переносѣ),—емь 177, оружїе 174, и еще младъ 232, емь (при переносѣ) 209, з—4—во второмъ почеркѣ; есть также случаи ϵ вм. κ , замѣняющаго ψ : ехалъ 33, създнша 72¹⁾. Какъ видно, такихъ случаевъ гораздо больше въ 1-мъ почеркѣ, чѣмъ во 2-мъ, при чемъ разницы въ формѣ буквы ϵ послѣ согласныхъ съ одной стороны и послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ съ другой незамѣтно; если и замѣчается иногда у ϵ болѣе длинное, чѣмъ обыкновенно, жальце, то такое съ болѣе вышунутымъ жальцемъ или язычкомъ ϵ можно встрѣтить не только послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ, но и послѣ согласныхъ, напр. въ второмъ ϵ слова *еще* на стр. 232; если же считать существеннымъ отличїемъ знака ϵ іотованнаго отъ знака ϵ неіотованнаго отсутствїе загиба вправо (или очень малый загибъ) внизу, то и такое ϵ (почти безъ загиба вправо внизу) можно встрѣтить и въ значенїи, несомнѣнно, неіотованнаго ϵ (напр. на стр. 232 это замѣчается не только въ 1-мъ ϵ слова *еще*, но и въ 1-мъ ϵ слова *перелсалъ*); ничѣмъ не отличается и то ϵ , которое употреблено въ значенїи іотованнаго ψ . Одинъ только разъ мнѣ показалось начертанїе ϵ отличное отъ всѣхъ другихъ, но очень похожее на начертанїе его въ листахъ 3-го почерка въ значенїи іотованнаго ϵ , при чемъ это особое ϵ (съ приподнятымъ кверху внутреннимъ жальцемъ) здѣсь во 2-мъ почеркѣ употреблено въ значенїи неіотованнаго ψ : въ *притво-ре* 232, з—4.

Очевидно, разница между двумя начертанїями ϵ простого при употребленїи κ для писцовъ 1-го 2-го почерка была еще въ зачаткѣ, и ею еще не начали пользоваться для различенїя іотованнаго ϵ отъ неіотованнаго, такъ какъ для перваго еще не вышло изъ употребленїя κ . Древнѣйшая русская письменность еще въ XI вѣкѣ представляетъ примѣры употребленїя простого ϵ въ значенїи іотованнаго (см. напр. записи Остром. Еванг., Славяно-русск. палеографїя Срезневскаго, стр. 106—107). Частїю можно

1) Чтò касается *еще*, то, если бы не было другихъ случаевъ употребленїя ϵ несомнѣнно въ значенїи κ , мы вправѣ были бы читать здѣсь *э*, такъ какъ слова, имѣющія въ словянскихъ нарѣчїяхъ въ однихъ говорахъ начальное *e*, въ другихъ нач. *o* передъ слогомъ съ гласными *e* и *i*, предполагають отпаденїе *j* еще въ говорахъ общеслов. яз. (см. Шахматова «Исслѣдованїя въ области рус. фон.», стр. 6); въ нынѣшнихъ говорахъ русскихъ и южно-славянскихъ извѣстны варианты съ *j* и безъ *j*, будетъ ли гласн. *e* или *o*: *еще* при *оше* Олон. и друг. (Колосовъ, Обзор. зв. и форм. особ. н. рус. яз., 68, 71) и болгар. *оште* срвн. съ *ещѣ* (т. е. $je\dot{s}^{1}t\dot{s}^{1}o$) многихъ русскихъ говоровъ и сербск. *joште*. Тамъ, гдѣ *e* стояло въ слогѣ послѣ ударенїя, тоже могло слышаться почти чистое *e* (напр. въ словѣ *кмыѣ*), ибо въ такомъ положен. вм. *j* являлось *i*, болѣе способное къ исчезновенїю (срв. Шахматова *id.* 6).

думать, что это обстоятельство находится въ связи съ вліяніемъ на древнѣйшую русскую письменность письменности церковно-славянской южныхъ редакцій, гдѣ можно указать памятники кирилловскіе, можетъ быть, подъ вліяніемъ глаголическихъ оригиналовъ ихъ, вовсе или почти не знавшіе буквы *ѣ*, какъ напр. Саввина книга, частію можетъ быть, что очень мягкое произношеніе согласныхъ передъ *ѣ* въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ (преимущественно восточно-русскихъ, употребляя этотъ терминъ въ смыслѣ, придаваемомъ ему Шахматовымъ) производило на русскихъ писцовъ впечатлѣніе такой близости этого мягкаго неіотованнаго *ѣ* къ *ѣ* іотованному, что особый знакъ для послѣдняго имъ казался излишнимъ¹⁾. Кажется, первой причинѣ можно приписать отсутствіе *ѣ* въ записи Остромирова Евангелія. Но и въ южно-славянской письменности древнѣйшихъ редакцій церковно-славянскаго языка, которыя вслѣдствіе слабости и сомнительности проявленія какихъ либо мѣстныхъ чертъ другихъ славянскихъ нарѣчій по праву можно назвать «старославянскими» (я предпочитаю этотъ терминъ Миклошичеву «паннонскіе тексты»), можно указать такіе кирилловскіе памятники, которые правильно употребляютъ *ѣ* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ въ значеніи іотованнаго *ѣ*; таковъ сборникъ Супрасльскій; случаи, какъ *ѣ*зеро 56,—а 57 (издан. Миклошича 1851 г.) и нѣкот. друг., встрѣчающіеся и въ Остромировомъ Евангеліи²⁾, сюда не относятся, такъ какъ здѣсь мы, весьма вѣроятно, и должны ожидать неіотованнаго *ѣ*. Какое то особаго рода *ѣ* (не всегда тождественное по формѣ со встрѣтившимся у насъ одинъ разъ во 2-мъ почеркѣ въ значеніи *ѣ*, но во всякомъ случаѣ отличное отъ простаго *ѣ*) находимъ также и въ другихъ памятникахъ XII—XIII в. какъ русскаго такъ и не русскаго (южно-славянскаго) письма; только во всѣхъ этихъ памятникахъ еще не выработалось употребленіе этого *ѣ* въ значеніи іотованнаго *ѣ* вмѣсто *ѣ*, а употребляется оно и послѣ гласныхъ и послѣ согласныхъ. Такъ это отмѣчено И. И. Срезневскимъ въ Болонской псалтыри югозападно-болгарскаго письма конца XII вѣка («Обозрѣніе древнихъ старо-

¹⁾ Въ связи съ этимъ замѣчательно употребленіе *ѣ* иногда и послѣ согласныхъ (см. Соболевскаго Лекціи по исторіи русск. яз., 1888. Кіевъ, стр. 39—40; срв. также литографир. курсъ Лекцій проф. Ягича въ Спб. универ. по истор. русскаго языка, издан. 1883—4 года, стр. 87—88). Замѣчу, что, не имѣя подѣ руками 2-го изд. «Лекцій» проф. Соболевскаго, я вездѣ ссылаюсь на 1-е.

²⁾ Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. Изъ лекцій А. И. Соболевскаго. Москва, 1891, стр. 26. См. также въ изслѣдов. М. Козловскаго «О языкѣ Остромирова Евангелія», ст. 18.

славянскихъ памятниковъ югозападнаго юсоваго письма» стр. 130 въ сочин. «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма» Спб. 1868), въ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в., въ Трїоди Григоровича XII — XIII в. (тамъ же, стр. 118), Трефологіи Зографскаго монастыря XIII в. (стр. 121) (срв. «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, LXVIII)¹⁾. Изъ памятниковъ русскаго письма такое *ѣ*, по формѣ именно сходное съ нашимъ, какъ видно изъ снимковъ, приложенныхъ къ сочин. И. И. Срезневскаго «Древніе памятники русскаго письма и языка» (Спб. 1866), находимъ въ Путятиной Минееѣ до 1100 г. въ ф. зват. п. ед. ч. *ѣ* въ *ѣ* словѣ, въ Юрьевскомъ Евангеліи 1119 — 1128 (у Срезневск. табл. 2); болѣе часто употреблено оно и уже именно въ значеніи *ѣ* въ памятникѣ XIII в. Волынской книгѣ поученій Ефрема Сирина (Срезневскій, «Свѣдѣнія и замѣтки»... XI, стр. 46), въ Рязанской кормчей 1284 г. Имп. Публ. б-ки (Срезневскій, «Славяно-русская палеографія», стр. 210), въ грам. Смоленскаго князя Александра Глѣбовича около 1297—1298 г. Рижскаго архива (*ibid.* 217)²⁾; наоборотъ одно только простое *ѣ* при *ѣ* въ Новгородской Кормчей до 1281 г. Московской Синодальной библіотеки и въ Двинскомъ Паремейникѣ 1271 г. Императорской Публичной библіотеки (Сл.-рус. пал., 201—203). Мнѣнія, что «только памятники XIV в. отличаются *ѣ* (=ѣ) отъ другого *ѣ*», и что «памятники XIII в. пишутъ ихъ одинаково», держится и Шахматовъ въ «Исслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» (Спб., 1886 г.), стр. 136, но на основаніи имѣвшагося у него тогда подъ руками матеріала онъ не могъ подобно Срезневскому сказать: «въ концѣ XIV в.», такъ какъ грамота, на которую онъ при этомъ ссылается (№ 12), относится къ 1314 г.

¹⁾ Сравн. также Ant. Kalina, *Studyja nad historyjǎ języka bułgarskiego*, § 119, стр. 480—481 XIV-го тома «Rozpraw... wydziału filolog. Akad. Um. w Krakowie». 1891.

²⁾ Такимъ образомъ факты, сообщенные самимъ И. И. Срезневскимъ, говорятъ противъ его же замѣчанія въ «Славяно-русской палеографіи XI — XIV в.» (отдѣльн. издан. 1885 г., стр. 2, Ж. М. Н. Пр. 1881 г., январь, стр. 3), что «букву *ѣ* стали употреблять только въ концѣ XIV в.»; его, мнѣ кажется, слѣдуетъ измѣнить такимъ образомъ, что къ XIV-му вѣку значеніе буквы *ѣ* уже вполне опредѣлилось. Или м. б. Срезневскій разумѣлъ подъ этой буквой лишь ту, которая представляетъ третій типъ особаго *ѣ*? Но и употребленіе этого послѣдняго слѣдуетъ отодвинуть уже въ первую половину XIV-го вѣка. Я долженъ выразить здѣсь благодарность М. Г. Халанскому за доставленіе возможности пользоваться «Славяно-русской палеографіей» Срезневскаго, ставшей теперь библіографической рѣдкостью, а также и П. К. Симони, добывшему для меня и приславшему экземпляръ этой книги, когда я приступилъ къ печатанію своего труда.

Указывая въ памятникахъ особое *є*, слѣдуетъ различать нѣсколько его типовъ. Одинъ типъ, похожій на *є* прописное въ записи Остромирова Евангелія, имѣетъ форму прямую и три приблизительно равныхъ язычка, въ бѣльшей длиннотѣ которыхъ и состоитъ его главное отличие отъ обыкновеннаго *є*; такой типъ напр. отмѣченъ Срезневскимъ въ книгѣ поученій Ефрема Сирина XIII в. (Славяно-рус. палеогр., стр. 211). Другой типъ — *є* почти двухконечное, съ двумя длинными язычками, смотрящими вверхъ; его мы встрѣтили одинъ разъ уже во 2-мъ почеркѣ нашего ламятника, также въ Путятиной Минееѣ (см. выше) и въ Юрьевскомъ Евангеліи (такъ написано не, судя по таблицѣ 2 у Срезневскаго; что *є* могло имѣть уже значеніе *к* послѣ согласныхъ и употребляться для означенія мягкаго произношенія въ Путятиной Минееѣ, видно изъ ф. зват. п. един. ч. *лпѣк*, см. выше). Сходный типъ и въ грам. Смоленскаго князя Александра около 1297—1298, судя по образцу у Срезневскаго (Слав.-рус. пал., 217); только здѣсь оно стоитъ прямѣе, чѣмъ у насъ, и имѣетъ надъ собою двѣ точки; но существенно именно почти отсутствіе нижняго загиба; употребленіе же его вм. *к* непостоянно, по замѣчанію Срезневскаго. Такой же именно типъ *є* уже послѣдовательно употребленъ писцомъ 3-го почерка Синодальнаго списка Новгородской лѣтописи въ значеніи *к* (въ началѣ словъ или слоговъ); такъ написаны здѣсь слова *єго* 238, *єдка* 238, *єгда* 242, *єоева* 238, *єуденьє* 240 и мног. друг., перечисленіе которыхъ было бы излишне и бесполезно; иногда нижній кончикъ уже совершенно отсутствуетъ, такъ что это *є* имѣетъ видъ двухъ сходящихся внизу, обращенныхъ кверху нѣсколько направо, рожковъ: *єгда* 244, *єоеводю* 243; отступленія, какъ *дрѣгоє* 237 (почти съ обыкновеннымъ *є*), *рѣдки*; наоборотъ замѣчательно *послове* 286. 10 (*accus. plus.*) и *хожанє* 285. 7—8, гдѣ это особое *є* употреблено послѣ согласныхъ, и еслибы не было второго изъ этихъ случаевъ, въ первомъ это *є* соблазнительно бы было объяснить, какъ звукъ, близкій къ звуку *ѣ*, такъ какъ именно въ подобныхъ формахъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ болѣе позднихъ памятникахъ *ѣ*, напр. въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописей ¹⁾.

Что касается *к*, то оно въ 3-мъ поч. у насъ встрѣчается всего 4 раза послѣ гласныхъ или въ началѣ словъ: *софѣкю* 253, *кго* 282, 307, *кмоу* 284; если вѣрно, что въ *ни-нкѣрнннчѣ* 270. 17—18 (переносъ) слѣдуетъ чи-

¹⁾ Срв. И. В. Ягича «Критическія замѣтки по исторіи русскаго яз.», стр. 51. Срв. употребленіе *к* вм. *ѣ* въ Апост. 1220 г. М. Сип. б. (нынѣ) или Парем. 1271 г. (чтѣте) (Слав.-рус. пал., стр. 177, 201).

татъ к, а не и, какъ издатели, то 1 разъ встрѣчается к послѣ согласныхъ. Третій типъ є, средній между двумя первыми, отличается тѣмъ, что подобно первому имѣетъ три почти равныхъ длинныхъ язычка, но подобно второму въ немъ эти язычки смотрятъ вверхъ. Этотъ типъ, хотя имѣется уже въ зачаткѣ даже въ кормчей 1284 г. (Слав.-рус. палеогр., стр. 210) (здѣсь впрочемъ центральное жальце длиннѣе верхняго и нижняго язычковъ), а также въ Евангел. 1317 г. (и послѣ согласныхъ) (см. снимки въ приложеніи къ «Древнимъ памятн. русск. п. и яз.» Срезневскаго), свойственъ преимущественно памятникамъ второй половины XIV-го и XV в. Онъ отмѣченъ Срезневскимъ (Сл. р. пал., 252, 255) въ Пяткнижии Моисеевъ ок. 1350 г. ркп. Троицко-Серг. л., въ Стихирарѣ 1380 г. Тр. Серг. л., въ Тактикошѣ Никона 1397 (прилож. къ «Древнимъ памятн. русск. п. и яз.»), характеръ письма котораго напоминаетъ Ипат. или вторую половину Лаврент. сп. лѣтоп., и въ грам. Владислава 1387 г. Его мы встрѣчаемъ и въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ лѣтописей (см. свѣтопечатн. издан. Арх. ком. 1871 и 1872 г.); въ первомъ съ 80-ой страницы (судя по свѣтопечатному изданію) є=к (въ началѣ словъ или слоговъ) довольно строго отличается отъ обыкновеннаго є (послѣ согласныхъ); во второмъ же это особаго рода є преобладаетъ и послѣ согласныхъ, такъ что выработанное къ XIV вѣку въ нѣкоторыхъ памятникахъ правило въ XV-мъ вѣкѣ снова нарушается¹⁾. Этотъ-же типъ мы находимъ и въ двухъ послѣднихъ изъ трехъ или четырехъ слѣдующихъ за 3-имъ почерковъ Синодальн. списка Новгород. лѣтоп.; а кромѣ того, въ части, написанной четырьмя послѣдними почерками, не смотря на малый объемъ (5 страницъ), встрѣчается 18 разъ к, которое на стр. 333 и 334 фототипическаго изданія употреблено исключительно въ значеніи к, а на стр. 335, 336 и 337 рядомъ съ є: кго 333, 334 (2 р.), 337, кси 336 (2 р.), ксиѣа 334 (2 р.), 335, при архієписѣ 335, архієпису 336, докѣа 337, покѣа 336, 337, вальфромѣкѣа 334, помраченіи 333, повелѣніи 335, поспѣшении 335.

Можно, пожалуй, выставить еще и четвертый типъ, который находимъ въ Коммиссіонномъ и Академическомъ спискахъ 1-ой Новгород. лѣт. XV в., судя по снимкамъ, приложеннымъ къ издан. 1888 г. Археогр. ком.; онъ

¹⁾ Не въ связи ли съ этимъ находится и употребленіе особаго є (третьяго типа) въ качествѣ составной части к ? (Славяно-рус. палеогр., стр. 235). Отмѣчено оно, однако, въ памятникѣ гораздо болѣе раннемъ (Кн. Еванг. чтен. 1307 г.). Для отличія іотованнаго є отъ неіотованнаго Ипатск. спис. употребляетъ надъ первымъ постановку точки; въ Лаврент. также точки (двѣ или одна) надъ є обычны.

отличается отъ 1-го лишь тѣмъ, что язычки нѣсколько опущены внизъ, а не вверхъ, какъ у 3-го типа є.

Какое-то особое є встрѣчается и во многихъ другихъ рукописяхъ XIV и XV в. южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ; Соболевскій въ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго яз.», стр. 41, 52, 125, 127, 139 упоминаетъ о немъ въ Луцкомъ Евангеліи XIV в., Параклитикѣ Псковскомъ 1369 г., Лукинѣ Евангеліи 1409 г. и друг.; къ сожалѣнію только, онъ не даетъ точныхъ указаній относительно типа этого є.

Изъ всего этого наблюденія надъ употребленіемъ є въ нашемъ памятникѣ сравнительно съ другими болѣе ранними и болѣе поздними я дѣлаю тотъ выводъ, что первоначально оно явилось, какъ случайная и незначительная вариация простого е, а затѣмъ, когда явилась необходимость въ особой формѣ є для обозначенія сочетанія је, она была удовлетворена выработавшимся постепенно особымъ типомъ. По крайней мѣрѣ такое происхожденіе я склоненъ приписать тому типу особаго є, который господствуетъ въ нашемъ памятникѣ; не имѣя пока точныхъ свѣдѣній о формахъ особаго є въ южнославянскихъ рукописяхъ, я долженъ воздержаться отъ рѣшенія вопроса, развился ли этотъ названный мною вторымъ типъ исключительно на почвѣ русской письменности, или ему есть параллели и въ письменности болгарской и сербской; для типа же, названнаго первымъ, несомнѣнно, были параллели на югѣ ¹⁾, и кромѣ того, онъ, кажется, ведетъ свое начало отъ прописныхъ (заглавныхъ) буквъ, слѣдовательно, повидимому, не развился столь-же постепенно и органически на почвѣ одного письма, какъ по всей вѣроятности развился типъ второй, а взять уже изъ давно выработанныхъ на почвѣ греческаго письма унциаловъ. Гдѣ именно первоначально выработался этотъ интересный второй типъ є, пока вслѣдствіе ограниченности свѣдѣній о немъ рѣшить трудно, но, судя по тому, что мнѣ удалось извлечь о немъ изъ палеографическихъ трудовъ Срезневскаго, кажется, онъ употреблялся преимущественно на сѣверо-западѣ въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. включая сюда не только Новгородъ, но и Смоленскъ, и можетъ быть, здѣсь и возникъ; время же окончательной выработки его можно опредѣлить приблизительно, какъ первую половину XIV-го столѣтія.

¹⁾ За неимѣніемъ подъ руками снимковъ съ болѣе раннихъ памятниковъ южнославянскаго письма, которые употребляютъ особое є, могу пока указать, что этотъ первый типъ употреблялся на югѣ и въ началѣ XV-го вѣка, напр. въ Зографск. списокѣ Службеника Евѣимія, какъ это видно изъ снимковъ, приложенныхъ къ диссертациі П. А. Сырку «Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи въ XIV в.» (стр. XII и LXI).

Что же касается способа написанія *ѣ*, то между тѣмъ какъ въ первыхъ двухъ почеркахъ оно изображается по старому, т. е. поперечная горизонтальная черта проходитъ какъ разъ по серединѣ и служитъ лѣвымъ продолженіемъ, такимъ образомъ, средняго язычка *ѣ*, въ третьемъ и остальныхъ почеркахъ эта поперечная черта уже проходитъ выше средняго языка. Судя по образцамъ у Срезневскаго, вторая форма встрѣчается уже въ концѣ XIII в., а именно въ Псалтыри 1296 г. Синод. б-ки (Сл.-рус. пал., стр. 214); съ другой стороны первая еще встрѣчается въ памятникахъ начала XIV в., напр. въ книгѣ Еванг. чтеній 1317 г. (б-ки Академ. наукъ) (Слав.-рус. пал., стр. 239). Вслѣдствіе этого на основаніи одной этой особенности трудно бы было опредѣлить время написанія памятника.

Обратимся къ нѣкоторымъ другимъ палеографическимъ особенностямъ. Для обозначенія *ja* всѣ три главныхъ и четыре второстепенныхъ почерка употребляютъ одинаково въ началѣ словъ и слововъ слитную букву *ja*, а для означенія *a* послѣ мягкихъ согласныхъ—*а*. Но въ первомъ и второмъ почеркахъ нерѣдко встрѣчается буква *ѣ* и для означенія *ja*: *перѣслави* 33. 13—14, *ѣкоуномъ* 69, *ѣропѣлкомъ* 78, *ѣко* 69, *стрѣѣ* 81, *ѣлла* 91, *мана* 91, *ѣрослова* 119, во 2-мъ п.: *ѣко* 166, *не ѣхаша* 174, *ѣропѣлка* 158, *диѣвола* 177, —ъ, 181, *на ѣрослали двѣрѣ* 220, *при кнѣзи ѣросла* 232, *ѣрославу* 233, *перѣслала* 232, *георгиа* 232 и друг. Изрѣдка можно встрѣтить тоже и въ 3-мъ поч.: *ѣфанасѣѣ* 322, *татарскѣѣ* 329, *прокопѣ* 313, *имѣни* 313 (вообще, если дѣлалась выноска буквы надъ строку для сбереженія мѣста). Это особенность весьма многихъ памятниковъ XII—XIII—XIV в., но въ болѣе позднихъ памятникахъ она рѣже, чѣмъ въ болѣе раннихъ. Изъ «Слав.-рус. палеографіи» Срезневскаго узнаемъ о ней въ записи Юрьевскаго Евангелія (стр. 147), въ Галицкомъ Ев. 1144 г. (Сл. р. пал., 152), въ стихирарѣ до 1163 г. (ib. 153), книгѣ Евангельск. чтеній 1215 г. (ib. 172), Паремейникѣ 1271 г. (ib. 201), Кормчей 1284 г. (210); также еѣ находимъ въ Пантелеймон. Еванг. ок. 1250 г. (см. прилож. къ «Древнимъ памятн. рус. п. и яз.»); Шахматовъ указываетъ *ѣ* вм. *ja* въ грамотахъ № 2 (1265 или 1264 г.), № 15 (меж. 1325—1327 г.) и на печатяхъ № 13 (1372) («Изслѣд. о яз. новгор. грам.», стр. 137, 239, 262). Очевидно, въ началѣ еще не установилось употребленіе двухъ доставшихся отъ церковно-славянскаго письменности знаковъ, имѣвшихъ для русскихъ писцовъ одинаковое звуковое значеніе. Въ 3-мъ поч. наоборотъ замѣчательно употребленіе при переносѣ *ja* послѣ *н* такимъ

образомъ, что является лигатура *ня*, т. е. правая вертикальная черта *н* совпадаетъ съ *і*, входящимъ въ составъ начертанія *ки* *кни-женіе* 308. 1—2, *кни-зь* 318. 6—7.

Для звука *і* обыкновенно употребляется осмеричное *и* въ двухъ первыхъ почеркахъ, и лишь тамъ, гдѣ при переносѣ слова съ одной строки на другую или вообще въ концѣ строки необходимо беречь мѣсто, встрѣчается *і* (большою частію съ двумя точками надъ нимъ): *володимі-ри* 77, *с нимі ів.*, — *люді* 138, *смотрені-и* 177, *сі—хъ ів.*; въ третьемъ же поч. при *и* уже въ большомъ количествѣ случаевъ можно найти на каждой страницѣ *і* (безъ точки) или *і* (съ одной точкой надъ нимъ), особенно для обозначенія союза; напротивъ 4 послѣднихъ почерка вовсе не употребляютъ *і* (съ точками или безъ нихъ). Кромѣ того, самое написаніе *и*, какъ и буквы *н*, различается въ почеркахъ такъ, что въ первомъ и второмъ поперечная черта идетъ почти по срединѣ, въ третьемъ нѣсколько выше, въ послѣднихъ же почти въ самомъ верху, подобно нѣкоторымъ другимъ памятникамъ второй половины XIV в. (см. «Слав.-рус. палеографію» Срезневскаго) и въ томъ числѣ напр. Лаврентьевскому списку лѣтописи (см. свѣтопечатное изданіе).

Ѣ и *т* еще ни въ одномъ почеркѣ не встрѣчаются съ опущенными кончиками, а вездѣ у нихъ верхняя горизонтальная черта лишь съ небольшими крючечками.

Звукъ *ц* изображается тремя способами: *оу*, *у* и *ѡ*; первый способъ (древнѣйшій) преобладаетъ еще во всѣхъ трехъ почеркахъ; второе начертаніе большою частію употреблено въ концѣ строки, при чемъ иногда въ этомъ случаѣ (особенно въ 3-мъ почеркѣ) встрѣчается лигатура согласной со слѣдующимъ за ней *у* (см. напр. лигатуры *ну*, *ку*, *му* въ словахъ *жену* 239, *смоленську* 272, *ему* 282 и т. п.). Въ послѣднихъ четырехъ почеркахъ уже довольно часто простое *у*, которое уже господствуетъ въ Лаврентьевскомъ и Ипатскомъ спискахъ, гдѣ *оу* двойное (съ двумя точками надъ *у*) встрѣчается иногда въ началѣ словъ¹⁾. Простое *у* имѣетъ у насъ иногда значеніе греческаго *υ*: *спуридонъ* при *спиридон* на стр. 219. Форма

¹⁾ Это же Срезневскій (Слав.-рус. палеогр., стр. 235) замѣчаетъ о книгѣ Евангельскихъ чтеній 1307 г. Въ русской письменности шло постепенное освобожденіе отъ ненужнаго, сложнаго, заимствованнаго буквально съ греческаго, способа изображенія звука *ц*, такъ что въ двухъ новгородскихъ грамотахъ уже конца XIII в. (у Шахматова №№ 4 и 5 между 1294 и 1301 г.) исключительно употреблено *у* простое, хотя съ другой стороны въ пяти большихъ грамотахъ начала XIV в. исключительно *оу* (№ 9, 10, 11, 6 и 7—1304—1308 г.) (см. «Изслѣдованіе о яз. новгор. грам.» § 8, стр. 140).

у, какъ составной части оу, отличается въ 3-мъ поч. закругленіемъ нижняго конца въ противоположность прямизнѣ его въ 1-мъ и 2-мъ. Третій типъ — лигатура, явившаяся еще въ южнославянской письменности ¹⁾ и оттуда пересаженная въ русскую, не смотря на свое удобство, однако, плохо прививался, хотя не совсѣмъ вѣрно сказано Шахматовымъ («Изсл. о яз. новг. гр.», стр. 140, § 8), будто «ѣ изъ древнерусской письменности исчезло и явилось опять лишь въ XV-мъ вѣкѣ»: ѣ, хотя и рѣдко, но встрѣчается въ памятникахъ XIII—XIV в. (см. у Срезневскаго въ «Славяно-русской палеографіи» образцы изъ грам. 1229 г. на стр. 179 и изъ книги Евангельскихъ чтен. 1270 г. на стр. 200). У насъ ѣ встрѣчается на стр. 1 (3 раза: к ѣѣѣѣ, мѣѣѣ, мѣѣѣ), 2 (ѣѣ—сти) при переносѣ, 191, 225, 227, 219. ѣ (2 раза), 237, 271, 272. ѣ и мног. друг.; пишется оно въ 1-омъ и 2-мъ поч. въ строку, въ 3-мъ же такъ, что усики поднимаются выше строки.

Ѣ употребляется у насъ часто въ предлогѣ Ѣ; во 2-мъ поч. встрѣчается, кромѣ того, такъ называемое «очное» Ѣ, т. е. Ѣ круглое съ точкою внутри (Ѣгасовица, Ѣсипа 124), извѣстное и въ другихъ русскихъ и южнославянскихъ памятникахъ ранняго времени (см. Срезневскаго «Древніе памятники рус. письма и языка» и «Древніе памятники юсоваго письма»).

Ѧ еще не замѣняется посредствомъ Ѧ во всѣхъ почеркахъ; тоже въ новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV в. (см. изданіе Шахматова) и въ Лаврентьевскомъ сп. лѣтоп., но въ Ипат. сп. уже Ѧ. Это Ѧ, укоренившееся затѣмъ окончательно, пришло къ намъ вновь отъ южныхъ Славянъ въ концѣ XIV в. ²⁾ въ связи съ общимъ возрожденіемъ вліянія южнаго на нашу письменность; однако оно замѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго письма, напр. преобладаетъ еще въ 1-й части (до 86-го л., по замѣчанію Ягича) Изборника 1073 г., уступивъ затѣмъ мѣсто Ѧ, болѣе согласному съ русскимъ произношеніемъ, а также и въ сборникѣ 1076 г. (Слав.-рус. пал. Срезневскаго, стр. 118). Въ этой особенноти правописанія Изборника 1073 г. и сборн. 1076 г., несомнѣнно, нужно видѣть вѣрную передачу правописанія южнославянскаго подлинника русскимъ писцомъ, такъ какъ для русскаго писца не было никакого основанія измѣнять Ѧ на

¹⁾ Напр. уже въ Саввиной книгѣ (Срезневск., «Обозрѣніе древнихъ старосл. пам. юсов. п.», 15).

²⁾ По замѣчанію И. В. Ягича, уже въ Константинопольскомъ Евангеліи 1383 г.

ы; на югѣ же раннее появленіе ы¹⁾ обуславливается потерей разницы въ большей части говоровъ между звуками ѣ и ы, а также и между звуками ѣ и и, хотя появленіе именно ы вмѣсто ѣ, которое въ извѣстномъ рядѣ памятникѣ, легшихъ въ основаніе такъ называемой «сербской» редакціи церковно-славянскаго языка, совершенно было выгѣснено первымъ, остается загадкой, еще не вполне выясненной. Во всякомъ случаѣ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что причиной употребленія ы предпочтительно передъ ѣ не была склонность къ мягкимъ слогамъ въ какомъ либо изъ говоровъ болгарскихъ или сербскихъ. Я скорѣе вижу причину этого явленія въ томъ, что въ нѣкоторыхъ болгарскихъ и нѣкоторыхъ сербскихъ говорахъ уже въ древнѣйшее время оба глухихъ звука совпали въ одномъ, звуковой характеръ котораго былъ широкое неясное е, не смягчающее предшествующаго согласнаго; такое произношеніе глухого и теперь извѣстно напр. въ болгарскомъ Тетевенскомъ²⁾ и отдаленномъ отъ него сербскомъ говорѣ въ югозападной Черногоріи³⁾, и я бы не рѣшился приписывать его албанскому вліянію⁴⁾ уже въ виду того, что древнесербская письменность даетъ намъ довольно ясныя указанія⁵⁾ на существованіе такого произношенія уже по крайней мѣрѣ въ XIII вѣкѣ, но весьма вѣроятно, оно было и гораздо раньше; позднее проявленіе а вм. ѣ и ы въ восточно-сербской письменности⁶⁾ нельзя объяснять однимъ упорствомъ книжной традиціи (отчего же другія черты народнаго языка проявились раньше?), а гораздо естественнѣе долгое непоявленіе его находить объясненіе въ глухомъ произношеніи, существовавшемъ въ большей части говоровъ, при чемъ въ глухомъ звукѣ

¹⁾ Напр. уже въ Супрасл. рукоп. ѡѡѡ, ты, жны (издан Миклошича, стр. 99); это мѣсто (одна страница въ статьѣ 9-ой) рукописи вообще отличается обиліемъ а вм. ѣ; вниманіе мое на такое мѣсто въ Супр. сборн. обратилъ проф. Ф. О. Фортунатовъ (срв. и замѣчаніе самого Миклошича при издан. текста, стр. XI—XII).

²⁾ Д-ръ В. Облакъ, «Приносъ къмъ българската граматика», стр. 567.

³⁾ V. Oblak, «Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslav. Sprachen», стр. 170—171 («Archiv f. sl. Phil.» XVI B.).

⁴⁾ Срв. Miklos. Vergl. gram. I², 20; Oblak, Archiv f. slav. Phil., XVI, 171—172, «Приносъ къмъ бълг. грам.» (въ Сборн. болгар. мин. нар. пр. 1895 г. т. 11), стр. 567.

⁵⁾ Miklosich, Monumenta serbica, 1858, №№ XXXV, XXXVIII, XXXIX (1240, 1247, 1249 г.); Oblak, Die Halbvocale. . . , ст. 180, 178 («Es ist dies wohl kein Zufall, denn der serb. Halbvocal kam seinem acustischen Werth nach am nächsten einem kurzen dumpfen e», говорить Облакъ, съ которымъ нельзя здѣсь не согласиться). Срв. и статью Ягича «Woher das secundäre a» изъ IV т. «Archiv» а.

⁶⁾ Самое раннее въ грам. 1368 г. (Mon serb. № 161), если не считать №№ 85 и 89 (1332 и 1333 г.), подлинность которыхъ весьма подозрительна (срв. стр. V введенія, а также другія соврем. грамоты).

всего яснѣе слышался гласный элементъ *e*, который и выражался черезъ **ь**, такъ какъ съ **ь** уже давно привыкли соединять значеніе звука близкаго къ *e* по книжной традиціи, основанной на произношеніи тѣхъ говоровъ (частію болгарско-македонскихъ, частію, можетъ быть, старословянскихъ, если не отождествлять пока послѣднихъ съ первыми), которые проявляются въ древнѣйшихъ памятникахъ старословянскаго языка, имѣющихъ нерѣдко **ѣ** вм. **ь** и **о** вм. **ъ**; традиція эта передалась сербскимъ писцамъ вмѣстѣ съ южными оригиналами, съ которыхъ они списывали, и мѣшала имъ писать **ъ**, которое по традиціи почти равнялось **о**, тамъ, гдѣ имъ слышалось глухое *e*. Конечно, это было не во всѣхъ говорахъ, а потому и нашлись сербскіе памятники, какъ Гршковичевъ глаголическій отрывокъ Дѣяній Апостольскихъ, недавно изданный Ягичемъ, употребляющій наоборотъ исключительно **ъ** (не говорю о болѣе западныхъ, хорватскихъ, Вѣнскихъ листкахъ глаголич. Миссала: на западѣ раньше появилось и новое сербо-хорватское **а**) и имѣющій, вѣроятно, оригиналомъ такой старословянскій памятникъ, какъ Маріинское Четвероевангеліе ¹⁾, въ которомъ при преобладаніи **ъ** есть и нѣсколько сербизмовъ; на основаніи господства **ъ** въ Слѣпченскомъ, Охридскомъ, глаголич. Гршковичевомъ Апостолѣ и нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ (Вѣнскихъ, второмъ Пражскомъ, добавленіи къ Кіевск. лист.) Ягичъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что въ македонскихъ, сербскихъ и хорватскихъ памятникахъ до установленія господства знака **ь** долгое время уже преобладало **ъ** ²⁾; это обуславливалось совпаденіемъ обонхъ глухихъ въ одномъ звукѣ, скорѣе близкомъ къ *o* или *a*, чѣмъ къ *e*, въ большей части македонскихъ и части сербо-хорватскихъ говоровъ. Остается загадкой, почему **ь**, получившее, вѣроятно, господство сначала въ мѣстностяхъ юго-восточныхъ, распространилось такъ далеко на западъ и сѣверъ, что совсѣмъ вытѣснило **ъ** и тамъ, такъ что напр. и въ Никольскомъ Еванг. начала XV в., глаголическій оригиналъ котораго, повидимому, имѣлъ много общаго (кромѣ икавизма) съ такимъ памятникомъ, какъ Гршковичевъ, уже употребляется одно **ь**, которое, однако, читалось уже, какъ *a* или близко къ *a*, что видно изъ замѣнъ **ь** на *a* и *a* на **ь**; такимъ образомъ **ь**, читавшееся первоначально въ извѣстномъ рядѣ памятниковъ, можетъ быть, какъ глухое *e*, затѣмъ въ

¹⁾ Срв. замѣчанія Облака въ реценз. «Glagolitica» Ягича (Archiv f. sl. Phil., XVI, 467—469). Изъ нихъ я сомнѣваюсь лишь въ томъ, что господство **ь** основано на звуковыхъ особенностяхъ какого-то именно болгарскаго говора. Вѣдь въ другой статьѣ Облакъ самъ приписываетъ сербскимъ глухимъ звуковой характеръ *e*.

²⁾ Glagolitica II. Grškovićev odlomak glag. apostola, U Zagrebu, 1893, стр. 65.

большинствѣ другихъ памятниковъ получило значеніе *a*, если только не стояло по традиціи тамъ, гдѣ глухой исчезалъ совсѣмъ. Выгѣспивъ *ъ*, буква *ь* вытѣснила его и въ сочетаніи *ы*, вмѣсто котораго исключительно стало употребляться *ы*, тѣмъ болѣе, что звуку *i* болѣе соотвѣтствовало такое начертаніе, чѣмъ начертаніе *ы*. Это правописаніе проникаетъ и въ болгарскія рукописи, а затѣмъ и въ русскія. Я прошу извинить меня въ томъ, что я сдѣлалъ такое большое отступленіе отъ главнаго предмета рѣчи, но мнѣ хотѣлось кстати подѣлиться со специалистами своими соображеніями по поводу этого интереснаго явленія, которое такъ трудно поддается объясненію. Что же касается вопроса о возобновленіи «южно-славянскаго вліянія на русскую письменность въ XIV—XV вѣкахъ», то ему посвящена рѣчь проф. А. И. Соболевскаго (Спб., 1894), въ приложеніи къ которой сообщено немало свѣдѣній о памятникахъ этой эпохи.

Самый способъ начертанія *ы* различенъ въ первомъ и второмъ почеркахъ съ одной стороны и въ третьемъ съ другой, а именно въ первыхъ двухъ оно имѣетъ остатокъ поперечной черточки при *i*, служившей соединеніемъ *ъ* и *i*, въ третьемъ же и остальныхъ соединительной черты пѣтъ и намека; кромѣ того, самая форма *ъ* въ двухъ первыхъ отличается отъ формы *ъ* въ третьемъ: вертикальная черта въ послѣднемъ стоитъ прямѣе, а нижній кружокъ крупнѣе, такъ что вышина его занимаетъ больше половины длины вертикальной черты; въ первомъ же и второмъ почеркахъ нижняя часть *ъ* имѣетъ видъ треугольника, вершина котораго приходится приблизительно на серединѣ вертикальной черты (изрѣдка, впрочемъ, выше), которая стоитъ косо съ уклономъ на право ¹⁾. Что сказано о формѣ *ь*, то имѣетъ силу для *ь* и *в*: въ третьемъ почеркѣ нижняя часть ихъ имѣетъ большій относительный размѣръ и большую закругленность.

Въ третьемъ почеркѣ ни разу не встрѣчается *д* какъ буква, но въ 1-мъ и 2-мъ *д* встрѣчается не на мѣстѣ *вм*. ф: шкидору 93, митроданъ 126, федилакта 204; форма *д* имѣетъ видъ продолговатаго кружка, перечеркнутаго въ серединѣ горизонтальной чертой съ загнутыми внизъ слѣва и справа крючками.

Изрѣдка въ собственныхъ именахъ греческихъ (ольѣѣору 173, олъѣандръ 271) встрѣчается *ѣ* во второмъ и третьемъ почеркахъ.

Остальныя буквы не представляютъ ничего особеннаго, хотя форма

¹⁾ Во всѣхъ почеркахъ для сбереженія мѣста встрѣчается поднятіе крючка *ъ* надъ строку, а на 289. 15 *ъ* передѣлано изъ *о* въ словѣ добрыкъ.

ихъ въ 3-мъ поч. рѣзко отличается отъ формы въ первыхъ двухъ. Какъ особенность 3-го поч., можно назвать еще лигатуры (напр. нѹ, кѹ, мѹ 239, 272, 282, мнѹ въ словѣ іванѹ 331.10, тр въ словѣ дмитрина 313.16 — 17 и др.); кромѣ древняго ъ, лигатура вообще явленіе позднее.

Изъ надстрочныхъ знаковъ употребительны только титлы да точки. Титлы безразлично во всѣхъ трехъ почеркахъ бываютъ или въ видѣ прямой горизонтальной линіи, или прямой съ двумя загнутыми внизъ кончиками на правой и на лѣвой сторонахъ, или прямой съ рожкомъ внизъ на правой и вверхъ на лѣвой сторонѣ, наконецъ — кривой или ломаной, подъ которою болѣею частію выносятся одна изъ буквъ. Но въ различныхъ почеркахъ преимущественно употребляются разные способы: длинная прямая черта всего обычнѣе въ первомъ, гдѣ также нерѣдки и титлы съ ясно загнутыми концами внизъ, а также и вверхъ и внизъ; въ третьемъ обыкновенно титла имѣетъ видъ коротенькой черты съ слабо загнутыми кончиками; кромѣ указанныхъ способовъ, въ болѣе части (кромѣ 124 — 146 стран.) второго почерка особенно часто встрѣчается крестикъ, горизонтальная черта котораго болѣею частію гораздо длиннѣе вертикальной, напр. надъ словами: оцмь 151, оци 151, мти 227, кизь 146, 156, 160, 232, 236, стослава 151, стъи 233, вжиа 236 и мн. др., но въ началѣ, какъ и въ первомъ поч., болѣею частью обыкнов. титла съ загнутыми внизъ кончиками, напр. стѣи 126, стѣын 140, сѣъ 143 и др. (крестикъ рѣже). Слѣдуетъ отмѣтить еще то, что въ третьемъ поч. выноска буквъ надъ строку часто бываетъ безъ всякой черты надъ ними, напр. влѣца 252, влѣна 303, влѣни 303, 309, 326, влѣоу 322, 330, прѣ 323, при (т. е. приде) 323, рѣ 258; нѣ 327, горѣ 312, 321, 329 и мн. др., что необычно въ первыхъ двухъ; Шахматовъ («Изсл. о яз. новг. гр.», стр. 133) говоритъ, что этотъ способъ выноски безъ дуги допускается лишь въ позднѣйшихъ грамотахъ (№№ 8, 13 и 17, 1371, 1372 и 1373); но замѣчательно, что у насъ на самыхъ позднѣйшихъ листахъ опять встрѣчается выноска подъ дугою: влѣка 337, влѣцѣ 336. О точкахъ надъ і мы говорили¹⁾; остается сказать объ особомъ употребленіи надстрочнаго двоеточія на послѣднихъ страницахъ. Кажется, можно считать знаменательнымъ употребленіе здѣсь ѣ (съ двумя точками надъ нимъ) для означенія й, а именно встрѣчается род. множ. дѣтній 336

¹⁾ Необходимо прибавить, что одна точка изрѣдка встрѣчается въ 3-мъ поч. и надъ другими гласными, напр. при сличеніи съ рукописью оказались точки надъ и на 310.18 и надъ первымъ ѹ въ оузъероу 310.19 (сличи поправки).

(можно сравнить кадѣ-к 140.10—11 во 2-мъ поч.), имен. ед. муж. род. не-дѣланъй 337, мѣстн. един. жен. род. къ ст̄ой трѣци 336 (но род. ед. оу ст̄он—съ и безъ точекъ); но это-же двоеточіе встрѣчается здѣсь и надъ другими гласными (на стр. 333, 334, 336 и 337) безъ особой знаменательности для произношенія, напр. иі ѿиць 334, ѡпять 336, а также и надъ особымъ е: приѣхл 336. Знаковъ въ видѣ греческаго придыханія, отмѣчаемыхъ Шахматовымъ въ нѣкоторыхъ изъ новгородскихъ грамотъ XIV-го вѣка, у насъ нѣтъ. Что же касается точекъ, то или одна или двѣ точки надъ гласными, неимѣющими передъ собою согласныхъ, весьма обычны и въ грамотахъ. Большая часть ихъ употребляетъ одну точку, но нѣкоторыя изъ нихъ при этомъ знаютъ употребленіе и двухъ, а четыре грамоты (№№ 4, 5, 13, 16, 1294—1301 г., 1372 г., 1368—1371 г.), подобно нашимъ страницамъ, написаннымъ 4-мъ и 7-мъ почерками, исключительно употребляютъ двоеточіе. Но Шахматовъ не придаетъ надстрочнымъ знакамъ вообще никакой звуковой знаменательности, считая, однако, ихъ графическимъ пріемомъ, дающимъ указаніе на различныя школы письма («Изслѣдов. о яз. новгород. грам.», § 3, стр. 134—135).

Остается сказать еще о знакахъ препинанія. Тутъ опять наблюдается разница въ способахъ между почерками. Первые два употребляютъ обыкновенно точку болѣею частію въ серединѣ высоты строки и рѣдко наверху строки; когда же заканчивается періодъ, то ставится три точки въ видѣ треугольника, обращеннаго однимъ изъ угловъ къ серединѣ законченной строки, а за нимъ на право слѣдуетъ горизонтальная черта. Въ третьемъ поч. точка среди различныхъ частей предложенія и вообще среди одного періода ставится внизу строки, у подножія буквъ, рѣдко, вѣроятно, по небрежности, поднимаясь нѣсколько выше; при окончаніи періода употребляется здѣсь четырех-точіе въ видѣ крестика безъ всякой черты; изрѣдка такое четырех-точіе можно встрѣтить и во второмъ поч.; напр. на стр. 205; это же четырехточіе встрѣчается и на стран. 333 и 334, по точки среди частей одного періода или предложенія на листахъ, написанныхъ 4-мъ и 7-мъ поч., употреблены по способу 1-го и 2-го поч. Въ древнѣйшихъ памятникахъ обыкновенно точка стоитъ въ серединѣ высоты строки; такъ въ Супрасльской рукописи (см. снимокъ при изданіи Миклошича), въ Остромировомъ Евангеліи, Сборникахъ 1073 и 1076 и друг. (см. снимки у Срезневскаго въ приложеніи къ «Древнимъ пам. рус. пис. и яз.»). Что же касается четырехточія, то оно встрѣчается довольно рано; по снимкамъ и

образцамъ у Срезневскаго въ «Древнихъ памяти.» и «Славяно-русск. палеографіи» (стр. 106—107) его находимъ уже въ записяхъ Остромирова Евангелія, а по снимку у Миклошича и въ Супрасльской рукописи. Къ сожалѣнію, А. А. Шахматовъ забылъ оговорить мѣсто постановки точки въ повгородскихъ грамотахъ, что для сравненія намъ было бы важно; въ изданіи же у него точка вездѣ стоитъ внизу строки, что, вѣроятно, сдѣлано для удобства въ типографскомъ отношеніи; впрочемъ, къ изданію каждой грамоты у него приложено подробное описаніе всѣхъ палеографическихъ особенностей ея, причемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ указаны трое-точіе или четверточіе.

Въ заключеніе скажу, что конецъ 334 стр. (л. 167 б.) написанъ очень неясно (буквы стерлись), и трудно сказать, представляетъ ли онъ еще 5-ый почеркъ, или написанъ тѣмъ же 4-мъ, которымъ написаны стр. 333 и нач. 334-ой, а стр. 335 (л. 168 а) представляетъ запись 1345 г., написанную крупнымъ уставнымъ почеркомъ, несомнѣнно, отличнымъ отъ остальныхъ. Критеріемъ для выдѣленія въ особый почеркъ стр. 336 и 337 для меня служитъ употребленіе буквы е третьяго типа, не встрѣчающагося на стр. 333 и 334, хотя вообще страницы 333, 334, 336 и 337 написаны почерками очень близкими между собою.

Изъ разсмотрѣнія пока однѣхъ палеографическихъ особенностей я дѣлаю слѣдующіе выводы: 1) хотя нѣтъ несомнѣнныхъ данныхъ для различенія 1-го и 2-го почерковъ (рѣзкая разница на стр. 124 можетъ происходить отъ разницы въ чернилахъ), они могутъ быть различаемы въ нѣкоторыхъ приемахъ (форма буквы е, титла въ видѣ крестика въ 2-мъ почеркѣ); 2) что они написаны, если не однимъ писцомъ, какъ думаетъ проф. Соболевскій, то во всякомъ случаѣ писцами одной школы и одного времени¹⁾;

¹⁾ Предположеніе Срезневскаго, что Прологъ 1262 г., бывший Лобкова, затѣмъ Хлудова (№ 187 въ библіотекѣ Никольскаго единовѣрч. монастыря въ Преображенскомъ, въ Москвѣ), писанъ тѣмъ же пономаремъ Тимошеемъ, который говоритъ о себѣ въ Новгородской лѣтописи, можетъ быть принято только при предположеніи, что эта часть рукописи Синодальной списана съ другой, что весьма вѣроятно, такъ какъ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ «2-й» почеркъ Синод. списка облачаетъ иного писца, чѣмъ Прологъ № 187; хотя есть сходство, какъ замѣчаетъ Срезневскій (Слав.-рус. пал., 191), напр. въ крестообразной титлѣ въ словѣ [†]словача 38 б. (крестикъ въ видѣ буквы т) и въ формѣ буквъ, но и существенное различіе, напр. въ употребленіи одной точки надъ гласными, что видно даже изъ записи, напечатанной у Срезневскаго (стр. 190), срв. также напр. змнѣка оугничю 8^а съ точкою надъ к и надъ н. Но я не могу согласиться и съ мнѣніемъ Срезневскаго о написаніи всей Синодальной рукописи Новг. лѣт. въ XIV-мъ в. (Сл. рус. палеогр., 250), которое противорѣчитъ сказанному имъ на стр. 191.

3) что 3-й (или по Соболевскому 2-й) поч. написанъ, несомнѣнно, позднѣе и, повидимому, писцомъ изъ другой школы; 4) что остальные 5 страницъ написаны позднѣе 3-го почерка; 5) что нѣтъ никакого основанія считать часть 1—118 лист. Сиподальнаго списка написанной въ XIV-мъ, а не во 2-й половинѣ XIII-го вѣка; 6) что часть 119—166 л. написана, вѣроятно, въ тридцатыхъ годахъ XIV в., а остальное 1345—1350 г. — Кромѣ того, позволяю себѣ сдѣлать еще то предположеніе, что непоследовательность въ правописаніи и палеографическихъ приѣмахъ части 1—118 л. обусловливается тѣмъ, что писецъ или писцы имѣли передъ собой подлинники, написанные разными руками и съ различными правописаніями, и что съ другой стороны послѣдовательность въ палеографическомъ и орфографическомъ отношеніяхъ части 119—166 л. указываетъ на однородный подлинникъ, исключая м. б. нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчаются *нго*, *кмоу*, *рѣдци*; послѣднія страницы «3-го поч.», вѣроятно, и написаны впервые, а не списаны, тотчасъ послѣ описанныхъ на нихъ событій.

Прибавлю результаты сличенія свѣтопечатнаго изданія съ подлинникомъ.

	Свѣтопеч. издан.	Подлинникъ.
Стран. 1, стр. 2—3:	дѣнѣ—прѣ	дѣнѣ—прѣ
		(неясно, дѣнѣпрѣ или дѣнѣпро).
»	6: одинаково неясно (<i>ноци</i> —, а затѣмъ, повидимому, верхушка <i>ь</i> , направо отъ нея вертикальная черта, вѣроятно, лѣвая буквы <i>ю</i> , еще направо, вверху строки точка, вѣроятно, часть правой половины буквы <i>ю</i>); издатели 1888 г. читаютъ <i>ноцью</i> .	
»	13 (въ концѣ): хотя и въ свѣтопечатномъ изданіи и въ подлинникѣ конечная буква не имѣетъ лѣвой горизонтальной черты, и хотя издатели 1888 г. читаютъ <i>кь</i> , но весьма возможно, что это не <i>ь</i> , а <i>ъ</i> , для сбереженія мѣста поднятое надъ строку; причѣмъ лѣвая горизонтальная черта могла стереться; такое приподнятое надъ строкой <i>ъ</i> встрѣчается и одно и въ сочетаніи <i>ы</i> и въ другихъ мѣстахъ; здѣсь въ подлинникѣ довольно ясно видно протяженіе вертикальной черты надъ строкой; вслѣдствіе этого я склоняюсь читать	

скорѣе въ, чѣмъ въ, тѣмъ болѣе, что въ здѣсь фонетически не оправдывается (въ—ноци . . .).

Стран. 1, стр. 14: и въ свѣтопечатномъ изданіи и въ подлинникѣ одинаково ноци, т. е. послѣдняя буква этого слова скорѣе похожа на і, чѣмъ на к, какъ читаютъ издатели 1888 г.; только это і не доведено до низа строки, а потому и неизвѣстно, былъ ли внизу треугольникъ, т. е. ъ, или продолженіе вертикальной черты, т. е. і.

» » томъ (вѣ)че— темъ вѣче—, т. е. въ подлинникѣ скорѣе можно прочесть темъ (ѣ изъ ѣ), чѣмъ томъ, хотя по смыслу требуется послѣднее; но во всякомъ случаѣ не томъ, какъ читается въ изданіи 1888 г.

» 16: вмѣсто лодь не слѣдуетъ ли читать лодык, такъ какъ у меня отмѣчено между лодь и Ѡрі пустое мѣсто, достаточное для одной буквы? Однако это нуждается въ проверкѣ, такъ какъ я боюсь, что сдѣлалъ это по привычкѣ раздѣлять слова.

Стран. 4, стр. 15: и въ свѣтопечатномъ изданіи и въ подлинникѣ ясно крѣца крѣстию : — Хотя въ изданіи 1888 г. прочитано крѣстаца крѣсти ю, но не лучше ли читать крѣстиша, причемъ въ цѣ можно видѣть описку вм. ш?

» 5, » 3: въ оригиналѣ приписка поздняя, судя по начертаніямъ в и ѣ, XVI-го столѣтія, содержащая буквы въ азбучномъ порядкѣ отъ а до з включительно, а далѣе еще какая то неясная буква.

» 7-я въ концѣ оборвана справа, но вѣроятно, раньше, чѣмъ было на ней написано, такъ какъ смыслъ не прерывается; лишь въ послѣдней строкѣ оборвано на полусловѣ все—, такъ что это мѣсто отпало, вѣроятно, уже позднѣе. Однако на обратной страницѣ (8) того-же листа все написано уже послѣ того, какъ оторванъ уголь, такъ какъ всѣ строки начинаются правѣе оторваннаго.

На листѣ 6-мъ (стр. 11—12) вырванъ кусокъ уже съ написаннымъ на немъ, а кромѣ того оторвана часть листа и пришта [недостающія слова: въ строкѣ 2-й стр. 11-й по, 3-й — он м(ъ)и —, 4-й — коп —, на стр. 12-й въ строкѣ 2-й: и н —, причемъ правый край н виденъ, 3-й: кел —, 4-й: — сноу, т. е. весноу, причемъ кел — уцѣлѣло, затѣмъ по—(?)].

- Стран. 16, стр. 1: непонятно, почему въ изданіи 1888 г. чкрингоу, такъ какъ неясная буква въ концѣ строки скорѣе можетъ быть прочтена, какъ ѣ.
- » » » 10: въ концѣ прѣ очень неясно; ѣ совсѣмъ почти стерлось, такъ что нельзя даже узнать, дѣйствительно ли ѣ, или ѳ, но судя по верхушкѣ (пр⁺), надо думать, что ѣ.
- » 17, » 6: въ словѣ ладожьскѣи можно разобрать слабый оттѣнокъ нижняго треугольника ь послѣ ж.
- » » » 17—18: въ-съ; неясно, ѣ или ь послѣ в, но кажется, ѣ; издатели 1888 г. читаютъ ь.
- » » » 18: менѣе ясна въ подлинникѣ, чѣмъ въ свѣтоп. изданіи.
- » 19, » 12: азбука приписана другой рукой.
- » 24, » 6: свѣтопеч. въ лодью, но въ подлин. неясно, —ю, или —к.
- » 25, » 6: » въ кѣквоу вторая и часть 3-й буквы неясны.
- » 45, » 16: въ межи, кажется, передѣлано и изъ ю.
- » 47, » 17: не его, а юго.
- » 48, » 14: въ словѣ хѣ лмѣ вмѣсто л пятно, а передъ нимъ прорванъ кружокъ.
- » 50, » 3—4: и въ словѣ иза-слѣ стерлось.
- » 58, » 14: которазда (sic!); въ издан. 1888 г. по КАТ котора зла; но нельзя ли предположить, что въ древнѣйшемъ оригиналѣ стояло котора горазда? Впрочемъ, есть и другіе случаи написанія д вм. л (данидовнцемъ вм. — ло—210.19).
- » 61, » 18: доужиноу (sic!).
- » 64, » 12: очевидная описка (какъ указано уже Соболевскимъ въ Р. Ф. В., т. XXI, ст. 121—123) накорониша вм. накоропниша, хотя и неясно и можетъ быть прочтено за п, стершееся наверху.

- Стран. 66 въ концѣ — 67: пра а-рхисийѣ описка въ подлин. вм. при.
- » 67, стр. 11: въ рѣ (sic!) (вѣроятно, ѣ было надъ ѣ).
- » 75, » 2: въ подлин. илѣ вм. иде.
- » » » 7: » рюрюкк (какъ и свѣтопеч.) вм. — икк.
- » 79, » 12: » новгородѣ (хотя двѣ послѣднія буквы почти стерты, но можно различить слѣды д и ѣ).
- » 87, » 17: » дорове вмѣсто дворокѣ.
- » 93: въ концѣ страницы неясный остатокъ какой-то буквы, вѣроятно, и или і; въ такомъ случаѣ слѣдуетъ читать мѹи, т. е. мѹжи, а не мѹжкѣ, какъ въ изданіи 1888 г.
- » 98, стр. 16: въ подлин. извира такая же описка, какъ и ранѣе крѹца.
- » 107, » 17: въ подлин. ясно тировати описка, указанная уже проф. Соболевскимъ (вм. жировати, *ibid.*).
- » 109, » 12: въ начлѣ буква ѡ очень неясна, хотя, кажется, нельзя сомнѣваться, что это ѡ, а не а.
- » 113, » 1: къснатиноу — ѡ очень не ясно (смазано), но кажется, нельзя сомнѣваться, что это ѡ, а не а.
- » 131, » 6: д̄ . рѣ — не ясно, рѣ или рѣ; кажется, рѣ (ѣ часто пишется съ расширеннымъ вверху концомъ).
- » 150, » 9: въ подлинникѣ описка понде вм. пондете, т. е. пондѣте, какъ въ АТ.
- » 159, » 10: въ подлинникѣ сдракѣ : (не съ обернутымъ назадъ а, какъ въ свѣт. изд.).
- » 166, » 1: между скон и ирослава вставлено позднѣе, вѣроятно, на (можно прочесть лишь и); срв. прибавку на въ КАТ.
- » » » 17: и въ подлинникѣ ослѣа, и я рѣшительно не понимаю, почему Соболевскій (*ibid.*) хочетъ въ этой интересной формѣ, удержанной въ издан. 1888 г. (стр. 201), видѣть описку (срв. ослѣа Ком. сп.).
- » 169, » 16: ясно читается интересная форма ѡкѣташа, которую напрасно пр. Соболевскій (*ibid.*) хочетъ считать опискою вмѣсто отвѣчаша.
- » 177, » 1: юже (sic) и въ подлинникѣ; здѣсь и я вмѣстѣ съ Соболевскимъ склоненъ видѣть описку.

Стран. 182, стр. 6: и въ подлин. всѣ водѣкъ, очевидно, описка.

- » 186, » 1: въ подлин. ясно на санкадѣкъ, а не на, какъ въ свѣт. изд., хотя кружечекъ а слился вслѣдствіе густоты чернилъ.
- » 205, » 3—4: малѣшевиць поправлено на малѣшевъ въ-(ноукъ).
- » 219, » 19: послѣдняя буква (послѣ т) стерта; остается лишь небольшой значокъ.
- » 220, » 13: въ вѣча буква ѡ не ясна, но кажется, нельзя сомнѣваться, что это ѡ, а не а.
- » 223, » 18: послѣдняя буква (вѣроятно, ѡ) стерлась.
- » 233, » послѣднее слово послѣдней строки, кажется, ско, т. е. скоѡ.
- » 236: на верху приписка позднѣйшая гарос(ла)въ (неясно).

Начинающійся съ 237-ой стран. 3-й почеркъ отличается свѣтлыми, желтоватыми чернилами.

Стран. 237, 12, 239, 4, 240, 1: **Б** красное.

- » 241, 4: **Б** красное занимаетъ пространство трехъ строкъ (въ вышину).
- » 243: внизу приписано другой рукой сѣровато-черными чернилами и крушиѣ помюп (помогі?).
- » 246, 20: и въ подлин. издкущиша —, вѣроятно, описка вм. издоушиша (см. у Соболевскаго *ibid.*).
- » 251, строки 5 и 14, 256, 9 и 20, 259, 12, 261, 5 и 13, 262, 17 и 19, 263, 2, 5 и 8, 264, 6, 8, 265, 19, 20, 269, 3 и 270, 20: буква **Б** красная.
- » 257: внизу болѣе крупныя буквы сѣрыми чернилами.
- » 258, 5: иѣмцемь, т. е. -мь, а не мь.
- » 263, 1: **Л** красное.
- » 269, 5: **Клѣ** красными буквами.
- » 270, 17—18: пи-ициришича (а не пинициришича, какъ въ изд. 1888 г.)
- » 272, 5 и 18, 276, 1, 2, 11, 278, 14, 280, 6 и 14, 283, 8, 285, 2 и 17, 292, 18, 294, 23, 301, 2, 8, 303, 20, 305, 10, 306, 6 и 18, 307, 16, 308, 15, 309, 5, 310, 6 и 17, 311, 13, 314, 10, 315, 1 и 10, 316, 22, 319, 7, 320, 14 и 22, 322, 10, 16 и 19, 323, 10, 325, 1 и 15, 326, 21, 327, 17, 328, 13, 329, 23, 330, 16, 331, 23 встрѣчается красное **Б**.
- » 289, 15: въ доврѣтъ передѣлано ѣ изъ о.

Стран. 289, стр. 18: въ па ъ одной б. недостаетъ (пакъ?).

- » 306, 1: а інѣхъ въ подлинникѣ (въ изданіи точка надъ і не вышла).
- » 309, 4: 2 раза л красное въ лѣ.
- » 310, 18: ӣ (т. е. съ точкою).
- » » 19: оузьеркоу съ точкою надъ первымъ оу.
- » 312, 20: неясно, сгорѣ или огорѣ (буквы стерлись).
- » 316, 1: надъ і въ поідоша едва замѣтная точка.
- » 317, 10, 11, 22: слабыя точки (по одной) надъ і.
- » 319, 4: надъ послѣднимъ в, кажется, маленькое ъ.
- » » 7: седьмая буква є первоначально написана обыкновеннымъ цвѣтомъ, а потомъ краснымъ переправлена въ д (т. е. 4 вм. 5).
- » » 8: миχліовы.
- » » 10: а̄ (съ точкою).
- » 326, 1: въ свѣтопеч. изд. ізъ въ подлин. ізъ (точки надъ з пѣтъ).
- » 323, 20: » » инѣхъ » інѣхъ
- » 324, 3: » » і ^(вин. един. мѣстоим.) » і
- » » 11: » » инѣ » инѣ (наоборотъ безъ точки).
- » 326, 7: » » стоі » стоі
- » » » » » агафы » агафы (вѣроятно, слѣд. читать агафї, а не агафу, т. е. здѣсь не ы вм. ъ).
- » » 8—19: » » (поса)-диша і » -диша і (надъ а точки нѣтъ).
- » » 23: » » ясно с нимъ, т. е. ъ.
- » 327, 1: » » » низовської (съ точкою надъ і).
- » » 2: » » » моисии (безъ точки).
- » 328, 18: » » » і (съ слабой точкой).
- » 329, 21: » » івана » івана.
- » 330, 3: » » » sic -къ (но надъ строкой виденъ знакъ скобленія, такъ что, можетъ быть, было ъ).

Стран. 331, 14:	»	»	которни	»	которни
» 332, 1:	»	»	еппъ	»	еппъ (хотя неясно).
» 333, 12:	»	»			надъ 2-мъ и въ великыи какъ будьто точка удлинени. формы.
»	»	17—18:			написано по выскобленному новыми синеватыми черни- лами за новгоро-скую измѣну: —
»	»	19:	»		Ѣ -іаша (и съ точкою).
»	»	21:	въ свѣтопеч. изд. иванъ	»	въ подлин. иванъ (съ двумя точ- ками надъ и).
»	»	22:	»	»	вторжекъ: (двѣ точки) вторжекъ. (въ под- линникѣ одна точка).
» 336, 6:	въ подлин.	»	во ѡрѣховѣ. и ѡнъ	»	(по двѣ точки надъ и и о вторымъ).
» 337, 8:	»	»	михайлоу.		

Приписку съ праваго бока стран. 337-ой (мѣлко и неясно, другой ру-кой), кажется, слѣдуетъ прочесть такъ: мѣла юла въ .г. а прест(а)ни(с)а (въ) вели(кок) гов(ѣ)ни(к); въ послѣднемъ словѣ, кажется, послѣ в (а не д, какъ въ свѣтопеч. изданіи) стерлось ѣ (вмѣсто ѣ).

II. Нѣсколько критическихъ соображеній о текстѣ Синодальной рукописи.

Приступая къ изслѣдованію языка и въ частности фонетическихъ особенностей Синодальной рукописи, мы должны имѣть въ виду, что каждая отдѣльная часть, написанная особымъ почеркомъ, никакъ не можетъ считаться цѣльшимъ и вѣрнымъ представителемъ какого-либо отдѣльнаго говора. Прежде всего мы должны признать, что языкъ лѣтописей—языкъ во всякомъ случаѣ не разговорный, а литературный (разговорный элементъ проявляется въ немъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ), и вслѣдствіе этого онъ находится подъ вліяніемъ извѣстной традиціи, которая можетъ быть двоякая, такъ какъ съ одной стороны позднѣйшіе лѣтописцы слѣдовали образцамъ болѣе раннихъ своихъ соотечественниковъ, съ другой—образцамъ вошедшаго вмѣстѣ съ письменностью вообще языка церковно-славянскаго. Вліяніе послѣдняго на стиль лѣтописнаго языка на столько сильно,

что Миклошичъ въ своей попыткѣ возстановить первоначальный текстъ древнѣйшей русской лѣтописи принималъ основнымъ языкомъ ея языкъ церковно-славянскій. Хотя мы не будемъ держаться такого крайняго взгляда, мы всетаки не можемъ отрицать, что это вліяніе можетъ сказываться не только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя цѣлкомъ взяты изъ священнаго писанія или вызваны благочестивымъ настроеніемъ автора, усвоившаго себѣ библейскую точку зрѣнія на міръ, но и въ чисто повѣствовательномъ изложеніи; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить языкъ лѣтописей съ языкомъ церковно-славянскихъ сборниковъ житій и т. под. образцовъ повѣствовательной литературы (напр. Супрасльскаго сборника, Прологовъ и друг.). Во вторыхъ, необходимо признать, что окончательный переписчикъ, кромѣ событій послѣднихъ годовъ, близкихъ къ его времени, остальное долженъ былъ болѣею частію не составлять вновь, а списывать уже съ готовыхъ одной или нѣсколькихъ рукописей, въ которыхъ могли отражаться совершенно другіе говоры; онъ могъ подчиняться вліянію ихъ не только при перепискѣ, но даже и въ самостоятельной части. Если сравнительно легко отдѣлать фонетическія черты языка церковно-славянскаго отъ фонетическихъ особенностей русскихъ вообще, хотя и тутъ возможны ошибки вслѣдствіе недостаточнаго знанія всѣхъ діалектическихъ чертъ церковно-славянскихъ и южнославянскихъ, то гораздо труднѣе, а иногда и невозможно разграничить черты отдѣльныхъ русскихъ говоровъ. Лишь нѣкоторыя наиболѣе типичныя явленія при современныхъ свѣдѣніяхъ по русской діалектологіи могутъ быть отнесены въ область того или другого говора, другія же сами по себѣ безъ поддержки первыхъ не даютъ ничего, такъ какъ могутъ встрѣчаться въ разныхъ говорахъ. Кромѣ того, мы не можемъ знать, такъ ли распредѣлялись извѣстныя черты въ древности, какъ теперь. Издавна напр. смѣшеніе *ц* и *ч* въ рукописяхъ русскаго письма принято считать и не безъ основанія признакомъ сѣверныхъ говоровъ, для первыхъ столѣтій русской письменности, точнѣе, сѣверо-западныхъ (новгородско-псковскихъ). Хотя новая діалектологія открыла эту черту и во многихъ другихъ мѣстахъ, тѣмъ не менѣе во первыхъ на сѣверѣ она и теперь обычнѣе, а во вторыхъ засвидѣтельствованный актами XVI-го, XVII и послѣдующихъ вѣковъ фактъ отдѣльныхъ вольныхъ и невольныхъ переселеній крестьянъ изъ сѣверныхъ губерній въ центральныя и юго-восточныя даетъ возможность понять, почему цоканье или чваканье слышится иногда въ губерніяхъ южновеликорусскихъ (Тамбовской, Пензенской, западной части

Симбирской и южной части Нижегородской); мы можем думать, что въ древности эта черта была присуща именно говорамъ, группировавшимся около В. Новгорода или его колоній, такъ какъ она встрѣчается именно въ памятникахъ, о которыхъ извѣстно, что они написаны въ этихъ мѣстахъ. Разбирая языкъ такого памятника, какъ мѣстная лѣтопись, переписанная во время, сравнительно близкое къ событіямъ, совершавшимся въ этой мѣстности и описаннымъ въ данной лѣтописи, мы вправѣ сравнивать извѣстныя черты языка этой лѣтописи съ чертами современныхъ народныхъ говоровъ данной мѣстности, если только нѣтъ какихъ либо указаній на то, что составитель былъ не мѣстный житель, или, что по крайней мѣрѣ послѣдній переписчикъ происходилъ изъ другой мѣстности (это напр. слѣдуетъ сказать объ Ипатской лѣтописи). Въ послѣднемъ случаѣ задача усложняется: приходится отдѣлять черты говора составителя отъ особенностей произношенія переписчика. Хорошо еще при этомъ, если въ рукописи есть какія либо внѣшнія указанія на то, кто и гдѣ писалъ ее; болѣею же частію изслѣдователю приходится довольствоваться указаніями внутренними, т. е. опредѣлять родину писца на основаніи чертъ правописанія и языка самой рукописи при сравненіи ихъ съ правописаніемъ и языкомъ тѣхъ рукописей, мѣсто написанія или родина писца которыхъ извѣстны. Такимъ образомъ, если всякій живой говоръ не можетъ быть признанъ чистымъ въ смыслѣ послѣдовательности проведенія фонетическихъ законовъ, а представляетъ скрещиваніе различныхъ фонетическихъ стремленій (сравните сказанное мною въ статьѣ «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукоян. у. Нижегородской губ.», стр. 5—6, или въ «Живой Старинѣ» 1894 г., II, стр. 147—148), то въ письменныхъ памятникахъ мы тѣмъ менѣе можемъ наблюдать эту послѣдовательность (я не говорю о рѣдкихъ исключеніяхъ, которыя тѣмъ болѣе поразительны; къ такимъ исключеніямъ напр. принадлежатъ Кіевскіе глаголическіе отрывки старословянскаго языка, представляющіе послѣдовательное проведеніе особенностей одного старословянскаго говора). Нашъ памятникъ не представляетъ единства, а показываетъ, особенно до 237 стран. (фототип. изд.), частыя колебанія въ правописаніи, которыя впрочемъ могутъ происходить здѣсь не столько отъ различія говоровъ, сколько отъ неумѣнья помирить правописаніе церковно-славянское, а мѣстами м. б. и южнорусское съ требованіями живого языка писца; болѣею послѣдовательность 3-го почерка объясняется, мнѣ кажется, тѣмъ, что писецъ былъ грамотнѣе и лучше умѣлъ примирить особенности своего языка съ особенно-

стями правописанія церковно-славянскаго. Но сравнительно съ такими памятниками, какъ Лаврентьевская и Ипатская лѣтописи, Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи занимаетъ выгодное положеніе въ томъ отношеніи, что и переписчики его говорили, повидимому, говорами той-же группы, къ которой относился говоръ составителя.

На частныя сходства и соотвѣтствія съ другими памятниками я надѣюсь указывать въ самомъ изслѣдованіи языка; а пока я долженъ ограничиться нѣкоторыми соображеніями относительно критики текста. Хотя аргіогі ясно, что въ настоящемъ своемъ видѣ и Синодальная рукопись, какъ и всѣ другіе лѣтописные списки, представляетъ не подлинникъ, а копію, я все-таки сознаю, что однихъ апріорныхъ заключеній недостаточно, и, пользуясь нѣкоторыми указаніями А. А. Шахматова, которому приношу за это свою глубокую благодарность, попробую сдѣлать нѣсколько соображеній, основанныхъ на сличеніи Синодальной рукописи съ другими позднѣйшими (К. А. Т., т. е. Коммисіонной, Академической и Толстовской) по изданію Археограф. ком. 1888 г. и на нѣкоторыхъ данныхъ самой Синодальной рукописи. Уже Янишъ («Новгородская лѣтопись и ея Московскія передѣлки», Москва, 1874, стр. 60—61) указывалъ на то, что трудно допустить, чтобы не было въ древности иныхъ лѣтописныхъ сказаній новгородскаго происхожденія, кромѣ отрывочныхъ извѣстій Синодальной рукописи за многіе годы ¹⁾. Слѣды новгородскихъ сказаній указаны имъ въ «Сильвестровой» повѣсти (битва на Кулацкѣ 1096 г.). Онъ-же замѣтилъ (стр. 24), что начало Синодальной рукописи до 1016 г. должно было представлять такое-же самостоятельное изложеніе, независимое отъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ», какъ и остальное. Но Янишъ, повидимому, мало оцѣнилъ тѣ мѣста Коммисіонной и другихъ рукописей, которыя восполняютъ Синодальную. Хотя многія изъ нихъ указываютъ на рабское заимствованіе изъ такихъ текстовъ, какъ Лаврентьевская и Ипатская лѣтописи, нѣкоторыя носятъ печать мѣстнаго и живого современнаго отношенія къ предмету и должны быть вслѣдствіе этого приписаны болѣе раннему составителю, которымъ пользовался, вѣроятно, и переписчикъ Синодальной рукописи. Эти-то мѣста всего яснѣе указываютъ на то, что Синодальная рукопись въ

¹⁾ Любопытно мнѣніе Сенигова («О древнѣйшемъ лѣтописн. сводѣ Великаго Новгорода», изд. Арх. ком., Спб. 1885, стр. 5), что Синод. списокъ 1-ой Новгор. л. представляетъ не отдѣльную лѣтопись, а искусственное соединеніе нѣсколькихъ лѣтописей, въ пользу чего онъ приводитъ данныя палеографическія, филологическія и историческія.

своемъ цѣломъ не есть дѣйствительно «первая» Новгородская лѣтопись. Такovy слѣдующія мѣста, не находящіяся въ Лавр. и Ипат.: Подъ 1044 г. въ КАТ прибавлено: «Ходи Ярославъ на Литву; а на весну же Володимиръ заложилъ Новгородъ и сдѣла его».

Подъ 1049 г.: «сгорѣ стая Софѣя; бѣаше же честно устроена и украшена, 13 верхы имущи. А ту стояла стая Софѣя конецъ Пискуплѣ улицѣ, идеже нынѣ поставилъ Сотѣке црковъ камену стаго Бориса и Глѣба, надъ Волховомъ».

1050 г.: «Свершена бѣ стая Софѣя в Новгородѣ, повелѣниемъ князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа Луки. И преставися жена Ярославля княгыни».

— 1055 г. въ КАТ: «В семь же лѣ клевета бѣ на епископа Лукж отъ своего холопа Дудики; и изиде изъ Новагорода, и иде Кыеву, и осуди митрополитъ Ефримъ, и пребѣ тамо 3 лѣта».

— 1058 г.: «Сем же лѣ арх. Лука прия свой столъ в Новгородѣ и свою область. Дудичѣ же холопу оскомины урѣзаша ему носа и обѣ рущѣ и бѣжа в Нѣмци».

— 1060 г., кромѣ общей съ Лавр. Ип. прибавки о походѣ Изяслава, Святослава, Всеволода и Всеслава на Торковъ, въ КАТ читается еще: «Потом же ходи Изяславъ на Сосолы и дань заповѣда даяти по 2000 гривенъ; они же поручышеса и изгнаша даньники; на весну же пришедше, повоеваша села о Юрьевѣ, и городъ и хоромы пожгоша, и много зло створиша, и Плескова доидоша воююще. И изидоша противу имъ Плесковицѣ и Новгородци на сѣчу, и паде Руси 1000, а Сосолъ бещисла». Но особенно замѣчательно разночтеніе въ КАТ. сравнительно съ Синод. подъ 1193 г., гдѣ говорится (Синод. л. 52. а—б, стр. 103—104) о выборѣ владыки Мартурія: въ Синод. не говорится ничего о способѣ избранія, а въ КАТ. подробно разсказывается о выборѣ посредствомъ жребія (3-хъ жребіевъ): «ини хотяху митрофана поставити. а друзіи мантурія (АТ. а ини мартурія) а и сїи хотяху пакы (АТ. а друзіи) гричина. в нихъ пакы распря бысть немала. и ркоша къ себѣ. да сице положимъ три жребіа. на стѣй тряпезѣ. в стѣй софѣи. і абіе положиша. . . . и повелѣша пѣти стую литургію. и по совершеніи службы и послаша с вѣца (АТ. с вѣча) слѣпца. да котораго дастъ богъ. . . . и выняся бжїею благодатью жребій мантуріевъ». . . . Подъ тѣмъ-же годомъ (л. 53 а) въ Синод. сп. нѣтъ разсказа объ измѣнѣ Савки,

который читается въ КАТ.:.... «тъ бо Савица перевѣтъ держаше отай съ княземъ югорьскимъ»....

Подъ 1204 г. (послѣ разсказа о греческихъ дѣлахъ) въ КТ. прибавлено: «В то же лѣто побѣдиша Олговици Литву, и избиша ихъ 7 сотъ да 1000. Того же лѣта преставися Мирошка, посадникъ Новгородчкый, примѣши мнишькый чинъ, и положенъ бысть въ монастырѣ сѣаго Георгіа; и потомъ даша посадничество Михалку Степаничу. Того же лѣта, по грѣхомъ нашимъ, изомроша конѣ в Новѣгородѣ и по селомъ, яко нѣлзѣ бѣше пойти смрады никудаже. Тогда же на вербьницю придоша Латина подѣ Царьградъ, въ бучахъ, и взяша Царьградъ на щитъ, исѣкоша Грѣцѣ; и кто ся ихъ гдѣ хоронилъ, и тѣхъ выводяще исѣкоша; а стую Софѣю всю пограбиша, и что в ней; а что монастырѣ силныхъ и церквѣй, а тыи излупиша вся; а патриархъ и игумены и игуменіа выводяще и въ ужищахъ, и взимапе злато у нихъ».

Затѣмъ въ Синод. большой пропускъ, начиная съ 1272 г. и кончая 1298 г., между тѣмъ какъ въ КАТ. подѣ этими годами разсказывается о событіяхъ, относящихся прямо къ новгородской жизни, и разсказы эти должны были первоначально находиться въ Синод. рукописи или по крайней мѣрѣ въ ея подлинникѣ, такъ какъ ихъ нѣтъ ни въ Суздальской лѣтописи по спискамъ или Лаврент. или Моск. Духовн. Акад., ни тѣмъ болѣе въ Волынской лѣт. по Ипатск. сп., которыя заняты въ этотъ періодъ своими дѣлами, первая юговосточными и восточными, послѣдняя — югозападными. Также новгородскій характеръ носить разсказъ подѣ 1331 г. въ КАТ. о ставленіи епископа Василя въ Волынской землѣ и возвращеніи его въ Новгородъ.

Однако нѣкоторыя мѣста и новгородскаго характера въ КАТ. могли быть внесены позднѣе. Таковы напр.: «справда русская» подѣ 1016 г.; прибавка «купци» къ слову заморьстин Сян. (заморьскыи К, заморскіи АТ) подѣ 1156 г. (Синод. л. 29 б, стр. 58, изд. 1888 г., стр. 141) и такая же прибавка подѣ 1207 г. (Сян. 73^а, издан. 1888 г., стр. 189), вмѣсто чего въ древнемъ текстѣ, мнѣ кажется, могло быть «гости»¹⁾; сказаніе объ Александрѣ Невскомѣ подѣ 1240 г. — Есть и между юговосточными собы-

¹⁾ Впрочемъ эту догадку я особенно не отстаиваю, такъ какъ и слово *купци* встрѣчается довольно рано (напр. подѣ 1137 г., Сян. 18^с), но правда, что лишь въ значеніи купца новгородскаго, а не заморскаго; въ такомъ же значеніи, повидимому, это слово и въ древнѣйшихъ новгородскихъ грамотахъ.

тіями, описываемыми къ КАТ, такія, которыхъ нѣтъ въ Лавр. и Ипат. Таковъ подъ 1203 г. разсказъ о походѣ русскихъ князей на половцевъ; правда, онъ есть въ спискахъ Радзивил. и М. Д. Акад. (см. издан. Лавр. лѣт. 1872 г., стр. 399), но въ изложеніи послѣднихъ замѣтно большое различіе сравнительно съ новгородск., и изложеніе новгородское носитъ печать большей древности, такъ что слѣдуетъ предположить болѣе древній источникъ, чѣмъ источникъ, представляемый Радзив. и М. Д. Акад. списками.

Приведенныя данныя достаточно доказываютъ, что во многихъ мѣстахъ, особенно въ первой части, Синодальная рукопись предполагаетъ болѣе древній оригиналъ. Чтò же касается вопроса о томъ, не представляетъ ли она въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ подлинника, то рѣшить его я не считаю возможнымъ уже потому, что возможно предположить копію, вполне вѣрную оригиналу. Изъ содержанія Синод. рукописи мы должны указать на тѣ части, гдѣ говорится о событіяхъ неновгородскихъ; таковы описаніе греческихъ событій подъ 1204 г. и литовскихъ подъ 1245, 1263 и 1266. О первомъ еще Терновскій («Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси», 148—149) замѣтилъ, что авторъ долженъ былъ быть русскимъ и, вѣроятно, новгородцемъ, въ чемъ нельзя съ нимъ не согласиться; какъ бы дополненіемъ къ этому разсказу служить приведенное выше мѣсто изъ КАТ о взятіи и разграбленіи Царьграда Латинами. Въ описаніи литовскихъ событій я вопреки мнѣнію Шахматова не вижу отличія по языку и правописанію отъ другихъ. Если въ этихъ мѣстахъ встрѣчается 2 раза κ вмѣсто обычнаго въ 3-мъ поч. особаго ϵ , то тоже κ два раза встрѣчается и при описаніи другихъ событій. Если въ листахъ съ литовскими событіями встрѣчается рѣдкое въ 3-мъ поч. чередованіе ψ и ψ : княжици, княжиць 262, редици 279 (= КАТ. средници), подъ зижьчельмъ 262, торопечь, торопчельмъ 262, торопча 264, то то-же можно найти и въ другихъ мѣстахъ: в торопчи 251, лоуготилиць 253; я не принимаю въ расчетъ союза ψ и, который можетъ быть вмѣсто ψ ѣ, а не вмѣсто ψ и (сравн. на той-же 266 стр. погѣти вм. повити), и формъ прилагательныхъ съ суффиксомъ —ьскъ, въ которыхъ замѣтно и въ 3-мъ поч. частое колебаніе между ψ къ и ψ с. Весьма возможно, что это робкое и рѣдкое чередованіе ψ и ψ , проявляющееся лишь въ суффиксѣ —ьць собственныхъ именъ и суф. отечественномъ —ичь, объясняется очень мягкимъ произношеніемъ звуковъ ψ и ψ въ такомъ положеніи, заставлявшемъ сбиваться даже такого грамотнаго и послѣдовательнаго писателя, каковымъ

былъ авторъ или переписчикъ 3-го почерка. Мнѣ кажется, что онъ не путалъ ч и ц часто лишь потому, что былъ грамотнѣе, а не потому, что былъ не новгородецъ. Разница между его отношеніемъ къ письму и отношеніемъ къ письму писцовъ 1-го и 2-го поч., мнѣ кажется, такая-же, какъ, положимъ, между письмомъ прошедшаго среднюю школу нынѣшнимъ крестьяниномъ изъ какой либо малорусской губерніи и письмомъ его односельчанина, не пошедшаго далѣе элементарной грамотности; у писца 3-го поч. видны извѣстныя опредѣленныя правила; его отступленія отъ ц. словянскаго правописанія послѣдовательны и обличаютъ сознательное отношеніе, чего нѣтъ въ хаотическомъ правописаніи писцовъ 1-го и 2-го поч. Я не хочу этимъ сказать, чтобы у послѣднихъ употребленіе извѣстныхъ буквъ отлично отъ ц. словянскаго не было знаменательно; напротивъ, оно обнаруживаетъ любопытныя фонетическія особенности; но дѣло въ томъ, что эти писцы не привыкли еще съ извѣстной буквой соединять извѣстное строго опредѣленное фонетическое значеніе.

Что касается связи 2-го почерка съ Прологомъ 1262 г., предположенной И. И. Срезневскимъ, то о ней ничего не могу сказать опредѣленнаго по крайней мѣрѣ при томъ неполномъ знакомствѣ съ языкомъ Пролога, какое мнѣ удалось получить при прочтеніи изъ него нѣсколькихъ страницъ въ разныхъ мѣстахъ. Съ одной стороны небольшое различіе палеографическое (употребленіе въ Прологѣ точки надъ буквами) при значительномъ сходствѣ (между прочимъ и въ крестообразной титлѣ) можетъ объясняться различіемъ палеографическихъ пріемовъ оригиналовъ того и другого памятника; съ другой стороны большее сходство въ языкѣ: частое чередованіе ц и ч, жг вмѣсто жд, чередованіе ѣ и є, причемъ преобладаніе є въ формахъ товє, совє, а ѣ въ такихъ случаяхъ, какъ горѣ (имен. един. ч. сред. р.) 14 а, 36 б, карпѣ (зват. ед.) 51 б, ѣ въ союзѣ тѣ, ѣ въ собств. имени ѡльѣандрій 4 а и друг., ф. 1 л. множ. ч. кмє и нѣкоторыя другія черты, сходныя съ такими-же въ 2-мъ поч. Синод. сп. Новгор. лѣт., — можетъ объясняться близостью говоровъ различныхъ авторовъ или переписчиковъ, а не тождественностью автора или переписчика. Возможно и такое предположеніе, что рукопись Тимоѳея пономаря была оригиналомъ второй половины 2-го поч. Синод. рукописи. Вообще разрѣшеніе этихъ трудныхъ и крайне неопредѣленныхъ и неясныхъ вопросовъ я не рѣшаюсь брать на себя. Меня всегда удивляетъ смѣлость многихъ изслѣдователей, на основаніи нѣсколькихъ случайныхъ чертъ сходства языка двухъ памятниковъ рѣшающихся дѣлать

заключенія о тожествѣ ихъ авторовъ. Неужели одно и тоже выраженіе не можетъ быть сказано разными лицами? Если трудно иногда схватить различіе говорвъ двухъ деревень, то тѣмъ болѣе отгѣнки въ говорѣ двухъ лицъ изъ одной мѣстности и приблизительно одного времени; а съ другой стороны и говоръ или орографическіе приемы одного лица въ разное время могутъ быть различны.

ЧАСТЬ I-я.

Исслѣдованіе фонетическихъ особенностей языка авторовъ или писцовъ синодальнаго списка.

Я уже указалъ на неоднородность языка Синодальнаго списка, вслѣдствіе которой мы не можемъ ожидать послѣдовательнаго проведенія чертъ отдѣльныхъ говоровъ въ каждой части. Трудность задачи заключается въ томъ, чтобы опредѣлить черты языка послѣднихъ переписчиковъ, не смѣшивая ихъ съ тѣмъ, что было найдено ими въ оригиналѣ, и я не считаю возможнымъ рѣшить её сколько нибудь удовлетворительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что вопросъ не является вполне безнадежнымъ: нѣкоторую надежду я возлагаю на то обстоятельство, что послѣдній переписчикъ при всей своей внимательности къ оригиналу не могъ удержать послѣдовательно тѣхъ особенностей его, которыя, проявляясь въ словахъ, извѣстныхъ ему изъ его собственнаго говора, слишкомъ бы расходились съ его собственнымъ ихъ произношеніемъ. Если я говорю о послѣдовательности, то разумѣю послѣдовательность лишь относительную, такъ какъ полная въ письменныхъ памятникахъ старины, какъ и въ малограмотныхъ написаніяхъ новаго времени, представляетъ «*rium desiderium*», а почти полная, если и встрѣчается, то въ весьма немногихъ памятникахъ. Такимъ образомъ, если мы въ рукописи находимъ взаимное чередованіе извѣстныхъ буквъ, то мы можемъ заключить, что въ языкѣ писца, а не только оригинала, эти буквы выражали собою звуки между собою очень близкіе, хотя, конечно, тоже могло быть и въ оригиналѣ; если чередованіе это доходитъ до полнаго смѣшенія, не поддающагося какимъ либо правиламъ, то можно думать о полномъ совпаденіи въ языкѣ писца звуковъ, выраженныхъ смѣшивающимися на письмѣ буквами, или о томъ, что самые звуки смѣшива-

ются; если же замѣна одной буквы другою замѣчается болѣею частію лишь въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, обусловленная извѣстными фонетическими условіями, то лишь въ этихъ положеніяхъ мы можемъ предполагать близость между собою соответствующихъ звуковъ въ языкѣ писца. Вообще фонетическія особенности оригинала подъ рукою переписчика могли легче искажаться, а фонетическія особенности языка переписчика легче проявляться, чѣмъ это можно сказать о формахъ и словарѣ.

Послѣ этихъ соображеній мы можемъ приступить къ изслѣдованію фонетическихъ особенностей рукописи, причемъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ мы постараемся указать, не отражается ли въ нихъ вліяніе какихъ либо оригиналовъ или образцовъ; въ этомъ отношеніи намъ могутъ помочь данныя другихъ памятниковъ не только русскихъ, но и южно-славянскихъ. Но главную помощь въ оцѣнкѣ и уясненіи правописанія рукописи должны оказать намъ современные говоры; только они могутъ уяснить иногда, понимать ли извѣстное написаніе, какъ фактъ языка, или какъ графическое явленіе, обусловленное оригиналомъ или образцомъ.

ГЛАВА I.

О звукахъ глухихъ или ирраціональныхъ.

Съ этой фонетической особенности я начинаю свой обзоръ какъ потому, что это особенность не только общерусская, но и общеславянская, такъ и потому, что это одинъ изъ самыхъ трудныхъ и сложныхъ фонетическихъ вопросовъ. Не смотря на довольно богатую литературу, вопросъ этотъ не можетъ считаться вполне рѣшеннымъ. Я позволю себѣ напомнить о главнѣйшихъ мнѣніяхъ. Одни изъ нашихъ изслѣдователей, какъ Житецкій («Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», гл. 1)¹⁾, рѣшали этотъ вопросъ въ смыслѣ весьма ранней утраты глухихъ, какъ особыхъ звуковъ, для русскаго языка вообще еще въ XI в., т. е. съ начала русской пись-

¹⁾ За доставленіе мнѣ этой рѣдкой книги приношу благодарность прив. доценту Харьковск. универс. В. И. Саввѣ, за доставленіе мнѣ экземпляра «Разбора соч. Житецкаго» А. А. Потебни секретарю 2-го Отдѣл. И. Акад. н. П. К. Симони, а за пользованіе сочиненіями Огоновскаго, «Studien» котораго стали библиограф. рѣдкостью, проф. Харьк. унив. Н. Θ. Сумцову.

менности¹⁾. Другіе, особенно Ал. Аѳ. Потебня («Къ истор. звуковъ» I, 44, 48—51, «Разборъ сочин. Житецкаго», стр. 47—48, 49—52) и за нимъ Огоновскій («Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», 47, 48), напротивъ старались доказать существованіе старыхъ глухихъ звуковъ не только въ эпоху начала русской письменности, но даже *діалектически* для XIII, XIV и XV-го в.; въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ сѣверно-великорус. говорахъ Потебня принималъ ихъ существованіе вплоть до нашего времени («Къ исторіи зв.» I, 44). Потебня основывалъ свое доказательство главнымъ образомъ на такихъ случаяхъ, когда въ памятникахъ этихъ вѣковъ мы встрѣчаемъ употребленіе чистаго гласнаго тамъ, гдѣ теперь глухой исчезъ безъ слѣда, и наоборотъ — пропускъ глухого тамъ, гдѣ теперь слышенъ чистый звукъ *о* или *е*, такъ какъ употребленія буквы, означающей чистый звукъ, не могло, по его мнѣнію, быть тамъ, гдѣ не слышалось никакого звука, а также не могло быть прежде чистаго звука тамъ, гдѣ онъ исчезъ теперь совсѣмъ, и наоборотъ. Кромѣ того, въ звучности конечныхъ согласныхъ въ малор. говорахъ онъ видѣлъ сохраненіе нѣкоторой доли конечныхъ глухихъ и до сего времени въ этихъ говорахъ. Колосовъ держался середины и, хотя во многомъ не соглашался съ А. А. Потебнею, относился отрицательно къ крайностямъ Житецкаго («Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народн. рус. яз.», 7—9). Умѣреннаго взгляда на этотъ вопросъ держался и проф. Соболевскій въ своихъ лекціяхъ: онъ допускалъ возможность, что въ памятникахъ второй половины XII-го в. замѣна *ъ* и *ь* черезъ *о* и *е* указываетъ «не на полное тожество, а только на значительное сходство этихъ звуковъ» (Лекціи по истор. рус. яз., 1888 г., стр. 51). Умѣренно и осторожно выражается объ этомъ проф. И. В. Ягичъ. По его мнѣнію («Критическія замѣтки по исторіи русскаго яз.», 31 стр.), «слоговое *ъ* уже въ XI столѣтіи очень незначительно различалось отъ обыкновеннаго *о*, какъ свидѣлствуютъ многочисленныя описки древнихъ рукописей». Разницу между первымъ и вторымъ *ъ* въ словѣ *сънь* онъ относитъ уже къ періоду IX—X вѣка, слѣдоват., хотя и не признаетъ паденія глухихъ очень древнимъ явленіемъ, но считаетъ, что глухіе очень рано стали различаться въ зависимости отъ качества слога. Ягичъ справедливо упрекнулъ проф. Соболевскаго въ томъ, что онъ не затронулъ вопроса,

¹⁾ Крайне отрицательно относительно глухихъ въ русскомъ языкѣ высказался и проф. Р. Ѳ. Брандтъ (см. его «Лекціи по историч. грамматикѣ русскаго яз.» Вып. I, Москва, 1892, ст. 48 и слѣд.).

было ли звуковое и слоговое значеніе глухихъ во всѣхъ положеніяхъ въ словѣ одинаково. А. А. Шахматовъ въ «Изслѣдованіи о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV в.» (стр. 182 1-го тома Сборника изслѣдованій по рус. яз.) приходитъ къ выводу, что «языкъ XIII и XIV в., какъ онъ является въ данныхъ грамотахъ относительно древнихъ глухихъ находится въ такомъ же положеніи, какъ современныя русскія нарѣчія, а именно всѣ прарусскія неслоговыя **ч** и **к** исчезли (исключая случаевъ, гдѣ ихъ задерживала группа согласныхъ), всѣ прарусскія слоговыя **ч** и **к** перешли въ **о** и **ѣ**. Менѣе рѣшительно и болѣе справедливо отнесся къ этому вопросу Шахматовъ въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской фонетики» (стр. 30—31); здѣсь уже допускается сохраненіе глухихъ звуковъ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ для довольно поздняго времени; вмѣстѣ съ тѣмъ опять дѣлается различіе между слоговыми и неслоговыми **ч** и **к**. Хотя и Потебня¹⁾ уже обращалъ вниманіе на отдѣльныя положенія въ словѣ, но болѣе опредѣленно поставленъ этотъ вопросъ Ягичемъ и Шахматовымъ. Особенно важно дѣлаемое ими различеніе «слоговыхъ» и «неслоговыхъ» **ч** и **к** (термины, кажется, принадлежащіе проф. Фортунатову). Въ самомъ дѣлѣ, недостаточно сказать, что глухіе удерживались въ такихъ-то говорахъ въ такихъ-то положеніяхъ, а слѣдуетъ еще опредѣлить, удерживались ли эти звуки въ качествѣ слоговыхъ, полуслоговыхъ, или вообще неслоговыхъ. Акустически эти звуки мы называемъ *глухими*, т. е. неясными, неопредѣленными; фізіологически же ихъ можно назвать *ирраціональными* (терминъ проф. Фортунатова), т. е. не поддающимися измѣренію или опредѣленію. Собственно *ирраціональность*, являющаяся причиною неясности звука въ акустическомъ отношеніи, можетъ быть принадлежностью различныхъ гласныхъ звуковъ при отсутствіи на нихъ ударенія, а потому, если мы говоримъ о существованіи ирраціональныхъ или глухихъ звуковъ **ч** и **к**, не прибавляя ничего къ этому опредѣленію, мы говоримъ очень мало; это только одна половина вопроса, другая половина котораго заключается въ

¹⁾ Въ разсужденіи А. А. Потебни особенно важно указаніе на постепенность измѣненія глухихъ, первоначально тождественныхъ въ различныхъ положеніяхъ въ словѣ, въ двѣ противоположныя стороны: «Предполагаю, что въ моментъ, который можно принять за исходный, оба **ч** въ *сч-нч* были одинаковы. Потомъ началось ихъ различеніе: первое пошло по направленію къ чистому **о**, второе къ уничтоженію. До полного уничтоженія однако дѣло не дошло и теперь, если взять во вниманіе, что свойственное многимъ м. р. говорамъ удержаніе **л** въ *дл* и т. п. . . и сохраненіе разницы между конечн. звучн. и отзвучн. невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухого звука». . . (Къ исторіи звук. I, 51).

опредѣленіи, къ какому именно разряду гласныхъ относится каждый изъ этихъ глухихъ: хотя всѣ словянскія нарѣчія предполагаютъ существованіе ирраціональныхъ звуковъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они выработались еще въ общесловянскую эпоху, но въ каждомъ изъ нихъ эти звуки искони носили свой особый характеръ, причемъ различіе это видоизмѣнялось не только по говорамъ, но и по эпохамъ. Тонкіе оттѣнки произношенія, склонность то къ той, то къ иной категоріи чистыхъ гласныхъ, могутъ наблюдаться даже внутри одной группы ближайше родственныхъ говоровъ; таково разнообразіе произношенія рефлексовъ старыхъ глухихъ въ группѣ говоровъ болгарскихъ или напр. словѣнскихъ; на такое-же разнообразіе въ старословянскихъ говорахъ указываетъ различіе правописанія отдѣльныхъ старословянскихъ памятниковъ. Такимъ образомъ въ вопросѣ о глухихъ звукахъ весьма важенъ принципъ *діалектической*, который былъ выдвинутъ еще А. А. Потебнею. Хотя древнерусскіе памятники и современные русскіе говоры единогласно говорятъ въ пользу того, что всѣ русскіе говоры искони объединяло стремленіе замѣнять слогов. *з* черезъ *о*, а слогов. *ь* черезъ *е*¹⁾, но мы всетаки можемъ сомнѣваться, вездѣ ли и при всѣхъ ли фонетическихъ условіяхъ было такъ: на это указываютъ діалектическія отступленія въ конечныхъ и нѣкоторыхъ другихъ слогахъ (срв. 4-ю главу «Исслѣдованій въ обл. рус. фонет.» Шахматова). Во всякомъ случаѣ въ діалектахъ въ разное время была различная степень приближенія слогов. *з* и *ь* къ *о* и *е*, а при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ могли развиваться и иные звуки. Послѣ этихъ соображеній мы можемъ приступить къ оцѣнкѣ данныхъ Синодальной рукописи. Сначала я займусь лишь тѣми случаями, гдѣ глухіе стоятъ не въ группахъ послѣ согласныхъ передъ плавнымъ, за которымъ слѣдуетъ согласный; судьба же глухихъ въ этихъ группахъ составитъ предметъ одной изъ слѣдующихъ главъ. Въ части, написанной 1-мъ почеркомъ, мы находимъ правильно *ъ* въ корняхъ слѣдующихъ словъ: *въноукъ* 14 разъ (23, 39, 62, 74, 75 стр. и др.), *извъноу* 57, *гьтѣхъ* 97. 7 (но *съ готъ* 25)²⁾, *дъжгъ*,—*емъ*,—*ждева* 5 разъ (45, 46, 49, 63 стр.), *дънѣ*

¹⁾ Для времени предшествующаго письменности, однако, кажется, слѣдуетъ сдѣлать иной выводъ, къ которому пришелъ г. Миккола на основаніи произношенія заимствованныхъ русскихъ словъ въ западно-финскихъ говорахъ (*Berührungen zwischen den westfinnischen und slav. Sprachen*, 41—42; за эту книгу приношу благодарность проф. Л. Ю. Шепелевичу), а именно, что *з* означало въ прарус. яз. звукъ подобный *и*, а *ь* по крайней мѣрѣ въ сѣв. говорахъ—звукъ, подобный *і*.

²⁾ Срв. греч. *Γύθωνες*; относит. этого слова см. замѣтку объ имени *гѣданскъ и т. п.

пра 1. 16 (при днѣ-прѣ 1. 2—3)¹⁾, дѣци, дѣчерь 4 р. (15, 79, 98, 117), зѣль 106 стр. (но зла, зло, зли, злогы 12 разъ), на кѣземли 8 стр. (собств. имя неяснаго происхожденія)²⁾, кѣметьства 95 (сравни литов. *kūmetis*), кѣ-назы 85. 2—3, —а 111. 14—15 (съ ѣ только 2 раза и оба при переносѣ, но безъ ѣ много разъ), мѣ-ного 50. 10—11, мѣ-ножьство 60. 9—10 (съ ѣ только эти два случая при переносѣ, но много съ производными 29 разъ), мѣхъ 23 стр., постоянно союзъ нѣ (27 разъ), названіе города снѣвьска 7. 11, правильно и въ собств. имени сѣжицахъ 9 (срв. въ Лавр. сп. подъ 1078 г. л. 9 на сѣжю, гдѣ въ А. сп. XV в. сжю, также Лавр. сѣжицѣ 133^б, Ипат. сѣ-жици 146^а. 5—6, см. свѣтопеч. изд.), сѣл(омь, — а, — ѣ 30, 97, 68) 3 раза (но безъ ѣ 33 раза: сѣлы, сѣла, сѣлаша), сѣмахоу (преходящ. глаг. *сѣмѣти) 107 (здѣсь ѣ, хотя этимологически не оправдываемое, встрѣчается уже въ старослов. памятн., напр. въ Зограф. Еван.; см. Jagić'a «Studien über das altslov.-glagol. Zo-graph.—Evang.» стр. 28, «Archiv f. sl. Phil.» В. I), сѣтѣскни 116. 18, сѣтѣскаго 111. 9 (но сочѣскаго 19. 2—3 при переносѣ; сте, стехъ, ста 45, 87, 95, безъ ѣ 3 раза), послѣдовательно нарѣчіе тѣгда 24 раза; кромѣ того, послѣ плавныхъ: плѣтѣницнаго 29. 6, въ плѣтѣникихъ 117 (но плѣтници 1. 1—замѣчательно именно потому, что ѣ измѣнилось въ о при исчезновеніи ѣ въ слѣдующемъ слогѣ (первоначальность ѣ здѣсь оправдывается чешск. формой *plet* и польск. *plet*), дрѣва 45 (1 р.), крѣви 5 разъ (37, 56, 86, 114, 121), рѣжи 4 р. (22, 23, 73, 97 стр.). Во 2-мъ поч: (из)бѣчѣкъ 130, бѣчѣкы 136 (но 1 р. бѣчкоу 129; опять замѣчательно, что ѣ обратилось въ о при исчезновеніи ѣ слѣдующ. слога); вѣ-ноукъ

по поводу статьи Lohmeyer'a на стр. 300 т. VI «Archiv f. slavische Philologie», также ст. Petzow'a «Slavische Völkernamen» (ibid. VII, вып. 4, стр. 611—612).

1) Въ пользу гласнаго зв. между д и н говоритъ лат. *danapris* (см. Lexic. Palaeoslov. Миклошича). Въ Лаврент. лѣт. днѣпръ (безъ ѣ или ѣ). Форма съ ѣ извѣстна также въ Супрасл. Сборн.: въ странахъ рѣкы Дѣнапра (Миклош. 420—421).

2) Названіе ручья въ Новгородѣ (см. указат. географ. къ издан. 1888 г.); въ спискѣ Арх. ком. XV в. встрѣч.; до Гзына подъ 1391, до Гзыни 1414 г., на Гзынкѣ 1424 г. Въ Архив. сп. XVI—XVII в. Новгород. 2-ой л. подъ 1424 г.: на гзыни, причеиъ ѣ, очевидно, описка вмѣсто ѣ, которое подъ тѣмъ-же годомъ въ спискѣ Арх. ком. XV в. (продолжен. Новгород. 1-ой лѣтоп.); кромѣ того, въ «Лѣтоп. новгор. церкв. божимъ» встрѣч.: до Кзыни (1391 г. и 1414 г.), на Кзыни (1424 г.) (см. издан. Новгородскихъ лѣтописей Арх. ком. 1879 г. стр. 51, 247, 255, 267 и указат. географ.). Такимъ образомъ мы находимъ переходныя формы отъ кѣзи(мѣль) до гзы(нѣ): послѣ того, какъ ѣ потеряло здѣсь слогов. характеръ, к подъ вліян. звучн. з измѣнилось въ г. Хотя «Лѣтописецъ новг. ц. бож.» поздняго происхожденія (конца XVII в., а списки его част. конца XVII-го, част. XVIII в.), но источники его могли быть ранніе. Измѣненіе мѣль въ нѣ, мож. быть, нефонетическое.

159. 19-20 (при переносѣ) и вѣноукъ,—а 153, 158, 159. в (3 раза не при переносѣ) всего 4 раза съ ъ, но 6 разъ вноукъ безъ ъ; вѣплъ 163 и вѣ-плъ 198. 9-10—2 раза; вѣнѣ 141 (2 раза); вѣторнѣ 165 (но второк 194); дѣжгъ дѣжгево (210, 125) 2 раза (только съ ъ); подѣле 149; дѣнепръ 159 (1 разъ, но безъ ъ 5 разъ); дѣщкы 149, на дѣщкахъ 148, дѣскы 197; издѣхоша 171; дѣчерь 163, дѣчери 227, дѣщерь 172; кѣгда 155, 180; кѣ-де 1 разъ только при переносѣ (165. 15—16), но 7 р. безъ ъ (кѣ); кѣ-наже 170. 1—2, кѣ-наза 232. 10—11, кѣ-назю 235—236 только при переносѣ (3 раза) (но безъ ъ это слово съ производными встрѣчается 42 р., кромѣ тѣхъ случаевъ, когда подъ титлами); кѣ-то 215. 13—14 только 1 р. при переносѣ (но кто 19 разъ); промѣкла 207 (замкы 131); мѣхъ 226 (и 1 р. мохъ 162); мѣ-ного 170. 19—20, 229. 9—10 (только при переносѣ—2 р., но безъ ъ—47 р.: много, мнози, множество и т. п.); союзъ нѣ 38 разъ (безъ исключенія); брѣ-не 137. 10—11, брѣне 185, брѣнахъ 180. з (всего 3 раза)¹⁾; крѣ-ви 169. 15—16, крѣви 200, крѣво-пролитѣ, —ни 213 (2 р.), крѣвь 192—всего 5 разъ; вѣ .ѣ. сътъ. 167. 1 (только 1 разъ; напротивъ съ о 2 раза: ѣ. сотъ 127, сочьскаго 169, и 2 р. безъ ъ: вѣ .д. хъ стѣхъ 182, по стомъ 223); тѣгда 36 разъ (тогда только 1 р. при переносѣ 188. 7—8); потѣпташа 196 (при пропускѣ ъ между п и т въ слѣдующемъ слогѣ); тѣ-ска 227. 16—17 при переносѣ.

Постоянно безъ ъ въ 1-омъ поч: двѣ, двема 72, 97; одва 21; кде 114, негде 52; нѣгли 37; кто 11, 36, 118; въ собств. имени рши 7 (1 разъ, тоже и Лаврент. подъ тѣмъ-же 1067 г.; это название селенія недалеко отъ Смоленска, вѣроятно, =нынѣшн. *Орша* въ Могилевской губ.; между р и ш необходимо предположить первоначально ъ)²⁾; въ глагольныхъ корняхъ:—гна—14 разъ, зва—14 р., съгаша 38 стр., спацию 77, оуспеник 95, 97, 118. Безъ ъ во 2-мъ поч.: дна 129 (gen. sg. = fundi, но еще подъ сомнѣнiемъ, что здѣсь пропущено, ъ, или ѡ, такъ какъ при формахъ съ ъ въ этомъ словѣ, какъ и въ словѣ дѣбрь (напр. въ Остром. Ев. при ф. дѣбрь Зогра.), извѣстны варианты съ ѡ въ старослов. памятникахъ и съ е изъ ѡ въ великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ); двѣ 156, два 169, 171, 174, 235; глаг.-гна 13 р.;—зва 11 р.; зло, зли и т. п. 32 р.; съга, ажа и

¹⁾ Срв. д. вр. нѣм. *brunja*, гот. *brunjo* (Miklos. Lexicon pal.)—слово заимствован.; въ чешск. *brně* (Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého, стр. 67).

²⁾ Прибавка о въ началѣ подобна такой-же прибавкѣ въ прилаг. *оржаной*, *аржаной*, при существ. *рожь* (изъ *ргжь*).

т. п. 4 р.; книги 191; въ мѣстоим. личн. 1-го л. мнѣ, мною 8 р.; мнихъ только 1 р. на 132 стр. (сравн. нѣм. *Mönch*, восходящее къ греч. *μοναχός*); ржи 4 раза (162, 208, 221, 227) и 1 р. рожь 226; постоянно въ корнѣ глагола—сла—(59 разъ).

Въ предлогахъ, въ сложеніи ихъ съ именами и глаголами, б. ч. правильно удерживается ѣ въ обоихъ почеркахъ; случаевъ замѣны ѣ черезъ о здѣсь не находимъ, хотя пропуски глухого нерѣдки. Во 2-мъ поч. на 317 разъ въ и възъ— или въс— только 37 р. в-, вс-(вз-), на 236 р. съ— 90 р. с-, на 71 р. кѣ—16 к-, такъ что всего рѣже пропускается ѣ въ предлогахъ въ и възъ-, всего чаще—въ предлогѣ съ, причемъ нѣкоторыя слова и формы исключительно пишутся безъ ѣ въ обоихъ поч.: *своръ* 4 раза въ 1-омъ п. и только при переносѣ *съ-воръ* 72. 15—16, во 2-мъ п. 4 раза только безъ ѣ; *створи* и т. п. 6 р. въ 1-омъ п., 27 р. во 2-мъ п. и только 1 р. *съ-твориса* 198. 11—12 (при переносѣ), *скровица* 148. Предлоги надъ, подъ, прѣдъ б. ч. сохраняютъ конечное ѣ; *везъ* и *изъ* б. ч. теряютъ конечное ѣ подобно *възъ(ѣ)*; они и въ старословянскихъ памятникахъ обыкновенно пишутся безъ ѣ, при чемъ согласн. з часто выпадаетъ, ассимилируясь со слѣдующимъ согласнымъ глагола или имени (срв. Leskien, *Handbuch der altbulgarischen Sprache*, 2 Aufl., § 35) (у насъ таковы случаи передъ слѣд. з: *безнатбе* 45, *изамориса* 228, *исѣкше* 206 и др.); въ старослов. въ нѣкоторыхъ случаяхъ, м. б., можно предположить и простые предлоги *ве-* и *и-*, соответствующіе литовскимъ *be-* и *isz-*, какъ варианты при распространенныхъ помощію прибавки *зъ*, заключающейся также напр. и въ формѣ мѣстоименія личнаго *азъ*, *изъ*¹⁾, формахъ *везъ*, *изъ*, при проклитическомъ употребленіи вторично теряющихъ конечное ѣ (срв. также статью Kirste въ «Archiv für slav. Philologie» VIII, стр. 395—398).

Любопытное явленіе представляетъ соединеніе предлоговъ *възъ-*, *изъ-*, *от-* съ глагольными корнями, начинающимися съ мягкаго гласнаго; здѣсь нерѣдко замѣтно непосредственное соединеніе согласныхъ з и т съ слѣдующ. гласн. глагола, повидимому, безъ слѣда утраченнаго ѣ: *отъ-* 29, 62, 74, 85, 98, *отъмъше* 48, *изъмаша* 64, 68 при *изма-* 31, 73, 115, 146, 150, 165, 167, 232 (съ пропускомъ начальнаго глагольнаго неслогов. ѣ), *изъмъше* 178, *възмъма* 115, 156, *възмъмъше* 120 (съ пропуск. ѣ: *въ-зми* 164. 16—17), *изискаша* 148, *изицю* 163, *изѣдати* 162 и нѣкот. друг.

¹⁾ См. «Разборъ сочиненія А. В. Попова: синтаксическія изслѣдованія». . . Ф. Фортунатова въ Отчетѣ о двадцать-шестомъ присужденіи награды графа Уварова, стр. 16—17.

Едва ли вѣрно, какъ я думалъ раньше, замѣчаніе П. А. Лавровскаго («О яз. сѣв. русск. лѣтописей», стр. 43), что такой способъ сложенія долженъ быть приписанъ вліянію яз. ц. словянскаго, въ которомъ онъ дѣйствительно, кажется, употреблялся исключительно въ противоположность нашимъ изъѣхаша 155, съидошася 181, ѡша 173, 182, 190, 261, 306, 314, 333 и т. п. и употребительнымъ въ грамотахъ ѡти 1265 г., ѡимъ 1270, ѡимати *ibid.* (Смирновъ, Сборникъ др. русск. памятн., № 31, 32, Шахм. № 2 и 3), отомалъ 1389 г. при отыметъ и отыметъ, отойметьса москов. 1389², изондетъ новгор. 1431 г. и проч. (Сборн. госуд. гр. I), а также современнымъ великорусскимъ *отоймѣ*, *отойдѣ*, малорус. *одійду* и т. п., польск. *odejnować*, чешск. *odejmati* и т. п.; дѣло въ томъ, что и въ языкѣ древнѣйшихъ русскихъ грамотъ есть слѣды соединенія, свойственнаго древнѣйшимъ старословянск. памятникамъ: въ Юрьев. грам. 1130 г. ѡтимаекъ, и только что приведенные примѣры иного способа изъ новыхъ говоровъ, восходящіе приблизительно къ XII—XIII столѣт., могутъ объясняться аналогіей тѣхъ случаевъ, когда разбираемые предлоги соединялись съ глаголами, начинавшимися съ согласнаго звука (исключая тѣхъ согласныхъ, съ которыми конечный согласн. предлога могъ ассимилироваться).

Изъ суффиксальныхъ слоговъ, конечно, постоянно соблюдается ѣ въ концѣ словъ, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, больш. част. въ концѣ строки или страницы, а также при тѣсномъ соединеніи двухъ словъ, но и въ этихъ случаяхъ напр. новѣгородъ б. ч. пишется съ ѣ послѣ в, хотя нерѣдки и пропуски этого ѣ. Пропускается ѣ обыкновенно тогда, когда образуются производныя слова нов(ѣ)городѣци, нов(ѣ)городѣскѣи и т. п. Хотя въ первомъ поч. при частыхъ пропускахъ ѣ удерживается всетаки въ значительномъ количествѣ случаевъ и въ производныхъ, такъ что я позволю себя освободить отъ счета всѣхъ примѣровъ, во 2-мъ поч. статистика случаевъ привела меня къ слѣдующему результату: на 36 разъ новѣгородъ только 7 р. новгородъ, но на 127 р. новгород(ѣ)ци и новгород(ѣ)скѣи и т. п. только 9 р. новѣгород(ѣ)ци и-скѣи, изъ которыхъ 5 р. при переносѣ. Замѣтна черезъ о конечнаго ѣ наблюдается въ немногихъ примѣрахъ. Сюда относится ф. имен. винит. собств. имени вѣлхѣво 79, волхѣво 28, 45, 46, 96 въ 1-омъ и вѣлхѣво 212, 228, во—220 во 2-мъ поч.. Сюда же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести ф. прилагат. въ слѣд. примѣрѣ: приведе полонъ въ роусьску землю. толь силь-но ако и числа не баше 69. 16—17—18

(при переносѣ); правда, о здѣсь слилось въ черное пятно, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что это не ѣ, а можетъ быть прочитано только или какъ о или какъ ѣ; послѣднее было бы вдвойнѣ интересно, по кажется, придется согласиться съ издателями 1888 г., что это о. Кромѣ того, о находимъ въ односложныхъ мѣстоименіяхъ, особенно при тѣспомъ соединеніи ихъ съ частицами или удвоеніи. Кажется, напр., нужно понять то какъ тѣ въ слѣд. двухъ примѣрахъ: послаша по гюрга по кнѣа соуждалю. и не иде нъ посла снѣ свои ростисла оже то и пре былъ 43 (хотя возможно въ то видѣть и частицу¹⁾), понимая оже-то въ значеніи «такъ какъ»), да кого намъ прислеть то | нашъ влѣка 184. 13—14 (опять возможно въ то видѣть частицу)²⁾. При удвоеніи является тотъ 217. 1, хотя о здѣсь объясняютъ иногда вліяніемъ ф. косвенныхъ надежей. Затѣмъ во 2-мъ поч. 3 раза встрѣчается ф. кождо 178, 198 или—жь-до 193. 16—17.

Изъ другихъ суффиксальныхъ слоговъ ѣ удерживается всего охотнѣе въ причастіи прош. врем. передъ ш, такъ что въ 1-омъ поч. на 45 р. только 3 р. безъ ѣ (одинъ изъ нихъ створиш 30, впрочемъ, сюда не идетъ, такъ какъ здѣсь пропущено ѣ, а не ѣ; любопытно то, что примѣръ этотъ ц. словянской, книжный), а во 2-мъ на 59 случаевъ съ ѣ только 10 безъ ѣ. Замѣчательно, что въ этомъ суф. глухое произношеніе удерживалось диалектически до нашего времени: Потѣбня (Къ истор. звук., 36) приводилъ жимѣши бымѣши (Можайск. у. Москов. губ.), хотя не изъ живого говора, а изъ пѣсни. Замѣна ѣ черезъ о встрѣчается въ слѣд.: а иванка после имѣ | оуби водовикъ въвъргошъ | въ волхово 220. 21; но сомнительно, какъ читать это въвъргошъ, такъ ли, какъ понялъ П. А. Лавровскій («О яз. сѣв. русск. лѣтописей», стр. 70, примѣч.), т. е. какъ ф. вин. ед. ч. причаст. прош.³⁾ вмѣсто формы имен. ед. ч., или какъ дѣепричастную форму

¹⁾ Сравните союзъ оже то въ слѣд.: разгнѣва—са на тѣ. оже то грабили дань—слава. и ноздрѣю. 18—19. 1. Употребленіе частицы то при относит. мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ или союзахъ весьма обычно. Напр. въ новгород. грам. 1264—1265 г. (изд. Шахматова, № 1, стр. 237): «на семь кнѣже цѣлоуи ѣъ. . . на цѣмъ то цѣловали дѣди». . . (срв. *ibid.* №№ 2 и 3, стр. 239, 241). Въ грам. Рижанъ къ Витебск. кн. 1300 г.: «и то намъ поведали со великою жалоубою. . . какъ то еси товаръ оу нихъ ѣилъ». . . (А. Смирновъ, Сборникъ др. рус. памятниковъ. . ., 44 ст.). Срв. болгар. *кой-то, дн-то* и т. п. (Словарь Дювернуа) и общеслов. образованія къ-то, чѣ-то. Союзъ *оже* можно срв. съ чешск. *ježto*.

²⁾ Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что здѣсь то стоитъ въ концѣ строки (поводъ къ отступленіямъ).

³⁾ Ф. вин. ед. причаст. прош. въ своемъ собств. значеніи встрѣчается на стр. 170: оузрѣ ярослалъ полкъ псыгъшъ гюрги. . .

въвѣргъше (=первонач. ф. имен. множ. муж. р.), въ которой ѣ замѣнено черезъ о, а е черезъ ѣ, или какъ въвѣргоша (3 л. мн. ч. аор.), относя къ приверженцамъ Водовика, какъ предшествующее поуша (т. е. поустиша) ib., а примѣры подобнаго сокращенія окончанія 3 л. мн. ч. аориста мы имѣемъ во възашь 142. 16, 197. 9 и послашь 162. 1 (сравн. бгышь въ грам. около 1300 г.), м. б., черезъ посредство формъ—ше (такая перегласовка ша въ ше, по свидѣтельству Соболевскаго въ «Очеркахъ изъ истор. рус. яз.» 126, обычна въ псковскихъ памятникахъ XIV-го в.). Затѣмъ довольно правильно употребляется ѣ въ именномъ суф. ѣк- словъ женскаго рода: любѣвь,—ю 5 разъ въ 1-ой ч. (первая ф. 1 р. на стр. 100, вторая 4 р. на стр. 47, 49, 93, 104), но при этомъ 2 раза любѣвю 56, 65; любѣвь 3 р. во 2-мъ п. (164, 186. 10, 15), 1 р. любѣвю 168, 1 р. любѣвницехъ 215— всего въ этомъ словѣ съ производными во 2-мъ поч. 5 разъ; дорогѣкъ 2 р. въ 1-ой ч. (73, 97), но дороговъ 208. 6—7 во 2-й ч. при переносѣ; цркѣвнѣи 107 род. мн. только одинъ разъ съ ѣ въ 1-ой ч., остальные примѣры въ обѣихъ частяхъ относятся къ ф. винит. п. ед. ч. и всѣ имѣютъ о: црѣко-въ 12. 16—17, 91. 16—17, 113, 122, 126, 144. 11—12, цѣрковъ 90. 2—3, цѣрковъ 112. 7—8, только 1 разъ не при переносѣ цѣрковъ 101, всего съ о 9 разъ въ обѣихъ частяхъ, но изъ нихъ по крайней мѣрѣ шести нельзя придавать большаго значенія, такъ какъ въ нихъ переносъ на другую строку приходится какъ разъ послѣ этого суффиксальнаго о. Въ суф. ѣк—также довольно часто соблюдается ѣ: городѣкъ 38 (им. ед.), 50 (род. мн.); избытѣкъ 108; глѣбѣка 37; микоулѣцица 41, -ѣлъ- 30. 16—17 (переносъ послѣ ѣ),—ю 32, 48 (всего 4 р.); радѣко 90; осминѣка 23, -ѣнѣ- 38; савѣкине 106; ѣнѣка 10; кротѣкоу 110; хревѣкове 107; иванѣкови 76. 6—7 (переносъ послѣ ѣ); ѣблѣковъ 60. 2 (особый случай: къ старой основѣ на ѣ, вѣроятно, имѣвшей передъ ѣ ирраціональный гласный=наш. ѣ или ѣ, прибавленъ суффиксъ ѣк¹⁾, а группа ѣлѣкъ еще въ общесловянскую эпоху упростилась въ ѣлѣкъ)—всего 17 разъ въ 1-ой ч., но безъ ѣ также нерѣдко: вс(ѣ)(е)володка 34, 40, -ѣкомъ 39, иванко 79, -ѣнка, -ѣкоу, -ѣковицу 29, 30, 49, 75, 105, 111, 114 (2 р.), 115, кадѣкоу 63, осминѣка 22,

¹⁾ Сравни литов. *obelis*, нѣм. *Apfel*—съ гласн. передъ ѣ (также латыш. *ābols*, др. в. н. *arhil* и др., см. Miklos. *Lexicon palaeoslov.*). Но важно то, что предполагаемая здѣсь группа ѣлѣкъ (или ѣлѣкъ) въ общесловянскую эпоху уже должна была вполне слиться съ такими случаями, гдѣ сочетаніе ѣлѣ+сопс. является въ корнѣ, т. е. гдѣ передъ плавнымъ не предполагается глухого, каковы напр. *ѣлѣха*, *ѣлѣтъ*, *ѣлѣтъ* и т. п.; сравни серб. *јабука* съ *буха* (В. Карадж. Срп. рјечник).

останкоу 105—16 разъ, а если присоединить Михалко 76, 78, 79, -омь 78, 121, Васиako 11, въ которыхъ, особенно въ послѣднемъ, предполагается скорѣе ъ, то примѣровъ безъ глухого въ этомъ суффиксѣ окажется больше. Во 2-ой ч.: иванъ-ка 172. 17—18, -коу 186. 17—18 (при переносѣ), — ковица 159—160, крѣпъ-ко 186. 6—7, коу-бѣковъ 140. 2—3, кротккъ 225, льгъко 201, останкѣ 162. 14,—къ-кѣ 162. 17—18 (переносъ), -къкъ 222, паткъкъ 136, -ѣ 218, придаткъкъ 210; но чаще съ пропускомъ ъ въ тѣхъ слогахъ, гдѣ по фонетическимъ условіямъ онъ долженъ былъ стать неслоговымъ (т. е. передъ слогами съ чистыми гласными): блоуткиница 220 (собств. имя отеч.), влоунко-вица 220 (хотя переносъ, но не въ томъ мѣстѣ, гдѣ пропущенъ ъ)¹⁾, дѣкты 193, иванка 172, 187, 200 (2 р.), 204, 216, 218, 220 (3 р.), -кѣ 220. 4, -комь 207, -коу 216, -ковица 173 (2 р.), 162, 200, о иванцѣ 200³⁾, кротка 211, 225, крѣпко 230, в лодкахъ 205, лодкы 206 (2 р.), михалка 217, михалка²⁾ 143, мѣ—оу 127, -овица 161, -овицю 149, -ць 144, мѣлковѣ 173, радка 200, паровчи³⁾ 220, тудорковица 218, санкахъ⁴⁾ 186. Любопытно сохраненіе ъ въ твор. и мѣстн. п. множ. ч. основы на ъ (ѣ): пелъми 23, въ домъхъ 107. Напротивъ, суффиксъ творит. пад. ед. ч. словъ муж. р. на ъ (первонач. основъ на о и ъ=ѣ) въ подавляющемъ большинствѣ 57 случаевъ пишется черезъ оми при 5 лишь случаяхъ ѣми въ 1-ой ч.: архепѣми 32, городъми 76, мртъми 116, смородъми 24, гарославъми 111; во 2-ой же ч. на 71 примѣръ -омъ-ни одного раза ѣми; кромѣ того, много примѣровъ сокращенныхъ, подъ титлами. Слѣдуетъ отмѣтить еще употребленіе ъ одинъ разъ въ сложномъ суффиксѣ -гъда (при переносѣ во 2-омъ поч.), въ которомъ обыкновенно пропускается ъ и въ древнѣйшихъ памятн. старослов.: тѣгъ-да 195. 4—5 (примѣръ этотъ засчитанъ въ число 36 случаевъ тѣгъда во 2-омъ поч.).

¹⁾ Но основаніи ф. влоунковичъ 248 въ 3-ей ч. вѣриѣе, впрочемъ, видѣть здѣсь пропускъ ъ, а не ъ, т. е. суф.-ѣкъ, а не -ѣкъ. Происхожденіе этого имени для меня неясно.

²⁾ При существованіи формы Михалко 144, Михалъ 229 и т. п. здѣсь, какъ и въ влоунко 199 (сравн. и въ 1-омъ поч.), позволительно и вѣриѣе видѣть пропускъ ъ, а не ъ; тоже относится и къ производнымъ отечественнымъ.

³⁾ Здѣсь возможно видѣть пропускъ ъ, происшедшаго изъ ъ по закону гармоніи передъ слѣдующимъ мягкимъ слогомъ (ц и ч вм. ѣ); сравн. малорус. *русальчин* прилаг. при сущ. въ имен. ед. *русалка* и т. п.

⁴⁾ Въ этомъ уменьшит. отъ сами предполагается ъ такъ-же, какъ въ *лодъка при *лодь или лодья, въ *кадъка при кадь, *клѣтъка при клѣтъ и мн. др. Но м. б., здѣсь первоначальнѣе ъ?

Укажу еще на неорганическое *ч*, въ иностранныхъ словахъ: ген^ввра 25, ген^ввара 26, 30, мор^два 12, пан^чкрати^а 109, при переносѣ кас^ч-пле 120. 16—17 (название рѣки). Эти случаи подобны примѣрамъ александра, оп^чдрѣвича въ Новгород. грамотахъ (см. у Шахматова въ «Исслѣд. о яз. Новгород. гр.», стр. 143, 263, 269).

Для 3-го почерка является почти правиломъ пропускъ неслогового *ч* и замѣна черезъ *о* слогового *ч* и въ коренныхъ слогахъ и въ суффиксальныхъ. Такимъ образомъ находимъ съ *о* вм. *ч*: вон^ч 266, 287, золь 266, 270, 274, кровь 237, 258, 264, 275, 280, 282, 283, 292,— и 294,— опролитецъ 245,—опролитити^а 269, 299,—ю 237, 250, въ плотник^чхъ 331, оуповаемъ 260, сноха 246, посольствомъ 272, постоянно союзъ но 238, 242, 245, 250, 252 и проч. (25 разъ), тогда 242, 243, 245 и пр. (21 р.).

Въ конечномъ слогѣ односложнаго мѣстоименія, какъ и во 2-ой ч., при тѣсномъ соединеніи съ частицей: кождо 240; также въ конечномъ слогѣ собств. имени: изборьско 254 рядомъ съ изборьск^чь ib. Въ суф. *чк*(*ч*) и *-чк-* замѣняется первое *ч* черезъ *о*, если за *к* или *в* не слѣдуетъ чистаго гласнаго: избытокъ 262, останокъ 263, 318, пасынокъ 260, патѣ 279; литовьск(оу) 272, 283, -(ого) 281, 283 (срв. польск. *litewski*) отъ существ. *лит^чва (срв. литов. *lietuwa*) (в литѣ 279, 280, литкы 283). Тоже въ предлогахъ, если за ними слѣдуетъ стечение согласныхъ, болѣшею частію какъ слѣдствіе исчезновенія глухихъ, или неслоговое *и* (*i*): во всемъ 241, во всякомъ 241, во има 281, вослаша 308, во тѣбрь 280, 307, 314, 321,— и 328, во тѣ годъ 244, ко тѣбри 321, со вѣстока 240, со лживымъ 272, со тѣбри 316, 321, 324, совъкоупи 315 при совкоупи 240, 294, соидеса 319, соима 282 и проч.; также на листахъ 335—337, написанныхъ иными почерками: во орѣховѣ 336, изо пскова 336, ко стму 337, со кртгы 337. Наоборотъ «неслоговое» *ч* пропускается не только въ такихъ случаяхъ, какъ кдѣ 269, 303, 321, кто 271 и др., много 238, 244, 254, 264, 272 и др., мнѣ (дат. ед. мѣст. л.) 250, въ которыхъ и точные относительно *ч* и *ь* памятники дѣлаютъ пропуски, но и зла 238, 254, 270, 273, 317, 321 и др., двѣ 260 и проч.; въ суф.—*чш-*: вземшемъ 245, вземше 275, оубогавшеса 274; въ суф. *-чк-*: городкоу 323, иванко 248, останкы 264 (только 1 разъ съ *ч*: данил^ч-ко 320. 9—10); въ конечномъ слогѣ при тѣсномъ соединеніи со слѣдующимъ словомъ: онже 281, покаемса 250, възвратимса 245, 290 и т. п.; въ предлогахъ, примыкающихъ въ слоговомъ отношеніи къ слѣд. имени или глаголу: съ встока 240 (въ данномъ случаѣ возможно и то, что предлогъ *с* изъ *въз-*, кото-

рое изъ болѣе древняго, предшествующаго даже времени написанія древнѣйшихъ старослов. памятниковъ, *вѣзъ, въ слоговомъ отношеніи при-мыкаль къ предшествующему предлогу съ-), внизъ 270, 271, в торопчи 251, в новгородъ 260, 264, 292, 293, 303, с дѣтьми 255, с молбою 294, 320, вѣда 256, 289, вѣмше 275, вѣша 247, 253, 272 и пр., снаса с романомъ 243, своръ 247, 252, 276, 309, 330, свѣтъ 266, 274, 292(-а), сгрѣшихомъ 307, свершиша 306, створи 241, 242, 282, 288, 301, 315, 317, 324, 328. Если я назвалъ ѣ въ этихъ случаяхъ неслоговымъ, то я разумѣлъ господствующее въ нынѣшнихъ говорахъ произношеніе этихъ словъ, указывающее на выпаденіе ѣ; но нѣкоторыя слова, какъ своръ, свѣтъ, въ нынѣшнемъ литературномъ русскомъ, едва ли органически, получили о: *собор*, *совѣтъ*¹⁾. Другое дѣло такіе случаи, какъ сгрѣшихомъ 307, створи и т. п., гдѣ ѣ приходилось передъ группой согласныхъ, и потому фонетически скорѣе должно было стать слоговымъ или полуслоговымъ (можетъ быть, вѣрнѣе сказать, удержать полуслоговой характеръ). Тоже слѣдуетъ сказать и о нарочно пропущенныхъ мною примѣрахъ дчи 246, дчеръ 251: весьма сомнительно, чтобы здѣсь передъ сложнымъ согласнымъ ч глухой сталъ дѣйствительно вполнѣ неслоговымъ, чтобы затѣмъ исчезнуть совсѣмъ; если бы это было такъ (а теоретически по аналогіи другихъ словянскихъ нарѣчій мы такъ и ожидали бы), то мы гдѣ либо въ великорусскихъ или хотя бы малорусскихъ говорахъ находили бы формы *чи, *черъ, подобныя сербскимъ *чи*, *ћер*, болгарскимъ *щерка*, *керка*, *черка* (сѣв.-зап.), польск. *córa*; между тѣмъ, даже при условіи сохраненія ударенія на конечномъ и, мы находимъ въ сѣверновеликорусскомъ здѣсь о между д и ч, свидѣтельствующее о слоговомъ характерѣ нѣкогда бывшаго здѣсь з: *дочіи*, *доциі* Гильферд. (Олон.) 587 (Колосов, Обзор зв. и форм. особ... 209). Вслѣдствіе этого соображенія я позволю себѣ дчи и дчеръ читать съ глухимъ звукомъ по крайней мѣрѣ полуслоговымъ между д и ч. Однако замѣчательно, что въ памятникахъ есть слѣды того, что въ этомъ словѣ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ говорахъ ѣ, если и не достигало, м. б., полного исчезновенія, то по крайней мѣрѣ становилось неслоговымъ; а именно напр. въ Лаврент. сп. лѣтопис. мы находимъ слѣдующія написанія: тѣщерь 60. 27, тѣщерию 34. 22—23 (при переносѣ, рядомъ дѣщерию 34. 25), тѣчеръ 46. 27,—и 28, тчери 50. 11 (см. свѣтопеч. изданіе, срв.

¹⁾ Срв. сербск. *сабор*, *саѣтет* при болѣе обычныхъ и народныхъ *збор* (отчасти въ переносн. знач.), *саѣтет* (В. Ст. Караджичъ, Срп. рјечник).

«Крит. замѣтки по ист. р. яз.» Ягича, стр. 64); если и можно согласиться съ замѣчаніемъ Потевни («Къ истор. звук.» I, 37), что ассимиляція согласныхъ можетъ совершаться и черезъ глухой звукъ, то во всякомъ случаѣ, считая этотъ глухой за неслоговой. Весьма возможно, что и въ нашемъ дчи и т. п. было неполныхъ два слога, вслѣдствіе чего съ одной стороны при дальнѣйшемъ ослабленіи глухого могла получиться форма, подобная записанной въ Лавр. лѣт. съ измѣненіемъ д въ т, съ другой при возстановленіи вполнѣ слогового характера глухого — форма, извѣстная въ Олонецк. говорахъ. Что форма тѣчерь изъ дѣчерь (въ первой т болѣе слабого характера, чѣмъ во второй) привела бы къ ф. *черь (ибо *тчерь фонетически невозможно), доказываетъ ф. чанъ изъ первоначальнаго дѣчанъ черезъ посредство *т(з)чанъ—чанъ. Что глухой звукъ т въ извѣстныхъ сочетаніяхъ (съ шипящими, особенно сложными, съ группой согласныхъ, съ плавными, и исцомъ 3-го поч. могъ слышаться въ качествѣ, м. б., полуслогового звука (настоящаго «полугласнаго»), это доказывается такими примѣрами, какъ: дѣждемъ 250, дѣждеве 263, плѣти 275, крѣви 237, 245, 299. 7—8; замѣчательно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ въ слѣдующемъ слогѣ является чистый гласный — условіе, при которомъ обыкновенно т предшеств. слога становится неслоговымъ; такъ бы было и здѣсь, если бы не оказывали задерживающаго вліянія сопутствующіе согласные; хотя теоретически и возможно образованіе формы крѣи, существующей напр. въ польскомъ (*krwi*) и существовавшей, кажется, частію и въ юго-зап. русскихъ говорахъ: крѣи, кѣи и т. п. въ Поликарп. Ев. 1307 г. (Шахматовъ, «Измѣдов. въ обл. р. ф.», 32), но въ «восточно-русскихъ» говорахъ до этого не дошло, и прежде, чѣмъ т въ ф. крѣви успѣло потерять вполнѣ слоговой характеръ, оно его возстановляло, м. б., поддерживаемое слоговымъ т, почти совпадавшимъ съ о, въ формѣ крѣвь (въ 3-мъ поч. кровь) (срв. у Шахматова въ «Измѣдов. въ области рус. фонет.» 44); выражаясь языкомъ Шахматова, въ формѣ крѣви, вѣроятно, было «и ирраціональное слоговое» или, прибавлю отъ себя, скорѣе *полуслоговое*¹⁾. Я укажу еще немного примѣровъ употребленія т въ предлогахъ разъ, изъ, гдѣ обыкно-

¹⁾ Не слѣдуетъ ли обратить вниманіе на то, что встрѣчается здѣсь лишь крѣи, но только кровопролитецъ и т. п.? Это обстоятельство указываетъ, кажется, на удержаніе именно глухого звука, склоннаго къ и или ѣ; тамъ же, гдѣ по закону гармоніи (передъ слогомъ съ широк. гласнымъ) глухой получалъ окраску болѣе широкаго зв., онъ измѣнялся и въ «неслоговомъ» положеніи послѣ группы согласн. + р въ звукъ, близкій къ о.

венно и въ 1-омъ и 2-мъ поч. ѣ опускается: розѣратилиса 293, изѣзамо-рига 240, изѣимаша 257 (послѣ изѣи-переносъ), изѣобнажено 248; изъ нихъ только въ изѣимаша (см. объ этихъ случаяхъ выше) я склоненъ читать ѣ, какъ особый звукъ, м. б., близкій къ о, въ остальныхъ же скорѣе вижу графическое явленіе.

Я остановился на объясненіи фактовъ 3-го почерка раньше первыхъ двухъ во-первыхъ потому, что они проще, а во-вторыхъ для того, чтобы показать, что даже и писецъ 3-го поч. не былъ чуждъ произношенія рефлексовъ стараго ѣ въ качествѣ особыхъ звуковъ; это слѣдуетъ сказать именно относительно *полуслогового* ѣ. Но писцу 3-го поч., повидимому, было уже чуждо *вполнѣ* слоговое ѣ, перешедшее у него въ о. Что касается писцовъ 1-го и 2-го поч., то я надѣюсь, что приведенныя мною написанія ихъ даютъ право предполагать у нихъ существованіе и *слогового* ѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Конечно, нѣчего говорить о такихъ случаяхъ, какъ *кде, кто, князь, много, мнѣ* и т. п., гдѣ и въ первыхъ двухъ почеркахъ постоянно пропускается ѣ, удерживаясь лишь въ единичныхъ случаяхъ всякій разъ при переносѣ: здѣсь ѣ теряло слоговой характеръ и затѣмъ исчезало еще, можетъ быть, въ говорахъ общесловянскаго языка, хотя надо замѣтить, что старословянскіе памятники не ко всѣмъ этимъ случаямъ относятся одинаково и довольно правильно пишутъ ѣ въ *кде, князь, кто* (въ Зограф. постоянно *кде*, только 1 р. *кде*, 105 разъ *кто* при 10 р. *кто*, 5 р. *кто*, 1 р. *кто* и 2 сомнит. случаяхъ, постоянно съ ѣ *князь*¹⁾ и т. п.; въ Маріинск.²⁾ *кде* 21 р., *кде* 2 р., но *кто* только 41 р. при 80 р. *кто*, *князь* съ производными 16 р. при 5 р. *кн-* и 1 р. *кн-*; въ Остромир.³⁾ кажется, только правильныя формы съ ѣ); что касается *многъ* съ производными, то Маріинск. 198 разъ²⁾ пишетъ правильно при незначительномъ числѣ примѣровъ безъ ѣ или съ ѣ, въ Зографскомъ напротивъ *многъ* преобладаетъ надъ этимологически вѣрной формой *многъ* такъ-же, какъ и *множ* и *мнѣ* надъ правильными формами съ гласными¹⁾, въ Остр., судя по молчанію Козловскаго⁴⁾ относительно этихъ словъ, только правильныя

¹⁾ Jagić, «Studien über das altsloven.—glagol. Zograph. — Evangelium», стр. 23, 24, 26 (Archiv. f. sl. Ph. I).

²⁾ Маріинское четвероевангеліе, издан. Ягича, словарь.

³⁾ М. Козловскій, «О языкѣ Остромирова Евангелія», стр. 41.

⁴⁾ Ibid. 41.

формы. Къ числу еще болѣе древнихъ случаевъ выпаденія неслогового *ъ* вслѣдствіе тѣснаго соединенія словъ принадлежитъ выпаденіе *ъ* въ сложной частицѣ -гда (изъ-гъда), являющейся всегда лишь въ соединеніи еще съ вопросительными, указательными и т. п. частицами *къ-* (ко-), *ткъ-* (то-) и т. п.; здѣсь уже во всѣхъ древнѣйшихъ старословянскихъ памятникахъ постоянно -гда и лишь, какъ исключеніе, какъ у насъ на стр. 195. 4—5 (см. выше), и въ Остром. Ев. встрѣчается 2 раза -гъда¹); но, какъ у насъ, такъ и въ Остром. Ев. оба случая при переносѣ (см. издан. Востокова л. 20^a. 11—12 *никогъ-даже* Ю. VI. 35, л. 23^b. 1—2, Ю. V. 7 *къ-гъдаже*); такого же рода случай у насъ въ *нѣгли*, гдѣ тѣсное соединеніе той-же частицы *гъ* съ другой частицей ли подобно тому, какъ *г(ъ)да* есть тѣсное соединеніе *гъ* + *да*: изъ болѣе древняго *негъли* (въ Савин. кн. 23^b, у Григор. Наз.) получилось *негли* (уже въ Супрасл.) и фонетически съ измѣненіемъ звучнаго въ отзвучный *негли* (тоже уже въ Супр., нпр. 286, 302), а подѣ влияніемъ *негъли* вторично *некъли* (см. Miklosich, *Lexicon palaeoslov.*); указаніемъ на эти древніе случаи выпаденія *ъ* я обязанъ проф. Фортунатову. Такъ, не говоря уже о такихъ случаяхъ, мы въ 1-омъ и 2-мъ, какъ и въ 3-мъ поч., находимъ почти постоянно пропускъ *ъ* въ такихъ положеніяхъ, гдѣ онъ всего скорѣе долженъ былъ стать неслоговымъ, и въ корняхъ и въ суффиксахъ (см. примѣры выше), если только не оказывало задерживающаго вліянія качество сопровождающихъ глухой согласныхъ. Таковыми являются, повидимому, *в*, *р* и шипящіе, въ особенности сложные шипящіе (*ч*) или сочетанія съ шипящими (*жг*, *жд*); этимъ объясняется, почему слово *въноукъ* въ 1-мъ поч. исключительно пишется съ *ъ*, хотя во второмъ поч. оно уже въ подавляющемъ числѣ случаевъ теряетъ *ъ*, почему пишется *дрѣва*, *крѣви* въ обоихъ поч., а въ 1-омъ и *рѣжи* (во 2-мъ только *ржи*), *дѣци*, *дѣчерь* и т. п., *дѣждево*, *дѣжгево*²) и т. п., почему почти безъ исключеній въ 1-мъ и съ небольшимъ числомъ отступленій во 2-мъ поч. пра-

¹) Ibid. 44. Я несогласенъ съ Гебауэромъ, что ст. чеш. *tehda*, *tehdy* изъ *tv—kьda*, *tv—kьdy* (*Histor. mluvnicе... 179*) (срв. тоже производство этой общесловянской частицы въ стат. И. И. Козловскаго въ X т. стр. 654 «*Archiv. f. sl. Philol.*» и у Огоновскаго въ «*Studien*»... стр. 161), а вывожу ст. чеш. *tehda* = ст. слов. *тѣда* изъ праслов. *ф. tv—ьda*; въ пользу *г* говоритъ болгар. суф.—*га* въ *кога*, *мога*, а также нижнелуж. *ga* (*Maretić, Veznici u slov. jezicima, Rad jugoslav. akad. 91, стр. 60*).

²) Полуслоговой характеръ звука въ этомъ словѣ былъ, кажется, и въ старочешск., судя по написаніямъ въ староч. пам.: *we dьczy* (*ve dšci*—н. ч. *v dešti*) *Ž Wittb. Deut. 2* и т. под. (*Gebauer, Histor. mluvnicе... 169*).

вильно пишется ѣ въ формахъ причастія прош. вр., имѣющихъ ш послѣ ѣ, и т. п. Что касается суф. -ѣк-, то здѣсь въ положеніи, удобномъ для образованія неслогового ѣ, и въ первыхъ двухъ почеркахъ ѣ очень часто пропускается, но важно обратить вниманіе на то, какіе согласные сопровождаютъ при этомъ ѣ; въ 1-омъ поч. напр. нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы ѣ было пропущено послѣ к, во 2-мъ же уже встрѣчается дѣккы (см. выше), а въ 1-омъ при к удерживается ѣ: савѣкине, хреѣкѣкове (см. выше), и это стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что писецъ 2-го поч. употребляетъ ѣ въ этомъ суффиксѣ почти только въ слоговомъ положеніи (льѣкко, м. б., подѣ влияніемъ льѣккѣ или изъ желанія раздѣлить 2 гортанныхъ согласныхъ, останѣкѣ подѣ влияніемъ останѣккѣ, остальные случаи при переносѣ), и для него ѣ въ «неслоговомъ» положеніи могло уже не слышаться даже послѣ ѣ, между тѣмъ какъ для писца перваго поч. ѣ въ такомъ положеніи могло еще слышаться послѣ ѣ хотя бы въ качествѣ *полуслогового* звука, какъ это слѣдуетъ замѣтить и относительно приводимаго Шахматовымъ¹⁾ примѣра дѣѣкѣ изъ Вклад. Варлаама конца XII вѣка. Я не могу согласиться съ Шахматовымъ, чтобы ѣ въ дѣѣкѣ, давѣше и даже въ емѣше могъ сохраняться только подѣ влияніемъ формъ и словъ дѣѣкѣкѣ давѣши, имѣши; я принимаю во вниманіе здѣсь особія фонетическія условія (послѣ ѣ и передъ ш); еще скорѣе я могу объяснить сохраненіе ѣ въ емѣше и другихъ причастныхъ формахъ отъ глагольныхъ основъ, оканчивающихся на согласный звукъ, влияніемъ такихъ случаевъ, какъ давѣше, гдѣ было ѣ. Я думаю, что во всѣхъ этихъ случаяхъ (т. е. въ «неслоговомъ» положеніи) ѣ могъ слышаться для писца 1-го, а частію, м. б., и втораго поч. въ качествѣ звука вродѣ какого-либо *ирраціональнаго полуслогового* и. Но, какъ показываютъ примѣры дѣѣ, дѣѣма, два, о два въ обоихъ почеркахъ (исключительно безъ ѣ и безъ ѣ, какъ бы можно было ожидать подѣ влияніемъ слѣдующаго кѣ, и какъ дѣйствительно находимъ напр. въ Зограф. Еванг.²⁾ и нѣкоторыхъ другихъ старословянскихъ памятникахъ), задерживающее влияніе на глухой звукъ могло оказывать только предшествующее ему к, а не слѣдующее за нимъ; а потому въ суф. -ѣк- едва ли чисто фонетически можно объяснять сохраненіе ѣ «въ неслоговомъ»³⁾ положеніи; кѣ сожалѣ-

1) «Изслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 31.

2) Jagić, «Studien»..., стр. 19.

3) Выраженія «неслоговое» и «слоговое» положенія я вездѣ отмѣчаю въ кавычкахъ

пю, однако, у насъ встрѣчается лишь одинъ такой случай — цр̄к̄ви (въ 1-мъ поч.), срв. въ грам.* 1264—1265 гг. (№ 2, стр. 240 по изд. Шахматова въ 1-мъ т. сборника изслѣдованій по рус. яз.) по любьви, м. б., подъ вліяніемъ любовь или любѣвь, какъ находимъ въ нашемъ памятникѣ.

Теперь я обращаю вниманіе на нѣкоторые случаи «слогового» положенія, въ которыхъ нашъ памятникъ въ первыхъ двухъ поч. представляетъ замѣчательную правильность. У насъ исключительно черезъ ч пишутся нъ, кьгда (2 р. во 2-мъ поч.) и тьгда (1 случай тогда во 2-мъ п. при переносѣ); встрѣтившееся 1 р. въ новгородскихъ грамотахъ тьгда (1304—1305 г., № 10, стр. 250 по изд. Шахматова) и 2 р. нъ (1264—1265 гг., ib. №№ 1, 2, стр. 237, 239) согласно съ нашимъ. Замѣчательно, что относительно словъ кьгда, тьгда и старословянскіе памятники имѣютъ много отступленій. Только въ Супрасльск. сборн.¹⁾ исключительно ч въ этихъ словахъ, всѣ же остальные при формахъ съ ч имѣютъ и формы съ о, а именно: въ Маріинск.²⁾ когда 14 разъ только съ о, тьгда 87 разъ съ ч при 21 случ. тогда, въ Зограф.³⁾ на 2 раза кьгда 9 разъ когда и при 28 случ. тьгда 17 р. тогда, въ Остромир.¹⁾ напротивъ только по 2 раза кьгда, тьгда, а въ остальныхъ случаяхъ ко-, то-. Повидимому, тз- удерживалось охотнѣе, чѣмъ кз-; причина можетъ заключаться въ разницѣ физиологическихъ условій произношенія т и к; но во всякомъ случаѣ нельзя когда и тогда въ старослов. памятникахъ фонетически выводить изъ кьгда, тьгда, а необходимо признать для общесловянскаго яз. двѣ праформы — съ ч и съ о, какъ показываютъ различныя словянскія нарѣчія: съ одной стороны чешск. *kedy, kdy, tedy*, ст. чешск. *tehdy* и *tdy* (напр. въ легендѣ о 12 апостол. XIII в., см. у Добровскаго въ «Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur» § 10, и Šafařík, *Wybor z literatury české I*, 1143—1146, срв. у Гебауэра «Histor. mluv. jaz. českého», стр. 179), польск. *kiedy, gdy, tedy*, серб. *kad, kada, mād mada* (В. Караджичъ), словѣнск. *kadaž, tadaž* съ замѣною з черезъ а или kedáj

потому, что не считаю ихъ чѣмъ либо постояннымъ и неизмѣннымъ для всѣхъ эпохъ и всѣхъ говоровъ, а лишь извѣстнымъ отвлеченіемъ изъ большинства діалектическихъ и временныхъ различій, хотя и оправдываемымъ и теоретическими соображеніями (сравн. напр. совпаденіе рефлексовъ «слогового» и «неслового» глухого въ сербскихъ формахъ *дан* и *dāna* вопреки теоріи).

¹⁾ Козловскій М., «О языкѣ Остром. Еванг.», стр. 43.

²⁾ См. словарь къ Маріинск. Ев. при изданіи И. В. Ягича.

³⁾ V. Jagić, *Studien über das altslov.... Zogr.*—Ev., 22—23, 29.

-*kdaj*, *tedáj* съ глухимъ звукомъ (M. Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar) восходятъ къ формамъ съ *ъ*, съ другой—болгар. *кога*, *тога*¹⁾ (Словарь Дювернуа) указываетъ на первонач. *о*; только всѣ эти формы отличаются отъ ст. слов. и русскихъ по суффиксу (съ одной стороны одно -*да*, съ другой, въ болгарск., одно *га*, а не соединеніе *гъ+да*, какъ въ ст. сл. и русск.). На *ъ* указываетъ также старочешск. *inhd*²⁾, откуда *ihned* и нынѣшн. *hned*; въ ст. слов. также иногда (Зограф.) при *ингда* (Супрасл.)³⁾. Не смотря на преобладаніе формъ съ *о* въ Остромиров. Еванг., что можетъ быть отнесено на счетъ его южнославянскаго оригинала, въ виду господства формъ съ *ъ* въ русскихъ самостоятельныхъ произведеніяхъ XII—XIII вѣка, каковы Житіе Θεодосія по списку XII-го в. Московскаго Успенскаго собора и 1-й и 2-й поч. Синодальной рукописи Новгородской лѣтописи, мы можемъ нынѣшнія русскія формы тогда—когда возводить къ праславянскимъ и прарусскимъ формамъ съ *ъ*⁴⁾. Я назвалъ положеніе *ъ* въ этихъ словахъ «слоговымъ» не вполне точно, и необходимо сдѣлать оговорку: такъ какъ *ъ* между *г* и *д* исчезъ еще, вѣроятно, въ доисторич. эпоху (см. выше)⁵⁾, то положеніе *ъ*—ра въ *тъгда* можетъ быть сравнено съ положеніемъ передъ группой согласныхъ и названо «полуслоговымъ» (какъ въ *дъждемъ* и т. п.); это различеніе важно въ томъ отношеніи, что въ чисто «слоговомъ» положеніи, т. е. въ слогѣ, удлинившемся вслѣдствіе утраты глухого въ слѣд. слогѣ, у насъ б. ч. встрѣчается и *о* вм. *ъ* (сравн. *сочьскаго* во 2-мъ п.). Житіе Θεодосія, памятникъ въ высшей степени любопытный по языку, въ данномъ случаѣ любопытно при сравненіи съ Новгород. лѣтописью въ томъ отношеніи, что, какъ памятникъ южнорусскій, оно обнаруживаетъ совпаденіе въ правописаніи слова *тъгда* (исключительно черезъ *ъ*; я насчиталъ 59 разъ)⁶⁾ съ памятниками новгородскими; въ немъ

1) Формы литерат. языка; въ говорахъ же не только западныхъ (пиротск. *кма*, *кда*, Пер. Спис. XIX—XX, 1886, стр. 253—256, Теодоровъ ib. на стр. 149 приводитъ *тмаі*, *сгаі*), но и въ восточныхъ (по свидѣт. М. С. Дринова 21 апрѣля 1896 г., *тгис*) встрѣчаются формы съ *ъ*.

2) Gebauer, Historická mluvnické jaz. českého, 230; см. примѣры въ чешск. памятникахъ XIV в. (Wybor z literatury české I, 100, 296, 1013).

3) V. Jagić, Studien... 30.

4) Конечно, ничего невозможнаго нѣтъ въ томъ, что древнерусскій языкъ діалектически при формахъ съ *ъ* зналъ и формы съ *о*, еслибы на это были доказательства.

5) Т. е. въ ту эпоху, когда *ъ* въ среднемъ слогѣ (закрытомъ), вѣроятно, болѣе долгій, чѣмъ въ слогѣ прямомъ, могъ оставаться, не просясь въ *о*, подобно тому, какъ это и теперь въ болгарскомъ.

6) Житіе Θεодосія я цитирую по издан. О. И. и Др. съ предисл. А. Попова (Москва, 1879).

встрѣчается также, правда, при переносѣ, и-нѣгда $\bar{b}e$ d. 2—3, два раза попало $\bar{b}e$ гда $\bar{a}g$. b и 4 раза $\bar{b}e$ гда \bar{d} . d (2 p.), $\bar{g}i$. c (2 p.); при этомъ въ немъ находимъ также во временномъ, частію условномъ, значеніи часто встрѣчающуюся частицу **тоже**, которая стоитъ иногда въ аподосисѣ послѣ **егда же**, иногда самостоятельно, лишь указывая на предшествующее и связывая съ нимъ послѣдующее; я позволю себѣ привести два, три примѣра: **егда же** | ли пакы кого слышааше | бесѣдоующа дѣва ли или | триє съшедъшеса въ коу | пѣ. **тоже** тоу оударивъ | свою роукою въ двѣри ти тако \bar{w} хожааше $\bar{g}i$. d. и **егда же** сии прихожаа|хоу къ нѣмоу. **тоже** си | и тако по бжѣствнѣ|мь томъ оучении. прѣ|дѣставлааше тѣмъ | трапезоу \bar{w} брашнѣ | тѣхъ монастырьскы | ихъ. . . $\bar{m}i$. b—с. . . тѣ же (т. е. келарь) ше|дъ повѣда блаженуоумоу | оію нашему еодосію. $\bar{t}a$ ко нѣсть кѣто воды нося. | **тоже** блаженны съ спѣхъ | мь въставъ начатъ водоу | носити отъ кладязя. . . . $\bar{z}i$. b.

Въ нашей лѣтописи я отмѣтилъ этотъ союзъ въ слѣдующихъ мѣстахъ, при чемъ для уясненія значенія придется сдѣлать выписки подлиннѣе: **тѣгда**. приведе (т. е. гарославъ) пѣлкы ис переа|славла. а река хочю ити на ригу. | и стааа около городища шатры. а | инии въ славнѣ. по дворомъ. и въздо|рожиша все по търгоу. и хлѣбъ и | маса. и рыбы. и \bar{w} толѣ ста доро|говъ. куплахоу хлѣбъ по. в. коунѣ. | а кадъ ржи по. г. грвнѣ. а пше- ницу | по. е. грвнѣ. а пшена. по. з. грвнѣ. и | та ста по. г. лѣ. $\bar{t}o$ слы- шавъше плъ|сковици. $\bar{t}a$ ко привѣ гаросла пѣлкы. | оубоавшеса $\bar{t}o$. възаша миръ съ | рижаны. 208 (104 л. обор.).

прите [= прислите] к нимъ жены ихъ и товаръ. **то** | же мы вачеслава поумъ [= поустимъ]. 230 (115 л. обор.) (смыслъ: тогда, въ такомъ случаѣ, т. е. если пришлете. . . . , мы пустимъ). олна насъ всѣ|хъ не боудеть. $\bar{t}o$ все то ваше | боудеть. 242 (если. . . . то). оли | кнѣже тобѣ с нами оувѣдавъ|шеса. $\bar{t}o$ ѣхати въ плъсковъ. 284. (когда сговоришься съ нами, тогда и поѣзжай. . .). — а мнѣ ре даи бѣ исправити правда | новгородь- скаа. **тоже** \bar{w} ва поати | сна своего. 218. (а потомъ взять сына. . .).

Встрѣчается и простое **то** и въ Ж. О. и у насъ и въ другихъ памят- никахъ старословянскихъ и русскихъ (б. ч. послѣ **лице**). Все это я веду къ тому, чтобы показать, что **тѣгда** удерживалось, не смотря на то, что былъ поводъ замѣнить въ немъ \bar{t} черезъ \bar{o} подъ вліяніемъ близко родственныхъ по значенію и часто употреблявшихся частицъ. Надо прибавить еще, что

въ соблюденіи глухихъ Ж. Ѡ. памятникъ очень точный, и въ немъ ѣ удерживается въ значительномъ количествѣ случаевъ даже въ «неслоговомъ» положеніи, напр. кѣто в. в., згѣ. в., кѣдѣ гѣ. д., некѣли кѣ. в. Но любопытно то, что, какъ при тѣгда приходится принимать праформу тогда, такъ и при то, господствующемъ во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ и старословянскихъ и древнерусскихъ памятникахъ, мы имѣемъ возможность на основаніи примѣровъ Синадальнаго списка, подкрѣпляемыхъ примѣрами изъ Лобковскаго Пролога 1262 г. (Хлудовск. б—ки № 187), предположить частицу тѣ; хотя я не рѣшился помѣстить ее прямо въ списокъ приведенныхъ мною словъ съ тѣ вслѣдствіе ея рѣдкости, которая можетъ даже подать поводъ сомнѣваться въ ея существованіи, какъ я это и сдѣлалъ въ своемъ сообщеніи, читанномъ мною въ засѣданіи 20 декабря 1891 г. харьковскаго историко-филологическаго общества, объяснивъ тѣ вмѣсто о вліяніемъ тѣгда¹⁾, однако теперь я не сомнѣваюсь въ томъ, что это особая форма, относящаяся къ то такъ-же, какъ гѣ къ го (негѣли къ неголи) или нѣ къ сербск. *no*, которое фонетически не можетъ быть выведено изъ нѣ²⁾, и намѣренъ обратить на нее вниманіе, исключивъ ее изъ примѣровъ употребленія тѣ в. м. о. Встрѣчается она въ 1-омъ и 2-мъ п. въ слѣд.: и ꙗще же ищюще то кто всеволодо (ясно, что слѣдуетъ читать — *as*) прии|тель боиарѣ. тѣ имаша на нихъ нѣ съ полуоторы тысаце грвиѣ. . . 36, да аще кто помолитѣся въ цркви сеп. съ вѣрою. | тѣ оуслыши млтвоу ѿго. 118, а ксте послушали половъчь. а по|слы наша ксте избили. а идете | противоу на. тѣ вы поидите. а | мы васъ не загали. . . 194—195, оже мы брак симъ | не поможемъ. тѣ си имоуть прида|тиса к нимъ. тѣ онѣмъ больши бу|детъ сила. . . 193.11—12, то вы а то повгород|ци. а намъ не надобе. нѣ оже пои|доу на насъ тѣ вы намъ помозите. 208.16, рядомъ съ то: или ксте | на на оудоумали. тѣ мы проти|воу васъ съ стою бцею. и съ покло|номъ. то вы лоуче насъ исѣчи | те. а жены и дѣти поклете себе. а не лоуче погании. тѣ вамъ са кланакмъ. 209—210 (рѣчь Псковичей къ Новгородцамъ). Приведу отмѣ-

¹⁾ Сборникъ Харьковского историко-филологическаго общества, т. 4-й (1892 г., Харьковъ), стр. XII.

²⁾ В. Караджичъ приводитъ два *no*: *no* и *no*; первое въ значеніи *no*го (и *no*го) можетъ быть сокращеніемъ (какъ показываетъ долгота) изъ *no*го, а *no*го такая-же сложная частица изъ *no*+го, какъ *no*го, изъ *no*+го; второе, кромѣ самостоятельнаго употребленія въ значеніи «aber, at», прибавляется энклитически къ нѣкоторымъ нарѣчіямъ и мѣстоименіямъ (*gdjeno*, *kadno*, *kojuno*, *kaono*) (Српски рјечникъ В. С. К.) (срв. такое же энклит. употребленіе *to* въ болгар. и др.).

ченныя мною случаи изъ Пролога 1262 г., заподозрѣннаго, какъ извѣстно, еще И. И. Срезневскимъ въ ближайшей связи съ нашимъ памятникомъ: *аще* ли не хотите | мене пригати. *тъ* | клатвою ти са и|звѣщаю. 4^г (если. то), да ли *и*гда бѣхъ въ | разбой. и не подобь|нага дѣла твора. и мѣ|ногы крѣви пролива|га. и не сваза ми *и*зъ|ка ни оуби мене. а *и*гда хоцю работати | боу. и хвалы въсыла|ти. *тъ* *и*нѣ *и*зъ|къ | ми важеша. 5^б. чада есме | по *д*хоу аврамоу. а не по | плѣти. *и*же бо *ѿ* него по | плѣти родиша са. *тъ* не | вси оугодиша боу *в*ѣроу. 101^б. (здѣсь *тъ* употреблено какъ будто даже плеонастически: «не всѣ, кто родились отъ него плотью, угодили Богу вѣроу», но вмѣстѣ съ *тѣмъ* *тъ* придаетъ здѣсь больше силы выраженію). *аще* хоцеша | изъ|бити бѣды | сеи. дай ми слово да та *ѿ* | поущу. *тъ* не *т*кмо *ѿ*ста|неша са грѣхъ своихъ. нѣ да и мира *ѿ*вѣржеша са 144^в (. . . . «что если тебя отпущу, то не только отстанешь отъ грѣховъ своихъ».). Къ сожа-
лѣнію, я пока не успѣлъ прочесть и изучить этотъ памятникъ весь, а потому и принужденъ ограничиться этими примѣрами. Въ такихъ односложныхъ частицахъ, какъ *тъ* и *нѣ* глухой не переходилъ въ *о*, м. б., благодаря ихъ проклитическому употребленію безъ ударенія, но и не исчезалъ потому, что онѣ всетаки сохраняли болѣе самостоятельное положеніе въ рѣчи, чѣмъ напр. предлоги. Эта болѣе самостоятельность ихъ и повела къ тому, что въ слѣдующій періодъ (въ языкѣ писца 3-го поч.) *нѣ* проявилось въ *но*.

Что же касается вопроса о *тъ*гда, то Прологъ не отличается такой послѣдовательностью, какъ 1-й и 2-й поч. нашей лѣтописи: уже и при моемъ неполномъ знакомствѣ съ нимъ я отмѣтилъ при ф. *тъ*гда 11^б, 96^а, *ѿ*гда 51^а не только при переносѣ *то*—гда 11^в.8—9, но и среди строки *тогда* л. 50^г, а также *когда* 1^а; это колебаніе я позволю себѣ объяснить частію *тѣмъ*, что Прологъ памятникъ не вполне самостоятельный, слѣдов. *тогда* могло быть взято изъ церковно-славянскаго оригинала, частію *тѣмъ*, что здѣсь вообще, кажется, больше случаевъ замѣны глухихъ чистыми, чѣмъ въ первыхъ почеркахъ Синодальнаго списка Новгород. лѣтописи (срв. напр. при ф. *дрѣ*ка на л. 7^в *дрокъ* *і*bid.; нѣчего говорить, что въ «несловомъ» положеніи преобладаютъ формы, какъ два 7^в, девѣ 11^в и т. п.).

Удивительно, что въ формѣ творит. ед. нашъ памятникъ (Синод. спис.) почти вездѣ замѣнилъ —*ѣ*л— черезъ —*о*л—; я говорю «замѣнилъ» по-

тому, что согласіе русскихъ памятниковъ XI—XII в. южныхъ и сѣверныхъ относительно формы ѣмь (преоблад. уже въ Остромир. Ев.¹⁾), затѣмъ въ изданныхъ И. В. Ягичемъ Служебн. Минейхъ 1095—1097 г. и въ Житіи Θεодосіа) позволяетъ считать для всѣхъ русскихъ нарѣчій ф. ѣмь правильной, а для югозападно-русской группы говоровъ, кромѣ того, доказательствомъ служить и нынѣшняя малорусская ф. на —ом, которая можетъ восходить лишь къ —ѣмь, а не —омь (иначе было бы *im*)²⁾. Въ этомъ отношеніи русская группа говоровъ совпадаетъ съ польской и чешской въ противоположность сербской, словѣнской и бол. частию старо-славянской: сравн. чешск. и польск. *ranet, chlapet, chłopot, bohet, bogiet* съ оконч. *et*, восходящимъ къ ѣмь, съ сербск. *бѣгом, сѣдом*³⁾ и восточно-словѣнскимъ *bogom, bratom* при господствующемъ въ большинствѣ западныхъ и центральныхъ словѣнскихъ говоровъ, кромѣ резьянскаго, гдѣ —он вм. *om*, окончаній *am*, возникшемъ приблизительно въ XVI-омъ вѣкѣ изъ болѣе стараго *om*⁴⁾. Уже Миклошичъ⁵⁾ предполагалъ, что *ranom* и *ranem* свойственны различнымъ говорамъ; но вѣроятно, что —ѣмь первоначально принадлежало основамъ на ѣ (ъ) и лишь подъ вліяніемъ ихъ распространилось въ нѣкоторыхъ группахъ говоровъ и на основы, оканчивавшіяся на о, между тѣмъ какъ въ другихъ группахъ говоровъ возоблададо наоборотъ исключительно —омь. Возможно также и то, что были различія по говорамъ даже внутри ближайше родственныхъ группъ, какъ показываетъ небольшое число примѣровъ съ —ѣмь въ нѣкоторыхъ старославянскихъ памятникахъ при подавляющей массѣ въ нихъ —омь (въ Зограф. 4 случая, въ Синайск. Псалт. 2, въ Син. Молитв. 1, въ Супрасл. сборн. 10 случ. —ѣм—) и при исключительномъ господствѣ —омь въ всѣхъ другихъ (Марьин., Ассеман., Клоц., Савин.)⁶⁾ и —ѣмь въ однихъ только Кіевскихъ отрывкахъ⁷⁾, памятникѣ, замѣчательномъ какъ рѣдкою правильностью и

¹⁾ М. Козловскій, О яз. Остром. Еванг., 117—118.

²⁾ Срв. у Потебни, Къ исторіи звуковъ, ст. 26.

³⁾ При разстановкѣ удареній въ сербскихъ словахъ я постоянно пользуюсь частию словаремъ В. С. Караджича, частию изслѣдованіемъ Павича объ удареніи существит. (A Pavić, Studije o hrvatskom akcentu, U Zagrebu 1881, отдѣльный оттискъ изъ LIX кн. «Rad jugoslav. akademije» . . .), которое имѣю у себя, благодаря П. А. Лаврову.

⁴⁾ V. Oblak, Zur Geschichte der nominalen Declination im Slovenischen (Leipzig, 1890), стр. 54—57.

⁵⁾ Vergleichende Lautlehre der slav. Sprachen (1879), стр. 82.

⁶⁾ Leskien, Handbuch der albulgarischen Sprache (Weimar 1886), стр. 69.

⁷⁾ V. Jagić, Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente (Wien 1890), стр. 44—54.

цѣльностью старословянскаго языка такъ и присутствіемъ въ немъ особыхъ діалектическихъ чертъ. Эти послѣднія (ц и з изъ основн. tj, dj вм. шт жд другихъ памятниковъ) сказываются въ этомъ памятникѣ съ такою-же правильностью, съ какою соблюдаются другія основныя характерныя черты старословян. группы (ѣ и ѡ, ж и ѡ и т. п.), и не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ вліяніемъ на чистый старослов. языкъ рукописи какого либо иного словянскаго нарѣчія (напр. моравскаго) — такое вліяніе сказывается обыкновенно въ памятникахъ совершенно иначе (непослѣдовательно) и не можетъ ограничиваться одною чертою (шч нельзя считать существеннымъ непремѣнно для моравскаго, такъ какъ оно свойственно также польскому, русскому, восточно-словѣнскому, болгарско-македонскому, а формы црѣкѣнаѣ и црѣкѣкѣ и случай употребленія въ суф. вин. ед. прил. ж. р. оу вм. ж тоже могутъ быть объяснены помимо вліянія иного нарѣчія) —, а съ особенностями языка, на которомъ написанъ самъ памятникъ; я скорѣе согласился бы дать языку этого памятника особое названіе, чѣмъ считать его старо-словянскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ немъ слѣды моравскаго вліянія, такъ какъ прежде всего нельзя не признать цѣльности и органичности языка этого памятника, по вмѣстѣ съ тѣмъ чтò мѣшаетъ намъ признать, что языкъ этотъ господствовалъ въ качествѣ живого говора дѣйствительно гдѣ либо въ области, близкой къ Моравіи, и составлялъ какъ бы мостъ отъ группы говоровъ старословянскихъ иного типа къ группѣ чешско-моравской? Этимъ, я думаю, возможно будетъ примирить мнѣнія ак. Ягича и д-ра Облака о «моравизмахъ» Кіевск. листковъ съ мнѣніями пр. Фортунатова и Миклошича о чистотѣ въ нихъ ц. словян. языка; я вполне присоединяюсь къ доводамъ Облака противъ мнѣнія Калины, но не могу согласиться съ его возраженіями Миклошичу (см. «Zur Würdigung des Altslovenischen» въ XV т. «Archiv für slav. Philologie», 361—362, а также оттискъ рецензіи на «Altsloven. studien» Вондрака въ «Ljubljanski Zvon», ст. II). Содержаніе памятника говоритъ въ пользу предположенія о возникновеніи его именно въ той области, гдѣ долженъ былъ совершиться переходъ къ римскому обряду, а географическая неопредѣленность господства группы старослов. говоровъ съ одной стороны и вѣроятность существованія смѣшанныхъ и переходныхъ говоровъ и въ ту отдаленную эпоху подобно тому, какъ это наблюдаемъ мы теперь, съ другой позволяетъ, не принимая «паннонской» теоріи Миклошича, прибѣгнуть къ предположенію о существованіи по край-

ней мѣрѣ говора Кіевскихъ отрывковъ именно въ области около средняго Дуная¹⁾. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что другіе діалекты старослов. языка могли обнаруживать черты, общія напр. съ группой сербской или какой нибудь другой; если мы признаемъ, что старословянскій яз., какъ языкъ живой, такъ-же измѣнялся по говорамъ, какъ сербскій, болгарскій и русскій, то мы необходимо должны мряться и въ немъ съ явленіями, обнаруживающимися во всякой группѣ живыхъ говоровъ, а слѣдовательно и съ существованіемъ въ немъ говоровъ переходныхъ; вспомнимъ напр. діалектическое разнообразіе болгарской группы и между прочимъ именно относительно рефлексовъ *tj* и *dj*²⁾; что же касается до отождествленія старо-славянской группы съ какой либо отраслью болгарскихъ или македонскихъ говоровъ, то, не смотря на сдѣланный мнѣ В. Облакомъ³⁾ упрекъ въ нерѣшительности, я считаю этотъ вопросъ не вполне яснымъ. Я долженъ извиниться, что сдѣлалъ большое отступленіе въ сторону, желая подѣлиться своими мыслями о такомъ интересномъ памятникѣ, какъ Кіевскіе отрывки, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ я счелъ неумѣстнымъ болѣе подробно изложить здѣсь свои взгляды. Возвращаясь къ формѣ твор. п. ед. ч., скажу, что здѣсь 8 разъ встрѣчается ф. творит. п. ед. ч. исключительно на —*ъмь*: 6 р. *оплатъмь* (остальные примѣры — *тъмь* 3 р.), 1 р. *въсждъмь* VII^b и 1 р. *образъмь* IV^b; —*омь* не встрѣчается ни разу, хотя 1 р. встрѣчается —*емь*: *отъ-цельмь* (при переносѣ) IV^b. Такимъ образомъ и въ этомъ пунктѣ въ говорѣ Кіевскихъ лист. совпаденіе съ сѣверными и восточными славянскими нарѣчіями.

Господство —*омь*— въ творительн. пад. въ 1-мъ и 2-мъ поч. Новгород. лѣт. должно быть приписано тому, что *ь* въ такомъ положеніи въ говорахъ писцовъ перешло уже въ *о*, а рѣдкіе примѣры 1-го поч. съ —*ъмь*— должны быть отнесены на счетъ болѣе древняго оригинала; что они не могутъ быть приписаны вліянію языка ц. слов., доказывается русской (полноглас-

1) Срв. соображенія Миклошича о цѣльности языка Кіевскихъ отр. въ *Vergl. Lautlehre*, 219, а также сказанное мною въ статьѣ «Краткій обзоръ... словѣнской литературы вмѣстѣ съ введеніемъ объ отношеніи слов. яз. къ ст. слов. и другимъ славянскимъ» (Записки И. Харьковск. Унив., 1893 г., кн. I). Если мы назовемъ *ц* и *з* Кіев. листовъ «моравизмомъ», то почти съ такимъ же правомъ можемъ назвать «болгаризмомъ» шт и жд другихъ памятниковъ.

2) Сравни. соображенія И. В. Ягича въ статьѣ «Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen» (*Archiv für slavische Philologie*, XVII B., 1—2 H., ст. 47—87).

3) *Archiv für slavische Philologie*, XVII, 3—4 H., 599.

ной) формой словъ, въ которыхъ они встрѣчаются; удивляться собственно можно лишь тому, что во 2-мъ поч. совѣмъ нѣтъ примѣровъ съ ѣ, да и въ 1-омъ ихъ мало, а между тѣмъ въ другихъ случаяхъ «слогового» положенія п во 2-мъ поч. при ф. съ о встрѣчаются формы съ ѣ; это и даетъ поводъ подозрѣвать, не писалось ли напр. *придаткъъ* и т. п. лишь подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ пад. съ «неслоговымъ» ѣ.

Случаевъ употребленія ѣ вмѣсто о въ нашемъ памятникѣ немного, и они ограничиваются почти исключительно собственными именами иностраннаго происхожденія. Я отмѣтилъ слѣдующіе примѣры: *къзмъ* 84, 88 (род. ед. собств. им. срв. *козмоу* 48), *къснатинъ* 19.9, 36, 112, *къснатина* 41.2—з, 87, *къснатинѣ* 19.17, —ница 41, *къснатиноу* 113.1—въ 1-омъ поч., гдѣ встрѣчается еще неясное по происхожденію собств. имя *съдко* 66.15 (КАТ. *сотко*, срв. также подъ 1049 г. въ КАТ. *сотъке*; то ли же самое это имя, что въ былинахъ¹⁾ *Садкѣ*?). Во 2-мъ поч.: м. б. въ неясномъ по происхожденію соб. им. романа *пкъта* 124 (срв. *нездналъ пхци* | *ницъ* 124.8—9, въ К. *потка*, *пхчинницъ* = АТ *пхчинничъ*; не отсюда ли и искаженное извѣстное изъ былинъ²⁾ *Пѣтыкъ*?); собств. им. *къснати(нъ)* 168.2, —(на) 181.1; изъ обыкновенныхъ словъ только въ существв. *кръвъ* 140 (см. *кровъ*, м. б., описка подъ вліяніемъ русск. ф. настоящ. врем. *крю* или прич. прош. страд. — *крвенъ* и другихъ, гдѣ являлось ѣ)³⁾ и ф. дат. ед. мѣстоим. личн. 2-го л. *тѣвѣ* 151.18 (м. б., описка вызвана тѣмъ, что въ той же фразѣ стоитъ имен. пад. *тѣ*: *тѣ* ми ⁺еси *снѣ* а *тазъ* ⁺*тѣвѣ* оць). Такимъ образомъ въ обоихъ почеркахъ не находимъ ни одного примѣра фонетич. сокращенія о въ ѣ. Но стоитъ обратить вниманіе на встрѣчающіяся неоднократно въ обоихъ почеркахъ формы *къснатинъ* и т. п. вм. *константинъ* или *костантинъ*, какъ и встрѣчается на стр. 168. Нельзя съ одной стороны сомнѣваться въ томъ, что эти формы собств. имени лат. *Constantinus* дѣйствительно существовали въ языкѣ, а съ другой стороны, кажется, слѣдуетъ признать ихъ перенесенными въ русскій яз. уже изъ старословянскаго, такъ какъ тоже находимъ и въ Супр. сборн.: въ *къснатинѣ градѣ* 148, *къснатинѣ градѣ епискоупъ* 149 (издан. Ми-

1) Гильфердингъ, Онежскія былины, 384 и слѣд.

2) Гильфердингъ, Онеж. был., 47 и слѣд.

3) Срв. въ Прологѣ 1262 г. *рѣвъ*, въ *рѣкѣ* 31^в вмѣсто **рѣвъ*, *рѣвъ*; но здѣсь уже не графическое явленіе, а новая форма языка, хотя и возникшая, м. б., не чисто фонетическимъ путемъ.

клошича), къснѣтинъ градъ 206 и т. п.; къ— вм. ко— здѣсь явилось, конечно, едва ли фонетически и стоитъ въ связи съ общимъ искаженіемъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ какой либо народной этимологіи (срв. глаг. къснѣтинъ)¹⁾. Что касается 3-го поч., то встрѣчающаяся здѣсь ф. собств. имени стѣславъ 287, 288, — а 286 съ ѣ вм. о, м. б., объясняется тѣмъ, что 1-я часть этого сложнаго имени ассоціровалась съ ф. имен. п. муж. р. прилагат. (святъ); тоже находимъ въ договорной грам. московск. князя съ литовск. и смоленск. 1372 г. (въ Сборникѣ Смирнова № 62) и въ продолженіи Новгород. лѣт. по списку Арх. ком. XV в. и другимъ подъ 1395 г. *святъславичь* = Ат. *святъславичь*, издан. 1888 г., стран. 380); съ такимъ образованіемъ можно сравнить и древнепольскія *Swentepulcum* ок. 1015 г., *Zwentyslawo* 1273, *Radzlawo* 1227 при *Swentoslawo* 1295, *Radozlaus* 1173 (Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древне-польск. яз. до XIV-го стол., § 72, стр. 70, также словарь); оба способа образованія могли существовать уже въ общесловянскомъ языкѣ.

Разсмотрѣніе судьбы стараго глухого ѣ въ Синод. спискѣ Новгород. лѣтописи приводитъ къ тому заключенію, что б. ч. ѣ въ «слоговомъ» положеніи, т. е. передъ слѣдующимъ слогомъ также съ глухимъ, или кончающимъ собою слово, или имѣющимъ за собою еще слогъ съ чистымъ гласнымъ, перешелъ въ о, а ѣ въ «неслововомъ» положеніи б. ч. исчезъ уже въ языкѣ писцовъ 1-го и 2-го поч.; ѣ же въ «полуслововомъ» положеніи, т. е. въ такомъ, когда исчезновеніе его задерживалось сопутствующими согласными, а окончательное проясненіе въ о почему либо не могло совершиться, удерживался въ качествѣ неопредѣленнаго звука въ 1-омъ и 2-мъ, а частію и въ языкѣ 3-го поч. Нѣкоторые случаи сохраненія ѣ въ 1-омъ поч. въ отличіе отъ 2-го могутъ быть отнесены на счетъ болѣе древняго оригинала.

Перехожу къ судьбѣ глухого звука ѡ. Въ 1-омъ поч. мы находимъ правильно ѡ въ слѣдующихъ коренныхъ случаяхъ: ѡсь (omnis) 46. 1—2

¹⁾ Срв. у проф. А. Соболевскаго, Статьи по славяно-русскому яз. (1883), стр. 31, снос. 1. Только Соболевскій не обратилъ вниманія на то, что эта ф не только др. русск., но и старослов., хотя и правда, что въ др. русскомъ она получила наибольшее распространеніе: къснѣчико въ Рус. Правдѣ по сп. конца XIII в. (Рус. Достоп. I, 28, Смирновъ, Сборн. др. р. пам., 36); въ Ипат. лѣтоп. съ одной стороны *къснѣтинъ* 333 (изд. 370 стр.), 347 (335), съ другой *къснѣчъ*, *къснѣчковъ* 124 (120), *къснѣчину* 514 (509); рядомъ *къснѣчкови* и *къснѣчко* въ Ипат. 239 (изд. стр. 233—234); любопытно *ibid.* *къснѣчка*. Съ перестановкой группы согласныхъ встрѣчается какъ названіе города *къснѣтинъ* въ спискѣ 1-й Новгород. лѣт. Арх. ком. XV в. (издан. 1838 г., 447).

(при переносѣ), 3, 4, 106, 123. 5 (5 разъ), но 1 р. весь 41, 1 р. въ-съ 17. 17—18 (впрочемъ, здѣсь очень неясно написано; въ изд. 1888 г. *вьсь*) и 8 р. *вьсь* 38, 50, 53, 57, 58 (2 р.), 73, 122; *вьсьдѣ* 68; въ «неслоговомъ» полож.: *въ-секолодъ* 28. 10—11, *въ-са* 30. 8—9, *въ-сю* 76. 4—5 при массѣ (124 случ.) безъ *ь* въ такомъ положеніи (*все, всѣ, всею, всѣю, всѣи, всемоу, всѣмоу, всѣго, всѣми, -мь, -мъ, -хъ, всеволодъ, всеславъ* съ производными, *вса, всю, всюдѣ*); такимъ образомъ видимъ, что *ь* въ этомъ словѣ сохраняется лишь въ «слоговомъ» положеніи, а иначе только въ единичныхъ (3 р.) случаяхъ при переносѣ. — *двѣри*, 77, *-ри* 77, 110; *двѣрьныя* 77. — *зданна* 84 (но чаще безъ *ь*: *здати* 83, *създа* -53, 57, 74, 118). — Передъ *р* въ «неслоговомъ» положеніи: *извѣрана* 122. 4 (но чаще: *съвѣра-, извѣра-* 57, 103, 110), *раздѣра* 21. 9, 10, 29, 55, *-дѣ-ра* 29. 17—18, *измѣроша* 16, 24 (но помре 60 (2 р.), *оумре* 24 (2 р.), 56), *ѡпѣрешаса* 111 (но *призри* 118 2 раза); передъ *и* въ такомъ-же положеніи: *мѣню* 57 (*мѣнѣти* 11); передъ *с* въ такомъ-же положеніи: *испѣса* 21, 46, 57, 113, 122, *пѣ-сати* 13—14. — Въ слабой формѣ корня глагольнаго *-ьм-* (срѣ. ст. слов. *имати* при *къмѣж*): *възьмѣше* 120, *отъмѣше* 48 (при замѣнѣ *ь* или *й* изъ *я* черезъ *ѣ* въ существ. отглагольномъ *наемьници*¹⁾ 92. 8, причемъ здѣсь и *ь* слѣдующаго слога замѣнилось черезъ *ѣ*: **наемьници* съ суф. *-ьць* при болѣе обычномъ въ этомъ словѣ суф. *-ик-*, который можно видѣть въ формѣ другихъ списковъ: *К. наѣмьниць* *АТ. наемьници*, см. издан. 1888 г. стр. 160) въ «слоговомъ» положеніи (т. е. передъ слѣдующимъ слогомъ также съ глухимъ) и *възьма* 115, *изьмаша* 64, 68 (при пропускѣ *ь* въ *изма(ша)* 31, 73, *-къ* 115) въ «неслоговомъ» положеніи. Послѣ *л*: *льствѣ(ю)* 104, *-(ѣ)* 105, *-льствѣше* 42, 55, *льстваще* 105, *съ льта* 8 (но *лга* 24. 3, *лзѣ* 60 съ пропускомъ *ь*); постоянно въ соб. имени *пльсковѣ* (*-а, -ѣ, -ѣ, -оу, -ици* и проч.) 35, 36, 37, 38, 39, 70, 101 и проч.—28 разъ. Послѣ *р* съ предшест. согласн.: *привѣдѣ* 42, на *грѣкы* 4, *грѣцинь* 113, *грѣцьскыи* 92, *крѣстьян*—86, 102 (при *крѣ* 8), на *трѣполи* 11 (наоборотъ безъ предш. согласн.: *рчи* 1 *вм. рьци* повел. *накл.*). Послѣ нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ, въ особенности передъ группою согласныхъ въ слѣдующемъ

¹⁾ Издатели 1888 г. читаютъ на *Еменьци*, видя здѣсь названіе какого-то урочища, но такъ какъ этого названія въ другихъ мѣстахъ не встрѣчается, то м. б. вѣрнѣе будетъ читать здѣсь *наемьници*, т. е. *наемники*, набранные воины изъ Новгородцевъ; это мѣсто читается такъ: а на *зимѣ* поидѣ дѣдъ къ поло-тскоу. съ новгородци и съ смо-льняны. и оумьрнѣ-шася коро-тишася. *наемьници*. Срв. *имати*, *Шемьса* въ новгородск. грамот. № 9, 10, 11 и замѣч. Шахматова въ «Изслѣд. о яз. новгор. гр.» 155—157.

слогѣ: постоянно въ собств. им. мѣстиславѣ съ производными 59 разъ (но въ корнѣ мѣзд- съ одной стороны безмездьникоу 84, 88, съ другой безм-здьникоу 48. 14—15 при переносѣ; случай этотъ, однако, относится къ друтому положенію, т. е. «слоговому», въ словѣ же мѣстиславѣ глухой зв. находится въ слогѣ, сопровождаемомъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ); тѣ-ма 20. 16—17; тѣсть 13, съ тѣ-щю 33. 5—6; цѣстнѣ 50, чѣстѣю 103, 111, 117; вѣ чѣг-лове оуаки¹⁾ 107. 6—7; въ глагольномъ корнѣ шѣд-, но лишь въ «слоговомъ» положеніи: шѣдѣ- 58, 86, 96, 101, 114, 122, пришьдѣше 31, пришь-дѣ 15. 6—7 (при переносѣ), шѣлѣ 56, 57, съшь-стѣнѣ 63 (передъ группою согласныхъ), но 1 разъ дошѣдѣше 69. 8, напротивъ въ «песлоговомъ» положеніи ѣ постоянно пропускается: шлн 52, 64, 86, 98. Проясненіе ѣ въ е въ коренныхъ слогахъ въ 1-омъ поч. вообще рѣдко и, кромѣ указанныхъ случаевъ «въ слоговомъ» положеніи, въ «неслоговомъ» положеніи не встрѣчается; напротивъ есть случаи, гдѣ въ «песлоговомъ» положеніи ѣ постоянно пропускается: не говоря о ф. дѣи 45, 64, 69, 107, гдѣ ѣ пропущено, м. б., благодаря титлѣ, мы, кромѣ приведенныхъ дублетовъ безъ ѣ при формахъ съ ѣ, постоянно безъ ѣ находимъ: комоуждо 57 (случай обычный даже въ старослов. памятникахъ; есть нѣсколько примѣровъ даже въ Зограф. Еванг.²⁾, что 38, 45, 59, 64, 69, ництоже 31 (уже въ Мар. Ев. при рѣдкомъ чѣто часто чѣто и еще чаще что, см. словарь Ягича); безъ ѣ есть случаи также тамъ, гдѣ его ожидаемъ, какъ сокращеніе изъ первоначальнаго і, но объ этомъ послѣ.

Во 2-мъ поч. въ коренномъ слогѣ находимъ ѣ въ слѣдующихъ словахъ: нѣскъ 124, 175, 220, 228 (4 р. въ «слоговомъ» положеніи), но въ томъ-же положеніи нѣскъ 12 разъ (206, 212, 218, 130, 139, 144, 163, 185, 203, 223, 225, 235) и 1 р. вѣ полѣ 175. 1, а замѣны черезъ е не встрѣчается; въ «неслоговомъ» же положеніи только при переносѣ 5 разъ: вѣ-си 124. 15—16, 164—165, на вѣ-си 235. 2—3, вѣ-сѣхъ 213. 14—15, вѣ-сѣкого 126. 15—16, а безъ ѣ въ массѣ 135 разъ (вси, все, всѣи, всеволодѣ съ производными, вса и т. п.).—до оудѣни³⁾ 175 (сравните съ од-

¹⁾ Срв. «чѣгъль м. nom. proprium viri» (greg.-naz.) и рус. щѣголь (Miklos. Lexicon palaeoslov.); съ другой степенью вокализации родств. цѣгъль и сѣгъль; польск. szczegól мож. восходить одинаково и къ *сѣгъль и къ *сѣгъль (здѣсь разница также и въ гласномъ второго слога: е, а не ѣ).

²⁾ V. Jagić, Studien über das altsloven.-glagol. Zographos-Evang., 35, 23.

³⁾ Т. е. до вечера, до того времени, когда день или солнечный свѣтъ убылъ (срв. арханг. ѹдиновать—спать, отдыхать, Подвысоцкій, Словарь архангельск. нарѣчія); частица

ной стороны *оуденѣ* 240 въ 3-мъ поч., показывающее, что положеніе для *ь* здѣсь могло считаться слоговымъ, вѣроятно, потому, что на него падало удареніе, вслѣдствіе чего *і* слѣдующаго слога сокращалось въ *ь*, вѣроятно, неслоговое, а съ другой стороны пропускъ *ь* въ «неслоговомъ» положеніи: *днѣ* 134, *дни* 222, *днѣвни* 174).—*двѣри*¹⁾ 139; также въ другихъ случаяхъ «неслогов.» положенія передъ *р*, но рѣдко и почти исключительно при переносѣ: *оузъ-рѣкъ* 131.7—8, *одѣраша* 139 (2 раза, изъ которыхъ одинъ при переносѣ 8—9), между тѣмъ какъ безъ *ь* нерѣдко: *въздрѣ* 212. -*ѣ* 212 [аористич. ф. 3 л. ед. ч. отъ глагола **въздърѣти*, а можетъ быть, и отъ **въздърти*—новообразования при -*дърати*²⁾]; возможно, что при -**дърѣти* аорист. ф. была -**дѣрохъ*, какъ при *мърѣти*—*мѣрохъ*; если же видѣть здѣсь неполногласную ц. словянскую ф. отъ предполагаем. -**дрѣти* = малор. *дерети* (Грамм. рус. яз. Огонов., 144), то, разумѣется, пропуска *ь* здѣсь предполагать не придется], (*о*)-*дра(ша)* 127, 140 (2 р.), (*роз*)—209, (*из*)-*бра-* 125, (*съ*)—132, *попранъ* 181, 186 (въ подобныхъ случаяхъ Остромир. Еванг. имѣетъ *ь* въ противоположность Зографскому³⁾ и другимъ старословянскимъ памятникамъ), въ *прауъ* 137, *распра* 157, *зрѣти* 221, *оузрѣ(ша)* 169, 170, 186, -*зра-* 180 (2 р.), 227, 228, *позриши* 157, (*из*)*роша* 127, 192, (*по*)- 162, *оумре* 232.—Какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ положеніи въ слабомъ видѣ глагольн. корня *км-* (ст. сл. *ѣти*): *изъмъше* 178, *сънемъшемъса* 177, *възь-ма* 156. 1—2, *възь-ми* 169. 14—15 (оба случая «неслогового» положенія при переносѣ); но *въземъше* 159, *въ-зми* 164. 16—17, 194, *изма(но)* 146, 150 (3 р.), 165 (2 р.), -*(ша)* 167, 232.—Послѣ *л* въ «слоговомъ» положеніи: *мьньшек* 165 (въ «неслоговомъ» положеніи *ис коломна* 147, въ которомъ надо видѣть корень *ма-*, *мын-*,⁴⁾ что въ глаг.

оу- показываетъ уменьшеніе и восходитъ или къ *оу-* (*аи-*) или къ *ж* изъ индоевроп. *ǵ-*; срв. у Миклошича въ *Lex. Pal.*

¹⁾ Здѣсь подъ влияніемъ ударенія въ противоположность формѣ род. мн. *ь*, вѣроятно, не теряло слогов. характера, не смотря на чистый гласн. слѣд. слога, но не обращалось въ *е* подъ влияніемъ неудар. ф., гдѣ могло удерживаться въ качествѣ полуслогового звука; срв., однако, *двѣри*, *двѣрѣхъ* въ Галицк. Ев. ок. 1266 г. и Кормчей ок. 1282 (Соболевскій, Лекціи, 1-е изд., стр. 47).

²⁾ Срв. малорус. *дерти* и т. п. (Грамматика руского яз. для школъ среднихъ. Напис. д-ръ Ом. Огоновскій. Львовъ 1889. Стр. 144), бѣлорус. *дзѣрци* (Словарь бѣлор. нар. Носовича).

³⁾ V. Jagić, Studien über das altsloven.-glag. Zogr.-Evang., стр. 51—53.

⁴⁾ Срв. замѣчаніе А. А. Потемни въ рецензіи «Народныхъ пѣсенъ галицкой и угорской Руси» Я. О. Головацкаго (Отчетъ о двадцать второмъ присужденіи наградъ гр. Уварова, ст. 73 примѣч.); только формы Коломны съ *ь*, приводимой имъ со ссылкой на Новг.

мѣти -мѣнж);—въ «неслоговомъ» положеніи передъ группою согласныхъ: мѣздоу 211, ѿмѣстѣть 192, мѣстислакъ въ разн. падежн. формахъ съ производными 60 разъ.—Послѣ п въ «слоговомъ» и «неслоговомъ» положеніяхъ: ѿ пѣсь 222, 226, пѣхаютѣ 211 (здѣсь, какъ и въ пѣса- перваго поч., ѣ удерживалось въ неслоговомъ положеніи, м. б., благодаря существовавшему рядомъ формамъ съ удлинениемъ коренного гласнаго въ *i*, но б. ч. въ такомъ положеніи находимъ формы безъ *k*: пси 162, -ноу 226, пшена 208, 221, -ницѣ 221, -цю 208).—Послѣ т въ слоговомъ и неслоговомъ положеніи: тѣмницю 135, истѣмь-ницѣ 134. 5—6, тѣсть 192, тѣрьска 172 (любопытны формы этого названія мѣстности въ новгородскихъ грамотахъ: при формахъ тѣрьѣ, трѣ, трѣ встрѣчается въ другихъ грамотахъ съ одной стороны терѣ, съ другой тѣрь¹⁾); стѣкломъ 142 [положеніе «неслоговое», такъ какъ послѣ *k* первоначально не было глухого звука, развивавшагося между *k* и *l* лишь позднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ *l* приходился глухой въ качествѣ окончанія падежной формы, становившейся б. ч. неслововымъ, напр. въ ф. род. пад. мн. ч. *стѣкълъ вмѣсто первонач. *стѣкълъ, — явленіе, подобное извѣстному развитію вторичныхъ глухихъ и затѣмъ чистыхъ въ болг., серб. и словѣн. въ причастн. формѣ муж. р. ед. ч. на *лѣ* глаголовъ съ основой, оканчивающейся на гортан., губной или *s* зв.: ст. слов. мѣгълъ, пѣкълъ, но болгар. ²⁾ *néglъ, moǵlъ*, словѣн. *toǵel, pékel*, сербск. *môǵao, nêkao* ³⁾; такимъ образомъ въ ф. стѣкло являлся глухой зв. передъ группою согласныхъ, удерживавшейся въ качествѣ, м. б., полуслогового звука до тѣхъ поръ, пока въ однихъ говорахъ не исчезъ совсѣмъ, вслѣдствіе чего увеличившаяся еще болѣе группа согласныхъ должна была подвергнуться извѣстнымъ фонетическимъ измѣненіямъ, такъ что является напр. въ малорус. и чешск. *скло, sklo*, въ польск. *szkło, szkielekko*, въ сербск. *шклѣ*, въ другихъ же прояснялся въ чистые гласные, такъ что въ нѣкоторыхъ и даже больш. части великорусскихъ говоровъ является ф. *стекло*, въ нѣкоторыхъ серб. *стакло*; въ болгарск., гдѣ удерживается б. ч. глухое про-

Г л. 30 (вѣроятно, по 1-му изданію), у насъ не встрѣчается, хотя, весьма вѣроятно, она предполагается въ виду обычнаго пропуска ѣ въ «неслоговомъ» положеніи.

¹⁾ А. Шахматовъ. Изслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ, стр. 144.

²⁾ См. объ этомъ явленіи, т. е. развитіи вторичныхъ глухихъ между согласн. и конечн. плавн. въ болгарск. у А. Калины въ «*Studyja nad historyjã jazyka bułgarskiego*» (Rozprawy. . . . wydziału filolog. Akad. Um. w Krakowie, 1891, XIV, стр. 485, § 120).

³⁾ См. въ образцахъ у Т. Флоринскаго (Лекціи по славянскому языкознанію, ч. I-я, стр. 149, 337, 487).

изношеніе, является въ однихъ говорахъ *стѣкло*, въ другихъ *изѣкло*, причемъ въ послѣднемъ слоговой глухой могъ или развиться вторично послѣ обращенія *ст* передъ *к* въ *ц*, или явиться подѣ влияніемъ ф. *стѣкло*¹⁾; подобно *скло* изъ **стѣкло* въ архангельск. нарѣчій является *скліво*²⁾ изъ **тѣскліво*; сходно съ этимъ положеніе *к* въ выше указанной ф. *тыцкю* въ 1-омъ поч. или въ косвенныхъ пад. слова *тѣсть*, вслѣдствіе чего и появлялось въ нѣкоторыхъ говорахъ измѣненіе *тс* въ *ц*, какъ показываетъ написаніе Ипат. лѣтоп. *цтя*³⁾, *ко цтю* 456; такое же положеніе *ъ* мы встрѣчали въ формахъ *дѣждемъ*, *дѣчеръ*, *дѣска*, *тѣска*, *промѣкка* и т. п., о которыхъ шла рѣчь выше]. Также послѣ *т* въ неслоговомъ положеніи передъ двумя согласными въ извѣстномъ соб. имени: *тѣхѣрь* 160. 10, 167 19, въ *тѣхѣри* 167. 14, за *тѣхѣ-рью* 167. 15—16, *тѣхѣрью* 200. 8, *тѣхѣрцю* 164. 6; форма съ *ъ* встрѣчается 1 разъ также въ Лаврент. подѣ 1209 г. (л. 295) (изд. 1872 г. Арх. ком., стр. 413): *со тѣфѣри*, но много разъ безъ *к*: *тѣфѣрь* въ различн. пад. формахъ, *тѣфѣричи*, *тѣфѣрьскій* и т. п. подѣ 1285, 1294, 1295, 1296, 1297, 1298, 1299, 1300, 1301 г. (изд. стр. 459—462); безъ *к* пишется это слово постоянно также въ 3-мъ поч. Синод. си. (напр. ст. 247, 280, 300, 303, 307 и мн. др.) и въ новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV в. (см. у Шахматова №№ 4, 5, 12, 14, 13, 17, 18, причемъ не только послѣ предлоговъ *ко*, *во* вм. *къ*, *къ*: *ко тѣфѣри* № 4, *во тѣфѣри* № 5, но и *тѣфѣрьскіи* № 5; этимологія этого слова неясна, но можно сравнить названіе другого города *Тихвинъ* (Новгород. губ.), гдѣ также гласн. звукъ (*и* родств. съ *к*) между *т* и *хв*; объ измѣненіи же группы *хв*, относящемся къ области согласныхъ, скажемъ потомъ. Послѣ шипящихъ и *ц*, замѣняющаго *ч*: *ничктоже* 136 (только 1 р. при описаніи греческихъ событій), но *что* 126 (2 р.), 137, 148, 169, 171, 172 и проч. (17 разъ); *ць-стью* 202. 5—6 (при переносѣ), *благочѣстивни* 179, *звѣрьствоваши* 207; въ глагольн. корнѣ *шѣд-* въ слоговомъ положеніи: *шѣль* (*при-*, *за-*) 124, 151, 154, 169, 218, 233, *-шѣдъ-* 131, 148, 171, 184, 186, 194, 207, 233 — 14 разъ, а въ неслоговомъ только 1 р. при переносѣ *пошь-ли* 203. 13—14, но *шли* одно или въ соединеніи съ предлогами (*за-* и др.) 8 разъ (169, 136, 174, 191, 198, 230), *пришло* 206; замѣна черезъ *ѣ*⁴⁾

1) См. словари сербск. В. Караджича, болгар. А. Л. Дювернуа.

2) См. словарь архангельскаго нарѣчія Ал. Подвысоцкаго.

3) А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи рус. яз., 1888 г., стр. 46—47.

4) Спорадически (13 разъ) замѣна черезъ *ѣ* встрѣчается здѣсь даже въ такомъ точномъ старослов. памятникѣ, каково Зограф. Еванг. (Jagić, Studien . . . , 47).

въ слогов. положеніи 3 р.: (Ѡ-, до-) шедѣ(ше) 174, 203, 234; въ глаг. корнѣ жѣд- напротивъ лишь примѣры безъ ѡ: -жда- 134, 206, жѣд 205 (полож. неслог.), сюда же каждо 178, 198, только при переносѣ -жѣ-до 193. 16—17. Послѣ плавныхъ л и р какъ безъ предшеств. согласн., такъ и съ предшеств. согласнымъ: лѣгѣко 201, лѣстью 173—въ слогов., прѣлѣсти 177, 178—въ неслоговомъ положеніи; въ неслоговомъ же положеніи, но съ предшествующимъ плавному согласнымъ и сопровождаемый группою согласныхъ находимъ звукъ ѡ въ собств. имени пльсковѣ, которое съ производнымъ встрѣчается постоянно съ ѡ 24 раза, а именно: -ѡ, 155, 207, 209 (2 р.), 230 (2 р., 1 р. при переносѣ пль-сковѣ з—4 строки), -а 210, -е 207,—у 231, -нѣна 172, -нѣи 155 (2 раза), 156 (2 р.), 174 (-нѣи), 207, 208, 209, 210, -нѣч 207, веспль-сковѣицѣ 210. 4—5, пльсковѣсѣ 153, пльсковѣскѣи 156. 7—8, -вѣскѣи 166; то же въ прослѣзѣицѣ 222; грѣкѣи 138, 141. 12—13 (переносъ), грѣкомѣ 138, грѣици 137, грѣицина 204 (2 р.), 216—217 (-ѣ|-), -ѣ 233, грѣицина 209, грѣчѣскѣи 139, -аи 143—11 разъ съ ѡ и 2 раза съ ѣ вмѣсто ѡ, чтѣ частію объясняется сходствомъ начертанія, частію, вѣроятно, лежитъ въ связи со значеніемъ, придаваемымъ буквѣ ѣ писцомъ 2-го почерка: изъ грѣчѣскѣи 129, грѣчѣскѣи 130. Въ коренномъ и въ то же время суффиксальномъ слогѣ въ мѣстоименіи указательномъ въ имен. ед. муж. р. съ: съ же доужѣ 142, и съ прии 154, съ же 178, 179, 192, съ... 177, между тѣмъ какъ въ неслоговомъ несамостоятельномъ положеніи (проклятически) въ извѣстномъ нарѣчій мѣста этотъ корень теряетъ глухой звукъ: сѣе 191, 215 (сравни. выше указанное кѣѣ, кѣе).

Прежде, чѣмъ указать факты 3-го поч., а затѣмъ перейти къ суффиксальнымъ слогамъ, позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе для избѣжанія недоразумѣній относительно слова *мѣч*. Какъ извѣстно, сербская форма *мѣч* — *мѣча*¹⁾. (В. Кар., срп. рјечник) при рус. ф. и западнославянской съ *e* могла бы навести на предположеніе, что въ послѣднихъ мы имѣемъ дѣло съ *e* изъ ѡ. Но этому противорѣчитъ не только устоячивость *e* въ формахъ косвенныхъ пад. въ современныхъ языкахъ русскомъ, поль-

1) Устоячивость *a* и въ прямомъ (открытомъ) слогѣ при обычной въ сербскомъ любви къ вокализациі глухихъ и въ «неслоговомъ» положеніи (срв. *дан* — *дана* В. К.) не говоритъ противъ объясненія его изъ глухого (въ данномъ случаѣ могъ оказать поддержку и сложный шипящій). Устоячивость глухихъ или ихъ рефлексовъ въ такихъ положеніяхъ свойственна сербск. и болгарскому въ противополож. русскому и особенно польск. и чешскому.

скомъ и чешскомъ, которую трудно бы было объяснить однѣми чисто фонетическими причинами¹⁾ (сравни. исчезновеніе или по крайней мѣрѣ отсутствіе проясненія глухихъ въ первоначально прямомъ открытомъ слогѣ въ словахъ *мать* изъ *мъчати, *пчела* изъ *съчелл²⁾ и т. п., гдѣ имѣемъ положеніе глухого также между согласными съ одной стороны губнымъ, съ другой диктонгомъ ч; другое дѣло — положеніе между зубнымъ и ч, въ каковомъ случаѣ иногда могло происходить, и то лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ, и б. ч. подъ удареніемъ проясненіе глухого въ «неслоговомъ» положеніи, т. е. въ прямомъ первоначально слогѣ), но и факты древнихъ памятниковъ чешскихъ, польскихъ, русскихъ и старословянскихъ. Въ старочешскомъ Гебауэръ отмѣчаетъ только одинъ примѣръ съ пропускомъ гласнаго между *m* и *č* въ этомъ словѣ, а именно въ Оломуцкой библіи 1417 г. читается: *mczget bojovati* (Histor. mluvnice, D. I, 173), которое едва ли не описка; въ остальныхъ примѣрахъ изъ памятниковъ болѣе древнихъ (XIV в.: легенды объ Іудѣ, Александриды, псалтырей Виттенберг. и Клементинск.) «правильно *mcč-* вмѣсто желаемаго *mč-*», какъ выражается Гебауэръ (ibid.). То же и въ старопольск., напр. въ Пулавск. псалт. *tujszget* (ис. 45, ст. 4, см. фототипич.³⁾ издание), а также и въ древнѣйшей Флоріанск. псалт. — *tujszget* (Kalina, Historya języka pol., стр. 64); менѣе доказательно *Meczglaus* и т. п. въ латинскихъ грамотахъ, такъ какъ здѣсь могло быть положеніе «слоговое», т. е. можно предположить при ф. *Мечиславъ форму *Мечьславъ, на которую, повидимому, указываютъ приводимые Бодуэномъ-де-Куртенэ примѣры⁴⁾. Обращаясь къ русскимъ памятникамъ, мы и въ нихъ находимъ постоянно *ε* въ этомъ словѣ съ его производными (конечно, рѣчь можетъ быть лишь о тѣхъ памятникахъ, которые сохранили еще слѣды употребленія *ч* и *к* въ корнѣ и вообще внутри словъ). Слово это встрѣчается неоднократно въ лѣтописяхъ, изъ которыхъ разбираемый нами памятникъ, какъ древнѣйшій, въ первыхъ двухъ почер-

1) Замѣчательно при этомъ и то, что удареніе падаетъ здѣсь на суффиксъ.

2) Можно, пожалуй, возразить, что вѣдь въ этихъ словахъ и въ сербск. глухой исчезъ (*чѣла* изъ первонач. *бчелл* черезъ поср. *пчела*), но остался въ ф. *мача*, которую, какъ *даня* и др., придется объяснить вліяніемъ ф. имен. п. ед. ч.; дѣло, однако, въ томъ, что въ сербск. это вліяніе не ограничивается формою *мача*, слѣдов. не зависитъ отъ фонет. дѣйствія согласныхъ *m* и *ч*.

3) Psalterz Puławski. Z kodeksu pergaminowego księcia Władysława Czartoryskiego przedruk homograficzny wykonali Adam i Stanisław Pilińscy. Nakładem biblioteki kórnickiej. 1880.

4) О древне-польскомъ яз. до XIV-го столѣтія, стр. 67 «Словаря».

кахъ, какъ мы видѣли, представляетъ не только слѣды употребленія глухихъ, но и почти правильное употребленіе ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ; и вотъ, не смотря на это, мы встрѣчаемъ лишь: *ме-чъ* 77. 12—13 (при переносѣ), *мечѧ* (вин. двойств.) 178. 17, *меча* 200. 16, *меченошю* 203, *мечемь* 246. 15, 259. 2 (последніе примѣры изъ 3-го поч.). Всѣ ссылки Миклошича (Lexic. palaeoslov.) при формахъ *мча*¹⁾ (chron. I. 206) и *мъчъникъ* (Остром., Марк. VI, 27, и рег. 84. 7) на памятники русскаго письма оказываются невѣрными или неточными (т. е. касаются лишь самаго слова, а не формы, въ которой оно встрѣчается): въ Лаврент. сп. Лѣтописи (1-й т. «Полнаго собранія» . . . , на который ссылается Миклошичъ) мы нигдѣ не находимъ формы *мча*, а лишь *меча*, *мечь*, *мечники* и т. п. (см. издан. фототип. 1872 г., стр. 11, 22, 26, 30, 22. 26, *мечѣ своѣ* вин. множ. 27. 6 и др.; см. также указатель при издан. Археогр. ком. нефототип. 1872 г.); также и въ Ипатьев. сп. (см. фототип. издан. 38,^a 10, 39,^a 4, 50^a въ послѣдн. строкѣ внизу: *мечемъ*, *мечи*, *мечь*; въ двухъ первыхъ примѣрахъ особое *ѣ*, употребляющееся въ Ипат. безразлично часто и послѣ согласныхъ); также въ Лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго (рукоп. второй пол. XV в.) на стр. 84. 7 по издан. въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» въ IX-ой кн. «Временника Имп. Москов. Общества исторіи и древн. рос.» читаемъ: *мечники*, 83. 34 и 35: *мечь*, 83. 35: *мечѧ*, 83. 37: *мечи*; на Ипат. и тѣмъ болѣе Переясл. лѣтоп., какъ памятники поздніе (XV в.), не стоило бы и ссылаться; въ Остромир. Еванг. указанное Миклошичемъ мѣсто читается *мъчъника* (см. издан. Востокова), а также и въ другихъ мѣстахъ *мечь* и т. п.²⁾ Въ русскихъ памятникахъ XI-го и слѣдующихъ вѣковъ мы это слово постоянно находимъ лишь съ *ѣ*; кромѣ указанныхъ, см. также въ Служебныхъ минеяхъ 1095—1097 г., по издан. акад. Ягича 1886 г. стр. 0211, 0220: *мечьмь*, *мечи* (сентябрь, л. 160^a, 166^b); въ «Русской Правдѣ» по синодальному списку конца XIII-го в.: *мечемь*, *мъчъникъ*, *-у*³⁾, но одинъ разъ *мъчъ*⁴⁾,

1) Къ сожалѣнію, эта ошибка (за невозможностью найти 1-й томъ «Полнаго Собранія» я не могу провѣрить, сдѣлана ли эта ошибка издателями, или неточность принадлежитъ Миклошичу) повторяется и въ стат. чешскаго ученаго Ант. Гавлика (Ant. Havlík, K otázce jeřové v staré češtině, Listy filologické, 1889, sešit I, стр. 50).

2) См. напр. у Козловскаго, О яз. Остром. Ев., стр. 76.

3) Смирновъ, Сборникъ др. рус. пам. 36, Русскія Достопамятности I, 53, 32 (2 р.), 33. Многочисленные примѣры слова *мъчъ* въ русск. пам. можно найти и во вновь вышедшемъ I в. II т. «Матеріаловъ для слов. др. р. яз.» И. И. Срезневскаго.

4) Рус. Достопам. I, 32. Къ этому памятнику по отношенію къ слову *мъчъ* я обратился, благодаря совѣту М. Г. Халанскаго.

что, если вѣрно напечатано въ изданіи, едва ли не слѣдуетъ признать опіскою (странно, что Миклошичъ не цитироваль этого мѣста, которое бы по крайней мѣрѣ отчасти могло его поддержать въ правописаніи *мьчь*) въ виду и другихъ случаевъ употребленія *ь* вмѣсто *ѣ* въ томъ же памятникѣ: *клати* 39, *пъреяславьскаго* 40, *третьяго* 40 (Рус. Дост.). Остаются пока не проверенными ссылки Миклошича на сербскіе памятники, но, насколько имъ можно довѣрять, видно хотя бы изъ того, что и въ болг. Троянской притчѣ, на которую онъ ссылается относительно прилаг. *мьчьнь*, по его же изданію въ III-ей кн. «Starine» (стр. 186) оказывается *мечными главами* (л. 42) съ *ѣ*. Но въ памятникахъ сербскаго письма *ь* здѣсь возможно, какъ это доказываютъ болѣе обстоятельные примѣры въ словарѣ Дапичича («Рјечник изъ књижевнихъ старина српскихъ», sub. v.): *мьчь* со ссылкой на Monumenta Serbica 155¹⁾, *мьчюу прѣдаше* со ссылкой на «Лѣтописи српски» 81 (по издан. Шафарика въ «Památky dĕvního písemnictví jiho-slovanův»¹⁾); срв. также съ *мачи* со ссылкой на «Споменици» Медо Пуцића 48; ф. *мьч* еще встрѣтилась мнѣ въ одномъ текстѣ сербскаго письма XVI в., напечатанномъ Ягичемъ въ XI т. Archiv f. sl. Philol., стр. 590. Что касается древнѣйшихъ старословянскихъ памятниковъ нерусскаго письма, то въ нихъ правильно находимъ лишь формы съ *ѣ*: см. словарь къ издан. Ягичемъ Маріинскому Евангелію; срв. напр. *мечь* Матѣ. X. 34 въ Зограф. Ев. и друг., гдѣ въ сербскомъ Никольскомъ спискѣ XIV—XV в. читается уже *мачь*, которое въ послѣднемъ находимъ также въ гл. XXI. 24 отъ Луки: *падоуть въ острын мача* . . . ; въ Супрасл. сборникѣ также постоянно *ѣ*: *меча* 28 (2 р.), *мечь* 35, 63, *мечель* 45 (2 р.), *мечи* 45, 337, *пльтодненьин мечюу* (зват. п. ед. ч.) 87 (издан. Миклошича 1851 г.). Такимъ образомъ въ пользу основного *ь* въ этомъ словѣ говорить однѣ лишь сербскія формы. Замѣчу еще, что удержанію слогового характера и затѣмъ переходу *ь* въ *а* въ формѣ род. ед. *мача* въ штокавскомъ содѣйствоваль переносъ экспираторнаго ударенія на предшествующій слогъ съ глухимъ звукомъ, очевидно, раньше, чѣмъ *ь* успѣло утратить вполне слоговой характеръ; отсюда и разница сравнительно съ формою *чѣла* изъ **бъчѣла* (употребляя знаки *ъ* и *ь* въ значеніи, приписываемомъ

¹⁾ Ссылки мною проверены; примѣръ изъ Mon. Serb. Миклошича чит. такъ: въспри-
юшнмъ въкнцѣ почести шдъ всемогѣцаго владки и штъ рѣкии сингальске мьчь . . . (грам. 1357 г.
№ СХLІ Стефана царя «сръпскимъ и гркъскимъ» . . . , origin. chartac. in s. r. archivio Viennae.
Спомен. 46, Mon serb. стр. 155—157); примѣръ изъ лѣтописи относится къ 1474 г. (рукоп.
ок. 1501 г., см. «Památky» 2-е изд. 1873 г., стр. 68—81).

имъ Мазингомъ и Шахматовымъ¹⁾, т. е. въ значеніи краткихъ музыкальнаго и экспираторнаго удареній), гдѣ ч приходился въ слогѣ, отдѣленномъ отъ слога съ экспираторнымъ удареніемъ еще слогомъ съ музыкальнымъ удареніемъ, на который и должно было перейти въ штокавскомъ экспираторное удареніе конечнаго слога; если бы *a* формы *māca* и т. п. было обязано лишь влиянію формы имен. един. ч. *māc*, то, мнѣ кажется, и удареніе бы было одинаково, т. е. рѣзкое, подобно тому, какъ при формахъ имен. ед. *lāv*, *dān* и формы косв. пад. *lāva*, *dāna*²⁾. Но и въ области сербскаго языка это слово, очевидно, искони имѣло двѣ формы, и на западѣ, въ чакавщинѣ, уже было *мечъ*: въ западно-боснійскомъ Рудницкомъ спискѣ Александриды XVI в. постоянно пишется *меч* (Starine III, 223, 233, 239, 240, 268, 294, 310, -ε 261, -εμ 269, 293, 295, 310; у Марулича (XV в.) при ф. *mač* (Stari pisci, I, 172) встрѣчается и *meč* (ib. 35, Judita, rjev. IV, 7...)) (срв. объ этомъ у Облака «Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslavischen Sprachen», Archiv f. slav. Philol. XVI, 182). Въ сосѣднихъ съ сербо-хорватской группой говоровъ группахъ болгарской съ одной стороны и словѣнской съ другой, кажется, извѣстны лишь формы съ *e*; въ болгар. словарѣ А. Л. Дювернуа (стр. 1204) сказано, что это слово очень рѣдкое даже въ народныхъ пѣсняхъ, и приводится только одинъ примѣръ изъ сборника Безсонова; въ словѣнскомъ Плетершникѣ³⁾ отмѣчаетъ *měc* - *měca*; Шкрабець⁴⁾ обращаетъ вниманіе на то, что въ этомъ словѣ, какъ и въ словѣ *lèv*—*lèva* (я оставляю по возможности правописаніе Плетершника), въ словѣнскомъ остается полный гласный въ противоположность слабому (глухому) въ старословянскомъ; дѣйствительно, если бы мы хотѣли найти въ словѣнскомъ полное соотвѣтствіе старословянскихъ **мьчъ* и *лькъ*, мы бы въ литературномъ языкѣ, въ основѣ котораго лежитъ преимущественно краньская (крайнская) группа говоровъ, и въ юго-западной группѣ говоровъ вообще ожидали **meč* (съ глух. зв.)—**māca*, **lev* (съ глухимъ зв., выражаемымъ Плетершникомъ особой формой буквы *e*)—**lāva*, такъ какъ

1) А. Шахматовъ. Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній, стр. 39.

2) Pavić, Studije o hrvatskom akcentu, u Zagrebu 1881, стр. 3—9.

3) Slovensko-nemški slovar; за присылку его мнѣ приношу благодарность глубокоуважаемому И. В. Ягичу.

4) «Nekoliko slovenske slovnice za poskušnjo. § 11. O slabljenju, preglaševanju in raztezanju samoglasnikov v korenih» (обертка XIII теčaj, 1. zvezek «Cvetje z vertov sv. Frančiška», V Gorici, 1894); за присылку цѣнныхъ грамматическихъ изслѣдованій Шкрабца приношу глубокую благодарность словѣнскому ученому В. Облаку.

въ долгомъ ударяемомъ слогѣ глухой замѣняется въ нихъ черезъ *a* въ противоположность говорамъ восточнымъ, гдѣ онъ переходитъ вообще въ *e*, въ краткомъ же ударяемомъ и неударяемомъ произносится глухо, что въ литературномъ правописаніи передается черезъ *e*; Облакъ¹⁾ указываетъ на то, что *теѣ*, *теѣа* произносится и въ южныхъ и западныхъ говорахъ, слову же *lev—leva* онъ не придаетъ значенія, считая его ненароднымъ. Облакъ первый, на сколько мнѣ извѣстно, указалъ на то, что разбираемое нами слово было заимствовано Словянами изъ германскаго въ двойной формѣ: *мѣчь*, которое ближе къ германской формѣ (гот. *tēkja-*, ас. *tāki*, Miklos. Vergl. Gram. I, 26, срв. также «Мысли объ истор. рус. яз.» Срезневскаго, 1887 г., ст. 116), и *мьчь*; онъ-же, кромѣ указанія на словѣнскую форму, обратилъ вниманіе и на малорус. *міч*²⁾ и бѣлорус. *міеч* (Карскій, Рус. фил. Вѣстн. 1893, 82), которыя послѣ всего сказаннаго не слѣдуетъ считать явленіемъ вторичнымъ сравнительно съ *nich* изъ основн. *печь* и т. п., какъ это сдѣлалъ Шахматовъ³⁾ относительно **міеч* галицко-волынскихъ памятниковъ (*мѣчь* и т. п., см. у Соболевскаго, въ «Очеркахъ изъ исторіи русскаго яз.», стр. 3, 21, 27, 90, срв. также въ Ипат. лѣт. 514=508, г. 1230); но на два упомянутыхъ вида этого слова въ церковно-славянскомъ указалъ уже проф. Соболевскій (*ibid.* 91) еще 12 лѣтъ тому назадъ, при чемъ онъ же замѣтилъ, что въ русскомъ является лишь форма съ *e*; я сдѣлаю только ту поправку къ мнѣнію Соболевскаго, что и въ церковно-славянскомъ, на сколько намъ извѣстно изъ памятниковъ, являлось это слово лишь съ *e*. Однако еще раньше обоихъ на вѣроятность основной формы *мечь* намекнулъ еще въ 1870 г. А. А. Потебня (Замѣтки о малорус. нарѣчій, стр. 68—69), который при этомъ обратилъ вниманіе не только на малор. *міч*, но и на показанія ст. слов. пам.; кромѣ того, онъ же привелъ здѣсь и любопытное свидѣтельство того, что въ малорус. существуетъ и рефлексъ формы *мьчь*, говоря, что ему встрѣчалось въ мр. *меч*. Такимъ образомъ, съ одной стороны ф. **мьчь* въ одномъ сербскомъ и частію м. б. въ малорусскомъ, съ другой **мѣчь*, къ которой восходятъ формы всѣхъ остальныхъ словянскихъ нарѣчій. Я позволю себѣ предполо-

1) Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslav. Sprachen, 170.

2) Dr. Em. Ogonowski, Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache, 37. Срв. напр. въ пѣснѣ: товѣта, якъ *nich*, остра, якъ *мічъ* (Пинчуки, этнографич. сборникъ Булгаковскаго, Спб. 1890, изъ XIII тома, 3 вып. «Записокъ И. Рус. Географ. Общ.», стр. 105).

3) Исслѣдованія въ области русской фонетики, 113.

жить такія же двѣ формы и для заимствов. слова **лѣкъ**: съ одной стороны ***лѣкъ**, къ которой восходятъ формы всѣхъ словянскихъ нарѣчій, съ другой ***левъ**, къ которой восходитъ словѣнское¹⁾ *lěv* — *léva* (не сюда ли и болгар.²⁾ *левове*, м. б. хорватск. *lewow*, напр. у Крижанича: *pútno opisánie ot Lewówa do Mósksi*³⁾, ст. чешск. *lewa* въ Виттенб. псалтири⁴⁾, олонецк. *левы зѣтри, лева зѣтря*⁵⁾?). Нов. в. нѣм. *lōwe* заставляеть насъ ожидать **к**; впрочемъ Миклошичъ въ «*Etymolog. Wörterbuch der slav. Sprachen*» производитъ **лѣкъ** изъ д. в. н. *lewo*, восходящаго къ лат. *leo* гр. *λέων*, которое семито-египетск. происхожденія.

Въ 3-мъ поч. находимъ въ коренныхъ слогахъ **к** лишь въ «нослого-вомъ» положеніи (срв. выше сказанное о **ч**) — тамъ, гдѣ окружающіе его согласные содѣйствовали образованію или удержанію хотя бы полуслогового звука: **дѣври** (винит. мн.) 246, **мѣсти** 264, **ѡмѣстити** 283, **бѣвконтингы** 275, постоянно въ соб. им. **пѣсковъ**, **пѣсковичи** и т. п. (много разъ), **грѣчинъ** 241, 331, **стѣкланицю** 260, **вѣцѣствовали** 297 (здѣсь собственно предполагается передъ **стѣ** выпаденіе цѣлаго слога **стѣ**: ***БЕЗ-ЧЕСТЬ-СТВО-вали**; но въ такомъ положеніи выпаденіе это могло совершиться очень рано, а потому и положеніе **к** здѣсь можно разсматривать, какъ положеніе передъ группою согласныхъ **—** чистый гласный); на всѣхъ этихъ случаяхъ я оставляться не стану, такъ какъ я уже касался ихъ по поводу примѣровъ въ 1-мъ и 2-мъ поч. Остановлюсь немного лишь на словѣ **пѣсковъ**; здѣсь

¹⁾ Впрочемъ, Облакъ указыв., что въ языкѣ XVI в. были формы, указывающія на глухой зв. (ib. 169).

²⁾ Въ болгар., впрочемъ, нерѣдко является е вм. ѡ (срв. ib. 185—186) въ открытомъ слогѣ. О тройкомъ произношеніи *лѣвъ*, *лѣвъ* и *левъ* въ болгарскихъ говорахъ ср. у Л. Милетича въ статьѣ: «Особенности на езика въ мар. паметникъ» (Периодическо Списание на бълг. кн. друж., 1886, кн. XIX и XX, стр. 243, сноска къ стр. 242); на это мѣсто обратилъ мое вниманіе Н. К. Грунскій.

³⁾ Собраніе сочиненій Юрія Крижанича, вып. 1-й, Москва, 1891, стр. 1, 3, 7.

⁴⁾ Gebauer, *Histor. mluvnice*, § 139, стр. 159.

⁵⁾ Колосовъ, Обзор звук. и форм. особ. народн. рус. яз., 1. Возможно, конечно, всѣмъ этимъ примѣрамъ дать и другое объясненіе: *е* въ хорват. (кайкавск.) можетъ быть объяснено изъ ѡ (если форма *lewow* у Крижанича взята изъ кайкавскаго нарѣчія) наклоностью къ вокализации открытыхъ (прямыхъ) слоговъ вообще въ югословянскихъ нарѣчіяхъ, при чемъ въ сосѣднемъ словѣнскомъ нарѣчій гласный вообще внутри слова, хотя бы и въ открытомъ слогѣ, если на него падаетъ удареніе, произносится сильнѣе, чѣмъ въ конечномъ закрытомъ (см. Valjavec, *Prinos k naglasu u novoslov. jeziku*, *Rad jugoslav. akad.*, knj. 43, стр. 1—2); *е* въ ст. чеш. *lewa*, какъ неточное выраженіе глухого (срв. *ibid. zemeske, romsta krewe*, также *weseczka* въ хрон. Пуцкавы = *všeka*, *Geb. ibid.*); *е* въ сѣв.-великорус., *лева*, какъ *о* въ *лоба* и т. п. (Колосов, *ibid.*). И въ малор. при *лѣва* встрѣч. *лѣва* (*Ogonovskii Studien*, 55); срв. *ibid. лѣну* при *лѣну*.

въ вариантахъ КАТ. находимъ или плесковъ или п(к)сковъ; форма плесковъ преобладаетъ и въ Лаврент. и Ипат. сп., ф. псковъ въ списк. XV—XVI в.; её находимъ и у насъ на листахъ, написанныхъ позднѣйшими почерками: изю пскова 336, въ псковъ 336, псковницъ 336, 337, псковницею 336. Отношеніе плск- : плск- : пск- такое-же, какъ крст- : крст- : кст- (*кститъ*) (срв. Шахматова, о яз. новгор. грам., 176). Въ остальныхъ случаяхъ передъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ мы находимъ правильно пропускъ **к**: кси 19 р. (239, 240, 246 и проч.), ксю 11 р. (239, 252 и др.), всею 11 р. (239, 252 и др.), всею 241, ава 291, нѣзвѣ 287 (кор. лѣг-), мнѣ 253 (въ знач. *minus*), пси 275, рли 263 (надоша дѣждеве. и поимаша вси рли. і обилига и сѣпа), 320 (оубьень бѣ на рли) [*рьли им. вин. мн. и мѣстн. ед. къ им. **рьль**, что въ грам. Варлаама п. 1192 г.: **рьль** противъ села за Волховомъ (Смирнов., 18), срв. *рель* — поемный лугъ, *рѣлка* — сѣнокосъ, въ спискѣ словъ, собранныхъ М. А. Колосовымъ въ Новгородской губ., Замѣтки о языкѣ и народн. поэзіи въ обл. сѣв.-великор. нарѣч., стр. 36, при чемъ ошибочно объяснено это слово, какъ «tempus arandi», въ «Матеріалахъ для словаря древнерус. яз.» А. Дювернуа; не слѣдуетъ смѣшивать словѣн. *rāt* — *rālī* = 1. das Ackern, а также и «cas, kadar se orje». . . ., 2. «izorana zemlja, das Baufeld»¹⁾, и серб. *rāl*²⁾, которыя родств. съ др. рус. *ролма*, малор. *рiлля*, польск. *gola* и т. п., и находятся въ связи съ корн. *ar-, что въ ор-а-ти и греч. ἀρόω], тма 240, что 247, 266, 292, шл 247, — и 258. Наоборотъ въ «слоговомъ» положеніи въ 3-мъ поч. правильно пишется **к** въ м. **к**: оуденье 240, легко 274, прелестъ 238, меншимъ 274, — шедъ 238, 239, 324 и пр., — шедше 239, 241, 247, 264 и пр., шель 326, 328, шестникомъ 270; сюда же относятся случаи **т**реть 243 и **с**шестви 305, гдѣ бы мы ожидали сохраненія **к** подъ влияніемъ стеченія согласныхъ, не смотря на то, что въ слѣд. слогѣ чистый гласный. Замѣчательно, однако, что въ мѣстномъ **всь** и въ «слоговомъ» положеніи постоянно пропускается **к** (17 разъ: 245, 248, 254, 257, 262 и мн. др.), какъ часто это мы замѣтили и въ 1-омъ и 2-мъ поч., на 337-ой же стр., написанной послѣднимъ поч., уже правильно **всь**. Трудно рѣшить, что означаетъ такое правописаніе въ 3-мъ поч., и весьма возможно, что въ немъ это не болѣе, какъ книжная традиція, но первоначально такое написаніе едва ли можно объяснять однимъ

¹⁾ М. Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar.

²⁾ В. С. Караджичъ, Српски рјечник («1600 □хвати земље или 2 дана орања»).

вліяніемъ¹⁾ формъ вси, вса, все и т. п., гдѣ фонетически **к** становилось не-слоговымъ и могло рано исчезать; исключительно однимъ вліяніемъ косвенныхъ формъ можно бы было объяснить лишь единичные случаи, а не столь частые, какъ въ 1-омъ и 2-мъ поч. Встрѣчающіяся рядомъ съ **всь** въ 1-омъ и 2-мъ п. написанія (болѣе рѣдкое **вьсь**, единичное **весь**, а съ другой стороны **вхѣ**), мнѣ кажется, позволяютъ сдѣлать то предположеніе, что здѣсь въ извѣстную эпоху въ нѣкоторыхъ говорахъ слышались оба **к** съ равною силою, т. е. оба были слоговыми или полуслоговыми, но что при извѣстныхъ обстоятельствахъ (въ зависимости отъ окружающихъ словъ) получалъ большій **вѣсь** то первый, то второй слогъ или полуслогъ, становившійся въ такомъ случаѣ цѣльнымъ, между тѣмъ какъ его сосѣдъ приближался къ уничтоженію. Это особенно понятно въ тѣхъ говорахъ, которые чисто ли фонетически или подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ пад.,²⁾ имѣвшихъ чистый гласный въ суффиксѣ, имѣли склонность къ удержанію слогового звука на концѣ въ формѣ имен. ед. муж. р. вмѣсто старыхъ глухихъ. Нѣсколько такихъ случаевъ я называлъ, говоря объ измѣненіи конечнаго **ъ** въ **о**; другіе, гдѣ является **ѣ** вм. конечн. **ъ**, назову потомъ. Они вполне аналогичны съ формою **вхѣ**, въ которой при томъ именно необходимо видѣть не измѣненіе глухого **ъ** въ **е**, а приближеніе къ звуку **е** или **ѣ** конечнаго глухого **ъ**, ибо **вхѣ** предполагаетъ форму ***вхъ**³⁾, болѣе первоначальную, чѣмъ **вьсь** (сравн. литов. *visas*), и подтверждаемую формою вин. ед. жен. р. **вхоу** (снимокъ въ приложен. къ «Древнимъ памятн. рус. п. и яз.» Срезневскаго позволяетъ вѣрить, что это не опечатка) въ грам. Варлаама п. 1192 г. (Смирн., 18); ***вхъ** такъ относится къ **вьсь**, какъ **сикъ** къ **сиць**; законъ гармоніи гласныхъ еще въ общесловянскую эпоху, вѣроятно, лишь діалектически, вызывалъ переходъ **ъ** въ **ь**, если въ предшествующемъ слогѣ былъ узкій гласный; во всякомъ случаѣ, переходъ этотъ въ мѣстоименіяхъ совершился, повидимому, позднѣе, чѣмъ въ существительныхъ; на это указываютъ формы тѣхъ косвенныхъ надежей, въ которыхъ еще до измѣненія гортаннаго въ свистящій въ формѣ имен. един. ч., т. е. до перехода **ъ** въ **ь**, должно было совершиться это измѣненіе подъ вліяніемъ характера гласнаго суффикса, а именно съ одной стороны **вьсьхъ**, **вьсьмъ** и т. п., си-

1) Въ данномъ случаѣ я разумѣю лишь вліяніе на письмѣ; другое дѣло вліяніе самихъ формъ однихъ на другія въ языкѣ, которое могло быть довольно сильно.

2) Срв. у Шахматова въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской фонетики», стр. 45.

3) Срв. сказанное мною въ «Живой Старинѣ» 1894 г., вып. II, стр. 169, сноска 1.

цѣхъ, сицѣмъ, сицѣми (Супрасл., изд. Миклош., стр. 210, 213, 215, 218) при сице *ibid.* 60, сица *словеса ib.* 65, съ другой отъцихъ и т. п.: первыя предполагають въ основѣ еще гортанный зв., вторыя — уже явившійся, какъ смягченіе гортаннаго, свистящій.

Въ новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV в. при формахъ *късь* (1304—1305, № 11, у Шахмат. стр. 250) и *късь* (1294—1301, № 4, *ib.* стр. 244) мы находимъ также и *всь* (1269—1270, № 3, стр. 242; 1305—1308 г., № 6, стр. 251; 1371 г., № 8); подобное Шахматовъ («Ислѣд. о яз. новгород. грам.», 146) указываетъ въ рядѣ другихъ памятниковъ русскаго письма XIII—XIV в., не исключая и нашей лѣтописи; мнѣ остается прибавить, что и въ Хлудовскомъ Прологѣ № 187 (1262 г.) читаемъ *всь* 120^г, 121^а, а затѣмъ указать, что то же замѣчается съ одной стороны въ памятникахъ болѣе древнихъ (XI в.) русскаго и нерусскаго письма (напр. въ сентябр. Миней 1095—1097 г. л. 175^а, изд. И. В. Ягича 1886 г., стр. 0233; въ Зограф. глагол. Еванг. при 27 *късь* встрѣчается 2 раза *всь*¹⁾; любопытно, что въ Маріинск., представляющемъ явныя діалектическія черты, этого не находимъ, а наоборотъ при 8 случ. *късь* и 3 случ. *късь* 21 разъ *весь* и 1 р. *весьде*, и это, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, что и въ формахъ *късе*, *късево*, *къскъ* и т. п. здѣсь *ь* очень рѣдко пропускается²⁾, чего нельзя сказать о Зограф., гдѣ напр. на 23 раза *къси* Ягичъ насчиталъ 30 разъ *вси*¹⁾), съ другой — позднѣйшихъ или современныхъ нашему южно-славянскаго письма, напр. въ сербск. апокрифич. текстѣ XIII в. юго-славянскій Академіи: *всь зворь*, *всь висей на дрѣвѣ*³⁾. И такъ, я не могу во всѣхъ этихъ случаяхъ видѣть только графическое явленіе, а вижу отраженіе извѣстныхъ явленій языка.

Обращаясь къ суффиксальнымъ слогамъ, замѣчу, что случаевъ замѣнъ черезъ *ѣ* въ «слоговомъ» положеніи въ 1-омъ и 2-мъ поч. вообще меньше,

1) V. Jagić, Studien über das altsloven. — glag. Zographos-Evang., 31.

2) См. словарь къ издан. И. В. Ягича «Маріинское Четвероевангеліе». . . . 1883 г. Съ этимъ срв. также и нѣкоторые другіе случаи: въ Зогр. 8 р. *днь* въ ф. им. ед. ч. и 1 р. *днь* въ ф. род. мн. при многочисл. *днь* и *днь* и ни разу *демь* (Studien, 33—34), въ Маріин. (см. словарь) наоборотъ ни разу *днь* и часто *демь* и *демь* (срв. также стр. 428 статьи «О грам. особен.»).

3) Сперанскій, Славянскія апокрифич. евангелія, стр. 112, 113. Не явилась ли нынѣшняя штокавская ф. *сав*, какъ результатъ колебанія между **вкс-*, откуда *вас* (В. С. К.), съ одной стороны и **всь*, откуда *(*у*)*са*, съ другой? Последняя ф., образованная отпаденіемъ неслогового *у* изъ *ѣ* и переходомъ конечнаго глухого въ *а*, не могла удержаться, какъ неудобная для ф. имен. ед. муж. р., и приняла *ѣ* на концѣ.

чѣмъ случаевъ пропуска ь въ «неслоговомъ» положеніи. Единственный случай, гдѣ послѣдовательно проводится замѣна ь черезъ є въ обоихъ почеркахъ, — форма твор. ед. ч. старыхъ основъ на -jo- или образованныхъ по аналогіи съ ними (срв. сказанное объ основахъ на -o-). Случаи съ ь являются рѣдкими исключеніями. Въ 1-омъ поч. только кнѣзьмъ 93, андреевнцѣмъ 71.2 при кнѣземъ 53, 88, 93, 111.2—з, кнѣзмъ 103 и кнѣзьмъ 5, андреевнцемъ 72.4 и многихъ другихъ примѣрахъ: свиньцемъ 53, дѣжгемъ 63, мѣемъ 116, олговицемъ 51, моремъ 29 и нѣсколькихъ примѣрахъ -кмъ ¹) (ороужикмъ 33, стрѣемъ 78 и др.); примѣровъ, правда, не такъ много, какъ отъ основъ на -o-, но ясно все-таки ихъ преобладаніе.

Во 2-мъ поч. при многихъ случаяхъ — емь (исаковицемъ 134, олтаремъ 139, 140, королемъ 183 и др.) встрѣчается, однако, послѣдовательно князьмъ 145—146, 147, 150, 153, 186, 202, 205, 229—230, 232 (9 разъ) при 1 р. кнѣзмъ ⁺173, и 1 разъ гравежьмъ 148. Весьма вѣроятно, что слово князь имѣетъ здѣсь форму твор. ед. на -ьмъ лишь потому, что оно стало склоняться по образцу основъ, оканчивающихся на ь (ѣ); это особенно ясно между прочимъ изъ формы твор. двойств. кнѣзьма 72 въ 1-омъ поч.; на это, м. б., указываетъ и ф. мѣстн. п. въ кнѣзьхъ ⁺159, 181 во 2-мъ п. при кнѣзихъ ⁺196, если видѣть въ -ѣхъ графическую замѣну -ьхъ, а не -нхъ, что, однако, не кажется особенно вѣроятнымъ; но дѣло въ томъ, что дѣйствіе аналогіи распространяется всегда лишь на формы отдѣльныхъ падежей, и никогда почти не бываетъ, чтобы формы всѣхъ падежей одного слова поддавались вліянію формъ другого слова; это законъ, дѣйствовавшій всегда во всѣхъ языкахъ, вслѣдствіе чего односклоняемыхъ образцовъ почти не встрѣчается и въ древнѣйшихъ памятникахъ ²).

Во всякомъ случаѣ, о сильномъ вліяніи основъ на ь здѣсь можетъ быть рѣчь лишь въ примѣненіи ко 2-му поч., такъ какъ въ 1-мъ все-таки -емь въ этомъ словѣ преобладаетъ. Что же касается словъ съ первонач. основами на ь или на согласн. зв. (послѣднія основы, какъ извѣстно, болѣею частію и въ старо-славянскомъ перешли въ склон. основъ на ь), то здѣсь правильно пишется ь б. ч. не только въ формахъ тѣхъ пад., гдѣ оно

¹) Въ старослов. пам -емь при единичн. -ьмъ, но въ Супрасл. сб. часто -нимъ въ сущ. сред. р. на -нѣ (Leskien, Handbuch der althulgar. Sprache, стр. 70, § 65).

²) Срв. сказанное Лескиномъ, Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen, 2.

является «слоговымъ» (въ тв. ед., дат. мн., мѣстн. мн.), но и въ тѣхъ формахъ, гдѣ положеніе должно было быть «неслововымъ» (въ твор. мн.); случаевъ пропуска ь мало, а замѣнъ черезъ ѣ еще менѣе. Въ 1-мъ п.: гостьмь 24 (дат. мн.), затьмь 80 (тв. ед.), именьмь (твор. ед.) 101—102, 110, мочьмь 109, по пу-тьмь 23—24 (при переносѣ), къ сѣньмь 77, въ людьхъ 27.11—12, 58, 63, 97, сюда-же числит. трьхъ 59, 87 и только 1 р. днѣ-хъ 59.9—10 (при переносѣ); въ «неслововомъ» положеніи: людьми 17, 44, 117, въ нарѣч. вельми 45 (безъ ь: дѣтми 6, велми 41, 46). Во 2-мъ п.: гостьмь (дат. мн.) 228, именьмь (тв. ед.) 133, 216, 222, 233 (при переносѣ 10—11), людьмь (дат. мн.) 134, 153.14—15 (при перен.), 211, поу-тьмь (дат. мн.) 200, огньмь (твор. ед.) 137, 226 (при перен. 7—8); въ «неслог.» полож.: дѣть-ми 166.10—11 (при перен.), людьми 141, повѣстьми 186, вельми 162 (безъ ь: дѣтми 189 и въ нарѣч. толми 228).

Такимъ образомъ, кромѣ ф. дѣтми въ обоихъ поч., ь пропускается только въ образованныхъ по тому-же образцу нарѣчійхъ, такъ какъ они не имѣли такой-же поддержки въ рядомъ стоящихъ формахъ съ ь въ «слогов.» полож., какую имѣли образованныя съ тѣмъ-же суффиксомъ формы именъ существительныхъ (ь въ людьми удерживалось, благодаря формамъ людьмь, людьхъ, которыя въ свою очередь не замѣняли ь черезъ ѣ, благодаря формѣ людьми).

Въ 3-мъ поч., наоборотъ, въ «неслововомъ» положеніи при формахъ безъ ь встрѣчаются случаи и съ ь: прѣ мтрьми 244, с дѣтьми 255 при с дѣтми 283, с людми 243 и др.; въ «слоговомъ» же положеніи уже постоянно формы съ ѣ: твор. ед. поу-темь 249, именѣ 241, именемь 252, дат. мн. дѣтемь 273, людемь 307, 313, по ночемь 273, мѣстн. мн. въ бра-нехъ 290, на костехъ 292, в талехъ 320.

Изъ случаевъ въ другихъ суффиксахъ отмѣчу слѣдующіе. Суф. -ьк- въ 1-омъ поч. еще нерѣдко правильно пишется съ ь (въ «неслововомъ» полож.): мольвою 93, льстьюю 104, -ѣ 105, грѣ-дѣва 111.3—4 (при переносѣ), слъ-жьбою 118.7—8 (при перен.) при беззнатѣ (т. е. *безъ знатѣѣ) 45, скатвою 35. Во 2-мъ поч. въ этомъ суф. находимъ въ «неслововомъ» положеніи только примѣры безъ ь: мольгы 193, талвою 208, къ питѣѣ 213.1 (*питьва — собств. имя, названіе мѣстности въ Новгородѣ; образовано отъ распространеннаго причастнымъ суф. т корня пи- подобно тому, какъ *знатѣва отъ корня зна-), скатва 232, гридѣва 235; подъ титлюю въ «слоговомъ» положеніи: слдѣвьноѣ 140, но 1 разъ въ этомъ полож. ь при про-

пускъ его въ слѣд. слогѣ: гостѣвници 165. 1. Безъ *ь* во 2-мъ поч. встрѣчается также суф. -ьд- (въ «неслоговомъ» полож.): правдѣ: — 165 (вм. -ѣдъ въ концѣ строки), пра-ѣдѣ 209. 13—14 (при переносѣ), правдѣ 235; но въ 1-омъ поч. правьдоу 76, -ою 117, съ *ь*. Иностранное собств. имя ольгъ¹⁾ (ольгъ 4, о- 16. 4, 11, ольгово 111, оль-гова 38. 7—8) въ 1-омъ поч. встрѣчается съ *ь* и въ «слоговомъ» и въ «неслоговомъ» положеніяхъ, при чемъ въ первомъ только съ *ь* (замѣнъ черезъ *ѣ* не встрѣчается), во второмъ нерѣдко (большую частію) бываетъ пропускъ *ь*: олга (род. ед.) 12. 2, олговица 40, 49, -вицю 31, -виць 34 (2 р.), 36, 40, -цемъ 51, олговъ 86, олгомъ 88; во 2-мъ поч. только формы безъ *ь*: олговъ 156, 201, -а 158, -ица 127²⁾; въ 3-емъ поч. встрѣчается замѣна черезъ *ѣ* въ «слогов.» пол.: олгѣ 241. Неорганическое *ь* въ собст. имени павъ-ль 17. 5—6, павѣла 91 (вліяніе словъ съ суф. -ьл-, срв. серб. *pávaol*) еще удерживается въ 1-омъ поч., но б. ч. въ формахъ косвенныхъ пад. и т. п. (въ «неслоговомъ» положеніи) пропускается, какъ и во второмъ поч.: павлоу 77, павла 48, павловицю 29; во 2-мъ поч.: павла 199, 235; въ «слоговомъ» полож. въ суф. -ьл- во 2-мъ поч. находимъ *ѣл*: котелника 172, скоу-дельницу 162, -ѣлн- 222. Кстатѣ здѣсь же упомяну и о словѣ ильмъ 226. 11 (короу липо-воу. и листь. ильмъ), при чемъ не могу согласиться съ проф. Соболевскимъ, что «ильмъ вм. ильмъ — прилагат.» (Рус. Фил. Вѣстн., т. XXI, стр. 122): если бы и дѣйствительно ильмъ была описка вм. ильмъ, то послѣднее было бы объяснить еще труднѣе, такъ какъ прилагат. форма въ имен. вин. п. (Соболевскій относитъ это прилагат. къ слову

¹⁾ *Helgr* и *Helgi* скандинавск. имена («Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» И. И. Срезневскаго, стр. 46), отъ которыхъ наши *Ольг* и *Ольга*, не указываютъ, однако, на существованіе гласнаго зв. между *l* и *g*; но еще вопросъ, на сколько подобная форма (т. е. безъ гласн.) въ нихъ первоначальна, чего я при незнакомствѣ моемъ съ историческимъ развитіемъ сѣверно-германскихъ языковъ рѣшать не берусь. Если согласиться съ М. Г. Халанскимъ, что *Eligas* германскаго эпоса есть наше *Ольг* (Южно-слав. сказанія о краевичѣ Маркѣ. . . . I, стр. 116 и слѣд.), то всетаки *Eligas*, какъ заимствованное изъ русскаго, можетъ быть, черезъ посредство греческаго, на что указываетъ окончаніе -as, свидѣтельствовало бы лишь о ъ въ русской формѣ, но не рѣшало бы вопроса о первоначальности этого ъ съ точки зрѣнія этимологіи. Куникъ («Die Berufung der schwedischen Rodsen», II, 1845, 142—143 и слѣд.) говоритъ, что *Hölgi* (*Helgi*) и *Hölga* (*Helga*) возникли изъ болѣе древнихъ *Halogi* и *Halogia*, но что послѣднія очень рано стянулись. *Ελγα Константина Багрянор. также, повидимому, говоритъ противъ первоначальности нашего ъ (срв. *ibid.* 144—145).

²⁾ Я поставилъ въ одинъ отдѣлъ съ суффиксальнымъ употребленіемъ ъ такія слова иностраннаго или неяснаго происхожденія, какъ *Ольг*, *Павъль*, *ильмъ*, *овъсь* для удобства обозрѣнія, такъ какъ фонетическія условія для глухого въ тѣхъ и другихъ сходныя. Въ этомъ же отдѣлѣ разсматриваю и нѣкоторые случаи развитія вторичнаго ъ.

листь) была бы или *ильмль, или *ильмин (срв. третни, вожни, лисни, вълчни и т. п. — формы нечленные), или *ильмовъ; и такъ нѣтъ надобности видѣть здѣсь описку, но вопросъ лишь въ томъ, вѣрно ли издатели 1888 г. отдѣляютъ слово листь отъ слова ильмъ запятою, т. е. не относятъ листь къ ильмъ, какъ Соболевскій; весьма возможно, что дѣйствительно листь нужно относить къ ильмъ, и тогда въ послѣднемъ былъ бы рѣдкій для такого древняго памятника примѣръ (въ памятникахъ болѣе позднихъ—XVI—XVII в. они встрѣчаются уже довольно часто) *аппозитивнаго* употребленія существительнаго, о которомъ очень подробно говорится въ неизданномъ до сихъ поръ 3-мъ томѣ «Записокъ по русской грамматикѣ» А. А. Потебни¹⁾. Этого я коснулся между прочимъ, но по отношенію къ разбираемому мною вопросу я обращаю вниманіе на то, что здѣсь, какъ я думаю, *неорганически* развился глух. зв. ъ, можетъ быть, вслѣдствіе неудобства произношенія *илм(ъ), особенно если предположить, что конечный ъ въ большинствѣ случаевъ употребленія очень рано могъ терять слоговой характеръ; впрочемъ, развитіе глухихъ между плавнымъ и согласнымъ, преимущ. въ словахъ заимствованныхъ, дѣло обычное; органическимъ же, т. е. обоснованнымъ этимологически, этого ъ я не считаю вслѣдствіе того, что сопоставляю это слово съ лат. *il-mus*, какъ и Миклошичъ, при чемъ, однако, не вполнѣ отождествляю оба слова: латинскому *ilmus* у насъ бы соотвѣтствовало *ильмль, которое дѣйствительно можно видѣть въ названіи волмина въ грам. Варлаама п. 1192 г. (Смирновъ, стр. 18) (срв. и «Матеріалы для словаря др. р. яз.» И. И. Срезневскаго); нашему же *илмъ въ лат. бы должно соотвѣтствовать *jilmus (срв. *jigit* = иго), т. е. и у насъ могло бы быть изъ *jъ- черезъ посредство *jъ- (срв. имати вм. *jъмати и т. п.); паразитный глухой долженъ былъ явиться въ видѣ ь вслѣдствіе прогрессивной ассимиляціи и, при чемъ это ь въ болѣе позднюю эпоху въ «слоговомъ» положеніи въ однихъ говорахъ переходило въ е (илемль подъ тѣмъ же 1230 г. въ лѣтоп. по сп. моск. духовн. академ. XV в., напечат. въ приложеніи къ изданію Лаврент. списка 1872 г., стр. 485, у Миклошича въ *Lexic. palaeoslov. со ссылкой на 1 т. «Полнаго Собранія»... 220.25*), въ другихъ теряло въ значительной степени слоговой характеръ, какъ и въ формахъ косвенныхъ пад., гдѣ оно большею частію исчезало почти совсѣмъ,

¹⁾ Удивительно, что и въ «Матеріалахъ для словаря др. рус. яз.» И. И. Срезневскаго сказано, что «ильмль=илмъ—прил. отъ сл. илемъ»...

оставляя лишь слѣдъ въ небности *л*; такимъ образомъ объясняются формы и другихъ словянскихъ языковъ: чешск. *jilem*¹⁾ при *jilm*, польск. *ilm* и *ilma*¹⁾, малор. *улет* и *l'om*, н. лужицк. *ljom*¹⁾ (съ отпаденіемъ *i* и переходомъ 'е изъ ъ въ 'о), въ болгар. *илмъ*, *илмовъ* прил., *илмакъ* роща изъ вязовъ²⁾, въ словѣнск.³⁾ *ilem* (съ глухимъ звукомъ), *ilmoves*, *ilmovina*, также *lim*, *lima* (съ отпаденіемъ начальн. *i*, какъ въ н. лужицкомъ). Если принять весьма вѣроятное предположеніе, что слово это у насъ заимствовано изъ германскихъ языковъ (у Миклошича въ «*Etymolog. Wörterbuch*» высказано это не совѣмъ опредѣленно; болѣе опредѣленно у Уленбека въ статьѣ «*Die germanischen Wörter im Altslavischen*», *Archiv für slav. Philologie*, XV, 487), то нѣ для чего и принимать выше приведенной гипотетической формы **jilmus*, такъ какъ словян. формы хорошо объясняются изъ формъ древне-нѣмецкихъ: др. в. нѣм. *elm*, ср. в. нѣм. *ilme* (*Lex. pal.*, *Etym. W.*) при н. в. нѣм. *ulme*, которое можетъ быть новымъ заимствованіемъ изъ латинскаго. Не заимствованіемъ ли объясняется и ненормальность замѣны ъ въ словѣнскомъ черезъ *i* вм. обычнаго *a* (*lima* вм. **láma*)? Или это отступленіе обуславливается вліяніемъ отпавшаго впереди *i*? Если колонна въ Хут. грам. дѣйствительно означаетъ нѣчто, относящееся къ *вязу*, то, м. б., **кълмъ* не взято ли съ лат. ф. *ulm*-, а *илмъ* съ нѣм. *ilm*- или *elm*-?

Къ числу такихъ же словъ неяснаго происхожденія (вѣроятно, представляетъ какое-нибудь старое образованіе) относится **овесъ*⁴⁾ (съ ъ это слово встрѣчается въ Русск. Правдѣ по сп. конца XIII в.: *вькъсъ*, *Смирн. Сб. др. р. п.* 39, *Рус. Дост. I*, 43, но на ъ указываетъ и отношеніе русск. *овѣс* — *овса* къ сербск. *òvas* — *òvsa*⁵⁾, словѣнск. *òves* — *òvsa*⁶⁾ и т. п.; въ пользу того же говорить и неясное по своему *ž* сравнительно со словянскимъ и латышскимъ *s* лит. *avižà*⁷⁾, которое трудно, однако, отдѣлять отъ нашего слова).

1) Miklos., *Lexic. palaeoslov.*; Gebauer, *Histor. mluvnice*, I, 171, 365, 531; Гебауэръ ссылается и на старослов. *илмъ*, но въ старослов. кажется, это слово еще не встрѣчалось. Ср. также «*Etymolog. Wörterbuch der slav. Sprachen*» Миклошича. Малор. *l'om* объясняется мягкостью *l* въ косв. пад. (*ylma*).

2) Словарь болг. яз. А. Дювернуа.

3) M. Pleteršnik, *Slovensko-nemški slovar*.

4) Miklos., *Vergl. Gram.* II, 319.

5) В. Караджичъ (*Српски рјечник*).

6) M. Pleteršnik, *Slov.-nemški slovar*.

7) Относ. ударенія см. Kurschat, *Wörterbuch der lit. Sprache*.

У насъ встрѣчается это слово во 2-мъ поч. 2 раза безъ ъ, чему способствовало его «неслоговое» положеніе: *овса* 162, *овсь*¹⁾ 221.

Неясно, оправдывается ли этимологически ъ въ собств. им. *соужь-дальци* 37. 16—17, *соужь-дальстѣн* 28. 16—17; слово, вѣроятно, несловянского происхожденія; такъ какъ оба случая ъ при переносѣ (безъ ъ постоянно), то можно думать, что оно свидѣтельствуетъ лишь о мягкости ж; срв., впрочемъ, въ грам. 1325—1327 г. *соужьдальскомоу*²⁾.

Неорганическое ъ, свидѣтельствующее частію о мягкости предшествующаго согласнаго, частію о развитіи паразитнаго гласнаго между двумя согласными въ родственныхъ формахъ, находимъ также и въ ф. *земь-лю* 191. 8—9 при переносѣ: паразитн. гласн. дѣйствительно находимъ въ ф. род. мн. *земѣл* изъ предполагаем. **земьль*, какъ и серб. *земѣля* (В. Караджичъ). Вондракъ³⁾ въ *земли*, *землю* и проч. русскихъ памятниковъ видитъ подражаніе такимъ прототипамъ болгарскихъ (=ст. словянскихъ), какъ *безоумьль* (Супрасл.); подобное онъ указываетъ и въ сербскихъ памятникахъ (Шишатов. Апост. *земли*); мнѣ же кажется, что существованіе паразитн. гласнаго въ новосербскомъ и новорусскомъ позволяетъ намъ и въ сербскихъ и въ русскихъ пам. видѣть въ данномъ случаѣ болѣе, чѣмъ только подражаніе формамъ, встрѣчавшимся въ старыхъ ц. словянскихъ образцахъ⁴⁾.

Суф. -*ьк-* въ 1-мъ поч. встрѣчается въ слѣд. примѣрахъ: на *тьръжь-коу* 115 (безъ переноса), *тьръжь-коу* 115. 14—15 (при переносѣ), *хороужькоу* 97; безъ ъ: *мирошка* 117, -*ѣ* 115, -*и* 98, 114 (2 р.), -*оу* 111 (2 р.), 121, *жирошкина* 117, *страшка* 43, *касилко* 11, сюда же относятся, вѣроятно, и выше (см. о суф. *ьк-*) упомянутыя *михалко* и т. п.; всѣ эти случаи относятся къ «неслоговому» положенію, а потому и находимъ часто

1) Въ знач. род. ед., какъ будто отъ имен. **ов(ъ)са*; срв. *ibid. пиеници* и 162 *рътъ*; форма жен. р. ближе бы соответствовала лит. *avižā*.

2) № 15, стр. 263, у Шахматова (въ изслѣдов. о языкѣ новгородск. грамотъ стр. 143); Шахматовъ здѣсь видитъ также лишь знакъ мягкости.

3) Zur Kritik der altslovenischen Denkmale («Sitzungsberichte» вѣнской акад. СХІІ, 755, phil.-hist. cl.).

4) Кстати упомяну и о неорганическомъ ъ при переносѣ въ иностранномъ словѣ, *арь-хнѣпль* 76. 2—3, 92—93; въ этомъ случаѣ едва ли можно предполагать развитіе хотя бы неслогового глухого, и употребленіе буквы ъ объясняется извѣстнымъ приемомъ правописанія не заканчивать строки согласной буквой; звуковое значеніе этому ъ можно приписать лишь по столько, по сколько оно свидѣтельствуетъ о мягкости *р* (иначе было бы *ъ*), обусловленной слѣд. слогомъ *хн*.

пропускъ, при чемъ замѣчу, что пропускъ ъ едва ли можетъ служить доказательствомъ утраты мягкости предшествующаго согласнаго, такъ какъ подобные случаи встрѣчаются весьма часто въ такихъ примѣрахъ, гдѣ нельзя сомнѣваться въ мягкомъ произношеніи и въ памятникахъ болѣе позднихъ; на пропускъ ъ я смотрю совершенно такъ же, какъ и на пропускъ ъ, т. е. вижу въ немъ пропускъ знака для очень слабаго, м. б., уже ослабѣвшаго до нуля, неслогового гласнаго, и вообще мнѣ кажется, что въ то время писцы на букву ъ еще не могли смотрѣть, какъ на «знакъ мягкости», для которой не было особаго обозначенія, кромѣ случаевъ сочетанія съ мягкими гласными¹⁾. Во 2-мъ поч. какъ въ «слоговомъ»: изъ вѣчкѣ 130, тѣржкѣ 150, 152, 164 (3 р.: 1 р. внутри строки, 1 р. при переносѣ -к| -кѣ з—4 сверху, 1 р. при переносѣ тѣ-ржкѣ 2—1 снизу), 184, 185, 199, 215 (при переносѣ -к| -к- 1—2, 2—3 два раза), 216 (2 р.), такъ и въ «неслоговомъ» положеніи: на тѣрожкѣ 161. 12, съ торожкѣ 164. 15—16, на тѣржкѣ 199, 201, съ — 200, 201, съ торжкѣ 223, вѣчкѣ 136, гѣжкѣ (= *госпожкѣ) 211. 1, дѣцкѣ 148, мирошкѣ (описка—лишнее ш, соединенное лигатурой съ к) 127, мишкѣ 144, при чемъ въ 1-омъ случаѣ встрѣчается 1 р. ѣ вм. ъ: тѣржкѣ 175. 10, а во 2-омъ нерѣдко бываетъ пропускъ: вѣчкѣ 129. 9, василкѣ 199, вѣчка 190, 200, вѣшкѣ 228, горкѣ 225, дѣцкѣ 149, жирошкѣ 124, кошкѣ 226, мирошкѣ 124, 148, -ницѣ 149, -ю 143, -ѣ 145, сюда же и выше (при суф. -ѣк-) упомянутые мишкѣ (род. ед.) 143 и проч., страшкѣ 123, съвѣшкѣ-ницѣ 123, тилошкѣ-ницѣ 200, -ѣ 220, тѣрожкѣ 152, 161. 15, 16, 175. 15—16, 202. 13, вѣ то-рожкѣ 167. 9—10, вѣ торожкѣ 167. 13—14, съ торожкѣ 168. 11, с — 224, шишкѣ 139.

Въ суф. -ѣн- въ 1-омъ поч. также есть немало случаевъ правильнаго употребленія ъ, хотя въ «слоговомъ» полож. встрѣчаются изрѣдка случаи употребленія ѣ вм. ъ, а въ «неслоговомъ» полож. очень много примѣровъ безъ ъ, такъ что въ нѣкоторыхъ словахъ формы безъ ъ составляютъ пра-

¹⁾ Это не противорѣчитъ нѣкоторымъ изъ моихъ предыдущихъ замѣчаній: я не отрицаю, что буквою ъ вмѣстѣ съ обозначеніемъ известнаго рода глухого гласнаго означалось и смягчающее дѣйствіе его на предшеств. согласный звукъ; но знакомъ лишь одной мягкости ъ стало только послѣ длиннаго ряда вѣковъ развитія русской письменности; первоначально же такое узкое значеніе оно получало иногда или въ концѣ словъ, или внутри словъ при переносѣ (въ концѣ строки). Срв. сказанное Шахматовымъ въ «Исслѣдов. о яз. новгор. грам.», стр. 145, 179.

вило въ противоположность примѣрамъ съ ъ. Въ «слоговомъ» положеніи: сильнѣ 65, страшнѣ 94, мольнѣ 82 (вм. с—), смольнѣ 11, 39, 40, 83 (переносъ: -ль|нѣ-), 84, 91, 92, смольнѣ 47. 7 (читать пужно смольнѣ?)—всего 11 разъ, при чемъ съ ѡ 2 раза: наименьши 92. 8, смоленскѣ 93. 16. Въ «несловомъ» положеніи: кольная и невольная 97. 1—2, влѣчню 122, городнѣхъ 59, 109, данѣ-никомъ 71. 9—10, даньници 51, дивѣ-но 41. 8—9, дмитровѣноу 20, доу-бровѣнкъ 37, крольнѣи 15, поутѣ-нѣи (назв. улицы) 108. 15—16, обеднѣю 25, переднѣ-ли 55. 9—10, переднѣю 100, поутѣники 108, пѣтѣници 99, посадь-ника 121. 6—7, посадь-ницати 27—28, пѣтѣницѣнаго 29, -нѣи-кнѣхъ 117, сильнѣ-но 31 (нарѣч.), 69 (вин. ед. муж. р.: полонѣ, строки 2—1 снизу), на сильници¹⁾ 91, къ сильницѣ¹⁾ 38, смольнѣны 37. 17—18 (переносъ: -ь | н-), 72, 92, страшнѣ 59, црѣвнѣнаго 84; безъ ъ: влѣгѣрнаго 73, вожницѣ 21, -ю 21, вѣрѣвницѣ 56, 65, 116, вечернѣе 91, -ею 20, 28, -ни 87, -юю 26, -ю 17, городнѣ 45, дивѣи 103, доубнѣ 29, переднѣи 116, -лини 103, платинѣи 1. 1, 44 раза въ словахъ посадникѣ, посадницѣи, посадницѣство въ различныхъ формахъ (17, 18, 22, 23, 24, 29, 31, 35, 43, 48, 56, 75 и мн. др.), пѣтѣи 7, -ницѣ 58, 107, смольнѣскѣ 14. 17, 62. 6, смольнѣ 39, 111, -лианѣ 68, 69, 71, 93, стѣльпника 104, стра-шно 30. 11—12, въ славнѣ 87 (назв. мѣстности). Менѣе удивительны такіе примѣры пропуска, какъ трыпѣзницѣю 14, 22, а особенно десницѣ 118, яснѣ днѣи 46, 47, такъ какъ въ такихъ случаяхъ (между согласными з или с съ одной стороны и слѣд. н съ другой) пропускъ ъ обыченъ и во всѣхъ древнихъ старословянскихъ памятникахъ²⁾, при чемъ это особенно замѣтно въ прилагат. деснѣ, приснѣ и яснѣ, которыя едва ли не безъ исключенія пишутся безъ ъ, и это объясняется тѣмъ, что соединеніе суффикса съ корнемъ здѣсь произошло еще въ древнѣйшую дословянскую эпоху³⁾, и на

¹⁾ Впрочемъ, возможно, что это собств. имя въ болѣе первоначальной формѣ имѣло и, а не ъ: срв. на снаници 102. 6, при чемъ и въ слогѣ си очень похоже на и, что даетъ поводъ думать, не имѣетъ ли нѣкотораго основанія и форма снаници, читаемая въ КАТ (см. изд. 1888 г., стр. 165). Этимологія для меня неясна.

²⁾ См. V. Jagić, Studien über das altsloven.-glag. Zograph.-Evang., 117; М. Козловскій, О языкѣ Остромирова Евангелія, стр. 47. Обычны такіе примѣры, какъ тѣсна, тѣсна, жѣлѣзны (срв. также Супрасл. по изд. Миклошича: кола жѣлѣзнъ 2, жѣлѣзны 2, жѣлѣзнами 43, тѣлеснѣи 210); Ягичъ (ibid.) сравнилъ этотъ пропускъ съ пропускомъ ъ въ предлогахъ изъ, възъ, разъ при соединеніи ихъ съ именами и глаголами.

³⁾ Срв. *деснѣ съ литовск. *deszinė* (только въ ф. жен. р.; Kurschat, Wörterbuch s. v., Grammatik § 881) и др. инд. *dakṣina* (Stenzler, Elementarbuch der Sanskrit-Sprache, 4 aufl., 106).

словянской почвѣ дѣс-, при(с)-, яс- уже не чувствовались отдѣльными корнями или темами, такъ какъ не имѣли отъ себя словъ съ иными суффиксами, сочетанія же -си-, -зи- поддерживались аналогіей суф. -си-, -зи- (пѣ-си-ъ, волѣ-зи-ъ)¹⁾, такъ что изъ «неслоговыхъ» положеній проникали и въ «слоговья»; срв. напр. яснѣ скѣтъ въ Сборн. 1076 г. (Mikl. Lex. pal.), а въ Служ. Мин. 1095—1097 гг. (по изданію И. В. Ягича 1886 г.) съ одной стороны: ясно (октябрь, л. 47^о, стр. изд. 93), дѣсныи (сент. 109^о л., изд. 0148), съ другой: не только краснѣ (въ «слогов.» пол.) окт. л. 12^о (изд. 43), 57^о (115), 61^а (120), но и красню ib. 13^а (44), красною сент. 173^а (0230) и мн. др. — въ «неслоговомъ» полож., вѣроятно, потому, что чувствовалась связь съ существ. краса, хотя при этомъ остается необъяснимымъ, почему же писали не только желѣзныи и т. п., но и желѣзнѣ (Супрасл.) при несомнѣнно ясной связи съ существ. желѣзо и при краснѣ ibid. 163, а между тѣмъ Потѣбня даже въ нынѣшней ювр. пѣснѣ слышала явственный слогъ зь въ словѣ «желѣ-зь-ными»²⁾; возможно, мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ словъ въ отдѣльныхъ словянскихъ нарѣчійхъ ъ развился снова вторично подъ вліяніемъ другихъ примѣровъ того же суф., гдѣ онъ удерживался, въ нѣкоторыхъ же, можетъ быть, онъ, хотя и не писался, но удерживался въ языкѣ въ качествѣ неслогового звука, ставшаго затѣмъ слоговымъ въ отдѣльныхъ говорахъ при извѣстныхъ условіяхъ (въ «слоговомъ» полож., т. е. послѣ утраты слогового характера и затѣмъ исчезновенія глухого слѣдующаго слога, напр. въ ф. ясен изъ *яснѣ, а въ пѣсенномъ языкѣ и въ «неслоговомъ», т. е. передъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ). Отъ выше приведенныхъ примѣровъ я отдѣляю такіе, гдѣ ъ слѣдуетъ за двумя согласными, и гдѣ по фонетическимъ условіямъ онъ и въ «неслоговомъ» положеніи могъ слышаться въ качествѣ по крайней мѣрѣ полуслогового звука; въ подобныхъ случаяхъ безъ пропуска пишется ъ: вѣрчисльнокъ 8, вѣзмздынкоу 48, -мездь- 84, 88, крѣною 73, милость-ници 77, млѣници 35, заоутрѣнии 4, -нюю 52, 106, пра-здынникъ 102. з—4, прыздь-никъ 105. 4—з спизу, прыздынникъ 109, 118, пантн-костноюу 29. з—4, не только чѣнѣ 118, но и чѣнѣи 119, -омоу 18, цѣнѣнѣхъ 29, чѣзвѣи 65. Во 2-мъ поч. съ ъ въ «слоговомъ» пол.: больнѣ 185, владѣцнѣ 211, городнѣ (род. п. мн. ч.) 212, 213, немощнѣ 185, -чнѣ 186, липнѣнска 212, славнѣ-скѣи 228, смольнѣска 157, 158,

1) Miklosich, Vergl. Gram., II, 119.

2) Къ исторіи звуковъ русск. яз., 36.

185, -ньскоу 176, -ньскѣ 214, смо-льньскѣ 214. 19—20 (переносъ), -ньскын 214; въ «неслоговомъ» полож.: безаконьными 192, вѣсцѣ-нь-н(ыми), -(ыхъ) 140, вадцѣне 217, воль-ни 159, городьныхъ 180, гра-дьнок 132. 16—17, градьнѣи 138, грѣв-нѣ 162, гридьницѣ 217, дальнак 129, коньнемь 138, коньникы 236, кивотыныа 139, нижн(ек) 138, -(нхъ) 138, ночьни 174, о-лтарыныа 139, печалки 135, 188, сказьны 131, скоудельницю 162, слоубьнок 140, смоль-нангы 167. 7—8, тьль-нице 134. 5—6, чю-дьноую 139, 141 и нѣкот. др.; безъ ъ въ «неслоговомъ» полож. чаще: днѣвни 174, вѣдноую 225, свѣтила 140, смол-н(аны) 157, 231, -ьскъ 185. 5, 231 и мног. др. примѣры, перечислять которые было бы излишне, скажу только, что напр. посадникъ съ производными послѣдовательно пишется безъ ъ (съ ъ, какъ и въ 1-омъ поч., только при переносѣ: посадъ-ницѣство 181. 13—14); очевидно, въ «неслоговомъ» положеніи ъ дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ не только уже не составляло слога, но и почти совсѣмъ не слышалось. Но, какъ и въ 1-омъ поч., и здѣсь въ положеніи послѣ двойного согласнаго сочетанія ъ правильно соблюдается и, вѣроятно, слышалось въ качествѣ глухого, не составлявшаго полного слога, какъ это бываетъ часто и теперь; таковы: сребрн(ык) 139 (2 раза), 140, сребрьника 123, чьрмын(ыи) 156, -(аго) 157, ѡзвьи 234, чтън(аго) -(ыи), -(ыи) 125, 140, 149, 163, 221, 236, при переносѣ -к | нын 214. 4—5, 166. 8—9; конечно, при этомъ количество глухого должно находиться въ зависимости отъ качества предшествующихъ согласныхъ: послѣ бр въ сребрьника и зв въ ѡзвьи онъ, вѣроятно, былъ ближе къ чистому слоговому гласному, чѣмъ послѣ ст въ *чьсть-ныи¹⁾; это мнѣ кажется яснымъ изъ того, что ни въ одномъ говорѣ суффиксальный глухой не удержался въ послѣднемъ словѣ и не замѣнился чистымъ, а въ большинствѣ произошло его исчезновение и затѣмъ упрощеніе группы ст въ с: чѣсній или чьснѡй²⁾ (вторично вмѣсто *чѣснѡй, какъ чьсы вм. чѣсы изъ часы во многихъ средне-великорусскихъ говорахъ, или, по терминологіи Шахматова, въ говорахъ β), въ сѣверо-западныхъ же группахъ словянскихъ нарѣчій б. ч. съ потерей слогового характера и за-

¹⁾ Замѣчу, что написаніе чтънн даетъ полное право читать именно *чьстьныи, такъ какъ выноска подъ титу буквы согласной всегда указываетъ на пропускъ гласной буквы только на письмѣ, а не и обозначаемаго ею звука въ языкѣ; а кромѣ того, у насъ встрѣчается чьстью и т. п. (см. выше), и замѣна ъ черезъ ѣ, крайне рѣдкая вообще въ коренныхъ слогахъ, въ данномъ корнѣ не встрѣчается вовсе.

²⁾ Срв. серб. чѣстн (В. С. Караджичъ), согласное съ удареніемъ послѣдняго.

тѣмъ исчезновеніемъ и коренного ъ, такъ что трехслоговое первоначально слово обратилось въ однослоговое: др. чешск. *čstnyj*, *ctnyj* (вѣроятно, колебавшіяся въ объемѣ отъ двухъ до полутора слоговъ), откуда затѣмъ уже въ XV в. почти однослоговое *snj*¹⁾ (прибавляю «почти» потому, что строго однослоговымъ можетъ быть названо только такое сочетание, какъ *nj* или *ny*), ст. пол. *čstny*, н. пол. *сны*, *засны*¹⁾ и т. п., между тѣмъ какъ въ прилагат. **серебрянни*, напротивъ, лишь діалектически въ русскомъ яз. встрѣчается исчезновение ъ и затѣмъ *p*²⁾ въ малорус. *сребний*, *срібний* (Пискуновъ); чешск. *stríbrný* (Šumavský-Rank) едва ли можетъ быть пропзнесено не только точно, а даже приблизительно въ два слога, если артикуляція *r* послѣ исчезновенія глухого не ослабѣетъ до нуля; также и ст. чеш. *bratr*, если и считалось въ стихахъ за одинъ слогъ (Gebauer, Histor. mluvn. I, 59), то лишь приблизительно и подъ условіемъ значительнаго ослабленія артикуляціи *r*. Кромѣ случаевъ послѣ согласныхъ дифтонговъ, слѣдуетъ замѣтить изъ числа остальныхъ особенно случаи послѣ *n* (см. выше *даньници*, *коньники* и пр.); гдѣ пропуска также не встрѣчается, и это лежитъ въ связи съ тѣмъ, что произнесеніе подъ рядъ гоморганныхъ согласныхъ требуетъ большаго усилія, чѣмъ произнесеніе разноорганныхъ (см. объ этомъ ниже при суф. -ыц-).

Обращу вниманіе на правильное колебаніе между *смольскъ* (2 раза въ 1-омъ и 2 раза во 2-омъ поч.) съ одной стороны и *смольська*, — *оу*, — *ь*, — *зи* (9 р. въ 1-омъ и 6 р. во 2-мъ п.) и 1 р. даже *смоленське* въ 1-омъ поч. съ другой; такихъ примѣровъ очень много въ грамотахъ и другихъ древнерусскихъ памятникахъ (ср. напр. *Витѣбскъ*, *оу витѣбще* риж. грам. 1300 г., Смирновъ, Сборн. . . 44, 45, 46), при чемъ правильное колебаніе держится и въ XV в., когда уже, почти несомнѣнно, въ одномъ случаѣ слышалось чистое или почти чистое *e*, въ другомъ глухой ослабѣ-

¹⁾ Въ псалт. Клемент. еще *we czstnosti*, но у Штитнаго *k ctnostem*, а въ «Новой Радѣ» уже *we cznosti* (*cz* чит. *c*) (Gebauer, Histor. mluvnice, I, 168). Но въ старочеш. (XIV—XV в.) встрѣчается и *počestnýj*, *počestné* (см. стат. Гавлика «Listy filologické» 1889, sešit I, стр. 49). И въ старопольск. (Псалт. Флор.) *czstny* (=по Лецевскому *čstny*, вѣриѣ=čstny, т. е. ъ суф. *in* въ неслогов. полож. не исчезло совсѣмъ, а лишь измѣнилось въ неслогов. ъ подъ вліяніемъ твердости слѣд. слога); въ томъ же мѣстѣ (Die Sprache des poln. Theils des Florianer Psalters, Archiv f. slav. Phil. VI, 508) Лецевскій приводит діалект. польск. *poczesne*, гдѣ корен. слогов. ъ обратилось въ *e*, а суф. глухой исчезъ, что и вызвало исчезновение *t* въ гр. *stin*.

²⁾ М. б., а вм. *p* (срв. *срібло* *ibid.*). Рус. литер. ф. можетъ восходить и къ **серебрянни* и къ **серебрянни*, что неясно вслѣдствіе неударяемости сомнительнаго слога.

валь до нуля; современное же *смоленск(ъ)* и т. п. объясняется вліяніемъ косвенныхъ форм¹⁾, а также и членной ф. им. ед. муж. р. И теперь еще существуетъ въ говорахъ произношеніе *Курёск* (А. А. Потехня, Къ ист. звук., 36), хотя я думаю, что «неявственное *е*» можетъ восходить не прямо къ *ь*, а черезъ посредство *е* изъ *ь* по закону неударяемости (впрочемъ, сравн. сказанное мною ниже при суф. *-и-*).

Что касается суф. *-ьск-*, то онъ на столько послѣдовательно сохраняетъ *ь* въ обояхъ почеркахъ и въ «слоговомъ» (рѣдко встрѣчается) и въ «неслоговомъ» положеніи (кромѣ случаевъ подъ титлою, какъ *роу-ская* 14. 11—12, 31. 12—13, 47, *роу-ския* 51), что перечисленіе всѣхъ случаевъ было бы тѣмъ болѣе излишне. Укажу лишь нѣсколько примѣровъ: *варъз-ская* 54, 87, *кынкыскыи* 39, на *коулацкѣ* 12, *нов(ъ)городская* 30, — *ьскаго* 30, — *ьскою* 48, — *ьстини* 51 и проч., *ръзаньскыи* 81, *роу-ская* 16, 29, 72, 93, *роу-скыихъ* 157 и др., *смоленскъ* (слог. полож.) 14, 62, 185, 231 и *смоленскоу* 39 и пр. въ «неслог.» полож. (см. при суф. *-ьн-*), *смо-льскоу* 60. 4—5 (м. б., описка?), *грѣчск(ыи)* 139, — (*ам*) 143, *нѣмечскыи* 130 и мн. др. Отмѣчу особенно: 1) что въ «слоговомъ» положеніи нѣтъ случаевъ замѣны *ь* черезъ *ѣ* (или *ѣ*), какъ это можно было бы ожидать, и какъ это нерѣдко встрѣчается уже въ грамотахъ XIV-го столѣтія (*Витѣбскъ*, *Смоленскъ* 1300 г., срв. выше и въ изслѣдов. Шахматова 182—183)²⁾, а соблюдается правильно *ь*: кромѣ указаннаго уже случая въ 1-омъ и 2-мъ поч. (*Смоленскъ*), отмѣчу во 2-мъ поч. *върковскъ* 231, *изво-ръскъ* 232. 6—7 (переносъ), 10, *члѣч-скъ* 171. 1—2, *шереньскъ* 229, при чемъ послѣдній примѣръ особенно замѣчателенъ потому, что показываетъ, повидимому, вліяніе косвенныхъ формъ или формы членной, гдѣ *ь* суффикса-*ьск-* должно было стать неслоговымъ, *ь* же, развившееся вторично между *р* и *н*³⁾, становилось слоговымъ и затѣмъ переходило въ *ѣ*; 2) что во 2-мъ поч. есть одинъ примѣръ замѣны *ь* черезъ *ѣ* въ «неслоговомъ» положеніи: *църниговѣскоу* 229, что, конечно, можно признать графическимъ явленіемъ вслѣдствіе сходства начертанія; 3) такіе примѣры, въ которыхъ, не смотря на сохраненіе *ь*, происходитъ, повидимому, вліяніе слѣдующаго за *ь* соглас-

¹⁾ Срв. у Шахматова въ Изслѣдованіи о яз. новгород. грам. 182—183.

²⁾ Часто въ памятникахъ (грамотахъ, лѣтописяхъ) XIV—XV в., напр. въ Ипат. лѣт.: *Миценскъ* л. 325 (стр. издан. 314), *Смоленскъ* л. 340 (стр. 328), *Дрютескъ* л. 368 (355 стр. изд. 1871 г.) = въ Лаврент. *Дрютѣскъ* 162 (стр. 239).

³⁾ Срв. въ Лаврент. подъ 1177 г. (л. 258, стр. изд. 1872 г. 363): *подъ Шерньскимъ льсомъ*.

паго *с* на согласный, предшествующій звуку *ь*: менѣе доказательны случаи грѣцкскѣи 92, на коулацкскѣи 12, тысацкскѣи 100, половѣцкскѣи 192, торопѣцкскѣю 202 при грѣцкскѣи 139 и др., на коулацкскѣи 170, нѣмѣцкскѣи 135—136, половѣцкскѣи 192, 195, торопѣцкскѣи 203, или ладожскѣи 205 при ладожскѣи 17, фразѣцкскѣи 137 при фразѣцкскѣи 142. *с*—*з* (снизу), такъ какъ въ этихъ примѣрахъ можно заподозрѣть известное смѣшеніе *ц* и *ч*, *з* и *ж* (последнее, впрочемъ, у насъ, кромѣ указанныхъ сочетаній, не встрѣчается), хотя и въ нихъ вѣрнѣе видѣть переходныя формы къ нынѣшнимъ *црѣцкскѣи*, *половѣцкскѣи* (литерат. правописание—*црѣцкскѣи*, *половѣцкскѣи*), но замѣчательны дрыцкскѣи 89, -оу 88 (срв. дрыцкскѣи въ Лаврент. 162=239), полоцкскѣи 72 и даже вслѣдствіе смѣшенія *ц* съ *ч* полоцкскѣи 12 при полоть(скѣи) 24, -(скоу) 7, 70, 92, 120 и т. п., сочѣцкскѣи 19. 2—3 (*ч* вм. *ц*) при съцкскѣи 116,—примѣры, показывающіе, что или *ь* писалось лишь по традиціи и не означало гласнаго звука, а только мягкость предшествующаго согласнаго, или, какъ думалъ А. А. Потѣбня¹⁾, взаимное вліяніе согласныхъ происходило и черезъ глухой гласный; дѣйствительно нѣтъ ничего невозможнаго въ этомъ последнемъ предположеніи, такъ какъ иногда мы встрѣчаемъ же вліяніе гласнаго одного слога на гласный предшествующаго ему (законъ гармоніи гласныхъ), и отчего того-же не предположить для согласныхъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь ихъ раздѣляетъ все-таки не полный гласный, а ирраціональный (глухой)? Не оставимъ безъ вниманія и того обстоятельства, что всѣ указанные случаи вліянія *с* на *т*, *ч*, *ж* черезъ *ь* относятся къ «неслоговому» положенію для *ь*, и вѣроятно, здѣсь *ь* было лишь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, полуслоговымъ звукомъ²⁾. Весьма возможно, что въ то время (въ концѣ XIII в. и даже позднѣе—въ XIV в.) при слоговомъ *ь* еще слышалось *т* передъ нимъ, при неслоговомъ же или полуслоговомъ *т* уже измѣнялось въ *ц* подъ дѣйствіемъ слѣдующаго за *ь* согласнаго *с*; вотъ почему, я думаю, мы встрѣчаемъ въ Лаврент. лѣт. дрыцкскѣи (слогов. положеніе) при нашемъ дрыцкскѣи (неслоговое положеніе).

¹⁾ Къ исторіи звуковъ русскаго яз., 37.

²⁾ Срв. старопольск. (конца XIV в.) *ludzsky* (= *ludzŕski*), *dzeczskich* (*dżeczskich*) во Флор. Псалт. (Lesiejewski, Die Sprache des polnischen Theils des Florianer Psalters, Archiv VI, 508); существенная разница съ русскими формами здѣсь въ томъ, что зв. *с*^і изъ *т*^і здѣсь является независимо отъ слѣд. *з*, у насъ же такого перехода *т*^і въ *с*^і независимо отъ слѣд. *з* не наблюдается.

Въ суффиксѣ -ьств- также послѣдовательно выдерживается ъ въ обихъ почеркахъ, что опять объясняется тѣмъ, что здѣсь въ «неслоговомъ» положеніи ъ вслѣдствіе стеченія согласныхъ долго удерживался въ качествѣ не вполне слогового звука и во многихъ говорахъ въ послѣдующую эпоху замѣнился черезъ *e*. Укажу нѣсколько примѣровъ (б. ч. въ 1-омъ поч.): *бѣбѣязньстикѣ* 96, *архіепѣство* 65, *нгоуменьство* 49, *къметѣства* 95, *множѣство* 11. з—4 (переносъ послѣ *о*, которое слѣдуетъ послѣ прорваннаго мѣста, такъ что ми можно возстановить лишь по догадкѣ), 32, 60. 9—10 (переносъ послѣ *мъ-*), 62, 70, 78, 80, 81, *къ—ѣ* 171; *посадницѣство* 17 разъ въ 1-омъ поч. (22. 2—3, 23, 29, 31, 32, 43. 8—9, 46, 48, 56, 62. 4, 18, 74, 75, 76, 85, 98, -а 56) и 1 р. -чѣство 92, во 2-мъ поч.: *посадѣ-ницѣство* 181, *посадницѣства* 186, *къ посадницѣствѣ* 181; *рожѣство* 98, 122, -омъ 227, въ *чърнецѣствѣ* 103. Только подъ титлоу встрѣчается *рѣжеомъ* 45. Хотя во всѣхъ этихъ примѣрахъ я предполагаю существованіе глухого звука, но количество (а м. б. и качество) его было различно въ зависимости отъ окружающихъ согласныхъ: если предшествовалъ согласный длительный (*ж, ч*), то глухой гласный могъ быть длиннѣе по количеству и приближаться къ чистому, въ который затѣмъ и переходилъ во многихъ говорахъ, а въ томъ числѣ и въ литературномъ русскомъ языкѣ (*множество, купечество* и т. п.); если же предшествовалъ согласный мгновенный, и глухой произносился короче и въ нѣкоторыхъ говорахъ исчезалъ, при чемъ въ однихъ оставлялъ слѣдъ въ смягченіи предшествующаго согласнаго, въ другихъ, подъ ассимилирующимъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога перейдя въ неслогов. звукъ *з*, не оставлялъ даже слѣда въ мягкости, а группа согласныхъ должна была подвергнуться упрощенію; срв. *богаство* Курск. Э. С. V. 39, *доро(д)ством* *ibid.* 40, *ро(д)с(т)во, смь(д)с(т)во* Вел. Устюжск., Сольвычегод., Тотемск. ¹⁾ *привѣство* Олонецк. ²⁾, сербск. *брѣство* при *брѣство* ³⁾, при чемъ, если группа согласныхъ не упрощается, извѣстная доля неслогового глухого гласнаго остается и теперь (напр. въ русскомъ и сербскомъ произношеніи *брѣство*). Но и въ первомъ случаѣ, т. е. при существованіи длительного согласнаго передъ суф. -ьстик-, какъ и суф. -ьск-, въ большинствѣ словянскихъ нарѣчій произошло исчезновеніе глухого и затѣмъ упрощеніе группы согласныхъ: вм. старочешск.

¹⁾ Колосовъ, Обзор. звук. и форм. особ. нар. рус. яз., 198.

²⁾ Замѣтки о языкѣ и народн. поэзіи . . . 154.

³⁾ В. С. Караджичъ.

*diedicztwie, ptačztvie, ptačstvo, proročztvie, proročský*¹⁾ и т. п., *božstvie, božský, množstvie*²⁾ и т. п., при чемъ между *č* и *s*, *ž* и *s* необходимо предположить хотя бы полуслогов. глухой, въ новочешск. являются формы *dědictví, ptactví, proroctví, prorocký, bostvi, boský, mnoství* и т. п.³⁾, въ которыхъ слабый остатокъ глухого, необходимаго для произнесения упрощенной группы согласныхъ, можетъ доходить до нуля сообразно со степенью физиологической трудности произнесения этой группы (разумѣется, необходимо имѣть въ виду неточность всякаго правописанія для передачи всѣхъ діалектическихъ и индивидуальныхъ особенностей произношенія); вм. старопольск. (Флор. псалт.) *nesboszstwo (ńezbożstwo*, какъ справедливо читаетъ Лецевскій), *swadeczstwo (=śwadečstwo)* и т. п.⁴⁾ въ нынѣшнемъ *ubóstwo, świadectwo*, также *niemiecki*⁵⁾ вм. *-čsk-* изъ *-čьsk-* и т. п. Тому-же измѣненію подвергаются указанные группы въ русскихъ нарѣчіяхъ въ томъ случаѣ, если глухой, раздѣляющій ихъ, исчезаетъ: великор. *врѣцкѣи* (обозначаю черезъ *ѣ* извѣстнаго рода ирраціональный звукъ, являющійся въ такомъ положеніи въ большинствѣ средневеликорусскихъ говоровъ), малорус. *врѣцкѣи, козацкѣи* (—*цкѣи*) и т. п., великор. *мускѣи*, малор. *козацтво, ткацтво*⁶⁾ (изъ **ткѣкачество* и т. п.), при чемъ въ великорусскомъ примѣровъ измѣненія *цтво* въ *цтво* мнѣ неизвѣстно, и Колосовъ (Обзор. зв. и форм. особ. нар. рус. яз., 199) приводитъ только *одиноство* изъ южновеликорусскаго (курск.) съ упрощеніемъ *цтво* въ *ств*; хотя возможно, что здѣсь *-ство* явилось черезъ посредство *цтво*, удерживающагося еще въ малорусскомъ (впрочемъ, и въ малорус. *цс* иногда ослабляется въ *с*: *парубоство*, Потебня, О звук. особ. рус. нарѣчій, Филол. Зап. 1865, стр. 137), но я не придаю значенія переходныхъ встрѣчающимся у насъ постоянно форм. *посадниццтво* при рѣдкомъ *-цств-*, такъ какъ здѣсь *ц* можетъ означать лишь тотъ средній между очень мягкимъ *ц* и очень мягкимъ *ч* звукъ, который въ языкѣ писцовъ 1-го и 2-го поч. слышался вмѣсто *ц*

¹⁾ Gebauer, Histor. mlavnice, I d., 520 (*diediczztwie* Пс. Виттенб. XIV в., *ptačztwie* Библ. Олом. 1417 г., *ptačtwo* Штитн. рук. нач. XV в., *proročztwie* рук. Градецк. XIV в., *proročskym* Пассион. XIV в.).

²⁾ Ibid. 516 (*božstvie* Пс. Вит., *množstvie* ib., *množstvie* Библ. Олом., *božski* рк. XIV в.).

³⁾ И теперь пишется еще *božský, božstvi, množstvi* . . . (Т. Fr. Šumavský, Taschen-Wörterbuch der böhm. u. deutsch. Spr., bearbeitet v. J. Rank, Prag, 1859).

⁴⁾ Leciejewski, Die Sprache des poln. Theils des Flor. Ps., Archiv f. sl. Phil. VI, 508.

⁵⁾ Бартошевичъ, Словарь польско-россійскій, Варшава, 1841—1843.

⁶⁾ Д-ръ Ом. Огоновскій, Грамматика рускаго языка для шкѣлъ среднихъ, Львѣвъ, 1889, стр. 62, 57. Срв. также лекціи проф. Соболевскаго, стр. 81 (гл. VII).

и ч и въ другихъ случаяхъ. Въ южнославянскихъ нарѣчіяхъ (болгарск., сербск. и словѣнскомъ) группы *-чск-*, *-чств-*, явившіяся указаннымъ путемъ, измѣняются такимъ образомъ, что въ противоположность сѣверо-западнымъ и восточнымъ группамъ здѣсь б. ч. одерживаетъ верхъ шипящій элементъ: въ болгарск. при грѣцкж въ записи 1230 г. уже въ грам. 1218 г. находимъ *дѣвојинштѣти*, затѣмъ въ пам. XV-го и XVII—XVIII в., а также и современныхъ говорахъ *чк*, *шк*, при чемъ первое вмѣстѣ со вторымъ отмѣчается П. А. Лавровымъ, какъ свойственное западнымъ и македонскимъ, только второе — восточнымъ говорамъ¹⁾: *чилиаѣшка* рук. Тихонр., *челешки*, *юнашки*, *човешки*, *чбечки*, *јунашки*¹⁾ и т. п.; тоже *ш* получается и изъ группъ *жс*, *шс* (*разлошки* уже въ грам. 1379 г.)¹⁾; *шт* изъ *чст* въ *юнаштво* при *юначество* (срв. *юнашки* при *юначески*)²⁾; сербск. *ѣчки*, *дѣвојачки*, *мѣшко* (= **жъско*), *дѣвојаштво* (= **дѣвојчк-*ство), *мидштво*³⁾ (= **жъство*); словѣнск. *človeški*, *človeštvo*, *devojaški*, *devojaštvo*, *dijaški* при *dijaški*, *moški*, *moštvo*⁴⁾. Что же касается измѣненія *тст* (изъ **-тъст-* или **-дъст-*), то, между тѣмъ какъ въ великорус. говорахъ наравнѣ съ южнославянскими (сербск.) замѣчается упрощеніе въ *ст* (примѣры см. выше), въ малорусскихъ наравнѣ съ польскимъ и здѣсь встрѣчается *шт*: *брацтво*⁵⁾ = польск. *bractwo* (Бартошевичъ); но польск. *bogactwo* (Бартошевичъ), ст. пол. (пс. Флор.) *bogaczstw*, *bogaczstwech*⁶⁾, малор. *богачтво* (*ба—?*)⁷⁾, при великорус. (арханг.) *богачество*⁸⁾, могутъ быть образованы и отъ **богач-*, а не отъ **богат-*.

О суффиксѣ *-щ-* слѣдуетъ сказать, что, хотя онъ не представляетъ такого правильнаго употребленія, какъ суффиксы *-ск-* и *-ств-*, но все-таки случаевъ пропуска *ь* въ «неслоговомъ» положеніи гораздо менѣе, чѣмъ въ суф. *-ьн-*; это, несомнѣнно, лежитъ въ связи съ *дифтонгическимъ* характеромъ зв. *щ* (*t' s'*), вторая половина котораго при томъ звукъ *длительный* (*s*).

¹⁾ П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особ. болгар. яз., М. 1893, стр. 87—88.

²⁾ Словарь болгарск. яз. А. Дювернуа.

³⁾ В. С. Караджичъ (Речник). Въ грамот. еще начала XVIII в. находимъ *-чств-* и *-чств-*: *отачства* и *отачства* въ договорѣ съ русскими 1712 г. (П. А. Ровинскій, Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ, Сборникъ Отдѣл. р. яз. и сл., XLV, 524, 525).

⁴⁾ М. Pleteršnik, Slovensko-nemški slovar (V Ljubljani, 1894).

⁵⁾ Огоновскій, Грамат., стр. 57.

⁶⁾ Lesiejewski, *ibid*.

⁷⁾ Колосовъ, Обзор. зв. и ф. особ. . . . , 178, сноска 1.

⁸⁾ Подвысоцкій, Словарь областного архангельск. нарѣчія (СПб. 1885).

Но необходимо обратить вниманіе также и на звукъ, предшествующій глухому; ясно, напр., что для раздѣленія въ произношеніи звуковъ тождественныхъ или по крайней мѣрѣ очень близкихъ физиологически требуется болѣе напряженіе, чѣмъ для раздѣльнаго произнесенія двухъ согласныхъ разнаго мѣста образованія; это ясно изъ того, что въ первомъ случаѣ дважды совершается работа однимъ и тѣмъ-же органомъ рѣчи, между тѣмъ какъ во второмъ она отъ одного органа переходитъ къ другому; слѣдоват. въ первомъ случаѣ долженъ удерживаться ирраціональный звукъ болѣе продолжительный ¹⁾, чѣмъ во второмъ. Я не буду приводить всѣхъ случаевъ, а остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ. Первый почеркъ представляетъ гораздо больше случаевъ правильнаго употребленія, чѣмъ второй. На 65 разъ нов(ъ)городц(и) (-ѣ, -ѣмъ) 2 (-ьчѣмъ), 4, 17, 20, 25, 28, 29, 31, 33, 39, 50 (2 р.), 52 (3 р.), 56, 66, 67 (2 р.), 68, 69, 70 (3 р.), 71, 72, 73 (2 р.), 75, 76, 80 (2 р.), 82, 83 (2 р.), 84 (2 р.), 85, 86 (2 р.), 87, 88, 89 (2 р.), 90—91, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 99, 101 (2 р.), 103, 110, 111 (2 р.), 114 (2 р.: -и, -ѣмъ), 115 (-ѣ 3 р.), 120, 122 здѣсь только 10 разъ находимъ новгородци и т. п. 8 (2 р.), 12, 28, 40, 43, 55, 64, 69, 71, между тѣмъ какъ на 10 разъ концѣл- (-а, -и) 25, 75, 77, 84, 98, 108, 112, 113 (2 р.), 118 встрѣчается 7 разъ концѣл—14, 29, 79, 102, 109, 113, 120; при рѣзаньци 71, 72 находимъ и рѣзанце 80; при церньци 58, гдѣ условія для сохраненія глухого весьма благопріятны (срав. великорус. *чернецѣ*) вслѣдствіе положенія послѣ двухъ согласныхъ, встрѣчается и цернецѣмъ 35, гдѣ группа *ри* устраняется появленіемъ такъ называемаго «второго» полногласія, о которомъ рѣчь будетъ дальше ²⁾; на

¹⁾ Въ связи съ этимъ находится почти полное отсутствіе удвоенія въ славянскихъ языкахъ («kennen . . . die slawischen Sprachen im Allgemeinen keine Geminatio mehr», E. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 3 Aufl., 191), которое устраняется болѣею частью путемъ или диссимилаци, или полнаго слиянія двухъ одинакихъ согласныхъ въ одинъ долгій, а затѣмъ и краткій; существенное условіе удвоенія—«небезпрерывность выдыханія» («die Discontinuität der Expiration, Sievers, ib. 194), которая и заключаетъ уже въ себѣ нѣкоторую, хотя бы $\frac{1}{x}$ — слоговую, долю глухого или ирраціональнаго гласнаго, и тѣмъ болѣе понятно сохраненіе этой доли глухого, если послѣдній данъ этимологически въ извѣстной формѣ.

²⁾ Формы **черньци*, *черньцѣ* и т. п. могли удерживаться только до тѣхъ поръ, пока языкъ не утратилъ способности произносить глухіе по крайней мѣрѣ въ качествѣ полуслоговыхъ звуковъ; но по мѣрѣ исчезновенія категоріи глухихъ все въ большемъ и большемъ числѣ случаевъ и въ данномъ случаѣ явилась потребность выйти изъ необычнаго положенія; и вотъ (конечно, постепенно) различные говоры пошли по различнымъ путямъ: одни шли по пути ослабленія глухого и здѣсь, какъ и вообще въ «неслоговомъ» положеніи, а за-

7 разъ половк(ци) (-ѣ, -ѣ, -чѣ) 6. 6—7 (переносъ), 12, 13, 14, 37, 69, 112 встрѣчается 6 разъ половк(ци) и т. п. 7 (-ци, -цѣ), 9. 12, 18 (-чи, -чѣ), 11. 10, 32 (-чѣ), хотя при черниговкци 111, църниговкцѣмъ 111, църниговкци 31, 32 только 1 р. църниговчи 31; на 4 раза соуждальци 37, 72, 80, 86 только 1 р. соуждальци 69; при коупьцѣ 43, 66 коуп(ци) 111, -(цѣмъ) 36. Въ нѣкоторыхъ же словахъ находимъ только примѣры съ ѡ: молодьци 92, новотържьци (-ѣ, -ѣ) 7 р. (67, 88, 89, 120, 89, 97, 49—50—переносъ) и 1 р. новото-рожьци 115. 8—9 (при переносѣ; ясно, что т переправлено изъ г, а ж изъ д, о послѣ в приписано вверху строки, т. е. было написано новгородьци), вѣнцѣ (аор., ц в.ч) 34, 35, наемьнци 92. 8, володимирьци 80, переяславьци 51, 80, немьцѣ 97, моуро-мьци 71 (пер.), 72, 88, ростовьци 79, 80, торопь(цю) 67, 70, -(цѣмъ) 72; конечно, нѣкоторыя изъ приведенныхъ словъ встрѣчаются только съ ѡ, вѣроятно, случайно, вслѣдствіе рѣдкости употребленія, но нельзя не сдѣлать того заключенія, что, кромѣ положенія послѣ *ѡ*, гдѣ для перехода къ *и* (= *t' s'*) отъ *d'*, какъ одноорганичнаго съ нимъ, требовалось большее усиленіе (иначе произошла бы или полная ассимиляція и сліяніе двухъ одинаковыхъ согласныхъ въ одинъ долгій ¹⁾ или краткій, или диссимиляція: срв. съ одной стороны серб. *ѡца*, *ѡца* В. С. К., съ другой — польск. *ojca*, *rajca* изъ ст. пол. **ośca* ²⁾, *radźca*), ѡ могло слышаться въ качествѣ неслогового ирраціональнаго звука между *ж* и *и*, между *в* и *и*, а м. б., и между *м* и *и*, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ съ различною степенью долготы, колеблясь приблизительно между $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{8}$ слога; въ пользу

тѣмъ и упрощенія группы согласныхъ, и отсюда въ малорус. *черія* или *чен'ія* (Ogonovski, Studien... 93; я замѣняю ѡа Огоновскаго черезъ *л*, а ѡ черезъ апострофъ, такъ какъ ѡ у меня имѣетъ значеніе глухого звука); другіе проявляли ѡ въ *е*, какъ въ «слововомъ» полож.; третьи избѣгли затрудненія помощію второго полногласія.

¹⁾ Срв. выше. Полную ассимиляцію, кажется, находимъ въ великорус. *оѡа*, *оѡя*, *аѡа*, малорус. *ѡѡя*, *ѡѡя* и т. п.—съ долгимъ *и* (по говорамъ, мягкимъ или твердымъ въ великорус., бол. част. мягк. въ малорус.) изъ сочетанія *ти*, нѣкогда раздѣленнаго глухимъ гласнымъ ѡ, при чемъ я сомнѣваюсь въ вѣрности приводимыхъ Огоновскимъ (Studien, 71) формъ *ѡтцѣя*, *отцѣя* (я замѣняю ѡа черезъ *и*я, а *ицѣя* черезъ *ѡя*) при существованіи имъ-же приводимой ф. *дванѡцѣят'* (ibid. 88); если же въ малорус. говорахъ дѣйствительно существуетъ раздѣльное произношеніе *ѡтцѣя* и т. п., то между *т* и *и* необходимо сохраняется извѣстн. доля неслогов. ѡ. Полная ассимиляція въ нѣкотор. говорахъ могла произойти весьма рано: срв. новгороци. новгороцѣмъ и т. п. въ грам. 1262—63 г. (Смирновъ, Сборн. др. р. п., 27).

²⁾ Т. е. *ośca*, которое пишется иногда (напр. во Флоріан. Псалт.) какъ *osgesca* (Макушевъ, Чтенія о старопольской письменности, вып. 1, Варшава 1881, стр. 23, отд. оттиск. изъ Р. Фил. В.).

предположенія о довольно замѣтномъ для слуха ирраціональномъ гласномъ въ положеніяхъ послѣ д и в говорягъ двѣ описки: новгородици 54. 14 и ростовици 76. 10 (сравн. *киси* въ Остромир. Еванг.¹⁾ и городискъмъ помъ въ грам. 1269—1270 г.²⁾. Особенно слѣдуетъ отмѣтить случай мѣртвѣца 24, гдѣ стеченіе согласныхъ содѣйствовало образованію слогового звука³⁾. Въ «слоговомъ» положеніи, несомнѣнно, уже и писцомъ 1-го поч. произносился звукъ, если не тождественный съ *ε*, то по крайней мѣрѣ очень близкій къ нему, какъ это показываютъ 4 случая *ε* вм. *ь*: писецъ 113, скопечъ 10 (ч вм. ц), цѣрнець 101. 18, чѣрнецьсте 103. Правда, что они теряются среди массы (15 р.) случаевъ съ *ь*: нов(ъ)городѣць 42, 71 (2 р.), 26, 100, дѣтнѣць 12, конѣць 82, 107, половѣ(ць) 62, -(чѣскоу) 114, соуждалѣць 30, 52, 71, 73, снѣвьць 56, но можно возразить, что *ь* могло писаться лишь по традиціи и подъ вліяніемъ случаевъ неслогового положенія, особенно, если принять во вниманіе и правописаніе грамотъ, гдѣ часто новгородецъ, городець, купецъ и т. п. (1264—1270 г., Шахмат., стр. 239, 241, 243); однако едва ли только подъ этимъ вліяніемъ писецъ дошелъ до написанія даже новгородѣць 29 (можно бы сказать, пожалуй, что и это подъ вліяніемъ новгородци); думаю, что и здѣсь, какъ въ выше упомянутомъ *всь*, еще произносился не вполне чистый гласный; разница лишь въ томъ, что въ послѣднемъ словѣ, какъ односложномъ, скорѣе могло происходить колебаніе между слоговымъ характеромъ то перваго, то втораго *ь*. Еще позволю себѣ сдѣлать предположеніе о разобранномъ уже выше случаѣ *всь* вм. *вьсь*: не пропускалось ли *ь* въ русскихъ и сербскихъ памятникахъ въ этомъ словѣ потому, что *ε* въ соответствующихъ говорахъ произносилось въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ неслоговое *ǔ*, для котораго гласная слоговая поддержка менѣе необходима, чѣмъ для *ε*⁴⁾, особенно если

¹⁾ М. Козловскій, о языкѣ Остромир. Еванг., 47 (въ 1-мъ т. «Изслѣдованій по русск. яз.»).

²⁾ Шахматовъ, прилож. къ изслѣд. о яз. новгород. грам. (№ 3), стр. 242 «Изслѣд. по рус. яз.» т. 1-го.

³⁾ Срв. великорус. *мертвецѣ* и т. п., сербск. *мртвѣца* при *мртвѣцѣ* (В. К.), а съ другой стороны малорус. *мерці* (Пискуновъ) изъ **мѣртвѣци*, серб. *мѣца* и даже им. ед. *мѣцаи* (В. К.), показывающіе, что, какъ скоро *ь* въ неслогов. полож. ослабѣло до нуля, группа согласныхъ неминуемо упростилась, при чемъ серб. *мѣцаи* уже новообразование подъ вліяніемъ косв. п.

⁴⁾ Не колебалось ли именно произношеніе *вьсь* между *ǔсѣ* (*ǔ* неслогов. + *ь* слогов. + *с* + *ь* неслог.) и *ǔсѣ* (*ǔ* неслог. + *ь* неслогов. + *с* + *ь* слогов.)? На первую ф. указываетъ единичное *всь* и рѣдкое *вьсь*, на вторую единичное *вхѣ* и частое *всь*; въ первомъ случаѣ *ǔ* было близко къ *ε*, во второмъ могло приближаться къ *ǔ* слог. Въ послѣдующую эпоху первая ф. дала во всѣхъ русскихъ говорахъ *весь*, и если въ малорус. говорится *увесь*, то *у* здѣсь должно объясняться вліяніемъ гѣхъ формъ, гдѣ *ь* было неслоговымъ.

у это становилось слоговымъ само? Для сербскихъ говоровъ это, т. е. $v \equiv u$ передъ согласными, фактъ извѣстный, для многихъ русскихъ (не только малорусскихъ и бѣлорусскихъ, но и многихъ великорусскихъ) это фонетическое явленіе также доказано (и между прочимъ извѣстно діалектически въ сѣверно-великорусской¹⁾ группѣ), а, какъ мы увидимъ дальше, доказывается и для языка писцовъ 1-го и 2-го поч. синод. рукописи. Съ примѣромъ же новгородцъ можно сравнить такіе примѣры, какъ *отъ конецъ до конецъ* въ октябрьск. минеѣ 1095—1097 г. л. 11⁶ (издан. Ягича, стр. 42) или *триє дворцъ* въ грам. Александра Невскаго и новгородцевъ съ нѣмцами 1262—1263 г. (Смирновъ, Сборникъ др. рус. пам., № 30, стр. 28); послѣдній примѣръ, впрочемъ, менѣе доказателенъ, такъ какъ въ той-же грамотѣ есть случаи пропуска буквъ чистыхъ гласныхъ: дат. мн. новгородцмъ (ib. 27). Кстати замѣчу, что для меня и послѣ замѣчаній А. А. Потебни (Къ истор. звуковъ, 41—42) остается не вполне яснымъ въ грамотахъ 1229 г. и 1262—1263 г. пропускъ гласныхъ буквъ тамъ, гдѣ этимологически требуются чистые гласные звуки; но я не держусь такого крайне отрицательнаго взгляда, къ какому, пожалуй, дѣйствительно можетъ привести изученіе нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ малограмотныхъ написаній, и къ какому приходитъ проф. В. А. Богородицкій²⁾; удивляетъ меня и отрицательный и рѣшительный выводъ проф. А. И. Соболевскаго, что «смоленско-полоцкіе кривичи въ первой половинѣ XIII в. уже не знали глухихъ ъ и ь» . . . , хотя онъ совсѣмъ не обратилъ здѣсь вниманія на пропускъ этимологическихъ о и є на письмѣ, а говоритъ лишь о замѣнѣ ихъ черезъ ъ и ь и обратно³⁾ въ договорѣ 1229 г. Я обращаю вниманіе на то обстоятельство, что здѣсь пропускъ чистаго гласнаго на письмѣ встрѣчается лишь подъ условіемъ его *неударяемости* (горда, т. е. горѣда; новгородцмъ, т. е. новгорѣдьцѣмъ), да и замѣна о и є черезъ ъ и ь встрѣчается⁴⁾ здѣсь болѣею частію (не всегда) при условіи ихъ *неударяемости* (вѣрьго, голъвоу), и при томъ это явленіе наблюдается преимущественно именно въ слогѣ, непосредственно или почти⁵⁾ непосредственно слѣдующемъ

¹⁾ См. «Очеркъ русской діалектологіи» пр. А. И. Соболевскаго (Живая Старина 1892 г., вып. II, стр. 11, 15, 16).

²⁾ Курсъ грамматики русскаго языка, ч. 1, Варшава, 1887, 260—262 стр.

³⁾ Рус. Фил. Вѣстн. 1886 г., № 1, стр. 8.

⁴⁾ А. Смирновъ, Сборникъ др. рус. пам. . . . 22 стр.

⁵⁾ Я разумѣю, напр., неполный слогъ -дѣ- въ *ноа(ъ)горо(дѣ)ц(ѣ)мъ*, а потому и прибавилъ слово «почти». Нелишне замѣтить, что пропускъ гласной буквы въ суф. дат. пад. мн.

за ударяемымъ; если это наблюденіе мы сопоставимъ съ слабымъ произношеніемъ неударяемыхъ, особенно непосредственно за ударяемыми, гласныхъ въ извѣстныхъ группахъ великорусскихъ говоровъ, то придемъ къ заключенію, что тогда уже, т. е. около половины XIII-го в. ¹⁾, въ нѣкоторыхъ говорахъ неударяемые гласные отличались бѣльшей слабостью (редукціей) произношенія отъ ударяемыхъ; я не хочу этимъ сказать, что дѣло приняло тогда уже вполнѣ такой оборотъ, какъ въ нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ средне — и южно-великорусскихъ говоровъ: если вмѣсто о и е писали ѣ и ѥ или пропускали ихъ даже вполнѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что гласные сокращались непремѣнно до степени вполнѣ неслоговыхъ ²⁾, а слѣдуетъ лишь то, что они совпадали съ рефlekсами старыхъ ѣ и ѥ въ «слоговыхъ» положеніяхъ (но безъ ударенія), а частію и «неслоговыхъ» положеніяхъ, при чемъ въ послѣднихъ въ нѣкоторыхъ формахъ могъ являться и слоговой звукъ (напр. въ конечн. глухомъ формы *вѣръго*), а потому и писались одинаково съ ними; такимъ образомъ, здѣсь я замѣчаю встрѣчу двухъ теченій языка, изъ которыхъ одно шло отъ глухихъ, приближавшихся къ чистымъ, но не успѣвшихъ совпасть съ ними, а другое отъ чистыхъ, сокращавшихся подъ вліяніемъ неударяемости; при такомъ предположеніи становится возможнымъ допустить, что въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ говорахъ въ неударяемыхъ слогахъ глухіе никогда и не становились вполнѣ чистыми, т. е. такими, какими послѣдніе стали въ ударяемыхъ слогахъ подъ дѣйствіемъ экспираторнаго характера ударенія; хотя изъ этого не слѣдуетъ, что нынѣшнее діалектическое *курѣск* и т. п. ничѣмъ не отличается отъ древнерус. *курск(ѣ)* (различіе, несомнѣнно, существуетъ между всякимъ звукомъ одного говора и періода и соотвѣтствующимъ звукомъ другого говора и періода, хотя бы изображались они одною и тою же буквою), но весьма вѣроятно, что между первымъ и послѣднимъ не было

ч. встрѣчается и въ болѣе точныхъ памятникахъ, напр. въ Служ. Минеяхъ 1095—1097 г. (члѣвкъ сентябрь л. 51^а, стр. 072 изд. Ягича), а потому можетъ обуславливаться причинами орфографическими, а не фонетическими.

¹⁾ Это весьма вѣроятно при предположеніи о довольно раннемъ преобладаніи экспираторнаго характера ударенія въ большинствѣ русскихъ говоровъ.

²⁾ Этотъ выводъ опровергался бы правильнымъ написаніемъ чистыхъ гласныхъ въ грамотахъ болѣе позднихъ (конца XIII-го и XIV в.) изъ области той же группы говоровъ (срв. напр. грам. ок. 1300 г.), что едва ли было бы возможно объяснить одною грамотностію писцовъ. Нельзя ли, впрочемъ, допустить, что грамоты Смолен. 1229 и Новгород. 1262—1263 написаны говорами съ особенно слабымъ произношеніемъ неудар. гласныхъ, встрѣчавшимися спорадически не только въ среднерусской, но и въ сѣверно-русской группѣ?

посредствующей формы съ вполне чистымъ *e*, т. е. такимъ, какое въ неудар. слогѣ мы можемъ себѣ представить лишь въ языкахъ съ экспираторно-музыкальнымъ характеромъ удареній; несомнѣнно, впрочемъ, что возможно себѣ представить цѣлый рядъ оттѣнковъ, а потому и выраженіе «вполнѣ чистый» звукъ всегда будетъ неточно и субъективно. Въ языкѣ писцовъ нашей лѣтописи, какъ и въ языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII—XIV в., незаметно слѣдовъ сильнаго паденія неударяемыхъ первично чистыхъ гласныхъ (кромѣ единичныхъ общерусскихъ, частію общесловянскихъ, случаевъ) и совпаденія ихъ съ первично глухими въ неударяемыхъ, хотя и «слоговыхъ», положеніяхъ, а потому для насъ особенно было бы важно такое написаніе, какъ упомянутое **новгородць**, если бы оно не могло быть сочтено опискою, такъ какъ встрѣчается только одинъ разъ при многочисленномъ новгородци.

Во 2-мъ поч. въ «неслоговомъ» положеніи уже чаще встрѣчается пропускъ: на 59 разъ нов(ъ)городьц(и) 123, 125 (2 р.), 145, 146, 147 (3 р.), 148 (-ицъ), 149, 150, 151, 152, 154 (3 р.), 155, 157, 158, 159 (2 р.), 160, 162, 163 (переносъ), 164, 168, 169, 171, 172 (2 р.), 173, 176 (2 р.), 181, 182, 183, 184 (2 р.), 187, 188, 189, 202, 206, 208, 210, 234 (перен.), 236. 1—2 (перен.), -(евъ) 165, -(емъ) 151, 156, 157, 159, 166, 170, 184, 187 (-ч-), 201, 209 (перен.), -(ьчѣ) 157 встрѣчается 46 разъ нов(ъ)городци 146, 149, 156, 157 (2 р., 1 при перен.), 166, 169, 170 (2 р.), 172, 173, 174 (3 р.), 176, 179, 181, 185, 187, 188 (2 р.), 189, 199, 200 (2 р.), 201. 4—5, 202 (2 р.), 203, 204, 205, 208, 214, 215 (2 р.), 218, 229, 234, 235, 236, -ць 161, -ѣ 164, 204, 217, -евъ 202, -емъ 189 безъ ъ; при загородьци 180 въшегородци 158 и загородци 186; въ «слоговомъ» положеніи: 9 разъ новгородць 123, 153 (-къ-), 164, 165, 171, 172, 204, 205, 236, городь-ць 166. 17—18, городьчь 171, злѣоустьць 153. Замѣчательна, однако, непоследовательность, повидимому, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ: хотя при вѣньць въ «слоговомъ» положеніи (4 раза: 133, 134, 177, -чь 134) встрѣчается и въ «неслоговомъ» только вѣньцьа 134, 179, при коньць (126, 180, 186, 227, 228, -чь 179) въ «слоговомъ» пишется послѣ того же согласнаго и въ «неслоговомъ» положеніи постоянно (13 разъ)¹⁾ безъ ъ: конци (129. 10, 12, 145, 181, 204, 229, 235), концемъ (180), концѣ (228), -нъ (180), -ша

¹⁾ Изъ нихъ въ четырехъ послѣднихъ ц вмѣсто ч.

(179, 183, 197); сюда же отнесемъ и младѣнца 222, такъ что въ большинствѣ случаевъ послѣ и пропускъ ъ въ «неслоговомъ» положеніи (съ ъ еще только при переносѣ: чюдинь-чевѣ 227. 3—4), и нѣньца можетъ объясняться вліяніемъ случаевъ «слогового» положенія, т. е. формы имен. вин. ед. или род. мн.; почему же, однако, это вліяніе не сказалось въ косвен. формахъ слова коньца? Если же и составляетъ второй элементъ въ группѣ согласныхъ, то большею частію удерживается ъ и въ «неслоговомъ» положеніи, когда произношеніе группы не облегчается помощію «второго» полногласія (послѣднее можетъ возникнуть, если въ группу входитъ согласный плавный): при чърньць 216 пишется и църнь-ца 126. 12—13, ць-рньца 184, църньца 189, чернь-че¹⁾ 141. 10—11 (переносъ) и даже череньцихъ 216 (м. б. подъ вліяніемъ случаевъ, не имѣющихъ полногласія) и только 1 разъ църенци 235; сюда же относится агньци 179. Лучше, кажется, соблюдается ъ послѣ м: при нѣмьць 234, нѣмьцьскоумоу 130. 6, нѣмьцьскыи 130. 8, нѣмьцьскоумоу 135. 11—12, нѣмѣ-чьскыи 135—136 (переносъ) въ «слов.» положеніи встрѣчаемъ 7 разъ нѣмьци 173, 210 (переносъ: -ци), 228, 233, 234. 5—6 (перен.), 16, 235, 4 раза нѣмци 232, 232 (-нѣ), 234, 174; въприньца 199, иноземьца 126, при доумьчь (род. мн., -ч вм. ц) 178 съ доумьци 179. Послѣ в и п: зюу-вьца 161, зюубь-чевѣ 167 (оба случая при переносѣ, только въ различныхъ мѣстахъ въ словѣ); но при коупьць 160 только коупцельъ 148; при торопьчь 152 (ч вм. ц), -ц- 153, торопьцьск(оу) 202, -|скыи 156, торопьцьск(аго) 203, -(ои) 236 только торо-пца 152. 17—18 (переносъ), торопца 188. 16, -не 202. 20 безъ ъ. Послѣ в: при низо-вьчь 235. 4—5 (род. мн., ч вм. ц), овьчь 217 (род. мн., ч вм. ц), половьчь (род. мн., ч вм. ц) 178, 191, 192, 194 (2 раза: -чь и -ца), половьчьскыи 192, 195, -хъ 193, половь-цьскыими 192 (перен.) только 2 раза половьци 195 и 7 разъ полов(ци) 126, 196, 198, -(чи) 178, 192 (2 р.), -(че) 194, 1 разъ черниговьци 199, 1 р. ростокь-ци 168 (при перен.) и 1 р. ростовци 199; послѣ группы ртк, содѣйствовавшей удержанію глухого, пока онъ не совпалъ съ ѣ въ неудар. слогѣ (если раньше не произошло упрощеніе группы)²⁾: мъртьвьца 222. 6, 14. Послѣ л: доушнль(цевнць) 179, —(—л) 180, —(цл) 212, яголь-чевича 163. Послѣ р только безъ ъ: тхъвѣрцю 164 (вин. ед. жен.). Послѣ ж постоянно

1) Форма вин. множ.: ч вмѣсто ц, ѣ вм. ѣ.

2) Срв. выше (въ 1-мъ поч.).

(5 разъ) сохраняется **к**: **новотържь(ци)** 168 (2 р.), 202, — (**чи**) 223 (переп.), **новоторожци** 216. 7; 1 разъ **новотържь - чь** 160. 12—13 въ «слоговомъ» положеніи. — Факты второго почерка до нѣкоторой степени подтверждають выводы, сдѣланные относительно 1-го, т. е., что, кромѣ положенія послѣ **д**, всего лучше соблюдается **к** послѣ **ж**, частію послѣ **м** и **л**; только отношеніе числа случаевъ съ **к** къ числу случаевъ безъ **к** послѣ **д** уже значительно меньше (59/46, между тѣмъ какъ въ 1-омъ 65/10), а послѣ **к** во 2-мъ поч. замѣчается уже въ противоположность 1-му преобладаніе примѣровъ безъ **к**. Всего устойчивѣе, такимъ образомъ, **к** въ «несловомъ» положеніи послѣ длительного шипящаго **ж**. Въ «слоговомъ» положеніи, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, правильно пишется **к**, исключая трехъ случаевъ въ прилагат. **нѣмьчьскыи** (см. выше), въ которыхъ **к** замѣнено черезъ **ѣ** и **ѣ** (2 случая при переносѣ; **ѣ** могло лишь графически замѣнять **к**).

Остается сказать о суф. **-ыш-** (въ образ. степ. сравн. или прич. прош. вр.). Въ 1-омъ поч.: **вольши** (им. ед. жен. р.) 47, **воль - ша** 144. 14—15 (род. ед. средн. р.), **вольшу** 64, 112 (вин. ед. жен. р.), **вльчшеѣ** 66, **вльчшши** 121, **вльчшихъ** 105 (3 р.), съ **лouchьшими** 32, 39, **лouchьшихъ** 93, **лльпшшихъ** 41 (форма, несомнѣнно, новая, аналогичная: древняя была бы ***лѣпльшшихъ**); во 2-мъ поч.: **вольши** 186, 193, **вльшшла** 139, **вльчшеѣ** 207 (ц. вм. ч), **вльчші - ѣ** 165, **вльчшши** 232, **вльч - шихъ** 147. 18—19, **лouchьшими** 227 (здѣсь переноса нѣтъ), **лouchьшихъ** 234, **мльчшеѣ** 165, **мльчшшага** 224, **вльчомъ лouchьши** 227. Съ пропускомъ **к** только створше (прич. прош. вр.) 30, 211 въ 1-мъ и 2-мъ поч. и **вольшу** 227 во 2-мъ поч. Что касается формы створше, то она встрѣчается въ такихъ мѣстахъ (створше **миръ** 30, створше **вѣче** 211), что нѣтъ основанія заподозривать её въ заимствованіи изъ языка церковнословянскаго, тѣмъ болѣе, что формы причастныя или дѣепричастныя отъ глагольн. основы на **і** встрѣчаются и теперь въ говорахъ великорусскихъ въ краткой формѣ (т. е. безъ **в**): *не дохотчи* (или *не дохотчи*) въ Курмыш. у. Симбир. губ. (изъ **не дохотчи* — новообразованія вм. **не дохотчи*, или, что менѣе вѣроятно, можетъ быть, изъ **не дохотчи*, гдѣ **дж** есть болѣе древняя ступень изъ **dj**, чѣмъ исторически извѣстное **ж**; въ пользу перваго, впрочемъ, свидѣтельствуеть форма *пришотчи* вм. **пришотчи* изъ **пришотчи*, срв. *пришотчи* въ старин. западно-русс. яз.)¹⁾; но можетъ явиться сомнѣніе относительно

¹⁾ Стат. лит. (Ogonowski, Studien, 88).

того, восходитъ ли эта форма къ древн. *сѣтькорѣше, или и она есть новообразование по образцу первообразныхъ глаголовъ (напр. *оутѣръше и т. п.), подобно новообразованиямъ въ формахъ степ. сравн. прилагат.: нынѣшн. литерат. *младшій* (отъ формы, заимств. изъ ц. слов.), *старшій*, др. рус. *молодшю* въ грам. Ивана Калиты 1327—1328 г. (Смирновъ, Сборн. др. р. п., 56), *молодшю* въ грам. 1389 г. (№ 35 Собран. госуд. грам. и договор., т. I), онеж. *младъшаго* (Колосов, Обзор, 160) и т. п. вв. **моложьшии* (срв. примѣръ изъ нашей лѣтописи) (ст. сл. **млаждни*, ж. р. **млаждыши*), **старъшии* (срв. въ новгород. грамот., у Шахматова №№ 1, 2, 3 и проч., хотя въ № 8 уже *старѣшии*, въ Лавр. *старшю* 61, а въ Ипат. даже *старшешю* 222¹⁾, срв. также въ москов. грам. 1389 г. *старшешю* и т. п.)²⁾, при чемъ *младшій*, *молодшій* (откуда и малорус. *молодчий*, срв. Огоновск., Studien, 88), вѣроятно, новообразования отъ абсорбированной основы положит. степ. *млад* -, *молод* -³⁾, а *старшій* могло явиться и путемъ постепеннаго сокращенія, какъ показываютъ, повидимому, переходныя формы, и въ такомъ случаѣ *р* изъ *ръ*, которое изъ *ри*; створше, такимъ образомъ, могло и не имѣть послѣ *р* глухого *ь*, а въ качествѣ новообразования имѣть лишь очень слабый ирраціональный звукъ, необходимый лишь для раздѣленія *р* отъ *ш*, который могъ и не писаться и могъ быть и не смягчающимъ предшествующаго *р*. Новообразование необходимо видѣть и въ *лѣпъшихъ*, при чемъ, однако, соблюдается смягченіе, какъ видно по написанію *ь*, а не *ъ* (или пропускъ): слабый глухой, смягчавшій *п*, выражень черезъ *ь*. Вообще необходимо замѣтить, что въ этомъ суффиксѣ, встрѣчающемся исключительно въ «несловомъ» положеніи, глухой звукъ былъ очень слабъ, какъ это видно изъ явленій диссимиляціи (*вѣтъ-шихъ*), правда, только при переносѣ, и изъ частаго пропуска *ь* въ современныхъ новгородскихъ грамотахъ: въ № 1 (1264—1265) еще *мѣ-ньшихъ* (при переносѣ), но въ № 3 (1269—1270 г.) уже *мѣншихъ*, въ №№ 9 и 10 (1304—1305) *мѣншихъ*, въ № 6 (1305—1308) *мѣншихъ* (срв.

1) Шахматовъ, Изслѣдованіе о языкѣ новгород. грам. XIII и XIV вв., стр. 157 со сноскою.

2) Собраніе госуд. грам. и догов., т. I.

3) Трудно, однако, объяснить мягкость *д* въ онежск. *младъшаго*; интересно знать, насколько вѣрно правописаніе Гильфердинга дѣйствительному произношенію: если читать, какъ напечатано, то необходимо *ь* прочесть какъ глухой гласный, такъ какъ иначе невозможно сохраненіе звучности *д*; не восходитъ ли и *младшій* къ **младишій*, **младпшій*?

также № 7) ¹⁾, а частью и у насъ, особенно въ 3-мъ поч., о чемъ дальше. Что касается только что приведенныхъ случаевъ изъ грамотъ и нашего волюю, то я не знаю, имѣемъ ли мы право, кромѣ ослабленія глухого до степени незначительнаго призвукъ, видѣть здѣсь также и утрату мягкости предшеств. *н* и *л*; хотя возможность этого не отрицается въ виду извѣстныхъ въ области сѣверновеликорусской группы случаевъ отвердѣнія *н* и *л* передъ нѣкоторыми суффиксами: Олон. *маменка*, *рученку*, *бьленкой* (Гильферд.) ²⁾, *столно-киевской* (Рыбник.) ²⁾; *болной*, *печальной*, *хмьльной* въ говорахъ Вологод. г. (Сольвычегод., Великоуст., Кадн., Тотем., Грязов.), *большой* Вятск., *болше* Лукоян. Ниж. г. ³⁾ (последній примѣръ изъ мѣстности средне-великорусской, и притомъ колонизованной сравнительно поздно выходцами преимущественно изъ сосѣднихъ южно- и средне-великорусскихъ, а частью и сѣверно-великорусскихъ областей ⁴⁾, но утверждать это относительно случаевъ, встрѣчающихся въ памятникахъ XIII—XIV вв., я бы рѣшился лишь тогда, когда бы встрѣтилъ послѣ нихъ *ъ* вм. *ь* или вообще букву, означающую гласный несмягчающій, вмѣсто буквы, означающей гласн. смягчающій; замѣчу только, что, такъ какъ *ш* въ большинствѣ великорусскихъ (да и малорусскихъ) говоровъ звукъ отвердѣвшій, то весьма вѣроятно и отвердѣніе предшествующихъ ему согласныхъ, которое, однако, едва ли не выразилось бы при частомъ употребленіи *ь* въ разбираемомъ суффиксѣ постановкою, хотя изрѣдка, *ъ* вм. *ь*, и возможно, что въ то время такого твердаго произношенія *н* и *л* передъ этимъ суффиксомъ, какъ теперь въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ, не было потому, что, какъ видно изъ данныхъ ⁵⁾ нашего и другихъ современныхъ сѣверно-великорусскихъ памятниковъ, не было, вѣроятно, и отвердѣнія звука *ш*, а скорѣе можно думать, что онъ былъ значительно мягче нынѣшняго господствующаго, хотя неодинаково въ сочетаніяхъ съ различными гласными. Можно еще указать на случай суф. *-лх-*, измѣнившись въ *лш* подъ влияніемъ слѣдующаго *ь* въ словѣ (собств. им.) *ольшья* 194 (ф. род. ед.) во 2-мъ поч. (срв. *Олешекъ* въ спискѣ городовъ по рукоп.

1) Шахматовъ, Исслѣд. о яз. новг. грам., приложение.

2) Колосов, Обзор звук. и форм. особ., 161.

3) Ibid. 153.

4) Срв. сказанное мною въ «Живой Старинѣ» 1894 г. вып. II, стр. 151—162.

5) Объ этомъ см. дальше въ главѣ о согласныхъ.

Арх. ком. XV в., въ изд. 1888 г. стр. 448), ¹⁾ въ которомъ я вижу производное отъ *ольха* (назван. дерева) (срв. др. в. нѣм. *elira* изъ **elisa*, голланд. *else* ²⁾), н. в. нѣм. *erle*: -is = -*лх*-), при чемъ -*лх*- чередуется съ -*лх*- въ зависимости отъ измѣненія начальнаго гласнаго корня: *кльха*, откуда великорус. *кльа*; въ малорус. же болѣе обычны формы, восходящія къ **ольха*: *олшана*, *вилшана* и т. п. (названія мѣстности) ³⁾; къ **ольх*- же должно восходить и чешск. *olše*. Но объ этомъ словѣ мнѣ еще придется говорить по поводу чередованія начальн. *е* и *о*.

Кратко скажу теперь о суффиксальномъ употребленіи *к* въ 3-мъ и остальныхъ почеркахъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что въ суффиксахъ гораздо больше случаевъ его сохраненія, чѣмъ въ корняхъ, и это понятно, такъ какъ одни и тѣ-же суффиксы повторяются чаще, чѣмъ одни и тѣ-же коренные слоги, и въ сочетаніи ихъ съ различными конечными согласными той или иной основы являются различныя условія для сохраненія глухихъ различной степени долготы въ «неслоговомъ» положеніи; но общее правило заключается въ томъ, что всякое *к* въ «слоговомъ» положеніи обращается въ чистое *ε* (вполнѣ ли оно совпадало въ языкѣ писца 3-го поч. съ *ε* этимологическимъ, или была ничтожная разница, этого мы рѣшить, конечно, не можемъ; была ли разница въ произношеніи ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ, намъ также неизвѣстно въ виду полной одинаковости написанія, и вообще въ говорахъ писцовъ и составителей Синодальнаго списка вовсе незамѣтно несомнѣннаго преобладанія ударяемыхъ слоговъ надъ неударяемыми) ⁴⁾, въ «неслоговомъ» исчезаетъ въ большинствѣ случаевъ, сохраняясь лишь въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ я только что упомянулъ, т. е. при благопріятномъ стеченіи согласныхъ. Такимъ образомъ, въ суф. -*лк*- находимъ съ одной стороны *торжекъ* 247, 308, 314, 318, 321, 333; съ другой:

¹⁾ Соболевскій (Лекціи, стр. 30; Статьи по славяно-русскому яз., стр. 22) видитъ здѣсь почему-то греч. *Ἐλισσός*.

²⁾ Miklosich, Lexic. palaeoslov.

³⁾ Срв. напр. у Н. Θ. Сумцова «Малорусская географическая номенклатура» (Кіевъ, 1886), стр. 3, 5, 8 (*Олшана*, *Ольховата*, *Олшаный*, *Вильшина*, т. е. *вилшина*) или мѣстечко *Вилшана*, упоминаемое въ извѣстной поэмѣ Т. Г. Шевченка «Гайдамаки». Въ Великороссіи же извѣстно много рѣчекъ *елшанокъ*, которыя въ языкѣ «интеллигенціи» передѣланы въ *ольховки*.

⁴⁾ Возможно, пожалуй, лишь предположить, что неударяемость содѣйствовала сохраненію глухого тамъ, гдѣ онъ передъ группою согласныхъ, не смотря на «неслоговое» положеніе, могъ стать вполнѣ слоговымъ и обратиться въ чистый подобно всякому слоговому глухому въ языкѣ писца 3-го поч.

торжоу 249, 261, 308, 317 и 3 раза торжькоу 272 (2 р.), 334 (последній уже въ одномъ изъ слѣдующихъ за третьимъ почерковъ), влоуноквича 239, горк(оу) 244, -(оу) 248 и друг. и даже толко (вм. только изъ или при толико) 277, 284, 329; съ ъ еще: за борьковоу оу-лицю 313. 2—3, на ворьковѣ 307, и въ соб. имени влоуноквичь 248. Въ суф. -ьв- съ одной стороны витевк-ска (предполагается существительное * витьба) 262. 12—13 (впрочемъ, при переносѣ), съ другой молегы 242, 268, 334, с молюю 294 (2 р.), 320; въ скандинавскомъ собств. имени -ьг- въ «слоговомъ» положеніи замѣняется черезъ -ег-: олегъ 241; въ суф. -ьл- въ «неслог.» полож. свѣтло 240 (срв. и въ иностр. соб. им. павла 261). Въ суф. -ьн- съ одной стороны: силенъ 301, 324, 328, смоленску 272; съ другой: вѣдноу 248, гоголыли 295, крамолицы 333, печални 296, смолнаны 297, силю 312, силны(мь) 250, —(хъ) 275, силнѣ 301, даже при стеченіи согласныхъ б. ч. безъ ъ: черниного 288, стртной 332, чтна 331, намѣстникъ 305 и др., кртнмоу 324 и только 1 р. кртъною 281, но ъ обыкнов. пишется между одинак. согласн.: безаконьни 247, иноплемьни(ци) 241, 243, —(къ) 252, —(кы) 249. 18—19 (переносъ послѣ -ме-), оканьн(ъи) 237, 274, —(и) 249, 265, 292, молчаньное 309, броньницы 294, а также послѣ группы зв въ словѣ извьни 253, а въ серебряника 237 (срв. 2-ой поч.) даже ъ замѣнилось черезъ ѣ подобно «слоговому» положенію; кромѣ такихъ случаевъ, ъ встрѣчается два раза только при переносѣ: прпѣв-ныхъ 249. 11—12, верь-ной 327. 19—20. Въ суф. -ьц- съ одной стороны: новгородецъ (род. мн.) 253, городецъ 278, кровопролитецъ 245, вѣнецъ 305, конецъ 285, 301, 313, дѣтинецъ 312, черне(ць) 278, -(чьское) 262, -(чьства) 281, черноризецъ 249, новоторжецъ (род. мн.) 239, коупецъ 318, 320, -(скоу) 311, торопечь 262, нѣмецъ 258, 315, 323, 330, -(скыи) 288, (скыи) 330, -(ската) 288, -(скую) 311, -(скомоу) 323, нѣмецьского 301; съ другой¹⁾: новгородц(и) въ массѣ случаевъ (около 70 разъ) почти на каждой страницѣ (на нѣкот. по нѣскольку разъ) (239, 251, 252, 253, 255, 256, 258, 262, 264, 266—273, 276, 278, 280, 283—288, 291—293, 294, 296—298, 300, 303, 305, 308—312, 315—326, 328—330, 332, -евъ 239, 270, 318, 322, 325, 331, -емъ 291, 297, 318, 325, 329, 331) при 4-хъ лишь примѣрахъ съ ъ: новгородьци 265, 271. 13—14,

¹⁾ Вмѣсто механическаго азбучнаго порядка я располагаю примѣры такимъ образомъ, что сначала идутъ случаи послѣ зубныхъ и язычныхъ мгновенныхъ и длительныхъ (сюда входятъ свистящіе и шипящіе) согласныхъ, затѣмъ послѣ губныхъ.

334. 4—5, 336. 1—2 (но-въ-), изъ которыхъ два встрѣчаются на страницахъ, слѣдующихъ за третьимъ почеркомъ, а изъ всѣхъ два при переносѣ послѣ ъ-, одинъ послѣ но-, городци (вин. мн.) 251, на городци 307, сыропдци 273, чюдцю 256, гостинаца 237, соуждалци 279, колыванц(и) 286, -(емъ) 287, конца 314, (в) конци 266, 302, 314, 315, черноризци 279, новоторжц(и) 261, 317, -(евъ) 239, 261, пѣшца 266, раковорц(и) 286, -(емъ) 287, дмитровци 261, ловци 295, переяславци 297, половци 238. з, 14, 18, 239, низовци 256, торговци 328, черниговци 238, юрьевци 253, 286, иноземца 295, нѣмци 25 разъ (240, 253—258 по нѣскольку разъ, 286, 292, 312, 315, 320, 323, 328, -емъ дат. мн. 258), торопч(а) (ч вм. ц) 264, -(емъ) 262, (в)—(и) 251; ъ встрѣчается еще только послѣ ж въ новоторжци 262, 266 и въ зижьчель 262 и послѣ ри въ черньц(а) 244, -(и) 315, 324, 326 (исключительно съ ъ)¹⁾; такимъ образомъ, кромѣ черньца, ъ встрѣчается *не при переносѣ* только четыре раза (новгородци 265, зижьчель 262, новоторжци 262, 266), и замѣчательно, что всѣ эти примѣры приходятся на тѣ мѣста, въ которыхъ встрѣчается или ч=ц или ѣ вм. и (если повѣсти на стр. 266 дѣйствительно слѣдуетъ читать повити, а не повѣдити); впрочемъ, послѣ ж, какъ согласнаго длителн., это неудивительно (сравн. отсутствіе пропуска въ 1-мъ и 2-мъ поч.), да и между ђ и и согласно сказанному выше на основаніи наблюденій правописанія первыхъ почерковъ и соображеній физиологическихъ мы болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ случаяхъ, въ правѣ ожидать удержанія неслогового призвучка; если встрѣчаемъ пропускъ ъ въ «слоговомъ» положеніи, какъ въ члѣкльць 252. з, то этому еще менѣе можно придавать значеніе, чѣмъ въ 1-мъ п., такъ какъ ъ въ такомъ положеніи здѣсь не встрѣчается; вѣроятно, это такой же пропускъ *буквы на письмѣ*, какъ и пропускъ б. ю и о въ предшеств. слогахъ. Въ суффиксахъ -ьск- и -ьств- мы и въ 3-мъ поч. почти послѣдовательно находимъ сохраненіе ъ въ «неслоговомъ» положеніи²⁾: боярьскымъ 273, володимирск(омоу) 242, мирьскы 259, -(ъи) 243, изборьско 254, серегѣрьскымъ 249, татарьск(ымъ) 259, -(ъи) 271, соуждальск(и) 308, -(ъи) 330, доньскою 306, рязань(скою) 241, -(стни) 242, хртѣаньскага

¹⁾ Срв. сказанное объ этомъ по поводу 1-го и 2-го поч.

²⁾ Здѣсь порядокъ примѣровъ я нѣсколько измѣнилъ, т. е. начинаю не съ зубныхъ мгновенныхъ, а съ язычныхъ плавныхъ, за которыми слѣдуютъ зубной носовой, затѣмъ зубные мгновенные не носовые, послѣ нихъ зубные и небные дифтонги (и и и), небные и зубные спиранты и наконецъ губные (губно-зубной спирантъ ѳ и губной мгнов. ѳ).

264, *женьска* 248, *новгородьск(ъи)* 270, -(ъи) 260, -(ои) 265, -(ою) 252, 264, 266, -(ого) 263, *чю-дъскою* 256 — 257 (пер.), *чюдьск(а)* 240, -(ома) 257, *полотьск(ого)* 279, -(ъи) 279, (к)—(ѣ) 251. 7—8 (переносъ послѣ -тъ-), 280. 3—4 (переносъ послѣ -поло-), *коупецьскою* 311, *нѣмецк(ъи)* 288, -(ъи) 330, (а) 288, -(ю) 311, -(ома) 323, *нѣмецьского* 301, *тыса(цьскѣ)* 267, 317, —(чьскѣ) 237, 289, 292, 330, -(чьское) 272, 294, -(чьскъи) 295, *суболичьскаго* 258, *чернечьское* 262, *на варажьскоі* 301. 2—3 (переносъ послѣ ъ), *варажьска* 313, *повоторжьскъи* 248. 18—19 (переносъ), *повоторжьскою* 329, *моужьска* 248, *оустьюжскъи* 325, 331, *миньск(ъи)* 281, -(аго) 282, *черноризьскъи* 248, *проусьскоі* 308, *роусьск(ои)* 249, -(ю) 279, -(ои) 299, *литовьск(ою)* 272 (переносъ послѣ -то-), 283, -(ого) 281 (переносъ послѣ -то-), 283, *неревьскъи* 285 (пер. послѣ рѣ-), 301, 313, *низовьскоѣ* 265, *пльсковьскон* 265, *ростовьскъи* 263, *витебьска* 262 (пер. п. -вь-); хотя за полноту примѣровъ не ручаюсь, но думаю, что здѣсь она излишня, такъ какъ примѣры безъ ъ встрѣчаются лишь тогда, когда бываетъ выноска согласн. буквы надъ строку: (*нов*)*гордск(ои)* 268, (*новъ*)—(ъи) 299, 302, 318, (*нов*)-(ъхъ) 317, -(а) 319, *полескъи* 328 и т. п., но это не имѣетъ значенія, такъ какъ въ такихъ случаяхъ и буквы чистыхъ гласныхъ пропускаются, и мы бы могли сказать, что ъ въ этомъ суффиксѣ вообще не пропускается, если бы не встрѣтили одного дѣйствительно поразительнаго исключенія: на стр. 237, 6 мы читаемъ *дѣцкон* (изъ **дѣтъскъи* черезъ посредство **дѣцлскон*); это тѣмъ болѣе странно, что нѣсколько разъ встрѣчаются *полотьск-*, *новгородьск-*, *нѣмецьск-* и т. п.; если дѣйствительно группа *тъск* измѣнилась въ языкѣ писца въ *цк*, то отчего не встрѣчается даже *полоцьск-*, известное намъ изъ 1-го поч. ? Остается предположить, что или т въ *полотьск-* подерживалось вліяніемъ формъ имен. вин. ед. ч. муж. р. нечленныхъ, а *-цьск-* въ *нѣмецьск-* вліяніемъ им. ед. существит. *нѣмецъ*, или что *дѣцкон* взято изъ другого говора, въ которомъ измѣненіе группы *тъск* произошло раньше; кромѣ того, при первомъ предположеніи опять является вопросъ, было ли вліяніе параллельныхъ формъ въ самомъ языкѣ, или чисто графическое; возможно именно послѣднее: въ виду разобранныхъ фактовъ 1-го и 2-го поч., достаточно ясно указывающихъ на то, что *тъск* измѣнилось давно уже въ «неслоговомъ» положеніи въ *цск-* (съ очень мягкимъ *ц* близкимъ къ *ч*) по крайней мѣрѣ, если уже не въ *цк-* (съ очень слабымъ глухимъ гласнымъ призвукомъ), едва ли можно думать, чтобы полстолѣтія

позднѣе, хотя бы и въ другомъ говорѣ, произносилось еще *тѣск-*; впрочемъ, я не беру на себя смѣлость рѣшать такіе вопросы, тѣмъ болѣе, что очень часто встрѣчаются въ сосѣдствѣ два говора, изъ которыхъ одинъ медленнѣе измѣняетъ унаслѣдованные отъ предшествующаго поколѣнія звуки, другой быстрѣе; возможно и то, что одно слово писецъ находилъ въ оригиналѣ своемъ, другое же писалъ самъ вновь. Въ «слоговомъ» положеніи я нашелъ лишь два примѣра, одинъ съ *е* вм. *ь*, другой съ *ь*: полтескъ 285 (неорганич. пропускъ *о*) и и-зворьскъ 254. з—4. Суф. *-ьств-*: посадничество 267, 268 (-а), 269, 272, 292, 319, 333 (въ 4-омъ поч.) (только при выноскѣ *ч* надъ строку бываетъ пропускъ *ь*: посадиство 306, гдѣ буквы *тк* представляютъ лигатуру), чернечства 281, множество 241, 251, 269 и друг. (подъ титлою: мнество 329); здѣсь, кажется, и для 3-го поч. нельзя сомнѣваться въ произношеніи именно не вполне слогового *ь*, такъ какъ едва ли произносили «посадиство»¹⁾, а если бы произносили «посадичество», то такъ бы и писали, что ясно изъ общаго характера правописанія 3-го поч.; неясное произношеніе могло удерживаться, особенно благодаря неударяемости: произношеніе было, вѣроятно, подобно тому, какое и теперь слышится въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ; если теперь въ литератур. правописаніи не принято здѣсь писать *ь*, то потому, что *ь* исполняетъ совершенно другія обязанности, чуждыя древне-русскому правописанію.

Подобно *ь* вм. *о* встрѣчается у насъ въ немногихъ опредѣленныхъ случаяхъ и *ь* вм. *е*. Во-первыхъ *ь* вм. *е* является, повидимому, чисто графически, собственно вм. *ь*: 1) нѣлѣ 60. 10 (сравн. нѣлѣ 127, 129, 287); 2) въ срьдѣ ѡтра 219 (вмѣсто *-срьдѣ-*; сравн. сри 53, 72 и полногласн. въ середѣ оутра 174; хотя въ данномъ словѣ у насъ неполногласныхъ примѣровъ съ *ѣ* не встрѣчается, но что они могли еще быть въ памяти писцовъ, доказывается примѣрами съ *ѣ* въ другихъ неполногласныхъ формахъ); 3) въ формахъ собств. имени греческаго происхожденія: олькс(а) 63, -(оу) 59 въ первомъ поч. при 2 раз. съ *е* (алекса 92, 102), олькс(а) 128, 131, -(е) 127, -(ою) 123, -(у), -(оу) 135, 145, 161, -(иниць) 166, альксина 145, ольѣна 231, ольѣоу 173, альѣандр(а) 210, 214, -(ы) 170, о-льксандра 196. 20—21, оль-ѣандра 224. 19—20 (съ *е* только 2 раза: олексоу 128 и олекѣ 132, съ *ѣ* 1 р.: ольксѣ 128) во 2-омъ поч.; сравн. тоже въ Прологѣ № 187 Хлудов. б-ки: въ альѣандрѣ 4^а, Ѡ альѣандрѣ

1) Впрочемъ, и послѣднее невозможно произнести безъ глухого звука между *ц* и *т*.

29^a, *ѡлѣѡ-андрѣскыи* 4^a, *ѡлександрѣско-моу* 133^b; что ѡ находится въ связи съ *ѣ*, я вывожу изъ правописанія нѣкоторыхъ южнославянскихъ (сербскихъ) текстовъ XII—XIII в.: въ Гршкович. глагол. отрывкѣ Дѣяній Апостол. *ѡлѣѡсенѣдрѣска*¹⁾ при отсутствіи въ немъ смѣшенія *ѣ* съ *ѡ* (я не считаю смѣшеніемъ сербское употребленіе *ѣ* вм. *ѡ* и наоборотъ въ извѣстныхъ строго опредѣленныхъ случаяхъ), въ одномъ апокрифическомъ текстѣ б-ки юго-слав. акад., напечатанномъ у М. Сперанскаго²⁾, *ѡлѣѡандрѣ* и друг. Къ этому же разряду слѣдуетъ отнести и ѡ вм. *ѡ* въ предлогѣ *без-*(*бес*) сложнаго слова *ѡвѣщѣствовали* 207, вѣроятно, по опискѣ подѣ влияніемъ слѣдующаго кореннаго ѡ. Во всякомъ случаѣ, и такое графическое употребленіе ѡ, если оно повторяется не въ одномъ примѣрѣ, а нѣсколько разъ, какъ въ словѣ *ѡлѣѡ* и т. п., свидѣтельствуетъ косвенно о томъ, что писцы смотрѣли на ѡ, какъ на букву не только неслогового, но и слогового звука, близкаго къ *ѡ* и *ѡ*, вѣроятно, имѣвшаго отгѣнокъ звука *ѡ* краткаго, узкаго, склоннаго къ *ѡ* подобно *ѡ* или *ѡ* неударяемымъ; но отождествлять его произношеніе въ «слоговомъ» положеніи съ произношеніемъ *ѡ* и *ѡ* все-таки нельзя, такъ какъ иначе мы имѣли бы гораздо больше примѣровъ употребленія ѡ вмѣсто *ѡ* и *ѡ* и въ домашнихъ словахъ; можно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, которое до нѣкоторой степени объясняетъ намъ употребленіе ѡ въ *ѡлѣѡ* и *ѡвѣщѣствовали*: вспомнимъ, что основное ѡ особенно охотно удерживается въ положеніи передъ группами согласныхъ; не подѣ влияніемъ ли этихъ случаевъ проскользнуло подѣ рукой писца ѡ и туда, гдѣ условія были сходны, хотя этимологически требовалось *ѡ* или *ѣ*, при чемъ это особенно понятно въ собственномъ имени иностраннаго происхожденія, произношеніе котораго для писцовъ могло быть сначала неяснымъ?

Во избѣжаніе недоразумѣній я замѣчу, что относящееся, повидимому, къ этому-же разряду слово *ѡжнѣчюгъ* 139, по всей вѣроятности, должно быть признано сюда не относящимся, а имѣющимъ этимологич. ѡ; слово это заимствовано изъ восточныхъ языковъ (Miklos. Lex. Palaeosl., Etymol. Wörterb.), и форма восточнаго (турецкаго) слова *indzi* своимъ звукомъ *ѡ* скорѣе указываетъ на ѡ, чѣмъ на *ѡ*, какъ на первичн. звукъ славянскаго слова. Востоковъ въ своемъ словарѣ ставитъ въ красной строкѣ нашу форму (съ ѡ),

1) V. Jagić, Grškovićev odlomak glagolskoga apostola, u Zagrebu 1893, стр. 16.

2) Славянскія апокрифическія евангелія (Москва, 1895), стр. 106 (въ приложеніи).

а Срезневскій въ «Матеріалахъ», хотя и ставитъ впереди форму съ *e*, приводитъ, однако, изъ болѣе древнихъ памятниковъ форму съ *ъ*: *жънчююъ* на крест. кн. Ефр. Пол. 1161 г., *жънчююъ* Никон. Панд., *жънчююмь* Прол. севт. XIII в. Что касается второго *ъ* (послѣ *н*), то оно, вѣроятно, не этимологическаго происхожденія¹⁾.

Во-вторыхъ *ь* вм. *е* является въ нѣкоторыхъ именныхъ и глагольныхъ суффиксахъ, частію подъ вліяніемъ извѣстныхъ аналогій, частію въ качествахъ старыхъ, хотя и неясныхъ, вариантовъ: 1) съ деема *кнѣзьма* 72 (твор. двойств.), гдѣ можетъ сказываться вліяніе съ одной стороны формы твор. ед. ч., съ другой основъ на *ѣ*, которыя, какъ мы видѣли, почти правильно соблюдаютъ *ь* въ 1-омъ и 2-мъ поч.; 2) род. множ. *коравльь* 137, гдѣ *ь* можно объяснить графически вліяніемъ побочныхъ формъ **коравль* (осн. на *j+o*) и **коравльи* изъ **коравли* (осн. на *ѣ*); 3) *мъшлльшъта* 129. 5 (единственная форма 3 л. двойств. ч. стараго имперфекта, встрѣчающаяся въ разсказѣ о греческихъ событіяхъ), гдѣ *ь* подтверждается рядомъ другихъ сѣверно-русскихъ памятниковъ XIII—XIV в., имѣющихъ въ 3 и 2 л. дв. и 2 мн. ч. -*шьта*, -*шьтѣ*, -*шта*, -*штѣ*, и формами на *štaj*, *štej*, *šće*, *ščo* въ лужицкихъ языкахъ²⁾.

Въ третьихъ есть случаи *ъ*, повидимому, вмѣсто *e*, какъ результатъ его сокращенія, но собственно представляющіе старые варианты, восходящіе,

1) Я долженъ поблагодарить всегда готоваго П. К. Симоны за помощь, оказанную мнѣ при справкахъ въ словаряхъ.

2) А. И. Соболевскій, Лекціи по истор. рус. яз., изд. 1888 г., стр. 115. Хотя появленіе ирраціональныхъ гласныхъ вмѣсто чистыхъ въ концѣ основъ спрягаемыхъ формъ вообще необычно, но отношеніе -*ет-* къ -*ьт-*, въ которыхъ здѣсь является сочетаніе конечн. гласн. основы имперфекта съ личн. суффиксомъ, напоминаетъ отношеніе суф. -*ет-* къ суф. -*ьт-*, суф. -*от-* къ -*ьт-* въ именныхъ и глагольныхъ образованияхъ: сравн. ст. слов. трип-*ет-ъ*, свеп-*ет-а-ти* съ *мъч-ьт-*, *скръж-ьт-* и т. п., трѣск-*ет-ъ* или малорус. (у Бойковъ) *ronimъ* (Потѣбня, О звук. особ. рус. нарѣчій, Фил. Зап. 1865 г., стр. 156) съ *ръп-ьт-ъ*, *търп-ьт-ъ* и т. п. (Miklosich, Vergl. Gram. II, стр. 188). Нѣчто подобное, можетъ быть, и въ ф. 1 л. ед. ч. аор. *пръврѣтъхъ* Зограф. Еванг. (Мате. XXV. 20. 61^b, V. Jagić, Studien . . . , 120), т. е. «соединит.» гласн. *ъ* вм. *е*; но вслѣдствіе единичности позволительно видѣть здѣсь опіску; Видеманъ (Beiträge zur altbulg. Conjugation, 104) читаетъ *пръврѣтѣхъ*, хотя именно для его объясненія аор. формы на -*оухъ* изъ -*эхъ* (присоедин. оконч. *хъ* къ оконч. *ъ* простого аор., ib. 110) ф. -*эхъ* была бы важна. Что касается «соединительнаго» гласнаго, то онъ восходитъ къ индо-европейскому *слоговому* ирраціон. гласн. и въ общеслов. = *o* (Лекціи проф. Ф. Ф. Фортунатова); *неслогов.* иррац. гласн. общеиндоевроп. происхожденія, переходившій въ общеслов. яз. въ видѣ слогов. (*ъ* или *ь*) иррац. гласн., былъ извѣстенъ лишь въ сочетаніи съ плавными и носовыми, а потому *пръврѣтъхъ* могло бы быть лишь опіскою (м. б. передѣлкою изъ *пръврѣтѣхъ*). Въ формахъ имперфекта на -*шта* и -*шьта* зв. *e* и *ъ* должны восходить къ чистымъ *e* и *ъ*.

если не къ общиндоевропейской, то по крайней мѣрѣ къ общесловянской эпохѣ, какъ показываютъ факты различныхъ словянскихъ нарѣчій. Къ числу такихъ относятся нѣкоторыя формы глагола *жечи*—*жечь*—ст. слов. *жешти*: рус. литер. *жгу*, *жгучій*, *обожжѣн(ъ)* (діалектич. произносится въ Великороссіи: *обожжѣн-*, *обожжѣн-* Корчев. Тверск.; въ послѣднемъ *г* восстановлено изъ ф. наст. врем. ед. ч. *жгу*) и т. п., въ которыхъ между *ж* и *г* предполагается исчезновеніе *ь*, находямаго въ русскихъ памятникахъ, начиная съ XI-го в.; напр. въ одномъ русск. спискѣ Псалтыри XI в. въ «Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ» . . . И. И. Срезневскаго XLII стр. 43: *раждьжена* въ томъ же псалмѣ 17, стихѣ 31, гдѣ Синайскій глаголическій текстъ имѣетъ *раж[ѣ]дежена*¹⁾, т. е. форму съ гласн. *е*; въ Прологѣ Хлудовск. 1262 г. № 187 *съжьженъ* 34⁶. Въ чешскомъ: *žhu*, *žhoucí*, *žhavý*, *žhác* и т. п. (словарь Шумавскаго-Ранка), *zežže* Псалт. Виттенберг., *knihy sežžhli fu* Библ. Оломуцк. 1417 г., *zežhugi* (т. е. *zežhujì*) въ Еванг. текст. XIV—XV в.²⁾, 3 л. множ. аор. *zažhí* Александр. J. Нг.³⁾. Въ польск.: *żgać*, *żgnąć* (Бартошевичъ); ст. польск. *zažze* Псалт. Флор. и Пулав., *zežže* Пс. Флор., Пулав., Библ. Шарошпат., *żze* Пс. Флор. (но *zeze* Библ. Шарошпат.), прич. настоящ. *żgóć* Библ. Шар.⁴⁾ Въ словѣнскомъ *žgati*, *žgēt* «*жгу*», *žgèć* «*бrennend, heiss*», *žgānje* «*das Brennen, das Branntwein*» (словарь М. Плетершника); серб. *жганица* («препеченица»), *жганица* «*rolentae genus*» (словарь В. Караджича). Въ старослов. діалектич.: ф. наст. вр. 2 и 3 л. ед. ч.: *въжьжешн* Супрасл., *съжьжетъ* Савин.; аорист. ф. 3 л. ед. ч. *зажьже* Мар. Ев. л. 28^a. 4—5 (при переносѣ, изд. И. В. Ягича стр. 78—79); то же въ Остром. Ев. л. 81⁶ *не* при переносѣ; въ Ассеман. Ев. въ этомъ мѣстѣ, т. е. Матѣ. XXII, 7, также *зажьже*⁵⁾, но, къ сожалѣнію, ни по издавію Рачкаго 1865 г., ни по изд. Черничча 1878 г. нельзя опредѣлить, нѣтъ ли и здѣсь переноса; въ Зограф. *зажеже* (мѣсто это приходится на листы, вставленные и написанные позднѣе); старослов. ф. причаст. прош. страд. *въжьженъ*, *раждьженъ*, *съжьжена* Супрасл. при *жеженаго* *ib.* (Wiedemann, 138); въ виду существованія діалектически формъ съ *ь* (=ъ) въ настоящ.

¹⁾ Л. 39, стр. 31 изданія Гейтлера 1883 г. (u Zagrebu).

²⁾ J. Gebauer, *Historická mluvnice*, D. I, 181.

³⁾ *Zbytky rýmovaných Alexandreid staročeských*. vyd. M. Hattala a Ad. Patera, D. I, 67 (сп. Индрихоградецк., л. 4^b).

⁴⁾ A. Kalina, *Historja języka polskiego*, Lwów 1883, стр. 408, 455; см. также повел. *zažzy* Пс. Флор. *ib.* 435.

⁵⁾ Wiedemann Oskar, *Beiträge zur altbulgarischen Conjugation*, 87.

врем., аористѣ и причастіи прошедш. вр. страд. зал. въ старословянскомъ можно думать, что и такія формы, какъ приведенное выше *раждѣжена* въ церковнослов. памятникѣ русскаго письма, относятся не только къ русскому, но и къ старослов. языку. Въ Синодальномъ сп. Новгород. лѣтоп. мы находимъ *ѣ* въ слѣдующихъ примѣрахъ: аор. *пожѣже* 25, 67, 84, 89, *пожѣго(ста)* 68, *-(ша)* 64, 70, 86, 99, 101, 120, *-ѣ|-ша* 101. 4-5, *зажѣже* 49, 106, прич. прош. стр. *зажѣжена* 87, 102, прич. прош. дѣйств. *пожѣгъше* 70, 89, также вѣроятно, прич. наст. дѣйств. въ выраженіи: *искра гоуце* 46. 13 в. **жѣгоуце*—въ 1-омъ поч.; аор. *пожѣ-же* 229. 6-7 (при переносѣ), *зажѣже* 150, *(по)жѣ-гоша* 136. 15-16, *(за)жѣ|-* 148. 9-10, *(по)-* 168. 1, прич. страд. прош. *пожѣженѣ* 131, сущ. отглагольн. *зажѣжени(к)* 132, *-(ѣ)* 137, прич. прош. дѣйств. *зажѣгъше* 136 — во 2-омъ поч.; съ пропускомъ *ѣ* слѣдующіе: *пожгоша* 155, *зажгоша* 220, *ижгоша* 204, 226, *съжгоша* 205 — во 2-мъ поч. и *пожже* 238, *пожгоша* 311, 312, 315, 320, 328, *зажгоша* 246 — въ 3-мъ поч.; въ 3-мъ поч. встрѣчаются примѣры исключительно безъ *ѣ*, что повнятно изъ предыдущаго изложенія судьбы первоначальнаго *ѣ* въ 3-мъ поч., а возможность пропуска въ «неслоговомъ» положеніи во 2-мъ поч. также понятна, при чемъ, конечно, какъ было сказано выше, сама по себѣ она еще не можетъ свидѣтельствовать объ утратѣ мягкости звука *жс*, хотя косвенное указаніе на то, что пропускъ *ѣ* въ формахъ *пожгоша* и т. п. во 2-мъ поч. могъ находиться въ связи съ нѣкоторой долей утраты мягкости *ж* передъ слѣдующимъ твердымъ слогомъ, можно видѣть въ томъ, что во 2-мъ поч. *ѣ* пропускается лишь передъ слогомъ *-го-*, но не передъ мягкимъ слог. *-же-* (впрочемъ это послѣднее можетъ имѣть другое объясненіе, а именно въ томъ, что между двумя длительными *ѣ* былъ звукомъ болѣе долгимъ и болѣе близкимъ къ слоговому, чѣмъ между длительн. *жс* и мгновеннымъ *ѣ*); сохраненіе же *ѣ* въ 1-мъ поч. во всѣхъ формахъ довольно ясно, по моему мнѣнію, указываетъ на сохраненіе глухого звука въ положеніи между согласными, изъ которыхъ одинъ или оба суть длительные, въ качествѣ, вѣроятно, неполно-слового звука. При всѣхъ этихъ примѣрахъ съ корен. гласн. *ѣ* находимъ въ тѣхъ же формахъ въ большинствѣ говоровъ старословянскихъ (какъ показываетъ по крайней мѣрѣ, можетъ быть, и случайное большинство памятниковъ) и говорахъ болгарскихъ и сербскихъ видъ корня съ гласнымъ *е*: въ Син. Пс. (по издан. Гейтлера) 3 л. ед. ч. *съжежетъ* псал. 45, ст. 10, *раждежетъ* пс. 77, 38, 78, 5, Зограф. Мар. Ассеман. Еванг. *съжежетъ*, 3 л. ед. аор. Син. Псал. *раждеже* 16, 3, 60, 10, прич.

прош. страд. раждежено Пс. 11, 7 и мног. др. (факты изъ разныхъ памятниковъ приведены Оск. Видеманомъ въ соч. «Beiträge zur altbulgarischen Conjugation», стр. 59—60, 87), болгар. 1 л. ед. ч. наст. вр. *жежѣ*, *жежѣ* (словарь А. Л. Дювернуа), серб. 1 л. ед. ч. наст. *жежѣм* (словарь В. С. Караджича). Такимъ образомъ, по отношенію къ виду корня гл. *жешти* словянскія нарѣчія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: съ одной стороны группы сѣверо-западныхъ вмѣстѣ съ русской и словѣнской и съ такими говорами старословянскими, какіе проявляются въ языкѣ Саввиной книги и Супрасл. сборника, съ другой группы сербская, болгарская и говоры старословянскіе, проявляющіеся въ остальныхъ «паннонскихъ» памятникахъ (серб. отглагол. существ. *жеганица*, сближающее сербское со словѣнскимъ, не мѣшаетъ этому дѣленію, такъ какъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о формахъ настоящ. врем., аор. и прич. прош. страд., между тѣмъ какъ приведенное существительное есть производное отъ производной гл. основы съ суф. *а* — **жга-*, которая относится къ *жег-*, какъ *жрати* къ *верж*, и встрѣчается въ онежск. *жгати* и бѣлорус. *жаць*, см. слов. Подвысоцкаго и Носовича). Но есть случай, гдѣ пишутъ *ь* и *тѣ* старословянскіе памятники, которые въ другихъ формахъ пишутъ только *ѣ*; это, какъ извѣстно, форма повелительная (напр. въ Синайск. Пс. *раждѣзи* Псал. XXV. 2)¹⁾, въ которой *ь* свойственно и глаголамъ, въ другихъ формахъ, кажется, нигдѣ въ области словянскихъ нарѣчій не знающимъ *ь* вм. *ѣ*, а именно: при повел. *пѣци*, *тѣци* намъ извѣстны лишь *печеши*, *течеши*, *пече*, *тече* и т. д.

Все приведенное говоритъ о существованіи въ говорахъ общесловянскаго языка въ извѣстныхъ глаголахъ двухъ видовъ корня: 1) съ гласнымъ *е* и 2) съ гласнымъ *ѣ*, при чемъ во-первыхъ надо замѣтить, что *ѣ* являлось первоначально при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, вѣроятно, въ слогѣ безъ ударенія передъ слѣдующ. слогомъ ударяемымъ съ извѣстнымъ качествомъ долготы, а затѣмъ могло распространяться по аналогіи и на другія формы, гдѣ фонетическія условія первоначально содѣйствовали удержанію болѣе сильнаго вида корня, во-вторыхъ, что качество коренного согласнаго (длительнаго или мгновеннаго) могло оказывать вліяніе на большую или меньшую распространенность того или другого вида, чѣмъ, можетъ быть, объясняется то, что въ глаг. *пешти*, *тешти* видъ съ *ь* ограниченъ формой повелит. въ противоположность глаг. *жешти* — *жечь*. Теперь

¹⁾ Гейтлеръ. Psalterium . . . , стр. 49.

обратимъ вниманіе на фонетич. условія тѣхъ формъ, гдѣ преимущественно является *ь*: если возьмемъ наиболѣе обще-распространенный случай — формы повел. ст. слов. *жъси, пьци, тьци*, то здѣсь *ь* является въ неудар. слогѣ передъ слогомъ съ и изъ обще-слов. дифтонга *ie* съ «прерывистой» долготой¹⁾, явившагося изъ первонач. *oi* такого-же качества, какъ и въ ф. имен. множ. *въци* и т. п.; если же возьмемъ формы наст. вр., то здѣсь въ слѣдующ. за *ь* слогѣ являлся въ ф. 1 л. ед. гласный съ «длительной» долготой¹⁾, а въ ф. 2 и 3 л. ед. гласн. кратк., становившійся долгимъ, вѣроятно, лишь въ отдѣльныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ, или подъ вліяніемъ ф. 1 л. ед. ч. или, вѣрнѣе, по аналогіи глаголовъ непервообразныхъ, въ которыхъ долгота объясняется стяженіемъ характернаго глагольнаго гласнаго съ гласнымъ *e* темы настоящ. врем. (напр. въ серб. *плѣтѣи, плѣтѣ*²⁾) по аналогіи *носіїш, носіи* и т. п., между тѣмъ какъ въ чешск. остается краткое *e: plete* и т. п., при чемъ и *и* формы 1-го л. ед. ч. издавна было кратко: *pletu*, въ

¹⁾ Термины эти и объясненіе происхожденія общеслов. *i'* въ извѣстныхъ формахъ принадлежатъ проф. Ф. Ф. Фортунатову, по мнѣнію котораго «прерывистая» долгота литовско-словянская «получалась не только изъ индоевропейской прерывистой, но также при извѣстномъ условіи и изъ индоевропейской длительной долготы», а, кромѣ того, въ дифтонгахъ и дифтонгическихъ сочетаніяхъ «съ краткою неслоговою частью» (т. е. *i, u, r, l, n, m*), тогда какъ въ дифтонгахъ и дифтонгич. сочетаніяхъ «съ не краткою неслоговою частью» получалась длительная долгота (см. статью «Удареніе въ прусскомъ языкѣ» въ Русск. Фил. Вѣстн. 1895, ст. 293). Терминъ «прерывистость» акустически объясняется такъ, что долгій звукъ какъ бы *прерывается* и затѣмъ протягивается снова (аналогію можно видѣть въ сербскомъ долгомъ нисходящемъ удареніи) въ противоположность непрерывной *длительности* другого вида долготы (аналогичной сербской долготѣ при восходящемъ удареніи). Въ формѣ 1 л. ед. ч. наст. врем. ст. сл. *вѣрж, жѣж, вѣж, неж* и т. п. проф. Фортунатовъ предполагаетъ въ оконч. первонач. дифтонг. сочетаніе *ā + долг. n*, которое и дало носов. гласн. съ длительной долготой, при чемъ указаніе на это онъ видитъ и въ перенесеніи ударенія съ краткаго гласн. основы на *ж* (сравн. греч. *φέρω* съ рус. берѣ) (см. «спряженіе глагола въ индоевроп. языкахъ», лекціи, читан. въ 1885/6 г. проф. Ф. Ф. Фортунатовымъ, стр. 90—92; за сообщеніе мнѣ этого литограф. курса приношу благодарность Я. А. Денисову). Согласіе въ удареніи рус. *моцѣ, несѣ, плетѣ, жѣ* не только съ серб. *моу, несѣм, плѣтѣм, жѣжѣм*, болгар. *плѣтѣ, жѣжѣ*, но и литовскимъ *neszi, wedi* при неопредѣл. *neszi, wedi* (Kurschat, Wörterbuch d. lit. Spr.) = рус. *нести, вести*, говоритъ въ пользу переноса ударенія еще въ литовско-словянскую эпоху, при чемъ въ литовскомъ правильно являлось нисходящее удареніе на слогѣ, имѣвшемъ нѣкогда длительн. долготу (Рус. Фил. Вѣстн. 1895 г., стр. 296), а вслѣдствіе сокращенія конечныхъ гласныхъ являлось на *и* въ ф. 1 л. ед. ч. наст. вр. именно', а не', т. е. краткое нисходящее, а не долгое. Что касается серб. *бѣрѣм* (В. К.), болгар. *бѣрж, мож* (Дювернуа), то едва ли не слѣдуетъ въ этихъ словахъ видѣть вторичную оттяжку подъ вліяніемъ формъ 2 и 3 л. ед. ч. прежде, чѣмъ и послѣднія успѣли перенести удареніе на суффиксъ подъ вліяніемъ формы 1 л. ед. ч.

²⁾ По примѣру проф. Р. Ф. Брандта я Вуковъ знакъ *˘* тамъ, гдѣ онъ означаетъ одну лишь долготу безъ ударенія, замѣняю знакомъ —.

отличіе отъ *й*, откуда новочеш. *ou* (*pletou*), 3-го л. мн. ч., что согласно съ отношеніемъ польск. *-ę* въ 1 л. ед. къ *ą* въ 3 л. мн. и указываетъ на сокращеніе старой длит. долготы въ конечномъ слогѣ едва ли не въ общесловянскую¹⁾ эпоху, если признать, что серб. *плѣтѣм* не унаслѣдовало старую долготу длит., а получило по аналогіи непервообразныхъ глаголовъ съ характеромъ *i*, какъ *носѣм*, новую прерывистую такъ-же, какъ это я сказалъ о формахъ 2-го и 3-го л.); можетъ быть, случайно въ древнѣйшихъ памятникахъ встрѣчаются лишь формы 2-го и 3-го л. ед. ч. съ глухимъ гласнымъ, такъ какъ форма 1-го л. вообще встрѣчается рѣдко; но въ виду уже большей общераспространенности *ь* въ формѣ повелительной можно предполагать, что оно обуславливалось первоначально именно «прерывистой» долготой слѣдующаго слога, хотя, кажется, нѣтъ основанія утверждать, чтобы послѣдняя удерживалась въ конечномъ открытомъ слогѣ долге, чѣмъ долгота «длительная», сократившаяся здѣсь еще въ общелитовско-словянскую эпоху; впрочемъ, сокращеніе корен. *e* въ *ь* могло прозойти сначала въ формахъ 1 и 2 л. множ. ч., гдѣ слѣдующій слогъ былъ неконечнымъ, а потому не измѣнялъ *ь* (т. е. *ie*) въ *i*, а затѣмъ уже переносится въ ф. един. ч. Какъ бы ни было, ясно одно, что сокращеніе коренного гласн. могло явиться первоначально лишь въ тѣхъ формахъ, которыя имѣли удареніе на суффиксѣ, а затѣмъ въ другія переносилось *ь* по аналогіи въ ту эпоху, когда совершилось полное совпаденіе этого *ь* съ тѣмъ *ь*, которое восходило къ первоначальному *ı*, являвшемуся не только безъ ударенія, но и подъ удареніемъ. Такимъ образомъ, болѣе позднимъ, мнѣ кажется, необходимо признать *ь* въ формахъ 2-го и 3-го л. аориста *зажьже*, *пожьже* и т. п., потому что, какъ указываютъ сербскія штокавскія формы *плѣте*, *врѣбе*, *пѣче* и т. п. при *плѣтох* — *плѣтосмо* — *плѣтоше*, *врѣбох* . . . , *пѣкох* (Даничичъ, Новаковичъ, Флоринскій и др.), а въ нѣкоторыхъ глаголахъ (J. Verlić, Grammatik der illir. Sprache, Agram, 1850, § 171) и *лѣго* (х) — *лѣже* при *лѣгосмо* — *лѣгосше* (въ говорѣ получакавскомъ по ударенію), удареніе въ 2 и 3 л. ед. ч., а иногда и въ 1 л. ед. ч. аориста въ противоположность формамъ множественнаго ч. падало на коренной слогъ; вслѣдствіе этого весьма вѣроятно, что *ь* здѣсь раньше являлось въ ф. **зажьгошл* и т. п., а затѣмъ переносилось и въ ф. един. ч. Что касается формъ прич. прош. дѣйств. и

¹⁾ Литовск. *neszū*, какъ мы видѣли, указываетъ на сокращеніе въ эпоху еще болѣе древнюю.

страд., то здѣсь удареніе, кажется, падало первоначально на суф. (хотя могла быть разнища въ формахъ различныхъ падежей), какъ показываютъ серб. дѣепричастія *плѣтāvши*, *пѣкāvши* и т. п. (Даничичъ, Облици српск. језика, 66—67), прич. страд. *плѣтен* — *плѣтена* (рус. плетѣн — плетѣна) и т. п.; весьма возможно, что нынѣшнее русское литерат. удареніе *зажѣлиши* первоначально, и что здѣсь *e* замѣняетъ *ь*, образовавшееся еще въ прарусскомъ языкѣ, когда удареніе падало на суффиксъ; что еще въ эпоху написанія нашего памятника въ нѣкоторыхъ говорахъ сѣверно-русскихъ существовало здѣсь насуффиксное удареніе, могутъ свидѣтельствовать косвенно такіе факты, какъ указанное выше *вѣвѣргошк* 220 вм. *вѣвѣргъшк*, хотя замѣна *ь* черезъ *o* въ «слоговомъ» положеніи могла происходить и *не подъ удареніемъ*; но съ другой стороны, если предположить, что удареніе стояло первоначально именно на суф. -ѣ-, то въ ту эпоху, когда началъ дѣйствовать законъ о «неслоговыхъ» *ь* и *ь*, этотъ суффиксъ, теряя передъ слѣдующимъ слогомъ съ чистымъ гласнымъ слоговой характеръ, естественно не могъ болѣе удерживать на себѣ ударенія, которое, такимъ образомъ, переходило или на предшествующій слогъ, т. е. или коренной (въ глаголахъ первообразныхъ) или тематическій (въ глаголахъ непервообразныхъ), или на слѣдующій слогъ, принадлежавшій падежному суффиксу; хотя литов. *sūkus* и т. д. (Куршаты)¹⁾ говоритъ, напротивъ, въ пользу накоренного ударенія, но за суффиксальное говоритъ греч. εἰδώς — εἰδύλα, βεβουλεύως — βεβουλεύηλα; рѣшать окончательно этого вопроса я не берусь, но если будетъ доказано, что штокавско-сербское удареніе формъ *плѣтāvши*, *пѣкāvши*, восходящихъ къ формамъ *плѣтāvши*, *пѣкāvши*, принявшимъ *o* неорганически по аналогіи глаголовъ съ темой на гласный звукъ, слѣдовательно замѣнившимъ болѣе древнія **плѣтъши*, **пѣкъши* (я означая отвѣсной чертой удареніе этихъ праформъ, характеръ котораго ближе опредѣлить не могу), первоначально, а замѣнило болѣе древнее **плѣтāvши* = **плѣтъши*, то придется признать, что *ь* въ (за)жѣлѣше явилось нефонетически подъ вліяніемъ другихъ формъ. Но замѣчательно, что во всѣхъ словянскихъ нарѣчійхъ сохранились формы съ корен. *ь* изъ *e* причастій прош. на -ши- и *лъ* еще одного глагола, утратившаго формы наст., аориста и неопред. наклон.: я разумѣю ст. слов. *шъдъ-*, *шълъ* и т. п., если вѣрно, что здѣсь *ь* изъ *e* (Miklos., Vrgl.

¹⁾ Grammatik der littauischen Sprache (Halle 1876), стр. 344 (§ 1266).

Gr. I, 27), при чемъ насуффиксальность ударенія причастій на *-лз* достаточно ясна изъ формъ жен., сред. р. и множ. ч.

Въ указанныхъ глагольныхъ корняхъ *ь* могло явиться въ общесловянскую еще эпоху не только чисто фонетическимъ путемъ, но и подъ вліяніемъ унаслѣдованнаго уже изъ обще-индоевропейской эпохи чередованія вида съ ирраціон. гласн. и вида съ гласн. *e* въ корняхъ, имѣвшихъ согласн. плавный; это общеслов. *ь* въ корняхъ съ согласн. плавнымъ, какъ въ *рък-* при *рек-*, восходитъ къ ирраціональному неслоговому гласному, извѣстному въ общеиндоевропейскую эпоху лишь въ сочетаніяхъ съ плавными и носовыми¹⁾; послѣднее слѣдуетъ изъ того, что другіе индоевропейскіе языки не представляютъ намъ примѣровъ, которые бы указывали на существованіе такого гласнаго не при плавныхъ или носовыхъ, хотя я долженъ сознаться, что для меня неясно, почему Ф. Θ. не хочетъ признать указанія на него, напр., въ такихъ примѣрахъ греческаго яз., какъ аористы *ἐπτόμην, ἐσπόμεν* при настоящ. *πέτομαι, ἐπομαι*, или древнеинд. *smás* и т. п. при *ásmi*, лат. *sum* при *est* и т. д.²⁾ Чтò касается *ь* послѣ плавныхъ, то таковы случаи въ ст. слов. причаст. страдат. *нѣпрѣрьдѣомъ* (Сб. 1073 г.), повелит. ф. *рьци* и т. п.; въ связи съ формами, имѣвшими *ь* изъ ирраціональнаго гласнаго, находятся и формы глаголовъ интенсивныхъ съ гласнымъ *i* рядомъ съ формами, имѣющими *ѣ*, отъ тѣхъ-же глагольныхъ корней: **на-рицати* и т. п. при —**ръкати*, **съплитати*, напр. въ Супрасл. 109. 8 (по изданію Миклошича) ф. прич. наст. страд. *съплитакмъ*, при *-*плѣтати* и т. п. Но изъ древнѣйшихъ старослов. памятниковъ мнѣ неизвѣстны формы наст. вр. изъявит. наклон. **ръкж* —**ръчешн* или причаст. настоящ. **ръкы*, а лишь *рек-*, *реч-* и только въ повелит. ф. *рьци* —*рьцѣте* и т. д.; такое-же отношеніе двухъ видовъ этого корня могло быть и въ другихъ нарѣчіяхъ южнославянской группы, но довольно рано видъ съ полнымъ гласнымъ, вслѣдствіе господства его искони

¹⁾ См. у Ф. Θ. Фортунатова въ статьѣ «Phonetische Bemerkungen veranlasst durch Miklosich's Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen», Archiv für slavische Philologie, V. XI, стр. 569—570, также въ «Лекціяхъ по церковно-славянскому языку» 1884—1885 ак. г., стр. 34, 49.

²⁾ Во всѣхъ этихъ случаяхъ почему-то всѣ лингвисты (Бругманъ, Соссюръ, Густ. Мейеръ) видятъ лишь исчезновеніе коренного гласнаго, являшагося въ извѣстныхъ формахъ безъ ударенія; но какимъ образомъ могло произойти исчезновеніе, минуя ступень ирраціональнаго неслогового звука? Срв. также объ указанныхъ мною славянскихъ формахъ *жьж-*, *пъци*, *тъци*, *шъдъ* (при *хъд-*) въ соч. Г. Ульянова («Основы настоящаго врем. въ старо-слав. и литовск. яз.», стр. 29), который также затрудняется ихъ объяснить, хотя указываетъ нѣкоторыя параллели въ лит. и греч. (*kibù* при *kabù*, *πίτνημι* при *πετάνημι*...).

въ большинствѣ формъ, одержалъ верхъ и въ повелительн.: болгар. повел. *речѣ*, напр., въ выраженіи *токо речѣ* и одно въ качествѣ вводнаго слова (словарь А. Л. Дювернуа), какъ и *печѣ* (Лекціи по слав. языкознан. Т. Флоринскаго, ч. I, 149), серб. *пѣчи* (*ibid.*, 337), *reci* (уже у Марулича, см. Гр. Воскресенскаго, Слав. христом., вып. II, 110), словѣн. *рѣси рѣсито*... (Лекціи... Т. Флоринскаго, ч. 1-я, 486), *recimo* (*Slovensko-nemški slovar* М. Pleteršnika, s. v. *réci*). Между тѣмъ русскій языкъ (пока еще трудно рѣшить, во всѣхъ ли говорахъ), начиная приблизительно съ XIV-го вѣка, чешскій и польскій съ древнѣйшихъ временъ письменности указываютъ на видъ съ ирраціон. гласнымъ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ старословянскіе памятники единогласно пишутъ *ѣ*, а именно въ причаст. наст. дѣйствит. и страд., въ настоящ. вр. изъяв., въ причаст. страд. прошедш. или производн. отъ него существительномъ, въ глаг. образован. съ помощію приставки *нж* = чеш. *nĕ*, *nou* и т. п. Въ ст. чеш. повел. *rei*¹⁾, наст. вр. изъяв. *řku*²⁾, неопредѣл. съ суф. *nou* — *uřknouti* (Gebauer, *Hist. mluvn.*, I d., 83), причаст. наст. вр. изъяв. *řka* (въ рукоп. *řca* Buděj.-mus., стихъ 79, изд. Гатталы и Патеры 1881 г., стр. 83), *a řkúc, a řka* въ жит. Св. Катерины (*Wybor z liter. české*, стр. 289, 293, 294), существит. отглагол. *nařcenie* въ грам. 1384 г. (*Wybor... 1009*) при ф. причаст. страд. *řecenú, řeceněmi, řecenú* въ грам. 1380 г. (*ib. 1007—1009*). Въ ст. польскомъ эти формы рѣже, такъ что онѣ ограничиваются, кажется, только причастіемъ (дѣе—) наст. вр. дѣйств. и причаст. наст. страд.: *arzkos Żyw. Wł. 193, rzkos Chw. 1,103* (хроника 1549 г.) и у Секлюціана въ издан. Нов. Завѣта 1551 г. при *rzkos* въ Библ. Шарошп. (нѣск. разъ: 5, а, 16, b...) половины XV-го в., *rzkoto* въ Апокалипс. 1565 г., *wrzkoto* у Горницкаго отъ 1566 г., но *rzkoto* въ переводѣ Лорихіуса 1558 г.³⁾; въ формахъ же наст. времени изъявит. и даже въ формѣ повелительной, въ противоположность старословянскому, чешскому и, м. б., древнерусскому, извѣстенъ лишь видъ съ гласнымъ *е*: 1 л. ед. ч. наст. вр. *rzeko* Ps. Флор., Библ. Шарошпат., Секлюц. и мн. друг., 2 л. множ. ч. наст. *rzeszesie* Апокалипс. 1565 г., 3 л. множ. ч. *rzeқа* Ps. Флор., *rzeки* Библ. Шар. и др.⁴⁾, повел. *rzeszy* Ps.

¹⁾ Напр. въ Александр. 1 л. множ. *Reziemes* = *rcemež* (*zbyt. Bud. Mus. 1^a, 17*, изд. Гатталы и Патеры 1881 г., стр. 81).

²⁾ *Ibid. 2a*, стих. 99, стр. 83 (3 л. мн.).

³⁾ Ant. Kalina, *Histor. języka polsk.*, Т. р., стр. 455, 460. И до сихъ поръ *wrzkoto* (словарь Бартошевича).

⁴⁾ *Ibid. 393, 423, 426.*

Флор., Библ. Шар., Мол. Вацлава и др., *rzecz* Пс. Флор., Пулав. и печати. 1558 г.¹⁾ Др. русск.: причаст. наст. *ръка* Лаврент. лѣт. 16^a (подъ 885 г.), *рка* Двин. рядн. (Смирновъ, Сборн. др. рус. пам. . . , № 78), *а ркуи* въ «Словѣ о полку Игоревѣ» и друг., наст. сов. в. *взрѣчься* Рус. Пр. (Рус. Дост. I, 44), аор. 3 л. ед. ч. *рче* Двин. рядн. (См. Сб.) (срв. Лекціи Соболевскаго, изд. 1888 г., стр. 78); въ Синодальной рукописи Новгород. лѣт., хотя и встрѣчается повел. ф. *рчи* 1. 10 въ 1-мъ поч., въ причастіи настоящ. вр. во всѣхъ трехъ поч. правильно употребляется видъ съ гласн. *е*: въ 1-мъ поч. *рекоуце* 68, во 2-мъ поч.: *река* 156, 209, 218, *река* 143. 10-11 (перен.), 193, 208, *рекоуче* 133, 193, 208, 211, 212, *рекоуце* 194, въ 3-мъ поч.: *река* 268, 273, 296, 297, 299, 320 и *рекуце* 274; только на одномъ изъ послѣднихъ листовъ, написанныхъ иными почерками, попадаетъ 1 разъ *ркуче* 336; не встрѣчается у насъ и аорист. формъ отъ слабаго вида корня.

Въ 4-хъ встрѣчается еще болѣе новый случай сокращенія *е* въ *ь*, хотя опять общій русскимъ говорамъ съ западно-и южно-славянскими, въ числит. *дѣса-ть* (род. множ.) 64.17—18 (въ *полоушеста—шнекъ*), 96.8 (полъ пата *дѣсатъ* лѣ.) въ 1-омъ поч. Сокращеніе это, обусловленное, несомнѣнно, неударяемостью и приведшее къ новорусскимъ формамъ *двѣдцать*, *двѣнадцатъ* (въ литерат. правописаніи, но фонетически, конечно, еще болѣе измѣнившимся, различно въ различныхъ говорахъ), имѣетъ наибольшую параллель въ языкѣ чешскомъ, въ которомъ, какъ и болгарскомъ и словѣнскомъ, это явленіе идетъ однако еще дальше, такъ какъ сокращается въ нѣкоторыхъ формахъ и второе *е* (изъ *ъ*): не только *dwanadzcziete* Pass. 164 (рукоп. XIV в., *cz* чит. за *c*), нов. *dvadeceti*, но и *cztrnadste*, *patnadczet*, *dwiemanaft* и т. п. уже въ рукописяхъ XIV-го столѣт.²⁾ ново-чешское *jedenáct*, *dvanáct* (ibid.); такое исчезновеніе обоихъ *е* предполагаетъ, конечно, сначала сокращеніе каждаго изъ нихъ въ иррац. звукъ, который болѣею частію въ латинской графикѣ совсѣмъ не выражался, лишь изрѣдка выражаясь посред. *е* или *i*, примѣры чего мы приводили выше, разбирая судьбу старыхъ глухихъ; въ соврем. великорус. *однѣнѣцѣтъ*³⁾

¹⁾ Ibid. 435, 440.

²⁾ J. Gebauer, Histor. mluvnice, d. I, стр. 151. Тоже ослабленіе въ болгарскомъ и словѣнскомъ, при чемъ здѣсь, какъ и въ сербской, кажется, обще-южнославянское исчезновеніе *d*: болг. *dvanáct* при *dvanácese* (серб. *dvanáct*), *dváctse* (серб. *dvádeset*), словѣн. *dvanájt*, *trinájt*, *dvájtset* (но *trídeset*, какъ и въ серб., въ противоположность болгарскому *trpáctse*) (Лекціи по слав. языкознанію Т. Флоринскаго, ч. 1, стр. 120, 312, 470, словарь Плетершника s. v.).

(т. е. *одиннадцать*) первый глухой, происшедшій изъ *e* послѣ *d*, исчезъ, а второй (изъ *я=а*) еще сохраняется въ качествѣ по крайней мѣрѣ полуслогового звука, и я сомнѣваюсь, не слышится ли подобный глухой звукъ между *s* и *t* и въ новочешскихъ говорахъ (иначе едва ли могла бы удержаться группа *ct*, не подвергаясь дальнѣйшему измѣненію, подобному тому, какое въ моравск. лясск. *pest'* изъ *pect'* вм. *péci*, Geb. Hist. ml. I, 503, Bartoš Dialekt. mor. d. I, 108). Въ польскомъ такое же сокращеніе обоихъ гласныхъ находимъ въ формахъ *dwanąście*, *trzyńąście*; но въ противоположность русскому *два́дцѣтъ* (великор.), *два́цѣтъ* (малор.), болг. *два́десе*, словѣнск. *dvájset* и чешск. *dvadčeti*, *tridčeti* (Гебауэръ ib. 151), въ польск. *dwadzieścia*, *trzydzieści*. Встрѣченная нами форма Синодальн. рукописи, однако, не находитъ прямого соотвѣтствія ни въ нынѣшнихъ русскихъ, ни въ чешскихъ и польскихъ говорахъ, такъ какъ въ русск. говорится *пятьдесят* и т. д. съ довольно явственнымъ *e*, хотя и не полного образованія въ нѣкоторыхъ говорахъ, сильно сокращающихъ неударяемые слоги во всякомъ положеніи, въ чешск. *padesat* (словарь Ранка-Шумавскаго), въ болгарск. *pendecé*, серб. *peděset*, въ польск. *pięćdziesiąt* и т. п.; здѣсь положеніе для *e* не столь слабое¹⁾, чтобы оно подверглось столь раннему сокращенію, возможному лишь въ томъ случаѣ, если вся форма *дѣсать* энклитически примыкала къ предшествующему слову.

Въ-пятыхъ, наконецъ, есть нѣсколько примѣровъ сокращенія *e*, явившагося изъ *я* (= *а*), въ конечномъ слогѣ. Такимъ я считаю *ъ* въ суф. 3 л. множ. ч. аориста: *къзашь* 142. 16, 197. 9, *послашь* 162. 1, при чемъ нѣсколько примѣровъ подъ титлою безъ *ъ*: *посла* 200. 11, *понима* 124, *полупни* 235, *къспроси* 231, *оуби* 235, о которыхъ, впрочемъ, ничего нельзя сказать опредѣленнаго; всѣ эти примѣры приходятся на второй почеркъ;

¹⁾ Какъ, напр., въ числит. *двѣдцать*, *двѣнадцать* и т. п., въ которыхъ слогъ *де*, приходившійся непосредственно послѣ слога ударяемаго, долженъ былъ подвергнуться наибольшему ослабленію (срв. «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» А. А. Потемни, Фил. Зап. 1865 г., стр. 62—63); согласіе относит. ослабленія слога *де* съ чешск. *dvadčeti*, *dváňst* указываетъ на древность ударенія слоговъ *два-* и *-на-*, подтверждаемую болгарскими формами *дванѣйс*, *двѣйсе* и сербской *дванѣист* (изъ **дванѣист*), хотя сербск. *двадесет* свидѣтельствуеетъ, повидимому, противъ такого предположенія и указываетъ на удареніе, сохранившееся въ польскомъ *dwadzieścia*; но весьма возможно, что въ этой формѣ было колебаніе ударенія еще въ говорахъ общесловянскаго языка. Съ другой стороны согласіе въ удареніи русск. *пятьдесятъ*, болгар. *pendecé*, серб. *peděset*, *шездěset* (словарь В. Караджича, Лекціи Флоринскаго, I, стр. 120, 312) указываетъ на исконность ударенія здѣсь (въ этихъ формахъ, т. е. въ род. пад. множ. ч.) слога *са*, чѣмъ и объясняется большая устойчивость слога *де*, какъ непосредственно предшествующаго ударяемому.

съ ними сравните *вѣшь* въ грам. ок. 1300 г. (Рижанъ Витебск. князю). Формы съ замѣною *-ша* на *-ше* извѣстны въ псковскихъ памятникахъ (см. у Соболевскаго, Очерки изъ исторіи русскаго яз., стр. 129, 132 и др.), но въ новгородскихъ памятникахъ подобныхъ примѣровъ я не знаю¹⁾, а потому можно сомнѣваться, произошло ли *ѣ* изъ *е* или прямо изъ *я*; но во всякомъ случаѣ оно предполагаетъ мягкость сочетанія *ша*, замѣнившаго *-ша*. Такого же рода случай въ ф. *прочь* 130, 167, 195, 224, 230 во 2-мъ поч. и на 334 стр., написанной 4-ымъ почеркомъ; въ 3-мъ же почеркѣ постоянно *проче* 239, 244, 254, 261, 264, 273, 293, 296, 319; всѣ эти случаи, какъ и примѣры въ грамот. 1270 г. и 1300 г., относятся къ значенію «aliō, ἄλλω», но *прочь* и *проче*, иногда *опрочь*, *опроче* (для ц. слов. *проче* см. словари Востокова и Миклошича), могутъ имѣть значеніе «кромѣ, безъ», какъ напр. въ грамотахъ 1327—28 г., 1405 г., 1407 г. и мн. др. (см. у Смирнова №№ 32, 47, 52, 82, 84, 90, 92, 93), и, конечно, можно думать, что въ обоихъ значеніяхъ обѣ формы существовали независимо, т. е. различались формально, а не фонетически. То же слѣдуетъ сказать и о нарѣчіяхъ *осошь* 242 и *сторонъ* 261 (срв. *прамъ* 53 и ст. слов. *правъ* въ Зогр. Ев. соотвѣтственно *правѣ* и *право*, см. словарь Ягича при изд. Мар. Еванг.), которыя не произошли фонетически изъ *осошь*, извѣстнаго, напр., въ Лаврент. лѣт. и друг. памятникахъ, и формы мѣстн. пад. *сторонѣ*, а представляютъ нарѣчныя образованія по аналогіи другихъ, образованныхъ ранѣе. Чтò касается качества *ь* во всѣхъ этихъ случаяхъ, то къ нему примѣняется сказанное выше вообще о судьбѣ *ь* въ конечныхъ слогахъ.

Въ этой главѣ я обозрѣлъ судьбу старыхъ *з* и *ѣ* и случаи появленія *з* и *ѣ* вм. *о* и *е*; въ слѣдующей я перехожу къ вопросу о соотношеніяхъ между *з* и *ж* и *ѣ* и *і*; обширность предмета не позволила мнѣ соединить въ одной главѣ всѣ вопросы, связанные съ *з* и *ѣ*.

¹⁾ Чтò касается высказаннаго Соболевскимъ мнѣнія, что въ Синод. сп. Новг. лѣт. формы 3 л. мн. аориста на *-ше* встрѣчаются очень рѣдко (Очерки... 144, сноска 1), то слѣдуетъ его исправить такимъ образомъ, что онѣ совсѣмъ не встрѣчаются, ибо форму *видѣше* (а не *видише*, какъ читаетъ пр. Соболевскій) въ выраженіи: *и|зъ гвѣзды гвѣздиша. и видѣше воду текучю. видѣше прочь...* 130. 1—4, мнѣ кажется, скорѣе можно считать опискою вм. *видѣвъше*.

ГЛАВА II.

О случаяхъ появленія *з* вмѣсто *зи* и *з* вмѣсто *і*.

Разобравъ судьбу старыхъ *з* и *з* въ нашемъ памятникѣ, а также случаи появленія въ немъ *з* и *з* вмѣсто *о* и *е* мнимые и дѣйствительные, я намѣренъ теперь сказать нѣсколько словъ о тѣхъ случаяхъ, гдѣ нашъ памятникъ представляетъ примѣры написанія *з* вм. *зи* и *з* вм. *і*.

Скажу сначала о первыхъ, такъ какъ ихъ очень немного. Они встрѣчаются лишь въ первыхъ двухъ почеркахъ. Въ первомъ поч.: *стръ(а)* 61. 5, — (*л*) 81. 16, — (*емь*) 78 (сравни. *стрыемь* 296 въ 3-емъ поч.); во 2-омъ поч.: *кръкъ|ше* 133. 3—4, *овъиухъ* 226, а также *избѣтъ|къ* 124. 6—7, *съиъ* (вм. *съиъ*) 190. 10. Какъ видимъ, послѣдніе два примѣра далеко неоднородны съ первыми, въ которыхъ *з* приходится въ положеніи передъ слѣдующимъ йотованнымъ гласнымъ, чего нѣтъ въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ. Кроме того, между тѣмъ какъ *стръа*, *стръемь*, *кръаше* представляютъ дѣйствительное явленіе языка, въ *избѣтъкъ* вм. *избѣтъкъ* и въ *съиъ* вм. *съиъ* вслѣдствіе отсутствія указаній на дѣйствительность этихъ формъ какъ въ другихъ памятникахъ, такъ и въ современныхъ говорахъ, вѣроятно, придется признать не болѣе, какъ описки; ихъ нельзя сравнивать съ такими формами, какъ *ноиъ* въ Ипатск. (251 стр. изд. 1871 г., цитирую по рукописному сочиненію студента Харьковскаго университета Андріянова «О языкѣ Ипат. лѣтописи» стр. 62) и Лаврент. лѣт., *ноиъча* Собр. Госуд. грам. I. 33 (Колосов., Очеркъ ист. зв. и ф. 104), *ноиъча* Акт. истор. 58 и мн. др. (Очеркъ ист. зв. и ф. 132) въ актахъ XV и проч. в. и въ современныхъ великорусскихъ говорахъ, восходящее къ *иъиъ* и т. п. (въ ноябрьской Миней 1097 г., л. 30^а, издан. Ягича стр. 306, л. 106^б, стр. 398¹),

¹) А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго яз., изд. 1888 г., стр. 46. Правда, мы могли бы сомнѣваться въ томъ, что *иъиъ* въ памятникѣ XI-го в. есть дѣйствительно прототипъ современнаго великорусскаго *ноиъ*, а не просто описка, но въ пользу существованія **иъиъ* говоритъ и старочеш. *penie* въ Пс. Клем. и друг. памятн. XIV и XV в. при *пу- nie* (Gebauer, Hist. mluvn., d. I, стр. 284) и сравненіе съ греч. *νῶν* при *νῶν*, чего нельзя ска-

а съ описками, встрѣчающимися и въ другихъ памятникахъ русскихъ и южнославянскихъ, кирилловскихъ и глаголическихъ (Синайск. псалт.), каковы напр. *ръвъноую* ноябрьск. мин. 1097 г., л. 85⁶ (изд. Ягича стр. 372), *оъшннимъ* силамъ Мин. Соф. 25⁶ (Лекціи И. В. Ягича въ СПб. унив. 188³/₄ г., литограф. Гробовой, стр. 85), слъшавъ Заруб. памятн. XIII в. (Срезневск., Свѣдѣнія и замѣтки. . . VII, стр. 54) и мн. др. (въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ описка могла быть тѣмъ легче, что за палочкой буквы *ы* непосредственно должна была слѣдовать лѣвая палочка *ш*); напротивъ такимъ примѣрамъ, какъ *бъвактъ* Изборн. 1073 г. (Колосовъ, Очеркъ истор. зв. и ф., 59), въсотоу Мин. праздн. XI—XII в. СПб. публ. б-кн 43⁶, навѣчешу Ant. rand. 85, можно вслѣдъ за Ягичемъ, у котораго (Лекціи 188³/₄ г., стр. 85) заимствую два послѣднихъ примѣра, придавать значеніе сократившагося вслѣдствіе неударяемости звука *ы*: это могъ быть звукъ, близкій къ «ирраціональному» *ы*, о которомъ мнѣ придется говорить въ этой главѣ; еслибы такихъ примѣровъ, какъ *бъвактъ* (если вѣрно приводитъ Колосовъ), было больше въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ, имъ можно было бы придавать значеніе до нѣкоторой степени прототиповъ позднѣйшаго малорусск. и частію южновеликор. *бу-*, такъ какъ весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ формахъ (особенно передъ *в*) въ процессѣ измѣненія *бы-* въ *бу-* играла роль неударяемость (срв. въ статьѣ А. А. Потемни въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русс. яз. и слов. Им. Ак. н.» т. I, кн. 4, стр. 825). Въ указанныхъ же двухъ опискахъ нашего памятника мы лишь тогда могли бы видѣть отраженіе дѣйствительныхъ фактовъ языка, если бы онѣ подтверждались многочисленными примѣрами изъ разныхъ памятниковъ и находили себѣ оправданіе, если не въ явленіяхъ современныхъ говоромъ¹⁾, то по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія этимологической,

затѣ о формахъ *избѣтъкъ* и *смыъ*. Что касается причины, по которой *з* въ **измъ*, не смотря на «неслоговое» положеніе дало въ чешскомъ и русскомъ чистый гласный, то она ясна: «неслогов.» *з* становилось слоговымъ какъ вслѣдствіе *ударяемости*, которая могла здѣсь явиться позднѣе подъ вліяніемъ побочной формы *измъ* (сравн. у Гебауэра *ibid.*, который въ уклоненіи отъ «правила» видитъ ритмическую причину), такъ и вслѣдствіе положенія между одинаковыми согласными (сравн. сказанное въ 1-ой главѣ о сохраненіи глухихъ въ положеніи между согласными одного органа).

¹⁾ Едва ли можемъ мы при этомъ сослаться на такіе факты, какъ *rebe* вм. *губу*, *sen* вм. *зуп*, *dobetek* вм. *dobytek* въ моравскихъ говорахъ, имѣющихъ массы другихъ примѣровъ *е* вм. *у* (Gebauer, Hist. mluvn., d. I, 283) и представляющихъ, несомнѣнно, позднѣйшее развитіе *е* изъ *у*, которое встрѣчается и въ такихъ случаяхъ, гдѣ никакъ нельзя предположить звука *з* вм. *и* (*hade* въ вин. множ., *žene* въ им. вин. мн. и др., *ibid.* 283). Также нельзя сосл-

опирающейся на сравненіе съ формами родственныхъ языковъ и на разныя теоретическія соображенія; описка *sznъ* могла явиться тѣмъ легче, что слово это чаще всего пишется подъ титлою съ пропускомъ *zi* (снѣ).

Что касается примѣровъ *стрзя*, *стрземь*, *кряше*, то можетъ прежде всего возникнуть вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь фонетическое измѣненіе *zi* въ *z*, или варианты съ гласнымъ *z*, восходящимъ къ краткому *u*, при формахъ съ *zi*, восходящимъ къ долгому *u*. Конечно, невозможнаго въ послѣднемъ предположеніи ничего нѣтъ, и соображенія проф. Р. Θ. Брандта¹⁾ и А. И. Соболевскаго²⁾ относительно возможности основныхъ формъ съ *z* въ настоящемъ времени при формахъ съ *zi* въ неопредѣл. наклон., опирающіяся какъ на аналогію *жгж*, *цкѣтж*, *чѣтж*, при *жѣшти*, *цвисти*, *чисти*, такъ и на указанія родств. языковъ (греч. *λῦω*, *θῦω* и т. п.), имѣли бы силу, если бы подтверждались фактами не однихъ великорусскихъ говоровъ; но чешск. діалектич. формы *krejti*, *krej*, *mejtj*, *mej* и т. п., какъ призналъ самъ Брандтъ (*ibid.*), и какъ ясно изъ исторіи этихъ формъ (изъ болѣе древн. *aj* —) и ихъ сопоставленія съ многочисленными случаями измѣненія *ú*, начиная съ XIV в., въ *aj* и затѣмъ *ej*³⁾, исключаютъ всякую мысль о происхожденіи ихъ изъ **krъj* — и т. п., такъ какъ у насъ нѣтъ основаній думать, что *z* при какихъ либо условіяхъ могъ развиваться въ чешской группѣ говоровъ въ *a*, а не въ *e*; указаніе же на формы наст. врем. съ *z* при *e* и *i* въ неопред. наклон. въ корнѣ нѣкоторыхъ глаголовъ позволяетъ лишь предполагать теоретическую возможность такого чередованія и въ корняхъ съ гласн. *u*, не обращая вниманія на особенныя фонетическія условія тѣхъ и другихъ корней, заключающіяся въ томъ, что въ первыхъ послѣ краткаго гласнаго корня слѣдуетъ звукъ согласный мгновенный, во вторыхъ-же *i* или *j*; и вотъ, насколько не отрицая теоретической возможности⁴⁾ существованія въ прасло-

латься на форму *szn* ви. *sznъ* въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ (Милетичъ, Пер. Спис. 1886, XIX и XX), которая при томъ отрицается позднѣйшими изслѣдованіями этихъ говоровъ, сдѣланными Облакомъ; такъ онъ говоритъ о сущскомъ говорѣ: «ich hörte in diesem Dialect kein *szn*, *bъh*., sondern nur *sin*, *bih*.» (*Macedonische Studien*, 36); неудар. *zi* здѣсь произносится совершенно одинаковъ съ неудар. *i*, вообще *zi* = *i*. Рискованно сопоставлять *избѣтъкъ* и съ такими формами угрорусск. гов., какъ *туболець* и *маботе* (Ант. Семеновичъ, Сборникъ стат. по славяновѣдѣнію, составл. и издан. учениками В. И. Ламанскаго, 217), въ которыхъ могутъ заключаться спеціальныя условія для измѣненія зв. *ы* въ *o*.

1) Граммат. замѣтки, вып. I, стр. 27 (Варшава 1882). Лекціи по истор. грамматикѣ русск. яз., вып. I (Москва 1892), 95—96.

2) Очерки изъ исторіи русскаго яз., 79.

3) Gebauer, *Histor. mluvnice*, d. I, 281—282.

4) Не смотря однако на эту теоретическую возможность, послѣ изслѣдованій проф. Исслѣдованія по русскому языку. II.

вянскую эпоху формъ съ з изъ краткаго и при формахъ съ зз изъ долгаго и, мнѣ кажется, мы принуждены предположить существованіе еще въ говорахъ общеслов. яз. закона объ измѣненіи з (разумѣя подъ з тотъ-же ирраціональный звукъ, который получался въ моментъ обособленія общесловянской группы говоровъ вообще изъ всякаго краткаго индоевроп. и) въ положеніи передъ \dot{i} въ зз¹⁾; къ этому насъ принуждаетъ господство звуковъ зз или предполагающаго его \dot{i} въ такихъ положеніяхъ въ большинствѣ словянскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ, какъ бы мы ни объясняли это зз передъ \dot{j} или \dot{i} , будемъ ли считать его возникшимъ прямо изъ долгаго \bar{i} въ прасловянскую эпоху, или уже на словянской почвѣ изъ з, восходящаго къ краткому и, мы должны исходить изъ него при объясненіи русскихъ формъ. Сказанное о глагольныхъ формахъ *крѣж*, *мзж* и т. п. вполне примѣнимо и къ формамъ существит. *стрзги* — *стрзга* и т. п.; общесловянскія условія здѣсь тѣ-же, какого бы происхожденія ни было это зз. Къ сожалѣнію, намъ слишкомъ трудно опредѣлить этимологію этого слова, такъ

Ульянова («Основы настоящаго въ старославянскомъ и литовскомъ яз.», стр. 106—107) мы принуждены совсѣмъ отвергнуть её, такъ какъ факты родств. языковъ говорятъ въ пользу только \bar{i} передъ суффиксомъ основы $\dot{i}o$ — $\dot{i}e$ (греческія $\delta\dot{\upsilon}'\omega$, $\lambda\dot{\upsilon}'\omega$, $\theta\dot{\upsilon}'\omega$..., на которыя ссылается пр. Соболевскій, восходятъ къ * $\delta\dot{\upsilon}'\Gamma\omega$ и т. д.): \bar{i} передъ $\dot{i}o$ или $\dot{i}e$ переходило въ \bar{i} и не отличалось так. образ. отъ первонач. \bar{i} . Еслибы сравнимые Соболевскимъ съ греч. глаголами $\delta\dot{\upsilon}'\omega$, $\lambda\dot{\upsilon}'\omega$ и т. п. словянскіе дѣйствительно имъ соотвѣтствовали, то мы имѣли бы **крѣвж*, **мѣвж* (д. рус. **крѣву*, **мѣву* съ дальнѣйшими видоизмѣненіями) и т. п. (сравните *два* съ греч. $\delta\dot{\upsilon}\omega$ лат. *duo*), но словянскіе глаголы отличаются отъ упомянутыхъ греческихъ именно элементомъ \dot{j} или \dot{i} изъ стараго \dot{j} , замѣнишаго еще въ общеслов. эпоху старое \dot{i} , предшествовавшее здѣсь тематическимъ гласнымъ *o—e* (Ульяновъ, ib. 104). Замѣчу, что первоначальн. \dot{i} предполагается здѣсь проф. Ульяновымъ потому, что глагольн. корень здѣсь имѣлъ слабый видъ, т. е. \bar{i} , являвшееся въ общиндоевроп. эпоху одинаково какъ изъ \bar{i} , такъ и изъ \bar{i} въ положеніи передъ \dot{i} (разница между \bar{i} и \bar{i} не передъ \dot{i} зависѣла отъ исконной разницы коренныхъ гласныхъ), въ противоположность сильному виду, который вообще являлся передъ суф. $\dot{j}o$ — $\dot{j}e$, какъ въ литовск. *krāuji*, *mauji* (различеніе суф. $\dot{j}o$ — $\dot{j}e$ отъ $\dot{i}o$ — $\dot{i}e$ связано было съ удареніемъ, которое въ первомъ случаѣ было на корневой части, а во второмъ на суффиксальной, вслѣдствіе чего и являлся во второмъ случаѣ слабый видъ корня, т. е. въ данномъ случаѣ *не дифтонгъ*, ibid. 75—76). Но вслѣдствіе того, что \dot{i} еще въ лит. слов. эпоху исчезало между гласными, такъ что получались бы рѣдкія формы * $\bar{g}\bar{i}$ — \bar{e} —, * $\bar{m}\bar{i}$ — \bar{e} —, по предположенію проф. Ульянова (ib. 104), вм. * $\bar{g}\bar{i}$ — $\dot{i}e$ —, * $\bar{m}\bar{i}$ — $\dot{i}e$ — и т. п. въ общеслов. яз. являлось * $\bar{g}\bar{i}\dot{j}e$ —, * $\bar{m}\bar{i}\dot{j}e$ — и др., т. е. являлся суф. $\dot{j}o$ — $\dot{j}e$, первоначально свойственный образованіямъ отъ вида корня *krau—*, *rau—*, *mau—*. Что же касается вообще различенія \dot{i} и \dot{j} , то въ исторической жизни отдѣльныхъ словянскихъ языковъ оно въ зависимости отъ различныхъ фонетич. условій возникало вновь безъ отношенія къ этимологическому различію этихъ звуковъ (см. у Шахматова въ «Исслѣд. въ обл. русск. фон.», стр. 6—7).

¹⁾ Срв. Лекціи по церковно-славянскому яз. проф. Фортунатова 1884—1885 г., стр. 149.

какъ родственные языки не даютъ почти ничего. Миклошичъ (Etymologisches Wörterbuch) приводитъ лишь литов. *strujus greis*, вѣроятно, изъ словаря Куршата, гдѣ это слово поставлено въ скобкахъ и безъ обозначенія ударенія, хотя и съ указаніемъ формы род. п. един. ч. на — *jaus*. Приведенная литовская форма мало можетъ помочь намъ при опредѣленіи коренного гласнаго потому, что весьма вѣроятно можетъ быть признана заимствованной изъ словянскихъ (русскихъ или польскихъ) говоровъ, при чемъ и въ ней можетъ замѣнять *ui*, которое обыкновенно является въ заимствованныхъ изъ словянскаго словахъ вмѣсто словянск. *zi* (сравни *muilas* и *мзгло*, *muitas* и *мзито*): *ui* должно было упроститься въ *u* передъ слѣдующимъ *j*; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ необходимости считать *strujus* непременно заимствованнымъ, такъ какъ оно не противорѣчитъ и правильному соответствію исконно-литовскихъ звуковъ исконно-словянскимъ (лит. и правильно соответствуетъ словянскимъ *z* и *zi*, смотря по тому, кратко оно или долго, чтѣ, какъ и удареніе, въ данномъ словѣ Куршата не обозначаетъ, такъ какъ, вѣроятно, самъ этого слова не слышалъ, а взялъ его изъ словаря Бродовскаго и рукописнаго Кѣнигсбергскаго)¹⁾. Ясно во всякомъ случаѣ, что въ данномъ словѣ мы имѣемъ общесловянское коренное *zi* (какого бы происхожденія оно ни было, изъ *ī* или изъ *ŷ* въ силу указаннаго выше закона) и суффиксъ *is* (вѣроятно, изъ *io*, а не *iu*, на которое указываетъ, можетъ быть, заимствованное литов. — *jus* съ род. *jaus*) въ имен. ед. ч., а не суф. *z*, какъ думалъ Миклошичъ (Vergl. Gram. II, стр. 5), такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ между *zi* кореннымъ и *z* суффиксальнымъ развилось бы *o* или само *zi* разложилось бы въ *zo* и никакъ не получилось бы *i* или *j* (сравни прич. прош. страд. *krъvenъ* отъ корня *krzi* —, *dzъa* отъ корня **dzъ* — и т. п.). Южныя и западныя словянскія нарѣчія, кромѣ полабскаго (*strǎ'ija*)²⁾ и польск. *stryj*, б. ч. представляютъ формы съ суф. *u* или *k*, предполагающія б. ч. слитіе предшествующаго этимъ *u* или *k* суффиксальнаго гласнаго *u* съ кореннымъ *i* изъ *zi*: чешск. *strýc*, *strejc*, *stryk*, *strýna*, словѣнск. *stríc*, *strína*, сербск. стрѣц (родит. п. стрѣца), стрѣна, болг. стрѣко, стрѣна, при чемъ я думаю, что эти стяженные формы имѣютъ суффиксы — *иць*, — *икъ*, — *ина*, т. е. что *i* получалось изъ стяженія двухъ *i*, изъ которыхъ первое восходило къ общеслов. *zi*, а второе къ общеслов. *i*, а не *jъ*, какъ

1) Оттуда же взялъ это слово въ свой словарь и Нессельманъ.

2) Miklosich, Etymologisches Wörterbuch.....; Schleicher, Laut- und Formenlehre der Polabischen Sprache, § 62 (=стрѣм), также § 12.

предполагалъ Миклошичъ (V. Gr. II, 310) для сербск. стрѣцъ. Только относительно нижнелуж. *tšyjk* можно сказать, что оно предполагаетъ суф. *ькз* (Mucke, Hist. u. vergl. Laut- u. F. l. d. Nieders., 225, § 121). Если бы серб. форма предполагала **стрѣжъць*, откуда въ старослов. было бы **стрѣжъць*, то мы ожидали бы не слиянія двухъ *і* въ *ѣ*, а скорѣе замѣны второго, вѣроятно, ирраціональнаго, *і* (изъ *јѣ*) въ «слоговомъ» положеніи черезъ *ја*, въ «неслоговомъ» черезъ *ј(ј)*, т. е. было бы, вѣроятно, **стријацъ* — *стријаца* подобно тому, какъ встрѣчается въ словѣнскомъ *strijec* (читайте *e* глухо) — *strijsa* при болѣе обычномъ *stric*¹⁾ (M. Pleteršnik, Slov. nem. slovar), и какъ въ чешскомъ при формѣ *guj* существуетъ *gújec*, но только *strýc* и *strejc* (словарь Ранка-Шумавскаго 1859). Мнѣ именно кажется, что господствующія въ словянскихъ нарѣчіяхъ формы предполагаютъ слияніе двухъ приблизительно равносильныхъ по количеству *і*, изъ которыхъ второе входило въ составъ общесловянскаго суффикса *-ицъ*, имѣвшаго *і* неизмѣнное для всѣхъ словянскихъ нарѣчій и слѣдовательно восходящее къ этимологически долготу дословянскому *і* (для сравненія возьмите сербское брѣца²⁾ изъ **бръица* tonsor)³⁾, подобно тому, какъ и *ѣ* въ серб. стрѣна, словѣнск. *strína*, чешск. *strýna* и т. п. предполагаетъ слияніе коренного *і* изъ *зи* съ суффиксальн. *і* изъ этимологически долгаго *і*, отраженіе котораго встрѣчаемъ въ суффиксѣ *-инъ*, являющемся напр. въ формахъ прилагательныхъ принадлежности, каковы рус. *женинъ*, серб. *жѣнинъ*, сербск. *ѣчинъ* и т. п. Что въ *strína*, *strína*, какъ и въ *stríc*, *stríc* и т. п. мы съ наибольшей вѣроятностью можемъ видѣть стяженіе, на это указываетъ долгота *і*; хотя долгота сама по себѣ еще не есть доказательство стяженія, а можетъ быть исконнымъ свойствомъ коренного гласнаго, но въ разбираемомъ случаѣ стяженіе представляется вѣроятнымъ въ виду существованія старослов. формъ *стрѣни*, *стрѣни* (Miklos. Lexic. pal.). Замѣчательно, однако, что тѣ-же или приблизительно того-же времени источники, которые имѣютъ формы *стрѣни*, *стрѣня* (серб. Мин. Вука, Иловицк. Кормч. 1262 г., Прологъ Миханов. XIV в. и др.), не знаютъ нестяженныхъ *-гъицъ*, *-гъина*, а лишь *стрѣицъ* (Mon. Serbica Миклошича 20), *стрѣицъ* (ib. 59)⁴⁾, *стрѣица* (Жит. Саввы Домет. 136), *стрѣ-*

¹⁾ По мнѣнію Вальяца, впрочемъ, словѣнск. *stric* изъ *strijec*, какъ *kīc* изъ *kījec* (Rad jugosl. akad. XLVI, 74).

²⁾ В. С. Караджичъ, Српск. рјечн. в. в.

³⁾ Miklos. V. Gr. II, 298.

⁴⁾ Даничић, Рјечникъ изъ књижевнихъ старина српскихъ, в. в. (примѣры эти встрѣчаются въ грамотахъ 1234 г. вѣнскаго архива и 1293—1302 г. Хиландарск. монастыря).

чишть (Кормч. вѣнск. XVI в. и Иловицк. 1262 г.), *стрына* (Кормч. 1262 г.); но Миклошичъ, приводя эти формы, пишетъ въ началѣ строки формы *стрыйць*, *стрыйчишть*, прилаг. *стрыйнъ* и даже *стрыйка*, хотя послѣднее извѣстно лишь въ позднихъ XVI и XVII в. сербскихъ и болгарскихъ источникахъ только въ видѣ *стрыка*, *стрика*, твор. ед. *стрыкою*, *стрикою* ¹⁾ и въ соврем. болгарскомъ *стрика*, *стрико* ²⁾. Такимъ образомъ представляется вопросъ, въ правѣ ли мы разбираемыя формы словянскихъ нарѣчій считать образованными помощію суффиксовъ *-ic-*, *-ik-*, *-in-*, или мы должны предположить присоединеніе суффиксовъ, начинающихся съ согласныхъ *с* (*и*), *к*, *п* (*н*), прямо къ коренному ³⁾ гласному *зи*. На это отвѣчу, что, если-бы и было возможно послѣднее предположеніе, то лишь по отношенію къ *н*, такъ какъ присоединеніе *к* прямо къ корню или къ наиболѣе первичной основѣ вообще необычно, и тѣмъ менѣе возможно такое присоединеніе *и*, явившагося изъ *к'* лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ являлась причина вторичнаго смягченія *к* въ прогрессивномъ дѣйствіи предшествующаго мягкаго гласнаго, т. е. послѣ суффиксальныхъ гласныхъ *і* полныхъ или ирраціональныхъ (*и* или *ь*). Присоединеніе *и* могло бы объясняться лишь вліяніемъ аналогіи другихъ случаевъ въ извѣстныхъ группахъ нарѣчій въ ту эпоху, когда въ этихъ нарѣчійхъ *зи* начало совпадать въ произношеніи съ этимологич. *і*, т. е. когда стали возможны формы, подобныя сербскому глаг. *мѣцати* вмѣсто **мѣкати*, восходящаго къ **мзкати*, или *ристати* (отъ **рыск-*), извѣстному уже въ Супрасл. рукоп. старослов. яз. ⁴⁾, при чемъ смѣшеніе *зи* съ *и* послѣ *р* началось раньше, чѣмъ въ другихъ сочетаніяхъ, и можетъ считаться діалектически едва ли не общесловянскимъ, какъ это можно заключить изъ фактовъ тѣхъ словянскихъ нарѣчій, которыя въ другихъ сочетаніяхъ вообще не смѣшиваютъ или не смѣшивали этимологич. *зи* съ этимолог. *і*, каковы напр. группы великорусская изъ живыхъ или старословянская изъ мертвыхъ; къ этой категоріи относятся напр. съ одной стороны случаи произношенія *грыб* вм. *гриб* (сравни. польск.

1) Miklosich, Lexicon palaeoslov.

2) Дювернуа, Словарь болгар. языка.

3) На сколько онъ дѣйствительно коренной, мы, конечно, не знаемъ, но по крайней мѣрѣ онъ представляется кореннымъ при нашихъ современныхъ свѣдѣніяхъ, такъ какъ дальше разложить слово мы не можемъ, а подъ корнемъ мы разумѣемъ отвлеченное понятіе изъ массы конкретныхъ формъ отдѣльныхъ языковъ (срв. у Потебни, Изъ записокъ по русской грамматикѣ, изд. 2-е, I, 21—22).

4) Miklos. Lex. pal.

grzyb)¹⁾ въ нѣкоторыхъ южновеликорусскихъ и сѣверновеликорусскихъ говорахъ и наоборотъ криса²⁾ и т. п., съ другой написанія рибѣ, гризетъ въ Зограф. и Саввин. книгѣ и т. п.³⁾; весьма возможно, что и *стрзи-* во многихъ говорахъ, а особенно въ южнославянской группѣ, гдѣ въ послѣдующія эпохи развитія языка въ однихъ говорахъ раньше, въ другихъ позже и всякое *зи* совпало съ *і*, весьма рано произносилось почти какъ *stri-*, къ которому и могло присоединиться *иъ* по образцу уже готовыхъ примѣровъ словъ съ суф. *-ицъ*, каковы болѣе, чѣмъ на сѣверѣ, распространенные случаи въ сербскомъ — *кѡнѣиц*, *рѣнѣиц*, *вѣтрянѣиц*, *дѣждѣиц*, *зурѣнѣиц*, *жбанѣиц*, *кѡшнѣиц*, *мѣльнѣиц*, *мѣчнѣиц*, *дѣгнѣиц*⁴⁾. Но такое предположеніе я бы рѣшился сдѣлать лишь въ томъ случаѣ, если бы долгота «коренного» *зи* въ словѣ *стрзи* могла быть доказана; при отсутствіи же этой возможности⁵⁾ я въ долготѣ *і* формъ *striс* — *strіса*, *strіна*, долготѣ, какъ показываютъ формы косв. п. *strіса* и др. и слово *strіна*, не связанной только съ положеніемъ въ среднемъ или закрытомъ слогѣ, слѣдов. природной, позволю себѣ въ виду существованія въ памятникахъ формъ *стрзи*, *стрзиа* видѣть результатъ стяженія; для *strіна* можетъ служить доказательствомъ его и ф. *стринню* въ Ипат. л. 342 (330). Теперь я остановлюсь на тѣхъ соображеніяхъ, которыя заставляютъ меня видѣть и въ серб. *strіна*, слов.

1) Колосовъ, Обзор звук. и форм. особ. нар. р. яз. 151. (Кур., Томск., Ярослав., Лукоян. Ниж.). Срв. также у Шахматова въ «Матеріалахъ для изученія великорусск. говоровъ», вып. 1-й (СПб. 1896), стр. 6 (Покров. у. Владим. г.), 10 (Петрозав. Олон. г.), 15 (Буйск. Костр. г.) и у него-же въ 3-й кн. I-го т. «Извѣстій Отдѣл. рус. яз. и слов. И. Акад. Н.» стр. 558 (Тобол. г.), 566 (Вытегорск. Олон. г.), при чемъ въ этихъ говорахъ извѣстно лишь *ри* вм. *ри*, а не наоборотъ. Срв. и въ соч. Будде, Къ истор. великорус. говоровъ, стр. 104—107.

2) Колосовъ, *ibid.* 152 (Муром.); то-же извѣстно мнѣ и въ Курмышск. у. Симбир. губ.

3) Соболевскій, Древній ц.-слав. языкъ, фонетика, стр. 30. Срв. и у Будде, *ibid.*

4) Leskien, Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. I. Die Quantität im Serbischen. Leipzig 1885. Стр. 168 (изъ X-го т. «Abhandlungen der philologisch-histor. Cl. der Kön. Sächs. Ges. der Wissenschaften»).

5) Это трудно уже потому, что въ положеніи передъ слѣд. *і* (въ *стрзи*, *стрзиа*) и долгое по природѣ *зи* сократилось бы и, по мнѣнію нѣкоторыхъ лингвистовъ, стало бы даже «короче краткаго, т. е. *иррациональнымъ*» (см. у Шахматова въ «Изслѣдованіяхъ въ области русск. фонет.», стр. 33—34), и такимъ образомъ количество «коренного» гласнаго пришлось бы опредѣлять на основаніи формъ, имѣющихъ *согласн.* зв. послѣ «коренного» гласнаго, т. е. тѣхъ, нестяженность которыхъ не доказана, иначе — опредѣлять неизвѣстное посредствомъ неизвѣстнаго. Для избѣжанія недоразумѣній слѣдуетъ прибавить, что, хотя всякое *и* съ точки зрѣнія родственныхъ языковъ отражаетъ долгиіе звуки, часть этихъ звуковъ (при извѣстномъ качествѣ долготы) сокращалась еще въ общеславянскую эпоху (срвн. напр. сербскія слова *рѣба*, *рѣдати*, *сѣр* и мн. др., чешск. *ryba* и мн. др., какъ и въ другихъ случаяхъ не всегда совпадающихъ съ сербскими, см. словари В. С. Кар. и Ранка-Шумавскаго).

strína, чеш. *strýna* (*strejna*) суф. *-ин-*, а не *-ын*. Во первыхъ на это указываетъ значеніе: разбираемое слово означаетъ большею частію «тетку» или вообще жену или сестру того, кто носитъ названіе *stríc*, такъ что, если *stríc* значитъ «Vaters Bruder», «patruus», «Oheim», «otcůw bratr», то и *strína* въ тѣхъ же нарѣчіяхъ значитъ только «очина брата жена» (В. С. Караджичъ), «des Vatersbruders, des Oheims Frau» (М. Pleteršnik, Slov. nemški slovar), «amita, des Vater Schwester, Muhme» (Jos. Jungmann, Slowník česko-německý, d. IV, w Praze 1838); но въ чешскомъ рядомъ со *streyna*, *strygna*, *strýna* (въ нынѣ употребительной транскрипціи *strejna*, *stryjna*...) въ только что приведенномъ значеніи Юнгманнъ привелъ и *streyná* (= *strejná*) въ значеніи не только «manželka streycowa, uxor patruí», но и «stryce mého dcera, Vetter oder Bruderstochter, patruí filia», при чемъ нѣмецкій переводъ какъ будто указываетъ на то, что *stryce* въ чешскомъ имѣетъ значеніе не только «дяди», но и «двоюроднаго брата» (напомню, что нѣмецкія *Vetter* и *Muhme* имѣютъ двойное значеніе—не только дяди и тети, но и двоюродныхъ брата и сестры), если только «Bruderstochter» не стоятъ ошибочно вмѣсто «Vatersbruderstochter», хотя то-же самое находимъ и въ маленькомъ словарикѣ Шумавскаго — Рапка 1859 г., въ который внесено, вѣроятно, изъ словаря Юнгманна. Господствующее значеніе въ словянскихъ нарѣчіяхъ указываетъ скорѣе на суф. *-ин-* (*-in-*), чѣмъ на *-ын-*, такъ какъ первый означаетъ только принадлежность безъ указанія отечественности, т. е. принадлежности именно младшаго старшему въ смыслѣ подчиненности или происхожденія, что именно свойственно второму (напр. въ русск. *княжна́* изъ **кыняжына*, великор. *попѣвна*, малор. *попѣвна*, *сотникѣвна*, малор. польск. чешск. *рапна* изъ **паньна*, серб. *djevèrična* и мн. др.)¹⁾, а потому и несогласенъ я съ Миклошичемъ въ томъ, что словѣн. «*strina patruí uxor*» восходитъ къ *stryjna*²⁾. Во вторыхъ и звуковая форма говоритъ въ пользу стяженія скорѣе двухъ равносильныхъ по количеству *i*, такъ какъ, если въ сербскомъ и нерѣдко стяженіе *i* слогов. $\rightarrow i$ въ \bar{i} , напр. *убѣство*³⁾ вм. **убијство* и мн. друг. случаи внутри слова, въ словѣнскомъ внутри слова обыкновенно остается *ij*: *ubijstvo* (М. Pleteršnik s. v.). Конечно, я не отрицаю, что въ концѣ словъ это явленіе, т. е. пзмѣненіе *i* $\rightarrow i$ въ \bar{i} , а затѣмъ діалектически и *i* краткое, свой-

¹⁾ Срв. Miklos. Vergl. Gr. II, 153—154; В. С. Караџић, Српски рјечник s. v.

²⁾ Miklos. ibid. 154.

³⁾ В. С. Кар. ibid. s. v.

ственно всѣмъ западно- и югозападно-славянскимъ нарѣчіямъ, вслѣдствіе чего напр. въ формѣ род. мн. основъ на *ъ* является *ѣ* въ сербскомъ, чешскомъ и частію словѣнскомъ (подъ удареніемъ), *і* въ словѣнскомъ (безъ ударенія) и польскомъ, также въ имен. ед. муж. р. прилагат. членныхъ на *ѣ* (въ сербск.), *і*, *у* (въ чешск.), *і*, *у* (въ польскомъ), хотя еще вопросъ, восходятъ ли эти прилагательныя формы къ діалектически разившимся общеславянскимъ *ii*, *yi*, или прямо къ сочетаніямъ *ѣ + і* и *ѣ + і*¹⁾; относительно этихъ случаевъ въ конечныхъ слогахъ, однако, можно предположить, что они явились въ славянскихъ нарѣчіяхъ еще въ ту эпоху, когда не только конечное *і*, происшедшее изъ праславянскихъ *ǐb*, *ǐv*, но и конечныя *ѣ* и *ѣ* въ большинствѣ случаевъ сохраняли слоговой характеръ; я именно думаю, что *і* въ чешск. род. мн. *kostí*, *ú* въ имен. ед. *dobrú* восходятъ не къ *і + і*, *у + і*, а къ *і + і*, *у + і*. Хотя такое-же старое стяженіе *у + і*, гдѣ *і* изъ этимологич. *ǐv*, можно предположить и въ словѣ *strína*, *strína*, *strýna*, а также возможно допустить вслѣдствіе акустической слабости *і* неточность обозначенія сочетанія *ii* черезъ *ѣ*, какъ скоро въ данномъ говорѣ отсутствовали другія формы, которыя бы могли поддерживать этимологическое правописание, подобно тому, какъ съ другой стороны обратно возможна неточность обозначенія *ѣ* черезъ *ij* (т. е. *ii*)²⁾ подъ вліяніемъ соображеній этимологическихъ²⁾, такъ что звуковая форма современная и предполагаемая старая на основаніи написаній въ старыхъ памятникахъ малоказательна, однако въ связи со значеніемъ и она имѣетъ нѣкоторую силу. Что касается чешск. *strejna* (*strýna*, вѣроятно, лишь книжная форма), то въ немъ *ej* во всякомъ случаѣ могло явиться только изъ *у*, какого бы происхожденія это послѣднее ни было, черезъ посредство *aj*; также и *ej* въ *strejc* изъ *у* черезъ постр.

1) Срв. Gebauer, *Histor. mluv. I*, 209, 280; впрочемъ долгота гласнаго достаточно, мнѣ кажется, свидѣтельствуеетъ въ пользу стяженія изъ *ii*, *yi*, а не прямо изъ *ǐb*, *ǐv*, ни даже *vi*, *vi*.

2) Возможно также и удержаніе въ языкѣ сочетанія *ii* подъ вліяніемъ какихъ либо аналогій или сознанія этимологической близости съ другими формами; срв. соображенія Шахматова въ «Исслѣдов. о яз. новгородск. грамотъ», стр. 157; Гебауэръ считаетъ новочешск. повелит. *kryj*, *kryjte* новообразованіями вмѣсто встрѣчающихся въ старыхъ текстахъ *kry*, *kryte* (*ibid.* 280). Замѣчу, что въ латинской транскрипціи *ij* западнославянскихъ языковъ, какъ и въ вуковск. *uj*, я вижу лишь неточное изображеніе прежде всего дифтонга *ii*, который могъ очень слабо отличаться отъ *ѣ*. Срв. соображенія О. Е. Корша о конечномъ звукѣ въ русскихъ сочетаніяхъ *ai*, *ei*, *oi*, *yi* (*Archiv f. slav. Philol.* III, 668—669), а также замѣчаніе Мукке (*Mucke, Historische und vergleichende Laut- u. Formenlehre der Niedersorbischen Sprache, Leipzig, 1891, стр. 146, § 81*) о произношеніи *aj*, *ej*, *ej*, *oj*, *uj*, *uj* въ нижне- и верхне-лужицкихъ говорахъ вообще какъ *ai*, *ei*, *ei*, *oi*, *ui*, *yi* (дифтонгически).

aj (сравн. *strayc* у Велеславина 1578 г.)¹⁾. Но въ чешскомъ, какъ я упомянулъ, приводится Юнгманномъ и слово *strejná* (пишу современнымъ правописаніемъ, хотя и считаю написаніе *ej* едва ли не болѣе неудачнымъ и неточнымъ, чѣмъ Юнгманново *ey*), а также и прилагат. *strejný, strujný*, «*na struje t. strejce se vztahující . . .*»; долгота *a* въ *strejná* доказываетъ, что это не болѣе, какъ ф. жен. р. прилагат. членнаго, и въ этомъ прилаг. я дѣйствительно вижу суф. *-m-*, обычный въ прилагательныхъ такого значенія, и такимъ образомъ *ej, yj* восходятъ здѣсь къ сочетанію *gi + ŷ*, можетъ быть, также черезъ посредство \bar{y} (\bar{u}), откуда съ одной стороны *aj* (*aŷ*) и затѣмъ *ej* (*eŷ*), съ другой *y'*, т. е. \bar{y} , а подъ вліяніемъ перваго *yj* (только ли на письмѣ, или и въ произношеніи, не знаю); этотъ же суффиксъ вижу и въ польскомъ *stryjenka* «тетка» (словарь Бартошевича 1841—1843 г.), предполагающемъ **стрзѣйнѣнка*, существительное образованіе съ суф. *жк* при прилагат. **стрзѣйнѣнѣй*, къ которому восходитъ чешское прилагательное. Возвращаясь къ *stríc* (*стрѣи*), я повторю, что здѣсь главнымъ образомъ форма имен. ед. заставляетъ меня видѣть суф. *-иц-*, а не *-иц-*, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ въ «слоговомъ» положеніи *-йъ-* (*-йъ-*) не измѣнилось бы въ *ii* и затѣмъ *i*, которое бы могло слиться съ предшествующимъ *i* изъ *gi* въ \bar{i} , какъ въ «неслововомъ» полож., а дало бы звукъ полного образованія, различный въ различныхъ говорахъ, или, хотя и неясный, какъ въ словѣнскомъ *strijec*²⁾, гдѣ вмѣсто *e* для отличія отъ *e* яснаго Плетершникъ употребилъ особую форму той же буквы, но въ большинствѣ по крайней мѣрѣ говоровъ³⁾ во всякомъ случаѣ слоговой⁴⁾. Суффиксъ *-иц-* здѣсь тотъ же, что и въ приведенныхъ выше сербскихъ словахъ *кѡнѣц* и т. д.; случаи соединенія его съ суф. *з — о* (въ данномъ условіи = \bar{z} — *e*) вообще рѣдки, но чаще другихъ нарѣчій, кажется, въ сербскомъ; немногіе

1) Gebauer, Histor. mluvn., d. I, 280—282.

2) Внесено это слово въ словарь Плетершника изъ рукописнаго словаря Миклошича, при чемъ удареніе не отмѣчено.

3) Я разумѣю извѣстныя отступленія лужицкихъ и кашубскихъ говоровъ, каковы н. л. *wócs*, в. л. *wóts*, н. л. *kónc*, в. л. *kónc* и т. п. (Mucke, Hist. u. vrgl. Laut-u. Formenl. d. n. sorb. . . 116), каш. *kúnc* (Ramułt).

4) Кстати замѣчу, что новоболгарскіе и новословѣнскіе «глухіе» могутъ быть во многихъ говорахъ звуками вполне раціональными, т. е. полного образованія, и называться глухими или неясными лишь потому, что мы привыкли соединять представленіе о звукахъ съ извѣстными буквами и естественно называемъ глухимъ тотъ звукъ, который не находитъ себѣ мѣста въ азбучныхъ рамкахъ, всегда крайне узкихъ.

примѣры извѣстны лишь изъ старословянскаго ¹⁾ и словѣнскаго (Миклошичъ, *Vergl. Gr. II*, 293; срв. также у М. Валявца, *Prinos k naglasu u (povoj) slovenštini, Rad...* XLVI, 74); чешскіе же *krajíc, střevis* могли бы быть сомнительны вслѣдствіе возможности объяснить чешск. *s* изъ *tj* и такимъ образомъ видѣть здѣсь суф. *-иитъ*, если бы долгота *i*, встрѣчающаяся также и въ родственномъ съ *-иц-* суф. *-ик-* (*bratřik, párgavník* и т. п., сравн. и малорус. *братик*, въ которомъ мягкое *i* вмѣсто ожидаемаго *и* твердаго, можетъ быть, также находится въ связи съ нѣкогда бывшей долготой), въ противоположность краткости его въ *dědic, božic, králevic, rapic* ²⁾, гдѣ несомнѣнно отечественный суф. *-iĭj-*, косвенно не указывала именно на суф. *-ic-* (*-иц-*) съ *s* изъ *k'*. Гораздо болѣе распространенъ этотъ суффиксъ въ соединеніи съ суф. *a* въ словахъ б. ч. жен. р. въ противоположность родственнымъ съ ними словамъ муж. р. на *-ицъ-* (ст. слов. *пѣвѣцъ* — *пѣвица* и т. п. и многіе соответствующіе примѣры въ русскомъ и другихъ словянскихъ нарѣчіяхъ).

По поводу суф. *-in-* (*-ин-*) слѣдуетъ замѣтить, что, такъ какъ онъ встрѣчается обыкновенно въ прилагательныхъ, образованныхъ отъ основъ на *a* болѣею частію женск. р., то и въ *strīna*, принимая выше приведенное объясненіе этого слова, мы должны искать производнаго не отъ *стрѣги*, а отъ *стрѣга*, которое, какъ мы видѣли, также извѣстно въ старословянскихъ памятникахъ, преимущественно сербскаго письма (послѣднее обстоятельство, вѣроятно, случайно) XIII—XIV в., а также въ полабскомъ *strāija* (см. выше). Такимъ образомъ разбираемое слово извѣстно или предполагается въ словянскихъ нарѣчіяхъ какъ съ суффиксомъ *iĭ*, такъ и съ суф. *ia*, при чемъ съ послѣднимъ не только въ значеніи «деѣа», «amita» жен. р., но и въ знач. «деѣос», «patruus», «Oheim» муж. р. (*Miklos. Lex. pal.; Schleicher, Laut- u. Formenl. d. polab. Spr. s. v.*).

¹⁾ Если въ русскихъ памятникахъ XI—XII в. часто встрѣчается агницъ (Ягичъ, Лекціи по исторіи русск. яз., читан. въ СПб. универс. 188³/₄ г., литограф. Грбовой, стр. 70), то это *a*) можетъ быть отнесено на счетъ ц. слов. оригинала, или *b*) и вм. ѣ по опискѣ, или *в*) и означаетъ *eĭ* изъ ѣ передъ *и*.

²⁾ Это различіе особенно важно потому, что замѣчается и въ сербскомъ яз., гдѣ суффиксъ *-iĭj-*, за исключеніемъ очень немногихъ примѣровъ на *-iĭc* (*-иц*), обыкновенно отражается въ краткомъ *-iĭc* (*-иц*), суффиксы же *-iĭk* (*-ик*) и *-iĭs* (*-иц*) сохраняютъ въ словахъ муж. р. постоянно долготу (А. Leskien, *Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slav. Sprachen. I. №№ 34, 41, 47, стр. 124, 127, 132, 142, 168*). Еще послѣдовательнѣе, чѣмъ въ штокавскихъ говорахъ, краткость суф. *iĭc* (*иц*) проводится въ говорахъ чакавскихъ: въ рабскомъ говорѣ *gradiĭc, koniĭc* и т. д. при штокавск. *gradiĭc, kōniĭc* и т. д. (М. Kušar, *Rarski dijalekat, 32, Rad CXVIII*). Это совпаденіе сербскихъ долготъ и краткостей съ чешскими позволяетъ отнести различіе къ общесловянской эпохѣ.

И такъ я прихожу къ заключенію, что приведенные въ началѣ этой главы примѣры *стрзѧ* и *стрземь* не восходятъ къ общесловянскимъ формамъ съ тѣмъ ирраціональнымъ гласнымъ, который извѣстенъ вообще какъ рефлексъ индоевропейскаго *й* и который во время возникновенія письменности у словянъ нашелъ для себя выраженіе въ буквѣ *з*, точно такъ-же, какъ и *кръыше* не восходитъ къ формѣ **кръыше* съ такимъ *з*, каково, напр., въ причаст. ф. *кръвензѧ*, и что всѣ подобныя формы, встрѣчающіяся въ русскихъ памятникахъ очень рано [проф. Соболевскій¹⁾ привелъ изъ Миней 1097 г. *покрзѧтъ*, изъ Ев. XII—XIII в. *умзють*; имъ-же приведены примѣры изъ другихъ памятниковъ XII—XIII в.²⁾]; я могу прибавить еще мѣста прич. наст. вр. изъ Хлудовск. Пролога № 187, л. 13^b], предполагаютъ формы съ тѣмъ звукомъ, который возникалъ въ общесловянскую эпоху вообще изъ всякаго *й* дословянской эпохи и на письмѣ получалъ выраженіе въ буквѣ *зи*. Конечно, было бы смѣло и прямо даже невѣрно отождествлять его со звукомъ старословянскаго и тѣмъ болѣе древн. русскаго *ы* или съ великорус. *и*, или съ польск. *у*: это было бы невѣрно и рискованно, какъ невѣрно отождествлять всякій общесловянской (а слѣдовательно не реальный, а гипотетическій) звукъ (между прочимъ и *зи*) съ соотвѣтствующимъ ему звукомъ какого-либо живого или исторически извѣстнаго говора любой словянской группы, варьирующимся притомъ въ зависимости отъ разнообразныхъ конкретныхъ условій; невѣрно было бы утверждать и тожество этого звука съ тѣми звуками *зи*, которые являлись въ общеслов. эпоху изъ *й* въ положеніи между согласными, получая неумовимые не только для письма, но и для слуха оттѣнки въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ, отъ ударенія и многихъ другихъ причинъ, знаніе которыхъ не всегда доступно изслѣдователю и исторически извѣстныхъ и даже живыхъ говоровъ. Все это, однако, не мѣшаетъ предположить, что это былъ звукъ первоначально болѣе близкій къ общеслов. звукамъ *зи* (*y*), чѣмъ къ общесл. звукамъ *з*, хотя, какъ я сказалъ, уже въ говорахъ общеслов. языка онъ долженъ былъ болѣе или менѣе отличаться отъ этимологически тождественныхъ звуковъ при другихъ фонетическихъ условіяхъ. При рѣшеніи вопроса о характерѣ различія мы опять должны вдаваться въ область предположеній; но самое вѣроятное — то, что высказано Шахматовымъ въ

1) Лекціи по исторіи русскаго яз. (1888 г.), стр. 161.

2) «Изслѣдованія въ области рус. грам.», 77 стр.; срв. также «Очерки изъ ист. рус. яз.» I, 79—80.

«Исслѣд. въ обл. рус. фон.» 33—34, т. е. что зв. *и* становился здѣсь (въ извѣстныхъ говорахъ) *ирраціональнымъ*; это не значитъ, что онъ переставалъ быть звукомъ той-же категоріи, а значитъ только, что онъ произносился *слабѣе* нормальнаго, т. е. того, что можно принять за мѣру краткаго гласнаго; ослабленіе же артикуляціи какого-либо звука при однихъ условіяхъ можетъ привести къ полному исчезновенію его, при другихъ къ измѣненію его въ звукъ другой ближайше родственной категоріи; послѣднее наступаетъ тогда, когда, ослабившись въ извѣстныхъ существенныхъ частяхъ своей артикуляціи и притомъ неравномѣрно, что зависитъ частію отъ фонетической наклонности даннаго говора, частію отъ какихъ-либо другихъ условій, этотъ звукъ, затѣмъ вторично усиливаясь подъ вліяніемъ какихъ-либо новыхъ условій, попадалъ въ иную категорію звуковъ вслѣдствіе того, что усиленіе совершалось не въ томъ порядкѣ, въ какомъ раньше произошло ослабленіе. Послѣднее, т. е. измѣненіе *иррац. и* въ звуки другихъ категорій, видимъ именно въ появленіи звуковъ *о, э, ѳ* и т. п.¹⁾, наблюдающихся въ великорусскихъ и нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ при *ы* и *и* среднемъ въ остальныхъ бѣлорусскихъ и въ малорусскихъ говорахъ въ тѣхъ же положеніяхъ.

Что касается *о*, то господство его въ великорусскихъ говорахъ слишкомъ извѣстно, чтобы говорить о немъ много; стоитъ указать лишь на то, что проявляется въ памятникахъ оно, хотя, можетъ быть, нѣсколько позднѣе, чѣмъ *о* изъ этимолог. *з*, все-таки довольно рано: въ Лаврентьев. сп. лѣт. на стран. 144⁶ 2 раза находимъ *строй* (см. свѣтопечатное изданіе Археограф. комиссіи 1872: *ѡца своѣго и строй своѣго стр. 11, дружиною ѡтнѣю. и строя своѣго 17—18*)²⁾, при чемъ во второмъ случаѣ и въ Ипатск. спискѣ

¹⁾ Уже Колосовъ (Обзор звук. и форм. особ. . . . 98—99) обратилъ вниманіе на то, что при объясненіи смѣны *ы* на *о* здѣсь *ы* не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ слѣдующаго за нимъ *й*. Можно предположить, что «ирраціональность» выражалась именно въ болѣе широкомъ произношеніи звука *у* (*ы*), отмѣченномъ въ интересной и весьма точной фонетической работѣ Олафа Броха въ одномъ изъ угрорусскихъ говоровъ именно въ двухъ примѣрахъ передъ *і*: *pydūtī*, *izydūtī* (*і* означаетъ широкое *і*), при чемъ авторъ замѣчаетъ, что *у* здѣсь ближе къ произношенію того *у*, которое является послѣ *з, с* вмѣсто этимологич. *і* и отличается отъ рефлекса этимологич. *у* (*ы*), вообще произносимаго узко (*par-gow*), болѣе широкимъ произношеніемъ («Zum Kleinrussischen in Ungarn», Archiv f. slav. Philol. XVII, стр. 328, 342); если авторъ не нашелъ такого же произношенія *у* въ повел. *krūtī* и т. п., то это можетъ объясняться вліяніемъ формъ 1 л. ед. ч. наст. вр. *krūtici* или неопред. *krūtī* (ibid. 410).

²⁾ Срв. Н. П. Некрасовъ, Замѣтки о языкѣ «повѣсти временныхъ лѣтъ» по Лавр. сп. лѣтописи, Извѣстія Отдѣленія русскаго яз. и слов. 1896 г., т. I-го кн. 4-я, стр. 893.

(стран. 158^a, стр. 14—15, фотолитограф. издан. 1871 г.) соотвѣтствуетъ: Дружиною Ѡнеюи строю своѣго, въ первомъ же, хотя издатели прочитали *стрзя* (см. нефотолитограф. издан. 1871 г., стр. 152, сноска), неясно, что именно хотѣлъ написать переписчикъ, такъ какъ, судя по фотолитографич. изданію, стран. 158, стр. 8, здѣсь описка, а именно вмѣсто *ъ* или *о* послѣ *р* написано опять *т*, а затѣмъ вязъ, повидимому, буквы *о* съ *ѣ*; въ спискахъ Р. А. Х. П. въ обоихъ случаяхъ *стрья*. Въ Ипат. при *строеви* 342 (издан. стр. 330, 2 раза), 343 (изд. 331), *строичича*¹⁾ 465 (изд. 455) = Х. П. *стрыичича* встрѣчаются не только формы съ *ы*: *стрый* 338 (изд. 326), 340 (328), *стрыя* 338 (326) (какъ замѣчаютъ издатели, поправлено изъ *строя*), *съ стрьемъ* 227 (223), но и съ *ь*: *стрыеви* 224 (229), *стрья* 240 (234), 250 (243), 252 (245), 338 (327), *стрыичича* 353 (341) = Х. П. *стрыичича*, даже *сестрыичича*²⁾ 226 (222), при чемъ, если возможно здѣсь придавать буквѣ *ь* значеніе фонетическое (а не графическое только), звукъ *ь* могъ развиваться изъ *ъ* подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога, начинавшагося съ *ј*, или подъ вліяніемъ слѣдующаго за кореннымъ гласнымъ *і* (появленіе *ј* или *і* зависѣло отъ мѣста ударенія); съ другой стороны можно предположить, что появленіе здѣсь *ь* вм. *ъ* можетъ быть обусловлено діалектической мягкостью согласнаго *р*. Хотя для глагольныхъ формъ я не могу привести примѣровъ съ *о* вмѣсто *ъ* ирраціон. или *ъ* изъ древнихъ памятниконъ³⁾, но несомнѣнно, что современные великорусскія формы мою, крою, рою и т. п. объясняются одинаково со *строю* и т. п. Что касается упомянутаго звука *ѣ*, то, какъ сообщилъ мнѣ А. А. Шахматовъ, подобный звукъ слышанъ имъ въ этихъ формахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Калужской губ. Звукъ же *э* уже давно отмѣченъ въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ или переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ великорусскимъ говорахъ (Ржевск. Тверск., Витебск., Смоленск.)⁴⁾, а недавно и въ сѣверновеликорусск. (въ Коштугской волости Вытегорск. у. Олонецк. губ.)⁵⁾; только это *э* отмѣ-

1) Я позволю себѣ не ставить знака краткости на *и*, который, очевидно, прибавленъ издателемъ.

2) Вѣроятно, осмысленіе словомъ «сестра».

3) Ихъ не нашель я и въ лекціяхъ Соболевскаго, стр. 161, гдѣ приведены, однако, *строи*, *строєви* уже изъ Пролога 1356 г.

4) Потенія, О звуков. особенностяхъ русск. нарѣчій, Филолог. Зап. 1865, стр. 55. Соболевскій, Очерки русской діалектологіи, Жив. Стар. 1892, вып. III, стр. 13—14.

5) Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. И. Ак. н. 1896 г. (т. I, кн. 3), стр. 565, сообщеніе К. Ф. Филимонова въ «Матеріалахъ для изучен. великор. говоровъ. II» А. А. Шахматова.

чается во всёхъ этихъ говорахъ лишь въ суффиксахъ имен. ед. муж. р. прилагат., а частію и род., дат., мѣстн. ед. жен. р. прилагат. и твор. ед. ж. р. существит. и мѣстоим., формъ же глагольныхъ въ родѣ *мю, *рю я не нашелъ. Но суф. имен. ед. ч. муж. род. прилагат. членныхъ по своимъ звуковымъ условіямъ не можетъ быть отдѣляемъ отъ такихъ словъ, какъ имен. ед. *стрый* и т. п., формы повелит. *мги*, *ргги* и др. = *мый*, *рый*. Хотя *зи* въ старослов. *добрзи* должно было развиваться уже на словянской почвѣ изъ сочетанія *з* + *и*, извѣстнаго діалектически и въ старословянскомъ языкѣ (Зограф. *добрзи*, *злзи* и т. п.)¹⁾ и измѣнявагося иногда въ *ои*, какъ это видно изъ немногихъ примѣровъ Зограф. Ев. (1 р. *стѣи*) и Синайск. Псалт.²⁾, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и здѣсь для объясненія діалектическихъ формъ необходимо исходить изъ того же сочетанія ирраціон. *ы* (= извѣстнаго рода *з*) + *і*, безразлично, восходитъ ли это ирраціональное *ы* къ старому этимологич. *зи* (изъ индоевроп. *ī*), или къ старому *з* (изъ индоевроп. *ǵ* или *ǵ̌* въ конечн. закрытомъ слогѣ). Въ написаніи *з* нашихъ памятниковъ, какъ и памятниковъ старословянскихъ, я и вижу именно тотъ ирраціональный звукъ, о которомъ говоритъ Шахматовъ («Исслѣд. въ обл. рус. фон.», 34), при чемъ этотъ ирраціон. звукъ, разумѣется, не былъ тождественъ вполнѣ съ тѣми звуками, которые выражались также черезъ *з* и восходили къ общесловянскимъ или вновь образовавшимся въ отдѣльныхъ говорахъ ирраціональнымъ звукамъ въ положеніи между согласными, хотя онъ былъ и близокъ къ нимъ настолько, что получалъ при несовершенствѣ графики одинаковое выраженіе³⁾. И въ разбираемомъ нами конкретномъ случаѣ появленія *з* мы должны разграничить случаи еще болѣе конкретные, а именно: 1) мы должны отдѣлить случаи «слогового» положенія отъ случаевъ «неслового», какъ это мы сдѣлали въ обзорѣ глу-

¹⁾ V. Jagić, Studien über das altslovenisch.-glagolitische Zographos-Evang., стр. 121. Срв. также Зографское Евангеліе, издан. В. Ягичемъ, Prolegomena XXIV—XXV. См. также А. Leskien, Handbuch der albulgar. Sprache, 1886, стр. 91.

²⁾ V. Jagić, ibid. 120, Prolegom. XXV; А. Leskien, ibid. 91.

³⁾ Замѣчательно, что въ полабскомъ нѣчто подобное замѣчается передъ *r* и *l*, т. е. появленіе передъ этими звуками вмѣсто *ai* или *ei* изъ *zi* именно тѣхъ звуковъ (*o*, *a*, *oa*), которые обыкновенно отражаютъ въ немъ старыя звуки *z* (А. Schleicher, Laut-u. Formenlehre der polab. Spr., §§ 62, 63, 64 и 65). Пестрое обозначеніе этихъ звуковъ Шлейхеръ объединяетъ въ своемъ *ā*. Отчасти напоминаетъ это явленіе полабскаго языка польское *e* вм. *y* передъ *r*: *ser* вм. *sur*, *szeroki* вм. *szyroki* и т. п. Повидимому, въ языкахъ ляхской вѣтви плавные оказывали на предшеств. *y* (*u*) дѣйствіе, аналогичное съ тѣмъ, какое оказывало на него *đ* въ старослов. и русскихъ говорахъ.

хихъ въ положеніи между согласными, разумѣя подъ первымъ положеніе передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ также ирраціональный гласный и потому отличавшимся неустойчивостью, подъ вторымъ положеніе передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія¹⁾, 2) обратить вниманіе на мѣсто ударенія въ словѣ и 3) на качество и количество предшествующихъ глухому звуку согласныхъ. Относительно перваго условія мы должны замѣтить, что отмѣченные въ нашемъ намятникѣ примѣры *стрѣя*, *стрѣземь*, *крѣяше* всѣ представляютъ случаи «неслогового» положенія паравнѣ съ нынѣшними формами наст. врем. *мѣю*, *рѣю*, *крѣю* и т. п. и въ противоположность им. ед. **стрѣзи*, **добрѣзи*, **худѣзи*, **молодѣзи* и т. п. (я нарочно отмѣчаю звѣздочками эти примѣры, стараясь придать имъ не реальный, а гипотетическій общерусскій или прарусскій характеръ). Отсюда и понятно, почему въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ извѣстны формы наст. вр. *мѣю* и т. п.²⁾, напр., въ Заднесельской волости Кадниковск. у. Вологодск. губ.³⁾ *мѣю*, *мѣетъ*, въ которыхъ ъ, замѣнивъ з подъ вліяніемъ мягкости слѣдующаго слога, правильно утратило слоговой характеръ (вѣроятно, однако, еще раньше, чѣмъ возникло ъ изъ з, утратился слоговой характеръ глухого—другими словами, вѣроятно, уже неслоговое з перешло въ неслоговое же ъ), не будучи поддерживаемо ни удареніемъ, ни слишкомъ трудной для произношенія безъ его помощи (къ качеству слогового звука) группой согласныхъ, хотя до полнаго исчезновенія, кажется, не дошло и теперь, такъ какъ, подобно великорусскому (кажется, почти общему) и частію малорус. (западному) *бѣю* или малорус *бзю*⁴⁾, о которыхъ придется еще говорить дальше, здѣсь *м*, очевидно, чувствуется раздѣльно отъ слѣдующаго *ѣ*, начинающаго слогъ *ю* (*ѣи*), т. е. между *м* и *ѣ* слышится довольно явственный «переходный» или «скользящій» звукъ («Uebergangslaut», «Gleitlaut» и т. п.)⁵⁾, который, правда, составляетъ необходимый элементъ вся-

¹⁾ Срв. у Гебауэра, *Histor. mluvn. d. I*, § 137, стр. 154—155. Также срв. у В. П. Щепкина, критич. разборъ сочин. П. А. Лаврова «Обзоръ звуковыхъ и формальн. особ. болгар. яз.», стр. 22 (Спб. 1896).

²⁾ Соболевскій, Лекціи по истор. рус. яз. ¹, 47, 161.

³⁾ Сообщеніе А. Е. Мерцалова въ «Матер. для изуч. в. р. гов.» А. А. Шахматова (Извѣстія Отд. р. яз. и сл. И. А. н., т. I, стр. 954, кн. 4). Формы съ ъ проявляются уже въ памятникахъ XIV—XVI в. (Шахмат., Изслѣд. въ обл. р. ф. 35).

⁴⁾ *v'ji* или *bjji*; см. Потебни «О звуков. особ. рус. нар.», Фил. Зап. 1865, стр. 131, Огоновскаго «Studien auf dem Gebiete der Ruthen. Sprache», стр. 79, Olaf Broch «Zum Kleinruss. in Ungarn» (*Archiv f. sl. Phil.* XVII, 341, 409).

⁵⁾ E. Sievers, *Grundzüge der Phonetik* ³, 129 (§ 16), срв. также 33—35 (§ 5,1), 172—173 (§ 24,2). Срв. Olaf Broch «Zum Kleinrussisch. in Ungarn» (*Archiv f. sl. Phil.* XVII, 341—342, 409).

каго звукосочетанія, но который обыкновенно не слышится, становясь явственнымъ бѣльшею частью тогда, когда первый или второй изъ сочетающихся звуковъ подвергается значительному ослабленію (редукціи), при чемъ въ этомъ случаѣ «Gleitlaut» можетъ быть разсматриваемъ или какъ конецъ (Ausgang) предшествующаго, или какъ начало (Eingang) слѣдующаго звука; такое ослабленіе стараго глухого (з, в) мы именно и находимъ въ разбираемомъ примѣрѣ, и несоставляющій полнаго слога «Gleitlaut» (англ. «glide») напоминаетъ о нѣкогда бывшемъ слоговомъ з (→ в) и можетъ быть названъ его прямымъ наслѣдникомъ, такъ что звуковое сочетаніе въ родѣ *m'ъji* представляетъ не только одинъ цѣлый нормальный слогъ, но и предшествующій ему маленькій побочный («Nebensilbe»)¹) и въ этомъ отношеніи можетъ быть уподоблено нѣмецкому діалектическому (тюрингенскому) *ksächt* (вм. *gesagt*), которое, по словамъ Сиверса³), часто произносится двусложно или почти двусложно («zweisilbig, oder doch nahezu zweisilbig»)²). Степень дли-

¹) Sievers, Grundzüge ³..... 183 (§ 26).

²) Ibid. 40 (§ 5,2).

³) Этому объясненію в *m'ъji* не противорѣчитъ фактъ появленія «Gleitlaut» вторично въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ безъ предшествующей ему редукціи сочетающихся звуковъ, какъ, напр., въ сочетаніяхъ губныхъ съ смягчающимъ предств. согласн., но не іотованнымъ *a* (обыкновенно изъ общеслов. *ā*) въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ, какъ сохраняющихъ мягкость губныхъ въ этихъ сочетаніяхъ (западныхъ, напр. угорскихъ: Olaf Broch, *ibid.* 341—342), такъ и утратившихъ еѣ (восточныхъ: Потеня, О звук. особ... *ibid.* 131); на этотъ новый «Gleitlaut» нужно смотрѣть такъ-же, какъ вообще на развитіе новыхъ глухихъ, а затѣмъ и ясныхъ въ разныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ тамъ, гдѣ этимологически они не даны; разница лишь въ томъ, что «Gleitlaut» въ малорус. *п'ятниця* и т. п. по самому положенію своему не могъ усилиться до степени слогового, между тѣмъ какъ напр. въ прасербскомъ * *добъръ* (вм. праслов. * *добръ*) онъ получалъ слоговой характеръ и давалъ добаръ въ противополож. добра и т. п. Кстати замѣчу, что мнѣ кажется, что именно неспособность мягкихъ губныхъ сочетаться съ гласн. *a* вызвала указанный «Glide» и іотацію въ малорусскомъ, при чемъ сохраненіе мягкости губныхъ могло зависѣть отъ степени дѣйствія закона ассимиляціи, а также отъ степени позднѣйшей утраты въ данномъ говорѣ небности губныхъ. Я впрочемъ еще не считаю рѣшеннымъ вопроса, на сколько близокъ къ слоговому можетъ быть этотъ «Gleitlaut» въ отдѣльныхъ малорусскихъ говорахъ: Ол. Брочъ говоритъ, что въ говорѣ г. Рѣпаева и другихъ крестьянъ изъ мѣстечка *Uvlya* въ Венгріи на границѣ съ словаками (*Archiv...* XVII, 342, XIX, 7) онъ слышалъ *ĭ* въ глаголѣ *v'jazati* почти столь-же долгое, какъ и стоящее рядомъ съ нимъ *a*. Я представляю себѣ развитіе малорусскихъ формъ восточн. *v'jazati* (*в'язати*) и западн. *v'jazati* (*в'язати*) такимъ образомъ, что сначала въ общемалорус. эпоху, когда еще губные не успѣли утратить въ значит. степени присущую имъ старую небность, обусловленную характеромъ слѣдующаго гласнаго, явилась нелюбовь къ сочетанію мягкихъ губныхъ съ слѣдующимъ *a* (изъ *ā*), тѣмъ самымъ *a*, которое въ болѣе древнюю эпоху вызвало эту самую мягкость, и вотъ между мягкими губными и *a* извѣстнаго происхожденія развивается «Gleitlaut» въ видѣ *ĭ* (неслогов. *i*), а передъ *a*, кромѣ того, послѣ *ĭ* въ нѣкоторыхъ говорахъ развивается *j*,

тельности «переходнаго» звука, какъ остатка глухого, зависить, несомнѣнно, отъ предшествующаго согласнаго, и въ данномъ примѣрѣ послѣдній, какъ звукъ длительный (*m*), долженъ обусловить большую длительность сравнительно напр. съ переходнымъ звукомъ отъ *b* къ *j* въ *b'ju* (*б'ю*) или отъ *n* къ *j* въ *nyu*, въ которыхъ въ большинствѣ говоромъ «переходный» звукъ настолько слабъ, что о двусложности, даже приблизительной, не можетъ быть и рѣчи. Что касается мѣста ударенія въ формахъ *myu*, какъ и *byu*, *pyu*, то его съ общесловянской точки зрѣнія нельзя ли считать столь же древнимъ, какъ, напр., въ *beru* и т. п.¹⁾ Правда, что словянолитовское перенесеніе ударенія на суффиксъ со старой длительной долготой происходило лишь въ томъ случаѣ, если коренной гласный былъ кратокъ, въ данномъ же случаѣ онъ съ точки зрѣнія родственныхъ языковъ соотвѣтствуетъ долгимъ звукамъ; однако нельзя отрицать и того, что часть этихъ звуковъ сократилась еще въ общесловянскую эпоху, а можетъ быть, и раньше, не достигши, впрочемъ, степени ирраціональности, при чемъ это сокращеніе обуславливалось какъ качествомъ дословянской и общесловянской долготы, такъ и положеніемъ въ словѣ; если же примемъ мнѣніе Шахматова («Изслѣд. въ обл. р. ф.» 33), что «въ общеслав. и общерус. языкахъ звуки *i* и *y* въ положеніи передъ неслоговымъ *ĭ* отличались отъ звуковъ *i* и *y* своею ирраціональностью», то придется согласиться, что для общесловянской уже эпохи коренной гласный здѣсь долженъ быть разсматриваемъ, какъ краткій. При такомъ взглядѣ удареніе *moju* придется объяснять вліяніемъ ударенія формъ 2-го и 3-го л., какъ, наоборотъ, удареніе *myeta* и т. п. — вліяніемъ формы 1-го л.; сербскія же *mijem*, *bijem*, *pijem*, какъ и *berem*, тѣмъ легче объясняются вліяніемъ формъ 2-го и 3-го л., что подчинились имъ и въ тематическомъ отношеніи. Такимъ образомъ прарусскимъ я позволю себѣ считать такой видъ спряженія: **myju*, **myeши*, **myeтъ*. . . ., откуда въ однихъ говорахъ **myju*, **myeши*. . . ., въ другихъ **mbju*, **mbieши* и т. д.²⁾ (черезъ знакъ ~

затѣмъ въ однихъ говорахъ, какъ передъ этимологич. *i* (а не *i* изъ *ъ* и *e*), исчезаетъ небность губныхъ, въ другихъ же удерживается. Сказанное о сочетаніяхъ губныхъ съ *я* изъ этимологич. *a* вполне примѣнимо и къ сочет. съ *ю* изъ этимолог. *e* въ закрыт. слогахъ въ западныхъ говорахъ. Небность и въ западныхъ говорахъ находится на пути къ исчезновенію: Рѣпаевъ произноситъ *v'jazati*, а его односельцы *vjazati* (Arch. XIX, 7).

¹⁾ Срв. выше, стр. 111, сноска 1.

²⁾ Мое объясненіе формы *myu*, такимъ образомъ, отличается отъ объясненія Шахматова въ томъ отношеніи, что онъ прибѣгаетъ къ помощи предложныхъ формъ, каковы *оумю* уже въ Служебн. XIV в. Рум. Муз., въ которыхъ дѣйствительно удареніе приходилось на предлогъ (срв. серб. *умијем се*, *убијем*, слов. В. С. К.), но я и въ нихъ позволю себѣ

я здѣсь отмѣчаю сильную краткость звука *ы* (лат. *y*), достигающую ирраціональности). Идеально представляя себѣ этотъ звукъ въ гипотетической древности совершенно одинаковымъ независимо отъ ударенія, обратимъ теперь вниманіе на то, какое вліяніе могло имѣть здѣсь удареніе; мнѣ кажется, что оно измѣняло его, если не въ качественномъ, то во всякомъ случаѣ въ количественномъ отношеніи: при отсутствіи ударенія иррац. *y* становилось здѣсь (въ «неслоговомъ» положеніи) неслововымъ и совпадало съ неслововымъ *з* и далѣе, испытывая дѣйствіе слѣдующаго мягкаго слога, обращалось въ неслоговое *ь*. Но является вопросъ, не могъ ли и подъ удареніемъ явиться здѣсь звукъ, столь близкій къ древнерусскому *з*, что получалъ одинаковое съ нимъ выраженіе на письмѣ, т. е. нельзя ли въ древнерусскихъ написаніяхъ, подобныхъ мѣи Хлудов. Пролога, читать *з*, полагая на немъ удареніе. Мнѣ кажется, что, такъ какъ въ памятникахъ того же приблизительно времени знакъ *з* нерѣдко выражаетъ еще звукъ, отражающій старыи общесловянскій *з* въ ударяемомъ или вообще слоговомъ положеніи (сравн. примѣры нашей лѣтописи), то неудивительно, если и *з* вмѣсто этимологич. *зи* изрѣдка можетъ означать и слоговой звукъ. Возможно, конечно, предположить и то, что *з* въ ударяемыя формы проникало на письмѣ подъ вліяніемъ неударяемыхъ; но это предположеніе о графическомъ значеніи *з* вм. *зи* въ извѣстныхъ формахъ имѣетъ силу лишь настолько, насколько предположеніе о графическомъ значеніи *з* на мѣстѣ этимологич. *з* въ слоговомъ положеніи. Я именно думаю, что и *слоговое* ирраціональное *ы* (*y*), прототипъ нынѣшнихъ діалектическихъ вариантовъ, могло выражаться иногда черезъ *з*. Разумѣется, то, что мы сказали о значеніи буквы *з* въ изображеніи звука, отражавшаго ирраціональное *ы* въ открытомъ слогѣ подъ удареніемъ, вполне относится и къ написанію *з* на мѣстѣ ирраціональнаго *ы* въ закрытомъ слогѣ, т. е. въ настоящемъ слоговомъ положеніи, какъ, напр., въ формахъ 2 л. ед. повел. *мзи* и т. п., въ которыхъ конечное *и*, вѣроятно, довольно рано сокращалось до степени неслогового, но такихъ формъ съ *з* мнѣ не встрѣчалось, какъ не встрѣчалъ я нигдѣ отмѣченной и формы им. ед. **стрзи*, лежащей въ основаніи встрѣчающейся

видѣть вліяніе формъ 2 и 3 л. на ф. 1 л.; я даже сомнѣваюсь, слѣдуетъ ли приведенную Шахматовымъ форму читать вмѣстѣ съ нимъ, какъ *шъji*, а не какъ *шъ'ji* (срв. «Исслѣд. въ обл. р. ф.» 35): и въ сложеніи съ предлогами могло быть колебаніе въ удареніи формъ 1 л. ед. съ одной и остальныхъ съ другой стороны, а потому возможно, что ф. 3 л. *шъ'jet'* или *шъjet'* была при ф. 1 л. *шъ'ji*, а затѣмъ вслѣдствіе взаимодѣйствія въ однихъ говорахъ одержала побѣду одна форма, въ другихъ другая (срв. серб. *убијемъ* съ великор. *убью*).

въ Прологѣ 1356 г. формы *строи*¹⁾; что же касается формъ членныхъ прилагательныхъ въ именит. ед. муж. р., то онѣ попадаются съ окончаніемъ *зи* въ памятникахъ довольно рано (съ XIII в.), при чемъ и *ои* встрѣчается уже по крайней мѣрѣ съ XIV-го в.²⁾ и господствуетъ въ грамотахъ XV—XVI в. (примѣры, какъ *день соудьнои* въ Евген. псалт. или *тѣлообразнои видъ* въ мин. 1096 г., приводимые И. В. Ягичемъ³⁾, я нѣсколько опасаясь отнести на счетъ русскаго писца, такъ какъ, во-первыхъ, въ русскихъ памятникахъ послѣдующихъ вѣковъ до XIV в. мы ихъ не находимъ, а, во-вторыхъ, находимъ подобныя написанія въ памятникахъ старословянскихъ глаголическихъ южно-славянскаго письма, напр., особенно въ Синайск. псалт., срв. сказанное мною выше). Здѣсь по поводу окончанія имен. единств. муж. р. членныхъ прилагательныхъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нашемъ памятникѣ послѣдовательно⁴⁾ употребляется окончаніе *-зи* во всѣхъ трехъ и остальныхъ почеркахъ, при чемъ нигдѣ мы не встрѣчаемъ окончанія *-зи*, которое могло бы быть признано прототипомъ *-ой*, а напротивъ, даже въ мѣстоименіи указательномъ встрѣчаемъ *-зи*: *ча тыи 7* (въ 1-омъ поч.). Однако изъ этого господствующаго правила встрѣчаются и любопытныя исключенія. Нельзя придавать значеніе встрѣчающемуся одинъ разъ *-зи* вм. *-зи*, такъ какъ это, весьма вѣроятно, описка, обусловленная, м. б., тѣмъ, что далѣе, правда, послѣ точки (означающей болѣею частію запятую или точку съ запятою современнаго правописанія), слѣдуетъ союзъ *и*: *и прѣдоша близъ роуси идеже зоветь | са. валь полочкьскы. и привего|ша оканьчии..... 192. 11—14.* Для опредѣленія произношенія гортанныхъ важно встрѣчающееся на одной изъ послѣднихъ страницъ *архїеппъ новггородъ | скии 337. 15—16.* Но оно важно не только въ этомъ смыслѣ, а можетъ отражать и другое любопытное явленіе, такъ какъ во многихъ великорусскихъ говорахъ, измѣнившихъ старое *-кзи* на

1) А. И. Соболевскій, Лекціи по истор. рус. яз. I, стр. 161.

2) Ibid. 159—160.

3) Критич. замѣтки по исторіи русскаго яз., 29. Срв. у Будде, Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 217—218, сноска.

4) Я приведу нѣсколько примѣровъ: *полочкьскыи 12, соурьскыи 13, нов(ъ)городьскыи 13, 18, 24, 63, 85, 93, 97, 103, 109, 121, 170, 205, 263, 295* и др., *новыи тѣргъ 40, 83, стѣи 46, (-) 249, в николау|стѣи 295, грѣцкыи 92, (-ч-) 139, римьскыи 136, драгыи 139, поганьи злыи дедрикъ 141, чѣрмьчьи 156, великыи 182, 215, 216, 239, 263, 301, 305, 321, 323, 330, 333, оканьчьи 177, 178, 213, 237, 273, 274, вѣчьи 325, проньскыи 242, ростовьскыи 263, 303, преблгьчи 252, злыи 271* и др.

-ки, именно въ суффиксѣ имен. ед. прилагательныхъ въ противоположность нашему примѣру вмѣсто -кий или -кій (при передачѣ литературнымъ правописаниемъ) является безъ ударенія приблизительно -кѣй или -кѣй, подь удареніемъ — коѣй, и это, какъ мнѣ кажется, лежитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что только *неирраціональное* *г* въ этихъ говорахъ первоначально измѣнялось послѣ *к* (или *г*) въ *и*, ирраціональное же, въ извѣстныхъ условіяхъ приближаясь къ *з*, сохраняло твердый характеръ; срв. *безногимъ*, *безрукымъ* Красн. Смол. губ.¹⁾ и во многихъ другихъ говорахъ, при чемъ *и*, *кы* здѣсь безъ ударенія и слѣдовательно едва ли сохраняютъ полный звукъ, слышывал Ниж.¹⁾, отыскывать, растягивать и т. п.²⁾, хотя въ нѣкоторыхъ говорахъ, какъ напр. въ Иркутск. *кыкать*¹⁾, твердое произношеніе является, можетъ быть, и подь удареніемъ, которое, къ сожалѣнію, въ записи не отмѣчено. Этимъ же объясняется, вѣроятно, и твердое *к* въ собствен. имени *Лукойн* (сравн. и названіе города *Лукойнов*), гдѣ *ко* изъ греч. *κ* черезъ посредство *кы* и т. д. (другая форма того-же имени *Лукѣян* могла развиться не только прямо изъ *Лукіян*, но и изъ **Лукѣян*, сравн. *мѣю* изъ **мѣю*). Непонятно, однако, почему во всѣхъ великорусскихъ говорахъ произносится *кѣе(в)* или *кѣе(в)*, *кѣи(в)*, а не **кѣев* (*коив*), какъ мы ожидали бы въ говорахъ, имѣющихъ *Лукойн* (или *Лукаѣн*), частію южныхъ и среднихъ, частію, можетъ быть, и сѣверныхъ; Шахматовъ³⁾ сдѣлалъ вѣроятное предположеніе, что форма *кѣев* въ южно-великорусскіе проникла изъ сѣверныхъ говоровъ или представляетъ видоизмѣненіе произношенія *Кіев*, прибавлю, пришедшаго книжнымъ или пѣсеннымъ путемъ изъ южной, точнѣе, югозападной Руси, т. е. изъ области какихъ либо говоровъ югозападныхъ, предковъ нынѣшнихъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ⁴⁾; возможно еще предположить, что ударяемость содѣйствовала здѣсь сохраненію полного слога *кѣи-* передь слѣдующимъ *ѣ*, измѣнившася затѣмъ, какъ и всякій раціональный слогъ *кѣи-*, въ *ки-(кѣ)*, въ тѣхъ-же говорахъ, которые въ то-же время уже измѣняли неударяемое *кѣи-* передь *ѣ* и даже неудар. *кѣ* (въ греч. слов.) передь *ѣ* въ ирраціон. звукъ близ-

¹⁾ Колосовъ, Обзор зв. и форм. особ., 142.

²⁾ А. И. Соболевскій, Лекціи по ист. рус. яз. ¹, стр. 91 (примѣры изъ Лавр. сп. лѣт.: выискывати 245).

³⁾ Изслѣдованія въ обл. рус. фонетики, 41.

⁴⁾ Мягкое *кѣ* могло или замѣнить на сѣверовостокѣ югозападное среднее, или въ такомъ уже видѣ перейти съ югозапада (изъ какого либо говора съ мягкимъ произношеніемъ *кѣ*); впрочемъ первое предположеніе представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

кій къ *о* или *ъ*. Что касается *безногым* и т. под., то замѣчу, что эти формы являются не во всѣхъ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ въ имен. ед. муж. р. *безногѣй* или *безногѣй* и т. п., и слѣдовательно не могутъ быть поставлены рядомъ съ ними, какъ обязанныя одинаковымъ причинамъ своимъ существованіемъ; если неударяемость и поддерживала ихъ существованіе, то во всякомъ случаѣ къ этой причинѣ не присоединялась другая — положеніе передъ неслоговымъ *і*, а кромѣ того необходимо было бы знать для рѣшенія вопроса, нѣтъ ли въ тѣхъ же говорахъ примѣровъ ударяемыхъ *ы*, *кы* передъ согласнымъ, или не встрѣчаются ли эти твердыя сочетанія въ коренныхъ слогахъ подобно иркутскому *кыкать*; если бы изслѣдованіе данныхъ говоровъ и привело къ отрицательному отвѣту на два послѣднихъ вопроса, все-таки оставалась бы возможность объяснять формы *безногым*, *безрукым* вліяніемъ формы имен. ед. муж. р., гдѣ *-кый*, *-кой* и т. п. столь распространенны въ говорахъ; но что неударяемость одна можетъ быть причиной твердаго произношенія гортанныхъ, на это можетъ указывать произношеніе *Логин*, *Логинѣ* въ говорахъ Курмышск. у. Симб. г. (собств. имя *Логин* = греч. *Λογγίνος*, лат. *Longinus*). Возвращаясь къ упомянутой формѣ им. един. муж. р. *новгородскимъ* (замѣчу, что послѣднее *и* написано, вѣроятно, по опискѣ очень похоже на *н*), можемъ предположить, что она отражаетъ произношеніе тѣхъ-же говоровъ (только въ болѣе позднюю эпоху), которые проявляются и въ формахъ 1-го почерка *свьискеи* кнѣзь 44. 17, *неревьске/и* коньць 107. 11—12, т. е. *и* здѣсь выражаетъ происшедшій изъ *ѵ* звукъ *e*^і или *і*, который могъ быть не вполнѣ рациональнымъ, если не имѣлъ на себѣ ударенія. На формы *-кеи* и т. п. уже давно указалъ А. А. Шахматовъ въ «Изслѣдованіяхъ въ обл. р. ф.» 42—43, выбравъ ихъ изъ нашего и многихъ другихъ памятниковъ, при чемъ имъ же прекрасно, повидимому, выяснена и причина появленія этихъ *ке^і* или въ другихъ сѣверныхъ говорахъ *к^іѵ* изъ *к^іѵ*: причина была въ томъ, что въ этихъ говорахъ *ку* (*кы*), *гу* (*гы*) измѣнялись въ *кі*, *гі* ранѣе перехода *ѵ* склоннаго къ *и* въ *о* (ibid. 42), а подъ *ѵ* склон. къ *и* Ш. разумѣтъ звукъ переходный отъ ирраціон. слогового *у* (*ы*) къ *о* (стр. 38). Однако, какъ бы ни казалось заманчивымъ это объясненіе, придется усомниться въ его вѣрности въ виду фактовъ такихъ памятниковъ, какъ 1-й почеркъ синодальнаго списка Новгород. лѣт.: мы не находимъ здѣсь ни одного примѣра *и* вм. *зи* послѣ *к*, *г*, *х* (разумѣется, я не считаю греческихъ словъ) въ коренныхъ слогахъ или вообще не передъ гласнымъ даже и въ суффиксальныхъ слогахъ; случай въ коренномъ слогѣ передъ *і* *+е* встрѣ-

чается въ 3-мъ поч.: *киекъ* 241. з; что же касается *ки* не передъ гласнымъ, то оно извѣстно лишь 2 раза на послѣднихъ страницахъ синодальной рукописи: цр⁺ки 335. з (запись о поновленіи церкви св. Георгія 1345 г.), оу⁺сть | оу⁺зы рѣ⁺ки 337. в—9¹); такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ 1-му поч., придется искать много объясненія. Это объясненіе, можетъ быть, удастся извлечь изъ слѣдующихъ фактовъ: въ имен. и частію винит. ед. ч. словъ муж. р. нерѣдко является у насъ *e* (или *ь*) въ окончаніи, а именно мы находимъ: въ 1-омъ поч. сь⁺мь | юне 96. 1—2, къ⁺снатине 99. 17, въ⁺нездѣ 99 (сравн. *вънездѣ* посадни новгородскыи 229); во 2-омъ поч. бор⁺се 145. 11, петре 229. 19, остан⁺кѣ 162. 14, —ъ | кѣ 17—18, мѣстоим. вх⁺е (поль) 175. 1, причаст. прош. осѣ⁺лѣ (стосла....) 166. 17; нѣкоторые изъ этихъ и много примѣровъ изъ другихъ памятниковъ можно найти у Соболевскаго въ «Изслѣдованіяхъ въ области рус. грам.» 40—41 и въ «Лекціяхъ по ист. р. яз.»¹ 137—138 и у Шахматова въ «Beiträge zur russischen Grammatik» (Archiv f. slav. Philologie VII, 57—61) и въ «Изслѣдованіяхъ въ обл. рус. фонет.» 47—48. При объясненіи этихъ формъ я примыкаю къ тѣмъ, которые (Потебня, Къ исторіи звуковъ... 42—43 и др., Шахматовъ, Изслѣд. въ обл. рус. фонет.... 46—49) видѣли здѣсь явленіе фонетическое въ противоположность тѣмъ, которые вполне (Соболевскій, Изслѣдованія въ обл. русск. грам. 47—49, Лекціи по истор. русск. яз.¹ 137—138) или отчасти (Шахматовъ въ «Beiträge zur russisch. Gr.»....) искали здѣсь причины морфологической. Не входя въ подробный разборъ всѣхъ этихъ мнѣній, замѣчу, что, какъ объяснявшіе эти формы морфологически, такъ и видѣвшіе здѣсь фонетическое явленіе, довольно значительно расходились между собою: А. А. Потебня видѣлъ здѣсь неточное изображеніе глухого *z*, не разсматривая ближе причины появленія его вм. *z*, А. А. Шахматовъ же въ главномъ своемъ трудѣ видѣлъ въ этомъ *e* (или *ь*) дѣйствительно звукъ близкій къ *e* (ѵ склон. къ *e* и далѣе, вѣроятно, *e*¹) подобно тому, какъ и въ *o* нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ памятниковъ (плуго Двин. XVI в., у насъ выше упомянутое на стр. 40 Волхова и др., см. Изслѣд. въ о. р. ф. 46) онъ, повидимому, признаетъ настоящее слоговое *o* изъ ѵ склон. къ *u*, которое въ свою очередь явилось, по его мнѣнію, изъ ирраціональнаго *yi* (ibid. 45—46), при чемъ

¹) Что касается приводимаго проф. Соболевскимъ гж⁺киннѣ днѣ 211.1, то это сюда не относится, ибо здѣсь *ки* замѣняетъ не старое *ки*, а старое *чи*.

причиной удержанія и дальнѣйшаго фонетическаго развитія здѣсь стараго глухого онъ считаетъ факторъ психическій — стремленіе къ равнотелности. Появленіе въ ф. именит. ед. звука *e* изъ *z* или «ирраціональнаго *ы*» дозволяетъ объяснять такимъ-же образомъ *e* въ окончаніи *em* приведенныхъ прилагательныхъ, т. е. изъ того-же «ирраціональнаго *ы*» черезъ посредство ъ склоннаго къ *и*, только безъ предположенія измѣненія гортаннаго сочетанія *ку* въ *кѣ* въ данномъ говорѣ, т. е. независимо отъ того, что передъ окончаніемъ *ей* (*eĭ*) здѣсь приходился именно звукъ *k*; такимъ образомъ на *e* въ *свѣискеи* я смотрю совершенно такъ-же, какъ и на *e* въ *останъке*, *вхе*, *борисе*, *къснатине* и др., съ тою лишь разницею, что въ ф. им. вин. ед. прилагательныхъ членныхъ глухой *z* (или «ирраціон. *ы*») чисто фонетически удерживалъ слоговой характеръ, находясь въ «слоговомъ» положеніи передъ слѣд. неслоговымъ *i* (при другихъ условіяхъ это *i* само могло бы стать слоговымъ)¹⁾, въ формѣ же имен. вин. ед. существит., мѣстоимен. или прилагат. нечленныхъ слоговой характеръ и затѣмъ проясненіе глухого могли обуславливаться и нефонетическими причинами (срв. у Шахматова, *ibid*, 45)²⁾.

Говоря о формѣ им. вин. ед. ч. муж. р. членныхъ прилагательныхъ. мы должны обратить вниманіе еще на любопытное отступленіе, а именно форму вин. един. ч. дѣтскон 237. 6, встрѣчающуюся на первой страницѣ 3-го поч. Было бы неудивительно встрѣтить эту форму, если бы мы имѣли вообще и другіе примѣры окончанія *-ой* въ им. вин. ед. ч., но, какъ сказано, мы во всемъ памятникѣ не находимъ даже ни одного примѣра *-зи*, какъ прототипа *ои*, и указанная форма является единственной не только въ 3-емъ поч., но и вообще во всемъ синодальномъ спискѣ. Для толкованія этой «восточно-русской» формы слѣдуетъ обратить вниманіе во первыхъ на то, что это было названіе служилаго человѣка (это мѣсто читается такъ: а новгородѣць тоу оубѣ³⁾). Т. моужѣ фѣда якоуновича. ты | сачьскѣ. гаврила цинтинка. нѣ | гоутина на лоубаници. нѣжі | лоу серебряника. гостилца на | коуз-

1) Здѣсь имѣетъ силу тотъ законъ, по которому изъ двухъ заканчивающихъ слово глухихъ слоговымъ становится второй отъ конца, слѣдов. *z* (*ы*), а не *й*.

2) Я позволю себѣ сдѣлать и другое предположеніе: не слѣдуетъ ли формы *свѣискеи* и *неревьскеи* нашего памятника объяснять такъ же, какъ бѣлорус. и великолуцк. *дамей*, *друей*, *талстэй* (Шахмат. *ib.* 40), хотя такое толкованіе допустимо лишь при условіи удаляемости этого окончанія?

3) Здѣсь кончается 236-я страница и вмѣстѣ 2-ой почеркъ.

мѣдѣмьшии оулицѣ. фѣ | дора оума. кнѣжь дѣцкон....)¹⁾, слѣдовательно, слово, хотя въ данномъ случаѣ примѣнявшееся къ новгородцу, однако могшее быть происхожденія и не новгородскаго вслѣдствіе бродячаго характера князей и ихъ дружины, во вторыхъ, что, будучи названіемъ должностнаго лица, оно, не смотря на то, что этимологически представляло собою форму членнаго прилагательнаго, синтактически вслѣдствіе утраты опредѣляемаго, вѣроятно, уже чувствовалось въ языкѣ какъ имя существительное подобно тому, какъ въ современныхъ великорусскихъ говорахъ какъ существительныя употребляются «становой» (подразумѣвается «приставъ»), «мировой» (т. е. «судья») и т. п. (объ этомъ явленіи языка, какъ и вообще о развитіи категорій существительныхъ и прилагательныхъ, подробно говорится въ неизданномъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ трудѣ покойнаго А. А. Потебни—3-ей части «Изъ записокъ по русской грамматикѣ»); послѣднее становится особенно вѣроятнымъ, если допустить первое, т. е. что слово это для писца или автора даннаго мѣста лѣтописи было до нѣкоторой степени чужимъ и усвоено имъ какъ иностранное, при чемъ самое слово могло усвоиться языкомъ довольно крѣпко и вмѣстѣ съ тѣмъ не чувствоваться его этимологическое происхожденіе. Въ третьихъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что и въ другихъ спискахъ мы находимъ въ этомъ словѣ въ данномъ мѣстѣ окончаніе *-ой*: К. (т. е. въ спискѣ Археогр. комиссіи XV-го в.) *дѣшкой*, А. Т. (въ спискахъ Академіи Наукъ—XV-го и Толстовскомъ—XVIII) *дѣтской*²⁾; это еще болѣе говоритъ въ пользу отсутствія естественной связи этого *-ой* съ языкомъ автора или писца даннаго мѣста; кромѣ того, сохраненіе группы *тис* въ спискахъ А. и Т. могло бы служить доказательствомъ очень древняго написанія разбираемаго слова въ такой формѣ, если бы только можно было быть увѣреннымъ, что *-тис* написано здѣсь первоначальнымъ составителемъ, а не представляетъ, какъ иногда бываетъ, позднѣйшаго возстановленія этимологическаго правописанія (подъ вліяніемъ слова *дѣти*); предположеніе первоначальности написанія *тис*, сохранившагося случайно въ спискахъ болѣе позднихъ, въ противо-

¹⁾ См. Матеріалы для словаря древнерусскаго яз. по письм. памятн. И. И. Срезневскаго, вып. II, в. ч., гдѣ толкуется это слово какъ «отрокъ княжескій», а также «Исслѣдованія о русской правдѣ» П. Мрочекъ—Дроздовскаго, вып. II, стр. 159—161, гдѣ рядомъ примѣровъ изъ памятниковъ доказывается, что это былъ «служитель, употребляемый также въ посылки и для приставства».

²⁾ См. «Новгородск. лѣтопись по синод. харат. списку, издан. археограф. ком. СПб. 1888», стр. 244, а также въ предисловіи стран. VII—IX.

положность *и* древнѣйшаго Синодальнаго списка, могло бы служить лишнимъ доводомъ въ пользу высказаннаго мною раньше мнѣнія¹⁾, что Синодальный списокъ не представляетъ подлинника, а есть дѣйствительно только списокъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ своихъ мѣсть: *тѣс* подлинника въ данномъ случаѣ могло бы быть замѣнено въ Синодальной рукописи болѣе согласнымъ съ произношеніемъ *и*. Но возможно ли подобное предположеніе? Вѣдь это, какъ уже указано мною на стр. 104-ой, противорѣчило бы духу правописанія 3-го поч., въ которомъ правильно пишется *ѣ* въ суффиксѣ *-ѣск-* и между прочимъ и послѣ *т*, которое не замѣняется черезъ *и*. Это обстоятельство заставляетъ думать, что скорѣе въ позднѣйшихъ спискахъ *тѣс* возстановлено искусственно²⁾, чѣмъ въ Синодальномъ *и*, которое замѣнено черезъ *и* въ Коммисіонномъ, несогласно съ первоначальнымъ написаніемъ³⁾. Съ другой стороны и написаніе *и* въ противоположность всѣмъ другимъ примѣрамъ 3-го поч., какъ я уже на это указывалъ (стр. 104), позволяетъ сдѣлать тотъ-же выводъ, что и написаніе *-ои*, т. е. что данное слово взято изъ другого говора, или что по крайней мѣрѣ прилагательное и производное значеніе его не сознавалось. Изъ всего, что возможно гадать объ этомъ словѣ, ясно одно то, что оно было записано первоначально по слуху, а не взято изъ книжнаго языка; очевидно, ни авторъ ни переписчикъ не знали, какъ бы оно должно было быть написано на церковно-славянскомъ языкѣ, не сознавали его связи съ той-же категоріей прилагательныхъ, къ которой принадлежатъ всѣ остальные записанные ими примѣры на *-им*. Возможно также и то, что вслѣдствіе особенности употребленія этого слова самое измѣненіе группы *тѣс* въ *и* въ немъ про-

1) См. стр. 26 и слѣд. настоящаго сочиненія.

2) Если бы писецъ Синодальн. рукописи нашелъ въ подлинникѣ, съ котораго списывалъ, *тѣс*, то такъ бы оставилъ, не замѣняя его черезъ *и*.

3) Замѣчательно, что уже въ Русской Правдѣ по Син. сп. к. XIII в. читаемъ *дѣтъскѣи* (Мрочекъ-Дроздовскій, Изсл. о Р. Пр., вып. II, стр. 61; Срезневскій, Матеріалы для слов. др. рус. яз., т. V.), но *дѣтъским* не только въ грамотахъ Смол. п. 1230 г., Риж. ок. 1300 г., но и въ Лаврент. л. подъ 6605 г. (л. 174а, строк. 11) и даже въ Ипатск. л. подъ 6657 г. (л. 281, изд. стр. 272) *дѣтъскимъ*, отъ *дѣтъскою тою*; сохраненіе *тѣс* въ Лавр. и тѣмъ болѣе въ Ипатск. должно быть объяснено точнымъ списываніемъ съ ихъ оригиналовъ, которые могли быть написаны, судя по времени описываемыхъ событій (на 137 и 85 лѣтъ раньше описываемаго событія въ Новгород. лѣт. на стр. 237), гораздо раньше не только Синод. сп. Русской Правды, но и грамоты 1229 и 1230 г., при чемъ особенную древность необходимо приписать примѣру изъ Сильвестровой «повѣсти временныхъ лѣтъ». Срв. старочешск. *dyetŝky* въ Святovit. сп. Александр., по Гебауэру нач. XV в. (Hist. ml. I, 667), см. издан. Гатталы и Патеры, стр. 19, ст. польск. *dzeczskich* (ис. Флор. 8, з, изд. Неринга 1883, стр. 6).

изошло быстрѣе, чѣмъ въ другихъ словахъ, въ которыхъ встрѣчалась та же группа. Но вмѣсто того, чтобы дѣлать такія рискованныя предположенія о крайне неопредѣленномъ и малоизвѣстномъ вліяніи психическихъ факторовъ на дѣйствія звуковыхъ законовъ, попытаемся обратить вниманіе еще на одинъ объективный факторъ чисто фонетической и посмотримъ, нельзя ли ему приписать здѣсь какое либо дѣйствіе какъ въ появленіи *и*, такъ и особенно въ появленіи *-ой* (я позволю себѣ здѣсь *-ои* читать какъ *-ой*, т. е. *-oi*); я разумѣю удареніе: не являлось ли *-ой* первоначально лишь подъ удареніемъ¹⁾, какъ и теперь въ большинствѣ южновеликорусскихъ и частію сѣверновеликорусскихъ²⁾ говоровъ? Если мы возьмемъ остальные встрѣчающіеся у насъ примѣры ф. им. вин. ед. прилагат. муж. р., то очень немного найдемъ такихъ, въ которыхъ можемъ на основаніи современныхъ говоровъ предположить удареніе на суффиксѣ, но и тѣ могутъ быть навѣрно или со значительной степенью вѣроятности отнесены на счетъ церковнословянскаго (частію на основаніи своихъ неполногласныхъ формъ, частію по другимъ соображеніямъ) или по крайней мѣрѣ южнорусскаго языка; таковы напр. *стѣми*, *драгми*, *прѣблѣми*, *злѣми*, *тѣфѣрьскыи* *ѣппь* 303—304 и т. п.³⁾; напротивъ *полочскыи*, *соурьскыи*, *нов(ъ)городскыи*, *грѣцкыи*, *великыи* и т. п., въ которыхъ отражается народный языкъ, случайно принадлежатъ къ неимѣющимъ ударенія на суффиксѣ. Имѣя это въ виду, т. е. что мы не находимъ ни одного народнаго сѣвернаго примѣра на *ми* съ удареніемъ, осмѣливаюсь предположить, что *дѣцкон* читалось какъ *дѣцкѣой*, а не какъ *дѣцкой*. Хотя вполне объективныхъ и прямыхъ данныхъ для этого предположенія я не имѣю, такъ какъ въ современныхъ говорахъ мнѣ неизвѣстно этого слова въ существительномъ употребленіи и вообще съ удареніемъ на суффиксѣ (Даль приводитъ слово

1) Срв. у Шахматова, Исслѣд. въ обл. рус. фон., 41—42.

2) См. у Шахматова, Исслѣд. въ обл. р. ф. 42.

3) Можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести *чръмынги* 156; хотя нѣтъ основанія считать его церковнословянскимъ **чръмынги* или **чръмынги*, заимствованнымъ и передѣланнымъ на русскій ладъ, тѣмъ болѣе, что оно относится къ названію русскаго князя (исколада . . . сѣнъ стѣсла|валъ правнукъ оагоа.), но такъ какъ оно относится къ князю южнорусскому, а въ южнорусской группѣ говоровъ и ударяемое *-ий* было возможно, какъ и теперь въ малорус. *-ий* ударяем. и неудар., то это еще болѣе говоритъ въ пользу отсутствія у насъ народныхъ сѣверно-или восточно-русскихъ формъ на *-ий* съ удареніемъ. Впрочемъ и *тѣфѣрьскыи* встрѣчается не только примѣнительно къ епископу, но и примѣнительно къ князю, какъ напр. на стр. 308-ой *михало прослави . . .*, такъ что можно думать, что писецъ былъ предшественникомъ Ломоносова въ дѣленіи слога на «высокій», примѣнявшійся не только

дѣтскій какъ «старинное» слово и безъ ударенія), но удареніе нашего им. вин. ед. *дѣтя* изъ болѣе древняго **дѣтя* (= ст. слов. **дѣтѣ*) и сербск. *дијете* — *дјетета*, собират. *дјѣца* (= **дѣтъца*), удареніе формы род. множ. в. рус. *дѣтѣй*, малор. *дѣтѣй*, наконецъ случай первоначально ударяемаго окончанія прилагательныхъ на *-ски* въ сербскомъ преимущественно именно тогда, когда соотвѣтствующее существительное также предполагаетъ въ единств. или множеств. числѣ удареніе на окончаніи, какковы горскій при гора (рус. *гора*), двѣрскій при двѣр — двѣра (рус. *двор* — *дворѣ*), градскій (в. рус. *городскій*) при град (рус. *город*, мн. ч. *города*, болгар. *град*, но съ членомъ *градѣт*, *градѣтъ*, срв. у Фортунатова, «Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen» въ «Archiv f. sl. Philol.» IV, 575, а также у Ворачка и Стойнова въ статьѣ «Удареніе въ новобългарскій языкъ»... въ журналѣ «Наука» 1884, XI и XII), лѣвскій (в. рус. *лонскій*) при нарѣч. лѣни и лѣни (срв. въ архангельск. нарѣч. *лѣнскій*, хотя *лѣни*, *лѣнчѣкъ*, Подвысоцкій), мѣрскій, пѣвскій, свѣтскій, скѣтскій при мѣре (хотя въ серб. и во множ. ч. мѣра¹), но въ русск. *морѣ*), пѣе — мн. ч. пѣа (рус. *поле* — *поля*), свѣа, свѣет — мѣстн. п. свѣѣту В. С. К. (рус. *свѣтъ*, на *свѣтѣ*), скѣт (хотя въ серб. род. ед. скѣта¹), но въ русск. *скотѣ*)²), — все это косвенно указываетъ на возможность и вѣроятность ударенія на *-ой* въ разбираемомъ нами словѣ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ діалектическія колебанія и въ другихъ прилагательныхъ членныхъ: рус. лит. *толстѣй*, но во многихъ великорус. говорахъ *толстѣй* и въ малорус. *товстѣй*, во многихъ чакавскихъ говорахъ *toſtí*³), въ Устюженск. у. Новгородск. губ. *прѣсноѣ* и *прѣсныѣ*, *мелкѣй* и *мѣлкѣй*⁴) (вѣроятно, мѣлкѣй?!), въ Кадников. ⁵) у. Вологодск. г. *прѣсноѣ*, *грязноѣ*, *мелкѣй*, *ловкѣй*, *толстѣй* и т. п., срв. также при литературн. *новѣй* (= серб. шток. нѣвѣ В. С. К.) въ нѣкот.

къ предметамъ религіознымъ, но и къ высшимъ сановникамъ духовнымъ и свѣтскимъ, и «низкій» для людей и предметовъ менѣе внушающаго съ точки зрѣнія писца уваженіе свойства; для первыхъ онъ старался употреблять ц. словянскія, хотя бы и отъ чисто русскихъ словъ, формы, для вторыхъ допускалъ съ болѣею смѣлостью формы народныя.

¹) A. Pavić, Studije o hrvatskom akcentu, 8, 7.

²) A. Leskien, Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slav. Sprachen. I (X B. der Abhandlungen der philologisch-histor. Classe der Königl. Sächs. Gesellschaft der Wissenschaft., 168).

³) Črčić, Assemanovo izborna evangjelje . . . V Rimu 1878, стр. XVII—XVIII.

⁴) Матеріалы для изученія великор. говоровъ. III (сообщеніе Ив. Петровыхъ) въ Извѣстіяхъ Отдѣл. р. яз. и слов. И. Ак. Н. 1896, т. I, кн. 4, стр. 994.

⁵) Ibid. 956 (Сообщеніе А. Е. Мерцалова).

великор. говорахъ *новѡй* (напр. въ извѣстной пѣснѣ «выходила молодѧ за *новѡи* воротѧ», при чемъ въ щигровск. говорахъ «*новѡи*»¹⁾), а въ нижегородскихъ и нѣкот. другихъ . . . «*новѡи*» . . .), въ чакавск. *novi*²⁾; такимъ образомъ и наше литературное *дѣтскій* (*дѣцкый*) можетъ относиться къ **дѣтской* (**дѣцкой*), какъ *мѣлкйй* (*мѣлкый*) къ *мѣлкѡй*, и примыкать по ударенію къ имен. множ. ч. *дѣти*. Принимая предположеніе о окончательномъ удареніи слова *дѣцкѡи* и объясняя остальные примѣры 3-го поч. (а также и 1-го и 2-го) на *-и* частію неударяемостью этого *-и*, частію принадлежностью ихъ ц. славянскому или южнорусскому языку, мы избавляемъ себя отъ необходимости относить *-ои* въ единственномъ примѣрѣ непременно на счетъ говора, отличнаго отъ говоровъ остального текста; я привелъ, однако, предшествующія этому послѣднему моему предположенію иныя соображенія потому, что во всякомъ случаѣ вопросъ представляется мнѣ не вполне яснымъ, и необходимо исчерпать всѣ возможные способы объясненія; но можетъ быть, кому либо удастся объяснить разбираемую форму лучше. Замѣчу еще, что, если относить *-ои* на счетъ заимствованія, то, кромѣ сѣверовосточныхъ, должны быть приняты во вниманіе, можетъ быть, и нѣкоторые югозападные говоры, напр. пинскій³⁾, гдѣ *цѣмной тѣсѣ, мой миленькой*, слѣдов. *-ои* и безъ ударенія, или дорогичинскій Кобринск. у. Гродн. губ., гдѣ со знакомъ вопроса и какъ рѣдкость отмѣчаетъ Соболевскій формы *молодой, полковой* (Жив. Стар. 1892 г., вып. IV, стр. 28) (срв. Будде, Къ исторіи великор. гов., 219); однако, если бы спорадически *-ои* и встрѣтилось гдѣ либо на югозападѣ, странно было бы въ сѣверномъ памятникѣ относить на счетъ южнаго вліянія то, что на югѣ встрѣчается теперь небольшими остров-

1) «Русскія народныя пѣсни, запис. въ Щигров. у. Курской губ. М. Халанскимъ», Рус. Фил. Вѣстн. 1883, X, стр. 122.

2) Črnčić, *ibid.*

3) А. И. Соболевскій, Лекціи по ист. р. яз. 1888 г., стр. 160, со ссылкой на Zienkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, гдѣ дѣйствительно на стр. 214 находимъ: *ciemnoј les, mój milejkoј*. Однако Е. Θ. Карскій рѣшительно говоритъ, что въ бѣлорусскихъ говорахъ *ои* (изъ основного *и* — *ын*) никогда не встрѣчается (Къ истор. звуковъ и формъ бѣлорус. рѣчи, Варшава 1893, стр. 217, 290 — 291). Вслѣдствіе единичности примѣровъ (во всѣхъ остальныхъ примѣрахъ у Зенькевича *і, у, іј, уј*) и крайней неточности правописанія въ сборникѣ Зенькевича (Копно 1851) едва ли можно на нихъ ссылаться и легко счесть ихъ за описки, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго нѣтъ ни у Булгаковского («Пинчуки», Спб. 1890), ни у Довнаръ-Запольскаго («Бѣлорусское полѣсье», Кіевъ 1895). Формы на *-ои* извѣстны лишь въ мѣстностяхъ переходныхъ и скорѣе великорусскихъ, чѣмъ бѣлорусскихъ, напр. въ Бѣльск. и Порѣчск. у. Смол. г.: *лѣсной хозяйнѣ, царь цесной* и т. п. (Шейнъ, Бѣлор. сборн., стр. 522, Сборн. Отд. рус. яз. т. LVII) (срв. также у Соболевскаго въ Жив. Стар. 1892, вып. III, стр. 8, 10, 11 и у Будде, Къ исторіи великорус. говоровъ, 219).

ками, на сѣверѣ же является господствующимъ; спорадическое *-ой* на юго-западѣ можетъ объясняться частію древнимъ вліяніемъ предковъ великор. говоровъ на другіе (Будде *ibid.*), частію новымъ вліяніемъ (особенно благодаря солдатчинѣ).

Нельзя, говоря о формахъ именъ прилагательныхъ членныхъ, обойти вопроса, почему мы не находимъ въ случаяхъ и «неслогового» положенія такихъ-же фактовъ измѣненія *зи*, какіе имѣются въ формахъ извѣстныхъ глаголовъ, почему при *ударяемости* этого *зи* передъ слогомъ съ полнымъ гласнымъ, когда вообще всякій ирраціональный звукъ становится изъ неслогового слоговымъ, несмотря на свое положеніе, т. е. несмотря на качество и количество слѣдующаго слога, если только послѣдній не перетянетъ на себя удареніе, не являлось въ извѣстныхъ говорахъ то самое *о*, которое является въ нихъ въ имен. един. ч. передъ *и*, если только это *о* объясняется не изъ *з*, а изъ «ирраціональнаго» *зи*, становившагося такимъ передъ всякимъ слогомъ, начинавшимся съ *і*. Почему въ извѣстныхъ говорахъ не только въ ф. повелит. *мой*, гдѣ вслѣдствіе сокращенія конечнаго *і* группа *і + і* обратилась въ *і*, примкнувъ къ предшествующему иррац. *зи*, измѣнившемуся затѣмъ въ качествѣ слогового звука въ *о* (положимъ, черезъ посредство *ө*), но и въ формахъ настоящаго времени *мою*, *мбеш* и т. п., и въ то же время при *худой*, *сырой* и т. п. говорится тольк. *худым*, *сырым* или діалектически и *худѣи*, *сырѣи* и т. п.? Почему неизвѣстно формъ имен. множ. **худби*, **сырби* (3 слога) и т. п.? Это какъ будто говорить въ пользу тѣхъ, которые объясняютъ *о* въ имен. един. *худой* прямо изъ *з* (Р. Θ. Брандтъ) до обращенія его въ *зи*, и противъ тѣхъ, которые видятъ въ *о* результатъ измѣненій ирраціональнаго *зи*, явившагося изъ общеслов. *зи* и отличавшагося отъ общеслов. *з*. Но противъ этого можно привести то обстоятельство, что удержанію образовавшагося фонетически *-ой* въ этихъ говорахъ содѣйствовалъ факторъ морфологическій, т. е. вліяніе звука *о* формъ косвенныхъ падежей един. ч. (*худова*, *худому*) и т. п.), какъ наоборотъ тотъ-же факторъ препятствовалъ появленію или удержанію (если былъ моментъ, когда фонетически возникали формы множ. ч. **худби* или **худбя* и т. п.) звука *о* въ формахъ имен. вин. множ. ч., и это *о* должно было уступить мѣсто звуку *ы* (діалектически *э*), господствовавшему въ остальныхъ формахъ множ. ч. Любопытна, однако, описка въ 3-емъ поч. нашего памятника: въ *добрѣѣ* 289.15 (вин. множ.) *ѣ* передѣлано изъ *о*; не хотѣлъ ли писецъ написать *добрѣѣ*, т. е. не существовали ли когда нибудь формы съ

о изъ *ы* и во множ. ч.? Что касается діалектическаго средневеликорусскаго (во многихъ говорахъ Симбирской, Нижегородской, Владимирской и Тверской губ.) и бѣлорусскаго¹⁾ *э* въ формахъ имен. вин. множ., то я и теперь вижу здѣсь (по крайней мѣрѣ въ говорахъ великорусскихъ, наблюдавшихся мною) явленіе морфологической аналогіи, какъ я это болѣе подробно изложилъ въ «Живой Старинѣ» вып. II 1894 г., стр. 167—171; настаивать на этомъ заставляетъ меня во первыхъ то, что *э* подъ удареніемъ вмѣсто *ы* другихъ говоровъ является въ этихъ говорахъ и въ остальныхъ формахъ множ., а частію и единств. ч. (творит. и мѣстн. пад.), въ которыхъ за этимъ *э* слѣдуетъ согласный звукъ, напр. *худѣх*, *худѣм* и т. п., во вторыхъ то, что именно въ именит. ед. здѣсь *-ой*, а не *эй*, какъ въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, гдѣ вслѣдствіе этого и *э* во множ. ч. можетъ имѣть иное, чѣмъ въ великорусскихъ говорахъ, объясненіе; я именно вижу здѣсь вліяніе мѣстоименныхъ формъ *тѣх*, *тѣм*, *тѣ*, *моѣх*, *моѣ* и т. п., при чемъ въ *моѣ* явижу аналогію съ болѣе древними *тѣ*, *однѣ* и т. п., гдѣ *ѣ* въ ф. имен. п. проникло изъ косвен. п., а не старыи вин. множ. муж. и имен. вин. множ. жен. р., соответствующій старослов. *моѣ*; я не буду здѣсь подробно останавливаться на развитіи соображеній, приводящихъ меня къ указанному объясненію, и отсылаю желающихъ къ упомянутому мѣсту въ «Живой Старинѣ» или къ отдѣльному оттиску моей статьи «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукоян. у. Нижег. губ.» стр. 25—29²⁾.

Относительно щигровск. *навѣи варатѣ* (срв. выше)³⁾ замѣчу, что здѣсь, вѣроятно, *-ѣи* объясняется вторичнымъ переносомъ ударенія съ кореннаго слога на суффиксальный, въ которомъ раньше этого переноса неударяемое *ы* перешло въ *а* или *ѣ*, какъ во многихъ акающихъ говорахъ въ открытыхъ слогахъ послѣ ударяемаго (*сѣраи*, *добраи*, *бѣлами*, *чорнами* и др.)⁴⁾.

Во встрѣчающемся у насъ на стран. 226-ой, строк. 7, *овѣнихъ* (. . . *овѣнихъ* *огнь* | *мѣ* *ижгоша* . *а* *дроггыхъ* *осѣкоша* .) можно видѣть или описку (ѣ вм.

¹⁾ Е. О. Карскій, Къ истор. звук. и формъ бѣлор. рѣчи, 285, 293—294. Срв. также въ Ельнинск. и Смолен. губ. мѣстоим. формы *якѣ*, *такѣ*, по сообщен. Добровольскаго въ II вып. «Живой Старинны» 1894, стр. 205, 209.

²⁾ Статья эта была напечатана отдѣльно лишь въ количествѣ 50 экземпляровъ, которые и были мною всѣ розданы и разсланы разнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего найти еѣ можно лишь въ частныхъ бібліотекахъ нѣкоторыхъ профессоровъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго, Казанскаго университетовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

³⁾ Сравн. также стат. М. Г. Халанскаго «Образцы народн. гов. южн. ч. Кур. и сѣв. ч. Харьк. губ.», стр. 10 (№ 3) (оттискъ изъ Рус. Фил. Вѣстн., 1882 г.).

⁴⁾ См. у А. А. Шахматова въ «Исслѣдов. въ обл. рус. фонет.» стр. 291.

ы), или выраженіе посредствомъ з ирраціональнаго неслогового звука, явившагося изъ *зи* въ «неслоговомъ» положеніи и при томъ въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за ударяемымъ и слѣдовательно наиболѣе слабымъ; но во всякомъ случаѣ форма эта представляетъ рѣдкій примѣръ нестяженія *-зи-* (или *-зи*) въ *зи* въ нашемъ памятникѣ въ склоненіи прилагательныхъ или мѣстоименій членныхъ.

Разсматривая съ точки зрѣнія второго условія измѣненія ирраціон. *ы*, т. е. съ точки зрѣнія ударяемости или неударяемости, встрѣчающіяся у насъ формы *стрзя*, *стрземь*, *крзяше*, относительно первыхъ двухъ не могу сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ изъ живыхъ нарѣчій это слово безъ прибавленія вторичныхъ суффиксовъ извѣстно лишь въ польскомъ, гдѣ возможно видѣть оттяжку ударенія по общему принципу неударяемости конечныхъ слоговъ въ двусложныхъ и многосложныхъ словахъ, на основаніи же извѣстныхъ въ сербскомъ образованій съ суф. *иць* и т. п., имѣющихъ за исключеніемъ двухъ удареніе первоначально на суффиксѣ¹⁾, нельзя рѣшать, что и удареніе въ словѣ, отъ котораго производятся эти вторичныя образованія, падало непременно также на суффиксъ, такъ какъ съ одной стороны мы имѣемъ вјетрицъ—вјетрица при вјетар—вјетра, съ другой наоборотъ ковьѣцъ при ковь—ковѣа²⁾. Что же касается *крзяше*, то, судя по сербскому кријаше (Флоринскій, Лекціи по слав. языкознан. I, 344—345), удареніе должно было здѣсь падать на слогъ *кри-*, а потому, если только можно считать сербское удареніе въ данной формѣ общесловянскимъ, въ *крз-* вм. *кри-* з или проникло изъ такихъ формъ, какъ причаст. прош. страд. (*по-*, *сз-*) *крзвенъ*, гдѣ на основаніи русскаго книжнаго традиціоннаго произношенія (*откровѣнный*, *сокровѣнный*, *откровѣніе* и т. п.) и сербскаго *сакривен* (слов. В. С. Кар.) при *сакривен* (Флоринск. ib. 345) мы можемъ предположить общеслов. удареніе на суффиксальномъ слогѣ, при чемъ въ сербск. наоборотъ *и* перенесено въ эти причастн. формы изъ тѣхъ формъ, гдѣ удареніе было на коренномъ слогѣ, или *з* выражаетъ ирраціональный слоговой звукъ, являвшійся изъ *зи* подъ удареніемъ передъ слѣдующимъ *і*.

¹⁾ Aug. Leskien, Untersuchungen üb. Quant. u. Betonung i. d. slav. Sprach., X B. Abh. phil. hist. Sächs. Gesellsch. der Wissenschaft. (№ II), стр. 168.

²⁾ Косвенное указаніе на удареніе суффиксальныхъ слоговъ можно видѣть, пожалуй, въ формахъ Ипат. лѣт. *стрья* и т. п., если видѣть здѣсь ассимиляцію гласнаго *з* слѣдующему мягкому слогу, такъ какъ обыкновенно неударяемый гласный подвергается ассимилирующему дѣйствию ударяемаго, а не наоборотъ. Въ полабскомъ *strā'ija* удареніе можетъ быть и вторичнымъ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію третьяго изъ указанныхъ выше условій, т. е. качества и количества предшествующихъ согласныхъ, мы должны сказать, что и качество и количество (*стр-* и *кр-*) въ разбираемыхъ нами примѣрахъ содѣйствовали удержанію *слогового* иррац. звука даже въ тѣхъ формахъ, гдѣ удареніе падало не на него, и гдѣ въ слѣдующемъ слогѣ былъ гласный первично и вторично полнаго образованія ¹⁾, т. е. что одно третье условіе безъ первыхъ двухъ было достаточно для удержанія *слогового* *з* изъ *зи*, если только не происходило фонетическаго упрощенія въ самихъ согласныхъ группахъ. Отсюда понятно, почему въ говорахъ, знающихъ ф. наст. врем. *мью*, неизвѣстны формы не только **крью*, но даже и **рью* (вм. *рю* изъ **рю*); изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что **рью* физиологически вообще невозможно, такъ какъ для каждаго говора своя особенная физиологическая возможность, которую даже внимательный наблюдатель и пзслѣдователь не всегда въ состояніи постичь (мнѣ даже неясно, почему говорящій *мью* не говоритъ и *рю*); но утверждать, что въ *стрья* Ипат. лѣт. (см. выше) слѣдуетъ читать одинъ полный слогъ, а не два, мы во всякомъ случаѣ не имѣемъ права. Прибавлю, что нѣкоторыя обстоятельства заставили меня задержать корректурные листы до того времени, когда вышла 1-я кн. III-го т. «Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. И. А. Н.», заключающая въ приложеніи новые «Матеріалы для изученія великор. говоровъ» (V), значительно расширяющіе наши свѣдѣнія о формахъ настоящ. врем. глаг. *мытъ*, а именно О. Красноперова сообщаетъ изъ с. Красногорскаго Котельнич. у. Вятской г. при извѣстныхъ раньше *мью*, *мьѣтъ* также *мю*, *мьѣтъ* (стр. 12), которыя подтверждаются и сообщеніемъ С. Золотарева изъ с. Зашижемскаго Вятской губ. Орловскаго у. (стр. 28), а изъ сообщенія Артемьева (стр. 2) мы узнаемъ о произношеніи *мэю* въ д. Будаевѣ Сон. вол. Островск. у. Псковск. г. подобно *мэю*, *крэю* въ Жвзд. у. Калуж. г. (А. А. Шахматовъ, Зв. особ. Ельнинск. и Мосальск. гов., Р. Ф. В. 1897 г. № 3—4, стр. 198), такъ что мое замѣчаніе на стр. 134 должно быть исправлено въ томъ смыслѣ, что формы *мэю*, *крэю* и, вѣроятно, **рэю* представляютъ не теоретическія возможности, а живые факты языка. За 1-ю кн. III-го т. «Извѣстій» благодарю Отдѣленіе рус. яз. и слов. и Н. К. Грунскаго, которому эта книга была доставлена нѣсколько раньше, чѣмъ мнѣ.

¹⁾ Я прибавляю «вторично» потому, что въ историческомъ ходѣ развитія языка нерѣдко сокращаются гласные, съ общесловянской или по крайней мѣрѣ общеарійской точки зрѣнія не только полные, но и долгіе.

Для вопроса о вліяніи качества предшествующихъ согласныхъ обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя формы, отмѣченныя въ русскихъ говорахъ. Весьма возможно, что именно преимущественно послѣ гортанныхъ (заднебныхъ) и губныхъ являлись изъ иррац. *ы* черезъ посредство *ѵ* склон. къ и звуки *у*¹⁾. Въ пользу этого говоритъ то, что большая часть примѣровъ измѣненія *ы* въ *у* въ различныхъ говорахъ относится къ сочетаніямъ *ы* съ предшеств. губными: *мюу*, *вуйду*, *вуйму* Скрыголовъ и Петриковъ Мозырск. у. Минск. губ.²⁾, *вѹшеѹ*, *вудзи* Слуцк.³⁾, *новуми* сѣнями, *новухъ* Рѣчицк.³⁾, при чемъ *навѹми*, *навѹхъ*, *капѹцики* въ Рѣчицк. у. Минск. губ., *букъ*, *буй-стрый*⁴⁾, очевидно, имѣютъ *у* подъ удареніемъ, что показываетъ, что измѣняется въ *у* (*у*) не только ирраціональное, но и раціональное *ы* (*у*); если не приводится примѣровъ *у* изъ *ы* послѣ гортанныхъ, то причина этого ясна: *ы* въ такомъ положеніи еще раньше измѣнилось въ *і*; лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *ы* было искони ирраціональнымъ, вслѣдствіе чего въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ не измѣнялось въ *і*, оно могло давать тѣ же результаты послѣ *г*, *к*, чтѣ и послѣ губныхъ: *долгуй* (Шахматовъ, Изслѣд. въ обл. р. ф., 40). Случаи измѣненія ударяемаго *ы*, хотя бы и ирраціональнаго (передъ *і*), послѣ негубныхъ согласныхъ вообще рѣдки и могли бы объясняться аналогіей; таково *рюу* въ Мозырск. разнорѣчии «Черно-рускаго поднарѣчія»⁵⁾ рядомъ съ *мюу*; еще удивительнѣе *сунъ*, приводимое Янчукомъ, а за нимъ Соболевскимъ (Оч. рус. діал., Ж. Ст. 1892, III, 22). Есть говоры, гдѣ *мюу*, но *вуйду*, *вуйму*, *быстры* (Михалковск. волость Мозырск. у. Минск. губ.)⁶⁾, чтѣ указывало бы, можетъ быть, на то, что въ *у* измѣняется въ нихъ лишь *ы* передъ *і*, при чемъ сохраненіе *ы* въ *вуйду* можно бы было объяснить вліяніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ этотъ предлогъ встрѣчается не передъ *і*, или что наоборотъ *мюу* подъ вліяніемъ **вѹмюу* и т. п. случаевъ, гдѣ *мюу* вм. *мы* приходилось въ слогѣ весьма слабомъ въ тоническомъ отношеніи, т. е. что *у* являлось лишь изъ *ы* неударяемаго въ положеніи передъ *і*. За-

1) Срв. у Шахматова, Изслѣд. въ обл. р. ф., 40.

2) Труды этнограф.-статист. экспед. въ зап. рус. край, т. VII, стр. 597. Срв. въ статьѣ Потебни «Отзвѣн о сочин. А. Соболевскаго» . . . 22 (отдѣл. оттискъ изъ I т. «Извѣстій Отдѣл. р. яз. и сл. И. Ак. Н.»).

3) Карскій, Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорус. рѣчи, 221 (Шейнъ, Мат. I, 40, 37, 57, 82). Срв. подобныя явленія (*и* и *о* вм. *у* послѣ губныхъ) въ лужицкихъ нарѣчійхъ (Mucke, Laut—u. F. I., стр. 94—95).

4) Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи (Жив. Старина 1892, вып. III, стр. 22).

5) Труды этнограф.—статист. экспедиціи въ зап. рус. кр., VII, 499.

6) Ibid. 596.

мѣчательно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ судьбу неударяемаго *ы* передъ *і* раздѣляетъ и неударяем. *о* передъ *і* (по Шахматову, измѣнявшееся въ *и* черезъ посредство *ѵ* склоннаго къ *и*, *ibid.* 40); какъ видно изъ приводимыхъ примѣровъ (великолукц. *асинуй* и т. п.), измѣненіе *оі* въ *уі* здѣсь не ограничивается положеніемъ послѣ гортанныхъ или губныхъ. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ я позволю себѣ вывести то заключеніе, что лишь ирраціональное *ы* (въ положеніи безъ ударенія передъ слѣд. *і*) измѣнялось въ *у* (*и*) независимо отъ предшествующихъ согласныхъ, *ы* же полного образованія могло переходить въ *у* лишь послѣ извѣстныхъ согласныхъ, способныхъ къ такъ называемому *лабіализму*¹⁾, а таковыми были гортанные и губные. Такимъ образомъ, если мы встрѣчаемъ въ рѣчицкомъ бѣлорусскомъ говорѣ *путѣли*, въ Мозырскомъ *буваю*²⁾, то здѣсь мы можемъ объяснять *у* не столько неударяемостью, вызвавшею ирраціональность, сколько положеніемъ послѣ губныхъ, такъ какъ въ тѣхъ-же говорахъ мы имѣемъ капѣцки (= копытики); въ малорусскомъ же и частію бѣлорус. и южновеликор. *бувати* могутъ соединяться три причины для образованія *у* изъ *ы* фонетически: неударяемость, положеніе послѣ *б* и положеніе передъ *ѵ*³⁾.

Перехожу къ случаямъ *ь* вм. *і*. Здѣсь опять необходимо отличать случаи не передъ *і* отъ случаевъ передъ *і*, при чемъ въ томъ и другомъ отдѣлѣ положеніе въ корнѣ или вообще внутри слова отъ положенія въ конечныхъ и суффиксальныхъ слогахъ, затѣмъ въ отдѣлѣ случаевъ положенія передъ *і* слѣдуетъ различать положеніе слоговое отъ неслогового. Такъ какъ и здѣсь подобно тому, какъ это приходилось намъ разбирать по отношенію къ *з* и *зг*, могутъ возникать сомнѣнія относительно того, дѣйствительно ли *ь* есть сокращеніе *і*, или представляетъ старый вариантъ, то мы приведемъ и сопоставимъ сначала примѣры того и другого написанія, а затѣмъ уже представимъ соображенія, можетъ ли одна форма

¹⁾ Срв. статью Шахматова въ «Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и словесн. И. Ак. Н.», т. I, кн. 4, стр. 709—712. Наоборотъ потеря лабіализаціи могла быть причиною измѣненія *ы* въ *і*, какъ это наблюдается послѣ губныхъ въ говорахъ ельнинскихъ и мосальскихъ (стат. Шахматова въ Рус.-Фил. Вѣстн. 1897 г. № 3—4, стр. 208).

²⁾ Соболевскій, Оч. русск. діалект., Жив. Стар. III, 1892 г., стр. 22.

³⁾ Потебня (Отзывъ о сочин. А. Соболевскаго... стр. 21—22 отдѣльн. оттиска «Извѣстій Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н.», т. I) для малорусск. *був*, *бути* отчасти указываетъ на вліяніе слѣдующ. за *у* въ прош. прич. *л = ѵ*, отчасти на предшеств. *б*, отчасти въ виду южновеликорусскихъ формъ *пабувал* при *был* на неударяемость (сравни. сказанное мною выше, стр. 120).

считаться происходящею изъ другой. Сначала я займусь случаями *i* или *ь* не передъ *i*, такъ какъ ихъ немного, и сперва именно тѣми изъ нихъ, которые относятся къ положенію внутри словъ. Сюда принадлежатъ слова *колико*, *толико* и т. п., косвенныя формы и производныя отъ слова *одинъ*, настоящ. вр., причаст. наст. и повелит. ф. глагола *ждатьи* (ст. сл. наст. *жидж* и т. д.) и нѣкоторыя другія. Я останавлиюсь сначала на трехъ упомянутыхъ случаяхъ, какъ наиболѣе извѣстныхъ. У насъ находимъ слѣдующія написанія съ *i*: 1) *колико* 41, нѣ—35, *то|лико* 40. 16—17 въ 1-омъ поч., *колико* 140, нѣ—141, 228, 234, 235 (2 раза), *неко|л|ко* 206. 9—10, *коликоу* 219, *толико* 166 (идете въ зажитиѣ головъ не кмлете), 167 (. . . . бо всехъ вои башеть) во 2-омъ поч., *колико* 319, нѣ—285, 287, 302, 323 въ 3-емъ поч.; 2) *ни од|ного* 47. 10—11 только разъ въ 1-омъ поч., *одного* 228, *къ оди|нои* 228, *оди|нѣхъ* 178, *одинакы|мъ* 166,—*ымъ* 214, *оди|нодшно* 164. 9—10—во 2-мъ п., *оди|номъ* 285, 321, *оди|нымъ* 277, *оди|ноу* (не) 239,—(стороноу) 274—въ 3-емъ п.; 3) прич. наст. *жидоу|ще* 39, повел. ф. *пожиди* 41 въ 1-омъ поч. Соотвѣтственно этимъ примѣрамъ съ *i* находимъ лишь слѣдующіе съ *ь* или съ пропускомъ *ь*: 1) *нѣко|лькомъ* 124 во 2-омъ п., *толко* 329 въ 3-емъ п.; 2) *оди|нодшно* 181 во 2-омъ поч.; 3) *ждоу|че* 69. 13—14 въ 1-омъ, *не жда* 205 во 2-омъ поч.; что касается пропуска *ь*, то объ этомъ сравните сказанное мною на стр. 81. Какъ видимъ, кромѣ глагольныхъ формъ *жд-* при *жид-*, у насъ вообще преобладаетъ въ приведенныхъ примѣрахъ *i* надъ *ь*. Но можемъ ли мы сказать, что только суффиксы *-ик-* и *-ин-* здѣсь первоначальны и свойственны праязыку, суффиксы же *-ьк-* и *-ьн-* непервоначальны и представляютъ сокращеніе первыхъ? Хотя въ старословянскихъ памятникахъ мы находимъ въ данныхъ мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ лишь *-ик-*, но суф. *-ьк-* во первыхъ извѣстенъ и старословянскому яз. во многихъ прилагательныхъ и, какъ показываетъ совпаденіе съ другими словянск. нарѣчіями, принадлежитъ въ нихъ общесловянскому языку, во вторыхъ въ данныхъ мѣстоименіяхъ и производныхъ отъ нихъ нарѣчіяхъ хорошо извѣстенъ какъ сѣвернымъ и восточнымъ, такъ и южнымъ и западнымъ словянскимъ группамъ говоровъ: кромѣ общеизвѣстныхъ в. русскаго *то|л|ко* (только), *ско|л|ко* и т. п., малорус. (*с|ті|л|ко* и т. п.¹⁾ при діалектическомъ украинскомъ

¹⁾ Ал. Ав. Потебня, О звуков. особ. русск. нарѣчій, § 39, № 6 (Филолог. Зап. 1865 г., стр. 132).

стілко¹⁾, тілке, тілко, даже *тіке, стіке, скіке*²⁾ въ говорѣ слободы Алексѣвки Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ., польск. *tylko, kilka-* и т. п. (ст. польск.: *w tylich, w telkich* въ памятн. 1449 г.³⁾, въ псалт. Флор. *kelco = kelko*⁴⁾ при *wszelkie, wszelika*⁵⁾ и общераспространенныхъ въ болгарскомъ *кѣлко, тѣлко*⁶⁾, а въ нѣкоторыхъ говорахъ и у нѣкоторыхъ болгарскихъ писателей и прилагат. *кѣлкъ (кожѣ, колѣ)*⁷⁾, *толкъ* (у Дювернуа примѣръ изъ Чолакова), мы находимъ: въ восточно-штирійскихъ говорахъ словѣнскаго *telko*⁸⁾, у верхнекрайнскаго писателя XVII в. Скалара⁹⁾ *telko, tolko, kolko*, у М. Равникара *téljko, toljko* (Sket, Čitanka, 175); въ верхнелужицкомъ *wšélki*, въ нижнелуж. *kélko* (въ Новомъ Завѣтѣ Якубицы 1548 г. *koliko*)¹⁰⁾; въ словенскихъ, валашскихъ и ляшскихъ говорахъ моравскаго нарѣчія *kelko, telko*, прил. *kolky, tolky*¹¹⁾; наконецъ въ сербо-

¹⁾ Ibid.

²⁾ А. В. Ветуховъ, Рус. Фил. Вѣсти. 1894 г., стр. 306, 307, 308, 314 (отдѣл. оттиск.), сравни также сообщеніе П. М. Шинкарева въ «Харьковскомъ Сборникѣ», изд. Харьк. губ. стат. ком. подъ ред. В. В. Иванова, вып. 9, стр. 241, 245, 252 . . . 316, 319; напротивъ въ южновеликорусскихъ говорахъ слободъ Бахмутовки и Новой Айдари того-же уѣзда произносится тѣлке («Говоры слоб. Бахмутовки и Новой Айдари» стат. А. В. Ветухова, отд. отт. изъ Р. Ф. В. 1893 г., стр. 2, 4, 8, 10).

³⁾ A. Kalina, *Historia języka polskiego*, стр. 294.

⁴⁾ Wł. Nehring, *Iter Florianense*, въ спискѣ словъ.

⁵⁾ A. Kalina, *Hist. jęz. pol.*, 291.

⁶⁾ А. Дювернуа, *Словарь болг. яз.*, з. в.; V. Oblak, *Macedonische Studien*, 35.

⁷⁾ Кромѣ приведенныхъ въ словарѣ Дювернуа на стр. 1007 примѣровъ изъ переведенной Бончевымъ повѣсти Гоголя «Тарасъ Бульба», можно указать еще въ записанной Бончевымъ и изданной послѣ его смерти М. С. Дриновымъ богомильской сказкѣ (Пер. Спис. 1884 г., VIII, 125): «извикал колѣкъ му гласъ, при чемъ, по замѣчанію М. С. Дринова, которому я обязанъ указаніемъ этого примѣра, въ панагюрскомъ говорѣ рассказчика всякій удар. з звучитъ какъ *a* въ отличіе отъ ударяемаго, который звучитъ какъ сильный и широкій глухой гласный, при плавныхъ же въ сочетаніи ихъ съ другими согласными какъ болѣе краткій глухой (ibid. стр. 126, примѣч.). Языкъ самого Бончева какъ въ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ произведеніяхъ М. С. считаетъ образцовымъ по силѣ и красотѣ.

⁸⁾ V. Oblak, *Macedonische Studien*, 35.

⁹⁾ V. Oblak, *Doneski k historični slovenski dialektologiji*, I, 17 (ponatis iz letopisa «Maticе slov.» 1890).

¹⁰⁾ K. E. Mucke, *Histor. u. vergl. Laut—u. Formenlehre der Niedersorb . . . Sprache*, стр. 137, 140.

¹¹⁾ Gebauer, *Histor. mluvn.* I, 242; Fr. Bartoš, *Dialektologie moravská* I, 29, 62, 105. На основаніи встрѣчающихся въ разныхъ словянскихъ нарѣчійхъ дублетовъ *kelko* при *kolko—koliko, telko* при *tolko—toliko* Облакъ (Doneski I, 17) предположилъ двѣ праформы: *koliko, toliko* съ одной и *kaliko, taliko* съ другой стороны, но мнѣ представляется болѣе вѣроятнымъ видѣть въ *kel—, tel—* аналогію такихъ формъ, какъ *jel—, wšel—, vsel—* и т. п., такъ какъ напр. у Скалара изъ удар. з мы бы ожидали не *e*, а *a* (Doneski . . . I, 8); это послѣднее предположеніе рядомъ съ первымъ допускаетъ и Облакъ (ibid. 17), указывая на *jelko*. Подобнымъ образомъ и польск. *tyje, tylko* подъ вліяніемъ *ile* и т. д.

хорватской группѣ при штокавскихъ *кѡлико*, прилаг. *кѡлик*, *кѡлика*, *-ко*, *толѣкѣ*, *-кѡ*, *-кѡ*, *толѣкѡ* (*тѡлико*) (В. С. Кар., Срп. рјечн.) въ получакавскомъ говорѣ южнодалмат. острова Ластова, по свидѣтельству Кушара, на которое ссылается Облакъ, говорится *kolk*, *kolka*, *kolko*, *tolk*, что, говорить Облакъ, встрѣчается и въ нѣкоторыхъ сѣверно-чакавскихъ говорахъ (Oblak, Der Dialect v. Lastovo, Archiv XVI, 434), а у старѣйшаго изъ дубровницкихъ поэтовъ сплѣтнина чакавца Марулича (XV в.) встрѣчаемъ *toko*, *koko*, которыя, какъ показываетъ смыслъ и чередованіе съ *toliko* въ такомъ же значеніи, несомнѣнно, могутъ восходить къ **tolьko* (**tolьko*), **kolьko* (**kolьko*): «ki *toko* sobom grad more tvrd biti, ki ti s tvojom vojskom ne ćeš razoriti?» (Iudita, pjev. I, 139, Stari pisci hrv. I, стр. 11), *toko* se saznahu, *koko* mrtav tovar (ibid. V, 188, St. p. I, стр. 49), *jati koko* mogahu dva, *toliko* sam on 'zžva (ib. 167, стр. 49), da bi bio *toko* mudar *koko* s' bio, mužu, dobar, jeda li bih ja učinila taj *tolika* huda dila? (St. p. I, стр. 291, Skazanje od suda ognjen., стих. 380 — 383); очевидно, для Марулича обѣ формы были возможны и употребительны, и онъ одинаково пользовался ими, можетъ быть, въ зависимости отъ требованія стиха, который, однако, самъ по себѣ не могъ бы создать формъ вновь, если бы ихъ вовсе не было въ языкѣ¹⁾. Исчезновеніе *ѣ* (л твердаго), происшедшаго, вѣ-

¹⁾ Наводя справки о формахъ *koki*—*koko*, *toki*—*toko*, я обратился къ другимъ далматинскимъ писателямъ и нашелъ эти формы у П. Гекторовича (1487—1572) и Гавибала Луцича (конца XV и нач. XVI в.). Приведу нѣсколько примѣровъ: *Nikoko* mučavši, sam sebe izmogi, a pak se ustavši, istom progovori. . . . (P. Hektorović, Ribanje, стих. 207—208, Stari pisci hrv., VI, стр. 8—9), *cić* vručine, ka ima *toku* moć, ča vlažno doseže, ali ne ć ali hoć, sve k sebi poteže (ibid. 420—421, стр. 14), Za tim se ustasmo, i postav *nikoko*, sunce ugledasmo ne vele nizoko (ib. 497 — 498, стр. 17), I rib naloviše, jē ti dim, za niko, *koko* sami htiše, čudo priveliko (ib. 1103 — 1104, стр. 33), Nismo se brodili po Savah i Dravah i *toke* obili klance po dubravah, za da nam ne bude u tebi pak plaća, koja nam sve trude do pokon oslaća (H. Lucić, Robinja, стих. 123—126, St. p. VI, стр. 231, Слав. христом. Воскресенскаро II, 117), sriće moje oko tad hoti počati u mene ne *toko* veselo zrcati (ibid. стих. 169—170, Stari pisci VI, стр. 233, Воскрес. 118), O, neka zabudem muku i trud *toki*, čin' bože, da budem on kamen žestoki (ib. 319—320, St. p. VI, 237), Besidi, *koko* hoć, manje se ne će dat, vazeti ali oć, u tebi toj će stat (ib. 147—148, St. p. VI, 232, Воскрес. 118), Tva slava, ka s *tokom* dikom se podviže, tvojime uzrokom pala je na niže (ib. 613—614, St. p. VI, 246), *Toko* sam sebi drag, *toko* sam vesel ja, *koliko* čujem trag od njeje veselja (ib. 631 — 632, стр. 246). Отмѣчу и *tokoje* (*tokoj*) въ значеніи, какъ мнѣ кажется, *толѣкоже*: Nedostojan tko je, hvalit ga ne mari, *cić* blaga *tokoje*, ni za *cića* dari (Hektorov., Ribanje 1313—1314, St. p. VI, 39), Veli nam: jednoga boga verovati, u njega samoga ufan'je imati I tuju nigdare ženu ne želiti I *tokoj* nikadar ne žudit ni hiti, od pravde koja stvar ne more nam biti (ib. 1551—1568, стр. 46), Za ljubav gospoje pomoci ću tebe, njega ću *tokoje* pomoći rad sebe (Lucić, Robinja, 665—670, стр. 247). Примѣровъ подобныхъ можно найти множество у названныхъ писателей-поэтовъ; что же

роятно, изъ *l* (*л* средняго) передъ ирраціональнымъ гласнымъ въ неслоговомъ положеніи (если принять, что этотъ иррац. гласный былъ *ь*, а не *э*), совершилось или черезъ посредство измѣненія его въ *o* (*o* или *o*), которое слилось съ предшествующимъ кореннымъ *o* въ одно, вѣроятно, долгое *o* подобно тому, какъ это мы имѣемъ въ словахъ *сѣ* изъ **сѣль* черезъ посредство **сѣль* и *сѣо*, *бѣна* изъ **болнѣ* черезъ постр. **болнѣ* и **бодна* и т. п., или черезъ посредство измѣненія въ *ц*, которое могло исчезать, и не сливаясь съ предшеств. корен. *o* (замѣтимъ, что долгота *o* могла въ этихъ случаяхъ обуславливаться уже положеніемъ передъ сочетаніемъ *л* съ неслововымъ *ь* или *э*, т. е. предшествовать образованію второго *o* изъ *лѣ* и затѣмъ стяженію его съ первымъ, сравн. упомянут. выше малорус. *тѣл'ко*, *тѣлко* и *тѣке*, малор. *сѣл'* и мн. др.). Стародадатинскія формы *koko*, *toko* и т. п., которыхъ, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти въ записяхъ современныхъ

касается старой чакавской прозы, то въ ней пока мнѣ они не попадались. Я не отрицаю, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это сербо-хорватское *toko* — *koko* можетъ не восходить къ **tolko* — **kojko* (изъ *только*—*колько*), а быть старымъ вариантомъ при *tako*—*kako*, т. е. равняться болгарскому и словѣнскому *toko* — *koko*, о которомъ дальше. Кромѣ значенія, для опредѣленія этимологій *toko* — *koko* въ отдѣльныхъ случаяхъ важно знать количество слоговъ *to-*, *ko-*: если они изъ **toč-*, **koč-*, то они должны быть долгими, въ противномъ случаѣ краткими; количество можно бы было опредѣлить изъ стиха, хотя такія опредѣленія довольно шатки и рискованны. Противъ объясненія *kok-*, *tok-* изъ **kokk-*, **točk-* можно было бы возразить еще то, что *l*, замыкающее слогъ, у названныхъ писателей обыкновенно еще удерживается; но на это замѣчу, что при обыкновенныхъ формахъ, какъ *rotekal*, *gekal*, *okol*, *platil*, *htil*, *izmoril*, *misal* (стр. 9, 10, 13, 216, 217, 219 и др.) у нихъ встрѣчаются изрѣдка и *hotio*, *zagubio*, *bio*, *bi rek* (вм. **rekl*) (Нектор., Rib. 371, 372, 589, стр. 13, 19, Lucić, Rob. 925, 957, стр. 255 — 256), затѣмъ не безъ значенія и формы *smín*, *smína*, *čovik* (Lucić, St. p. VI, 255 — 256) вм. *smion* = **smiln*, *smiona* = **smilna*, *človik*, при чемъ формы имен. ед. муж. р. *smín*, *smion* (Iv. Filipović, Rječnik) вм. ожидаемаго **smilan* обязаны своимъ происхожденіемъ формамъ косв. пад. и женск. р. (*smína*, *smiona* и т. п.), въ которыхъ *ь* (*ь*) по положенію становилось неслововымъ и естественно обращалось въ неслоговой гласный, въ большинствѣ диалектовъ сербохорватскихъ близкій къ звуку *o*, діалектически становившійся полнымъ слоговымъ *o*, діалектически исчезающій; что звукъ, являвшійся изъ неслогов. *ь*, *ь* въ сербохорв. говорахъ, первоначально не былъ чистымъ *o*, доказываетъ колебаніе на письмѣ между *у*, *и*, *о* въ грамотахъ XVI в. (V. Jagić, Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku, Rad jugosl. akad. IX, 120—122). Замѣчу еще, что, какъ извѣстно, письмо всегда консервативнѣе языка, а потому весьма вѣроятно, что часто писали еще *l* тамъ, гдѣ вмѣсто него произносили уже явившійся черезъ посредство *ž*, *w* и т. д. какой либо полугласный звукъ съ губной артикуляціей. Еще не мѣшаетъ устранить возраженіе: почему при многократныхъ *toko*, *koko* и т. п. не встрѣчается **tolko*, **kolko* и т. п., какъ напр. встрѣч. *kolci*, *kolce* (St. p. VI, 138) (отъ им. ед. **kolac*)? Это, я думаю, потому, что для нашихъ мѣстоим. и нарѣчій не существуетъ здѣсь такихъ формъ, въ которыхъ предполагаемое *лѣ* (*лѣ*) было бы слоговымъ, какъ въ болгарск. *колѣкъ*, и могло бы напоминать такимъ образомъ объ *л* и въ неслогов. положеніяхъ; вм. **kolč* = **kolac* здѣсь находимъ лишь обычное *kočik* (St. p. VI, 27), родственность котораго съ *koko* могла не быть очевидной.

сербо-хорватскихъ говоровъ, имѣють параллель въ упомянутыхъ выше слободско-украинскихъ (Старобѣльск. у.) *тѣке, скѣке*, хотя разница, вѣроятно, была въ процессѣ образованія, такъ какъ въ послѣднихъ *ѣ* могло исчезнуть вѣроятно же всего черезъ посредство измѣненія въ *ц*; ничто, однако, не мѣшаетъ предполагать въ *koko* и т. п. неточную передачу произношенія * *коцко* или * *ко^око* и т. п. Что же касается болгарскаго *токо* (см. словарь Дювернуа), то въ различныхъ своихъ значеніяхъ оно можетъ быть разнаго происхожденія: въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ извѣстныхъ македонскихъ говорахъ, измѣнившихъ этимологич. *з* въ *о*, оно въ значеніи, близкомъ къ *тоѣмо* (*тѣмо*) могло бы быть образовано отъ того-же корня *тѣк-*, что и въ послѣднемъ и въ ст. слов. *тѣкъмо* и *тѣчиж* (мысль, какъ-то разъ вскользь высказанная проф. М. С. Дриповымъ, въ настоящее же время оставленная имъ въ виду распространенности этого *токо* въ болгарскихъ говорахъ), и тогда бы напрашивалось на сравненіе близкое по значенію («sogleich») словѣнское *tekōj* (въ словарѣ Плетершника со ссылкой на верхне-краинск. нарѣч.), тождественное по значенію и, вѣроятно, по происхожденію съ *takōj* и *taki* (ibid. со ссылкой на юговосточныя нарѣчія — кайкавское, юговосточно-штирійское и бѣлокрайнское) ¹⁾, если считать, что послѣднее заимствовано изъ сѣверныхъ говоровъ сербо-хорватской группы, такъ какъ съ одной стороны *а* изъ *з* въ положеніи безъ ударенія или подъ краткимъ удареніемъ возможно въ словѣнскомъ лишь въ нѣкоторыхъ югозападныхъ говорахъ, въ восточныхъ же говорахъ наоборотъ всякое *з* переходитъ въ *е* (см. статью Облака «Die Halbvocale und ihre Schicksale in den südslav. Sprachen», Archiv XVI, 163 — 164), съ другой несомнѣнно вліяніе сербо-хорватскихъ говоровъ на юговосточныя словѣнскіе, особенно же на говоры кайкавскіе, уже составляющіе переходъ отъ словѣнской группы къ сербо-хорватской и даже причисляемые обыкновенно къ послѣдней, и бѣлокрайнскіе, составляющіе юговосточную отрасль нижнекраинскаго нарѣчія ²⁾, а въ словарѣ В. С. К. мы находимъ «*тѣкѣ* (у војв.) vide одмах, cf. сад», при чемъ *тѣко* ³⁾ въ выраженіи «лиѣ или тако» («ungleich oder gleich», В. С. К.)

1) Что касается встрѣчающагося у Креля *takuie* (sogleich) (V. Oblak, Kleine grammatische Beiträge, Archiv XIX, 337), то его, вѣроятно, слѣдуетъ читать какъ *takuie*, такъ какъ Крель часто пишетъ *а* въ знач. *з* — *ѣ* по випавскому произношенію, по которому *з* приближается къ глухому *а* (ibid. 336, 337).

2) Флоринскій, Лекціи по славянскому языкознанію, I, стр. 504, 507.

3) Объ этомъ словѣ у Потѣбни въ «Отчетѣ о двадцатъ второмъ присужденіи нагр. гр. Уварова», стр. 89 (въ рецензійи народн. пѣс. гал. и угор. Руси, собран. Головацкимъ).

представляло бы вариантъ корня *tzk-* съ долгимъ *z* сравнительно съ *tākī*, указывающимъ на краткое *z* ¹⁾; эти сопоставленія дали бы намъ возможность для каждаго изъ трехъ главныхъ юго-славянскихъ языковъ привести по примѣру нарѣчія, образованнаго отъ корня *tzk-*: болг. *токо* «только, только что», серб. *tākī* и словѣн. *tekōj* (оба въ знач. «sogleich»); но затрудненія со стороны болгарскаго являются въ томъ отношеніи, что *токо* употребительно и въ тѣхъ говорахъ, которые не измѣняютъ *z* въ *o*, а со стороны словѣнскаго въ томъ, что при *tekōj* извѣстно въ штирійск. и горенск. (в. краинск.) нарѣчійхъ *kōj* въ такомъ же значеніи (слов. Плетершника s. v.), а также энклитическое или проклитическое *koj* = *ko* «ниг» (ibid.) въ народныхъ пѣсняхъ хорутанскихъ словѣнцевъ (ссылки на Шейнига); вслѣдствіе этого по крайней мѣрѣ для болгарскаго *токо* въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ извѣстныхъ говорахъ можно предположить сочетаніе двухъ частицъ *to* (*то*) и *ko* (подобныя сочетанія нѣсколькихъ частицъ весьма обычны въ славянскихъ нарѣчійхъ, и нѣкоторыя изъ нихъ очень древни и восходятъ къ общеславянской эпохѣ, напр. *то-из-да*, *ко-из-да* и т. п. при *тз-из-да*, *кз-из-да*, изъ болѣе новыхъ же назову старослов. и др. рус. *то-же*, словѣнск. *todā*, болгар. *дѣто*, чешск. *ježto*, литер. русск. *такъ какъ* и др.). Иного происхожденія *токо* въ такихъ выраженіяхъ, какъ «*токо* ми честнпять крѣсть» (слов. Дювернуа, примѣръ изъ перевода Бончева «Тараса Бульбы»); это *токо* и по значенію и этимологически ближайше родственно съ *такō* въ выраженіи «*такō* ми Бога» (слов. Дювернуа, на это указалъ миѣ и М. С. Дриновъ), при чемъ то-же выраженіе и у сербовъ («*такō* ми Бога!» В. С. К.); оно по формѣ представляетъ общеслов. вариантъ съ кореннымъ гласнымъ *o* подобно тому, какъ мы имѣемъ *окы* ²⁾ при *акы*, *оли* при *али*, *дожи* при *дажи* и мн. др.; любопытно сопоставить это болгарское *токо* съ встрѣчающимся въ нѣкоторыхъ старыхъ словѣнскихъ рукописяхъ и у нѣкоторыхъ старыхъ словѣнскихъ писателей *koko*, *koku*, *toku*, *koker*, а именно часто у Трубера (Oblak, Doneski k historični slovenski dialektologiji, II, 73), Скаляря (ibid. I, 19), Вальвазора, М. Похлипа и нѣк. другихъ ³⁾. Объяснять же болгарское *токо* гдѣ либо изъ *толко*

¹⁾ Что такія колебанія въ зависимости отъ объема слова и мѣста ударенія возможны, доказываютъ такіе примѣры, какъ *дѣн*, *дѣна* съ одной и *дѣмас*, *дѣвѣм* съ другой стороны (см. въ словарѣ В. С. К.).

²⁾ Объ этомъ я намѣренъ сказать подробнѣе ниже, въ главѣ о чередованіи *a* и *o*.

³⁾ Sket, Slov. slovstv. čítanka (na Dunaju 1893), стр. 35—36 (рукоп. Крапнск. XVI в.), 53, 55, 56 (Труберъ), 93 (Valvazor), 123—126 (М. Похлинъ).

(П. А. Лавровъ, Обзоръ зв. и ф. особ. болг. яз. 112) мнѣ не кажется вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что въ этихъ же статьяхъ рукописей XVII и XVIII в. Н. С. Тихонравова, которыя напечатаны у П. А. Лаврова, и на которыя онъ ссылается, въ другомъ значеніи правильно употреблены *тѣлѣво* (21), *кѣлѣко* (21, 25), *кѣлѣко* (25), *колкѣтъ* (38, 46), *тѣлѣкъсъ* (41); замѣчу кстати, что эти-же рукописи исключаютъ возможность производить въ нихъ *тѣлѣ* (23, 25, 33), *тѣлѣ* (38, 43) изъ **тѣлѣко*, такъ какъ въ первой изъ нихъ *ѣ* (*ѣ*) сохраняется (*тѣлѣмо* 22, 25, *тѣлѣмо* 33, *дѣцѣрь* 24, *вѣхъ* 31, *на сѣне*, *ѣ сѣнь* 17 и т. п.), во второй замѣняется черезъ *а* (*на сѣнь* 38, *салѣи* 41, *сѣсъ* 42, *зѣмнѣи* 43).

Переходя къ вопросу о томъ, какая основная форма предполагается формами безъ *i* между *l* и *k*, замѣчу, что уже Облакъ¹⁾ на основаніи распространности и древности подобныхъ формъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчійхъ высказалъ мнѣніе, что онѣ восходятъ къ — *ѣк*- или примкнули къ формамъ *tolъ*, *kolъ*. Соглашаясь съ нимъ въ необходимости отдѣлять формы *-ѣк*- отъ формъ *-ѣк-*, я желалъ бы рѣшить три вопроса: 1) которое изъ двухъ предположеній Облака представляется болѣе вѣроятнымъ, 2) вездѣ ли, т. е. во всѣхъ ли нарѣчійхъ и говорахъ, знающихъ теперь формы безъ *i*, слѣдуетъ отрицать возможность происхожденія ихъ изъ формъ съ *i* путемъ сокращенія, 3) не слѣдуетъ ли формы нѣкоторыхъ говоровъ возводить къ формамъ съ суффиксомъ *-ѣк-*.

Для выясненія перваго вопроса приведу сначала слова Миклошича²⁾ о суффиксѣ *-ѣк-* (*-ѣк-*): «первоначальная форма суффикса есть *kz*: предшествующій слогу *kz* гласный есть первоначально или вставка, облегчающая произношеніе, или конечный звукъ темы: въ данномъ состояніи языка онъ сдѣлался составною частью суффикса»; какъ видно изъ этихъ словъ, Миклошичъ предполагалъ возможность возникновенія передъ суффиксальнымъ элементомъ *k* паразитнаго ирраціональнаго гласнаго, что допустимо лишь въ случаяхъ образованія отъ темъ па согласный звукъ, но если бы подобное предположеніе и было вѣрно, во всякомъ случаѣ оно относилось бы лишь къ позднѣйшимъ, специально славянскимъ образованіямъ, такъ какъ родственные языки подобныхъ вставокъ не знаютъ; вслѣдствіе этого едва ли не вѣрибѣе будетъ для всѣхъ случаевъ суффиксовъ *-ѣк-* и *-ѣк-* принять

¹⁾ Macedonische Studien (Wien 1896), 35.

²⁾ Vergl. Gram. der slav. Spr. II, 254.

или первоначальное соединеніе конечныхъ гласныхъ основы *ь* или *ъ* съ суфф. элементомъ *к*, или аналогичное новообразование; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что подобныя образования обычны и отъ первичныхъ темъ на *о* и имѣють параллели въ *і* и *и* родственныхъ языковъ; придется согласиться съ Бругманомъ¹⁾, что *-iqo-*, какъ и *-uqo-* (последнее, кажется, специально словяно-балтійское), хотя и восходитъ къ индоевроп. праязыку въ качествѣ особаго суффикса, въ то отдаленное время имѣло исходною точкой именныя темы на *і*: *λογικός*, *γραμματικός* и т. п. по аналогіи *φυσικός* и т. п. (въ одномъ рядѣ словъ аналогія заставляла мѣнять конечный гласный основы на гласный *і*, въ другомъ рядѣ таже аналогія заставляла прибавлять гласный *і* къ конечному согласному основы: новостъ послѣднихъ формъ въ греческомъ яз. явствуетъ изъ сохраненія *t* передъ *i*). Но Миклошичъ сходилъ съ высказаннымъ позднѣе мнѣніемъ Бругмана въ томъ, что первоначальная ф. суффикса есть *къ* (= *qo*), и что предшествующій этому слогу гласный, какого бы происхожденія онъ ни былъ, сдѣлался составною частью суффикса въ данномъ состояніи языка, съ тою разницей, что для Миклошича это былъ языкъ общесловянскій, а для Бругмана индоевропейскій. Въ разбираемыхъ нами мѣстоименіяхъ происхожденіе отъ основы на *ь* = *ъ* слишкомъ очевидно, такъ какъ темы на *ъ* отъ мѣстоименныхъ корней съ предшествующимъ суффиксальнымъ элементомъ *l* извѣстны и въ другихъ родственныхъ языкахъ, различаясь отъ словянскихъ образований лишь качествомъ коренного гласнаго: лат. *tālis*, *quālis*, при чемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ извѣстно и дальнѣйшее распространеніе этихъ темъ элементомъ *k*, т. е. подобныя словянскимъ мѣстоименныя образования съ суффиксомъ *iqo*: греч. *πηλίκος*, *τηλίκος*²⁾, др. в. нѣм. *solih*³⁾, но, какъ видимъ, эти послѣднія образования долготой *i* совпадаютъ со словянскими *коликъ*, *толикъ*, съ которыми и сравниваютъ ихъ Бругманъ и Миклошичъ, такъ что прямой параллели нашимъ *колк-*, *толк-* въ несловянскихъ языкахъ я не нахожу, если нѣмецкія *solch-*, *welch-* предполагають непремѣнно праформы съ суфф. *ih*, а не *ih*, чего я рѣшать не берусь, предоставляя это германистамъ. Вслѣдствіе этого весьма вѣроятнымъ отвѣтомъ на дилемму Облака пред-

1) Grundriss der vergl. Gram. der indogerm. Sprachen, II B., 1 Hälfte (Strassburg 1889), стр. 245, 253 (§§ 87, 88); за пользованіе этой книгой приношу благодарность П. Г. Риттеру.

2) K. Brugmann, Grundriss d. vergl. gr. d. indogerm. Spr., II B., 1 Hälfte (1889), s. 250. Бругманъ сравнилъ греч. *πηλίκος* съ д. в. н. *welēr* и предполаг. прагерманск. суфф. *—l—χ—.

3) Miklos. Vergl. Gram. II, 247.

ставляется мнѣ то предположеніе, что *толк-*, *кольк-* суть новообразованія къ готовымъ темамъ *толь*, *коль* уже на словянской почвѣ.

Что касается второго вопроса, то мнѣ кажется, что, принимая если не для дословянского, то по крайней мѣрѣ для общесловянскаго періода двѣ праформы *-ьk-* и *-ik-*, мы не должны однако отрицать возможности происхожденія въ нѣкоторыхъ говорахъ формъ *-ьk-* вторично путемъ сокращенія изъ *-ik-*. Это сокращеніе обуславливалось мѣстомъ ударенія въ разбираемыхъ словахъ и характеромъ тоническимъ данныхъ говоровъ, т. е. отношеніемъ ударяемыхъ слоговъ къ неударяемымъ, а именно, если удареніе падало на слоги *ко-*, *то-*, въ говорахъ, наиболѣе ослабляющихъ слогъ, непосредственно слѣдующій за ударяемымъ, естественно *i* могло потерять слоговой характеръ и сравняться въ произношеніи съ рефлексами стараго *ь* въ неслоговомъ положеніи, откуда написаніе *-лк-* или *-лк-* и произношеніе *l'k*, *lk*, *lk* въ современныхъ говорахъ; при этомъ напомнимъ, что встрѣчающееся у насъ въ 3-мъ поч. толко мы не имѣемъ твердаго основанія читать непременно съ *l*, а не съ *l'*, какъ это ясно изъ сказаннаго на стр. 81. Такимъ образомъ великорусскія *только* (и *то́лко*)¹⁾, *ско́лько* и даже малорусскія *тіл(ь)ко*, *скіл(ь)ко*, чакавскія діалектическія *kolk*, *kolka*, *kolko*, *tolk* и нѣкоторыя другія изъ вышенприведенныхъ формъ могутъ предполагать подобное сокращеніе. Въ пользу происхожденія чакавскаго *kolko* изъ *koliko* говоритъ во первыхъ существованіе въ имѣющихъ подобныя формы чакавскихъ говорахъ фонетическаго ослабленія конечнаго неударяемаго *i* до степени *ь*, а внутри слова существованіе такого-же ослабленія въ нихъ по крайней мѣрѣ при плавныхъ²⁾, что сближаетъ эти говоры съ сосѣдними на сѣверѣ словѣнскими, во вторыхъ сохраненіе въ нихъ средняго *l*: если бы здѣсь послѣ *l* искони, т. е. въ общеслов. эпоху, былъ ирраціональный звукъ, становившійся неслоговымъ, когда за *k* слѣдовалъ гласный полнаго образованія, то въ соответствующихъ чакавскихъ говорахъ отвердѣвшее въ общесербско-хорватскую эпоху *l* (= *l'*) исчезало бы³⁾, вызывая долготу⁴⁾

1) Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ VII вып. Сборника Кирѣевскаго (стр. 64), на который ссылается Колосовъ (Обзор звук. и форм. особен. 153), я не могъ добиться, въ какомъ именно говорѣ встрѣчается эта форма.

2) V. Oblak, Der Dialect von Lastovo, Archiv f. sl. Phil. XVI, 434.

3) Ibid. 439.

4) Если въ ластовскомъ *ponedjènik* остается краткое *e* (ib. 439), то это объясняю я тѣмъ, что здѣсь искони было не *l* среднее, а *lj*, которое могло исчезнуть не путемъ обращенія *l—l—o* (*u*), а путемъ обращенія въ *j—i* (сравн. шток. *ponedjèlnik* при *ponèdiionik* В. С. Кар.).

предшествующаго *o*, какъ это и было, вѣроятно, въ стародаматинскихъ *koko*, *toko*. А что удареніе въ этихъ формахъ (на *-ik-*) не всегда было на суффиксальномъ *i*, какъ показывали бы штокавскія формы *кѡлик*, *тѡ-лико* (см. выше) и чакавск. *kol'ko* (рабск. гов.)¹⁾, что препятствовало бы сокращенію этого *i*, доказываютъ штокавскія же съ одной стороны *кѡлико*, съ другой *колика*, *толикѣ*, *толикѡ* и т. п., свидѣтельствующія объ исконности ударенія или на коренномъ или на флексивномъ слогѣ. Для интересующихъ насъ въ особенности современныхъ русскихъ формъ мы можемъ, такимъ образомъ, принять отчасти исходною точкою формы съ суф. *-ик-* (*-ik-*) (=дословянск. *-ik-*), но для формъ такого древняго памятника, какъ Синод. списокъ Новгород. лѣт., я склоненъ скорѣе принять праформы съ суф. *-ък-* (= праслав. *ik*), такъ какъ общихъ, не ограниченныхъ извѣстными словами, случаевъ появленія *ь* изъ *и* мы здѣсь не находимъ, а съ другой стороны общесловянское происхожденіе формъ съ суф. *-ък-* (*-zk-*) нельзя отрицать въ особенности ради болгарскихъ *кѡлко*, *тѡлко* и т. п., старочакавск. діалектич. *koko*, *toko* и нѣкоторыхъ другихъ (и для малорусск. *тике* и т. п. вѣрнѣе принять эту праформу съ иррациональнымъ гласнымъ въ суффиксѣ).

На третій вопросъ съ общесловянской точки зрѣнія, мнѣ кажется, слѣдуетъ отвѣтить отрицательно: нѣтъ никакого основанія считать суф. *-zk-*, каковой является здѣсь въ болгарскомъ, общесловянскимъ; во всѣхъ нарѣчійхъ, имѣющихъ твердое *л* (= *l*) или исчезновеніе его, оно можетъ быть объяснено позднѣйшимъ отвердѣніемъ, несомнѣнные примѣры котораго имѣются именно въ соответствующихъ говорахъ. Не говоря о діалектическомъ сербско-хорватскомъ *токо*, объясняющемся вполнѣ естественно изъ *толькo* черезъ посредство измѣненія *l̄* въ *l(ъ)* и затѣмъ *o* или *ц*, такъ какъ въ этой области всякое замыкающее слогъ среднее *l* совпало съ *l* и всякое *ь* совпало съ *з* въ одномъ среднемъ между ними твердомъ звукѣ, замѣтимъ, что и болгарскія и великорусскія и малорусскія діалектическія формы удовлетворительно объясняются позднѣйшимъ отвердѣніемъ: твердость *л* (*l*) вмѣсто несомнѣнной прежней мягкости діалектически извѣстна въ сѣверно-великорусскихъ²⁾ и малорусскихъ говорахъ, а въ болгарскомъ предста-

1) М. Kušar, Rapski dijalekat, Rad jugosl. ak. CXVIII, отд. от., стр. 37.

2) Колосовъ, Обзор звук. и форм. особ., 153 (говоры олонекій, сольвычегодскій, великоустожскій, кадниковскій, тотемскій и друг.). Сравни «Матеріалы для изученія великор. говоровъ», издав. при «Извѣстіяхъ Отд. рус. яз. и слов.» № III («Извѣстій» т. I, кн. 4,

вляеть почти общее явленіе во многихъ и восточныхъ и западныхъ говорахъ¹⁾, передъ суффиксами же *-ынъ*, *-ыць*, и т. п., по замѣчанію Калишы, свойственно преимущественно восточнымъ въ противоположность западнымъ говорамъ; мѣстоименія *тобьку*, *ольку*, *кобьку* съ мягкимъ (или среднимъ, срв. у Облака, Maced. Stud. 48—49) *l* извѣстны, кажется, лишь въ нѣкоторыхъ изъ западно-македонскихъ говоровъ, напр. въ дебрскихъ: см. Сборникъ отъ бѣлг. нар. умотвор. Шапкарева ч. I, кн. 1, стр. 79, 80, при чемъ въ той же пѣснѣ, въ которой встрѣчаются эти формы по дебрск. говору, по другому — костурскому (южно-македонскому) говору *тобло* *ibid.* 78, ср. у П. А. Лаврова, Обзоръ зв. и ф. ос. 112.

Что касается формъ съ суф. *-ын-* въ числит. *одинъ*, то къ нимъ съ вѣроятностію можно возвести діалектическія формы имен. ед. ч. муж. р., каковы малорус. (заблудовск. Гродн. губер.) *одзѣн*²⁾, угрорус. *jedén*³⁾, малор. *жбден* (Квитка, Малор. пов. I, 108), южновеликор. (Воронеж. губ.) *адѣн*⁴⁾, болгар. македонск. *ѣден* (дебрск., охридск.⁵⁾; можетъ быть, сюда же относятся и встрѣчающіяся въ среднеболгарскихъ памятникахъ *ѣденъ* Охрид. ап. 49 об., *ѣденго* Трнов. Еванг. (Лавровъ, Обзоръ зв. и форм. особ., стр. 53 со ссылкой на изслѣдованіе Валявца въ *Starine* XX, 177), если только эти единичные примѣры не описки.

стр. 956), № IV («Извѣстій» т. II, кн. 1, стр. 251), № V (Вятск. губ. Котельнич. у. с. Красногорское, «Извѣст.» т. III, кн. 1, с. 14); большею частью отмѣчается *л* вм. *ль* въ словахъ *болше*, *мелче*, *болной*, а также вообще передъ суф. *-н-*.

1) П. А. Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болгар. яз., стр. 101, 103; А. Kalina, *Studyja nad historyjǎ jazyka buġg.*, Rozprawy. . . . wydziaġu filol. Akad. Um. w Krakowie 1891, т. XIV, с. 430, 431.

2) А. Ае. Потебня, Отзвъвъ о сочин. А. Соболевскаго, стр. 24 («Извѣстій» т. I, 827).

3) Olaf Broch, *Zum Kleinrussischen in Ungarn*, Archiv f. sl. Phil. XVII, 378—382.

4) Филатовъ въ статьѣ о говорахъ Ворон. г. (Рус. Фил. Вѣстн. 1897 г., № 3—4, стр. 257).

5) Шапкаревъ, Сборн. отъ болгар. нар. умотвор., ч. I, кн. 1, стр. 79. Сборникъ отъ народни стар., кн. III, стр. 118. Срв. и словарь Дювернуа подъ слов. *единъ* (примѣры изъ сборн. Миладиновыхъ). Въ болгар. говорахъ примѣры *е* изъ ъ большею частію восходятъ къ той эпохѣ, когда ъ еще отличалось отъ з, а потому на старое ъ можетъ указывать зв. *е* въ тѣхъ говорахъ, которые въ настоящее время не передаютъ черезъ *е* новый глухой звукъ, въ которомъ слились старословянскіе звуки з и ъ (въ дебрскомъ и охридскомъ этотъ новый глухой перешель въ *о*: бочка, песокъ и т. п., Шапк., Сб. н. стар. III, 118; срв. объ этомъ въ статьѣ Облака «Die Halbvocale». . . . въ XVI т. «Archiv»'а, стр. 185—193). На ъ можетъ указывать и мягкость *д* передъ глухимъ звукомъ въ конопчійско-калоферскомъ *id'ъnǎjsi*, если только глухой звукъ здѣсь не представляетъ вторичнаго образования изъ стараго *і* (Kalina, *Studyja nad hist. jez. buġg.* § 48, стр. 201 или 363 т. XIV «Rozpraw» Краковской академіи).

Къ формамъ вообще съ ирраціональнымъ гласнымъ, неизвѣстнымъ по качеству, кромѣ великор.-малорус. *одна́, одно́, одного* и т. п., болгарскихъ *една́, едно́, едни* и т. д. ¹⁾, сербскихъ *једна, једнога* ¹⁾ и другихъ подобныхъ формъ въ разныхъ словянскихъ нарѣчιάхъ, приче́мъ твердость *д* ²⁾ здѣсь фонетически оправдывается независимо отъ первоначальнаго качества слѣдовавшаго нѣкогда за нимъ глухого, становившагося рано по положенію неслоговымъ, восходятъ сербск. *један*, болгарск. діалектическое *едън* (въ говорахъ трнскомъ и кратовскомъ) ³⁾, словѣнск. *édz̑n* (*z̑* — глухой звукъ съ характеромъ *e*, изображаемый Плетершникомъ особымъ курсивнымъ *e*: *éden*). Напротивъ польское *jedem*, нижнелуж. *jadēn*, в. луж. *jēdēn, jēdun, jēdn* ⁴⁾, словацк. *edon* ⁵⁾ и съ большой вѣроятностью чешск. *jeden* ⁶⁾ должны ближайшимъ образомъ восходить къ формамъ съ суффиксомъ *-zn*. Формы, восходящія къ формамъ съ какимъ-то ирраціональнымъ гласнымъ ⁷⁾, не только извѣстны во всѣхъ группахъ живыхъ словянскихъ нарѣчій, но встрѣчаются и въ древнѣйшихъ памятникахъ старословянскаго яз. и при томъ не только русскаго письма, каковы Изборникъ 1073 г. и т. п. (см. «Матеріалы для словаря др. рус. яз.» И. И. Срезневскаго), но и старословянскихъ, не имѣющихъ доказанныхъ признаковъ русскаго или какого либо

¹⁾ А. Л. Дювернуа, Словарь болг. яз.; Т. Флоринскій, Лекціи по слав. яз. I, 120.

²⁾ Что касается тѣхъ формъ, въ которыхъ послѣ *n* слѣдовалъ одинъ изъ смягчающихъ гласныхъ, какъ напр. великор. *однѣ*, то здѣсь, хотя *д* и мягко, но вслѣдствіе одноорганичности его съ непосредственно слѣдующимъ мягкимъ *n*, эта мягкость не такъ замѣтна для говорящаго и слушающаго, какъ напр. мягкость *t* въ *t̑ma* (сравн. польск. *ćma*, но *dnia*), и происходитъ это впечатлѣніе вслѣдствіе отсутствія обычнаго взрыва между *d* и *n*, такъ что звонкій мягкій носовой постепенно переходитъ въ звонкій мягкій носовой (подробное физиологическое объясненіе разницы между *t̑ma*—*ćma* съ одной и *dnia* съ другой стороны см. въ интересной статьѣ Ол. Броха въ сборникѣ «Χαριστήρια» въ честь Θ. Е. Корша).

³⁾ А. Kalina, Studyja nad hist. jęz. bułg., *ibid*.

⁴⁾ Dr. K. E. Mucke, Hist. u. vergl. Laut—u. Formenlehre der niedersorb..... Sprache, стр. 41, 20 (§§ 8 и 18, 4), приче́мъ буква *ě* у Муке означаетъ открытое небное *e* = *e*² у Сиверса (нѣм. ä).

⁵⁾ F. Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slovak. Sprache in Ungarn, 113.

⁶⁾ Хотя *dъn* одинаково съ *dъn* дасть въ чешск. *den*, вѣроятность здѣсь основнаго *dъn* опирается на формы другихъ сѣверозападныхъ нарѣчій и главнымъ образомъ на словацкую. Если же Гебауэръ предполагаетъ для чешскаго праформу *jednъ* (Histor. mluvn. I, 164, 166), то онъ руководится, вѣроятно, лишь этимологическими соображеніями не ближайшими, а болѣе отдаленными.

⁷⁾ Что это былъ именно гласный *ъ*, на это я не имѣю доказательствъ, такъ какъ примѣры *ъдънож*, *ъдъно* въ словарѣ (Lex. pal.) Миклошича взяты изъ памятниковъ болгарскаго XIII-го и сербскаго XIV и XVI столѣтій, въ которыхъ *ъ* можетъ быть употреблено безразлично вмѣсто *ъ* и *з*.

изъ сѣверныхъ словянскихъ языковъ; таковъ именно извѣстный Супрасльскій сборникъ. Въ немъ (цитирую по изданію Миклошича 1851 г., принямая во вниманіе поправки къ люблянской части рукописи, т. е. къ первымъ 118 листамъ = 1—172 стран. изданія, сдѣланныя Пастернкомъ¹⁾ на основаніи фотографій, приготовленныхъ въ Люблянѣ) въ формѣ им.-вин. ед. ч. муж. р. правильно пишется *ѣдинъ* (изрѣдка *ѣдинъ* 26, *ѣдинъ на десате* 198, *ѣдинъ* 319, *ѣдинъ* 53, 120, *ѣдинъ* 45) 16, 19, 21, 23, 25, 26,..... 101, 102, 103, 105,..... 207, 212,.... 302, 305, 306 и мн. друг.; перечислять всѣ страницы (на нѣкоторыхъ изъ нихъ форма встрѣчается по нѣскольку разъ) было бы излишне; замѣчу только, что мнѣ удалось насчитать 102 случая, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести послѣ поправокъ Пастернка²⁾ и единственный любопытный примѣръ *ѣдынъ* 164. 14, оказавшійся опечаткою вмѣсто *ѣдинъ*. Но въ тѣхъ формахъ, гдѣ за *и* приходился гласный полный (*а, о, и, ѣ, ж*), въ томъ же памятникѣ преобладаютъ примѣры съ пропускомъ *и* между *д* и *н*, между которыми довольно часто встрѣчается апострофъ: *ѣдна* 68, 159, *ѣд'на* 297; *ѣдначе*, *ѣдначе*, *ѣд'наче*, *ѣд'нако* 22, 25, 24, 30, 31, 44, 45, 70, 96, 259, 295, 309, 311, 314, 370 (всего 15 разъ); *ѣдно* вмѣстѣ со сложными (—*надесатаго* 319, *ѣдночадъ* 417)—28 разъ (22, 43, 51, 61, 74, 234 и друг.), *ѣдно* вмѣстѣ со сложными 15 разъ (7, 21, 40, 53, 62, 63, 64, 70, 317 и др.); *ѣдного* 36, 44, 55, 71, 84, 94,..... 142, 145,..... 228, 250,..... 332 и мн. др. — всего 31 р., *ѣдного* — 15 р. (37, 44, 54, 59, 63, 69, 71, 116, 167, 330, 388 и др.); *ѣдномоу* 19 разъ (56, 63, 85, 93, 95,..... 181, 207, 251,.... 317, 344,.... 440 и др.), *ѣдномоу* 9 р. (6, 28, 47, 58, 70, 125, 144, 291, 439); *ѣдномъ* (19, 50, 61, 271 и др.), *ѣдномъ* (410, 413), *ѣдномъ* (449), *ѣдномъ* (70, 443)—всего 12 разъ; *ѣднон* (176, 270, 278, 312, 317, 401), *ѣд'нон* (44, 292), *ѣд'нон* (422)—9 р.; *ѣднол* 6 р. (63, 220, 278, 316, 325, 327); *ѣднож* (68, 80, 91, 166, 177, 201, 271, 283, 305 и др.), *ѣд'нож*³⁾ (52, 125, 409), *ѣд'нож* 429, — всего 23 р.; *ѣднж* (72, 250, 264, 271, 273, 449), *ѣд'нж* (403)—7 р.; *ѣднѣмн* (133), *ѣд'нѣмн* (289), *ѣднѣмъ* (82, 203, 254, 280, 315, 321 и др.), — *ѣмъ* (246, 291, 389) — всего передъ *ъ* 15 р., но передъ *и* только 1 р.: *ѣд'ни* 331. Всѣхъ случаевъ

1) Frant. Pastrnek, O rukopise Supraslském, Listy filologické 1897, sešit II, стр. 96 — 109. Большое спасибо Н. К. Грунскому за указаніе на эту статью.

2) Ibid. 106.¹

3) См. поправки Брикнера, Archiv f. slav. Phil. XIII, 318 (у Миклошича 425—452).

безъ *и* по моему счету выходитъ 208. Если мы сопоставимъ ихъ съ числомъ примѣровъ *-ин-* въ тѣхъ-же формахъ [кдина — 7 р. (29, 91, 204, 169, 376, 377, 436), кдиначе (29, 104) — 2 р., кдинѣнии (61) — 1 р., кдини 4 р. (53, 190, 325, 390), кдино вмѣстѣ со сложными 9 р. (7, 27, 48, 76, 87, 129, 140, 233, 255), кдином 1 р. (176), кдиномоу 1 р. (346), кдиномъ 1 р. (61), кдиною 1 р. (198), кдином (177) 1 р., — ж 1 р. (47), кдиномоу м(оу) 1 р. (328), кдин(ы 164) 1 р., — (ыи 386, 414) 3 р., кдинж 9 р. (7, 61, 65, 194 и др.), кдинѣ(-мъ 43, 47, 52 и др., — мъ 72, 295, — хъ 43, 57, 329) — 15 р.], которое равняется 58, то намъ будетъ ясно преобладаніе первыхъ надъ послѣдними, хотя это преобладаніе неодинаково въ отдѣльныхъ формахъ, и иногда является даже обратное отношеніе: замѣчается нѣкоторое предпочтеніе послѣднихъ первымъ, если за *и* слѣдуетъ узкій гласный (*и, е, ѵ*), такъ что передъ *ни* только 1 примѣръ съ *'* противъ 4 съ *и* послѣ *д*, передъ *нѣ* число тѣхъ и другихъ по крайней мѣрѣ одинаково, передъ *не* ни разу не встрѣчается пропуска *и*, хотя есть одинъ примѣръ съ *и*; также и передъ *ни* при четырехъ примѣрахъ съ *и* ни одного безъ *и*; передъ сочетан. *н* съ широкими гласными рѣшительно преобладаютъ примѣры безъ *и*, кромѣ формы ж. р. ед. ч. им. п. на *а*, въ которой болѣе частое написаніе съ *и* (7 противъ 3) можетъ объясняться вліяніемъ формы муж. р. ед. ч. им. п. Свидѣтельство Супрасл. сборника не оставляетъ сомнѣнія въ существованіи формъ безъ *и*, предполагающихъ формы съ какимъ-то ирраціональнымъ гласн., и въ говорахъ старословянскаго яз., а въ связи съ приведенными выше формами живыхъ словянскихъ нарѣчій позволяетъ отнести подобные варианты къ говорамъ общесловянской эпохи. Но старословянскій яз. повидимому не зналъ формъ съ глухимъ гласнымъ между *д* и *н* въ «слоговомъ» положеніи¹⁾, т. е. въ формѣ им. вин. ед. ч. муж. р., и въ этомъ отношеніи сближается съ русскимъ и болгарскимъ, гдѣ, хотя и извѣстны формы, восходящія къ формамъ съ «слоговымъ» глухимъ, но лишь діалектически, въ противоположность не только всѣмъ сѣверо-западнымъ группамъ, но и сербо-словѣнской, въ которыхъ эти формы являются господствующими. Формъ съ глухимъ гласнымъ «слогового» положенія, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается и въ древнерусскомъ, а

¹⁾ По крайней мѣрѣ я не имѣю для нихъ доказательствъ въ памятникахъ: приводимое Миклошичемъ и Востоковымъ въ ихъ словаряхъ *кдинъ* изъ Гомилій Антиоха для старословянскаго яз. ничего не доказываетъ, такъ какъ почерпнуто изъ памятника сербскаго письма XIV в.

потому остается под сомнѣніемъ ихъ древность; весьма возможно, что въ «слоговое» положеніе *ъ* (*з*) проникло уже въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ подъ вліяніемъ господствующаго числа случаевъ «неслогового» положенія, а частію и подъ вліяніемъ существовавшего вообще въ прилагательныхъ и существительныхъ образованіяхъ суффикса *-ън-*; конечно, это новообразование въ отдѣльныхъ говорахъ могло совершиться весьма рано, что въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ доказывается напр. звукомъ *е*, замѣнившимъ *ъ* еще въ ту эпоху, когда *ъ* отличалось отъ *з*, если только *е* не явилось въ этихъ говорахъ вторично вмѣсто *і* въ положеніи безъ ударенія. Но особенно явствуетъ позднее (сравнительно) происхожденіе этихъ формъ въ языкахъ сѣверозападныхъ, имѣющихъ, какъ мы видѣли, рефлексы не суффикса *-ън-*, а суф. *-ън-*, который вообще извѣстенъ лишь въ очень рѣдкихъ образованіяхъ (кажется, исключительно послѣ заднебныхъ согласныхъ, напр. въ словахъ **лоук-ън-о*, **ок-ън-о*¹⁾ и т. п., при *-ън-* въ *юум-ън-о*, *полот-ън-о* и др.) и кромѣ того не можетъ быть ближайше родственнымъ суффиксу *-ин-* (*in*); твердое *d* прежде всего возникало въ косвенныхъ формахъ, гдѣ **дъ* приходилось болѣею частію передъ твердыми слогами и гдѣ слѣдовательно обусловливалось измѣненіе неслогового *дъ* въ неслог. *дъ*, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже на это указывалъ, ссылаясь на остроумное объясненіе Ол. Броха, и передъ мягкими слогами мягкость *d* вслѣдствіе непосредственнаго перехода къ *n*, иначе говоря, вслѣдствіе обращенія сочетанія **dъn*¹ прямо въ *dn*¹, была столь мало ошутительна, что не вызвала обычнаго качественного измѣненія *d*, а разъ твердое или по крайней мѣрѣ качественно не измѣненное *d* господствовало въ большинствѣ формъ, естественно было провести его и въ именит. п. ед. ч. муж. р., гдѣ вслѣдствіе возобладавшей въ сѣверозап. языкахъ оттяжки ударенія тѣмъ естественнѣе могъ явиться вмѣсто прежняго суф. *-ин-* господствовавшій въ косвенныхъ формахъ суф. *иррац. зв. -н*. Замѣчу, что въ сѣверозап. языкахъ была и еще причина появленія твердаго сочетанія звуковъ — вліяніе явившагося органическимъ путемъ *ten* изъ **тъ-нъ*²⁾, въ которомъ старое общесловянское *тъ*, распро-

1) Миклошичъ въ «Lexicon palacoslov.» и въ «Etymolog. Wörterb.» ставитъ основными формы безъ иррац. гласн. между *k* и *n*: *лукно* — *lukno* и *окно* — *okno*, хотя рядомъ ставитъ формы *лукънъце*, *окънъце*, вѣроятно, считая *ъ* развившимся вторично, при чемъ *lukno* сравнилъ съ греч. *λίχων*, что возможно лишь при условіи заимствованія, а *okno* сблиз. съ *око*.

2) Ошибочно, по моему, производитъ Миклошичъ (Vergl. Gram. II, 151) чешск. *ten* изъ *тънъ*, что ясно изъ польскаго, въ которомъ также и *ktoren*, *każden*, *owen* (Mikl. ib. 152), сравн. кувяск.: *chtórny* (*córke*) *nie lubi* (Kolberg, Lud, ser. III, cz. 1, стр. 129), нижедуж.

страпенное элементомъ также мѣстоименпаго происхожденія *n*, естественно и правильно фонетически измѣнило слоговое *tz* въ *te*; также правильно явилось и *jen* изъ **jъnz* (сравн. старослов. *n* изъ **нъ*); по образцу же этихъ формъ въ сѣверозап. языкахъ развился цѣлый рядъ новообразованій, каковы чешск. *všeken*, *všechen* и мн. др., къ числу которыхъ отношу я отчасти и разбираемое *jeden*. Любопытно обратить вниманіе на факты нѣкоторыхъ пограничныхъ съ малорусскими словацкихъ говоровъ Венгріи; въ нихъ мы встрѣчаемъ не мало непослѣдовательностей съ точки зрѣнія этимологій и исторіи звуковъ; таковъ напр. говоръ деревни Фалькушъ, описанный и иллюстрированный точными образцами въ прекрасной работѣ Ол. Броха «*Studien von der slovakisch-kleinrussischen Sprachgrenze im östlichen Ungarn*» (Kristiania 1897); въ немъ этимологич. *z* (кромѣ сочетаній: cons. + *z* + liquid. + cons.), а также и вторичное старое *z* въ слогов. положеніи большею частію = *o*: *děsok* (стр. 41), *ostátok* (44), *zámok* (42, 43, 44), *vónka* (43), *voš* (52) и т. п., но встрѣчаются колебанія: *l'úboц* (53), *cerkóvn'ik* (41) при *cerкeц'*, *márcец'*, *kreц* (53), а кромѣ того постоянно: *děsok* (впрочемъ встрѣтилось только разъ, стр. 41), *kédi* (41, 43 и др.), *tédi* (44, 46), *jeden* (много разъ: 41, 42, 43), такъ что случай той и другой замѣны встрѣчаются и въ коренныхъ и въ суффиксальныхъ слогахъ и иногда даже въ одномъ и томъ-же суффиксѣ, вѣроятно, въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ, но для насъ важно *jeden*, указывающее всетаки на *z*, такъ какъ рефлексомъ *z* здѣсь является лишь *e*, смягчающее предшествующій согласный, какъ и этимологич. *e*: *džen'* и т. п. (43), или же *o* изъ *e*: *víšol*, *róšol* (43) и т. п.

Характерно и отступленіе верхнелужицкаго нарѣчія¹⁾: въ немъ этимолог. *z* обыкновенно рефлектируется звукомъ *o*, которое, какъ и этимолог. *o* передъ мягкими звуками измѣняется въ *e*; въ словѣ же *jěden*, т. е. *je²de²n* (при *jědyn* и въ пограничномъ восточн. говорѣ переходн. отъ н. л. къ в. л. *jědn*), нѣтъ причины появленія *e²* вм. *o*, если предполагается основное *z*, а съ другой стороны, если бы предполагалось *z*, было бы непонятно отсутствіе смягченія *d*; это даетъ поводъ думать, что діалектическая форма *jědn* (т. е. *je²dn*) лежитъ въ основаніи остальныхъ верхнелужицкихъ и

ten, kenž, (w)šyken, (w)šycken, в. луж. tón, wšitkón (Mucke, Hist. u. vergl. Laut- u. Formenlehre der niedersorb. . . . Sprache, стр. 422—430, сравн. также стр. 41; относит. верхнелуж. *ó* изъ основного *z* сравн. *són* изъ **въпъ*).

¹⁾ Mucke, Histor. u. vergl. Laut- u. Formenlehre d. niedersorb. . . . Sprache, стр. 41 (§ 18).

нижнелужицкихъ формъ, кромѣ *je²dyn*, которое обязано своимъ существованіемъ формѣ *je²dn* лишь отчасти, т. е. по скольку въ немъ утрачена мягкость слога **dī*, измѣнившася вмѣсто *dži* въ *dy*, при чемъ это-же старое отчасти (т. е. кромѣ утраты мягкости) *je²dyn* и было, какъ мнѣ кажется, причиною того, что новыи глухой звукъ, развившійся естественно между *d* и *n* получилъ окраску *e*, а не *o*, какъ это случилось въ нѣкоторыхъ словацкихъ говорахъ (*edon*, см. выше), самая-же форма *je²dn*, какъ я думаю, явилась результатомъ отвлеченія изъ формъ косвенныхъ падежей. Такимъ же вторичнымъ путемъ явилось, вѣроятно, и польское *jedynu* вмѣсто древнепольскаго *jedziny* (псалт. Флор.)¹⁾.

Одноорганность сочетающихся согласныхъ *d* и *n*, изъ которыхъ первый отъ второго отличался лишь отсутствіемъ носового оттѣнка, вызвала въ нѣкоторыхъ группахъ говоровъ сліяніе ихъ въ одинъ звукъ долгій или краткій *n*; таковы: великорусскія *анна*, *анно* и т. п. (Касимов. Ряз. г.)²⁾, словѣнскія формы *éna*, *éno*, *énega* при именит. ед. муж. р. *édz^en* и *edín^a*³⁾, верхне и нижнелужицкія *jena*, *jana* при *jadna*, *jeno^{ho}* (в. л.), *janogo* (н. луж.) при *jedno^{ho}* (в. луж., рѣдко), *jadnogo* (н. луж.) и т. п., в. луж. *žana*, *žane*, *žano^{ho}*, н. луж. *žena*, *ženo*, *ženogo* при *žedna* и т. п.⁴⁾, подъ вліяніемъ же случаевъ измѣненія *dn* + гласн. въ *n* + гласн., т. е. подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ пад., и въ формѣ имен. ед. муж. р. въ словѣнскомъ явилось *n* вм. *dn*, которое и не могло бы удержаться, если между *d* и *n* не развивалось полного или ирраціональнаго гласнаго, при чемъ безразлично, возникалъ ли этотъ

1) Wl. Nehring. Psalt. Flor. Lexicon, 196; Miklosich, Etymolog. Wörterb. s. v. (102).

2) Е. Ѳ. Будде, Къ исторіи великорус. говоровъ, 145, 301. Срв. также въ Остров. у. Псков. г. (Матеріалы для изуч. великор. гов. V, 5 (№ 33).

3) Pletersnik, Slov. pemski slovar; такія формы безъ *d* восходятъ къ XVI-му столѣтію (въ рукоп. «Крайнск. Мѣста»: *enimu*, *eno*, *eneriga*, *enerj*, *obeniga* и даже въ имен. ед. муж. р. *an*, *en* при *edin*, Sket, Slov. slovstv. čítanka, 35—36, но въ Цѣлов. рукоп. нач. XV в. еще *ednero*, *ibid.* 32). Діалектически подобныя формы извѣстны и въ сербо-хорватской группѣ, а именно въ чакавскихъ и кайкавскихъ говорахъ: въ рабскомъ гов. при имен. ед. муж. *jedān* въ ф. род. ед. муж. *je²ōga* и *je²oga*, въ жен. р. *je²a*, множ. ч. *je²l*, *je²e* и т. д. (Kušar, Rapski dijalekat, 37, отд. от. изъ 118 кн. «Rad jugosl. akad.»), а въ кайкавскомъ говорѣ, описанномъ въ 115, 116 и 118 кн. «Rad»а Рожичемъ (Kajkavački dijalekat u Prigorju, отд. от. 20, 132), и въ ф. имен. ед. муж. *jè²n*, такъ что *d* уже совсѣмъ отсутствуетъ во всѣхъ формахъ разбираемаго слова (сравн. *jān*, *jāno*, *ānoga* въ межмурскомъ говорѣ, описанномъ Облакомъ, Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena, изд. югослов. академии, u Zagrebu 1896, sv. I, стр. 45, 52).

4) Mucke, Hist. u. vergl. Laut- u. Formenlehre der niedersorb. . . . Spr. 249—250; источники нижнелуж. яз. XVI в. Якубица и Моллеръ еще вездѣ сохраняютъ *d* передъ *n*, *ib.* 250, § 136, 1, а).

гласный вновь изъ необходимаго въ каждой группѣ согласныхъ слабого «glide», или представляя дальнѣйшее развитіе стараго этимологически даннаго звука.

Изъ приведенныхъ фактовъ и соображеній я позволю себѣ сдѣлать тотъ выводъ, что въ имен. ед. муж. р. разбираемаго нами слова глухой звукъ между *d* и *n* вмѣсто стараго полнаго *i* представляетъ сравнительно позднее явленіе, развившееся уже во время обособленной жизни отдѣльныхъ словянскихъ группъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ, вѣроятно, именно въ тѣхъ, въ которыхъ и въ формахъ косвенныхъ падежей между *d* и *n* дольше, чѣмъ въ другихъ, слышался, если не полный, то иррациональный (глухой) гласный *i* или *ь*, этотъ новый глухой и въ ф. именит. ед. муж. р. принималъ характеръ звука *ь*, въ слоговомъ положеніи естественно измѣнявшагося въ этихъ (болгарскихъ и русскихъ говорахъ) въ *e*, въ другихъ же группахъ, обнимающихъ все остальное большинство словянскихъ нарѣчій, здѣсь получался вообще какой-то иррациональный гласный, совпадавшій съ рефlekсами старыхъ *z* и *ь* тамъ, гдѣ они сами съ древнѣйшихъ временъ (въ группѣ сербо-словѣнской) совпадали въ одномъ звукѣ, или сближавшійся¹⁾ (въ лужицкомъ и частію въ словацк.) и даже совпадавшій (частію въ словацкомъ и, можетъ быть, въ польскомъ и чешскомъ) съ рефlekсомъ *z*, но характеризующійся вообще несмягчающимъ дѣйствіемъ на предшествующій согласный; такой новый глухой звукъ, замѣнившій старыи *ь* и совпавшій или сблизившійся съ *z*, находимъ и въ нѣкоторыхъ другихъ примѣрахъ лужицкаго, чешскаго и словацкаго: в. луж. *kozolъ, kotoļ* (Pfuhl, Lausitzisch — Wendisches Wörterbuch, Budissin 1866) при старослов. **козьль, котль* (Miklos., Lex. pal.), рус. *козѣл, котѣл*, чешск. *orel, orel* = словацк. *orol, osol* (Gebauer, Hist. mluvn., I, 59, Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slov. Spr., 84)²⁾ при ст. сл. **орль, осль* (Mikl., Lex. pal.; Ягичъ, Studien üb. Zogr. 110), рус. *орѣл, осѣл*, польск. *orzecъ, osiecъ* (Бартошевичъ) и т. п.; причина этихъ явленій—законъ гармоніи³⁾, дѣй-

1) Вообще о возникающихъ вновь въ исторической жизни отдѣльныхъ языковъ и говоровъ иррациональных гласныхъ нельзя говорить непременно какъ объ *z* и *ь*, такъ какъ эти звуки могли не совпадать ни съ тѣмъ, ни съ другимъ, а лишь имѣть нѣкоторыя общія свойства то того, то другого, а потому и рефlekсы могутъ быть различны.

2) М. б. сюда же относится и *осль* Маринск. 263. 15, Остромир. 110 (М. Козловскій, О языкѣ Остром. Ев., 41), польск. *osła — osęka* (Бартош.); на этимолог. *ь* несомнѣнно указываютъ лит. *asilas* готск. *asilus*, д. в. нѣм. *esil* (Miklos., Lex. pal., Etymol. Wörterb.).

3) Срв. статьи И. В. Ягича «Studien über das altslov.-glag. Zograph.-Evang.» въ I т. «Archiv für slav. Phil.», стр. 17 и др., Вондрака «Ueber einige orthographische u. lexical.

ствовавшій прежде всего тамъ, гдѣ ъ было по положенію неслоговымъ, и распространявшійся затѣмъ и на слоговые случаи.

Въ пользу сравнительно новаго происхожденія формъ съ глухимъ звукомъ въ имен. ед. муж. р. говорить и удареніе, которое, какъ показываетъ сравненіе русскаго и болгарскаго съ сербскимъ, издревле должно было находиться на слогѣ *d* — *гласн.* — *n* (*одѣн, одѣн, адѣн, ѣдѣн, жѣдан*) въ ф. им. ед. муж. р., будучи перенесено еще въ общесловянскую эпоху на этотъ слогъ съ конечнаго, ставшаго ирраціональнымъ, по закону ослабленія конечныхъ слоговъ (срв. у Шахматова, Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній, стр. 42—43); при предположеніи общесловянскаго варианта **ed'pnz* при **edpnz*, принимая во вниманіе то обстоятельство, что независимое генетическое существованіе обѣихъ формъ мало вѣроятно, такъ какъ оно возможно бы было лишь при условіи существованія во второй изъ нихъ суффикса *-in-* въ значеніи принадлежности предмету, выраженному какимъ-то корнемъ **ed-*, какое здѣсь трудно допустимо, естественнымъ представляется первую форму (съ ъ) поставить въ генетическую зависимость отъ второй (съ *i*), объясняя *-inz* (-ничъ) какъ мѣстоименіе *ничъ* = лат. *ipus* (изъ **oipos*) и т. д., что давно уже (въ 1848 г.) было указано Шафарикомъ въ его статьѣ¹⁾ о числительныхъ, теперь въ нѣкоторыхъ пунктахъ уже устарѣвшей, но для своего времени имѣвшей большую цѣнность, не утраченную отчасти и теперь. Для бѣльшей ясности не мѣшаетъ только намѣтить путь, какимъ мѣстоименіе *ничъ* могло стать составною частью мѣстоименія — числительнаго *ѣдинъ* (*одинъ, адинъ, единъ*), и путь этотъ, мнѣ кажется, былъ сходный съ тѣмъ, какимъ изъ *ѣди-* или *ѣде-* и *кой* въ болгарскомъ получалось *ѣдикой, ѣдекой*²⁾, т. е. къ основѣ *edi-* или *edy-* (*edi-*) примыкало *inz*, при чемъ два *i* (*i* — *ī* или *ī* — *ī*) слились въ одно сначала долгое, а затѣмъ среднее по количеству *i*; разница, однако, не только во времени соединенія, но и въ способѣ: въ *ѣдикой*, какъ видно, *кой* въ качествѣ энклитики присоединилось къ *ѣди-*, въ **edi* — *inz*, судя по ударенію *edpnz*, можемъ предположить или обратное, т. е. проклитичное присоединеніе частицы *edi-*, или

Eigenthümlichkeiten des Cod. Suprasl.» въ 124 т. «Sitzungsberichte» Вѣнской Академіи и А. И. Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1893, № 11 и 1894 г., № 11, стр. 27—30. Сравн. резьянскую гармонию гласныхъ (Бодуэн-де-Куртенэ, Опыт фонетики рез. говоров, гл. 6).

¹⁾ На эту статью, помѣщенную въ изданіи полнаго собранія сочиненій Шафарика (Sebrané spisy, III, 615), указалъ мнѣ М. С. Дриновъ, которому выражаю здѣсь свою благодарность.

²⁾ Дювернуа, Словарь болгар. яз. в. в.

иное удареніе въ самой частицѣ (*edi-*), но удареніе (на конечномъ слогѣ основы) косвенныхъ падежей и другихъ родовъ¹⁾ рѣшаетъ вопросъ въ пользу перваго предположенія; этимологія самой частицы *еди-*, родственной съ *ede* (ст. слов. *ѣде* или *ede*, Miklos. Lex. pal. со ссылкой на болгарск. списокъ XVI в. Григорія Двоеслова, сербск. Минею Вука и русск. пам. XVI в. — слова Даніила митропол.) и, вѣроятно, *ѣда* (*eda*), не вполне выяснена, и я оставляю въ сторонѣ всякія сопоставленія, не имѣющія прямого отношенія къ рѣшаемому мною вопросу²⁾. Для меня важно лишь то, что генетическое первенство **единъ* передъ **едьнъ* является не только вѣроятнымъ, но почти несомнѣннымъ, такъ какъ, кромѣ чисто фонетическихъ соображеній, въ пользу него говоритъ и значеніе простого *инъ* «*unus*», которое представляется очень древнимъ и относится, какъ показываютъ факты родственныхъ языковъ (литовскаго и другихъ балтійскихъ, греческаго, латинскаго и другихъ романскихъ, готскаго, древне- и ново-нѣмецкаго), ко времени, задолго предшествовавшему выдѣленію общесловянскоѣ группы говоровъ изъ группы общиндоевропейскоѣ или по крайней мѣрѣ общеевропейскоѣ³⁾. Изъ **единъ* форма **едьнъ* могла получиться лишь путемъ сокращенія, причины котораго здѣсь быть не могло, пока удареніе находилось на *i*, а между тѣмъ, какъ мы видѣли, удареніе продолжало оставаться на интересующемъ насъ слогѣ и тогда, когда вмѣсто *i* здѣсь былъ уже ирра-

1) Это удареніе, мнѣ кажется, должно быть признано обще-литовско-славянскимъ (сравн. замѣчанія Фортунатова въ статьѣ «Удареніе въ прусскомъ яз.», стр. 22, отд. отт. Рус. Фил. В. 1895 г.).

2) Замѣчу лишь, что въ этихъ частицахъ могутъ заключаться сочетанія двухъ частицъ, такъ какъ намъ извѣстны въ славянскихъ нарѣчійхъ съ одной стороны частицы *e*, *o*, *a*, отдѣльно или въ сочетаніи съ другими (*же*, *ли* и др.), съ другой *de*, *di*, *do*, *da*, отдѣльно или энклитично. Болѣе свѣдущимъ, чѣмъ я, людямъ предоставляю рѣшить, возможна ли какая либо этимологическая связь нашего *ed-* съ н. в. нѣм. *et-* въ *et-liche*, *et-wa*, *et-was* и т. п., а ясная теперь всякому лингвисту невозможность сопоставленія съ нѣм. *jeder*, представляющимъ повидимому сочетаніе основы *je-* съ указат. мѣстоим. *der* = слов. *тѣ*, была еще 50 лѣтъ тому назадъ указана Шафарикомъ на основаніи тогда уже извѣстнаго закона Гримма. Шафариково сравненіе слога *di* съ греч. *δεις* въ *οὐ-δεις* (цитирую по сочин. А. Будиловича «Анализъ составныхъ частей Славянскаго слова съ морфологич. точки зрѣнія» въ «Извѣстіяхъ истор.-филол. института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» за 1877 г., стр. 179, на которое обратилъ мое вниманіе Н. К. Грунскій) должно быть оставлено, такъ какъ греч. *δ* здѣсь то же, что въ *οὐδε* и *δε*, и этимологически тождественно съ слов. *ж* въ *же* и т. п.

3) Славянское *i* въ *инъ* можетъ указывать или на дославянскій дифтонгъ *ei* или на *oi*, на который указываютъ родственные языки (греч. *οἶνη* «*Einzahl*», Gust. Meyer, Griech. Gram. въ изд. 1880 г., § 395, срв. Лекціи Фортунатова по ц. слав. яз. 1884—1885 г., стр. 76, лат. *ūnus* изъ **oinos*, др. прусск. *ains*, готск. *aina-*); только процессъ образованія славянскаго *i* изъ *oi* въ начальномъ слогѣ не вполне ясенъ.

ціональный звукъ (сербск. штокавск. *jědan*, чакавск. *jedān*¹⁾), русскія діалектическія формы и т. п.); это обстоятельство и заставляетъ меня въ связи съ раньше упомянутыми видѣть въ формахъ, восходящихъ къ **edъnz* или **edъnz*, не только явленія сравнительно новыя, но и такія, которыя могли возникнуть лишь нефонетическимъ путемъ, т. е. подъ вліяніемъ другихъ формъ, въ которыхъ фонетическое происхожденіе ирраціональнаго звука возможно допустить. Возможность сокращенія *i* въ *ь* еще въ общесловянскую эпоху обуславливалась въ формахъ косвенныхъ пад. муж. р. и формахъ жен., сред. р. и множ. ч. неударяемостью этого *i* какъ въ простомъ *ин-*, такъ и въ сложномъ *един-*, и чѣмъ дальше отъ подлежащаго сокращенію слога приходилось удареніе (если оно слѣдовало за нимъ), тѣмъ легче могло произойти въ немъ сокращеніе, а здѣсь удареніе искони падало или на конечный гласный основы или еще дальше — на конечный гласный суффикса; напр. въ род. и дат. ед. муж. р. мы, кромѣ штокавскаго *jěднога* = чак. *jepōga*²⁾, шток. *jěдному* = чак. *jepōти*²⁾, имѣемъ согласно съ русскимъ *одного*, *одному* чакавскія *jepoga*, *jepoti*²⁾, что даетъ право наконецное удареніе въ этихъ формахъ отодвинуть ко времени еще не обособившихся говоромъ общеслов. языка. Правда, мы имѣемъ указанія и на удареніе перваго слога разбираемаго слова также еще въ говорахъ общеслов. яз., каковы сербское діалектич. *jědan*, *jědna*³⁾ при малорусскихъ *одного* въ выраженіяхъ *один—одного*, *один від одного*, — *за одного*, *ні одному*, *жбдному*, *ні-жбдною мірою*, *жбден*⁴⁾, пинск. *жбдзинг*⁵⁾, бѣлорус. (Виленск. г., Дисн. у.) *жадзинг*, *ивбдзинг*⁶⁾, олонекк. *съ одной*, *въ одныхъ*, *до одного*

¹⁾ М. Kušar, Rapski dijalekat, U Zagrebu 1894, стр. 37, отд. от. изъ 118-ой кн. «Rad jugosl. akad.»

²⁾ М. Kušar, Rapski dijalekat, 37 (оттискъ изъ 118 кн. «Rad» а); сравн. ib. 36 и *samoga* *samoti* при *zamotoга*, *zamotoга*, *zamotoга*, штокавск. *самога*, *самому* (Флоринскій, Лекціи, I, 304).

³⁾ J. Berlić, Gram. der illirischen Sprache (3-e Aufl. 1850), § 93 (стр. 68 и сл.); см. его знака ^ я ставлю Вуковъ ". За доставленіе мнѣ этой книги еще въ 1889 г. благодарю В. Н. Щепкина.

⁴⁾ Г. О. Квитка, Малороссійскія повѣсти, I, 141, 132, 130, 126, 108 (изд. харьковск. 1887 г. подъ ред. А. А. Потебни). Замѣчу, что въ чешск. *zadny*, польск. *zaden*, малор. *жбден* и т. п. въ знач. «ни одинъ», «каждый» я вижу сочетаніе *же* съ **edъn-*, **edъn-*. Это наиболѣе удачное объясненіе всѣхъ подобныхъ формъ въ сѣверозападной группѣ языковъ уже около 20 лѣтъ тому назадъ (въ 1880 г.) высказано И. В. Ягичемъ; хотя онъ свое объясненіе называлъ «übliche Auffassung und Deutung», но ему принадлежитъ указаніе въ особенности на формы лужицкія и польскія, которыя никакъ не укладываются въ предлагаемыя чешскими учеными новыя рамки (Archiv f. slav. Philol. V, 162—163, примѣч.).

⁵⁾ Е. О. Карскій, Матеріалы для изуч. сѣв.-малорус. гов., I, 1, стр. 2.

⁶⁾ Е. О. Карскій, Матер. для изуч. бѣлор. говор. II, стр. 9.

(Гильферд. 896, 899 и мн. др., Истом. 37), но, если подобное ударение и может быть отнесено къ общесловянскому времени, что еще сомнительно, такъ какъ напр. сербскія *jědan*, *jědna* (на средней Савѣ, у Брода) могутъ быть позднѣйшими явленіями¹⁾, то весьма вѣроятно, что такое ударение всетаки обуславливалось первоначально лишь извѣстными сочетаніями съ предлогами, частицами и т. п. (сравн. рабск. *šjedan* при *jedān*, Kušar, R. d. 36), при чемъ возможно, что первоначально оно ограничивалось формами косвенныхъ пад., а сокращеніе *i* въ слогѣ, непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, фонетически столь же возможно, какъ и въ слогѣ третьемъ передъ ударяемымъ со включеніемъ въ счетъ послѣдняго (сравн. законы сокращенія неударяемыхъ гласныхъ, выведенные А. А. Потебнею для южно-великорусскихъ говоровъ и формулированные В. А. Богородицкимъ).

Такимъ образомъ и ударение свидѣтельствуетъ о болѣе позднемъ происхожденіи формъ съ глухимъ гласнымъ въ имен. ед. муж. р., чѣмъ форма съ гласнымъ *i*. А такъ какъ оно свидѣтельствуетъ именно о перенесеніи глухого звука въ имен. ед. муж. р. изъ формъ косвенныхъ пад. и другихъ родовъ и формъ мн. ч., то въ связи съ другими обстоятельствами, въ особенности же съ тѣмъ, что вновь образовавшійся еще, можетъ быть, на общесловянской почвѣ глухой не былъ одинаковъ, а въ отдѣльныхъ группахъ говоровъ видоизмѣнялся (въ смыслѣ большаго или меньшаго уклоненія отъ исходной точки — ирраціональнаго *i*) въ зависимости отъ различныхъ фонетическихъ условій и индивидуальныхъ діалектическихъ наклонностей, оно указываетъ на вѣроятность появленія разбираемыхъ формъ имен. ед. муж. р. уже на почвѣ отдѣльныхъ нарѣчій или достаточно обособившихся группъ говоровъ.

Что касается вопроса о томъ, можемъ ли мы считать господствующія у насъ въ лѣтописи формы *одинѣмъ*, *одиного*, *одиною* и т. п. принадлежащими русскому языку и въ частности говерамъ писцовъ XIII—XIV в. въ

¹⁾ Срв. объ этихъ и другихъ случаяхъ съ «бѣглымъ» *a* у Шахматова, Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній (1888), стр. 14, 15, 18—19. Срв. такъ діалектическія отступленія въ Черногоріи, состояція въ перенесеніи " съ конечи. краткихъ открытыхъ слоговъ на предшеств. кратк. въ видѣ " вмѣсто ' (сообщен. Решетара въ *Berichte der Balkan-Commission. I. Uber Dialectforschung auf der Balkanhalbinsel zusammengestellt v. w. M. Herrn. Dr. V. Jagić*, отд. отд. изъ *Anzeiger der philosoph. — histor. Cl. v. 10. Nov. 1897, Nr. XXIII*, стр. 16): *žěna*, *pōga* (сѣверные говоры), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже *ŕūka*, *vīno* (центральные и южные говоры) вмѣсто *ŕūka*, *vīno*, какъ въ сѣверныхъ говорахъ Черногоріи и вообще въ большинствѣ штокавскихъ, или *ŕūka* " *vīno*", какъ отчасти въ восточныхъ черногорскихъ и большинствѣ чакавскихъ.

Новгородѣ или въ ближайшей мѣстности, то въ этомъ, мнѣ кажется, не можетъ быть сомнѣнія: какъ формы безъ *и* между *д* и *н* не заключаютъ въ себѣ безъ другихъ признаковъ ничего специально русскаго, такъ точно и формы съ *и* не чужды русскому языку вмѣстѣ съ другими словянскими нарѣчїями. Начальное *о* вмѣсто ц. слов. *ѣ*, *к* достаточно говоритъ о принадлежности русскому языку нашихъ формъ, хотя я принужденъ пока сомнѣваться въ вѣрности отмѣченныхъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ формъ *одиной дух* (Шенкурск.) у Кирѣвскаго и *одиного* (Олопецк.) у Гильфердинга¹⁾. Удержаніе *і* могло обусловливаться перенесеніемъ на него ударенія съ конечнаго слога подъ вліяніемъ такого ударенія въ ф. имен. ед. муж. р. и вслѣдствіе образованія членной прилагательной формы, которое обыкновенно влечетъ за собой оттяжку ударенія ближе къ началу слова (сравн. *добра* = сербск. *добра*, но член. ф. жен. р. *добрая* = сербск. *добра*, см. словарь В. С. Караджича)²⁾. При **одйна*, **одїну*, измѣнившихся въ доисторическую эпоху въ **одня*, **однїу*, а затѣмъ уже *одна*, *однїу* съ потерей мягкости *д*, могли являться формы **одйна*, **одїну* и т. п., которыя въ нынѣшнемъ литературномъ языкѣ замѣнены ц.-словянскими *едина*, *едїну* и т. п.; но что онѣ жили въ языкѣ, доказываютъ не только сомнительные остатки въ пѣсенномъ языкѣ, но и по крайней мѣрѣ одна форма нашей лѣтописи въ слѣдующемъ примѣрѣ: *однїгымъ пристоупленнемъ взатъ ѿ. 277, 14—15*. Я обращаю вниманіе именно на этотъ примѣръ въ

¹⁾ Колосов, Обзор звук. и формальн. особ. нар. рус. яз., 232. Вмѣсто *одиного* въ данномъ мѣстѣ у Гильфердинга (въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ): тридцать молодцевъ безъ *единого* какъ въ изд. 1873 г. (стр. 367), такъ и въ изданіи 1894 г. (Сборн. Отд. рус. яз. и сл., т. 59), т. I, стр. 517. Вообще во всемъ сборникѣ Гильфердинга при частыхъ *единой* (рукой), *единымъ* и т. п. ни разу не встрѣчается *одиной* и т. п. Пока мнѣ не удалось найти подобныхъ формъ и въ другихъ сборникахъ и проверити цитату изъ Кирѣвскаго.

²⁾ Сравн. сербск. *једини*, *јединити* и т. п. (В. С. К.), но съ другой стороны замѣчательно *јѣдин* (ib.) со старымъ удареніемъ на начальномъ слогѣ, причина котораго не вполне ясна; по значенію слова *јѣдин* (ibid.) «solus in familia» однако можно догадываться, что оно уже предполагаетъ членную форму въ знач. «einzig, unicus» (В. С. К.). Сербское *јѣдина* (В. С. К.) по ударенію вполне совпадаетъ съ русск. *однїца* (сравн. фамилію *Однїцѣв*), вмѣсто котораго, впрочемъ, въ арханг. нарѣч. *одїнец* (Подвысоцкій), также *одїнок*, сравн. ibid. колебаніа между *одїнова* (то же слышано мною въ Васил. у. Нижегород. и Курмыш. Симб. г.) съ одной стороны и *однова*, *однова*, *однева* съ другой. Любопытно также арханг. *ѣдной*, *ѣдна*, *ѣдна*, *ѣдно*, *ѣдно*, *ѣдно* въ знач. «одинъ», откуда нарѣч. *ѣдова* «однажды» (Подвыс.), олон. *едной* рукой, не *ѣдова* (Гильферд.¹ 839, 1269). Если въ пѣсняхъ встрѣчается ф. *едина* («што одна-ль думѣ да *едина* съ ума нейдетъ..») Пѣсни рус. нар. собр. О. М. Истоминымъ и Г. О. Дютшемъ, стр. 205, г. Кемь Арханг. губ.), то она по ударенію мнѣ представляется новою и обязанною своимъ происхожденіемъ формѣ нечленной *одна*. То же слѣдуетъ сказать о *едино слово* у Гильфердинга, Онеж. быз. 647 (2 изд. т. II, 304, Сборн. О. р. яз. и сл. И. А. Н., т. LX).

отличіе отъ нѣсколькихъ другихъ, приведенныхъ выше, потому, что здѣсь мы имѣемъ окончаніе творит. ед. средн. р. *членнаго* прилаг., и это даетъ мнѣ право произносить *одѣнымъ* съ удареніемъ на *ѣ*, какъ нынѣшнее литератур. *едѣнымъ*, всѣ же остальные примѣры нашего памятника своими мѣстоименными окончаніями не даютъ намъ права ставить удареніе на *ѣ*, и весьма возможно, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. въ *одиному* 239, 274 (вин. ед. жен. р.), *одиномъ часѣ* 285, 10, *однѣхъ кѣзкѣ* г. 178, з (снизу), т. е. тамъ, гдѣ окончаніе и смыслъ не допускаютъ двоякаго объясненія, какое напр. возможно съ натяжкой въ *одиного* (кромѣ къ|кка. 228. 4—5) вслѣдствіе проникновенія мѣстоименнаго окончанія и въ прилагательныя членныя, и писалось не по произношенію, а или подъ вліяніемъ членныхъ формъ и формы имен. ед. муж. р., или въ качествѣ неточнаго обозначенія звука *ѣ*, который могъ становиться слоговымъ подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ *ѣ*; такимъ образомъ мы почти смѣло можемъ читать: *одѣну*, *одѣномъ*, *одѣнѣхъ*, вѣроятно, и *одѣного*, или почти *одѣну*, *одѣномъ*, *одѣнѣхъ*, *одѣного*, разумѣя подъ *ѣ* приблизительно тотъ ирраціональный звукъ *ѣ*, частію еще слоговой (непосредственно передъ удареніемъ), частію уже утратившій слоговой характеръ (въ слогѣ третьемъ передъ удар.), который слышится вмѣсто неударяемаго *ѣ* теперь во многихъ великорусскихъ говорахъ. Такое-же *ѣ* слоговое могло слышаться и въ *одинакѣмъ*. Что же касается *однѣнодѣно* (164, 9—10), то здѣсь при сравненіи съ *однѣнодѣно* 181 можемъ видѣть неточное изображеніе *ѣ* при переносѣ: удареніе приходится такъ же далеко впереди (—*дѣно*), какъ и въ *одного*; для произношенія же *однѣнодѣно* имѣетъ силу замѣчаніе о пропускѣ *ѣ* на письмѣ, который самъ по себѣ не означаетъ непремѣнно твердости предшествующаго согласнаго. Страннымъ является тотъ фактъ, что и наши писцы подобно другимъ древнерусскимъ и старословянскимъ (Супр. рукоп.) ни разу не написали здѣсь *ѣ*, такъ что о существованіи формъ съ *ѣ* во всѣхъ разбираемыхъ нами производныхъ отъ слова *одинъ* мы догадываемся преимущественно при помощи теоретическихъ соображеній.

Формы *ждѣ*- при *ждѣ*- въ настоящ. вр. изъяв., причаст. наст. и повелит. глагола *ждати* могли бы считаться позднѣйшимъ отступленіемъ ¹⁾

¹⁾ Отступленіемъ я позволяю себѣ считать эти формы потому, что мы имѣемъ цѣлый рядъ глаголовъ, въ которыхъ чередуется слабый видъ корня въ основѣ неопредѣленнаго съ сильнымъ въ основѣ наст. вр.: *крати* (кратѣ)—*кратѣ*, *гнати*—*гнати*, *звати*—*звати*, *псати*—*псати* и т. п. (см. Leskien, Handbuch der altbulg. Spr. § 115); правда, рядомъ съ сильнымъ

нефонетического характера, но во всякомъ случаѣ это отступленіе должно быть отодвинуто ко времени существованія общесловянскаго языка, хотя, можетъ быть, проявлялось и не во всѣхъ его говорахъ. На древность этихъ формъ указываетъ согласіе русскаго языка съ чешскимъ (*ždāti, ždu, Miklos. Etym. Wört. s. rad. ged-*)¹⁾, словѣнскимъ (*žedēti* и *ždēti* и наст. вр. *žedím* и *ždim*)²⁾ «тихо сидѣть, особ. на яйцахъ, высиживать, выжидать», *Pleteršnik Slov.—nem. slov., ср. Miklos. Et. W.*) и нѣкоторыми говорами старо-

видомъ корня въ основахъ наст. на *e* — *o* мы имѣемъ примѣры слабого вида при сильномъ наоборотъ въ основахъ неопр., которыя не имѣютъ здѣсь характера *a*, каковы цвѣтж—цѣнсти (Ульяновъ, Основы наст. вр. въ ст. сл. и литовск. яз., 33), но въ пользу первоначальности въ данномъ глаголѣ сильнаго вида въ основѣ наст. говорить литовскій яз., въ которомъ извѣстно лишь **geid* — въ *geidžiù — geidžiaũ — geĩsiu — geĩti, geidulỹs* и другихъ производныхъ при отсутствіи вида **gid-*, который бы соотвѣтствовалъ словянскому *жд-* (сравни у Ульянова *ibid., Kurschat Wörterb. der lit. Spr. II s. v.*); что же касается неопред. наклон., то здѣсь появленіе *ь* весьма понятно, такъ какъ старыя основы на *ā* обыкновенно имѣли слабый видъ корня въ противоположность основамъ новымъ, какова *-жида-* въ *ожидати*, гдѣ являлся сильный видъ (Ульяновъ, *ibid.* 120—127); я даже думаю, не замѣнило ли *ждати* первообразное **жисти* подъ вліяніемъ ряда другихъ чередованій. Для полной аналогіи съ *псати*—*пшж* недостаетъ ютаціи въ основѣ настоящ. вр. *ждж*, отличающейся этимъ отъ лит. *geidžiù*. Вообще съ точки зрѣнія литовско-словянскаго языка я позволю себѣ считать первоначальнымъ здѣсь лишь видъ **geid-*, видъ же *жд-*, указывающій на **gid-*, мнѣ кажется возникшимъ на словянской почвѣ, если только онъ не заимствованъ отъ другого родственнаго корня **ged-*, чередовавшагося съ **god-*, а въ ослабленномъ видѣ извѣстнаго какъ **gad-*, т. е. съ слоговымъ ирраціон. гласнымъ, предполагаемымъ проф. Фортунатовымъ (словянскія формы извѣстны лишь отъ второго и третьяго вида: ст. сл. *годъ, годити* и т. п. при *жд-* въ *кжда* и т. п., *Mikl. Lex. p., серб. год, го̄je* «супше» В. С. К. и мн. др. родственныя слова и формы въ разныхъ слов. нарѣчійхъ, перечислять которыя значило бы слишкомъ далеко отойти отъ главнаго предмета рѣчи; желающіе найдутъ богатый матеріалъ у Миклошича въ *Etymol. Wörterb. s. rad. ged-*; съ чередован. *жд-* съ *год-* сравните чередованіе *шд-* съ *ход-*, между гѣмъ какъ форма **шед-* отсутствуетъ; объ этомъ см. въ статьѣ Ф. Ф. Фортунатова «Плавныя согласныя въ древне-инд. яз.», стр. 486—488 Сборника въ честь Э. Е. Корша). Я именно думаю, что литовско-словянск. корень **geid-* находится въ родствѣ съ корнемъ **ged-*, отъ котораго отличается лишь инфиксомъ *i* (впрочемъ Миклошичъ сравни д. в. н. *gīt Et. W.*), какъ другой родственный корень **gend-* (ст. слов. *жад-* въ *жадати, жажда Mikl. Lex. p. и т. п., литовск. pasigendũ, —gedaũ, —gėsiu, —gėsti Kursch. Wörterb.*) отличается инфиксомъ *n* (сравни у Ульянова *ibid., стр. 43, 47*). Что касается приводимаго Миклошичемъ глаг. *жадати* въ знач. *pedere, desiderare (Lex. pal.)*, который могъ бы служить интенсивнымъ видомъ предполагаемаго корня **жед-*, то весьма возможно, что въ немъ *a* замѣняетъ *ь*, что не противорѣчитъ характеру памятниковъ (серб. сп. Панд. Антиоха XIV в., въ которомъ это могло бы быть диалектич. чакавизмомъ, и болг. сп. словъ Григорія Папы XVI в.), на которые ссылается Миклошичъ.

1) Сравни и кашубское *žc̣ą* — «жду», *žc̣eš* — «ждешь», *rožc̣é* — «пожди» (Бодуэнъ-де-Куртенз, Кашубск. яз., народъ и вопросъ, Ж. М. Н. пр. 1897, май, 103).

2) Впрочемъ, эти словѣнскія формы сюда не относятся, такъ какъ представляютъ образованія отъ основъ на *ь* и *и*, являющееся въ наст. вр. при *ь* въ неопредѣл. н., а такія основы обыкновенно имѣютъ и въ ст. словянскомъ слабый видъ корня (онѣ восходятъ къ индоевроп. основамъ на *ē* и *io* — *je*, см. у Ульянова *ibid.* 75 — 76, 144, 191).

словаиискаго яз.: между тѣмъ какъ въ Зографск., Маріинскомъ, Ассеман., Сав. кн., Клоц. глаг., въ Молитвенникѣ и Псалтыри Синайск. въ данныхъ формахъ исключительно написано *жид-*, въ Супрасльск. Сб., который мы не имѣемъ пока никакихъ основаній считать написаннымъ въ Россіи, при *жиджѣтъ*, *пожиди*, *жидѣте*, *жиды*, *жиджште* встрѣчаются и *жѣдж*, *пожѣди*, *дождѣмъ*, *жѣдѣте*, *жѣджштихъ*, *жѣджштиъмъ* ¹⁾ (228. 17, 177. 17, 68. 1, 352. 24, 127. 24, 18. 8); на существованіе такихъ формъ въ старословаиискомъ яз. указываетъ также свидѣтельство памятниковъ сербскаго письма, какъ видно изъ ссылокъ въ *Lexicon palaeoslov.* Миклошича на сербскіе памятники XIII—XVI в. (*Homiliae* Михановича, Шиматовецк. Апостолъ, Пятикнижіе Михановича и друг.); не говорю о памятникахъ русскаго письма, гдѣ обиліе такихъ примѣровъ могло бы быть отнесено на счетъ вліянія русскаго языка [сравн. напр. *пожди* въ Лобковск. (Хлудов. № 187) Прологъ л. 65^a].

Съ другой стороны и формы, удерживающія *i* въ корнѣ, имѣтъ основанія считать только ц. словаиискими: онѣ столько-же могли существовать и въ русскомъ, какъ и въ любомъ словаиискомъ нарѣчій. Трудно напр. думать, чтобы нашъ авторъ, влагая въ уста новгородцевъ фразу, обращенную къ Святославу: «а ты *пожиди* брѣ | тѣ *понеши*» (41—42), употребилъ форму ненародную, тѣмъ болѣе, что весь разговоръ на стран. 41—42 написанъ почти разговорно — народнымъ языкомъ. Весьма возможно, что въ извѣстный періодъ времени въ говорахъ великорусскихъ существовали обѣ формы въ зависимости отъ мѣста ударенія въ словѣ, которое иногда падало на коренной слогъ, а иногда на суффиксальный; возможно напр., что наст. вр. изъяз. спрягалось такъ: **жиду*, **жидеть* ; однако встрѣчающіеся въ нашемъ памятникѣ примѣры не даютъ основаній для такихъ предположеній, такъ какъ въ повел. формѣ мы именно ожидаемъ ударенія на суффиксѣ, какъ и въ причастіи (*жидѣ*), а между тѣмъ *и* не выпущено и не замѣнено черезъ *ѣ*, какъ это видимъ въ примѣрахъ причастія, такъ что, не имѣя ничего противъ теоретической возможности существованія формъ съ кореннымъ *i* въ русскихъ говорахъ древняго періода, мы можемъ видѣть въ данномъ у насъ примѣрѣ живой рѣчи лишь неточное изображеніе слабаго ирраціональнаго звука (неслогового *ѣ*) подъ вліяніемъ конечнаго *и* (такого рода описки нерѣдки въ памятникахъ, сравн.

¹⁾ O. Wiedemann, Beiträge zur altbulgarischen Conjugation (St. P. 1886), стр. 58—59.

выше упомянутые случаи новгородици, ростовици и подобные въ другихъ памятникахъ).

Кажущееся *ѣ* вмѣсто *и*, которое можно объяснить различіемъ суффиксовъ (*-и-* и *-ин-*), отмѣчу въ осмынка 38. 2 при осминка 23.

Въ формахъ собственныхъ именъ греческаго или вообще иностраннаго происхожденія, перешедшихъ къ намъ частію, м. б., прямо изъ греческаго яз., частію главнымъ образомъ черезъ южныхъ словянъ, мы находимъ *ѣ* и затѣмъ или замѣну его черезъ *е* или пропускъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: 1) *хрѣстина* (сравн. греч. *χριστιανός*, которому правильно соответствуетъ наше *крѣстыян-*, случайно совпавшее въ суффиксѣ съ цѣлымъ рядомъ другихъ, чисто словянскихъ, словъ) 19, 110; 2) *сѣмьюне* 96. 1 — 2 (КАТ. *семьюнѣ*), *сѣмьюна* 172. 3 — 2 снизу, *сѣмьюнѣ* 182 = КАТ. *семьюнѣ*), *сѣмьюк(оу)* 183, — (а) 287, *сѣмена* (КАТ. *сѣмеона*) *стѣльпника* 144, *семена* 306, *семен(ъ)* 308, — (оу) 314, 319 (К. *сѣмену*), — (ко) 332 (К. *сѣменко*), — (ован) 241, *сѣмен(ъ)* 220, — (а) 103, 161, 223, 333 (АТ. *сѣмена*), — (оу) 182, — (окъ) 223 (АТ. *семеновъ*), *сѣмена* дѣи 69; какъ видимъ, формы съ *ѣ* встрѣчаются только въ первомъ и второмъ поч., безъ *ѣ* во всѣхъ трехъ, а также и въ другихъ, болѣе позднихъ, спискахъ, съ *е* преимущественно въ 3-мъ поч. и только въ особой формѣ *сѣмьюн-* также и во второмъ поч.; можно думать, что здѣсь разница въ формахъ (*-ен-* и *-юн-*) происходила отъ того-же, отъ чего была разница между *иорн* и *георгии* (сравн. и въ сербскомъ при *ђурађ* также *ђорђије* В. С. К.) изъ греч. *Γεώργιος*: одна форма пришла къ намъ устнымъ путемъ, вѣроятно, черезъ южнословянское посредство, при чемъ греч. *ѣ* передавалось черезъ *и* ¹⁾, греческое кратк. *е* — черезъ *ѣ*, другая путемъ книжнымъ; затѣмъ, какъ книжное, церковное *сѣмьюнѣ* (Мар. Ев., см. словарь при изданіи И. В. Ягича) изъ греч. *Σεμεών* измѣнялось въ народныхъ устахъ въ *сѣмьонѣ* (Сав. кн. 116 а, Лук. II. 25, 28, см. у Срезневскаго «Др. слав. пам. юсов. письма» 136), *сѣмьонѣ* *ibid.* 116 б, *ib.* 34 (у Срезн. *ib.*) и далѣе, какъ у насъ, *сѣменѣ*, *сѣменѣ* и *семенѣ* (для пропуска *о* сравн. уже въ Мар. Ев. *о сѣменѣ*, см. слов. Ягича, въ сент. минеѣ 1095 — 1096 г. Типогр. б-ки сѣмена ²⁾ л. 1^а; фонетически этотъ пропускъ объясняется такъ же, какъ и

¹⁾ Сравн. у Шахматова въ Изслѣдов. о яз. новгородск. грамотъ (Изслѣд. по рус. яз., т. I, стр. 147).

²⁾ Служ. минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь... 1095—1097 г., трудъ орд. акад. И. В. Ягича, стр. 03.

въ *Фѣдоръ* изъ *Θεοδωρ* и т. п.), такъ книжное *георги* измѣнилось въ *Елорій* и *Елоръ*; *e* въ неслогов. положеніи формы *семенъ* нѣсколько необычно и могло бы объясняться или ассимилирующимъ вліяніемъ слѣдующаго слога, или вліяніемъ древнихъ народныхъ формъ *семьонъ* и т. п., гдѣ *e* правильно изъ слогового *ь*, если бы не было и въ греческомъ другой формы *Σεμεῖν* (тоу Σεμεῖν въ Маріинск. Ев. переведено *семѣонъ*, см. словарь Ягича), которая могла дать поводъ для такой же словянской формы; для *насъ* все равно, то ли же это имя еврейскаго происхожденія, или другое, важно лишь то, что и въ греческомъ писалось не только *υ*, но и *ε* передъ *μ*.

Въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ, каковы: *дань|слава* 19. 1—2, *дань|славъ* 69, *дань|сла* 71, 223, *врачъ|слава* 251 (сравн. въ грам. 1314 г., у Шахматова въ издан. Новгородск. грам. № 12, *жидь|слагичь*), слѣдуетъ видѣть такую-же особенность словообразованія сравнительно съ *мстиславъ*, *владиславъ* и т. п., какую мы выше отмѣтили въ *сватъ|славъ* сравнительно съ *сватославъ* или въ *вячь|славъ* Ипат. лѣт. л. 327 (стр. изд. 315 и 316), 328 (316, 2 раза), 329 (317), *-ву* 329 (317) при *вячеславъ* *ibid.* л. 326 (2 р., стр. 315), 327 (315) и т. п.

Что касается конечныхъ слоговъ, то здѣсь *ь* вмѣсто *и* можно отмѣтить въ *домонъ* 2, 18, 25, 111, 114, 210, если принимать это за форму дат. пад., сократившую конечное безударное *и*, не поддерживаемое формами того-же падежа другихъ словъ вслѣдствіе употребленія въ качествѣ нарѣчія. Мнѣ не кажется невѣроятнымъ такое сокращеніе, хотя я ничего не имѣю и противъ мнѣнія тѣхъ, которые (Буличъ¹⁾, Соболевскій²) видятъ здѣсь общесловянское *ь* въ качествѣ окончанія мѣстнаго пад., употреблявшагося нерѣдко и для обозначенія движенія къ предмету, а не только пребыванія на немъ или въ немъ. Затѣмъ къ этому же разряду относится окончаніе 2 л. ед. ч. глаголовъ въ наст. вр., единственный примѣръ котораго мы имѣемъ въ *звыводншь* 295. 23 (*че|моу.....ѡ на иноземца*) въ третьемъ поч. при нѣсколькихъ *ши*, изъ которыхъ только одинъ *при|зираши* 260 (*на та оупова|емъ ги вседержителю. како.....на на оубогыхъ*) въ третьемъ поч., остальные же частію въ 1-омъ (4): *велиши* 1, *ноидеши* 42, 58, 122, частію (6) во второмъ: *можеши* 132, *ѡпоустиши* 142, *позриши* 157, *идеши* 163, *хочеши* 187, *вѣквиши* 204; кромѣ того 2 раза встрѣ-

¹⁾ Ж. М. Н. пр. 1897, декабрь, стр. 509—513; Indogerm. Forschungen, V B., 5 H. (1895), 392—3.

²⁾ *Ibid.* 1897 г., ноябрь, стр. 67—68.

чается -си: кѣси 177, кси 218 (оба во второмъ поч.). Формы *-шь* встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ съ XIII-го в. (въ смоленск. грам. 1229 г. и рижской ок. 1300 г., Новгородской Кормчей 1282 г., при чемъ очень часто въ любопытномъ по языку произведеніи, входящемъ въ составъ этой Кормчей, — «Вопрошаніяхъ Кирика», и мног. другихъ; примѣры см. у Колосова въ «Очеркѣ исторіи звуковъ и формъ русск. яз.» . . . стр. 97 и у Соболевскаго въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики», стр. 84 и въ «Лекціяхъ по исторіи русск. яз.»¹, стр. 112). Уже въ «Изслѣдованіяхъ» Соболевскій обратилъ вниманіе на то, что формы *-ши* правильно употребляются лишь въ памятникахъ ц. словянскаго яз. и въ русскихъ спискахъ съ нихъ, въ чисто же русскихъ памятникахъ, каковы грамоты, извѣстны лишь формы *-шь*; на основаніи этого онъ заподозрѣлъ формы *-ши* въ принадлежности исключительно ц. словянскому яз., тѣмъ болѣе, что и въ памятникахъ ц. словянскихъ русскаго письма формы на *-шь* также изрѣдка встрѣчаются, а другія словянскія нарѣчія также не знаютъ формъ на *-ши*; мнѣніе свое проф. Соболевскій повторилъ и въ «Лекціяхъ» стр. 112, не смотря на возраженія, сдѣланныя Шахматовымъ въ «Beiträge zur russischen Grammatik» (Archiv f. slav. Philol. VII, 64—65), который, по крайней мѣрѣ въ то время, придерживался мнѣнія о болъшой первоначальности окончанія *-ши*, изъ котораго *-шь* должно было развиваться путемъ сокращенія конечнаго неударяемаго *i*. Будучи принужденъ такъ или иначе отнестись къ гипотезѣ проф. Соболевскаго, замѣчу, что, какъ ни основательны его ссылки на древніе памятники русскаго народнаго яз. и на другія словянскія нарѣчія, а также и теоретическія соображенія, заставляющія при сравненіи съ родственными языками несловянскими искать въ окончаніи 2-го л. ед. ч. дѣйств. зал. краткаго *i*, формы на *ши* трудно отрицать и въ древне-русскомъ яз. въ виду нѣсколькихъ чисто народныхъ примѣровъ нашей лѣтописи, которые почему-то оставлены безъ вниманія проф. Соболевскимъ. Трудно напр. отрицать разговорность въ такихъ примѣрахъ: что ты то|моу велиши творити. медоу ма|ло карено а дружинны много. (1), а ты пожди брѣ. |тѣ поидеши. (41—42), ка кнѣ|же очима позриши ты. та мѣ главами своими върже мѣ. (157), пои|ди въ свою оцѣноу. къ стѣни софи|и не идеши ли а повежь ны. (163). Конечно, можно возразить, что доказательствъ объективныхъ народности этихъ примѣровъ нѣтъ, что ц. словянскія формы и окончанія могли быть употребляемы писцомъ и при передачѣ разговорной рѣчи такъ какъ древнерусскіе лѣто-

писцы съ дѣтства воспитывались на ц. словянскихъ книгахъ; однако въ примѣрѣ «показаша поуть новгородци кнзю всѣволодоу. не *хочемъ теле-* *понди камо хочеши*». (187), кромѣ субъективнаго и неяснаго, я вижу и объективный признакъ русскаго языка въ звукѣ *ч* изъ *tj* (въ примѣрѣ на стр. 163 такой же признакъ въ звукѣ *ж* изъ *dj* рядомъ стоящаго слова *повсезъ*). Если нѣтъ несомнѣнныхъ доказательствъ, что во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ разговорной рѣчи *-ши* не явилось только подъ вліяніемъ ц. словянскаго яз. на письмѣ, а было употребительно и въ живой рѣчи, то нѣтъ такихъ-же доказательствъ и обратнаго, такъ какъ памятники, часто употребляющіе форму 2 л. ед. наст. вр., какъ напр. «Вопрошанія Кирика», при многочисленныхъ примѣрахъ *-шь* имѣютъ и *-ши* (при повелишь 519^a, кмлешь 533^c, сѣймаѣшь 533^d, будешь 535^d, 536^a, 536^b, можешь 537^c и другихъ встрѣчается не только ц. слов. форма обѣчеши 520^b, но и русская *надежеши* 520^b), и если въ грамотахъ, меньшихъ по объему, встрѣчается только *-шь*, то это можно приписать случайности. Конечно, въ XIII-омъ вѣкѣ или на рубежѣ XIV-го формы *-ши* уже могли быть вполне вытѣснены въ большинствѣ говорившихъ формами *-шь*, но въ эпоху предшествующую, весьма вѣроятно, были въ употребленіи и формы *-ши*, какъ справедливо замѣтилъ акад. Ягичъ¹⁾, указывая на тотъ фактъ, что, несмотря на обиліе отступленій древне-русскихъ памятниковъ въ пользу народнаго яз., формы на *-шь* въ нихъ до XIII-го в. не найдены. Говоря о писцахъ нашего памятника, мы можемъ только о писцѣ 3-го поч. съ нѣкоторой увѣренностью сказать, что онъ зналъ въ разговорѣ одно *-шь*, такъ какъ изъ двухъ встрѣчающихся здѣсь примѣровъ формъ 2-го л. ед. ч. наст. вр. (на *-шь* и *-ши*) примѣръ *-ши* представляетъ довольно ясныя слѣды ц. словянскаго языка, о писцахъ-же 1-го и 2-го поч. мы должны сказать, что, если они и знали *-шь*, на что нѣтъ доказательствъ, во всякомъ случаѣ на столько не чуждались формъ на *-ши*, что не нашли нужнымъ замѣнять ихъ своими *-шь*, найдя *-ши* въ оригиналѣ. Не знаю, возможно ли предполагать и здѣсь двѣ праформы суффикса *-шь* (= **-si*) и *-ши* (= **-sei*) подобно тому, какъ Фридрихъ Лоренцъ²⁾ предложилъ двѣ праформы суффикса неопредѣленнаго наклон. для прабалтійскаго и для прасловянскаго языковъ (*-ti* и *-tei* или *-tai*), но мнѣ не кажется невѣроятнымъ прежде

1) Крит. замѣтки по исторіи русскаго яз., 92—93.

2) Die polnischen Nasalvocale, Archiv f. slav. Phil. XIX, 3—4 H., 344.

предположеніе о сокращеніи *-ши* въ *-шь*, которое совершалось постепенно и не во всѣхъ формахъ 2-го л. сразу, а въ зависимости отъ различныхъ фонетическихъ условій, т. е. отъ различныхъ положеній въ словѣ и фразѣ. Что касается этимологіи окончанія *-ши*, то въ немъ, какъ и въ *си*, являющемся въ образованіяхъ отъ нетематическихъ основъ на согласный звукъ, я позволю себѣ видѣть праславянское вліяніе тѣхъ окончаній 2-го л., слѣдъ которыхъ удержался лишь въ рѣдкихъ формахъ старославянскаго и другихъ словянскихъ языковъ, каковы ст. слов. *хошти* (аште мн са хошти извѣстити, принесѣ ти... крѣста... Супрасл. 47, Miklos. V. Gr. III, 91), сербск. *мож* (изъ **можи*, см. Miklos. V. Gr. III, 91—92), хоћ (ноć), съ отриц. *неć*, словѣнск. *hoč*, *oč* (Archiv f. sl. Ph. XI, 588), малорус. *хоч*, великор. *хощ* вм. *хоч*, *мош* вм. *мож* и т. п., которыя представляютъ соединеніе конечнаго гласнаго темы *e* съ собственнымъ суффиксомъ 2-го л. наст. вр. *i*, а слѣдовательно явились первоначально въ глаголахъ тематическихъ; эти окончанія до сихъ поръ живутъ въ литовскомъ языкѣ, употребляющемъ вмѣсто индоевропейскаго окончанія *-si* простое *i*¹⁾, соединяющееся съ конечн. тематическимъ *e* или *o* (литов. *a*) въ дифтонгъ *ie*, сократившійся въ открытомъ слогѣ опять въ *i*, но сохраняющійся въ закрытомъ (передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *s*); такимъ образомъ я думаю, что словянолитовскія образованія 2-го л. тематическаго спряженія помощію простаго *-i* были въ извѣстную эпоху жизни общесловянскаго языка столь же распространенными, какъ и въ литовскомъ, вслѣдствіе чего могли оказать вліяніе на существовавшія рядомъ съ ними образованія съ суф. *-si* (общеслов. **-сѣ* или послѣ гласнаго зв. *-шь* изъ **хѣ*), который измѣнился благодаря этому въ *-sei* (общеслов. *-си* или *-ши* изъ **хи*). Въ нынѣшнихъ формахъ словянскихъ нарѣчій на *-ш* (*š*) можно видѣть результатъ такого-же сокращенія конечнаго *i*²⁾, какое въ сербск. *мож*, рус. *мош*, серб. (х)оћ, рус. *хоч*, *хощ* сравнительно со старослов. *можи*, *хошти*, хотя нѣтъ невозможнаго и въ томъ, что во многихъ говорахъ *-ш* (*š*) восходитъ прямо къ древнему *-si*, и что наоборотъ *мож*,

¹⁾ Указаніе на это окончаніе сдѣлано проф. Фортунатовымъ. Болѣе подробно и со ссылками на памятники я говорю объ этомъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ о говор. Лукоян. у.», стр. 33—34, примѣч. 2 (примѣры изъ Марулича, Нѣгоша и сербской Александриды). Малорусскіе примѣры см. у Потебни (Изъ запис. по рус. грам. 2, 218).

²⁾ Не знаю, остатокъ ли старины, или позднѣйшее сокращеніе слѣдуетъ видѣть въ Ф. *подась* Киевск. глаг. лист. III. 7 (V. Jagić, Glagolitica, Wien, 1890, s. 47).

oh, *xoc*, *xosh* нефонетически утратили конечн. *i* подъ вліяніемъ старыхъ формъ съ суф. *-si*. Нелишне, впрочемъ, вспомнить замѣчаніе акад. Ягича, что *-ши* въ русскомъ, какъ и въ другихъ словянскихъ языкахъ, очень рано ослаблялось въ *шь*, благодаря не только безударности окончанія, но также и стремленію къ симметріи, къ уравниенію въ числѣ слоговъ съ формами 1 и 3 л. ед. ч. (примѣчаніе къ статьѣ Шахматова въ VII-омъ т. «Archiv für slav. Philol.», стр. 66).

Сюда же, вѣроятно, относится и *тъ* въ любопытной частицѣ *amъ*¹⁾, въ которой можно видѣть сочетаніе двухъ частицъ *a* (въ вариантѣ *wtъ* вм. *a* является *o*) и *ти*, изъ которыхъ послѣдняя, примкнувъ энклитически къ первой, естественно сократила свое *i* въ ирраціональный звукъ *ъ*, сокращавшійся затѣмъ до полного исчезновенія. У насъ встрѣчаются слѣдующіе примѣры (оба въ 3-емъ поч.): поѣди *атъ* изъмремъ . . . 298, даі на|мъ сторожи. *атъ* не изъбють на 273. Примѣры изъ другихъ памятниковъ приведены проф. Ягичемъ въ VI-омъ т. «Archiv für slav. Philologie» 285—287, гдѣ указано также нѣсколько примѣровъ этой частицы изъ памятниковъ древнепольскихъ и древнечешскихъ. Прибавлю къ приведеннымъ тамъ еще нѣсколько: 1) въ древне-русскомъ: *атъ* выдасть и князь... *грам.* 1230 г. (Смирновъ, Сборн. др. рус. пам. № 27), *wtъ* не будетъ голодна... *грам.* 1270 г. (*ibid.* № 33, сравн. у Срезневск., Свѣдѣн. и замѣтки № 35) (этотъ примѣръ и у Ягича, Крит. зам. 54), *атъ* ны исакъе сыла|шетъ *Ипат. сп. мѣтон.* л. 139^о. 30—31, пойдѣ кы|вѣу *атъ* радъ учинимъ. . . *ibid.* 166^а, *атъ* йду понь *ib.* 175^а, *атъ* не возмутъ насъ на полонъ 276 (стр. 268 издан. 1871 г. арх. ком.); 2) др. чешск.: *dawame tu mosz tobye acz ffye neprzyem dele oto Александр. спис. Святосвитск., стих.* 746—747 = по транскрипціи проф. Гатталы *dávame tu mosz tobě, a (t') sě neprěm délé o to*²⁾ (замѣчу, что въ чешскомъ изъ всѣхъ словянскихъ языковъ эта частица наиболѣе употребительна, и можно много примѣровъ привести не только изъ старыхъ писателей, каковы Т. Штитный, Янъ Коменскій и др., но и изъ нынѣшнихъ чешскихъ и моравскихъ говоровъ³⁾; 3) въ старопольскомъ частица *acz*⁴⁾, т. е. *ač* (проф. Калина неудачно тран-

1) Сравн. у Шахматова, Beiträge z. rus. Gram., Archiv VII, 65.

2) Zbytky rýmovaných Alexandreid staroč. vyd. M. Hattala a A. Patera, стр. 18.

3) M. Hattala, Srovn. mluvnice jaz. česk. a slov., §§ 61, 136, 369; T. Maretić, Veznici u slovenskijem jezicima, Rad jugosl akad. LXXXVI, 114—115.

4) A. Kalina, Histor. jęz. polsk., 414.

скрибируетъ *acz*, думая, вѣроятно, что здѣсь *cz* = *č*, а не *ć* встрѣчается, по словамъ Калины, только въ библии Шарошпатацкой (начала XV в.), напр. *acz bŕdzie grad 51 a*, *acz siŕ wroci woda 59 a*, *dziewka acz siŕ nie rokala 84 a* и др. Эту сложную частицу, придающую предложению смысл желанія или повелѣнія («пусть», «да»), Ягичъ въ указанной замѣткѣ въ VI-омъ т. «Archiv» а сопоставлялъ съ литовской частицей *te*¹⁾, имѣющей сходное значеніе, если послѣднюю можно было бы возвести къ болѣе древнему виду **tē* (т. е. *tiē*), при чемъ можно было бы сравнить греческ. *τοι* и лат. *u-ti*, *u-t*; при этомъ предположеніи словянск. *-тъ* здѣсь представляло бы такое-же сокращеніе *-ти* изъ индоевроп. **tāi*, какое мы имѣемъ напр. въ энклитическихъ формахъ мѣстоименій личныхъ въ дат. ед. ч. *мь*, *тъ* въ Луцк. еванг. (Соболевскій, Очерки изъ истор. р. яз., 44), у насъ въ Синод. сп. Новг. л. въ 3-емъ поч. (нѣтоутъ 298. 18) и въ Ипат. лѣт. (Потебня, Изъ зап. по рус. гр.², 190, 244—245, сравн. в. рус. *надоть* и т. п. и польск. *тоć*, *ibid.* 418) или въ малорус. *ć* въ неопредѣл. мѣстоим. *щось* (собств. *що-си* «что себѣ», сравн. польск. *coś*, чешск. *cos*, *cosi*, см. Miklos. Vrgl. Gr. IV, 89, 111) изъ *ми*, *ти*, *си* = греч. *μοι*, *σοι*, *σi*. Форму *ати* съ графической замѣной *и* черезъ *ъ* находимъ въ Ипат. сп. лѣтоп. 186 а въ примѣрѣ *атъ*. Что касается *ате* въ грам. 1229 г. по списку А = *атъ* Д. В., то здѣсь, я думаю, черезъ *е* выраженъ не вполне утраченный ирраціональный (можетъ быть, еще слоговой) звукъ, въ *атъ* же списка С вѣроятнѣе всего, мнѣ кажется, видѣть другой родственный, но не тождественный союзъ *тз*, въ простомъ видѣ (безъ сочетанія съ *а*) обыкновенно употребляющійся въ аподосисѣ условнаго періода²⁾ въ качествѣ варианта при близкомъ по значенію и этимологіи *то*. Въ *тъ* = *ти* второй половины сложнаго союза *атъ* = *ати* я позволю себѣ видѣть тотъ же союзъ *ти* (сравн. у Потебни, Изъ зап. по рус. гр.³ 190), который столь часто встрѣчается въ извѣстномъ рядѣ памятниковъ старословянскихъ и древне-русскихъ (часто въ произведеніяхъ Іоанна Эксарха болгар-

1) Иначе думалъ А. А. Потебня, который отрицалъ этимологическую связь съ лит. *te*, а считалъ здѣсь *-тъ* = *ти* формою дат. ед. мѣстоим. 2-го л. (Изъ записокъ по русск. грам.², 190, примѣч.). Дѣйствительно, литовское *te* едва ли возможно возвести къ *tiē*, которое при сокращеніи могло бы дать только *ti*; скорѣе возможно, что лит. *te* тождественно этимологически (не синтаксически) съ сербскимъ *те*. Въ отличіе отъ мнѣній Потебни съ одной и Ягича съ другой стороны я признаю этимолог. связь слов. *-тъ*, *-ти* въ *атъ* съ лит. *te*, но не ближайшую, а отдаленную, т. е. возвожу обѣ частицы къ мѣстоим. корню *to*, *te*.

2) Сравн. примѣры, приведенные на стр. 53—54 настоящаго сочиненія.

скаго, въ Изборникѣ 1073 г., въ житіи Феодосія и мног. друг.) въ значеніи соединительномъ (лат. et, que); переходъ значенія соединительности къ значенію желательности могъ обусловливаться сочетаніемъ съ союзами *a*, *o*¹⁾, хотя и независимо отъ этого варіація значенія одной и той же этимологически частицы вполне возможна (сравните наприм. употребленіе частицы *ти* въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ въ значеніи др. русск., малорус. *чи, ци*, польск. *czy*), а въ данномъ случаѣ путь отъ значенія соединительности къ значенію желательности могъ проходить черезъ значеніе послѣдовательности, которое нерѣдко наблюдается въ частицѣ *ти* въ древнихъ памятникахъ подобно тому, какъ и сербск. *те*, этимологически родственное (отъ той-же мѣстоименной основы *ta-*, *tā-*), но не тождественное, имѣетъ значеніе преимущественно послѣдовательности, а иногда и слѣдствія; если литовск. *te* представляетъ этимологически простое *e*, а не *iē* (изъ *ai* или *ai̯*), то, можетъ быть, оно этимологически ближе къ сербскому *те*, чѣмъ къ нашей частицѣ. Какъ видно изъ приведеннаго выше примѣра *ѡтъ*, въ составъ разбираемаго нами союза можетъ входить не только союзъ *a*, но и частица *o*, о которой поговоримъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же упоминаемъ лишь для того, чтобы объяснить слѣдующій примѣръ нашей лѣтописи: въ разсказѣ о взятіи Константинополя латинами лѣтописецъ вставляетъ въ уста фряговъ слѣдующія слова, обращенныя къ Мюрчюфлу, временно провозглашенному царемъ послѣ ареста Исаковича, который пришелъ вмѣстѣ съ фрягами и также временно занималъ, благодаря ихъ помощи, престолъ, отнявъ его у слѣпого отца, посаженнаго на престолъ испугавшимся нашествія фряговъ и бѣжавшимъ дядей: «дай намъ исакови|ца. Ѡ поидемъ къ нѣмечьску|моу црю» . . . (стр. 135); здѣсь я въ Ѡ вижу частицу *отъ* въ значеніи условно временного или заключительнаго союза и перевожу фразу такъ: «дай намъ Исаковича, *и (тогда) мы поидемъ*» . . . ; а въ этой частицѣ я вижу сочетаніе *o* + *тз*²⁾, при чемъ послѣдній членъ сочетанія намъ извѣстенъ, какъ я уже упоминалъ, именно въ условно-заключительномъ значеніи, а разбираемый нами періодъ отъ чисто условнаго отличается только внѣшней формой, т. е. отсутствіемъ условнаго союза въ

¹⁾ Срав. у Шахматова замѣчаніе о значеніи простого *a* (Beiträge, Archiv VII, 65), которое можно доказать множествомъ примѣровъ, между проч. и изъ нашего памятника (моливъ новгородци, *a* быша и проводили . . . 324; велаче |моу *a* бы пошелъ . . . 330).

²⁾ Такимъ образомъ въ *атъ* и *отъ* я вижу сочетаніе *a* и *o* съ другой частицей *тз* и не возвожу *атъ* къ *атъ* черезъ посредство *ат̄* (какъ у Шахматова, Beiträge z. g. Gr., 65).

первой половинѣ, что вознаграждается замѣной изъявительнаго склоненія формой повелительной.

Перехожу къ чередованію *ѡ* съ *и* передъ слѣдующимъ *і*. Приведу сначала факты нашего памятника, располагая по частямъ, написаннымъ отдѣльными почерками.

Въ 1-омъ поч. находимъ слѣдующіе примѣры *и* въ коренныхъ слогахъ въ «неслоговомъ» положеніи: *бу|гаса* 71. 5—6, *зми|во* 3, *при|мазь* 1. 4, *при|атели* 35—всего 4 раза, если не считать *абие* 82—ц.-славянскаго слова темнаго происхожденія; между тѣмъ *ѡ* встрѣчается въ такомъ же положеніи здѣсь 13 разъ, изъ которыхъ 5 въ словахъ иноязычнаго или неяснаго происхожденія: *оубы|н(а)* 9,—(ъ) 11, *избь|ени* 95, *вы|алица* ¹⁾ 30, *про|лы(ша)* 59, 86, *гнью|щема* 82, *шы|и* 42, *ды|акъ* 17, *ды|аво|лоу* 54, *дры|юцьск(а)* 89,—(оу) 88, *свы|н* 64, кромѣ того 1 р. въ «слоговомъ» положеніи въ словѣ *свы|скеи* 44 (если принять во вниманіе удареніе нынѣшней литературной формы дат. мѣстн. ед. *шѣт*, то, не смотря на положеніе въ открытомъ слогѣ, слѣдуетъ признать слоговымъ и *ѡ* въ примѣрѣ *шы|и*).— На 4 примѣра *-и|а-* внутри греческихъ собственныхъ или нарицательныхъ именъ: *да|миана* 48, 84, 88, *та|мианы* 112, находимъ 12 разъ *-и|а-*: *ды|миана* 41. 5—6 ²⁾, *кръ|а|номъ* 112—113, *кръ|ган(омъ)* 54, 84, 102, 109, 119, 121, —(ьстѣ|и) 86, *кю|рыакъ* 19. 4—5, *марь|мяноу* 70, *софь|аны* 103.— На 7 разъ *-и|н* въ суф. имен. п. мн. ч. существ. муж. р. основъ на *ѣ*: *днѣ|н* 30, *людѣ|н* 36, 38, 94, 107, 121, *стра|жнѣ* 33, находимъ 4 раза

¹⁾ Ст. слов. *внѣлица* (Miklos. Lexic. palaeoslov., Срезневскаго «Матеріалы для словаря др. рус. яз.», сравн. *квѣлица* Лобк. Прол. № 187 Хлуд. л. 147^а и современ. великорус. *внѣца*) представляетъ любопытный примѣръ слабаго вида *ви-* корня *въ-* (сравн. сербск. южн. и зап. *ви|явица* = вост. *вѣ|явица* *imber nivium*, ю. и з. *ви|е стѣ|е* и т. п. В. С. К., гдѣ, какъ и въ бѣлорус. *вѣ|я* у Носовича и чешск. *věje, závěje* R. Šum., сильн. видъ корня съ зв., входящимъ къ основн. *н*), что въ *внѣти*, *внѣтрѣ*; слов. *ви-* можетъ указывать, по мнѣнію проф. Фортунатова, на индоевроп. *vī*, чередовавшееся съ *vāi* (*vēi*), откуда слов. *въ-*, подобно тому, какъ *li*, что въ литовск. *lū|ja — lū|ti* (Курш.), чередовалось съ *lēi*, что въ лит. *liē|ju — liē|ti*, ст. слов. *лѣж*. Несомнѣнные слѣды глагола **ви|ти* имѣемъ въ ф. *навь|ало* въ Домостроѣ (сообщеніе Д. И. Шаховскаго): *накапало* или *навь|ало*, или *сыре*, *гъ|зѣ|лоса...* (Спис. Общ. Ист. и Др., гл. 63, изд. въ прилож. ко 2 кн. «Чтеній» 1881, стр. 141), а сѣно *тѣ|лѣ* *накапало* *гъ|зѣ|лоса* или *сыре*, *згнѣ|дъ*, или *зѣ|лоса*, инд. . . (ibid. 142) и въ фамилии *Завь|аловъ*, также въ польск. *wi|ac* изъ **wi|jati*, какъ *lac* изъ *li|jati* (ст. сл. *лнати*); впрочемъ, слово раз изъ **рѣ|яс* указыв. на возможность стяженія съ преобладаніемъ характера гласнаго второго изъ стягиваемыхъ слоговъ и въ томъ случаѣ, если удареніе падало на первый, такъ что и **вкѣ|яти* могло дать въ польск. *wi|ac*.

²⁾ Разница между *да|мианъ* и *дѣ|мыанъ*, откуда *демьянъ*, восходитъ къ разницѣ греческ. прототиповъ: *Δαμιανός* и *Δημιανός*.

ту-же форму подъ титлоу: лю(е) 37, 47 (к), 50, 53 и ни разу -ик, если въ формѣ тропикъ 23 видѣть собирательную форму ед. ч. среди. р.¹⁾, а не форму имен. мн., что было бы мало вѣроятно уже потому, что такая форма множ. ч. къ ф. един. ч. *тропикъ могла бы явиться лишь по аналогіи формъ имен. мн. старыхъ основъ на ѣ муж. р., а подобная аналогія могла бы быть вѣроятна лишь въ основахъ, оканчивающихся на мягкій звукъ, напр. въ ф. *стражскъ*, хотя и здѣсь допустимо предположеніе собирательной формы средн. р.—На 19 примѣровъ суф. твор. ед. ч. -ью: (любо)вю 56, 65, (любъ)—47, 49, 93, 104, мѣтью 86, ночьюю 1, оболостью 101, помощью 64, ратью 30, 52, 105, чтью 63, 117, 121, 122, чьстью 103, 111, только 7 —ю: извистію 53, мѣтлю 94, 97, областію 48, 90, 120, цьстію 50.—На 76 примѣровъ -ига, -икъ, -ии (дат. и мѣстн. ед.), -ию и т. п. въ окончаніяхъ именъ существуют. (б. ч. средн. или женск. р.), какovy *берестію* (дат. ед.) 2, веселикъ (им. ед.) 110, блговѣщенікъ 12,—а 85,—га 98 и др., бѣвлевѣнѣга 89, въскр̄сени(а) 34,—(га) 102, 106 и др., говеникъ 12, 20, 25, 106 (-ѣ-), заоутрикъ 8, звоненікъ 91, знаменикъ 3, 16, 17, 18, 26 и др. (10 р.), зьда|нѣга 84, изаморі|га 25, имѣнѣкъ 12, по изгна|нѣи 56, кр̄випролитѣга 114, кр̄щ̄нѣ(к̄мь) 45, (по)—(и) 117, оружи(к̄мь) 33,—(и) 59, *подолѣкъ* 7, позваникъ 122, положеникъ 109 (2 р.), поставленікъ 122, перенесеніе 108, преображенѣга 102, 117 и др., *роучѣга* 13 род. ед. къ имен. муж. р. **роучѣи*), ро|споутѣга 50, стажаник̄мь 14, оуспеник̄ 95—96, оуспеніе 97 и мног. др., приводитъ которые полностью считаю излишнимъ, обращая вниманіе лишь на то, что въ числѣ этихъ примѣровъ, какъ видимъ, находятся не только слова ц. словянскія (названія праздниковъ и т. п.), но и чисто народныя русскія (*берестію*—собств. имя города = нынѣшн. *Брестъ-Литовскъ* отъ польской ф. *brześć* вмѣсто русск. *бѣрест* = ст. слов. *брѣстѣ* = сербск. брѣст, брѣест, *подолѣкъ*, *роучѣга*), встрѣчаемъ только 21 примѣръ ык, ыга, ыю и т. п.: братъ(к̄ю) 37, -(ю) 108, възводѣкъ 79, и|заморѣга 44—45, кнажь(га) 93,—(ею) 100, кр̄випролигѣга 121, лодѣ(к̄) 45,—(гѣхъ) 45, 52, оплечѣкъ 119, подолѣе 14, помочѣкъ 47, распоутѣга 49, роучѣга 29. ь—6, роу(ч)ѣга 53, 107,—(ц)—87, оузо-рочѣга 104, оустѣ(е) 86, оустѣ(гѣхъ)²⁾ 27; кромѣ того 4 примѣра сомни-

¹⁾ На это довольно ясно указываетъ ф. твор. *тропик̄мь* 291 въ 3-емъ поч.

²⁾ Въ этой формѣ мѣстн. множ. ч. (въспатиша и), вѣроятно, слѣдуетъ видѣть такое-же образованіе, какъ въ формахъ вавилонамъ, древлѣми, деревлахъ, в полахъ и т. п., сравн. у А. И. Соболевскаго въ «Исслѣдованіяхъ въ обл. рус. грам.», 55—59 и у Н. П. Не-

тельныхъ подѣ титлоу: бра(та) 16, 59,—(а) 59,—(ею) 112; нельзя не обратить вниманія на то, что всѣ приведенныя слова съ ъ должны быть признаны чисто русскими или по крайней мѣрѣ общими русскому языку съ ц. словянскимъ. При 7 примѣрахъ -ита, -иѣ въ суффиксахъ прилагат.: бжи(кю) 32, 97,—(ею) 64,—(та) 70, 82, 84, 110, только 1 съ ъ при переносѣ: третѣ|таго 47. 1—2. Еще менѣе процентъ примѣровъ съ ъ сравнительно съ примѣрами съ и въ такомъ («неслоговомъ») положеніи въ суффиксѣ словъ (б. ч. именахъ собств.) муж. и женск. р. иноязычнаго происхожденія; на 85 случаевъ, какъ василига 53, 107, 110, 123, варихисита 94, дмитрига 110, георгига 19, 23, 28, 66 и др. (8 р.) и гергига 61, захари(ю) 68,—(и) 65,—(ею) 64,—(иницу) 75, 76, евдокию 102, въ епѣи 103, въ епѣ|скоупию 122, игоуменита 70, 84, 102 и др., игнатига 108, или(та) 65, 74, 76 и др.—(ѣ) 13, 73, 120,—(и) 67, 92, софи(та) 2, 4, 5 и др.—(ѣ) 6, 8, 58,—(и) 17, 46, 83 и др.—(ю) 14, 53, 57 и еще нѣкотор. друг., только 6 такихъ, какъ васильга 25, епѣю 58, ильѣ 46, 48, ильинъ 93, прокопѣю 42, 7-ой же софианты 103 (новгородцы же съ кнѣзьмъ ѿ|рославомъ. и съ игоумены и съ |), какъ производный отъ имени софига—*софѣга, я отнесъ къ тому отдѣлу словъ греческаго происхожденія, въ которомъ чередованіе и съ ъ происходитъ не передъ окончаніемъ, а внутри слова, хотя нужно замѣтить, что это слово, происходя отъ собств. имени греческ. происхожденія, по суффиксу должно быть признано чисто словянскимъ и въ частности русскимъ образованіемъ (по типу *граждан-*, *горожан-* и т. п.), такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о жителяхъ Софійской стороны въ Новгородѣ, и нѣтъ основанія предполагать какое нибудь греческое **σοφιανός* подобно *христѣанός*, изъ котораго вышло словянск. кръстьян-, лишь случайно совпавшее съ многочисленными словянскими образованіями съ суф. -ган(-ѣн-); кромѣ того 1 примѣръ влаа 91 сомнителенъ вслѣдствіе выноски согласной буквы надъ строкой и пропуска гласной.

Что касается «слового» положенія, т. е. передъ слѣдующимъ і, то здѣсь въ 1-омъ поч. безъ исключенія (кромѣ двухъ сомнительныхъ случаевъ подѣ титлами въ ф. род. мн.: люя 57, муи 93) находимъ ии какъ въ ф. род. мн. (двѣрии 110, дѣи 40, 84, лодии 25, людии 41, пакостии 91, трии 38, прѣви 54, 82—9 разъ), такъ и въ ф. имен. вин. ед. ч. прилагат. муж. р.

красова въ «Замѣткахъ о языкѣ Повѣсти вр. л. по Лавр. сп. лѣт.» § 49 (Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. И. А. Н. 1897 г., т. II, кн. 1 и т. III, 1898 г., кн. 2, стр. 366).

(6 р.: бѣжи 7, 96, 121, велии 38, боли 17. 4—5, трети 52. 6—7) и собств. именъ греч. происхожденія (17 р.: амфилохи 13, аркади 63, григори 102,—їи 103, диониси 65, 109, мартоури 102, 108, 109 и др.).

Во 2-омъ поч. въ коренныхъ слогахъ на 7 примѣровъ ъ въ неслогов. полож.: быхоуть 138, избыпныхъ 171, 192, избыкве 177, оубына 192, быоче 196, быощеса 235, приходится только одинъ съ и¹⁾: бикмъ 194; въ словахъ, заимствованныхъ съ греческаго, въ сходныхъ условіяхъ 5 р. и и 3 р. ъ: дивол(а) 177,—(ъ) 181, дивол(ъ) 180, 211,—(оу) 213 при дѣволъ 185, дыволъ 186, дыконъ 216; въ суффиксальномъ внутреннемъ слогѣ греческихъ словъ 3 раза ъ въ крѣномъ 225, крѣанск(о)у 185, 192 (въ этихъ словахъ, производныхъ отъ греческаго *χριστιανός* не безъ вліянія, вѣроятно, слова *крѣтъ*, заимствованнаго въ болѣе раннюю эпоху съ греческ. *χριστός*, въ обоихъ почеркахъ постоянно пишется только ъ, сравн. сербск. *ришѣан* и *кришѣан*, при чемъ здѣсь слогъ *ѣа*, указывающій на *ты*, одинаково и въ болѣе книжной, болѣе близкой къ греческой, формѣ слова и въ болѣе народной, отличающейся отъ первой по значенію, см. словарь В. С. К.) и 1 р. и въ собств. имени васиана 184. Изъ суффиксальныхъ слоговъ различныхъ формъ основъ на -ѣ (-ѣ), -иѣ, -иѣ, -иѣ и т. п. только въ формѣ твор. ед. словъ ж. р. на ъ и имъ подобныхъ преобладаютъ примѣры съ ъ [13 р. -ю: костью 197, 236, лостью 173, любовью 168, областью 234. 4—5, помо(ч)ью 170, 203,—(ц)—233, речью 163, тѣхверью 167. 15—16, чью 151, 172, цѣстью 202. 5—6 и 3 -ю: областю 189, радостью 153. 2—1 снизу, ратию 229], въ формѣ имен. мн. муж. р. основъ на ъ по 2 раза ъ и и (людѣ 137, 215, людѣ 132, 134), въ остальныхъ же рѣшительно преобладаютъ написанія съ и надъ написаніями съ ъ, а именно: а) въ формахъ существит. именъ ж. и ср. р. на 64 случая -иѣ, -иѣ, -иѣ и т. п. имѣемъ только 20 -ѣ и т. п.: безакониѣ 221, веселиѣ 233, вѣвѣдениѣ 134, вѣзатиѣ 138, говѣниѣ 233. 16—17, говѣниѣ 155. 6—7, въ епѣиѣ²⁾ 231, житиѣ 148, зажъжениѣ(ѣ) 132, -(ѣ) 137, зажитиѣ(ѣ) 166, -(ѣ) 234, знамениѣ 219, изамо(ри)ѣ 228. 2—1 снизу, извѣщениѣ 134, изгнаниѣ 154, 231, имениѣ 226, каменниѣ 138, въ келиѣ²⁾ 225, крѣво-

¹⁾ Кромѣ сомнительнаго *абие* 178.

²⁾ Здѣсь я нѣсколько измѣнилъ систему, которой я держался относительно 1-го поч., а именно достаточно усвоенныя нарицательныя имена иностранныхъ я привожу вмѣстѣ съ другими нарицательными.

пролит(ѣ|та) 213, (о)—(и) 213, в лодыгахъ 205, мѣрдикъ 228, наоуцению 214, ненавиденикъ 221, непокорени|къ 221, недооуменикъ 198, обили(та) 229, —(къ) 234, ороуди(та) 159, твор. множ.—(и) 173,—(къ) 185, оруужи(е) 174,—(та) 236, въ—(и) 178, 185, 212, пирениа 178, пограбленикъ 132, покагниа 226, стогажникъ 211, сѣтованикъ 233, тра|сеникъ 177, тропникъ 162 (3 р.), 226, оудьниа 175, челованикъ 224 и нѣкотор. друг. при слѣдующихъ: братъ|къ 204. 2—3, епѣю 125, къ—185, г жрѣбыа 217 (ф. двойств. ч. къ имен. ед. муж. р. *жрѣбии или *жрѣбви), забожни цѣкъ 213. 13—14, въ коробыахъ 207, —лодыгахъ 180, 182, лоды|къ 198, насилье 151, обилье 161, 221, поволожъ|къ 168. 2—3, погодыкъ 137, подроумы¹⁾ 131, попады|къ 126. 13—14, проклатикъ 177, стогажниа 142, соудыкъ 213, оузорочыа 127; какъ видимъ, нѣкоторыя слова и формы (большая часть) встрѣчаются только съ *и*, нѣкоторыя и съ *и* и съ *ь* (подобныя у меня выписаны всѣ), нѣкоторыя только съ *ь* (эти также приводятся безъ исключенія), при чемъ нельзя усмотрѣть, чтобы *ь* или *и* преобладали послѣ извѣстныхъ согласныхъ²⁾, нельзя также считать написанія съ *и* исключительной принадлежностью словъ ц.-славянскихъ и наоборотъ написанія съ *ь* приписывать только словамъ русскимъ; кромѣ того, 31 разъ встрѣчается въ неопредѣленномъ написаніи подъ титлою слово бранъ (181, 186, 210,—ю 146, 148, 177, 209, 214, —къ 158—2 раза, 162, 169, 170, 180, 181, 193, 222, —къю 158, 159, 169, 223, 225,—и 146, 165, 193, 200, 209 bis, 213, 217, —а 210), которое вообще не встрѣчается съ *и* въ обояхъ почеркахъ; б) въ формахъ прилагательныхъ суффикса *-и* на 9 примѣровъ съ *и* въ неслоговомъ положеніи 2 -ю: бжи⁺къ 192, бжи⁺къю 153, 154, 170, 203, 233, бжи⁺та 177, 236, съ тре⁺ти⁺къ 147. 2—3, по (тре-)т⁺юю 156, (г⁺)—227; в) въ собствен. именахъ греческаго происхожденія на 56 -и⁺къ, -и⁺та и т. п. только 1 р. -ыта: (а)нтони(та) 154, 185, 203—204, 211 bis, (о)—216, (о)—(ю) 184, арсени(та) 211,—(ю) 189, арсѣ⁺ни⁺та 225, арсѣ⁺ни⁺къ 225, васил(ѣ|та) 126,—(и|та) 139, 173, васил⁺къвъ 137, георги(а) 127, 216, 232,—(та) 149, 203, 225, дигитрию 141 (греч. *δδγγήτρια*:—чюдьюю иже по гра хожаше стоую б⁺ю.), ефиопи⁺та 191, или(къ) 126,—(и) 179, —(ю) 228, софи(та) 165, 170, 203 и проч., —(ю) 133, 134 и

1) Греч. *ἰπποδρόμιον*? У Миклошича (Lex. pal.) *ἰπποδρόμια*. Съ этимъ не слѣдуетъ смѣшивать серб. *пдрум* «нижній этажъ, погребъ» (В. С. К.).

2) Послѣ *и* и *ь*, однако, встрѣчаются только написанія съ *ь*, хотя въ 1-омъ поч. встрѣчается также и *и* послѣ *ь* одинъ разъ при нѣсколькихъ *ь*.

др.,—(и) 151, 163 и др. (всего это слово 24 раза) и мног. друг., перечисленіе которыхъ считаю излишнимъ, при единственномъ ъ въ формѣ сто ерѣмь. 198. 1з, при чемъ съ *и* это имя вообще не встрѣчается.

Въ «слоговомъ» положеніи во 2-омъ поч. находимъ слѣдующія написанія: а) въ коренномъ слогѣ только 1 р. ъ въ ф. вин. ед. *эми* 155 и 2 р. *и* въ ф. им. ед. *си* 229, 231 и 1 р. въ ф. повелит. *биги* 194; б) 1 р. ъ въ суффикс. слогѣ въ ф. лодыниці 236. ъ (*лодейники*, т. е. отпавившіеся въ лодкахъ) при 18 случаяхъ *-ии* (1 р. *иѣ*) и одномъ подъ титлою въ ф. род. множ. и 10 случ. *-ии* въ имен. ед. прилагат. и другихъ подобныхъ по положенію *и* прилагательныхъ формахъ: *брании* 142, *дании* 215, *днѣи(и)* 133,—(і) 195, 206, 232, *дѣти* 149, 180, 227, м. кадѣ⁺к 140. 10—11 (сорокъ кадѣй), *людии* 198, *ночии* 133, *ноци* 143, 219, *ограблѣни* манастырьскихъ 132, *цркѣви* 141, 153, 175, *люи* 226, им. ед. прилаг. *бѣи* 144, 172, 226, *бѣи* 145 (съ пропускомъ второго *и*), *велии* 139, *въшнии* 177, *трети* 167, 174, образованія съ сложнымъ суф. *-ии-*: *воробииномъ* 156, *моравиина* 236; в) только 1 р. *е*, м. б. предполагающее ъ, въ ф. имен. ед. собств. имени иноязычнаго происхожденія (еврейск. черезъ греческое посредство): *креми* 168. з при 13 случаяхъ *и* въ этой формѣ подобныхъ именъ: *антони* 154, 175, 184, 202, 205, 231 (2 р.), *васили* 175, *григори* 154, *меходи* 191 (2 р.), *парфоури* 145, *савати* 203 и 1 р. *и* въ прилагат. ф., производной отъ собств. имени греч. происх.: *софискаго* 212.

Въ 3-емъ поч. находимъ слѣдующія отношенія. Въ «неслововомъ» полож. въ коренныхъ слогахъ на 8 *-ие*, *-иа* приходится 9 *-ье*, *ю*: *побиемса* 291, *оубиен(ъ)* 252, 311, (по)—(ш) 282, *оубиете* 267, *биюче* 255, *приятели* 282, 295, но *избѣен(и)* 283,—(ъхъ) 292, *избѣють* 273, *оубѣен(и)* 248,—(ъ) 252, 320, *бюче* 291, *промыша* 258, 292. Въ греческихъ словахъ какъ въ начальномъ слогѣ (4 раза), такъ и во внутреннемъ суффиксальномъ (24) находимъ передъ слѣдующимъ *а* только ъ: а) *дыволъ* 237, 250, *дѣвол(оу)* 268. 2—1 снизу,—(а) 250. 1—2 сверху, б) *демыан(а)* 300 (2 р.), 313, 332,—(и) 285, *демыана* 307, *кртъганьскоу* 237. 4—з сн., *кртъганьскыа* 245, *хртъганехъ* 282, *хртъганомъ* 265. 4—з сн., *хртъганомъ* 268, 269, 299, *хртъгань* 324, *хртъганьск(ага)* 264,—(оую) 237, 280, 281, 282, 283,—(ыа) 281, *хртъганьск(оі)* 282. 2—1 сн.,—(ыа) 275. 2—з св. (всего 17 разъ въ словахъ этого корня), *оулыны* 261. Въ названіи народа «шведы» здѣсь пишется не только въ слоговомъ, но и неслововомъ полож. *ъ*:

не только *свѣт*скаго 325. 5—6, но и *свѣтъ* 252, *свѣ*(и) *имен. мн.* 269, — (і) 251. 17, 252, 304, *свѣ*і 251. 14—15. Въ суффиксальныхъ слогахъ 3-й поч. представляетъ слѣд. написанія въ открытомъ («неслоговомъ») положеніи: а) въ ф. имен. мн. основъ муж. р. на ѣ (ѣ) встрѣчается только 1 р. *-ие* въ *людие* 290 при 3 р. *лѣе* 246, 248, 316; б) въ ф. твор. ед. основъ ж. р. на і (ѣ) только 3 р. *-ию* при 20 случаяхъ *-ю*: *завистию* 290 (въ разсужденіи нравственно-наставительнаго свойства, рядомъ съ ц.-словянскими выраженіями *единъ*, *хоудъ*, *горше бѣхомъ* и пр.), *областію* 245, *твердостію* 305, но *волостію* 269, *лестію* 286, *мтрѣю* 245, 255, *млѣю* 260, *помощію* 277, 291, 305, *ратію* 266, 267, 322 (2 р.), 323, 331, *смертѣю* 248. 13—14, *смертѣю* 250, *хытростію* 287, *чюдю* 255, *чтѣю* 309, 310; в) въ различныхъ формахъ именъ существуетъ б. ч. женскаго и средн. р. съ суффиксами *-ие*, *-ия* и т. п. и здѣсь преобладаютъ примѣры съ *и* (77 р., изъ которыхъ 2 въ словѣ греч. происх.) надъ примѣрами съ *ѣ* (27, изъ которыхъ 4 въ собств. имени городка неяснаго происхожденія, а два въ нарицательныхъ греческаго происхожденія): при блгвѣцни(ѣ) 303, 311, —(ю) 309, блгнѣе 260 (2 р.), *братію* 292, *веселіе* 282, въздыханіемъ 245, (въ) *епѣи*(и) 302, (архи)—(ю) 299, *житіе* 309, *зажитиѣ* 257, изъ *замор(иѣ)* 240, —(ѣ) 304, *заговѣніемъ* 316, *знамени(ѣ)* 240 (2 р.), 323, 272, —(ѣ) 272, о *имѣннѣ* 245, *кнаженіе* 281, 308 и др., *кровопролитію*(ю) 237, 250, —(ѣ) 269, 299, *наведеніемъ* 250, *нахоженіе* 251, *недооумѣніе* 243, *нездоровиѣ* 309, *нелюбиѣ* 298, *обили(ѣ)* 312, —(ѣ) 263, *обращениѣ* 264, *оживленіе* 264, *оружіе(мъ)* 282, 289, 290, *показнн(ѣ)* 275, *попущеніе* 249 и др., *писаніе* 289, *разграбленіе* 295, *сваженіѣ* 250, *снѣтію* 290, *сѣтованіе* 302, *троупіемъ* 291, *оуспѣннѣ* 311, *хотѣннѣ* 316, *цѣлованію* 324 и друг. (нѣчего говорить о такихъ, какъ *въ иртѣви* 237, гдѣ самое положеніе въ группѣ согласныхъ болѣе благопріятно для *и*, чѣмъ для *ѣ*, но при счетѣ примѣровъ и они были приняты во вниманіе) находимъ высокооумѣе 305. 4—3 снизу, *заволочь(ѣ)* 325, —(ѣ) 326, *заоутрѣе* 245, 276, *зачатѣе* 309, *знамеѣе* 259. 22 (вязь *н* съ *ѣ*), в *лодыгахъ* 285, 310, *насилѣѣ* 296, *обиль(ѣ)* 263, —(ѣ) 314, *роспоутѣе* 314, *свинѣ(ѣ)* 250, —(ѣю) 258, —(и) 288, —(ю) 291, *оуденѣе* 240, *оузорочьѣ* 302, *оустѣе* 251, *оустѣннѣхъ* 319, въ названіи городка (в) *копорѣи* 255, (до)—269, (Ѡ)—270¹⁾, *ко-*

¹⁾ А. Т. *копорѣи*, но въ другихъ мѣстахъ и въ этихъ спискахъ ѣ. Если обратить вниманіе на выраженіе «*городъ оучиниѣша в копорѣи погостѣ*» 255. 14—15, то можно думать, что въ этомъ названіи кроется прилагат. ф. съ суф. *-ий*, хотя ф. вин. ед.—*ю* говорить противъ

порю 256, въ *опитемью* 299 (греч. ἐπιτιμία «запрѣщеніе», слѣдов. здѣсь *e* вм. *и* или скорѣе, можетъ быть, вм. *ь* изъ греч. кратк. *i*, сравн. въ такой же формѣ въ Вопрош. Кирика (рукоп. синод. б—ки): м̄. д̄н̄ӣи *опитемьи* 518^b, нѣ то за то *опи|темь|и* 518^c. 2—3, нѣтоу *опитемь|и* 529^a, *опить|мь|и* 529^a. 18—19, даи *опитемь|ю* 529^b. 5—6, *опить|мь|а*, во *опить|мь|и* 529^b, дати *опитемь|ю* 530^a. 15—16, при чемъ, можетъ быть, не безъ значенія *и ъ*, встрѣчающееся здѣсь рядомъ съ *e*; съ *e* это слово и въ Лобк. Прологѣ Хлуд. № 187: дажь *н̄ӣ* *опитемью* 65^c), *попадь|амъ* 244 (сравн. болгарск. *попадѣя* и *попадѣя* Дювернуа, греч. *παππᾶς, — ἀδός?), кромѣ того 13 р. подъ титлою (б. ч. въ словѣ **братѣя*, какъ позволительно читать при отсутствіи примѣровъ съ *ь* и одномъ съ *и*): *бра(е)* 244, 249, 266, 267, 268, 285, 289, 313,—(и) 245,—(і) 320,—(та) 293, 314, *оу|спѣ* 328; г) 15 р. *-и-* въ суффиксѣ прилагат. при 3 *ь*: *бѣе* 249, *бѣ(ею)* 277,—(емь) 280, 317,—(ихъ) 287,—(ю) 242, 251, 301,—(та) 275, 305, 311, 314, *бо|жита* 252. 5—6 (род. ед.), звѣри *дишма* 275, *на холопши* оулицы 307, но также *на холопъ(и)*—300, 332,—(и) 301¹⁾; д) па 34 *-и-* въ формахъ собств. именъ б. ч. греч. или вообще иноязычнаго происхожденія находимъ 113 *ь*, изъ которыхъ 44 приходится на народную передѣлку греч. γεώργιος въ ф. *юръи* съ производными: *амфилохи|та* 279, *васишма* 278, *георш(та)* 261, 295, 306, 307 и др.,—(ю) 267 (въ книжной ф. этого имени безъ исключенія только *и* 7 разъ), *дмитри(та)* 275, 276, 280, 286, 296, 300, 304 и др.,—(ю) 291, 323,—(емь) 276 и др. (только *и*—всего 17 разъ), *исакшма* 240, *клавдишма* 258, *мр̄шма* (ц. слов. ф. родит. ед.) 252, 291, *олоншма* 311, *патришма* 305, род. ед. *софи|та* 303. 1—2, *харламшма* 319, но *агафы* 326. 7, *афанась(емь)*,—(та),—(а) 316, 317, 318, 322 (8 разъ), *василь(евъ)*,—(емь),—(та),—(а) 264, 266, 270 и др., *василь|та* 266. 1—2 (6 разъ всего), *гри|горъ* 332. 12—13, *еле|фѣръ(емь)* 285, *елеоуфѣрьшма* 270, *ефросимшма* 261, *ильи*, *ильи*, *ильи(а)*,—(ъ),—(ѣ) 264, 266, 310, 311, 313, 331 (6 р.), *онань(и)*,—(иначю),—(ю),—(та) 267, 268 и др. (9 р.), *остафьевъ* 328, *про|копъ* 313, *софъ(та)*,—(і),—(и),—(кю),—(ею),—(ю) 237, 249, 252, 253, 258, 261, 268, 273 и мн. др. (33 раза), *юръ(и)*,—(і),—(і) въ имен. и мѣстн.

этого и заставляеть видѣть въ данномъ примѣрѣ скорѣе несогласуемое въ родѣ приложеніе къ слову «погостъ».

¹⁾ Трудно рѣшить, какъ читать единственный примѣръ *оу вороньшма* камени 258; м. б., здѣсь просто графическое *ь* вм. *ь*.

ед.,—(емь),—(га),—(ю),—(ева),—(евъ),—(евѣ),—(евоу),—(евци) 242, 243, 245, 247, 253, 276, 277, 286, 287, 289, 293, 308, 315 и мн. др. (всего 44 р.); только въ *еремь(га)* 243, 244,—(емь) 244 исключительно находимъ *ь* (сравн. *кремета* въ духовн. новгор. Климента, Срезн., Свѣд. XXXV), что объясняется, вѣроятно, ударяемостью разбираемаго звука въ слоговомъ (закрытомъ) положеніи, вслѣдствіе чего онъ и былъ перенесенъ въ такомъ полномъ, хотя и измѣненномъ, видѣ въ формы косвенныхъ падежей, т. е. въ «неслоговое» (открытое) положеніе, при чемъ возможность появленія при ф. **еремій* формъ **еремья* и т. д. съ удареніемъ на флексивныхъ слогахъ устранялась, вѣроятно, вліяніемъ такихъ именъ, какъ *мат(нѣя)*,—(ѣя), гдѣ *е*, откуда позднѣе *ь*¹⁾, было исконно (греч. *Ματ-θαῖος*), или такихъ, какъ *алекс(нѣя)*,—(нѣя), гдѣ удержанію *е*¹⁾ (*ь*) изъ первонач. *і* (греч. Ἀλέξιος) и въ неслоговомъ положеніи способствовало согласное сочетаніе (*κς*).

Въ слоговомъ положеніи въ 3-емъ поч. находимъ 1) только *и* (3 р.) въ коренныхъ слогахъ: *оубиствоу* 250, *оубите* 267, *си* 277, 2) 20 разъ *-ии* въ суффиксахъ существ. (въ род. мн. основъ на *й* или имъ уподобленныхъ) и прилагательныхъ (им. вин. ед. ч. муж. р.) при 2 случаяхъ ф. род. мн. основъ на *й* съ выноскою согласной буквы надъ строку безъ *ь*: а) *днѣи* 260, 292, *кнѣ(ш)* 242,—(*ии*) 249, 287, 294²⁾, 308, 330, *люди* 289, *моужи* 259, *ночи* 240 (2 р.), 323, *цркви(и)* 302, 313,—(*и*) 302, но *лди* 277, 318, б) *бѣи* 259, 260, 262, *боудущи* 279, 3) только *-ии* 26 разъ въ имен. ед. собств. именъ иноязычныхъ: *аркади* 261, *афанаси* 324, *варсофии* 327, *васили(и)* 271, 278, 296 и др.,—(*и*) 329—всего 9 р., *григори* 327, *дмитри(и)* 278, 287, . . .—(*и*) 296, 297, 300 и др. (11 разъ), *елефѣри(и)* 302. 8—9, *мартоури* 261.

На послѣднихъ страницахъ рукописи синодальной, написанныхъ иными почерками, находимъ 1 р. *и* въ начальномъ слогѣ греческаго слова *дима-волимь* 334, 5 р. *и* въ суффиксѣ именъ существительныхъ: *крѣщннѣ* 334,

1) Замѣтимъ, что въ суффиксахъ греч. именъ *и*: обыкновенно передавалось въ ст. слов. черезъ *е*, рѣже черезъ *ь* (см. словарь къ издан. И. В. Ягичемъ Мар. Ев.: *альфѣювъ* = греч. Ἀλφῆου, *матѣи*, *матѣа*, *матѣта*, 1 разъ *ма|гѣтѣа*, только въ словѣ *фарискѣ* и производныхъ отъ него чаще *ѣ*, греч. *φάρισαῖος*); наоборотъ вопреки нынѣшнему оффициальному правописанію черезъ *ь* передается греч. *ε*, *ι* (см. *ibid.* *андрѣка*, *ариматѣка*, греч. Ἀνδρέας, Ἀριμαθῆα). Третій поч. нашего памяти правильно пишетъ *ь* въ именахъ: *андрѣ(и)* 304, 306, 307,—(*и*) 305,—(*иѣнѣ*) 303,—(*емь*) 256, 303,—(*ю*) 306,—(*ш*) 255, 296, 299, 317,—(*инова*) 317, *никѣи* 241, 4-й поч. *матѣѣ* 333, *валѣфро|мѣѣка* 334.

2) Первое *и* не совсѣмъ ясно.

наваженикъ 334, повелѣникъ 335. 13—14, помраченикъ 333, поспѣшеникъ 335. 11—12, 1 р. въ суф. прилагат.: бѣимъ 335; только въ окончаніяхъ собственныхъ именъ и здѣсь находимъ немного больше примѣровъ съ ѣ (7), чѣмъ съ и (6): василья 333, при еоустафѣи 335, дат. п. захарѣи 333, род. захарѣи 333, софѣи 337, юрѣи(а), —(а) 334 при слѣд.: при... василѣи 335, василѣю 336 (2 р.), геѡргѣи 335, лаврентѣи 334 (2 р.); въ слоговомъ положеніи: 2 р. въ ф. род. мн.: дѣтѣи 336, дѣтѣи своихъ... (съ пропускомъ второго и) 337, 3 р. въ ф. имен. ед. собств. именъ: василѣи 334, геѡргѣи 335, лаврентѣи 334.

Если мы теперь возьмемъ отношенія случаевъ ѣ къ и въ различныхъ почеркахъ сравнительно, то замѣтимъ, что въ коренныхъ открытыхъ слогахъ домашнихъ словъ (т. е. славянскаго происхожденія) всѣхъ меньше это отношеніе въ 3-емъ, всѣхъ больше во второмъ поч.: въ 3-емъ $\frac{9}{8}$ или $1\frac{1}{8}$, въ 1-омъ $\frac{8}{4}$ или 2, во 2-омъ $\frac{7}{1} = 7$; если же возьмемъ слова иностраннаго или неяснаго происхожденія, то отношенія ѣ къ и въ начальномъ слогѣ окажутся иными: въ 3-емъ ѣ 4 р. безъ исключенія, то же въ 1-омъ 5 р., во 2-омъ же отношеніе $= \frac{3}{5}$, такъ что и въ этихъ словахъ (греческихъ по происхожденію) даже преобладаетъ надъ ѣ во 2-омъ поч. Та-же разница замѣчается и въ другихъ слогахъ между словами своими и иностранными (б. ч. собственными): между тѣмъ какъ въ суффиксальныхъ слогахъ своихъ словъ отношенія во всѣхъ трехъ поч. (въ 3-емъ $\frac{77}{27}$ или $\frac{75}{21}$) приблизительно равныя, въ греческихъ собственныхъ именахъ во внутреннемъ суф. слогѣ въ 3-емъ поч. пишется исключительно, а въ окончаніяхъ преобладаетъ ѣ (113: 33), въ 1-омъ же и второмъ и здѣсь и чаще, чѣмъ ѣ, и отношеніе даже больше, чѣмъ въ своихъ словахъ, такъ что напр. въ 1-омъ поч. отношеніе и къ ѣ въ своихъ словахъ $= \frac{76}{21}$, въ иностранныхъ же $\frac{85}{5}$, во второмъ—въ своихъ $\frac{64}{20}$ (если сюда и включены нѣкоторыя изъ иностранныхъ, а именно достаточно усвоенныя нарицательныя греческаго происхожденія, то они встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ и измѣняютъ отношеніе, которое по ихъ исключеніи было бы $\frac{62}{16}$, менѣе, чѣмъ на единицу), въ иностранныхъ $\frac{56}{1}$ или со включеніемъ заимствованныхъ съ греческаго нарицательныхъ $\frac{53}{5}$ ¹⁾. Кромѣ того обратимъ вниманіе на то, что въ

1) Особенно замѣчательно послѣдовательное употребленіе въ массѣ случаевъ ѣ въ собств. имени (обыкновен. названіи церкви) Софѣи въ 3-емъ п. въ противоположность Софѣи 2-го и 1-го (въ 3-емъ п. и здѣсь только 1 р. при переносѣ, въ 1-омъ ѣ только 1 р. въ образованіи съ суф. -и- названія жителей софѣйской части).

3-емъ поч. нѣтъ ни одного примѣра съ *ь* слова *братія* при одномъ съ *и* и 12 подъ титлою, между тѣмъ какъ во второмъ и первомъ встрѣчаются примѣры съ *ь* (2 въ 1-омъ и 1 во 2-омъ) и наоборотъ отсутствуютъ примѣры съ *и*, при чемъ во второмъ особенно часто (31 р.) пишется это слово подъ титлою. Затѣмъ, между тѣмъ какъ въ 1-омъ 7 разъ встрѣчается *-ж* въ ф. им. мн. и ни разу *-иж* при 4 подъ титлою, во 2-омъ по ровну (2 р.) то и другое окончаніе, въ 3-емъ ни разу *-ье* и 1 р. *-ие* при 3 р. подъ титлою; наоборотъ отношеніе *-ью* къ *-ию* въ ф. твор. ед. (20: 3) въ 3-емъ п. всѣхъ больше, а въ 1-омъ (19: 7) всѣхъ меньше (во 2-омъ 13: 3); преобладаніе здѣсь написаній съ *ь* надъ написаніями съ *и* во всѣхъ трехъ поч. можетъ быть объяснено вліяніемъ окончанія им. вин. ед. этихъ словъ. Въ слоговомъ положеніи (т. е. въ закрытомъ слогѣ) во всемъ памятникѣ *ь* встрѣчается только 3 р. въ 1-омъ и 2-омъ поч. (*свиискеи*, *лодъиници* и *зми*); что же касается ф. им. ед. *юри*, часто встрѣчающейся въ 3-емъ поч. соотвѣтственно *юри* 1-го и 2-го поч., то еще сомнительно, какъ ее прочесть, и согласно съ общимъ духомъ довольно послѣдовательнаго правописанія 3-го п. здѣсь можно скорѣе читать *ь* неслоговое и *и* слоговое.

Изъ сдѣланныхъ наблюденій и статистическихъ данныхъ трудно сдѣлать какіе либо выводы о діалектическихъ особенностяхъ говоровъ писцовъ различныхъ частей нашего памятника. Единственно, что мнѣ кажется, но на чемъ не настаиваю, — что писцы 1-го и 2-го поч. смотрѣли на *ь* болѣе, чѣмъ писецъ 3-го поч., какъ на букву, способную изображать слоговой звукъ, а потому скорѣе могли писать *ь* и *и* въ значеніи одного и того-же звука, вѣроятно, краткаго *i*, не вполне утратившаго слоговой характеръ; вслѣдствіе этого я не рѣшился бы читать написанія съ *ь* по крайней мѣрѣ въ первыхъ двухъ частяхъ нашего памятника такъ, какъ подобныя написанія мы привыкли читать теперь (говорю съ точки зрѣнія русскаго литературнаго языка): буква *ь* выражала въ нихъ больше гласности, чѣмъ та-же буква въ тѣхъ же случаяхъ въ нашемъ литературномъ правописаніи; этимъ, кромѣ вліянія ц. словянскаго правописанія, объясняю я написанія съ *и* и въ чисто народныхъ выраженіяхъ. Въ пользу такого значенія *ь*, чередующагося съ *и* передъ слѣдующимъ *ѣ*, въ первыхъ двухъ частяхъ говоритъ и употребленіе его изрѣдка въ закрытомъ слогѣ (*зми* и т. п.); если бы въ послѣднемъ оно означало звукъ *e*, то мы имѣли бы изрѣдка и употребленіе *e* въ такихъ случаяхъ, чего однако не находимъ, если не считать ф. собств. им. *кремеи* при *ерьмыа*, въ которой *e* можетъ и

не восходитъ непременно къ *ъ*, а выражать то узкое *eⁱ*, которое въ этомъ собств. имени замѣнило *i* и въ открытомъ слогѣ и выражается въ 3-емъ поч. черезъ *ь* (*сремья* и т. п.)¹⁾; то-же слѣдуетъ сказать и о формѣ дат. ед. *шми*, въ которой *ъ* можетъ означать ирраціональное *i*, становившееся слоговымъ, не смотря на открытость слога, вслѣдствіе ударяемости и далѣе совпадавшее съ *e*; появленіе въ закрыт. слогахъ *ъ*, откуда нынѣшнее великор. и частію малорус. *e* (напр. въ ф. род. мн. *дѣтѣй*, *дѣтѣй*), А. А. Шахматовъ объяснялъ вліяніемъ другихъ формъ²⁾ тѣхъ-же словъ, въ которыхъ *ъ* или являлось изъ неслогового *i* или было искони; такимъ образомъ, согласно съ этимъ объясненіемъ *лодвиници* подъ вліяніемъ *лодык* и т. п., *зми* подъ вліяніемъ **змя* (сравн. *змя* въ Гал. Ев. 1144 г., л. 21^a. з), *свиסקи* подъ вліяніемъ *свык* и т. п.; но, если такъ, то формы **змя*, *свык*, какъ и *шми*, также требуютъ объясненія: если мы признаемъ, что *ъ* получалось изъ *и* путемъ сокращенія въ неслоговой звукъ подобно *ъ*, положимъ, въ нынѣшнемъ великорусскомъ *лодык*, *костю* и т. п., то такое сокращеніе немислимо въ группѣ согласныхъ (если она затѣмъ не подвергается упрощенію) или подъ удареніемъ, и мы не имѣемъ основанія предполагать его, обращая вниманіе на произношеніе этихъ формъ въ современныхъ говорахъ; объясненіе для формъ *свык*, *шми*, род. ед. *змя* и т. п. мы найдемъ, если отрѣшимся отъ навязаннаго современнымъ правописаніемъ и языкомъ предразсудка, что *ъ* изъ *и* неслоговой звукъ; необходимо допустить, что *ъ* здѣсь, какъ и *ъ* въ *кряше стря* и т. п., выражаетъ какой-то ирраціональный слоговой звукъ, при чемъ весьма возможно, что ирраціональность его заключалась не въ неполнотѣ, и скорѣе въ неопредѣлимости³⁾ его физиологическаго характера подобно *ъ* во многихъ болгарскихъ говорахъ.

Если мы сравнимъ относящіеся сюда факты въ современныхъ синодальному списку Новгородской лѣтописи новгородскихъ грамотахъ, то найдемъ и въ нихъ, не смотря на очевидную народность языка, не только большое количество примѣровъ съ *и* въ суффиксахъ различныхъ именъ, но

1) Сравн. замѣчаніе Шахматова о формахъ собств. имен. на *-ий* въ «Исслѣдов. о яз. новгородск. грамотъ», стр. 219 въ I-омъ т. «Исслѣдованій по русск. яз.»

2) Исслѣдованія въ области рус. фон., 36.

3) Съ точки зрѣнія писцовъ, конечно, которые буквами *ъ* и *ъ* выражали различные оттѣнки звуковъ, приближавшихся къ *e* и *i* и къ *o* и *ы*, но не находившихъ въ буквахъ *e*, *и*, *o*, *ы* точнаго выраженія. Нѣкоторую аналогію съ буквами *ъ* и *ъ* по своему употребленію, какъ увидимъ, представляетъ и буква *ь*.

даже замѣтное преобладаніе ихъ надъ примѣрами съ ъ: не только во всѣхъ грамотахъ (цитирую по изданію акад. А. А. Шахматова въ 1-омъ т. «Изслѣдованій по русскому яз.») блгословеник (№№ 1, 3, 10, 11, 7) или подобныя книжныя примѣры, но и *насилми* (№№ 1 и 3, 1264—1270 г.), *нелюбик* № 10 (1304—1305 г.) при *нелюбы* № 3 (1270), № 12 (1314 г.), *квашени* № 6 (1305—1308) при *кнженъ* № 12 (1314 г.), *цъловани*(к), —(г) № 10 при *цълованью* № 12, *заволочи*к №№ 6 и 7 (1305—1308), *заволочи*к № 9 (1304—1305), *заволочи*к № 10 при *заволочы* № 3, *заволоць*(к) № 1,—(ѣ) № 2, *ѡ лоди*(к) № 10,—(и) № 7 при *лодь*(к) №№ 1, 3, 9,—(й) № 6, *соуди*(к) № 7,—(и) дат. ед. № 2 (1264—1265),—(гмъ) №№ 9 (2 р.), 10 (4 р.),—(гмъ) №№ 6 и 7 при *соуды*к №№ 1, 6, *суды*к № 3, *свини*(и),—(й) №№ 7 и 6 при—(ѡ/и) № 2,—(к) №№ 9 и 10, исключительно *брати*(кю) №№ 3, 6, 7, 10,—(и) № 10,—(ю) № 11, *софи*(и) № 10,—(й) род. и дат. ед. № 3 (2 р.), *трети*(кк) №№ 9 (переносъ), 10,—(кк) №№ 1 и 3,—(юк) №№ 1 и 3, *полутръти*дчати № 12 при болѣе рѣдкомъ ъ въ *третью* №№ 9 и 10 и *третьи* № 12, но твор. ед. и здѣсь съ ъ въ ф. *тѣрью* № 5 (1294—1301). Въ слоговомъ полож. находимъ при *-ии* въ *волости*(й) № 1 (3 р.), № 9 (3 р.), *звѣрий* №№ 6 и 7, *людий* № 12 также *-и*: *волость*(и) № 6 (3 р.), № 7 (2 р.),—(й) № 6, № 7 (3 р.), *лодь*(и) № 7,—(й) № 6¹⁾.

Изслѣдователи древнерусскихъ памятниковъ (акад. И. В. Ягичъ²⁾, за нимъ Колесса³⁾ окончанія *-ык*, *-ыг* и т. д. не безъ основанія считаютъ однимъ изъ характерныхъ признаковъ памятниковъ южнорусскихъ, такъ какъ эта особенность правописанія дѣйствительно преобладаетъ въ памятникахъ, имѣющихъ и другіе южнорусскіе признаки, хотя эта особенность не представляетъ ничего спеціально русскаго, будучи отличительнымъ признакомъ и нѣкоторыхъ памятниковъ старословянскихъ (Синайск. Молитвенника и Псалтыри и Супрасл. сборн.)⁴⁾; нерѣдко и въ Зографскомъ Ев. находимъ формы *абыс*, *вельемь*, *вельгя*, *божье*, *безоумье*, *знамень*, *исплъненъ*, *лицемѣрье*, даже *братръя*, *змьгя*, *наутръг* и пр., въ корен. сл. *възмѣ*, *см.*

¹⁾ Нѣсколько отличается въ правописаніи грамота духовн. новгородца Климента 1270 г., гдѣ *братъ*,—*й*,—*к*, *ѡбилъмъ* *ѡроужь*, *свинь*гяхъ и даже *Геръ*(г),—(ю), а въ ф. род. мн. *соиней* (Срезневск. Свѣдѣн. № 35, Смирн. Сборн. № 33).

²⁾ Четыре критико-палеогр. статьи, 90—91.

³⁾ Kolessa, Dialectolog. Merkmale des südrussisch. Denkmals «Zit. sv. Savy», Archiv f. Slav. Philol., XVIII, 509, 519. Въ Гал. Ев. 1144 г. даже такіе примѣры, какъ *црѣствъ* 26 а. 1 и 7.

⁴⁾ Соболевскій, Очерки изъ исторіи рус. яз., 78; Kolessa, Dial. Merkm. d. südr. D., Archiv f. sl. Phil. XVIII, 216. Сравн. болѣе точныя свѣдѣнія въ грам. Лескина, § 25, 2.

лл. 102^a, 112^b, 98^b, 99^a, 113^a, 109^b, 119^a, 132^b, 170^b, 172^a и друг. (Марк. IV, 32, 39, 41, 42, V, 7, 11, 42, VII, 7, 13, VIII, 33 и др., IX, 24, XII, 7 и др.), въ Маріинск. Е. бѣнь Лук. XII, 47, 48, братръ Іо. VII, 5 и др. (Ягичъ, Мар. Ев., с. 435, замѣчаетъ, что въ этомъ памятникѣ это явленіе не столь часто, какъ въ Зограф. Ев.); много примѣровъ ъ и даже е вм. і и въ слоговомъ полож. встрѣчается въ глаголическихъ памятникахъ (сравн. *ibid.*). Между тѣмъ древнѣйшій ц. словянскій памятникъ русскаго письма Остромирово Ев. употребляетъ и (см. у Шахматова дополн. къ § 25, 2 грам. Лескина, рус. перев. с. 176); такъ какъ этотъ памятникъ написанъ въ Новгородѣ, то и является вопросъ, не оказывалъ ли новгородецъ ¹⁾ вліяніе на сохраненіе буквы и, хотя съ другой стороны возможно предположить и обратное, т. е. что Остромирово Ев. и подобные ему по типу ц. словянскаго яз. памятники были причиною болѣе упорнаго сохраненія написанія и на русскомъ Сѣверѣ вмѣсто болѣе согласнаго съ произношеніемъ ъ въ то время, какъ на русскомъ Югѣ, куда проникали ц.-словянскіе памятники съ признаками вныхъ говоровъ, ранѣе и смѣлѣе стали писать ъ. Впрочемъ преобладаніе написаній съ и надъ написаніями съ ъ въ сѣверныхъ памятникахъ сравнительно съ южнорусскими можетъ быть основано и на фонетическихъ особенностяхъ великорусскихъ и особенно сѣверновеликорусскихъ говоровъ: великорус. *брѣтѣя*, *зѣмѣ*, *бѣльѣ*, *имѣнѣ*, и т. п. предполагаютъ, мнѣ кажется, болѣе новое сокращеніе полнаго і въ ирраціональный звукъ, чѣмъ малорусскія *брѣтѣя*, *зѣлля*, *бѣлля*, *корѣнѣя* и т. п., такъ какъ въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ и до сихъ поръ между мягкимъ согласнымъ и слѣдующимъ *j* слышится ирраціональный неслоговой звукъ («Gleitlaut»), въ малорусскихъ же происшедшая ассимиляція слѣдующаго *j* съ предшествующимъ небнымъ согласнымъ указываетъ на болѣе тѣсное соединеніе этихъ звуковъ съ болѣе слабымъ переходнымъ звукомъ между ними; такимъ образомъ, въ эпоху, когда въ малорусскихъ говорахъ *зѣмѣ* или **зѣльѣ* произносилось уже съ ирраціональнымъ неслоговымъ ъ, въ великорусскихъ могъ произноситься и слышаться еще ирраціональный слоговой звукъ *i*, который и изображался на письмѣ большею частью какъ и, лишь изрѣдка замѣняясь черезъ ъ. На такое-же болѣе раннее сокращеніе и стяженіе съ слѣдующимъ гласнымъ въ одинъ слогъ указываютъ,

¹⁾ Въ настоящее время, однако, Н. В. Волковъ и А. А. Шахматовъ оспариваютъ Новгородское происхожденіе діакона Григорія, см. Отчеты о засѣд. И. Общ. Л. Д. П. въ 1895—1896 гг. (Пам. СХХ, стр. 6—7), ср. Извѣстія II Отд. И. А. Н., т. III (1898), кн. 4, стр. 1362—3.

повидимому, и западнославянскіе языки, не знающіе большею частію русскаго переходнаго («скользящаго») звука въ разбираемыхъ окончаніяхъ: сербск. *браћа, знање, имање*, польск. *bracia, imienie*, чешск. *bratři, znamení* и т. п. изъ болѣе древняго *bratřie, znamenie* по правописан. Гебауэра¹⁾ (рукоп. *znamenuje*, какъ *katenuje, myslenuje*²⁾ и т. п.), при чемъ сербскія формы предполагаютъ стяженіе дифтонговъ *je, ja* въ монофтонги *je, ja* и т. п., польскія въ монофтонги *ię, ja* (т. е. *e, a*, смягчающіе предшествующіе согласные), чешскія же—стяженіе тѣхъ же дифтонговъ, слившихся въ болѣе раннюю эпоху въ одномъ *je*, въ *i*, т. е. *i*, такъ что разница заключается только въ побѣдѣ въ однихъ перваго, въ другихъ второго элемента дифтонга. На различіе русскихъ формъ разбираемаго типа отъ польскихъ и сербскихъ давно уже обратилъ вниманіе покойный Ал. Аѳ. Потебня³⁾. вмѣстѣ съ нимъ я признаю характеристичность *ь* въ этихъ сочетаніяхъ для русскаго яз., хотя бы то же самое было характеристичнымъ и для нѣкоторыхъ говоровъ старославянскаго и другихъ яз.; вѣдь и замѣны *ь* черезъ *o*, *ъ* черезъ *e* не перестаютъ быть характеристичными для русскаго яз., хотя и доказано существованіе ихъ и въ старославянскомъ и нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ (чакавскія формы *bratja, zdravje* и т. п., повидимому, близки по произношенію къ соответствующимъ имъ великорусскимъ; тоже, кажется, слѣдуетъ сказать и о штокавскомъ *zagrje* и т. п.; но всѣ онѣ возможны въ этой группѣ говоровъ, кажется, лишь при условіи сохраненія твердости согласныхъ; во всякомъ случаѣ здѣсь характерно существованіе «Gleitlaut» между согласнымъ и слѣдующимъ *j*). Существенная разница всѣхъ русскихъ (великорусскихъ и малорусскихъ) формъ вмѣстѣ съ чакавскими отъ формъ большинства западнославянскихъ нарѣчій и говоровъ заключается въ отдѣленіи согласнаго къ слогу, предшествующему окончанію, чтò и достигается путемъ сохраненія неслогового гласнаго звука между согласнымъ и *j*. Остается подѣ сомнѣніемъ, прошли ли эту стадію развитія и отличныя отъ русскихъ западнославянскія формы⁴⁾,

¹⁾ Odpověď na přídavek p. Mart. Hattaly ku prvému dílu zbytků rýmovaných Alexandreid staročeských, 1881, стр. 12—13; Гебауэръ возстаеъ противъ чтенія рукописнаго *-uje* какъ *-ije*, предлагаемаго Гатталю.

²⁾ Zbytky rýmov. Alexandreid staroč. vydali M. Hattala a Ad. Patera, стр. 16, стих. 624—625, 647.

³⁾ Къ исторіи звуковъ русскаго яз. (1876 г.), стр. 14—16.

⁴⁾ Это возможно бы было предположить лишь о польскихъ формахъ, сербскія же штокавскія своими *ћ, њ* и т. п. результатами смягченія (въ *браћа, здравје* и т. п.) ясно указываютъ на непосредственное соприкосновеніе согласныхъ съ *j*, а слѣдовательно на примыканіе ихъ къ конечному или вообще слѣдующему за сократившимся *i* слогу.

или въ нихъ согласный зв. и по сокращеніи суффиксальнаго *i* продолжалъ примыкать къ конечному слогу; во всякомъ случаѣ одного болѣе ранняго сокращенія было бы недостаточно для образованія этихъ формъ, такъ какъ малорусскія и бѣлорусскія формы съ двойнымъ мягкимъ согласнымъ все-таки ближе къ великорусскимъ, чѣмъ польскія, штокавскія, болгарскія и нѣк. друг., имѣя съ первыми то общее, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ смягченныхъ согласныхъ принадлежитъ не къ конечному слогу; если бы удалось доказать, что эти западнословянскія формы предполагаютъ упрощеніе удвоеннаго небнаго согласнаго, то малорусско-бѣлорусскія составляли бы сравнительно съ ними ступень болѣе древнюю, хотя и болѣе новую сравнительно съ великорусскими; къ сожалѣнію, недостатокъ собственныхъ наблюденій мѣшаетъ мнѣ опредѣлить, насколько въ отдѣльныхъ малорусскихъ говорахъ еще слышится раздѣльность двухъ мягкихъ *t*, положимъ, въ словѣ *баіттѣ*, но подобныя формы съ двойнымъ мягкимъ согласнымъ, кажется, не чужды и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ, хотя опредѣленіе ихъ требуетъ большой тонкости слуха наблюдателя, всегда подвергающагося опасности стать жертвою своей субъективности: мнѣ кажется, что я слышалъ въ Курмышскомъ у. Симбирской губ. (село Теплый Станъ, говоръ акающій) произношеніе *Ил'юхин*, т. е. двойное мягкое *л* вмѣсто *лж*.

Всѣ случаи чередованія *ь* и *и* въ суффиксальныхъ слогахъ мы должны отличать отъ случаевъ такого-же чередованія въ коренныхъ слогахъ. Здѣсь русскія нарѣчія еще болѣе рѣзко отличаются отъ западно- и южно-словянскихъ въ большинствѣ ихъ говоровъ: между тѣмъ какъ въ великорусскомъ, бѣлорусскомъ, и малорусскомъ во всѣхъ говорахъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми говорами словацко-моравскими и здѣсь является сокращеніе *i* въ открытомъ слогѣ передъ слѣдующимъ *j* въ извѣстнаго рода ирраціональный неслоговой звукъ (великор. *пю*, *бю* и т. п., малорус. *пю*, *бю*, *л'юиця* и т. п.), въ польскомъ, чешскомъ (литературномъ), сербскомъ и болгарскомъ мы находимъ здѣсь слоговое *i*: польск. литерат. *pije*, *bije*, чешск. *piji*, *biji*, сербск. *пѣјем*, *бѣјем*, болгар. *пѣж*, *бѣж* и т. п., но что причина такой разницы здѣсь не въ томъ, что *i* (*и*) является въ слогахъ коренныхъ, доказываютъ такія формы, какъ польск. *lać*, *wiać*, чешск. *láti*, *váti* и т. п., предполагающія **лѣати*, **виѣати* и т. п., а также слова иностранныя, какъ *дьяволъ*, звучащее въ сербскомъ *ђаво*, *дьякъ*, звучащее въ польск. *dziak*, въ сербск. *ђак*; эти послѣднія доказываютъ, что *i* въ *пѣјем*, *pije* и т. п. обязано

своимъ существованіемъ частію *i* въ *пѣти*, *рѣс*, частію ударенію, которое въ ф. 1-го л. ед. ч. наст. вр. являлось на коренномъ слогѣ уже въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ подѣ влияніемъ формъ 2-го и 3-го л., гдѣ такое удареніе, вѣроятно, существовало уже въ общесловянскомъ яз., будучи перенесено на суффиксальный слогъ подѣ влияніемъ формы 1-го л. ед. ч. въ русскихъ нарѣчіяхъ, вслѣдствіе чего въ послѣднихъ безударное иррациональное *i* стало неслоговымъ во всѣхъ формахъ. Что касается мнѣнія проф. А. И. Соболевскаго ¹⁾, что во всѣхъ разбираемыхъ нами формахъ, имѣющихъ чередованіе *i* (*и*) съ *ь*, какъ въ коренныхъ слогахъ, такъ и въ суффиксальныхъ, это чередованіе объясняется не сокращеніемъ *i*, а исконной разницей (*и* восходитъ къ *ī*, *ь* къ *ǐ*), то на него замѣчу то-же, что мною сказано по поводу такого-же чередованія *ы* съ *з*, т. е. что въ общесловянскую эпоху всякое *i* въ слогѣ передъ слѣдующимъ *i* получалось среднимъ по количеству (мнѣніе Ф. Θ. Фортунатова) и давало слѣдовательно звукъ *i* (старослов. *и*), лишь въ отдѣльныхъ группахъ говоровъ становившійся иррациональнымъ (ст. слов. и русск. *ь*), который не терялъ однако въ закрытыхъ слогахъ своего слогового характера и лишь въ открытыхъ являлся болѣею частію неслоговымъ, вслѣдствіе чего все звуковое сочетаніе, въ которомъ раньше разбираемый иррациональный звукъ несъ слоговую службу, теперь примыкало въ слоговомъ отношеніи или къ предшествующему или къ слѣдующему слогу, составляя извѣстнаго рода прибавку къ этимъ слогамъ. Великорус. *бѣй*, малорус. *бій* (съ среднимъ несмягчающимъ предшеств. согласнаго *i* при *бѣю*, гдѣ черезъ *ѣ* я означаю иррациональный неслоговой звукъ, несмягчающій предшествующаго согласнаго) могутъ восходить именно къ **biǐ* съ иррациональнымъ слоговымъ *i*, отличавшимся отъ *i* въ **biti*, вѣроятно, менѣе опредѣленнымъ характеромъ, болѣе слабой артикуляціей, болѣею широтой, приближавшей его акустически и физиологически къ извѣстнаго рода *e*; въ памятникахъ старословянскихъ и древнерусскихъ это иррац. слоговое *i* могло иногда выражаться буквою *ь*, такъ какъ и этимологическое *ь* имѣло много общаго съ этимъ звукомъ (сравн. сказанное выше о выраженіи иррац. слогового *ы* черезъ *з*).

Подѣ конецъ этой главы, разбирающей отношенія *ы* — *з* и *и* — *ь*, умѣстно будетъ сказать о характерѣ въ древнерусскихъ говорахъ и между

¹⁾ Очерки изъ исторіи русскаго яз., стр. 78.

прочимъ въ тѣхъ, которые отражаются въ нашемъ памятникѣ, того звука *i*, который въ извѣстныхъ окончаніяхъ соотвѣтствуетъ звукамъ *z*, *z* въ другихъ окончаніяхъ тѣхъ-же самыхъ формъ сходныхъ по образованію словъ, т. е. является напр. послѣ гласныхъ соотвѣтственно *z*, *z* послѣ согласныхъ въ ф. имен. винит. ед. ч. словъ муж. р. или въ окончаніи ф. родит. мн. извѣстныхъ основъ соотвѣтственно *z*, *z* другихъ основъ, каковы напр. именит. винит. *юи*, *покои*, прилагат. *третии*, член. прилаг. *добрѣи* и др. при *стола*, *дома*, *мужа* и т. п., род. мн. *дѣтѣи*, *лодии* и т. п. при *стола* или *столова*, *душѣ* и т. п. Вопросъ въ томъ, каковъ былъ основной характеръ этого *i*, и какъ онъ видоизмѣнялся въ исторіи языка. Несомнѣнно, что это *i* отличалось краткостью и ирраціональностью искони, а потому справедливо было бы изображать его буквою *й*, если бы это не могло дать поводъ считать это *i* не только краткимъ и неполнымъ, но и неслоговымъ, такъ какъ въ нашемъ современномъ литературномъ правописаніи буква *й* именно означаетъ обыкновенно звукъ *j*; между тѣмъ, какъ *z* въ ф. *стола* и т. п. не было искони неслоговымъ, а становилось такимъ лишь постепенно, не во всѣхъ случаяхъ и не во всѣхъ говорахъ сразу, хотя начало этого звукового теченія и восходитъ къ доисторической общесловянской эпохѣ, такъ и *и* въ *юи* и т. п. въ моментъ выдѣленія общесловянскаго языка должно было составлять слогъ; кромѣ доказательствъ этого положенія, представляемыхъ исторіей словянскихъ нарѣчій, простое соображеніе, что устроители словянскихъ азбукъ не нашли нужнымъ придумывать особые знаки для этихъ случаевъ *z* и *и*, заставляетъ насъ признать, что въ этихъ случаяхъ въ періодъ возникновенія словянской письменности слышались тѣ-же приблизительно *z* и *и*, которые слышались и въ такъ называемомъ «слоговомъ» положеніи. Что еще въ недавнюю сравнительно эпоху конечное *j* въ указанныхъ случаяхъ могло составлять слогъ, доказываютъ примѣры написанія *кѣ* вм. *и* изъ древнерусскихъ памятниковъ XIII-го в.; въ нашемъ памятникѣ сюда относится *Ѡ кадіѣ* 140. 10—11 (во второмъ поч.), т. е. «10 кадій», въ грам. 1262—1263 г. (Смирн. Сборн. др. р. п. № 30) *трекѣ дворцѣ* (ст. слов. *трии* = др. рус. *трей* род. мн. ¹⁾). Но что это *i* было краткимъ, ирраціональнымъ и, вѣроятно, неслововымъ уже въ XIV-омъ в., доказывается и попытками отмѣтить его особый характеръ помощію постановки двухъ точекъ надъ буквою *и*; такой способъ напр. употребленъ на стран. 333—

¹⁾ Сравн. у И. В. Ягича, Крит. замѣтки по истор. рус. яз., 34—35.

337 нашего памятника (сравн. стран. 14—15 «введенія», гдѣ и приводятся всѣ относящіеся сюда примѣры ¹⁾). Какъ написаніе « вмѣсто и, такъ и постановка двоеточія могли служить для одной и той-же цѣли — для отмѣтки особаго характера этого и, при чемъ первый способъ ближе опредѣляетъ какъ качественный, такъ и количественный его характеръ, второй же можетъ лишь указать на существованіе различія отъ другого и безъ опредѣленія его сущности.

ГЛАВА III.

О взаимномъ чередованіи з и ъ.

Здѣсь я намѣренъ разсмотрѣть нѣсколько встрѣчающихся въ нашемъ памятникѣ случаевъ замѣны з черезъ ъ и обратно и связанные съ этимъ явленіемъ фонетическіе вопросы. Эти случаи встрѣчаются частію внутри словъ, частію въ конечномъ открытомъ слогѣ, и въ обоихъ положеніяхъ причины чередованія могутъ быть различны. Такъ какъ внутри словъ мы имѣемъ болѣе основаній объяснять такое чередованіе вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ, чѣмъ на концѣ, который совпадаетъ иногда и съ концомъ рѣчи (фразы, періода или по крайней мѣрѣ предложенія), то намъ удобнѣе сначала разсмотрѣть случаи второго рода, какъ болѣе независимые, а затѣмъ уже перейти къ случаямъ перваго рода.

Въ части, написанной первымъ почеркомъ, находимъ слѣдующіе примѣры ъ вмѣсто з въ концѣ словъ: дѣнѣ|пръ 1. 2—3, епѣль (=епископъ) 57. 17, миѣ|аль 81. 7—8; во второй части: дѣнепръ 159, днѣпръ 195. 6, 17, 198. 1, мѣ с тобою ксмъ 133. 19, миѣ|аль 229; въ 3-ей части: назадъ 285 (въ концѣ періода), влизъ тѣ|ри 321, дат. мн. нѣ|цельмъ 258. 5; на послѣдней стран. четве|ргъ 337. 12—13. Изъ этихъ примѣровъ одинъ

¹⁾ На то же свойство еще болѣе указываетъ изрѣдка встрѣчающійся пропускъ этого и (примѣры *мо, свое* и т. п. приведены проф. Соболевскимъ въ «лекціяхъ по истор. р. яз.», стр. 46, изд. I-ое; прибавлю къ нимъ *дѣти своихъ* 337, 2 изъ нашей лѣтописи), хотя акад. И. В. Ягичъ въ «Критич. замѣткахъ» 34 (мнѣ кажется, слишкомъ рѣшительно) считаетъ приведенные Соболевскимъ примѣры «простыми описками»; что они описки съ точки зрѣнія нормальнаго традиціоннаго правописанія, я не отрицаю, но думаю, что описки эти могли быть сдѣланы не безъ смысла.

(епѣ) ¹⁾ вслѣдствіе своей единичности можетъ быть принятъ за опіску, не имѣющую знаменательности въ звуковомъ отношеніи, остальные могутъ быть объясняемы частію въ качествѣ образованій отъ иныхъ темъ, т. е. или отъ темъ на *ї* или отъ предполагающихъ и замѣнившихъ ихъ темъ на *іо* (назадъ, близъ, днѣпръ, днепръ, днѣпръ, сравн. мѣсти. п. въ днѣпри 14. 4, дат. днѣпрю 158 и лат. *danapris*) при существовавшихъ рядомъ образованій отъ темъ на *о* (род. п. днѣпра 1. 16, назадъ 294, близъ не 41, близъ шатра 178, близъ. р. мбу. 137. 1, близъ роуси 192, стаща близъ 292), частію въ качествѣ звуковыхъ вариантовъ, вызванныхъ особыми звуковыми условіями (только что упомянутые примѣры на *ь*, допускающіе двойное объясненіе, ф. собств. им. михаль, ф. дат. мн. нѣмцемъ, ф. 1 л. мн. ч. наст. вр. ксмъ, интересное четве|ргъ), при чемъ эти условія могутъ быть весьма различны для каждаго случая. Формы назадъ и близъ могутъ быть не только нарѣчными образованіями съ суффиксомъ *ь*, точнѣе застарѣлыми падежными формами отъ основъ на *ї*, проявляющихся также въ такихъ формахъ нынѣшняго русскаго литературнаго языка, какъ *зади*, *спѣреди*, *близіи*, при соответствующихъ имъ образованій отъ другихъ основъ тѣхъ-же корней малорус. *заду*, *спѣреду*, сербск. *ублизу* (В. С. К.), но и фонетическими вариантами, появленіе которыхъ обуславливалось небнымъ характеромъ слѣдующаго слога, т. е. перваго слога слѣдующаго слова, хотя такое объясненіе у насъ очевидно только для втораго изъ этихъ предложныхъ нарѣчій, такъ какъ за нимъ дѣйствительно слѣдуетъ зависящая отъ него, какъ отъ предлога, форма *тѣпри* съ небнымъ сочетаніемъ *тѣпъ-*, первое же у насъ является въ качествѣ нарѣчія, не имѣющаго зависимаго отъ него слова; въ нынѣшнемъ олонцкомъ нарѣчій *назадъ* чередуется съ *назадъ* безъ фонетической причины: *назадъ-то* Гильф¹. 1047, 1049, 1083 (№№ 219, 226), *назадъ-то* ів. 1206 (№ 267), оба въ Кенозерѣ. Въ формахъ днѣпръ и т. п., михаль и ксмъ ²⁾ буквою *ь* можетъ выражаться тотъ звукъ, который, становясь слоговымъ, выражался иногда черезъ букву *e*,

¹⁾ Тоже, вѣроятно, и въ кн. црвн 330. з—4, гдѣ *ь*, имѣющее вертикальную черту выше строки, кажется, просто недописанное *з*, часто имѣющее такую форму въ концѣ строки (см. въ поправкахъ, стр. 22).

²⁾ Сравн. въ Остромир. Еванг. ксмъ (4 раза), кѣмъ (11 разъ), нѣсмъ, кѣмъ въ ф. 1 л. мн. ч. (М. Козловскій, О языкѣ Остромир. Еванг., 46); но въ Саввиной книгѣ В. Н. Щепкинъ отмѣчаетъ только 3 случая: ксмъ, кзидѣмъ, прѣидѣмъ («Разсужденіе о яз. Сав. кн.», Извѣстія, т. III, с. 1239), при чемъ въ издан. Срезневскаго правильная ф. 1 л. мн. ч. повелит. прѣидѣмъ 135, з—з (сравн. лекціи Фортунатова, печ. изд. 1888 г., с. 210).

означавшую здѣсь или чистое *e* или звукъ *ö* (сравн. формы *сьмьюне*, *борисе*¹⁾ и т. п., о которыхъ я уже говорилъ на стран. 142—143, а также и формы 1 л. мн. ч. *къме* 135. 11, 136. 4, 214. 6, 7, *проли(к)анме* 37. 9—10, 169. 16, которыя могли бы быть отнесены туда-же); что *есме* находится въ связи съ *есме*, доказывается какъ тѣмъ, что въ сп. К. читаемъ въ данномъ мѣстѣ *есме*, такъ и тѣмъ, что наоборотъ соотвѣтственно *къме* послани 135. 11 въ К. читаемъ *есме прислань* (см. стран. 183 и 184 издан. арх. ком. 1888 г.); замѣтимъ, однако, что оба мѣста встрѣчаются въ повѣсти о взятіи Константинополя 1204 г. Тотъ-же иррациональный звукъ, близкій къ *ö* или *ï*, можно было бы предполагать и въ ф. дат. множ. *нѣмцемъ*, если бы съ такимъ окончаніемъ она являлась не однажды, что заставляетъ подозрѣвать опisku, тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ никакихъ реальныхъ основаній придавать ей значеніе²⁾. Въ виду примѣровъ конечнаго *ь* вмѣсто *з* я сдѣлалъ бы въ объясненіи акад. А. А. Шахматова ту поправку, что считалъ бы звуки *ö* и *e* въ подобныхъ формахъ развившимися не изъ иррациональнаго *ы*, а изъ иррацион. *ï*, въ которое измѣнялось діалектически болѣе древнее иррацион. *и*, еще въ говорахъ общесловянскаго языка приближавшееся въ въ извѣстныхъ положеніяхъ къ *о*. Такимъ образомъ въ извѣстныхъ примѣрахъ конечнаго *ь* вмѣсто *з* мы въ правѣ видѣть діалектическую сѣверно-великорусскую черту. Въ формѣ *михаль* вмѣсто *михалль* измѣненіе *з* какъ глухого заднебнаго въ *ь* какъ глухой переднебный могло обуславливаться также прогрессивнымъ дѣйствіемъ сокращавшагося и затѣмъ исчезащаго *и* (*i*); то же дѣйствіе прогрессивной ассимиляціи можно бы было предполагать и въ *проли(к)анме*; но къ этому объясненію нѣтъ надобности прибѣгать, такъ какъ и въ другихъ словахъ, какъ *варламе*, *сьмьюне* и мн. друг., мы наблюдаемъ то же явленіе³⁾, въ которомъ придется видѣть сѣверо-

1) Сравн. у Гильфердинга, Онежскія былины, № 182 (Выгозеро), стр. 896: беретъ тутъ Пётре тугой лукъ. . . ; № 226 (Кенозеро), с. 1087: я Петре царевичъ. . . . Особ. любопытна ф. *несъ* вм. *несъ* въ Остр. у. Псков. г. (Матер. для изуч. великор. г. V, 2).

2) Въ старословянскихъ памятникахъ формы дат. мн. на *ь* встрѣчаются гораздо чаще (въ Саввиной книгѣ, гдѣ, по сообщенію В. Н. Щепкина, онѣ малочисленны, все-таки число ихъ достигаетъ 22 при 83 мѣ, Извѣстія Отд. р. яз. и сл., т. III, кн. 4, с. 1243). Указывая на то, что причины чередованія *ь* и *ь* въ извѣстныхъ формахъ «слѣдуетъ искать въ фонетическихъ измѣненіяхъ общеслав. эпохи» (*ibid.* 1241), Щепкинъ ссылается на Фортунатова «Лекціи по фонетикѣ старославянскаго яз.» с. 206—214, воспользоваться которыми мнѣ удалось, благодаря любезности В. Н. Щепкина, но лишь послѣ того, какъ III-я глава моего изслѣдованія была написана и сдана въ типографію.

3) Однако нѣкоторая разница замѣтна въ томъ, что въ собств. имени *михаль* все склоненіе и производныя обнаруживаютъ мягкое окончаніе въ имен. пад. (*михалеви* 85. 12,

западно-русскую звуковую особенность, состоявшую въ качественномъ измѣненіи конечнаго *з* въ направленіи къ *ъ* независимо отъ окружающихъ звуковъ. Это діалектическое сѣвернорусское измѣненіе *з* въ *ъ* имѣетъ нѣкоторую аналогію съ доисторическимъ измѣненіемъ *з* въ *ъ* въ извѣстныхъ группахъ южнославянскихъ говоровъ (словѣнской, сербо-хорватской и частію болгарской) ¹⁾ съ тѣми существенными различіями, что во-первыхъ наше сѣверозападнорусское звуковое явленіе ограничивается извѣстнымъ положеніемъ, а именно въ конечномъ открытомъ слогѣ словъ, тогда какъ въ извѣстныхъ южнославянскихъ говорахъ это явленіе всеобщее, во-вторыхъ наше измѣненіе *з* въ *ъ* есть не только качественное измѣненіе одного гласнаго звука въ другой, но и измѣненіе предшествующихъ ему согласныхъ, становившихся небными, что связано не только съ общимъ всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ различіемъ рефлексовъ *з* и *ъ*, но и съ общевеликорусской способностью этихъ рефлексовъ къ различному дѣйствию (т. е. смягчающему или несмягчающему) на предшествующіе имъ согласные, южнославянское же измѣненіе *з* въ *ъ* есть собственно сліяніе ихъ обоихъ въ одномъ несмягчающемъ предшествующіе согласные звукѣ, который лишь отчасти можетъ быть названъ наслѣдникомъ древняго общеслов. *ъ*, при чемъ въ нѣкоторыхъ южнославянскихъ говорахъ скорѣе можно говорить объ измѣненіи *ъ* въ *ъ*, чѣмъ обратно, даже съ потерей, какъ въ большинствѣ восточно-болгарскихъ ²⁾, разницы въ дѣйствиі на предшествующіе

92. 11—12, *мисгалко* 144. 7), чего не замѣчается у многихъ другихъ собств. и нарицательныхъ именъ, встрѣчающихся съ окончаніемъ *е* въ имен. ед. ч.; эта разница, вѣроятно, зависитъ отъ того, что все слово поддавалось вліянію іотованныхъ основъ подобно выше упомянутому * *дыльпръ*.

¹⁾ V. Oblak, Die Halbvocale... (Archiv f. sl. Phil. XVI, 154, 160, 163, 171, 172, 184). Macedonische Studien, 11. M. Drinov, Beiträge zur Kunde der neubulg. Sprache (Archiv V, 374). Сравни также стр. 11 настоящ. сочиненія. Можно, пожалуй, говорить и объ общемъ приближеніи *з* къ *ъ* въ главной массѣ сѣверозападныхъ славянскихъ нарѣчій, но лишь о *приближеніи*, а не *совпаденіи*, такъ какъ рефлексъ *ъ* здѣсь удержалъ старую способность смягчать предшествующіе согласные, утративъ её лишь въ историческое время въ чешскомъ.

²⁾ См. П. А. Лавровъ, Обзоръ... 37. Переходъ *ъ* въ *ъ* совершался въ нихъ, вѣроятно, путемъ лабиализаціи (см. у В. Н. Щепкина въ «Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги», Извѣстія Отдѣл. рус. яз. и сл. И. Ак. Н., т. III, кн. 2, стр. 464—466), какъ наоборотъ переходъ *ъ* въ *ъ* въ говорахъ—предкахъ почти всѣхъ нынѣшнихъ сербо-хорватскихъ, словѣнскихъ и нѣкоторыхъ болгарскихъ означаетъ постепенную утрату лабиализаціи и замѣну её гортанно-небнымъ элементомъ, перешедшимъ въ послѣдующую эпоху въ исключительно гортанный въ значительной части говоровъ этой группы (отсюда сербск. и частію словѣнское и болгарское *а*); этотъ переходъ совершался уже послѣ того, какъ *ъ* утратило способность палатализировать предшествующіе согласные.

согласные; въ послѣднемъ отношеніи эти болгарскіе говоры представляютъ обратное сходство съ частью сѣверозападныхъ словянскихъ нарѣчій (польскимъ, чешскимъ), въ которыхъ обратно *z* приблизилось къ *z*, сохранивъ свое свойство въ несмягчающемъ дѣйствіи на предшествующіе согласные. Такой взглядъ на измѣненіе *z* въ *z* и обратно въ различныхъ словянскихъ нарѣчіяхъ я оправдываю какъ этимологіей общесловянскихъ ирраціональныхъ звуковъ (болшею частію изъ краткихъ *u* и *i* индоевропейскаго праязыка и лишь отчасти изъ ирраціональныхъ звуковъ *a* различнаго качества)¹⁾, такъ и выводами палеографіи относительно буквъ *z* и *z*²⁾ въ кирилловской и глаголической азбукахъ, показывающими, что въ составъ буквы *z* входили греческія буквы *o* или *ϝ*, въ составъ *z* буквы *e* или *i*, и что слѣдовательно самые звуки, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ южнословянскихъ говоровъ въ эпоху возникновенія на нихъ письменности помощію приспособленія греческой азбуки, были близки къ произношенію соответствующихъ греческихъ звуковъ, а именно *z* къ произнош. звуковъ *o* или *u*, *z* къ произношенію звуковъ *e* или *i*³⁾; такимъ образомъ, если въ рефлексгахъ стараго *z* мы замѣчаемъ въ исторической жизни отдѣльныхъ словянскихъ нарѣчій развитіе звуковъ *e* или *i*, мы въ правѣ говорить объ измѣненіи или приближеніи *z* къ *z* и наоборотъ, если въ рефлексгахъ стараго *z* замѣчаемъ развитіе лабиальныхъ звуковъ *o* или *u*, можемъ говорить объ обратномъ измѣненіи, при чемъ то и другое измѣненіе можетъ или сопровождаться или не сопровождаться измѣненіемъ и свойственнаго искони каждому глухому различнаго дѣйствія на предшествующіе согласные.

Что касается глагольныхъ формъ 1 л. множ. ч. на *-me*, то ихъ воз-

¹⁾ Leskien, Handbuch der altbulgar. Sprache², § 10, стр. 10, § 11, стр. 13—14, русск. переводъ Шахматова и Щепкина 1890 г., стр. 8, 11—12; Ф. Фортунатовъ, Плавныя согласныя въ древне-индійскомъ яз., стр. 485—490 сборника статей въ честь О. Е. Корша (Москва 1896).

²⁾ И. В. Ягичъ, Четыре критико-палеографическія статьи, стр. 162—163. Сравни также: Д. О. Бѣляева, Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы... (Казань, 1886), стр. 62 и слѣд.; Fr. Müller, Archiv. . . . XIX, 556,

³⁾ По опредѣленію проф. Ф. О. Фортунатова, общеслов. *z* есть ирраціональное по количеству открытое *u*, общеслов. *z* ирраціональное по количеству открытое *i* (см. Лекціи по ц. слав. яз. 1884—1885, стр. 13; сравн. стат. «Удареніе въ прусскомъ яз.», стр. 15, примѣч., Рус. Фил. Вѣстн. 1895 г.). Необходимо признать, мнѣ кажется, что къ ирраціональности количеству въ общесловянскую уже эпоху присоединилось и значит. качествен. отличіе, а именно измѣненіе по направленію къ *o* и *e*. Повидимому, это признаетъ и Фортунатовъ въ печатн. издан. «Лекцій по фонетикѣ старослав. яз.» 1888 г., говоря, что «*z* обозначаетъ очень краткое, т. е. ирраціональное *u* открытое или, что то же, *o* закрытое», а *z*... «очень краткое, т. е. ирраціональное *i* открытое или, что то же, *e* закрытое» (стр. 10).

водить фонетически къ -мъ весьма рискованно, и онѣ допускаютъ иное объясненіе. Прежде всего обратимъ вниманіе на степень распространенности ихъ во времени и пространствѣ. Въ древнерусской письменности онѣ встрѣчаются въ памятникахъ новгородскихъ¹⁾, псковскихъ и смоленско-полоцкихъ²⁾. Кромѣ указанныхъ примѣровъ изъ Новгородской лѣтописи, приведенныхъ раньше еще проф. Соболевскимъ³⁾, а раньше его А. А. Потебнею (Замѣтки о малор. нарѣч. въ Фил. Зап. 1870 и отдѣльно 1871), я могу указать еще въ Прологѣ Хлудовской б—ки № 187, имѣющемъ много общихъ съ Новгородскою лѣтописью сѣверныхъ діалектическихъ чертъ, также нѣсколько разъ ѣсме 11^а, 28^а (2 раза), 42^б, ѣсме 101^б; къ сожалѣнію, недостаточное изученіе этого интереснаго памятника мнѣ не позволяетъ рѣшить, встрѣчаются ли въ немъ еще какіе либо примѣры на -ме; въ «Крит. зам.» 94—95 акад. Ягичъ указалъ нѣсколько случаевъ ѣсме и есме въ новгородск. памятниковъ XIV в.; но вообще слѣдуетъ замѣтить, что, кромѣ указаннаго *проливаиме* да въ Словѣ о п. Игор. *мужаимься*³⁾, мы въ древнерусской письменности находимъ *ме* почти исключительно только въ ф. *есме*; только изъ Библии Скорины (Числа, 32) Соболевскій приводитъ аористическую форму *видехоме*. Въ болѣе позднихъ памятникахъ (XIV—XVII в.) мы находимъ вмѣсто -ме съ одной стороны -мя, съ другой -мъ или -ми (не слѣдуетъ съ послѣднимъ смѣшивать *есми* вм. *есмь* 1 л. ед.); и то и другое окончанія, несомнѣнно, восходятъ къ -ме (что *есмя* изъ *есме*, высказалъ уже Потебня, Замѣтки о малор. н., 18), причемъ первое характеристично для говоровъ съ широкимъ (открытымъ) произношеніемъ *e* (по терминологіи А. А. Шахматова, говоровъ α), второе для говоровъ съ узкимъ (закрытымъ) произношеніемъ *e* (говоровъ β); оба окончанія появляются уже въ XIV в.; но всѣ примѣры ограничиваются почти

¹⁾ И. В. Ягичъ указалъ *есме* уже въ праздн. минеѣ XI—XII в. (Критич. замѣтки по ист. р. яз., 94).

²⁾ А. И. Соболевскій, Лекціи по исторіи русскаго яз. ¹, 114. Еще раньше примѣры изъ тѣхъ же памятниковъ (грам. рижск. ок. 1300 г., гр. Витовта 1399 г. и др.) были указаны А. А. Потебнею (Замѣтки о малорус. нарѣч., 17—18).

³⁾ А. И. Соболевскій, *ibid.* Сравн. «Палеографическія особенности погибшей рукописи Слова о п. Игор.» И. И. Козловскаго съ прилож. изслѣдованія П. К. Симони объ Архивн. сп. Слова, М. 1890, стр. 41 (изъ XIII тома «Древностей» Моск. Археолог. Общ.): *мужаимься* (л. 32, строк. 300—301); Н. С. Тихонравовъ (Сл. о п. Игор., М. 1868, стр. 8) и А. А. Потебня (Сл. о п. Игор., Воронежъ, 1878, стр. 101) читали *мужаимься*, *мужьяимься*, т. е. считали *ь* или опискою вмѣсто *ъ* или искаженіемъ позднѣйшаго переписчика; послѣднее вѣроятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ любопытно, какъ сѣверозападная діалектическая черта, принадлежащая, можетъ быть, писцу погибшей рукописи XVI-го в.

формами *есма* (Двинск. рядн., спис. Арх. ком. Новгор. лѣт. XV в., гдѣ также и *есме* нѣск. разъ въ 1412 г. = *есмя* А. Т., и др.) съ одной и *есми* (Дух. новгор. 1360—89 г. и др.), *есмъ* (и *есми* во многихъ памятн. XVI—XVII в.) съ другой¹⁾; встрѣчается еще только *проливаима* въ Арх. сп. Новг. лѣт. подъ 1216 г. соотвѣтственно упомянутому *проливаиме* Синод. сп. (см. издан. Арх. ком. 1888 г., стр. 202)¹⁾. Такимъ образомъ, періодъ времени распространенія формъ 1 л. мн. ч. на *ме* и предполагающихъ ихъ *-мя* и *-ми* въ древнерусскомъ опредѣляется приблизительно XII—XVII столѣтіями, мѣсто появленія ихъ — пространствомъ отъ Сѣверной Двины до Западной, количество же глагольныхъ корней и основъ, принимающихъ это окончаніе въ изъявит. наклон., едва ли не ограничивается корнемъ существительнаго глагола *ес-*, и только въ повелительной формѣ *-ме* встрѣчается въ образованіяхъ и отъ другихъ корней. Что касается *видехоме* Библии Скоряны, то нельзя ли предположить здѣсь чехизмъ?²⁾

Изъ другихъ славянскихъ языковъ въ болгарскомъ (съ фонетическимъ измѣненіемъ конечнаго неударяем. *e* въ *i*), чешскомъ и словацкомъ въ большинствѣ ихъ говоронъ формы 1 л. мн. ч. на *ме* (*-me*) столь обычны не только отъ глагольн. корня *es-* (*сме, jsmе, sme*)³⁾, но и отъ другихъ глагольныхъ корней, что нельзя сомнѣваться въ существованіи особаго окончанія *-ме* (сравн. греч. *-μες, μεν*⁴⁾, литов. *me*)⁵⁾, унаслѣдованнаго отъ праязыка наряду съ окончаніями *-мз* (*-мы*, несомнѣнно, вторично изъ *-мз*) и *-мо*. Въ этихъ языкахъ незамѣтно его преимущественнаго употребленія въ формѣ повелит., и въ языкѣ чешскомъ формы съ *ме* обычны не только въ тѣхъ глаголахъ, которые въ 1 л. ед. ч. приняли заимствованное у нетематическихъ глаголовъ окончаніе *м*, но и въ тѣхъ, которые въ 1 л. ед. ч. имѣютъ *ц*, восходящее къ общеслов. *ж*, т. е. соединенію тематич. гласн. *о* съ какимъ то носовымъ призвукомъ⁶⁾. Обратимъ вниманіе на то, что въ болгарскомъ *-ме* является обычнымъ окончаніемъ 1 л. мн. ч. прошедшихъ временъ (*бѣхмѣ, нѣ-*

1) А. А. Шахматовъ, Изслѣдованія въ области рус. фон., 214.

2) Въ этомъ предположеніи со мной сошелся М. С. Дриновъ.

3) Т. Флоринскій, Лекціи по славянск. языкознанію, т. I, стр. 134 и проч., II, 167, 309.

4) G. Meyer, Griechische Grammatik (Leipzig, 1880), § 454 (стр. 356).

5) Р. Брандтъ, Грам. замѣтки, вып. I, 8; Kurschat, Gram. der littauisch. Spr. §§ 1050, 1055; Gebauer, Hist. mluvn., d. III, II, § 12.

6) Сравн. у Ф. Θ. Фортунатова, Нѣсколько страницъ изъ сравнит. грамматики индоевропейскихъ языковъ, М. 1875 г., стр. 13 и слѣд. (*-āp*, т. е. *-āp*, откуда *ōp*, *ō*, см. Разборъ соч. А. В. Попова въ Отчетѣ о 26-омъ присудж. Увар. нагр., стр. 18—19).

сохме, брахме и проч., Флоринск. I, 146, 149, 153), и хотя та-же форма настоящ. врем. принимаетъ *-ме* постоянно лишь въ глаголахъ, имѣющихъ окончаніе *-м* въ 1 л. ед. ч., однако появленіе его, кажется, возможно и въ другихъ глаголахъ, особенно въ старинныхъ памятникахъ XVII—XVIII в. (встрѣчающееся въ памятникахъ, часто употребляющихъ и вм. *e*, *-ми* правильно объясняется П. А. Лавровымъ изъ *-ме*)¹⁾; разумѣется, въ говорахъ западныхъ (напр. софійскомъ) и македонскихъ, гдѣ и въ 1 л. ед. ч. является окончаніе *м* общимъ для всѣхъ глаголовъ, *-ме* и теперь господствуетъ въ ф. 1 л. мн. ч. глаголовъ всѣхъ классовъ (Лавровъ, *ibid.*). Древность окончанія *-ме* и въ чешскомъ (псалт. Клемент. 1-ой полов. XIV в. и друг., Флоринск., Лекціи, ч. II, 167, Gebauer, *Histor. mluvn.* III d., II, § 12, стр. 20, о времени написанія памятника см. Gebauer, *Hist. mluvn.* I, 688) и особенно въ болгарскомъ (XII в.)²⁾, невѣроятность фонетическаго происхожденія его изъ *-мъ* въ чешскомъ вслѣдствіе необъяснимости удержанія слогового характера конечнымъ открытымъ *ъ*, еще бѣльшая невѣроятность такого происхожденія его въ словацкомъ, гдѣ *-ме* является и въ говорахъ, измѣнившихъ старое слоговое *ъ* въ *о*, слѣдовательно при такомъ объясненіи должно считаться въ нихъ заимствованнымъ изъ другихъ, измѣнившихъ *ъ* въ *e*³⁾, наконецъ несомнѣнная невозможность такого объясненія во всѣхъ говорахъ болгарскихъ, — все это говоритъ въ пользу предположенія, принимаемаго большинствомъ изслѣдователей, объ особомъ окончаніи *-ме*, независимомъ отъ *-мъ*, хотя и родственномъ съ нимъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли и сѣвернорусскія діалектическія формы отождествлять по окончанію съ болгарскими и чешско-словацкими, или видѣть въ нихъ особенное отъ послѣднихъ, лишь случайно совпавшее съ ними съ внѣшней

1) Обзоръ звуков. и формальн. особ. болгарск. яз., 197—198.

2) Охридск. апост.: *есме, имаме, ѡме, вѣруеме* (И. И. Срезневскій, Обзорѣніе древнихъ старослав. пам. югозап. юсов. п., 98), Болонск. псалт. Охридск. п. конца XII в.: *бѣхоме 253, есме 261* (*ibid.* 131); къ памятникамъ юсов. письма я обратился, благодаря совѣту М. С. Дринова. Сравн. также примѣры въ соч. Калины (*Studyja nad hist. jez. buġg.*, § 225) и у П. А. Лаврова (*Обзоръ...*, 197, примѣры изъ Макед. и Охрид. апост., Шестодн., Карп. еванг.).

3) То-же замѣчаніе приложимо и къ нѣкоторымъ изъ западно-малорусскихъ говоровъ, напр. къ говорамъ лемковъ и бойковъ въ западной Галиціи (А. А. Потебня, О звуковыхъ особен. русскихъ нарѣчій, приложение, § 10, Фил. Зап. 1865 г., стр. 155, 157), гдѣ *стѣаме* и т. п. (сравн. его же «Замѣтки о малорусск. нарѣчій», стр. 15), *вариме, косиме* при *їїдемо* (Ив. Верхратскій, Про говоръ Замішанців., стр. 29), или къ говорамъ угорорусскимъ, каковъ напр. говоръ мѣстечка Убли въ Земплинскомъ комитатѣ, описанный Олафомъ Брохомъ, гдѣ *hněteme, pasemě, mēteme, mŷjēteme* и т. д. (*Archiv f. slav. Philol.* XVII B., стр. 403—404).

стороны явленіе, я пока считаю не рѣшеннымъ еще болѣе, чѣмъ вопросъ о малорусскихъ формахъ на *-мо*. Последнее окончаніе 1 л. мн. ч., встрѣчающееся въ памятникахъ галицко-волинскихъ и западно-русскихъ съ XIV-го в.¹⁾, живетъ до сихъ поръ въ говорахъ малорусскихъ не только въ формахъ повелительныхъ, но и формахъ изъявит. наклоненія; хотя мы гораздо естественнѣе, т. е. не прибѣгая къ предположенію объ измѣненіи з въ ъ, какъ это приходится дѣлать относительно *-ме*, можемъ объяснять малорусское *-мо* изъ *-мз*, которое становилось слоговымъ и измѣнялось въ *мо* сначала, можетъ быть, лишь въ нѣкоторыхъ формахъ, напр. въ ф. существит. глагола *есмо* или въ формахъ повелительныхъ послѣ *і*, какъ *наливаймо*, *д'ілаймо* и т. п.²⁾, или въ формахъ изъяв. наклон. тѣхъ глаголовъ, которые имѣли удареніе на личномъ суффиксѣ въ общесловянскомъ языкѣ, какъ показываетъ сравненіе малорусскихъ *плетемо́*, *несемо́*, *мремо́*, *дамо́*, *јімо́*³⁾, *зостаемо́сь*⁴⁾ и т. п., бѣлорус. *дамо́*, *пмо́*, *свдзимо́* (Минск. губ. Слуцк. у., Карскій, Мат. для изуч. бѣлорусск. говор., № 5, стр. 5) съ сербск. штокавск. *плетѣмо*, *пеѣмо*, *мрѣмо*, *дамо*, *јѣмо*⁵⁾ съ восходящимъ удареніемъ на предпоследнемъ долгомъ слогѣ (сравн. и сѣверно-великорус. формы 2 л. мн. ч.

1) А. А. Потебня, Замѣтки о малорус. нарѣч., стр. 16—17; А. И. Соболевскій, Лекціи по ист. рус. яз. I, 114.

2) Сравн. морфологія слав. яз. Фр. Миклошича въ перев. Н. Шлякова подъ ред. Р. Брандта, вып. III, стр. 381, 383, 386, 389 (примѣч. Р. Ф. Брандта). Въ пользу этого говора бы появленіе *-мо* въ памятникахъ прежде всего именно въ подобныхъ формахъ (А. А. Потебня, *ibid.* 16), если бы можно было вѣрить Срезневскому (Свѣдѣн. и зам. о малоизв. пам., VI), что Волинск. спис. поуч. Ефрема Сир., въ которомъ онъ (*ibid.* стр. 49) и Потебня отмѣтили формы *поразумѣмо*, *работаймо*, относится къ концу XIII в., а не къ концу XV-го, какъ доказывалъ Соболевскій (Очерки изъ ист. рус. яз., 50, 56, Ж. М. Н. пр. 1883 г., № 5, стр. 71—72); мнѣ кажется, что, хотя нѣкоторыя особенности правописанія этого памятника говорятъ въ пользу мнѣнія Соболевскаго (формы съ ц.-слов. постановкой глухихъ послѣ плавн., напр. *умрътви* и т. п., Соболевскій, Оч. 56), однако другія, напр. употребленіе буквы *ы*, а не *ѣ*, говорятъ противъ него (сравн. его же собственное замѣчаніе объ употребленіи *ѣ* въ младшемъ полууставѣ, которымъ почти исключительно написаны рукописи половины XV вѣка, Южнослав. вліяніе на русскую письменность въ XIV—XV в., СПб., 1894, стр. 3—4); въ рецензії на 2-е изданіе «Древнихъ памяти. русск. п. и яз.» Срезневскаго Соболевскій основываетъ свое мнѣніе о вѣрности даты «семи тысячцѣ» (1492 г.) собственно на одномъ только приѣмѣ правописанія — написаніи въ серединѣ словъ *ѣ* вм. *ѣ* (Ж. М. Н. Пр. 1883 г., № 5, с. 72); возможно, что Ефр. Сир. относится по крайней мѣрѣ къ XIV в. Не безъ значенія, впрочемъ, что и въ болѣе позднихъ западнорусскихъ текстахъ *-мо* обыкнов. въ ф. повелит. (Е. Ф. Карскій, Западно-русскіе переводы псалтыри въ XV—XVII в., стр. 232—233).

3) Сравн. морфол., III, 371, 375 (примѣч. Р. Ф. Брандта).

4) Квитка, Малор. пов. I, 103 (Маруся).

5) Т. Флоринскій, Лекціи, I, 335—341; Ст. Новаковић, Српска грам., III, §§ 99—117.

спитѣ, несетѣ и т. п.)¹⁾, а затѣмъ уже обобщалось для всѣхъ формъ 1 л. мн. ч., тѣмъ не менѣе существованіе такого-же окончанія *-мо* въ сербскомъ и словѣнскомъ языкахъ, въ которыхъ нельзя *-мо* фонетически выводить изъ *-мъ*, склоняетъ насъ въ пользу возможности возведенія малорусскаго *-мо* къ общесловянскому *-мо*. Формы на *-мо* діалектически существуютъ и въ великорусскихъ говорахъ: *идѣмо* въ ситскомъ говорѣ (Колосов, Обзор зв. и ф. особ., 247, ссылка на Этнограф. Сборн. I, 71), при чемъ возможно, что и въ *знаема, дѣлаема* вышневолоцк. (ibid. 246 со ссылкой на Даля) *-ма* предполагаетъ *-мо* въ положеніи черезъ нѣсколько слоговъ послѣ ударенія, но въ виду того, что ситкари говорятъ также *идѣшо, идѣто, идутто* (ibid. 244, 246), и что въ говорахъ Новгородскаго уѣзда отмѣчены Колосовымъ и Далемъ формы 3 л. ед. ч. *идѣта, летита* («Замѣтки о языкѣ и народн. поэзіи въ области сѣверно-великор. нарѣч.», СПб. 1876 г., 26), нельзя сомнѣваться въ томъ, что формы эти на *-мо* и *-ма* не имѣютъ ближайшаго родства съ южнославянскими формами на *-мо* и возникли частію фонетически, частію въ силу какихъ либо морфологическихъ причинъ; замѣтимъ, что говорамъ Новгородской губ. Колосовъ приписываетъ всеобщее сохраненіе неударяемаго *о* («Замѣтки»...., 9), такъ что *идѣта* и т. п. согласнo его наблюденію не можетъ восходить къ *-то* и т. п., но этому противорѣчитъ новѣйшее сообщеніе Петровыхъ (А. А. Ш., Матер. для изуч. великор. говор., III, СПб. 1896 г., 75), что «акающій» говоръ распространенъ спорадически въ Демьянскомъ, Старорусскомъ, Валдайскомъ и Новгородскомъ уѣздахъ, встрѣчаясь въ качествѣ рѣдкихъ исключеній и въ другихъ уѣздахъ, напр. Устюжнскомъ; правда, что «московскій» говоръ за 20 лѣтъ могъ успѣть значительно распространиться въ предѣлахъ Новгородской губ., благодаря отхожимъ промысламъ и солдатчинѣ, но нельзя сомнѣваться, что и въ 70-хъ годахъ «акающія» вліянія не могли вполне отсутствовать; такимъ образомъ, я думаю, что какъ *-мо, -то, -шо* у ситкарей (Моложск. у. Яросл. губ.), такъ и *-ма* въ вышневолоцк., *-та* въ новгородскихъ говорахъ восходятъ одинаково къ *-мъ, -тѣ* (изъ болѣе древняго *-тъ*, можетъ быть, нефонетически), *-шъ* или *-шь*, только *-ма, -та, -ша* предполагаютъ болѣе древнія *-мо, -то, шо*²⁾.

¹⁾ А. А. Шахматовъ, Матеріалы для изуч. великор. гов., III, 79, 89 (Устюжна Новгор. г.), V, 203 (Арх. Онеж. у.). Проф. Р. Ф. Брандтъ (Грамм. замѣтки, вып. I, стр. 8) высказалъ сходное предположеніе, не предполагая, однако, окончанія ударенія въ формахъ 1 л. мн. ч. искони, а приписывая его вліянію акцентовки ф. 2 л. мн. ч.

²⁾ Сравни у А. А. Потебни «О звуков. особ. русск. нарѣчій», § 16, Филол. Зап. 1865,

Послѣ всего сказаннаго о формахъ 1 л. мн. ч. съ наставками *-ме* и *-мо* въ великорусскихъ говорахъ я не безъ нѣкотораго колебанія склоняюсь къ тому мнѣнію, которое ранѣе меня было высказано моимъ глубокоуважаемымъ учителемъ И. В. Ягичемъ (Крит. зам., 95—96), а именно, что онѣ нетождественны съ соотвѣтствующими имъ западно- и южно-славянскими, какъ, вѣроятно, нетождественна съ послѣдними и малорус. ф. на *-мо*, а представляютъ фонетическіе варианты при старомъ общесловянскомъ и общерусскомъ *-мз*¹⁾, обязанные своимъ существованіемъ временнымъ и мѣстнымъ, крайне ограниченнымъ окружающими условіями звуковымъ стремленіямъ измѣнять съ одной стороны конечный иррациональный гортаннолабиальный (з) звукъ въ такой же палатальный (ѳ), съ другой оба конечныхъ иррациональныхъ звука въ соотвѣтствующіе имъ полные (е и о). Являвшіяся позднѣе формы на *-мя* такъ относятся къ болѣе древнимъ *-ме*, какъ вышеволоцк. (*знае*)*ма* къ ситскому (*идзѣ*)*мо*.

Затронувъ формы 1 л. мн. ч., я считаю нелишнимъ упомянуть, что и другое отступленіе отъ общеслов. *-мз*, встрѣчающееся уже въ нѣкоторыхъ памятникахъ старословянскихъ (изрѣдка въ Зогр., Сав., часто въ Супрасл.

вып. I, стр. 74, «Замѣтки о малорус. нарѣч.», стр. 15 (А. А. указывалъ на стремленіе въ нѣкоторыхъ говор. сѣв. великор. замѣнять конечн. зв. з посредств. о). Сравн. также олоонецк. *есте*: *естѣ* у Ставра молодая-то жена, Рыбн. IV, 30 (Пудож. у.); силы у тебя *есте* съ два меня, Гильф. Он. б. I, 238 (№ 48, Пудога); не дружинуска тутъ *есте* хоробрая,— столько одна *есте* хлѣбоясть, Гильф. ib. 438 (№ 73, Кижн, Рябининъ); *ѣсте* и хозяйка дома, Петрозаводск. у. с. Муромля (А. А. Ш., Матер. для изуч. великор. гов. IV, № 30, Извѣстія О. р. яз. и сл. И. А. Н., т. II, 258). То же съ вариацией въ удареніи отмѣчено въ различныхъ говорахъ Новгородской губ.: съ одной стороны *естѣ* въ Эстьянахъ Новгор. у. и въ Вагдаѣ (Колосовъ), съ другой *ѣсте* (по Шевыреву) въ Боровичахъ (А. И. Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи, Жив. Стар. 1892, вып. II, стр. 10). Замѣчательно, что въ говорѣ пограничныхъ мѣстъ Крестецк. и Тихвинск. у. Новгородск. губ. въ ф. 3 л. ед. не только *естѣ*, но и *естѣ* (ibid. 11 на основ. замѣтокъ В. Н. Перетца); то же въ Устюжнѣ (ibid. по Колосову).

¹⁾ Я вслѣдъ за Ф. Θ. Фортунатовымъ (Удареніе въ прусскомъ яз., Рус. Фил. Вѣсти., 1895 г., стр. 15—16) считаю *-мз* правильно соотвѣтствующимъ латинскому *-miz* изъ *-moz*, т. е. восходящимъ къ индоевроп. *-*māz*, которое могло чередоваться съ *-*maz* (греч. *-μες*), при чемъ др. инд. *maz* могло бы восходить и къ тому и къ другому; не вижу необходимости прибѣгать къ построению *-*mam*, откуда *mām* (Р. Θ. Брандтъ, Грам. замѣтки, вып. I, стр. 9), такъ какъ конечн. *-āz* (*-oz*), повидимому, такъ же ослаблялось въ общеслов. эпоху въ **-īz*, **-zā* и затѣмъ *-z*, какъ конечн. *-ām* (*-om*) въ *-īm* -, **zā*, **z* носов. и затѣмъ *z*. Что касается *-мо*, то оно можетъ быть возведено къ основному *-mā*, какъ лит. *-те* къ основному *-та*, при чемъ славянск. *-ме* можетъ восходить или къ **-mā*, или къ *-*maz*, а др. инд. *-та* или къ **-mā*, или къ **-mā*.

сборн.)¹⁾, затѣмъ среднеболгарскихъ²⁾ и древнерусскихъ (примѣры у Соболевскаго, Потební и др.), извѣстное до сихъ поръ въ польскомъ яз., а именно окончаніе *-mъ*, въ которомъ нельзя не видѣть вмѣстѣ съ другими изслѣдователями осмысленія окончанія помощію сближенія его съ формой мѣстоименія личн. 1 л. мн. ч.³⁾, встрѣчается въ разбираемомъ нами памятникѣ въ формахъ двухъ глаголовъ: *кѣмъ* 191 (во 2-омъ поч.), *есмъ* 258, 259 (въ 3-емъ поч.), слѣдовательно тамъ, гдѣ всего естественнѣе ожидать увеличенія объема слова.

То же явленіе, что въ ф. 1 л. мн. ч. *есмъ*, я вижу и въ любопытной формѣ *четвергъ*: какъ *есмъ* относится къ *есмѣ*, такъ *четвергъ* (сравн. также эту форму въ продолженіи новгородской лѣт. по сп. Археогр. комиссіи подъ 1416 г., гдѣ она встрѣчается почти рядомъ съ формою *четвертокъ*, изд. 1888 г. стр. 403) къ предполагаемому **четвергѣ* или упомянутымъ выше (стр. 142) *остангке*, *вхе* и т. п. Существовала ли дѣйствительно въ живомъ языкѣ ф. **четвергѣ*, мы, конечно, на основаніи указанныхъ фактовъ рѣшить еще не имѣемъ права, но возможность ея несомнѣнна уже въ виду того, что здѣсь сохраненію слогового характера конечнаго иррациональнаго звука содѣйствовать могло, кромѣ стеченія согласныхъ, и удареніе, которое, какъ показываетъ согласіе русскихъ *четверто́к(ъ)*, *-тка́*⁴⁾ при *четвергá* (произнос. б. ч. *чѣт'вѣр'гá*) съ сербскими *четвѣртáк*, *тка* (В. С. Кар.), искони должно было находиться на флексивныхъ слогахъ, въ пользу чего говоритъ и *пято́к(ъ)*, *-тка́* = сербск. *пѣтак*, *-тка* (В. С. К.) и мн. др. подобн.⁵⁾ Колебаніе между формами *четвергъ*, которую я нашель уже въ памятникѣ XIII в., а именно въ «Вопрошан. Кирика» 520^d, 521^a. 19—20 (рукоп. Моск. Синод. б-ки)⁶⁾, и *четвертокъ* не прекратилось и до сихъ поръ, но я почти убѣжденъ, что господствующее въ литерат. языкѣ удареніе формы *четвѣр'гъ* (см. указ. къ «Рус. правопис.» ак. Грота) явилось гораздо позднѣе (въ среднерусск. говорахъ произнос. почти *чѣт'вѣр'гъ*)⁷⁾, чѣмъ самая форма, т. е. тогда, когда ф. эта стала почти двусложной, потерявъ и послѣдній остатокъ конечнаго слога; можетъ быть,

1) Osk. Wiedemann, Beiträge zur altbulgar. Conjugation, 8.

2) П. А. Лавровъ, Обзоръ зв. и форм. ос. болг. яз., 197.

3) А. А. Потební, Замѣтки о малор. нар., 17; Р. Брандтъ, Грам. замѣтки, I, 9.

4) См. указатель къ 9-му изд. «Русскаго правописанія» акад. Я. К. Грота.

5) Р. Брандтъ, Начертаніе славянской акцентологін, СПб. 1880, с. 277.

6) Для насъ важно, что памятникъ этотъ новгородскій (и вм. ч и обратно).

7) Сравн. и олонек. (Пт. Пв.) *четвѣрилъ* (Словарь Г. Куликовскаго).

такое удареніе раньше явилось въ области южновеликорусскихъ говоровъ, чѣмъ на сѣверѣ. Что касается *г* вм. *к*, то въ немъ я вижу результатъ прогрессивной ассимиляціи зв. *р*¹⁾, а въ мягкости *р* нынѣшняго великорусскаго и литературнаго произношенія съ развитіемъ послѣ него новаго ирраціон. звука въ ф. им. ед. слѣдствіе обратной ассимиляціи *г* мягкаго, такъ какъ въ первоначальномъ **четвертѣжѣ* (сравни. польск. *czwartek*) причины мягкости не было (*р* должно было отвердѣть подѣ влияніемъ слѣдующаго *тѣ*). Эта мягкость *р*, мнѣ кажется, говоритъ въ пользу реальности формы им. ед. четверь, такъ какъ слоги *гѣ*, *га*, *гу* и т. п. могли бы лишь задержать существовавшую раньше мягкость *р*, какъ въ словахъ *верьѣхъ* (польск. *wierzch*), *зѣрькало*, а не произвести еѣ вновь, какъ это доказываютъ случаи *торѣ* (польск. *targ*), *сморкѣть* (польск. *smarkać*) и т. п.; хотя смягченіе могло распространяться отъ тѣхъ формъ, которые, какъ мѣстн. ед. и им. вин. множ. во всякомъ случаѣ имѣли мягкое *г*, но едва ли ихъ влияніе могло быть столь сильно, чтобы побороть большинство; только ф. имен. ед. была способна это сдѣлать.

Обратное явленіе, т. е. измѣненіе *з* въ *г* въ конечномъ открытомъ слогѣ и связанное съ нимъ отвердѣніе предшествующаго согласнаго, находимъ въ особенности послѣ звука *м*, а именно въ формахъ твор. и мѣстн. пад. ед. ч. словъ муж. и средн. р. Приведемъ статистику случаевъ употребленія *-мѣ* и *-мѣ* въ различныхъ частяхъ нашего памятника. Въ части, написанной первымъ почеркомъ, при 116 случаяхъ *-мѣ* въ формахъ твор. ед. находимъ только 1 разъ *-мѣ* при переносѣ: (повеленіемъ) иропъльце|мѣ 27.2—з, при 79 случаяхъ *-мѣ* въ ф. мѣстнаго п. ед. ч. (всего чаще въ ф. томъ: томъ вечерѣ 1, томъ же лѣтѣ 7.4, 10, 10, 12, 13, 15, 18, 19, 22, 26, 28, 29, 32, 38 и мн. друг.) только 1 разъ *-мѣ*: томъ же лѣтѣ 34 и 3 случая тѣ же лѣтѣ 16, 17, 60. Во 2-ой части при 121 *-мѣ* въ ф. твор. ед. находимъ 29 разъ *-мѣ* въ слѣдующихъ примѣрахъ: вѣмъ 181, съ вѣрмъ 178.1, 16, вѣмъ 185, 199, голодомъ 165, городомъ 156, 171, нов—165, дворомъ 185 (сравни. дво|ромъ 199), съ дроугомъ 227, архипіомъ

¹⁾ Сравни. ситск. зерцало, а также любопытные случаи *г* вм. *к* послѣ гласныхъ, приводимые Колосовымъ (ежовина, клубина, чернина..., Обзор зв. и ф. ос., 173) изъ разныхъ говоровъ и извѣстные мнѣ по собственнымъ наблюденіямъ. Любопытна встрѣчающаяся въ Ипатск. лѣт. подѣ 1151 г. л. 311 (издан. стр. 301) ф. *четвержьный* и современ. олон. (Пг. Заон.) *четверѣжна соль* (Г. Куликовскій). Я исполнѣ согласенъ съ акад. Ягичемъ, что здѣсь не суффиксъ *гѣ*, и что *г* изъ *к* (см. «Крит. замѣтки», 65). Иначе Миклошичъ (Vergl. Gram. II, 280). Что зв. *р* способенъ измѣнять сосѣдніе незвонкіе согласные въ звонкіе, видно изъ случая регрессивнаго дѣйствія *р* въ дон. *зѣра* (Толков. слов. Дали) вм. *искра*.

219, изборомъ 168, ноцинымъ | (стожаникъмъ· пѣвниемъ) 211, съ поклономъ 168, 171, 209, полономъ 205—206, помъ 219, пълкомъ 185, 186, рождествомъ 227, своимъ 185 (сравни своимъ 199), серегерелмъ 166, силмъ 202 (т. е. *сзинзмъ* или *синомъ*), сѣверомъ 191, съ твърдиславомъ 181, тържжкомъ 165, црмъ 132; кромѣ того 1 р. подъ титлою: съ мьстиславѣ 197; въ ф. мѣстн. п. 33 -мъ при трехъ -мъ и пяти случаяхъ подъ титлою и одномъ безъ титлы съ пропускомъ ъ или з: въ *неревьскемъ* конци 181. 1, 204, на томъ 213, тѣ же (лѣ) 153, 183, 190, — (днѣ) 155, по сѣ 231, том же лѣ 231. Въ остальной части при 206 -мъ въ ф. твор. ед. 10 р. -мъ, изъ которыхъ три приходятся на послѣднiя страницы, написанныя позднѣйшими сравнительно съ 3-имъ почерками: великымъ 308, с вихромъ 301, со всѣмъ 268, за жилотоугомъ 298, мноствомъ 329, серегѣрьскимъ 249, стѣнемъ 305, за проценикомъ 337 (на послѣдней стран.), челомъ 336. 1, чело|мъ 336. 9—10, 5 р. -м: ксѣ 332, именѣ 241, (плачемъ) великѣ 327, с нѣ 277, шестенѣ 305; въ ф. мѣстн. ед. 28-мъ, 3-мъ: на торговомъ полоу 302, в томъ 333, при велико|мъ кнѣзѣ 335. 4—5 (въ записи о поновленiи церкви 1345 г.), 5 р. — м подъ титлою или безъ титлы¹⁾: в нем же 250, том же лѣ 239, 333, по тѣ 331, при нѣ 327. Такимъ образомъ наименьшее число случаевъ -мъ вм. мъ въ этихъ формахъ находимъ въ 1-омъ поч., наибольшее во второмъ; отношенiя таковы: въ 1-омъ поч. 195 : 2 : 3, во 2-омъ 154 : 32 : 7, въ 3-емъ и остальныхъ 234 : 13 : 10; отношенiя формъ отдѣльныхъ пад. слѣдующiя: 1) въ творит. пад.: въ 1-омъ поч. 116 : 1, во 2-омъ 121 : 29 : 1, въ 3-емъ и остальныхъ 206 : 10 : 5; 2) въ ф. мѣстн. ед.: 79 : 1 : 3 въ 1-омъ поч., 33 : 3 : 6 во 2-омъ поч., 28 : 3 : 5 въ 3-емъ и остальныхъ поч.; такимъ образомъ, только въ части 2-го поч. замѣчаемъ большее отношенiе отступленiй въ ф. твор. ед. сравнительно съ ф. мѣстн. ед., т. е. то, что, какъ увидимъ, наблюдается въ памятникахъ старословянскихъ. Въ нашемъ памятникѣ то-же явленiе наблюдается и въ единственномъ примѣрѣ ксмъ²⁾ 181, 16 (во 2-омъ поч.) въ ф. 1 л. ед. ч. наст. врем. Такъ какъ въ томъ-же па-

¹⁾ О чтенiи формъ съ пропущенной буквой послѣ м, конечно, нельзя сказать ничего опредѣленнаго и во всякомъ случаѣ ихъ нельзя причислять къ примѣрамъ съ ъ.

²⁾ Здѣсь ъ въ концѣ строки, а потому имѣетъ особую форму: вертикальная черта поднимается выше строки, а затѣмъ отъ нея идетъ влѣво горизонтальная черта, продолжающаяся и надъ буквою м (такое-же ъ на той же страницѣ въ концѣ строки 18-ой въ словѣ *сѣ*). Другой примѣръ такой формы 1 л. ед. ч. находимъ въ 3-емъ поч. въ словѣ *Ѡдамъ*. 268, 13 (въ концѣ строки съ выноскою буквы ъ надъ м).

мятникѣ мы нашли въ рѣдкихъ примѣрахъ обратное звуковое стремленіе, то ясно, что условія того и другого должны быть совершенно различны. Я думаю, что главная причина измѣненія ѡ въ з послѣ звука *м* заключается въ неслоговомъ характерѣ этого ѡ въ большинствѣ сочетаній, что и обусловливало распространеніе на него губного элемента предшествующаго согласнаго звука; это ясно изъ того, что, какъ скоро въ извѣстныхъ сочетаніяхъ ѡ принимало на себя удареніе и становилось слоговымъ, оно не измѣнялось въ з, напр. въ с.-великор. выраженіи (о)номѣдни, ономѣнни¹⁾ изъ *ономѣдѣни, сравн. сербск. *ономѣдне* В. С. К., по ударенію хотя не соотвѣтствующее в.-русскому, но получившее слоговое ѡ = *а* уже вслѣдствіе положенія его передъ неслоговымъ сочетаніемъ дѣ. Это стремленіе измѣнять неслоговой звукъ ѡ послѣ согласнаго *м* въ з замѣтно и въ говорахъ старословянскаго языка или по крайней мѣрѣ въ говорахъ южнославянскихъ переписчиковъ древнѣйшихъ старословянскихъ памятниковъ, какъ видно изъ отступленій въ пользу написанія *мз* вм. *мь* въ этихъ послѣднихъ. Между тѣмъ какъ Кіевскіе глаголическіе листки и Зографское Евангеліе замѣчательно точны въ употребленія *мь* въ формахъ творит. и мѣстн. ед. ч. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій и въ формахъ 1 л. ед. ч. наст. врем. извѣстныхъ глаголовъ, такъ что въ Зографск. Ев. И. В. Ягичъ отмѣтилъ лишь незначительныя отступленія²⁾ (*мз* въ двухъ примѣрахъ ф. твор. ед., одинъ изъ которыхъ повторяется, и въ одномъ ф. мѣстн. ед., а въ глагольныхъ формахъ безъ исключенія *мь*, кромѣ вставленныхъ позднѣе листовъ), въ Саввиной книгѣ, вообще не замѣняющей ѡ на з³⁾, кромѣ положенія послѣ шипящихъ и частію свистящихъ согласныхъ⁴⁾, въ разбираемыхъ нами случаяхъ пишется произвольно то *мь*, то *мз*, хотя и съ предпочтеніемъ ѡ; въ Маріинскомъ Ев. при многихъ *мь* въ ф. твор. ед. нерѣдко встрѣчается *мз*, при «рѣшительно преобладающемъ» *мь* въ предлжн. или мѣстн. п. ед. ч. иногда встрѣчается *мз*, гораздо чаще пишется

¹⁾ А. А. Ш., Матеріалы III, 87 (Устюжна Новгор. губ.), *ibid.* *ономьясь*. Сравн. южно-великор. *ономьясь* (тульск. и крапивенск. гов., стат. В. Благовѣщенскаго «Черты народнаго говора въ Тульскомъ и Крапивенскомъ уѣздахъ Тульской губ.», Рус. Фил. Вѣстн. 1883, X, стр. 33: *ономьясь*) изъ *ономѣдѣне-сѣ.

²⁾ Studien über das altslov. — glagol. Zographos — Evangel., 88—91, 93.

³⁾ Leskien, Handbuch der altbulg. Sprache², § 17, стр. 23 (русск. перев. 1890 г., стр. 22).

⁴⁾ В. Н. Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, Извѣстія Отдѣл. р. яз. И. Ак. Н., т. III, кн. 2 (1898 г.), стр. 452—458.

есмь, чѣмъ есмь, почти всегда имамь, дамь возлѣ болѣе частаго дамь¹⁾; въ Ассеман. ѝ и ѡ употребляются смѣшанно; въ Супрасл. сборн. сильно преобладаетъ ѝ (късмь почти правильно, дамь вполне правильно)²⁾; нѣчего говорить о такомъ памятникѣ, какъ Синайск. псалтырь, совсѣмъ не знающая разницы между неслоговыми ѝ и ѡ (Leskien, *ibid.* 23). Только Остромирово Еванг.³⁾ нѣсколько точнѣе другихъ памятниковъ, но и оно значительно уступаетъ Зографскому: 44 отступленія въ твор. пад., хотя въ мѣстномъ только одно⁴⁾, какъ и въ Зографскомъ, а при постоянномъ късмь, вѣмь, дамь, чѣмь, исповѣмь по разу встрѣчается вѣмь и дамь и исключительно пишется имамь (17 разъ) или имамь (11 разъ); отмѣчая послѣднее, М. Козловскій недоумѣвалъ, почему такая разница между имамь съ одной стороны и остальными глаголами съ другой; позволю себѣ предположить, что это могло зависѣть отъ объема слова и ударенія, которое въ *имамь* никогда не падало на суффиксъ (сравн. сербск. *имам* В. С. К.), между тѣмъ какъ късмь и другіе подобные съ односложными основами на согласный звукъ предполагаютъ удареніе на суффиксахъ⁵⁾, вслѣдствіе чего въ этихъ послѣднихъ глаголахъ ѡ долѣе могъ удерживать слоговой характеръ, хотя и утратилъ ударяемость, вѣроятно, еще въ общесловянскую эпоху, а слоговой характеръ препятствовалъ измѣненію въ ѡ. Этимъ же свойствомъ объясняю я и указанныя выше колебанія между *есмь* и *имамь* съ одной стороны и *дамь* съ другой въ Маріинск. Еванг.; если И. В. Ягичъ замѣтилъ, что *есмь* гораздо чаще, чѣмъ *есмь*, а *дамь* чаще, чѣмъ *дамь*, то въ этомъ я усматриваю то обстоятельство, что для висца серба въ первомъ случаѣ уже начиналъ развиваться паразитный глухой гласный между *с* и *м*, который и перетягивалъ на себя всю силу слога, тогда какъ во второмъ случаѣ такого элемента, уничтожающаго слоговой характеръ конечнаго ѡ, не было; въ связи съ этимъ находится любопытный примѣръ, указывающій на «*vis latens*» звука ѡ, приводимый

1) И. В. Ягичъ, Маріинское Четвероевангеліе, 430—431, 426.

2) Leskien, *ibid.* 24 (рус. пер. 23).

3) М. Козловскій, О языкѣ Остромир. Еванг., 40.

4) На то обстоятельство, что *мъ* вм. *мь* въ ст. слов. памятникахъ въ твор. ед. встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ въ ф. мѣстн. ед., обратилъ вниманіе Ф. Ф. Fortunatovъ, который объясняетъ эту разницу исконной разницей въ суффиксахъ и темахъ.

5) Сравн. стар. литовск. *esmi* (Kurschatt, *Wörterb. d. lit. Spr.*), а съ другой стороны въ области словянской удареніе формъ другихъ лицъ: сербск. *jěsi*, *jěst(e)*, *jěsmo*, *jěste*, *dāmo*, *dāte*, *jěmo* и т. д., сравн. выше. По ударенію сербское *jěste* тождественно съ сѣв. великор. *естѣ* (сравн. выше).

И. В. Ягичемъ, а именно: азъ ками прѣдали и, что нѣсколько напоминаетъ наше *ономѣдни*.

Изъ характеристики старословянскихъ памятниковъ по отношенію къ занимающему насъ явленію можно сдѣлать тотъ выводъ, что большинство ихъ уже указываетъ на произношеніе, близкое къ *мз*, вмѣсто этимологическаго *м* въ неслоговомъ независимомъ положеніи, но можно сдѣлать и другой, а именно, что большинство ихъ отражаетъ уже общее смѣшеніе неслоговыхъ *з* и *ь* въ одномъ среднемъ звукѣ независимо отъ предшествующаго согласнаго въ языкѣ переписчиковъ; во всякомъ случаѣ то или другое рѣшеніе вопроса зависитъ отъ детальнаго изслѣдованія употребленія *з* и *ь* въ каждомъ отдѣльномъ памятникѣ, и, конечно, такіе памятники, какъ Саввина книга, теперь подвергающаяся подробному изученію въ прекрасномъ изслѣдованіи В. Н. Щепкина¹⁾, очевидно, знающіе разницу между *з* и *ь*, дадутъ много для рѣшенія вопроса о лабиализаціи, однимъ изъ проявленій которой въ письменности, несомнѣнно, можетъ быть названо употребленіе *з* вмѣсто *ь*. Конечно, лабиализація, т. е. губная артикуляція звука *ь* еще не дѣлаетъ изъ него звука *з*, такъ какъ для полнаго обращенія *ь* въ *з* нужно устранишь еще небный элементъ, иначе говоря, губная артикуляція обращаетъ лишь *ь* (ирраціональное *ʒ*) въ ирраціональное *ʒ̥*, а не въ ирраціональное *z*, которое мы разумѣемъ въ идеѣ подъ общесловянскимъ *з*; но ясно, что лабиализованное *ь*, т. е. ирраціональный небо-губной звукъ, уже очень близко къ *з*, т. е. ирраціональному гортанно-губному звуку, при чемъ не всегда можно рѣшить, что разумѣть подъ буквою *з* въ памятникахъ, такъ какъ само собою ясно, что въ разныя времена въ различныхъ говорахъ и въ различныхъ комбинаторныхъ условіяхъ являлись безчисленныя и самыя разнообразныя отступленія отъ выводимаго нами теоретически отвлеченнаго представленія объ общесловянскомъ звукѣ *з*, а съ другой стороны подъ одною и тою же буквою въ одномъ и томъ-же памятникѣ могутъ скрываться хотя и близкіе, но далеко не тождественные звуки; такимъ образомъ, если въ памятникѣ мы находимъ написаніе *-мз* вмѣсто *-мь*, мы имѣемъ основаніе говорить лишь о приближеніи въ языкѣ звукового сочетанія *-мь* къ звуковому сочетанію *-мз* въ извѣстныхъ строго опредѣленныхъ условіяхъ, вопросъ же о тождествѣ остается для насъ открытымъ.

¹⁾ Сравни. Извѣстія Отдѣл. р. яз. и слов. И. Ак. Н., 1898 г., т. III, кн. 2, стр. 452 и слѣд.

Разбирая взаимныя отношенія и измѣненія гласныхъ звуковъ, мы и въ данномъ случаѣ, какъ и почти вездѣ, не можемъ обойти вопросовъ консонантизма, такъ какъ взаимное вліяніе гласныхъ и согласныхъ звуковъ сказывается на каждомъ шагу. Въ такихъ говорахъ, какъ русскіе и польскіе, и въ исторіи своей и до сихъ поръ строго различающіе, хотя и неодинаково, рефлексы старыхъ *з* и *ь*, отсутствіе небности *м* въ разбираемыхъ нами случаяхъ, которое едва ли можетъ быть приписано дѣйствию какихъ либо аналогій (не могли же формы дат. множ. и 1 л. множ. наст. вр. уподоблять себѣ формы твор. и мѣстн. ед. ч. и 1 л. ед., такъ какъ слѣдствіемъ такого смѣшенія являлось извѣстнаго рода неудобство), не можетъ быть объясняемо иначе, какъ слѣдствіемъ измѣненія *ь* въ *з* подъ ассимилирующимъ вліяніемъ предшествующаго *м*. Что губной элементъ согласнаго дѣйствовалъ ассимилирующимъ образомъ на слѣдующій гласный, что это дѣйствіе на гласный ирраціональный должно быть сильнѣе, чѣмъ на гласный полнаго образованія, это теоретически вполне понятно, какъ вполне ясно и то, что должна быть разница въ дѣйствіи отдѣльныхъ губныхъ звуковъ; но эти теоретическія соображенія должны быть проверены и подтверждены явленіями, дѣйствительно наблюдаемыми въ говорахъ, тѣмъ болѣе, что прогрессивная ассимиляція, каковую предполагаемъ здѣсь, наблюдается вообще рѣже, чѣмъ регрессивная. Русскіе говоры представляютъ намъ слѣдующее. Что касается *-мь* → *мъ* → *м'*, то вездѣ, гдѣ оно не поддерживалось какими либо аналогіями, оно въ сравнительно независимомъ положеніи (т. е. въ концѣ словъ сравнительно съ положеніемъ внутри словъ) перешло едва ли не во всѣхъ не только малорусскихъ, но и великорусскихъ говорахъ въ *мз* → *м* твердое; таковы всѣ разбираемыя нами формы (твор. и мѣстн. ед., 1 л. ед. наст. вр.), кажется, нигдѣ не имѣющія мягкаго *м*, такъ какъ никакая аналогія не могла задержать его¹⁾; если же во многихъ великорусскихъ говорахъ слышится произношеніе *бз'им'* (бзимь), *т'ем'* (темь въ значеніи «темнота»), то здѣсь дѣйствовали съ одной стороны вліяніе формъ косвенныхъ пад. и множ. ч., гдѣ *м* приходилось передъ старыми полными гласными или ихъ наслѣдниками, съ другой аналогія большинства существительныхъ женск. р. на *ь*; если мы слышимъ и говоримъ *с'ем'* (= 7), *вѣс'ем'* или *вѣс'ьм'* (8), то здѣсь опять

¹⁾ Для русскаго яз. и въ частности для новгородскаго нарѣчія болѣе ранніе, чѣмъ у насъ, примѣры приведены пр. Соболевскимъ изъ Милитина Еванг. 1215 г. (Лекціи I, стр. 85).

мягкое *м* мы можемъ объяснить вліяніемъ формы *с'ем'и*, *вос'м'и*, а съ другой стороны аналогіей *пят'*, *дѣсят'* и т. д.; то же объясненіе примѣнимо къ глагольнымъ формамъ повелительнымъ на *мь* → *м'* изъ болѣе древняго *ми*, къ нарѣчіямъ, какъ *впрямь* и т. д. Такимъ образомъ въ этой группѣ средне-русскихъ говоровъ старое *м'* отвердѣло только въ рефлексахъ независимаго сочетанія *мъ*, между тѣмъ какъ въ большинствѣ малорусскихъ¹⁾ говоровъ мы встрѣчаемъ общую твердость губныхъ во всѣхъ положеніяхъ (въ украинскихъ говорахъ даже *пзят'* и т. п., не говоря объ обычныхъ сочетаніяхъ съ гласными *е* и *и*, не смягчающими и другіе согласные; только въ сочетаніяхъ съ *і* изъ *п* и *о*, повидимому, и губные до нѣкоторой степени мягки), а въ бѣлорусскихъ²⁾ по крайней мѣрѣ въ рефлексахъ старыхъ сочетаній съ *ь* изъ этимологич. *ь* или изъ этимологич. *и*: въ бѣлорусскихъ гов. Могилевской, Минской, Виленской, Ковенской³⁾ губ. отмѣчены: *бзю*, *пзю*, *ѳю*, *симзѣми*, *семъ*, *сѣмзѣми*, *рѣбзѣя*, *голубз*, *голубз*, *галубз* Новоалекс. Ков. губ., *сыпз*, *кроѳ* и т. п., но при этомъ въ Сѣвн., Орш. и Могил. у. Могил. г. и Новоалекс. Ковенск. г. отмѣчается *пзѣцъ*, *мѣса*, *мясо* и т. п., а въ Слуцк. и Мозырск. у. Минск. г. *пзѣцъ*, *мѣса* и т. д., что, кажется, свойственно только южной полосѣ бѣлорусскихъ говоровъ, составляющей естественный переходъ къ малорусскимъ, сравн. въ Пинск. у. Минской губ. не только *семз*, *восемз*, *сыпз*, *голубз*, *бзю*, *взю*, *пзю*, но и *мѣса*, *пзѣцъ* и даже *мадзенѣя*, т. е. * *мѣдзяныя*, *мажѣ*, т. е. * *межѣ*, *адъ манѣ*, т. е. * *отъ менѣ*, *зъ макѣной* т. е. * *съ макѣной*, *барѣ* (т. е. берѣтъ), *васѣле*⁴⁾ (веселье) и т. п., хотя я не понимаю, почему въ томъ же говорѣ *вѣтю*, *Дземяна*, *сово*, см. *ibid*. Твердость конечныхъ губныхъ, рефлексахъ старыхъ сочетаній ихъ съ конечнымъ неслоговымъ *ь* изъ этимолог. *ь* или изъ позднѣе сократившагося *и*, отмѣчена также во многихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ и въ югозападной, прилегающей къ малорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ, части южно-велико-

¹⁾ Потебня, О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій, § 39, отд. 5, Фил. Зап. 1865 г., стр. 131. Сравн. Колосов, Обзор звук. и форм. особ. нар. рус. яз., 149; Соболевскій, Лекціи¹, 85.

²⁾ Е. Ѳ. Карскій, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорус. рѣчи, §§ 146—147; сравн. также издаваемые имъ «Матеріалы для изученія бѣлорус. говоровъ» I, 4 (Извѣстія Отдѣл. р. яз. и слов. И. А. Н., т. II, стр. 567, 570), II, 5, стр. 2 и др. (приложеніе къ III т. «Извѣстій»). Уже у Скорины *седмз*, *осмз*, *кросз*, *голубз*, Соболевскій, Лекціи¹, 85, въ Познанск. сборн. к. XV в. *кросз*, *ibid*.

³⁾ *Ibid*. II, кромѣ указанныхъ, № 10, стр. 42, № 11, стр. 54, 57.

⁴⁾ Матеріалы для изуч. сѣв.-малорусск. гов., а также переходныхъ отъ бѣлор. къ малор., издав. Е. Карскимъ, прил. къ Изв. II Отд. И. А. Н. т. III (1898), стр. 4—5.

русскихъ, такъ что съ одной стороны во многихъ сѣверно-великорусскихъ, какъ и въ восточной части южно-великорусскихъ, согласно съ средне-русскими говорами, легшими въ основу литературнаго языка, слышится произношеніе *крофь*, *любофь*, *семь*, *голуь* (Онежск. у. Арханг. губ.¹⁾), Буйск. у. Костромск. губ., въ Шуфъ и Покровск. у. Владим. губ.)²⁾, при которыхъ также частію *дефьки*, *лафьки*, *шаньки* (Влад. губ.), частію только *дефьки*, но *лафки*, *шанки* (Онежск. Арх. губ.), частію *дѣфки*, *лафки*, *шанки* (Буйск. Костр. губ.), съ другой стороны въ говорахъ Псковской (Новоржевск. и Островск. у.), Олонецкой (Олонецк., Петрозаводск. и Вытегорск. у.), Новгородской (Новгородск., Крестецкаго, Тихвинскаго и Устюжск. у.), Вологодской (Кадник. у.) и Вятской (Котельничск., Малмыжск. и Орловск. у.) губ. отмѣчено твердое произношеніе конечныхъ губныхъ: *крофзъ*, *любофзъ*, *озимзъ*, *семзъ*, *восемзъ*, *пролузъ*, *голузъ*, *цѣнзъ*, (вм. *цѣнь*)³⁾, при чемъ въ большинствѣ изъ нихъ губные остались тверды и въ положеніи передъ слѣдующимъ мягкимъ *к* и только въ Устюжскомъ и Новгородск. у. Новгородск. губ. и Малмыжск. Вятск. губ. являются въ этомъ, зависимомъ отъ слѣдующаго зв., положеніи мягкіе губные (*лафьки*, *дефьки*, *дифьки*, *шаньки*)⁴⁾, а въ Вытегорскомъ у. Олонецкой губ., с. Ежезерѣ, при твердыхъ губныхъ передъ слѣдующимъ небнымъ *к* слышится, однако, *дерезня*⁵⁾, въ Грязовецк. у. Вологодск. губ. при *крофзъ*, *любофзъ*, *семзъ*, *шанки*, *лафки*, *дефки*, однако *пролуь*, *голуь*⁶⁾. Изъ южновеликорусскихъ говоровъ мнѣ извѣстна твер-

¹⁾ Матер. для изуч. великор. гов. V, № 41, стр. 203.

²⁾ Матер. для изуч. великор. гов. I, № 18, стр. 17, *ibid.* № 10, стр. 6, II, № 19, стр. 22 (срав. также Тобол. г., *ibid.* № 21, стр. 28, Алат. Сиб. г. № 32, IV, стр. 275 и др.).

³⁾ А. А. Ш., Матеріалы для изученія великор. гов., I, № 13, стр. 10—11, III, № 26, стр. 63, № 25, стр. 51, IV, № 29, 238, № 30, 252 (Извѣстія, т. II, кн. 1, 1897 г.), V, № 33, стр. 151, № 34, 156, № 35, стр. 162, № 37, стр. 179, № 39, 193. А. И. Соболевскій, Очеркъ русской діалектологіи, Жив. Стар. 1892, в. II, стр. 11 (замѣчательно, что въ говорѣ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у., характеризуемомъ на основаніи замѣтокъ В. Н. Перетца, хотя при *любофь* въ ф. род. является *любова*, при *цѣпъ* *цѣпи*, въ словахъ муж. р. все склоненіе становится твердымъ: *гдлуь* *гдлуба*; замѣчательно также, что, не смотря на измѣненіе конечнаго *в* въ *ф*, передъ звонкими согласными *в = у*: *удова*, *ноуго-роцькой*; то же *у* изъ *в* отмѣчено Шевыревымъ въ кирилловскомъ гов. Новгор. губ.: *дѣука*, *пиуко*, Соболевск. *ibid.* 11; сравн. въ Синод. сп. Новг. л. оуторѣи 214, старъ 219, до⁸моитомъ 285. 14—15 и нѣт. друг.). Въ ф. повел. Гильфердингъ (Онеж. б. 1, 293, № 54) отмѣтилъ *остаь* (Пудога, Прохоровъ). Форма *долосъ* въ новгородскомъ нарѣч. можетъ быть засвидѣтельствована въ нач. XV в. (Новгор. лѣт. подъ 1412 г. по сп. Арх. ком. XV в., изд. арх. к. 1888 г., стр. 400).

⁴⁾ Матер. для изуч. вел. г. III, № 28, стр. 88, II, № 20, стр. 25, V, № 38, 189.

⁵⁾ *Ibid.* II, № 22, стр. 39—40.

⁶⁾ *Ibid.* V, № 36, стр. 171.

дость конечныхъ губныхъ въ слѣдующихъ: въ мещовскомъ гов. (Калужской г.)¹⁾ *любовѣ, вобуѣ, дробѣ, рубѣ, семѣ, обѣ земѣ, на земѣ*, формы повелит. *гатовѣ, избавѣ, попраѣ*, не упрягся, *сыгѣ*, при чемъ также въ комбинаторныхъ условіяхъ: *дѣвѣ* или *дѣѣ*, *деревнѣ*, *землю*, *щевѣ*; въ говорѣ «саяновъ» (въ Суджанскомъ у. Курск. г.) отмѣчено *голуб*, *снадѣбѣ*, *бѣтъ* (М. Г. Халанскій, Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго яз., III, Р. Ф. В. 1889 г., т. XXI, стр. 109, 111, 115); въ щигровскомъ гов. Курской губ. *голу*²⁾, *кровѣ*³⁾ (по матеріаламъ, записаннымъ въ Р. Ф. В. 1879 г., и описанію говора *ibid.* № 2, сдѣланному проф. М. Г. Халанскимъ); въ нѣкоторыхъ говорахъ Бѣлевскаго уѣзда Тульской губ. мы также находимъ отмѣченными формы *голу*, у *голуба*, ушли *ѣ стѣн*, при чемъ послѣднее и у «полѣховъ» Козельскаго у. Калуж. губ.⁴⁾; въ говорѣ села Мананокъ Бѣлевскаго у. Тульск. г., описанномъ проф. Е. Θ. Будде, повидимому, общему отвердѣнію подвергся только рефлексъ сочетанія *вѣ*, измѣнившася здѣсь въ *ѣ* въ противоположность неслоговому *ѣ* съ небнымъ отгнкомъ, изображаемому профессоромъ Будде черезъ *ѣ* и слышному, по его словамъ, въ другихъ говорахъ Тульской губ., такъ что при *кроѣ*, *дырѣѣ*, *чатѣѣ* слышенъ звукъ *м* въ *сѣмѣ* и *восѣмѣ* и въ *зѣмѣлю*⁵⁾; подвигаясь далѣе на востокъ, въ говорахъ Рязанской губ. мы находимъ въ рефлексахъ всѣхъ сочетаній губныхъ съ неслогов. *ѣ*, кажется, преимущественно мягкіе звуки: *сѣмѣ*, *восѣмѣ*, *жѣмѣ* (= ямки), *зѣмѣскѣму*, *дѣѣмѣ*, *лѣѣмѣ* (въ Спасек. и Касимовск. у. Рязанской г.)⁶⁾, *голуѣ*, у *голубѣ*, у *галуѣ* (Скопин. у.)⁷⁾, при чемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ Касимовск. у. мягкое *ѣ*, не измѣняясь въ мягкое *ѣ*, измѣняется въ *ж*, вѣроятно, черезъ посредство *ѣ* въ *ѣ*⁸⁾, которое и является вмѣсто мягкаго *ѣ* передъ гласными: *кроѣ* (= кровь), *сѣкрѣѣ*, *сѣкрѣѣ*, *дѣѣ*, но *ѣдрѣ* (= вѣдрѣ), кото-

1) *Ibid.* № 41¹, стр. 228—229.

2) Рус. Нар. пѣсни, запис. въ Щигровск. у. Курской г. М. Халанскимъ, №№ 6 и 9, Р. Ф. В. 1883, X, 124, 126.

3) Соболевскій, Очеркъ р. д., Ж. Ст. 1892, I, стр. 17.

4) Е. Θ. Будде, О нѣкоторыхъ народн. говорахъ въ Тульск. и Калужск. губ., Извѣстія III (1898), 846.

5) *Ibid.* 828, 831, 834, 835.

6) Е. Θ. Будде, Къ исторіи великор. гов., 173. Та же мягкость уже около Тулы: *караѣ*, *любоѣ* (Соболевскій, Жив. Стар. 1892 г., в. I, 15).

7) Е. Θ. Будде, Къ діалектологіи великор. нарѣчій, изслѣдов. особ. Рязанск. говора, 162, 163.

8) А. А. Шахматовъ, Критич. отзывъ о соч. Е. Будде «Къ ист. великор. гов.», стр. 47 (отд. отт. изъ Отчета о прис. Ломонос. прем. въ 1897 г.).

рое изслѣдователь изображаетъ иначе ў адрб¹⁾, предлагая для того же, по-видимому, звука въ говорахъ Тульской губ. въ другомъ своемъ трудѣ болѣе удачное начертаніе Ѣ (сравн. выше); только въ с. Нармушади Касим. у.²⁾ находимъ *далб*, *дамб*, которыя, несомнѣнно, согласно съ мнѣніемъ проф. Будде слѣдуетъ объяснять изъ **далбѣ*, **дамбѣ*³⁾, а послѣднія изъ **долосъ*, **домосъ*, восходящихъ въ свою очередь къ *долосъ*, *домосъ*; эти два исключенія особенно любопытны потому, что въ томъ же говорѣ ў Растѣји, а въ сосѣднихъ любѣји, крѣји при имен. любѣј, крој, свякрѣј (при свякрѣхъ въ другомъ) говорѣ, хотя къ этимъ двумъ рѣдкимъ свидѣтельствамъ отвердѣнія конечнаго *в* нужно прибавить еще свякрѣѣ⁴⁾, такъ что одно и то же слово встрѣчается въ трехъ близкихъ между собою говорахъ въ трехъ различныхъ формахъ—съ ѣ изъ *ос*, происшедшаго изъ *ос*, съ *ј* изъ *ос* и съ *х* изъ *ф*⁵⁾, происшедш. изъ *в*. Это отступленіе въ область русской діалектологіи я счелъ необходимымъ для того, чтобы показать, что значительная часть русскихъ говоровъ, въ общемъ не утратившая разницы между рефlekсами *з* и *ь*, свидѣтельствуегъ объ отвердѣніи губныхъ въ рефlekсахъ даже тѣхъ независимыхъ сочетаній губныхъ съ слѣдующимъ *ь*, которыя могли бы удержатъ мягкость, благодаря аналогіи или вліянію другихъ родственныхъ формъ. Любопытно обратить вниманіе также на то, какъ относятся къ этому явленію тѣ изъ словянскихъ нарѣчій, которыя во первыхъ знаютъ разницу въ рефlekсахъ старыхъ *з* и *ь*, во вторыхъ различаютъ мягкіе и твердые губные въ сочетаніяхъ съ гласными. Въ польскомъ яз., хотя діалектически сохраняется еще мягкость въ рефlekсахъ старыхъ сочетаній губныхъ съ неслогов. *ь* изъ этимол. *ь* или *і*, такъ что возможны формы *krew*, *mów* (повел. ф.), *drob*, *gołąb*, *karm*, *łap*, *traf*, однако въ литературномъ яз. мягкость уже утратилась: *krew*, *zbaw* (*zbaw*), *gołąb* (*gołap*)⁵⁾ и т. п. Напротивъ, въ обоихъ лужицкихъ нарѣчійхъ мягкость въ такомъ положеніи удерживается: в. луж. *krew* = *krej*, *domoj*, *hołb*, *konop*⁶⁾,

¹⁾ Будде, Къ истор. в. г., 151.

²⁾ Ibid. 147—149 (м. б., случайно *только* въ этомъ селѣ отмѣчены эти формы).

³⁾ Формъ, какъ извѣстно, и теперь живущихъ въ бѣлорусскихъ говорахъ (Е. Ѳ. Карскій, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, § 107).

⁴⁾ Будде, Къ истор. в. гов., 148, 125, 159. Замѣтимъ, что, по мнѣнію проф. Будде, касимовскіе говоры первоначально принадлежали къ области сѣв. великор. (ibid. 330).

⁵⁾ Miklosich, V. Gram. I, 542.

⁶⁾ Miklos. ibid. 564. Особенно любопытно в.-лужицкое и нижнелужицкое измѣненіе *ос* въ *ј*: формы *domoj*, *dojoj* не только по значенію, но и этимологически тождественны съ великорусскими и литературными *домой*, *домой*, а формы *krej* (н. л. *křej*), *morchej* (н. л. *mařchej*) и т. п. по своимъ окончаніямъ находятъ аналогіи въ великорус. говорахъ.

н. луж. *kšew'* (діалект.) и *kšej*, *cerkej*, *panej*, *domoj*, *dołoj*, *žogaj* (сравн. польск. *żóraw*, ср. великор. *жура́ва*, -*ава*, ю. вр. *журавѣл*¹⁾), сѣв. великор. *жарáва*, *жура́ва*²⁾), *gołub'*, *gólb'*, *řep* — *rückgrat*, хребетъ (п. *řazř* *caulis caudae*, сравн. сербск. *реп* В. С. К.) и т. п.³⁾); только *m* въ числительныхъ формахъ в. луж. *sydom*, *sydem*, *sedm*, *wósom*, *wósm*, н. луж. *sedum*, *sedem*, *sedm*, *wósum*, *wósm*⁴⁾), какъ и въ польскихъ *sedm*, *ósm*, является твердымъ. Я уже считаю общеизвѣстнымъ, что конечное *m* является твердымъ во всѣхъ этихъ языкахъ вмѣстѣ съ русскимъ во всѣхъ тѣхъ формахъ, которыя были исходною точкой нашей экскурсіи въ область русской и частию западнословянской діалектологіи. Эта большая распространенность твердаго конечнаго *m* въ качествѣ рефлекса сочетанія *мь* сравнительно съ твердостью другихъ конечныхъ губныхъ вмѣсто ожидаемыхъ мягкихъ свидѣтельствуешь, мнѣ кажется, въ пользу бóльшей древности именно твердаго *m* изъ независимаго сочетанія *мь*, чѣмъ твердости всѣхъ остальныхъ губныхъ, діалектически являющейся изъ подобныхъ сочетаній ихъ съ *ь*. Если бы не было свидѣтельства старословянскихъ памятниковъ о различеніи *мь* отъ *мз* въ извѣстныхъ ф., а также и замѣчательной точности нашего Синодальнаго списка Новгородск. лѣтописи, только во 2-ой своей части представляющаго много отступленій, я бы склоненъ былъ отнести измѣненіе конечнаго сочетанія *-мь* въ сочетаніе *-мз* ко времени діалектовъ общесловянскаго яз.; но, во всякомъ случаѣ, начало его по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ формахъ (особенно ф. творит. ед. и формахъ нѣкоторыхъ глаголовъ въ 1 л. ед. ч. въ противоположность формѣ мѣстн. ед.) можетъ относиться къ весьма древнему времени, а именно къ тому, когда еще гласность *з* и *ь* чувствовалась и въ неслоговыхъ положеніяхъ довольно значительно; въ пользу такой древности говорить, мнѣ кажется, согласіе именно въ этомъ пунктѣ всѣхъ словянскихъ нарѣчій; такъ какъ, однако, памятники намъ не позволяютъ отнести полную утрату окончанія *-мь* или его рефлекса *м* и замѣну ихъ окончаніемъ *мз* и его рефлексомъ *м* къ общесловянскому времени, то я считаю возможнымъ предположить по крайней мѣрѣ существованіе при *-мь* окончанія *-мз*, фонетически развившагося изъ *мь* при извѣстныхъ, крайне

1) См. Словарь русск. яз., издав. Отдѣл. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., 2-го т. вып. второй в. в.

2) Арханг. и олонек. (см. словари А. Подвысоцкаго и Г. Куликовскаго).

3) К. Е. Mucke, *Histor. u. vergl. Laut—u. Formenlehre der niedersorb. (nieder-laus.-wend.) Spr.*, §§ 88 и 134. Miklos., *Vergl. Gr. I*, 576—577.

4) Mucke, *ibid.* § 212.

ограниченныхъ, условіяхъ, еще въ эпоху не обособившихся вполне словянскихъ нарѣчій, при чемъ это *мз* могло поддерживаться и вліяніемъ формъ дат. пад., хотя однимъ этимъ вліяніемъ безъ фонетическихъ причинъ объяснить его я считаю рѣшительно невозможнымъ. Такъ какъ образованіе неслоговыхъ *з* и *ь* въ конечныхъ слогахъ не вездѣ, а при извѣстныхъ спеціальныхъ условіяхъ, необходимо отнести къ общесловянскому времени, то возможно, что *мз* вм. *мь* появлялось, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ, каждый разъ тогда, когда *мь* подвергалось наибольшей редукціи, а это зависѣло отъ окружающихъ звуковъ, отъ ударенія и отъ положенія слова въ рѣчи; я уже пытался такое объясненіе примѣнить къ нѣкоторымъ формамъ старословянскихъ памятниковъ (сравн. лекція Ф. Θ. Фортунатова по фонетикѣ старосл. яз., с. 209—213). А. А. Шахматовъ¹⁾ сдѣлалъ интересную попытку примѣнить подобную точку зрѣнія къ языку новгородскихъ грамотъ, указывая на тотъ фактъ, что въ этихъ грамотахъ, кромѣ одного примѣра *цѣмъ*²⁾ мѣст. ед. № 2, ни разу не встрѣчается *-емз*, а только *-омз*, изъ чего онъ выводилъ, что *м*, можетъ быть, позднѣе отвердѣло послѣ *е* или *и*, чѣмъ послѣ другихъ гласныхъ, т. е. предполагалъ задерживающее вліяніе прогрессивной ассимиляціи. Это любопытное наблюденіе, кажется, примѣнимо и къ такому памятнику, какъ нашъ, въ которомъ находимъ сравнительно съ *-омз* гораздо меньше примѣровъ съ *-емз* и *-имз*, а именно *-емз*, *-нмз*, *-имз* встрѣчается всего 10 разъ (вмѣстѣ съ *црмъ*, въ которомъ предполагается *е* или *ь* передъ *мз*), *-омз* (вмѣстѣ со скрытыми подъ титлами *о* или *з* передъ *мз*) 34 раза, *-ымъ*—3 раза. Но, хотя приведенныя числа и говорятъ, повидимому, въ пользу примѣнимости и у насъ предположенія Шахматова, однако нельзя не обратить вниманія во первыхъ на то, что большая часть *-омз* относится къ формамъ твор. ед., такъ что только 5 изъ нихъ представляютъ формы мѣстн. ед. (2 въ 1-омъ и 2-омъ, 3 въ 3-емъ съ остальными), во вторыхъ на то, что въ 1-омъ поч. изъ двухъ примѣровъ *-мз* одинъ встрѣчается въ ф. твор. ед. съ *-е|мз* (при переносѣ), другой (*томз*) въ ф. мѣстн. ед., и что во 2-омъ поч. при одномъ случаѣ *томз* въ ф. мѣстн. 2 раза *-емз* (въ одномъ словѣ). Такимъ образомъ, я рѣшился бы придавать значеніе вліянію предшествующихъ слоговъ лишь въ томъ случаѣ, если бы это вліяніе сказывалось въ однихъ и тѣхъ же надежныхъ

¹⁾ Исслѣдованіе о языкѣ новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣка, § 25.

²⁾ Обратимъ вниманіе на то, что далѣе слѣдуетъ примыкающая энклитически частица *то*, которая не могла не оказать извѣстнаго вліянія на фонетическое измѣненіе *мь*.

формахъ, а въ этомъ отношеніи можно указать на то, что дѣйствительно въ ф. твор. ед. найдутся цѣлыя категоріи словъ, имѣющихъ только -мь; укажу нѣсколько подобныхъ фактовъ изъ 2-го поч., имѣющаго наибольшее число отступленій и именно въ ф. твор. ед.: встрѣчается только тѣмь 2 раза (138, 146), только (с)нимь (133, 136, 163, 177, 192, 212), (за) —(же) 129, (подъ)—134—8 разъ; на единичное своимь приходится 6 разъ своимь (177, 185, 188, 195, 199, 202); князьмь (145, 146, 147, 150, 153, 186, 202, 205, 229—230, 232) и князьмь⁺ (173) всего 11 разъ только съ ъ; прилагательныя и существительныя, имѣющія нк передъ м, также постоянно встрѣчаются только съ ъ послѣ м: пѣникмь 211, стога⁺никмь 211, каменикмь 138, третникмь 147, бжикмь 192, ору-
дникмь 185.

Такимъ образомъ, происхожденіе твердаго м въ извѣстныхъ формахъ я отдѣляю отъ происхожденія м и другихъ твердыхъ губныхъ въ такихъ же положеніяхъ въ другихъ формахъ: между тѣмъ какъ м въ разбираемыхъ нами формахъ восходитъ къ мз, постепенно одерживавшему въ новгородскомъ¹⁾ нарѣчій верхъ надъ болѣе древнимъ мь, вѣроятно, въ теченіе XII—XIV столѣтій, въ другихъ же нарѣчійхъ и говорахъ русскаго яз., а также въ говорахъ западнославянскихъ языковъ или раньше или позже, діалектические м, б, н, в (ф) твердые въ другихъ формахъ восходятъ къ мягкимъ м', б', н', в' (ф'), пропшедшимъ изъ древнихъ мь, бь, нь, вь, не измѣнявшихся или не успѣвшихъ измѣниться въ мз, бз.... въ силу какихъ либо задерживающихъ условій. Такими задерживающими условіями были, какъ уже я упомянулъ, вліяніе аналогій сходныхъ образований и вліяніе родственныхъ формъ съ мягкими конечными сочетаніями. Вотъ почему то же самое мь, которое пзмѣнялось въ мз въ формахъ твор. ед. дворомз и т. п., оставалось въ качествѣ мь и затѣмъ просто м (между мь и м границу провести трудно) въ окончаніи числительныхъ, существительныхъ и т. п. Тѣмъ не менѣе твердость m въ числительныхъ формахъ именно въ тѣхъ языкахъ, которые, сохраняя вообще особенную мягкость губныхъ, сохранили согласные d и

1) А. А. Шахматовъ полагалъ, что мягкое м (или, какъ я думаю, мь) сохранялось дольше въ тверскомъ, полоцкомъ и смоленскомъ нарѣчійхъ (О языкѣ новгор. грам., § 25, стр. 180—181), чѣмъ въ новгородскомъ. Но въ рижской грам. 1300 г. (въ Сборникѣ проф. Смирнова № 47) уже много примѣровъ твор. и мѣстн. ед. съ -мз: путемъ, на томъ, розбоини-ковымъ товарьмъ и др.

s¹⁾ (съ развитіемъ слабаго глухого призвука или полнаго слогового гласнаго послѣ нихъ) передъ m въ этихъ числительныхъ (sedm, sedum, wósm, wósum) и вмѣстѣ съ тѣмъ наравнѣ съ другими сѣверозападными утратили удареніе конечныхъ слоговъ, указываетъ на болѣе раннее появленіе твердаго m изъ mъ вообще и въ другихъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ общесловянскихъ формъ; это твердое m изъ mъ (а послѣднее изъ mъ), однако, удерживалось лишь въ этихъ языкахъ, сохранившихъ d передъ m въ числит. 7 и имѣвшихъ оттяжку ударенія съ конечныхъ слоговъ; эти два обстоятельства я считаю важными для рѣшенія разбираемаго вопроса потому, что съ одной стороны твердое, не измѣнившееся качественно, d передъ m въ указанныхъ языкахъ²⁾ свидѣтельствуетъ объ отвердѣніи m еще въ ту эпоху, когда новые мягкіе зубные не измѣнялись качественно въ этихъ языкахъ, т. е. были еще полумягкими въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ позднѣе стали мягкими, а съ другой, неударяемые слоги mі и т. п., являшіеся въ косвенныхъ формахъ этихъ числительныхъ, несомнѣнно, менѣе способны были оказывать вліяніе на сохраненіе mъ или m' мягкаго въ ф. имен. вин., чѣмъ это было возможно въ языкахъ, сохранявшихъ на нихъ удареніе. Мягкость s въ польскомъ ośm восходитъ, можетъ быть, къ той отдаленной эпохѣ, когда паразитный иррациональный звукъ послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ гортанныхъ, развивался чаще въ качествѣ ь, чѣмъ з (сравни въ особенности такія иностранныя слова, какъ собств. имя *Куз'ма*³⁾ въ большинствѣ говоровъ съ мягкимъ з' изъ древн. *Козма*, а въ нашемъ памятникѣ формы козмоу 48, коузма 237, какъ извѣстно, не доказывающія твердости z пропускомъ буквы неорганическаго ъ), твердость же s въ лужицкихъ языкахъ объясняется, м. б., отвердѣніемъ въ нихъ стараго полумягкаго s вообще; такое же ъ развивалось послѣ d въ **седьмъ*⁴⁾, но прежде, чѣмъ ъ успѣло

1) Сохраненіе этого послѣдняго неважно, такъ какъ оно обще всѣмъ словянскимъ языкамъ.

2) Это d такимъ же является и въ старопольск.: *siedmi* Библ. Соф. (Шарошп.) XV в., *siedmię* *ibid.* (Kalina, *Histor. jez. pol.*, 207, 211, 213).

3) Сравни развитіе неорганическаго гласнаго въ этомъ имени и въ итальянск. *Cosìmo* при франц. *Côme* (*Dictionnaire portatif français—italien . . . par l'abbé Lauri, Paris—Lyon, 1832*), греч. *Κόσμος*. Для др. русскаго произношенія любопытна ф. за *Кузьмокою* въ купч. записи п. 1389 г. (Смирновъ, Сб. др. р. пам. № 71, стр. 72).

4) На него слишкомъ ясно указываетъ русское литературное *седьмой* (сравни Я. К. Гротъ, *Русское правописаніе, издан. девятое, СПб. 1891, стр. XXX справ. указателя*), которому въ большинствѣ говоровъ соотвѣтствуетъ *семой, сёмой, сѣмый* (Новг. г. и у., *Мат. № 20, стр. 26*) и т. п.

измѣнить *d* качественно, вмѣсто *ь* получалось частію *ъ*, частію звукъ, не вполне тождественный ни съ *з* ни съ *ь*, подъ вліяніемъ слѣдующаго сочетанія *mъ*¹⁾ вмѣсто *мь*. Разница между польскимъ *ośm* съ одной и польск. *siedm* съ другой стороны говоритъ въ пользу болѣе ранняго измѣненія полумягкаго *s* въ мягкое сравнительно съ такимъ-же измѣненіемъ полумягкаго *d*. Въ русскихъ говорахъ и въ частности въ новгородскихъ такихъ ускоривающихъ измѣненіе *мь* → *мъ* → *м* (твердое) причинъ не было, такъ какъ удареніе не оттягивалось, а *d* передъ *м* рано исчезало послѣ утраты неслогового паразитнаго *ь*, такъ что и у насъ встрѣчается: на семи ве|рствъ 291. 13—14, но важно то, что это *семи*, *семаго* и т. п. отмѣчено гораздо раньше написанія нашего памятника, а именно, уже на зарѣ русской письменности въ XI-мъ вѣкѣ (изб. 1073 г., мин. 1096 г. и др.)²⁾, что заставляетъ отнести подобныя формы къ общерусской эпохѣ, а формы *сѣдмь*, *сѣдмой* считать вполне или отчасти церковнославянскими заимствованіями (*сѣдмь* отмѣчено И. В. Ягичемъ въ словахъ Ипполита)³⁾.

Что касается окончанія 3 л. наст. врем. глаголовъ, то здѣсь правильно пишется въ нашемъ пам. *тъ*; единственный примѣръ, могущій возбудить сомнѣніе неясностью написанія, — *стоитъ* 211, 14, но и здѣсь нельзя сомнѣваться, что написано *ь*, у котораго только сверху небольшой горизонтальный росчеркъ влѣво (у *з* всегда кромѣ этого горизонт. росчерка еще черточка внизъ). Этому мы не должны удивляться, такъ какъ въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія до сихъ поръ существуютъ говоры, знающіе въ окончанія ф. 3 л. наст. вр. мягкое *т'*, какъ рефлексъ стараго *тъ*⁴⁾. Нынѣшнее господствующее сѣверно- и средне-великорусское *т* твердое

1) Это вліяніе, впрочемъ, сомнительно, такъ какъ обыкнов. губныя сочетанія не оказываютъ вліянія на предшеств. зубныя: русск. *тъма*, польск. *śma* и т. п., но иначе я не умѣю объяснить твердости польско-лужицк. *d*.

2) И. В. Ягичъ, Критич. замѣтки по истор. русскаго яз., 66. Срв. также Е. О. Карскаго, Особ. яз. Метислав. Ев., 14.

3) Ibid. 33.

4) Шахматовъ (О языкѣ новгор. грамотъ, § 25, с. 181) указалъ на такой говоръ въ сѣв.-зап. части Олонецкой губ.: эта интересная особенность, ускользнувшая отъ вниманія Колосова, была еще въ 60-хъ годахъ отмѣчена П. Н. Рыбниковымъ (Пѣсни, собран. П. Н. Р., ч. IV, СПб. 1867, стр. 277, 297) въ статьѣ «Объ особенностяхъ олонецкаго нарѣчія», при чемъ наблюденіе Рыбникова, что *тъ* произносится только въ ф. 3 л. мн. ч. глаголовъ 1-го спряж. (цитуютъ, поютъ, даютъ), вполне подтвердилось наблюденіемъ А. А. Шахматова. Спорадически встрѣчается произношеніе *идѣтъ*, *идуть* въ Устюжнск. у. Новгородск. г. (Шахматовъ, Матеріалы для изуч. великор. говор., III, № 28, стр. 88). П. Романовскій (Матер. для изуч. вел. г. IV, № 29, с. 242 «Извѣстій» т. II, кн. I) сообщаетъ *тъ* и для 3 л. ед. ч. въ Олонецк. у.: *ведѣтъ*.

въ этихъ формахъ въ противоположность мягкому *т'* говорювъ югозападно-великорусскихъ и малорусскихъ едва ли можетъ быть фонетически возведено къ древнерусскому и діалектически старословянскому *-тъ*¹⁾; скорѣе оно восходитъ къ тому окончанію *-тъ*, которое господствовало въ старослов. яз. и представляетъ общесловянскій вариантъ при *-тъ*; въ этомъ отношеніи мое мнѣніе отличается отъ мнѣнія, высказаннаго въ «лекціяхъ по фонетикѣ старослав. яз.» Ф. Θ. Фортунатова, изд. 1888 г., с. 207, гдѣ русскія формы на твердое *т* считаются образовавшимися изъ формъ на мягкое *т* «съ фонетическимъ отвердѣніемъ конечной согласной». Кромѣ формъ на *тъ* мы находимъ въ нашемъ пам. незначительное число случаевъ отпаденія окончанія *-тъ* въ ф. 3 л. ед. и частію множ. ч., а именно, почти исключительно въ формахъ 3 л. ед. наст. вр. существительнаго глагола во 2-омъ и частію 3-емъ поч.: ꙗ 172, 181, бѣшею частію съ отрицаніемъ и прибавленіемъ частицы *тоу*: ꙗѣтоу 136, 156, 169, 181, 216, ѣтоу 140, ꙗѣтоутъ 298. 18 (только 1 разъ въ 3-емъ поч.), въ 3 л. мн. ч. ꙗѣдоу на насъ 208. 15—16 (единственный примѣръ для 3 л. мн. и вообще для другихъ глаголовъ, кромѣ глагола существительнаго); что касается *дѣ* 217, то оно читалось, вѣроятно, какъ *дасъ*; подобное слѣдуетъ сказать и о другихъ случаяхъ подъ титлами или съ пропускомъ *ъ* (*соу* 146, *сбирѣ* 224. 1).

Не умѣю объяснить причину весьма обыкновеннаго явленія, а именно, происхожденія въ собственныхъ именахъ муж. р., заимствованныхъ съ греческаго яз., окончанія *-ъ* вмѣсто *-и*: (а)нтоѣъ 18, 22, (о)—49, причемъ и въ прилагат. притяжат. сообразно съ этимъ антонѣ(а) 19,—(оу) 21; аркадѣъ 54, 60 (аркадѣи 63), производи. отечеств. аркадоѣицѣ 24. 16; дѣмитрѣъ 18, 112, косв. формы и производныя: дѣмитра 147, дѣмитр(у) 113,—(оу) 152, дѣмитровиц(ь) 24,—(а) 216, дѣмитр(овицѣ) 23,—(овѣноу) 20, сравн. дѣмитриѣи 110; фѣдосѣъ 9, род. дѣдосѣ 10 (сравн. соврем. олонецк. фамилію *Федосѣва*); сюда же, вѣроятно, относятся и собств. имя *волосѣ* 94, 220 (*-волѣуткиѣицѣ*), *волосѣицѣ* 108 вмѣсто *власѣи*, и т. п.²⁾; такого же

¹⁾ Я разумѣю такіе памятники, какъ Новгородскіе листки изъ кн. Еванг. чтеній (И. И. Срезневскій, Обзорѣніе древнихъ старослав. памяти. юсов. письма, стр. 25—26). Сравн. лекціи по фонетикѣ старослов. яз. Ф. Θ. Фортунатова, с. 206.

²⁾ Сравн. мою замѣтку въ Archiv f. slav. Phil. IX, 315—316, а также и возраженіе А. Соболевскаго, указавшаго въ Р. Ф. В. XVI (1886), 185—187, что въ древнерусскомъ былъ обычай давать языческія имена, и что *Волосѣ* не находится въ связи съ *Власѣи*, какъ думалъ и думаю я. Во всякомъ случаѣ имя *Власѣ* вм. *Власѣи* обычно въ великорус. («дядя *Власѣ*» у Некрасова) и малорусскомъ (*Уласѣ*, *Уласѣвичѣ* у Квитки въ пов. «Конотопська видьма»).

рода явленіе, несомнѣнно, и въ великор. ф. *Елѡръ* и т. д. вм. *Елѡрій* изъ *Геѡрій*¹⁾. Посредствующими формами между *антоній*, *аркадій*, *дмитрій*, *григорій* и т. п. и *антонъ*, *аркадъ*, *дмитръ*, *григоръ* и т. д. могли бы быть **антонь*, **аркадь*, **дмитрь*, **григорь*, извлеченныя изъ такихъ производныхъ, въ которыхъ изъ *иѣ* (*ie*), *иа*, *ию* черезъ посредство *ѣ*, *я*, *ю* являлось *е*, *я*, *ю*, какъ это и находимъ въ одномъ примѣрѣ *григоревнца* 163²⁾ у пасъ во 2-омъ поч. и въ ф. *Василю* въ грам. Климента до 1270 г. (Смирновъ, Сборн. 33); но и при такомъ предположеніи неяснымъ остается измѣненіе *ѣ* въ *ѣ* или, пожалуй, измѣненіе конечныхъ мягкихъ согласныхъ въ твердые³⁾. Любопытно обратить вниманіе на то, что въ древнерусскомъ и въ современныхъ говорахъ замѣчается и обратное явленіе въ собственныхъ именахъ: въ Ипат. лѣт. *исакъѣ* въ качествѣ имен. ед. л. 139.⁶ 4 снизу (фототип. издан.), тамъ же им. ед. *исакіи* 138⁶, 139^а, въ продолженіи Новгородск. лѣт. по сп. археограф. ком. подъ 1445 г.: при епископѣ Суздальскомъ *Аврамы*, *ibid.* въ спискѣ архимандритовъ новгородскихъ *Аврамій* (въ изданіи 1888 г., стр. 426 и 446), *ibid.* въ спискѣ князей *Ивану Данильевичю* (стр. 438), въ современ. олонецкомъ былинномъ языкѣ *Вольѣ Всеславьевичъ* (Толвуй, Гришинъ) Гильферд. Онеж. был.¹ 157 (№ 32), *Вольѣ Святославовичъ*⁴⁾ (Кжи, Рябининъ) *ibid.* 435—439 (№ 73), въ Курмыш. у. Симбирск. губ. употребительны отечественныя *Давыдьевна*, *Гаврильевна*. Повидимому, это обратное явленіе, какъ результатъ нефонетическаго смѣшенія старыхъ именъ на *-ѣ* съ именами на *ій*, относится къ сравнительно болѣе позднему времени и принадлежитъ исключительно великорусскимъ говорамъ, тогда какъ явленіе, ранѣе упомянутое, обще всему русскому яз. и частію южнославянскимъ. Что касается *гвоздъ* 129 (ср. *гвозды* 130. 2), то оно имѣетъ соотвѣтствіе въ псковскомъ *гвозд*, олонецк.

1) Сравн. въ сербскихъ лѣтописяхъ формы *грюоръ*, *грюора*, *грюоровикъ* (подъ г. 1408 и 1398, Šafařík, Památky dějv. písemnictví jihoslov., издан. 1873 г., стр. 73, 75, 79) вм. *григорій* и т. д.

2) Сравн. фамиліи Дмитрѣвскій, Григорѣвскій, а съ другой стороны Григорѡвичъ съ польскимъ удареніемъ, а у Квитки отечеств. *Ридѡровичъ* (Прѡкипъ.... въ пов. «Конотопська видьма», изд. 1887 г. под. ред. А. А. Потебни, т. I, стр. 183 и сл.) съ русскимъ удареніемъ и назв. деревни *Гриѡровка* около Харькова.

3) Вѣрнѣе, однако, вслѣдъ за проф. Соболевскимъ (Статьи по славяно-русс. яз., греко-слав. этюды, отд. отт. изъ Р. Ф. В. 1883 г., с. 26—27) видѣть здѣсь отраженіе среднегреч. произношенія.

4) Объ измѣненіи *ј* въ *г* см. статью Лескина «Ueber den Dialekt der russ. Volkslieder des Gouv. Olonec» въ «Beiträge zur vergleich. Sprachforschung» herausg. v. A. Kuhn, VI B., Berlin 1870, s. 167.

возда, -у, -ов¹); сравнит. со старослов. *гвозди* и *гвоздь* (Miklos. Lex. pal. s. v.) въ *воздъ* (сравн. *гвоздьмь* твор. ед. въ русск. сп. XIII-го в. слова о правой вѣрѣ Иоанна Дамаск. въ перев. Иоанна Экзарха, Miklos. Lexic. pal. со ссылкой на «Опис. слав. рукопис. моск. син. б-ки» Горскаго и Невоструева, II, 2, 301, съ *гвозды ѡстры* Прол. Хлуд. № 187, л. 5^а), вѣроятно, заключается особая, независимая отъ нихъ, тема на *з* (изъ *о* или *а*); указаніе на такого же рода тематическую разницу слѣдуетъ видѣть въ примѣрахъ: боура с *вихромъ* 301, *вихромъ* 313. 7, 13²) сравнительно съ нынѣшнимъ литерат. *вихремъ*, *вихрь*, при чемъ и теперь въ Валдайск. у. Новгор. г. Колосовъ³) отмѣтилъ *вѣхор*.

Внутри словъ находимъ слѣдующіе случаи *ъ* вм. *з* въ 1-омъ поч.: *днѣ|пръ* 1. 2—3, въ *днѣ|при* 14. 4, въ *истѣ|ѣ* 38 (КАТ. *вызѣтъ*), *изы|тъ|бы* 11. 5—6 (К. *изъ избѣ*, АТ. *изызбы*); во 2-омъ поч. *ръже|коу* 166; на послѣдней 337-ой стран. находимъ измѣненіе предлога *съ* въ *сѣ* въ такихъ же комбинаторныхъ условіяхъ: *сѣ* *ѣднну* версту. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ слѣды дѣйствія ассимиляціи, б. ч. регрессивной (*дѣ* подъ вліяніемъ слѣдующаго *нѣ*, *сѣ* подъ вліяніемъ *ѣ*, т. е. *је*: сравн. въ Ипат. лѣт. *ѣ* *ѣдиной* . . . 139^а, *ѣ* *кѣльицѣ* *ibid.*), обычной въ такихъ случаяхъ уже въ памятникахъ старословянск. яз.: И. В. Ягичъ давно уже отмѣтилъ въ Зографскомъ Еванг. *внѣ|* при *ѣ|нѣ*, *дѣ|кѣ* при *дѣ|ка* и мн. др. (Studien, 17, 19 и проч.), Вондракъ изслѣдовалъ то же явленіе въ Супрасл. Сборн. въ 124 т. «Sitzungsberichte» Вѣнской Академіи, В. Н. Щепкинъ подробно изслѣдовалъ его въ Саввиной кн. въ «Разсужденіи о яз. Сав. кн.», теперь печатающемся въ III т. «Извѣстій» (с. 1197—1210). Прогрессивную ассимиляцію (дѣйствіе предшествующаго *и*) слѣдуетъ видѣть въ измѣненіи *з* въ *ъ* въ словѣ **истѣба* вм. **истѣба* (сравн. нѣм. *stube*, средне-вѣков. лат. *stuba*, англ. *stove*, франц. *étuve*, итал. *stufa*, сравн. Соболевскаго Лекціи¹, стр. 82)⁴); на *з*, кромѣ нѣмецкаго, откуда, вѣроятно, рас-

¹) Колосов, Обзор звук. и форм. особ., 159 (ссылки на Опытъ обл. слов., на Гильердинга и Рыбникова).

²) Сравн. и въ ст. слов. *вихромъ* Ном. Мihan. (сербск. XIII в.), Miklos. Lexic. pal., въ словѣнск. *víher, víhra*, по *vihár*, — *rja* (Pleteršnik).

³) Обзор зв. и форм. особ., 151.

⁴) Болѣе подробныя указанія у Миклошича въ Lex. palaeosl. и Etymolog. Wörterb. v. v.: ср. лат. *stuba, stupa* «*varogarium*», «*fornacula*», исп. порт. *estufa*, прованс. *estuba*, д. в нѣм. *stupa*, ср. в. н. *stobe*, англосакс. и др. сѣв. *stofa*, латышск. *istaba*, в. муж. *jstva*. Прибавка гласн. *і* въ началѣ словянск. словъ и латышскаго, заимствованнаго, кажется (по зв. *а* послѣ *t*), изъ русскаго, имѣеть аналогію въ *е* нѣкоторыхъ романскихъ языкахъ; такъ какъ

пространилось это слово въ языкахъ романскихъ и словянскихъ, указываютъ слѣдующія формы, встрѣчающіяся въ лѣтописяхъ: Ипат. подъ 1095 г. в теплѣ и|ствѣѣ¹⁾ 164^б. 4—з снизу фототип. изд. (стр. 159 прост. изд. арх. ком. 1871 г., Лавр. и|зѣѣ 151^а. з), Лавр. къ истовкѣ л. 144^б фототип. изд. (подъ 1093 г. соотвѣтственно этому въ Ипат. къ погрѣвъ 158^а. 17—18 фототип. изд., въ Хлѣбн. и Пог. *выстебу*, см. 152 стр. изд. нефототип., = Радз. Акад. *вызбу*), Лавр. истовкѣ пристави истопити 150. 4—з снизу (=Ипат. и|зтѣѣ²⁾ престави... |затопити. 164^б. 24—25), Лавр. истовкѣ 151^а. 6, 8 (=Ипат. и|ствѣѣ 165^а. 1, 4, и|зѣѣѣ 165^а. з), Ипат. выстовѣ|кѣ 175^б. 25—26 = Лавр. къ|стовкѣ 175^а. 5—6, Ипат. сѣдоша выстовѣѣ. 186^б. з снизу = Лавр. —кѣ|зѣѣѣ. 185^а. з (г. 6610 = 1102), Ипат. в истопкѣ 362 (=ХП. у *вгстобиль*, г. 6669 = 1161, издан. нефотот. стр. 350); такимъ образомъ и въ Лаврент. и Ипат. и другихъ спискахъ встрѣчаются формы съ *o*, правильно замѣняющимъ *z* въ слоговомъ положеніи при увеличеніи объема слова суффиксомъ *-zk-*, но формы съ *z*, кажется, только въ Ипатск. лѣт., въ которой, кромѣ того, извѣстны и формы съ *ь* послѣ *t*, исключительно встрѣчающіяся въ нашемъ Синодальномъ сп. Новг. лѣт.; къ приведеннымъ въ качествѣ вариантовъ къ формамъ съ *o* Лаврент. списка Хлѣбн. и Пог. *выстебу*³⁾ (соединеніе предлога *въ* съ начальнымъ *и*) и Ипат. *истѣбу* слѣдуетъ еще прибавить эту послѣднюю форму въ Ипат. на л. 208 подъ 1116 г. (=ХП. *избу*, изд. нефотот. стр. 203). Замѣчательны приведенные выше случаи слитныхъ сочетаній буквъ *t* и *z* передъ *z*, указывающіе, какъ миѣ кажется, на то, что въ болѣе древнемъ оригиналѣ, съ котораго списана Ипатск. лѣтопись, были формы *истѣб-*, несомнѣнно, несоотвѣтствовавшія уже произношенію писца Ипатской лѣтописи, который говорилъ или **издѣба* или **издѣба*⁴⁾, писецъ же Лаврент. лѣт. въ болѣе раннее время уже произносилъ **изба* (точнѣе **изба*). Формами съ *ь* или *e*, предполагающимъ *ь*, послѣ *t* списки Ипатскій,

въ этихъ послѣднихъ такая прибавка обычна и въ другихъ словахъ (сравни. фр. *espère* съ итал. *specie*, *esprit* съ *spirito*, *etablis* съ *stabilire* и мн. др.), то возможно, что въ словянскіе языки разбираемое слово попало не прямо изъ германскихъ, а черезъ посредство романскихъ; да и самое происхожденіе его изъ германскихъ языковъ подвергается сомнѣнію (см. Miklos. Lex. palaeosl.).

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь надъ *e* стоитъ точка, какъ будто было *i*, а подъ *t* кроется *z* (или *t* передѣлано въ *z*, или *z* передѣлано въ *t*, или вязъ *t* и *z*).

²⁾ Вязъ *t* и *z* (вѣроятно, и|ствѣѣ переправлено въ и|зѣѣѣ).

³⁾ Здѣсь *e*, несомнѣнно, означаетъ лишь глухой звукъ.

⁴⁾ Древность такого ударенія подтверждается сербскимъ *изба* (В. С. К.).

Хлѣбниковскій и Погодинскій сближаются съ нашимъ Синодальнымъ въ противоположность Лаврентьевскому и другимъ спискамъ нашей Новгородской лѣт. Это ъ, какъ видимъ изъ примѣровъ, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (въ ф. *устѣбѣ*) могло бы обуславливаться слѣдующимъ слогомъ, а потому, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести его на счетъ вліянія предшествующаго; это вліяніе могло сказываться лишь въ нѣкоторыхъ говорахъ русскаго языка, а именно, можетъ быть, сѣверозападныхъ (изъ современныхъ говоровъ мнѣ извѣстно только холмогорск. *устѣнка*¹⁾), которое и въ слогов. полож. получило рефлексъ звука ъ), которые и нѣкоторыми другими случаями прогрессивной ассимиляціи сближаются съ языками польскимъ и лужицкими. Въ данномъ случаѣ польскій яз. не имѣетъ соотвѣтствія нашему ъ, такъ какъ формы этого слова въ немъ ясно указываютъ только на з: Бодуэнъ-де-Куртенѣ²⁾ привелъ изъ «Regesten zur schlesischen Geschichte» примѣръ *ystebcha* (*jistebka), относящійся ко времени около 1200 г. и буквально соотвѣтствующій нашему лѣтописному *устобка*, восходящему къ **устѣбѣ*; въ кашубскомъ Гильфердингѣ³⁾ отмѣтилъ также *jistebka* (при *jizdebka*); эти формы вмѣстѣ съ в. луж. *stwa*⁴⁾ любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ по крайней мѣрѣ не сказывается дѣйствія регрессивной ассимиляціи звучнаго b или w изъ b, какъ это сказывается въ русскихъ формахъ съ конца XIV-го в. (Лаврент. сп.), а въ польскихъ засвидѣтельствовано по крайней мѣрѣ съ XVI-го в.: w *izdbie* (Roty przysiąg sądow. z ks. ziemsk. Wielkop.)⁵⁾, *izdeb* род. множ. (Strykowski, Kronika polska г. 1582)⁵⁾, w *isdbach* (P. Crescentyna . . . o gospodarstwie . . . г. 1549, любопытно, что еще сохранилось s)⁵⁾. Но мнѣ кажется, что аналогію съ нашимъ **устѣба* представляетъ нижнелуж. *špa*⁶⁾; только въ немъ прогрессивная ассимиляція распространилась еще дальше, измѣнивъ звучное b на p, которое едва ли представляетъ старый вариантъ при b; конечно, трудно рѣшить, появилась ли мягкость s уже послѣ выпаденія t, или s получилось уже изъ *ss, гдѣ второе s предполагало бы смягченное t изъ *tb*, но во всякомъ случаѣ эта мягкость не могла появиться уже послѣ исчезновенія

1) Колосов, Обзор 161.

2) О древне-польскомъ яз. до XIV-го столѣт., словарь, стр. 61 (въ числѣ «словъ, усвоенныхъ послѣ введенія христіанства, трудно объяснимыхъ и сомнительныхъ»).

3) Остатки славянъ на южн. берегу Балт. м., 166.

4) Mucke, Hist. u. vergl. Laut-u. Formenlehre der niedersorb. spr., § 142, с. 267.

5) Kalina, Historia języka polsk., 170, 183, 194.

6) Mucke, ibid. 267 (§ 142).

предшествующаго *i* или *j* изъ *i*. Можетъ быть, дѣйствіе той же прогрессивной ассимиляціи сказывается въ любопытномъ примѣрѣ нашего памятника: *стоаста. ѿ. не. нѣкѣне. яко искрагоуце. теплѣ|велми* 46. 13—15, гдѣ искра гоуце, вѣроятно, слѣдуетъ читать какъ *искря жиуце*, т. е. «стояли двѣ цѣлыхъ недѣли очень теплыхъ, сожигая¹⁾, какъ огонь (искра)»; я позволю себѣ видѣть здѣсь, какъ и въ нижнелуж. *škrja* (в. луж. *škra*)²⁾, умягченіе *r* подѣ вліяніемъ предшествующаго *u*³⁾. Я прошу извиненія, что отступлю нѣсколько отъ предмета и зайду въ область консонантизма, приведу кстатѣ еще любопытный случай прогрессивной ассимиляціи, встрѣчающійся въ нашемъ памятникѣ, также имѣющій соотвѣтствіе въ томъ же словѣ въ языкахъ сѣверозападныхъ — лужицкихъ и кашубскомъ, на что уже давно указано акад. Ягичемъ⁴⁾. Я разумѣю встрѣчающуюся часто (10 разъ) въ 1-омъ и 2-омъ поч. форму *сторок(и)* (вмѣсто *сѣдорови) 25. 12, 72. 2, 76. 14, 87. 3, 92. 17, 101. 7, 15 (—ї), 124. 15, 147. 9, 184. 3, такъ что въ 1-омъ поч. она является исключительно, а встрѣчающіеся во 2-омъ пять случаевъ *сдрави* 155. 5, 156, 174, 235, (—ї) 159, одинъ—*сѣдрави* 142 (въ повѣсти о взятіи Константинополя) и два *сѣдрави* 172, 189. 12—13 (переносъ п. *z*) очевидные церковнословянизмы; въ 3-емъ поч. уже 7 разъ находимъ господствующую теперь *ф. здорови* 270, 284, 285, 286, 312, 321, 325 и 1 р. *нѣ|здоровни* 309. 12—13 при ц. слов. *сдравѣ* 262, *здрави* 239, 253, 264, *нѣ|здрава* 278. 15—16. Изъ другихъ памятниковъ я это явленіе нашелъ только въ припискѣ къ Стихирарю постн. Новгор. Соф. 6-ки № XVII (уставъ, пис. «повидимому въ XII в.»), по указанію И. К. Купріянова⁵⁾, который, однако, самъ говоритъ, что вслѣдствіе помарокъ едва могъ разобрать на 1-омъ л. интересующую насъ фразу, гдѣ между прочимъ: «дай бѣ ѿмоу *сторовѣн* и сѣсенѣн ѿпущенѣн грѣховѣн»; хотя указанное мѣсто вслѣдствіе неясности и требуетъ провѣрки, но, если оно про-

¹⁾ *жиуце*, т. е. **жыуце* (ст. слов. **жыжирѣ*), я понимаю какъ форму имен. множ. муж. р., обратившуюся въ дѣепричастіе и потому не согласованную въ родѣ и числѣ (двойств.) съ подлежащимъ; сравн. *ф. минѣ нѣ н|сходачѣ*. 215. 6—7. Впрочемъ, эти случаи могутъ быть объясняемы и фонет. измѣненіемъ конечнаго *u* въ *e*: сравн. *вда пачѣ* 170 и *вда пачи* 289 (сравн. замѣчаніе Ягича въ VI т. «Archiv» а, стр. 294, «Крит. зам.» 53).

²⁾ Muske, *ibid.* § 151, с. 284.

³⁾ Обратная ассимиляція *r* видна въ діалектич. *зѣра* (Mikloz. Lex., *дон. у* Даля).

⁴⁾ Критическія замѣтки по истор. русск. яз., 66, сноска.

⁵⁾ Обзорѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской Софійской 6-ки, Извѣстія Имп. Акад. Н. по отдѣл. русск. яз. и слов., т. VI, вып. 1, СПб. 1857 г., стр. 61.

читано вѣрно¹⁾, оно прибавляетъ лишній примѣръ для подтвержденія любопытнаго явленія, въ которомъ я не могу сомнѣваться вопреки недовѣрью проф. Е. Θ. Будде²⁾, можетъ быть, упустившему изъ виду то обстоятельство, что встрѣчается такое написаніе совѣмъ не рѣдко, вслѣдствіе чего и нельзя назвать его «единичнымъ»; *strovу, struovу* рядомъ съ *zdrovу*³⁾ находимъ въ кашубско-словинскихъ говорахъ; въ верхне-и ниже-лужицк. также *strovу* (у писателей XVI—XVII в.—Якубицы и Мегизера еще *zdrovу*)⁴⁾. Случай прогрессивной ассимиляціи вовсе не такъ рѣдки, какъ обыкновенно думаютъ⁵⁾; можно указать на малорус. *бджолá, бжолá* изъ **бъчелá*, польск. *sfora* вм. *svora*, *velgi* (малопольск., великоп., куявск. и др.)⁶⁾ вм. *belki* (*wielki*), съ чѣмъ особенно любопытно сравнить выше указанное *четверь, четверя* и т. п. Но во многихъ случаяхъ можно видѣть обоюдную ассимиляцію, представляющую вообще самое обыкновенное явленіе въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Таковую обоюдную ассимиляцію, каковая напр. въ польск. *ufać* изъ **уѣвати* черезъ посредство *уѣати* (*и* передаетъ слѣдующему *ѣ* свою незвучность, *ѣ* предшествующему *и* свойство спиранта) или въ діалект. сѣверновеликор.⁶⁾, южновеликор.⁷⁾, діалектически малорусскомъ⁸⁾, сербскомъ (см. словарь В. С. К.), болгарскомъ⁹⁾, діалектически польскомъ¹⁰⁾

¹⁾ Сдѣланное мною, благодаря посредничеству А. А. Шахматова и любезности бібліотекаря С.-Петерб. духовн. Академіи, сличеніе убѣдило меня въ вѣрности чтенія Купріянова; а именно на предшествующемъ нумераціи листѣ, сильно продырявленномъ, рукою XIII в., какъ я нашелъ возможнымъ опредѣлить при содѣйствіи А. А. Шахматова, которому приношу благодарность за помощь при прочтеніи, можно прочесть слѣдующую запись: ѿи помо|зи раку—своѣм|оу што|аноу д|анъ къ ѿ|моу сто|рокѣѣ|и спаси|ниѣ Шп|щиннѣ | грѣх|ѣвъ. Рукопись эта значитъ теперь подъ № 96 (отд. 13).

²⁾ Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 170.

³⁾ Гильфердингъ, Остатки славянъ на ю. б. Балт. м., 182.

⁴⁾ Mucke, Hist. u. vergl. Laut- u. Formenlehre der niedersorb. Spr., § 97, с. 174. Сравн. также въ старопольск. грам. 1420 г.: *dludze stroue* (Бодуэнь-де-Куртенá, О древне-польскомъ яз. до XIV в., § 31,1, стр. 38: *strové*).

⁵⁾ Сравн. Бодуэнь-де-Куртенá, *ibid.* § 23, с. 31, § 29, с. 36, § 31, с. 38; Т. Флоринскій Лекціи по слав. языкознанію, II, стр. 434.

⁶⁾ См. напр. А. А. Ш., матеріалы для изуч. великор. гов., III, № 26, 61 (*фатай* и т. п. въ Кадник. у. Волог. г. по сообщ. Шустикова), или Олонецк. (Пудога) *фастати* Гильф. Он. б. 387, или бѣлозерск. *фатать* (Колосов, Замѣтки о яз. . . въ обл. с. в. н., 16).

⁷⁾ Напр. въ Тульск. у. и губ. *фостъ* и т. п. (Соболевскій, Очеркъ русской діалект., Жив. Ст. 1892, в. I, с. 15).

⁸⁾ Въ говорахъ подольскихъ и галицкихъ (Соболевскій, Очеркъ . . . , Ж. Ст. 1894, IV 48, 49, 52, 53),

⁹⁾ П. А. Лавровъ, Обзоръ зв. и ф. ос. болг. яз., 94.

¹⁰⁾ У прусскихъ мазуровъ, Флоринскій, Лекціи II, 534.

обращеніи группы *xv* въ *ѣ*, необходимо, мнѣ кажется, видѣть въ *ѣ* формъ 3-го п. тѣтъръ 247, 280, 307, 314, 318, 321, 329,—ского 322,—скзын 303, 308, 327, 330, тѣтъри 300, 316, 321.7, 16, 17, 328,—чи 308 сравнительно съ *xv*, которое я считаю болѣе первоначальнымъ, формъ 1-го и 2-го поч.: тѣтъри 86.7, тѣтъръ 160.10, 167.19,—ю 200.8, къ тѣтъри 167.14, за тѣтърью 167.15—16, рѣкоу тѣтърцю 164.6; *ѣ* читается во всѣхъ этихъ мѣстахъ по другимъ спискамъ (КАТ—XV—XVIII столѣт.); его находимъ и въ продолженіи Новгородск. лѣтоп. по Коммиссіонному списку XV в., отличающемуся вообще рѣзко выраженными особенностями новгородскихъ говоровъ (часто и вм. *ъ*, *ц*=*ч*, формы *есме* и др.), б. ч. съ пропускомъ *ь*, но подъ 1341 г. (издан. с. 340) читаемъ: *со Тѣтъри*; въ спискахъ же А. Т. встрѣчается уже и *в*: *тверичь* соответственно *тѣтъриць* сп. К. Такимъ образомъ, я считаю первоначальнымъ въ этомъ словѣ не *x*, какъ проф. Будде¹⁾, а *xv*, изъ котораго удовлетворительно объясняются и *ѣ* непосредственно изъ *ѣѣ* или *ѣ̄* и литературное *в* (сравни. у Шахматова, О яз. новг. грам., 171). То же измѣненіе *xv* въ *ѣ* находимъ и въ *Тифинскій* изъ *Тихвинскій*, сравни. переходную *ѣ* *Тихвина*, приводимую Будде¹⁾, который, однако, говоритъ здѣсь лишь о мѣнѣ *ѣ* и *x*; то же и въ *Лифин* при *Лихвин*— въ грам. XVII в. (см. Извѣст. Калужск. Ученой Архивной Комиссіи № 5, 1897 г., сообщ. А. Прозоровскаго, с. 42—50).

Что касается названія города *ръжевка*, то здѣсь я вопреки мнѣнію проф. Соболевскаго²⁾ вижу производное отъ слова *ръжь* (сравни. *ръжева*, *льнева*³⁾ собир. отъ *рожь*, *лѣн* въ Новгород. губ.) съ фонетическимъ измѣненіемъ (регрессивн. ассимиляціей) неслогового *з* передъ мягкимъ сочетаніемъ *же* въ *ь*. Если бы вѣрно было производство проф. Соболевскаго, ссылающагося на памятники (грамоты) болѣе поздніе, то въ такомъ древнемъ памятникѣ, какъ нашъ, мы непременно нашли бы на это указаніе; кромѣ того, по моему, такое производство изъ **вържева* даже невозможно, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, *ь* (или *з*) въ группахъ *согласн. +ь(ъ) + плавн. + согласн.* въ русскомъ, польскомъ и лужицкихъ яз. никогда не становился неслоговымъ и не подвергался исчезновенію⁴⁾; аналогія *Псковъ* изъ *пльсковъ*

1) Къ исторіи великорусскихъ говоровъ, 170.

2) Лекціи по истор. русскаго яз., 83.

3) М. А. Колосовъ, Замѣтки о яз. и нар. позз. въ обл. сѣв. великор. нарѣч., 24.

4) Это обстоятельство, повидимому, совершенно не принимается въ расчетъ г. А. Д. Погодинымъ, который, смѣшивая эти сочетанія глухихъ съ плавными со всѣми остальными сочетаніями согласныхъ съ глухими, ожидаетъ по теоріи Гебауэра и Поливки въ польскомъ

сюда не идетъ, такъ какъ здѣсь ъ этимологически стоитъ послѣ плавнаго (то же въ *кститъ* изъ *крститъ*); еще менѣе подходитъ сюда случай *Брянскъ* изъ *Дьбрянскъ*; кромѣ того, отождествлять *Ржевъ* и *Вержавскъ* не представляется возможности, такъ какъ эти два города отстояли довольно далеко одинъ отъ другого: Вержавскъ на р. Вержѣ, впадающей въ Днѣпръ (Голубовскій, Истор. Смоленск. земли до нач. XV в., с. 65, примѣч.); этимъ послѣднимъ географ. указаніемъ я обяванъ А. А. Шахматову.

Теперь намъ остается еще отмѣтить нѣсколько случаевъ ъ вм. ъ внутри словъ. Еще въ 1-ой главѣ мнѣ приходилось указывать 1 разъ при переносѣ *въсь* 17. 17—18; этотъ случай можетъ служить лишь подтвержденіемъ того вывода, который мы сдѣлали изъ многочисленныхъ примѣровъ написанія *ось*, а именно, что здѣсь болѣею частію слоговой характеръ получало конечное ъ, и это явленіе распространялось за предѣлы русскаго яз.¹⁾; чисто губной характеръ *о* (w), на что указываютъ случаи замѣны его черезъ *у*, при такихъ условіяхъ всецѣло подчинялъ себѣ неслогов. иррац. гласный, получавшій также губной характеръ (ѡ), но вслѣдствіе своей количественной незначительности болѣею частію не выражавшійся на письмѣ. Вліяніе *о* на измѣненіе ѡ въ ѡ сказывается даже въ такихъ точныхъ для ѡ и ѡ старослов. памятникахъ, какъ Кіевскіе глаголич. листы, гдѣ наход. 2 р. *въсьхъ*²⁾, и Остромирово Еванг., гдѣ *въсьа*³⁾; кромѣ «чрезвычайной ирраціональности звука ѡ» (В. Н. Щепкинъ), причиной употребленія ѡ вм. ѡ я считаю также и вліяніе *о*; сравн. словѣнскія формы *wus*, *wos* изъ основн. *въсь* (*ось*) черезъ посредство *vъs*, *us*⁴⁾. Другой единичный случай, какъ кажется, ѡ вм. ѡ находимъ послѣ губнаго *м*: *мъсте* 115. 17—18 (въ концѣ строки)⁵⁾; къ

яз. совершенно невозможныхъ формъ **w semwie* изъ **въсьмлювъ* и т. п. (Извѣстія О. р. яз. и сл. И. Ак. Н., т. III, 1898 г., кн. 1, с. 287) и на основаніи этого сомнѣвается въ вѣрности самой теоріи

1) Сравн. болгарск. *се* (въ рукоп. XVIII в. *се* и *въсе*), В. Н. Щепкинъ, Разсужд. о яз. Саввиной кн., Извѣстія О. р. яз. и сл. И. Ак. Н., т. III (1898), кн. 2, с. 430, 467; ю. кайкавск. *sa* (V. Rožić, Kajkavački dijalekat u Prigorju, отд. отт. изъ СХV, СХVІ и СХVІІІ кн. «Rad jugosl. akad.» 1894, с. 92). Для сопоставленія съ нашими *въсь*, *въсь* любопытна также ф. *псе* вм. *песъ* изъ *псъ*, отмѣченная въ д. Будаевой Сонинск. вол. Островск. у. Псковск. губ. г. Е. А. Артемьевымъ (Матеріалы для изуч. великор. гов. V, с. 2, въ прилож. къ 1 кн. III т. «Извѣстія» 1898 г.).

2) Fol. VII. 10, 22—23 (переносъ п. ѡ), см. V. Jagić, Glagolitica, Wien, 1890, с. 53 (2-ой разъ очень неясно, см. фотогр. снимокъ taf. VIII).

3) См. В. Н. Щепкина «Разсужд. о яз. Сав. кн.», Извѣстія, III (1898), с. 1215 (ссылка на М. Козловскаго).

4) V. Oblak, Die Halbvoale . . . , Archiv XVI, 166.

5) ѡ здѣсь имѣетъ особ. ф., какъ часто въ концѣ строки.

сожалѣнію, въ Сянод. сп. это названіе встрѣтилось только 1 разъ, но съ ъ оно пишется въ Ком. сп.: *мьстѣ* подь 947 г., 1434 г., до *мьстѣ* рѣкѣ 1446 г. (см. издан. 1888 г., стр. 12, 415 и 427); съ ъ это слово и въ Ипат.: *мьсту* п. 1147 г. (издан. стр. 240, рук. л. 247); такъ какъ этимологія этого слова мнѣ неясна, то я не рѣшаю, чтò первоначальнѣе, но думаю, что здѣсь фонетически менѣе основанія для ъ вм. з, чѣмъ наоборотъ. Затѣмъ мы въ 1-омъ и 2-омъ поч. находимъ нѣсколько случаевъ з вм. ъ (изъ *и*) въ собств. имени дѣлми1); при этомъ нѣсколько разъ встрѣчается *дми*—, но ни разу дѣлми—: дмидѣмитрія при частомъ *дми*— я нашелъ только 1 р. въ Ком. сп. въ росписи князей (изд. 1888 г., стр. 437, не въ концѣ ли строки?)²). Не умѣю объяснить этого з, но думаю, что оно можетъ восходить только къ старому варианту этого заимствованнаго съ греч. имени (*Δημήτριος*); можетъ быть, въ народномъ среднегреческомъ произношеніи слѣдуетъ искать разгадку этого страннаго з подобно тому, какъ и во многихъ вариантахъ заимствованныхъ съ греч. именъ (сравн. выше догадку проф. Соболевскаго о происхожденіи конечныхъ з, ъ вм. *и* въ извѣстныхъ именахъ); теперь въ великорус. говорахъ б. ч. слышится мягкое *д* передъ *ми*³).

Въ рязаньци 88.10 появленіе з для меня непонятно, особенно въ виду того, что ъ въ суф. *-иц-* этого слова встрѣчается въ 1-омъ поч. только 2 раза и 1 р. пропущено⁴), но думаю, что з здѣсь еще не доказываетъ твердаго произношенія *н* передъ несомнѣнно мягкимъ *и*; придется предположить или описку, обусловленную тѣмъ, что неслогов. ъ здѣсь достигало крайней степени ирраціональности, или списываніе съ такой записи, гдѣ *н* приходилось въ концѣ строки; отвердѣніе *н* мнѣ не кажется вѣроят-

1) Въ первомъ случаѣ з имѣетъ особую ф., во второмъ обыкновенную.

2) Шахматовъ (О яз. новгор. грам., 143) указалъ одинъ случай *дѣ*— въ грам. 1304—1305 г. въ концѣ строки, но привелъ также примѣръ такого написанія изъ Остром. Еванг.

3) Еще чаще въ большинствѣ говоровъ *д* совсѣмъ не слышится: *Мѣтрій*, *Мѣтрій* и т. п. М. б., *д* (мягкое передъ мягкимъ *и*) восстановлено подь вліяніемъ книжнаго яз. Сравн. сербск. *Мѣтрѣв дѣн* (В. С. К., М. Ї. Милићевић, *Живот срба селѣка*, 1894, с. 144), а діалектически (въ сверлижск. говорахъ Кнежев. округа) *Гѣмѣре*, *Гѣмѣра* и т. п. (Милићевић, *Кнежевина Србија*, с. 859).

4) См. выше, стр. 91

нымъ тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ отчасти мягко въ олонецкихъ говорахъ передъ суффиксальнымъ *и*¹⁾: *гоньци* (Повѣнецъ), *коньца* (Пудога, Прохоровъ), *спьнцу*, но у Гильфердинга въ томъ же говорѣ и отъ того же пѣвца, отъ котораго записано *гоньци*, находимъ *спьнцу* (Повѣнецъ, Калининъ) 3 р. на стр. 28 (въ нов. изд. въ Сборникѣ Отд. р. яз. и сл., т. LIX, 1894 г., стр. 36); А. А. Шахматовъ указалъ въ сѣв.-зап. ч. Олон. губ. *женьци* и въ нѣкот. говорахъ *жѣнца* (О языкѣ повгородскихъ грам., 182).

Остается упомянуть еще объ одномъ случаѣ *з* вм. *и*, что особенно замѣчательно, въ «слоговомъ» положеніи: во 2-омъ поч. находимъ *тържъкъ* 161.6. Такъ какъ отвердѣніе шипящихъ и въ частности *ж* трудно доказать въ нашемъ памятникѣ, то я рѣшаюсь въ этомъ единичномъ случаѣ видѣть не доказательство твердости *ж*, а свидѣтельство о томъ явленіи, которое извѣстно подъ названіемъ *лабиализаціи* и состоитъ въ измѣненіи небныхъ гласныхъ по направленію къ губнымъ, т. е. въ приобрѣтеніи ими при произношеніи извѣстнаго округленія и вытягиванія впередъ губъ. Начало этого явленія, которое развивалось преимущественно послѣ согласныхъ шипящихъ, наиболѣе требовавшихъ для своего произношенія участія губъ²⁾, относится къ говорамъ общесловянскаго языка, какъ на это указываютъ многія явленія не только сѣверныхъ словянскихъ языковъ, но и южныхъ (въ особенности болгарскаго во всемъ разнообразіи его говоровъ)³⁾. Это участіе губъ сказывалось въ измѣненіи гласныхъ *i*, *e* въ гласные *ï*, *ö*, а *i* ирраціональнаго (*ь*) въ *ï* ирраціональное, которое уже близко къ *u* ирраціональному, т. е. *з* (сравн. первыя главы «Исслѣдованій въ области русской фонетики» Шахматова); въ послѣдующей исторіи языка отсюда могли получаться уже чистые *u* и *o* и *u* ирраціональн., переходившее въ «словов.» положеніи въ полное *o*. Такимъ образомъ, и въ нашемъ примѣрѣ *з* можетъ выражать или уже настоящее ирраціон. *u*, уже приближавшееся къ *o*, или еще *ï* ирраціональное, которое могло затѣмъ и не успѣть перейти въ *u* ирраціон., а измѣниться въ *o* черезъ посредство *ö* подобно тому, какъ *o* получа-

1) Колосов, Обзор звук. и форм. особ., 10 (ссылки на Гильфердинга, Онежск. был., 78, 228, при чемъ вм. 228 слѣд. чит. 229, а вм. *гоньци*, какъ у Кол., у Гильф. напечатано правильно *гоньци*; въ нов. издан. въ LIX т. «Сборника Отд. р. яз. и сл.» см. стр. 109 и 315—316). *Вньнцу* взято Колосовымъ изъ «Памятниковъ и образцовъ нар. яз. и слов.» (изд. въ прибавл. къ Извѣстіямъ II Отд. . .).

2) Sievers, Grundzüge der Phonetik³, 124 (§ 15, 2, b).

3) В. Н. Щепкинъ, Разс. о яз. Сав. кн. (Извѣстія, III, 1893, 458—459).

лось изъ первоначальнаго *e*. Мягкость шипящаго могла оставаться или теряться совершенно независимо отъ этихъ измѣненій слѣдующаго гласнаго. Измѣненіе *e* въ *o* послѣ шипящихъ извѣстно въ русскихъ памятникахъ съ XII-го в.¹⁾; въ новгородскихъ грамотахъ конца XIV в. уже находимъ слѣды такого измѣненія *e* изъ этимолог. *ь* (грам. 1372 г. *чоричухъ*, въ договорахъ новгородско-тверскихъ 1371 и 1373 г. *торжокъ*)²⁾. Вѣроятно, *торжокъ* явилось изъ *тържккъ*, т. е. расширенію и лабиализаціи подвергся еще звукъ ирраціональный.

ГЛАВА IV.

Сочетанія „согласный + *з* или *ь* + плавный + согласный“.

Въ этой главѣ я намѣренъ указать и по возможности объяснить тѣ встрѣчающіеся въ Синодальномъ спискѣ Новгородской лѣтописи случаи употребленія *з* и *ь*, въ которыхъ они сочетаются означеннымъ въ заглавіи способомъ съ *л* и *р*.

Какъ извѣстно, случаи эти во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ настолько отличны отъ разсмотрѣнныхъ въ предыдущихъ главахъ, что не стоило бы говорить о причинахъ разсмотрѣнія ихъ отдѣльно отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе нелишне въ общихъ чертахъ отмѣтить, въ чемъ заключается существенная особенность этихъ случаевъ. Замѣчу, что выписанный въ заглавіи порядокъ звуковъ представляетъ порядокъ общесловянскій, выведенный гипотетически путемъ сравненія словянскихъ нарѣчій съ родственными языками индоевропейскими и съ *внѣшней* стороны совпадающій съ порядкомъ древнерусскимъ; если же я говорю объ отличіи этихъ случаевъ во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ, то разумѣю различныя сочетанія съ различнымъ порядкомъ звуковъ, только этимологически тождественныя указаннымъ общесловянскимъ.

Существенной особенностью ихъ во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ слѣдуетъ признать то, что составлявшійся ими слогъ никогда не пропадалъ,

¹⁾ А. И. Соболевскій, Лекціи по ист. рус. яз.¹, 53.

²⁾ А. А. Шахматовъ, О яз. новгор. грамотъ, 148.

т. е., что въ слоговомъ отношеніи они никогда не примыкали къ другому сосѣднему слогу, при чемъ безразлично, носили ли слогообразующую функцію рефлексы общесловянскихъ *ъ* или *ь*, какъ старыхъ наслѣдниковъ индоевроп. неслогового ирраціональнаго гласнаго, или эта функція сосредоточивалась на плавныхъ, или, наконецъ, переносилась на развивавшіеся изъ нихъ или при нихъ новые гласные звуки, примѣры чего встрѣчаются и въ другихъ отрасляхъ индоевропейской семьи языковъ. Русскій языкъ по отношенію къ этимъ сочетаніямъ составляетъ одну группу вмѣстѣ съ языками сѣверозападныхъ словянъ въ противоположность всѣмъ южно-славянскимъ, и характерной особенностью этой группы является несмѣшеніе этихъ сочетаній съ другими сочетаніями ирраціональныхъ звуковъ съ плавными, а именно тѣми сочетаніями, въ которыхъ плавный согласный этимологически предшествуетъ ирраціональному гласному, и которыя въ этой группѣ ничѣмъ существенно не отличаются отъ другихъ сочетаній согласныхъ съ глухими (ирраціональными) гласными, т. е. различаютъ напр. или различали по крайней мѣрѣ въ древности «слоговое» и «неслоговое» положеніе глухихъ.

Вопросъ о происхожденіи общесловянскихъ сочетаній «согласн. \rightarrow *ъ*, *ь \rightarrow плавн. \rightarrow согласн.» и ихъ судьбѣ въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ настолько разработанъ въ научной литературѣ, исторія его можетъ гордиться столь многими именами ученыхъ, потрудившихся надъ нимъ, что я зашелъ бы слишкомъ далеко въ область литературно-научной критики, если бы захотѣлъ подробно изложить её, тѣмъ болѣе, что не только лѣтъ 40 тому назадъ (я разумѣю извѣстную статью П. А. Лавровскаго «О русскомъ полногласіи» въ V-омъ томѣ «Матеріаловъ для словаря и грамматики», издававшихся въ прибавленіи къ Извѣстіямъ И. А. Н.), но и гораздо позднѣе (Миклошичъ въ своихъ статьяхъ 1877—1886 г.) нѣкоторые даже весьма крупные ученые неясно сознавали коренное этимологическое различіе этихъ сочетаній отъ сочетаній съ полными гласными еще въ языкѣ; эта неясность у иныхъ менѣе разборчивыхъ и тенденціозныхъ ученыхъ доходила до того, что позволяла совершенно вопреки исторіи языка дѣлать выводы о тождествѣ новыхъ русскихъ формъ съ общесловянскими (Geitler, Starobulharská fonologie. . . V Praze 1873, Кочубинскій, Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій....¹⁾ Одесса 1877—*

¹⁾ Сравн. рецензію И. Бодуэна-де-Куртена, Казань 1879.

78). Значительнымъ шагомъ впередъ въ научной разработкѣ вопроса нужно признать убѣжденіе, къ которому пришли лучшіе ученые 1870-хъ годовъ, въ томъ, что старословянскій порядокъ звуковъ не есть порядокъ общесловянскій, но конечно, не въ этомъ одномъ заключался весь вопросъ, и, какъ видно изъ упомянутыхъ трудовъ Гейтлера и Кочубинскаго, при отрицаніи первенства за старословянскимъ нетрудно было увлечься въ другую, противоположную крайность. Какъ труды наиболѣе содѣйствовавшіе правильному съ нашей современной точки зрѣнія рѣшенію вопроса, достаточно упомянуть статьи Потебни¹⁾, Г. Шмидта²⁾, Миклошича³⁾, Лескина⁴⁾, Ягича⁵⁾ и Фортунатова⁶⁾, при чемъ важно то, что ошибка или неточность, сдѣланная однимъ, исправлялась другимъ и наоборотъ (въ этомъ отношеніи важны возраженія Потебни Гейтлеру, Ягича Г. Шмидту и Потебнѣ, Лескина и Фортунатову Миклошичу).

Уже Потебня, возражая Гейтлеру, указывалъ на необходимость для общесловянскаго языка исходить изъ формъ съ глухимъ звукомъ передъ плавнымъ, хотя, вопреки собственному указанію на литовскія параллели (*ir, il*) словянскимъ сочетаніямъ съ глухими передъ плавными, не рѣшался въ болѣе повомъ своемъ трудѣ отнести образованіе глухихъ звуковъ къ дословянскому времени, какъ онъ сдѣлалъ это въ статьѣ о полногласіи 1864 г., и такимъ образомъ въ 1874—1876 г. отказался отъ своего прежняго, болѣе вѣрнаго въ этомъ отношеніи, мнѣнія (Къ исторіи звуковъ 1876 г., стр. 84 со ссылкой на «Два изслѣдованія», с. 15—16).

¹⁾ «Два изслѣдованія о звукахъ русск. яз.» 1864—1865 г. (Филол. Записки, отдѣльно въ 1866 г.); Къ исторіи звуковъ русскаго яз. 1876 г. (отдѣльныя главы раньше печатались въ 1873—1875 г.).

²⁾ Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus, Zweite Abtheilung, Weimar 1875; Kritik der Sonantentheorie. 1895.

³⁾ Ueber den Ursprung der Worte von der Form aslov. trъt, Wien 1877, 4°, 49; Vergl. Gram. II, W. 1875; Etymolog. Wörterbuch..... W. 1886.

⁴⁾ Рецензія на соч. Миклошича въ Archiv f. slav. Philologie, III, 696—705.

⁵⁾ Кромѣ болѣе старыхъ статей въ «Rad jugosl. akad.», въ особенности имѣютъ значеніе: «Ueber einige Erscheinungen des slav. Vocalismus», Archiv.... I, 337—412; «Ueber einen Berührungspunkt des altsloven. mit dem litauischen Vocalismus», Archiv.... III, 95—107; «Einige Streitfragen, III», Archiv. .. B. XX, 48—53.

⁶⁾ «Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen», Archiv f. slav. Phil. IV, 576—589; «Phonetische Bemerkungen, veranlasst durch Miklosich's Etymologisches Wörterbuch der slav. Sprachen», Archiv... XI, 561—575; «Лекція по фонетикѣ ст. слав. яз.», печати. издан. 1888 г., с. 143—153, 177—178; стат. «Плавныя согласныя въ др.-индійск. яз.» въ сборникѣ «Χριστήρια» с. 485; стат. «Über die schwache Stufe der uridg. 'a' vocale» (Zeitschrift für vergl. Sprachforschung, B. XXXVI=XVI, 1 H., s. 38....).

Ягичъ посвятилъ въ 1878 г. цѣлую статью указанію параллелей между словянскимъ *ь* и литовск. *į* изъ основного *e* по его тогдашнему мнѣнію, при чемъ онъ считалъ всякое *з* или его рефлексы въ данныхъ случаяхъ уже на словянской почвѣ возникшими изъ *ь*; но, какъ и у Миклошича, измѣнившаго во второй половинѣ 1870-хъ годовъ, кажется, подъ вліяніемъ теоріи І. Шмидта¹⁾ свое прежнее мнѣніе объ этимологическомъ тождествѣ праязычнаго *г* съ общесловянскимъ, здѣсь нѣтъ еще установленія коренного различія между случаями, отражавшимися въ словянскихъ нарѣчіяхъ, какъ *-рѣ-*, *-лѣ-*, *-ре-*, *-ле-*, или какъ *-ере-*, *-оло-* (вм. *-еле-*), и тѣми, которые являлись въ одной группѣ нарѣчій въ видѣ *-рѣ-*, *-рѣ-*, *-лѣ-*, *-лѣ-*, *г*, *л*, въ другой въ видѣ *-вр-*, *-зр-*, *-ьл-*, *-зл-*, откуда *-ер-*, *-ор-*, *-ел-*, *-ол-*, *-^іer-*, *-ар-*, *-ил-*, *-^іel-*, *el-*, *-ол-*, *-ли*, вслѣдствіе чего остается непонятнымъ, почему одно и то же *-^іer-*, *-^іel-*, въ общеслов. яз. дало въ однихъ словахъ сочетанія съ полными гласными, въ другихъ съ глухими *ь*, *з* и ихъ замѣнами или съ слогаобразующими *р*, *л*. На это и указалъ въ рецензіи на Миклошича Лескинъ (Archiv..... В. III, 702), который вслѣдъ за І. Шмидтомъ возвелъ всѣ сочетанія съ *рѣ*, *рѣ* и т. д. въ старословянск. и имъ соотвѣтствующія въ другихъ словянскихъ нарѣчіяхъ къ формамъ *trrt* и *trrt*, признавъ, какъ еще раньше Потембля, и прасловянское различіе здѣсь между *ь* и *з*. Но конечно, на этомъ нельзя было успокоиться, и дальнѣйшій шагъ къ болѣе правильному, по моему мнѣнію, рѣшенію вопроса былъ сдѣланъ Ягичемъ уже черезъ 2—3 года послѣ упомянутой выше статьи его, а именно, въ статьѣ «Die Umlauterscheinungen bei den Vocalen e, é,.....»²⁾, на которую въ свое время обратилъ вниманіе Брандтъ³⁾, выставившій теорію *твердыхъ* и *мягкихъ* «слоговиковъ». Шагомъ впередъ я называю высказанное здѣсь мнѣніе И. В. Ягича потому, что здѣсь онъ допускаетъ во первыхъ, что «слабѣйшая вокализация» нормальнаго сочетанія «muta + e + liquida + muta» могла еще въ общесловянскомъ языкѣ или опуститься до чисто слогаобразующихъ *l—r*, или остановиться на степени сохраненія «минимальнаго глас-

¹⁾ Сравни. Bechtel, Die Hauptprobleme der indogerman. Lautlehre seit Schleicher (Göttingen, 1892), стр. 88, 121, 129. Въ первый разъ Миклошичъ провелъ аналогію между ст. слов. *рѣ*, *рѣ*, *лѣ*, *лѣ* и др. инд. *г* въ 1850 г., а въ 1875 г. въ введеніи къ 2-му т. Vergl. Gram., с. VI—XVIII, онъ уже подробно развиваетъ свою теорію о праязычномъ *г*, къ которому восходятъ и общеслов. и др. инд. *г*; но черезъ два года онъ говорилъ уже иное (Über d. Urspr. der Worte v. d. F. *trrt*).

²⁾ Archiv f. slav. Philol., V, 549—550.

³⁾ «О слоговомъ *р* и *л* у Славянъ», Рус. Фил. В. 1882 г., № 4, 182—183, 195. Сравни. также «Лекціи по истор. грам. рус. яз.», М. 1892 г., стр. 54—55.

наго», обозначаемаго выраженіемъ «звуковая окраска» плавныхъ l—г, во вторыхъ, что паденіе вокализаціи хотя бы и до г (слогообразующихъ плавныхъ) въ общесловянскомъ яз. во всякомъ случаѣ сопровождалось извѣстнымъ различіемъ въ «звуковой окраскѣ», которое состояло въ томъ, что въ однихъ словахъ слогообразующая сила («Sonanz») сосредоточивалась на передней, въ другихъ на задней половинѣ плавнаго; необходимость этого различенія основывается на томъ, что нѣкоторые славянскіе языки и теперь хорошо знаютъ этимологическое мѣсто гласнаго при плавныхъ; оставалось пойти нѣсколько дальше, т. е. признать это г съ различіемъ «звуковой окраски» уже для индоевроп. языка, и тогда бы не было причины отдѣлять этимологически др. индійск. г отъ старослов. рь, рз и т. п., и формула проф. Фортунатова была бы почти готова. Вѣрное этимологическое чутье руководило Миклошичемъ, когда онъ въ 1875 г. развилъ свою сонантическую теорію; но увлекшись въ одну крайность до полного пренебреженія фактами сѣверныхъ славянскихъ нарѣчій вмѣстѣ съ литовскимъ яз., онъ вмѣсто небольшихъ, хотя и существенныхъ, поправокъ къ своей теоріи черезъ два года ударился въ другую, едва ли не большую, крайность, которую, не смотря на возраженія рецензентовъ, продолжалъ отстаивать до конца, и—что особенно удивительно,—этотъ крутой переворотъ въ его взглядѣ совершился какъ разъ въ то время, когда въ сравнительной грамматикѣ индоевроп. языковъ назрѣла мысль объ общеиндоевропейскихъ слогообразующихъ плавныхъ и носовыхъ, главными проповѣдниками которой явились Бругманнъ¹⁾ и Де-Соссюръ²⁾.

Съ тѣхъ поръ именно, въ особенности благодаря капитальнымъ трудамъ Бругманна³⁾, сонантическая теорія въ продолженіе 20 лѣтъ до настоящаго времени властвуетъ надъ умами большинства лингвистовъ.

Послѣ Ягича и другіе славянскіе ученые стараются примирить её съ фактами русскаго и другихъ сѣверныхъ славянскихъ языковъ, при чемъ

¹⁾ Bechtel, Die Hauptprobleme der indog. Lautlehre..., 37, 125.

²⁾ Преимущественно подъ вліяніемъ извѣстнаго труда этого ученаго «Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indoeuropéennes» написано изслѣдованіе о старославянскомъ вокализмѣ Крушевскаго, къ сожалѣнію, столь рано скончавшагося, подъ заглавіемъ «Къ вопросу о гунѣ» (Р. Ф. В. 1881 г., т. V); недостатокъ этого сочиненія, мнѣ кажется, въ томъ, что авторъ пренебрегъ конкретнымъ разнообразіемъ формъ старослов. памятниковъ.

³⁾ Разумѣю 1-ое и 2-ое изданіе I-го тома «Grundriss der vergleich. Grammatik der indogerm. Sprachen» (1886 и 1898 г.); сравн. рецензіи Ягича на 1-ое въ X-омъ т. «Archiv» а с. 189, на 2-ое въ XX-омъ т. «Archiv» а, с. 372.

Исслѣдованія по русскому языку, т. II.

проф. Р. Θ. Брандтъ и И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ¹⁾ особенное вниманіе обратили на различіе не порядка звуковъ, а твердости или мягкости; только Брандтъ свой «мягкій слоговикъ» считалъ специально словянскимъ образованіемъ, плодомъ вторичнаго сокращенія основныхъ *er*, *el*, хотя достаточно бы было, кажется, указанія литовскихъ параллелей, чтобы заставить отказаться отъ такого взгляда. Эти попытки, однако, не отличаются ясностью и опредѣленностью.

Болѣе сильный противовѣсъ сонантической теоріи представляла теорія ослабленныхъ или «ирраціональныхъ» гласныхъ; кромѣ І. Шмидта, отверженцами ея являются Бехтель²⁾, Фортунатовъ и Ягичъ, который никогда, кажется, не былъ рѣшительнымъ сонантистомъ³⁾, а въ послѣднихъ своихъ статьяхъ все больше и больше склонялся въ пользу признанія ирраціональныхъ гласныхъ (см. въ особенности рецензіи на словянскую часть сравнит. грамматики Бругманна и III-ю главу статьи «Нѣкоторые спорные вопросы», въ которой Ягичъ присоединился вполне къ формулѣ Фортунатова, признавъ за нимъ первенство). Формула Фортунатова отличается именно тѣми преимуществами, что соединяетъ въ себѣ лучшія стороны какъ сонантической, такъ и антисонантической теоріи, т. е. заключаетъ въ себѣ именно положительныя стороны обѣихъ, отбрасывая отрицательныя;

¹⁾ См. напр. «Изъ лекцій по латинской фонетикѣ» (Воронежъ, 1893 г.), стр. 318: д. ц. сл. врьжх сл. *v₁г₁х —а, сл. *v₁па д. ц. сл. в₁зна. . . . , с. 360; сл. *v₁г₁а-та, д. ц. сл. врьста. . . . ; сравн. также «Кашубскій языкъ, народъ и вопросъ» (Ж. М. Н. Пр. 1897 г., май, с. 101, 104, 107—108). Соотвѣтственно г₁ и г₂.... проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ у Р. Θ. Брандта находимъ *р, *р, *л, *л или г₁, г₂.... (см. въ указ. сочин.). Тѣ же г₁ и г₂ у Флоринскаго (Лекціи II, 423). Повидимому, признаются отгѣнки *^oг, *^oг, *^eл, *^oл у В. А. Богородицкаго (Курсъ грамматики рус. яз., Варшава, 1887 г., с. 313, 314); сравн. у Möller'a ^eг, ^oп, ^eм, Bechtel, Hauptprobleme..... 133).

²⁾ Die Hauptprobleme Cap. III.

³⁾ Въ статьѣ «Ueber einige Erscheinungen des slav. Vocalismus», признавая слогаобразующія г—л въ старослов. яз. въ извѣстныхъ звуковыхъ группахъ, онъ однако на основаніи правописанія старослов. памятниковъ (гл. образ. Зограф. Ев.), соблюдающихъ и въ этихъ группахъ разницу между з и ѣ, приходитъ къ заключенію, что здѣсь различались болѣе твердое (болѣе широкое) и болѣе мягкое (болѣе узкое) дрожанія вокализованныхъ г—л (стр. 381), и вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ заслуги Поттебни и І. Шмидта въ указаніи на то, что русскій яз. никогда не доходилъ до столь тѣснаго сліянія глухого съ плавнымъ, чтобы не различать какъ качества, такъ и мѣста сопровождающаго плавный гласнаго (385), и что теоретически старословянскія формы представляютъ болѣе позднюю фазу развитія сравнительно съ той, которая легла въ основаніе русскихъ формъ. Изъ предположенія же «минимальнаго гласнаго» при слогов. плавн. въ общеслов. праязыкѣ можно заключать, что еще въ 1881 г. Ягичъ, хотя и нерѣшительно, высказалъ почти то, что болѣе рѣшительно въ 1897 г.

её слѣдуетъ назвать сонантической, такъ какъ она не отрицаетъ праязычныхъ и общесловянскихъ сонантовъ *р* и *л*, и въ то же время ирраціонально — вокальной, такъ какъ не отрицаетъ сохраненія при слоогообразующихъ *р* и *л* ирраціональныхъ *неслоговыхъ* гласныхъ, т. е. не допускаетъ паденія коренного неударяемаго гласнаго въ извѣстныхъ формахъ до нуля еще въ праязыкѣ. Признаваемый Фортунатовымъ *неслоговой* ирраціональный гласный при слоговомъ плавномъ и есть тотъ «минимальный гласный» или та «звуковая окраска» въ передней или задней части слогового плавнаго, о которыхъ говорилъ Ягичъ въ 1881 г., почему-то не рѣшаясь изъ своего замѣчательнаго соображенія сдѣлать дальнѣйшій выводъ, тѣмъ болѣе естественный, что самъ онъ два года назадъ обратилъ вниманіе на взаимное соотвѣтствіе литовской и словянской передачи «слабыхъ» гласныхъ. Важность и необходимость формулъ **tъrt* и **tъrt* ясна до очевидности. Съ одной стороны всякому слависту должно быть ясно, что сонантическая теорія въ томъ видѣ, какъ она проповѣдуется Бругманномъ, или какъ нѣкогда излагалась Миклошичемъ, не можетъ объяснить явленій сѣверныхъ словянскихъ нарѣчій. Съ другой стороны, и формулы **tъrt* и **tъrt*, въ которыхъ предполагаются носителями слога *з* и *ь*, также не могутъ объяснить всей совокупности явленій отдѣльныхъ словянскихъ языковъ: во первыхъ, относительно старословянскаго яз. замѣтимъ, что, если бы *з* и *ь* здѣсь были слоговыми въ общеслов. яз., то при перестановкѣ съ удлиненіемъ по аналогіи *trat* и *trêt* изъ **tort* и **tert* мы бы ожидали и здѣсь измѣненія *з* въ *и* и *ь* въ *і*, на что обратилъ вниманіе еще покойный Облакъ, тонкое грамматическое чутье котораго вѣрно подсказало ему, что здѣсь *з* и *ь* должны быть нетождественны съ рефлексамъ индоевропейскихъ *й* и *і*¹⁾; во вторыхъ

1) Einige Capitel aus der bulgar. Grammatik, Archiv f. slav. Phil. XVII, 440—441; здѣсь Облакъ высказалъ также свое мнѣніе о произношеніи старосл. *ръ*, *лъ* изъ общеслов. *рр*, *лр* : по его мнѣнію, оно было въ IX в. подобно нынѣшнему сушскому (въ юго-восточной Македоніи) и равнялось приблизительно *г²*, *л²*, при чемъ гласный элементъ нетождественъ съ обычнымъ болгарскимъ «полугласнымъ» (глухимъ), а представляетъ «болѣе короткій бѣглый звукъ, неполный *ъ*». Любопытно, однако, что то *и*, котораго ожидалъ бы при перестановкѣ изъ *з* Облакъ, до нѣкоторой степени существуетъ, кажется, въ нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ болгарскихъ говорахъ (жеравенск. и частію шуменскихъ); М. С. Дриновъ отмѣтилъ *брѣзамъ*—*brûzam*, длго—*dlûgo* съ тѣмъ «сильно глухимъ» звукомъ, который, по его описанію, звучитъ уже («enger»), чѣмъ въ другихъ случаяхъ и другихъ восточныхъ говорахъ, и уиодобляется русскому *ы* («Beiträge z. Kunde d. neubulg. Sprg.», Archiv V, 371—372); тѣмъ не менѣе, едва ли возможно возводить это новоболг. *й* къ общеслов. звуку *ъ*, такъ такъ мы ожидали бы тогда и здѣсь обычный рефлексъ его *і* (**brizam*, **dlûgo*) скорѣе, чѣмъ болѣе рѣдкое *з* или *ь*, сохраняющееся въ отдѣльныхъ сло-

было бы непонятно при предположеніи основного *tʏt и т. п., почему въ большинствѣ говоровъ сербо-хорватскихъ, словѣнскихъ, словацкихъ и чешско-моравскихъ не являлось здѣсь обычной въ нихъ въ другихъ случаяхъ замѣны *слоговыхъ* глухихъ даже подъ удареніемъ, и почему *tʏt измѣнилось въ tʏt во всѣхъ сочетаніяхъ, кромѣ случаевъ, когда начальный согласный есть небо-зубной спирантъ (š, ž) или дифтонгъ, заключающій въ себѣ этотъ небозубной спирантъ (č), послѣ которыхъ чешскій яз. развиваетъ передъ r полный гласный; въ третьихъ, чешскія формы mluviti, chlum, člun, žlutý, dlouhý, польск. długi, н. луж. dłuŕki, начало которыхъ древнѣе начала письменности на этихъ языкахъ (сравни. Gebauer, Hist. mluvn. I, § 229), объяснимы лишь дѣйствіемъ открытаго лабиализованнаго ʎ на подвергшійся перестановкѣ *неслоговой* ирраціональный гласный, при чемъ въ чешскомъ, можетъ быть, вслѣдствіе болѣе упорнаго сохраненія общеслов. слогаобразующихъ плавныхъ, это дѣйствіе распространилось не только на случаи съ начальнымъ твердымъ зубнымъ, какъ въ польскомъ и н. лужицкомъ, но и на случаи съ начальными č, ž, губными и гортанными передъ слѣдующими также губными, гортанными, а частію и другими согласными: эти формы, мнѣ кажется, дѣлаютъ несомнѣннымъ предположеніе не только въ пра-чешскомъ, но и въ прапольскомъ формуль *tʏt, *tʏt¹);

вахъ, какъ tʏ, pʏj, vʏj, см. въ отчетѣ Милетича, входящемъ въ составъ «Berichte der Balkan-Commission. I. Über Dialectforschung auf der Balkanhalbinsel..... zusammengestellt v..... D-g V. Jagić», стр. 3.

¹) Сравни. «Лекціи по фонетикѣ старослав. языка» Ф. О. Фортунатова, с. 143—149, гдѣ онъ различаетъ общесловянскія сочетанія lʏ, lʏ, lʏ, lʏ, и гдѣ удачно сопоставлены написанія дългъ (съ производ.) съ ъ въ знач. «долгъ» и «долгій» въ Зограф. и Саввин. кн., глагольн. основа тлкъ- въ Сав. и Зогр. Ев. и нѣкоторыя другія съ польск. dług, długi, tłuке, ч. dlouh, dlouhý, tluку, н. луж. dług, tłuкаś и т. д. Что первонач. «*твердое*» l въ чешскомъ измѣнилось въ lu (lou), а «мягкое» (точнѣе среднее) l сохраняло слогаобразующую силу, высказано также Пастерникомъ (Pastrnek Fr., Beiträge zur Lautlehre der slovak. Sprache, Wien, 1888, отд. отд. изъ CXV т., I, Sitzungsberichte phil.-hist. Cl. d. kais. Akad. d. Wissenschaft., с. 91=291) и подтверждается фактами нѣкоторыхъ восточноморавскихъ говоровъ, напр. въ злинскомъ гов. vlk, vlček, pl'uit, при dlžen, dl'hý, sl'p, st'kat, tlstý, chlm, žč, žltý, но klzat (чешск. klouzati), см. Bartoš, Dialektologie moravská, I d., 6, 8, Pastrnek, Lautlehre. . . slov. Spr. 90. Совершенно неосновательными представляются мнѣ мнѣнія тѣхъ, которые видѣли причину образованія этихъ западнослов. формъ или въ положеніи l передъ ударяемымъ слогомъ (Р. О. Брандтъ, Р. Ф. В. 1882, № 4, стр. 185—188, позднѣе А. И. Соболевскій, Ж. М. Н. Пр. 1895 г., май, 87—89), или въ долготѣ (V. Oblak, Zum silbenbildend. l im Slavisch., Archiv f. sl. Phil., XVI B., 207): противъ обоихъ предположеній, кромѣ исключеній, говоритъ ограниченіе формъ -lu- въ польск. и н. лужицк. сочетаніями съ начальными тверд. зубными, а противъ второго и чередованіе чешск. lu съ lou, указывающее на чередованіе краткости и долготы въ самомъ lu. Любопытно, что и является иногда и позади r (діалект. чешск. te-

въ 4-ыхъ и старопольскія формы съ *ir*, откуда новопольск. *ier*, на которыя давно уже обращали вниманіе Бодуэнь-де-Куртенъ¹⁾, Ягичъ²⁾, Брикнеръ³⁾, Брайдтъ⁴⁾ и друг., каковы *riřzwenczem*, *wiřzch* и др. т. п. (Псалт. Флор.), свидѣтельствуютъ, весьма вѣроятно, о неслоговомъ *i* передъ *r* въ прапольскомъ, такъ какъ слогов. *i* замѣнилось бы прямо черезъ *e*, при чемъ я думаю, что неслоговое *i* въ этихъ случаяхъ въ періодъ старопольской письменности было уже слоговымъ неяснымъ *i*, вслѣдствіе чего не пропускалось на письмѣ, а выражалось черезъ *i*, въ послѣдующую же эпоху измѣнилось въ *ie* передъ *r*, вѣроятно, по той же причинѣ, по какой и полное *i* во многихъ другихъ случаяхъ (достигало ли *i* въ старопольск. *wiřzch* полной гласности *i*, какъ въ новопол. *wiřk* или кашубск. *wiřba* и т. п., остается подъ сомнѣніемъ); наконецъ, и преобладаніе написаній съ *z* и *z* въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ даже въ тѣхъ памятникахъ древне-русской письменности, которые уже охотно употребляютъ *o* и *e* въ «слоговыхъ» положеніяхъ, указываетъ на то, что здѣсь *z* и *z* дольше удерживали ирраціональный характеръ, позднѣе старыхъ слоговыхъ *z* и *z* обратились въ полные звуки *o* и *e*, а слѣдовательно раздѣляли судьбу старыхъ неслоговыхъ⁵⁾ *z* и *z*, удерживавшихся въ качествѣ полугласныхъ при трудно произносимыхъ группахъ согласныхъ и въ болѣе позднюю эпоху обратившихся также въ слоговые *z*, *z* и затѣмъ *o* и *e* (сравни. выше въ 1-ой главѣ, стр. 105, *посадничество* и т. п.).

Для вопроса, который составляетъ главную часть нашей задачи въ настоящей главѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь небольшую часть общаго вопроса о судьбѣ указанныхъ сочетаній въ словянскихъ нарѣчіяхъ, а именно для

gruc, Gebauer, H. ml. I, § 229, польск. *trugrac*, *trugac* Бартошев.) передъ слѣдующ. губн. или гортан. (заднеязычн.), что подтверждаетъ мнѣніе Шахматова объ участіи въ образованіи и лабиализма (Отчетъ о прем. Котляр. 1898 г., с. 59).

1) О древнепольскомъ яз. до XIV столѣтія, § 77.

2) Ueber einige Erscheinungen d. slav. Vocalismus, Archiv. . . I, 350 (Ягичъ считалъ *i* здѣсь выраженіемъ звука краткаго *i*, близко соответствующаго старословянскому *ь*).

3) Zur Geschichte der Lautgruppen I. tert, 2. telt u. telt, Archiv. . . XII (1889), 290—296.

4) Русск. Филол. Вѣстн. 1882 г., № 4, стр. 191.

5) Болѣе удачными, пожалуй, можно назвать термины «сильно-ирраціональные» и «слабо-ирраціональные» звуки, употребляемые В. Н. Щепкинымъ («Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги», Извѣстія Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н., т. III, кн. 4, с. 1185—1187) вмѣсто терминовъ Шахматова «неслоговые» и «слоговые», такъ какъ самая мѣра слога неизвѣстна или по крайней мѣрѣ трудно опредѣлима, а термины Щепкина, которые мнѣ напомнили термины «сильно-глухой» и «слабо-глухой» М. С. Дрянова («Beiträge zur Kunde der neubulgar. Sprache», Archiv f. slav. Phil. V, 370—372), не предрѣшаютъ, составляютъ ли *z* и *z* полные слоги, или только часть слога.

вопроса о судьбѣ ихъ въ русскомъ яз. и въ особенности въ нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ говорахъ, достаточно установить во первыхъ, что унаслѣдованные отъ литовско-славянской эпохи ирраціональные звуки въ этихъ сочетаніяхъ, имѣвшіе въ общеславянскую эпоху характеръ столь сильно оглушенныхъ звуковъ, что теряли способность быть носителями слога, главная часть котораго падала на сопровождавшіе ихъ плавные, въ общерусскую эпоху становились менѣе глухими и принимали на себя слоговую функцію, во вторыхъ, что унаслѣдованная изъ общеславянской эпохи разница между *ъ* и *з* въ общемъ сохранялась строго и въ русскомъ яз. только передъ плавнымъ *р*, въ третьихъ, что передъ плавнымъ *л* всякое общеслов. *ъ* перешло въ *з* въ общерусскую эпоху въ положеніи послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ смягченныхъ зубныхъ (шипящихъ), послѣ которыхъ еще сохранялось *ъ*, хотя и лабиализованное, т. е. измѣненное, какъ и вообще послѣ смягченныхъ согласныхъ, если не препятствовала мягкость слѣдующаго слога, вѣроятно, еще въ общеславянскую эпоху, по направленію къ *з*, т. е. въ качествѣ ирраціональн. *й*, смягчающаго предшествующій согласный¹⁾, вмѣсто ирраціон. *і*; это ирраціон. *й* переходило въ слѣдующую эпоху развитія языка (уже въ историч. время) черезъ посредство *ѳ* частію въ *е* (какъ и ирраціон. *ѳ*), частію въ *о* въ зависимости отъ различія фонетическихъ условій и отъ различія говоровъ.

Кромѣ этихъ общерусскихъ условій измѣненія указанныхъ сочетаній, отдѣльные говоры представляютъ извѣстныя особенности, на которыя обратилъ вниманіе еще Ал. Ав. Потебня, давъ имъ характерное названіе второго полногласія²⁾. Между прочимъ нашъ памятникъ представляетъ для исторіи этого явленія богатый матеріалъ. Начало этого явленія, заключающагося въ развитіи второго гласнаго послѣ плавнаго, нѣкоторые ученые, какъ І. Шмидтъ, хотѣли видѣть въ общеславянской древности, указывая на нѣкоторыя особенности правописанія старослов. памятниковъ, но И. В. Ягичъ въ извѣстной рецензіи на славянскую часть сочиненія І. Шмидта указалъ неудачность приводимыхъ имъ примѣровъ и неосновательность его выводовъ; мало того, статистически разобралъ количество говорящихъ въ пользу теоріи І. Шмидта примѣровъ рядомъ съ противополож-

¹⁾ Сравни у А. А. Шахматова, Къ исторіи звуковъ рус. яз. I, стр. 14—15 (Отд. отт. изъ «Извѣстій», т. I, кн. 4).

²⁾ Къ исторіи звуковъ рус. яз. 1876 г., стр. 90.

ными имъ, Ягичъ пришелъ къ заключенію¹⁾, что и въ древне-русскихъ памятникахъ ц. словянскаго яз. XI-го в., каковы Остромирово Еванг., Слова Григорія Наз., Изборники 1073 и 1076 г., Миней 1095—1097 г. и Чудовская псалтырь, написанія съ двумя ъ или з передъ и послѣ плавнаго очень немногочисленны сравнительно съ написаніями старословянскими (съ ъ или з послѣ плавныхъ) или общерусскими (съ з или ъ передъ плавн.) и объясняются не діалектической русской чертой, каковую склоненъ былъ видѣть Потебня, а приемами писца, старавшагося примирить старослов. правописаніе съ русскимъ порядкомъ звуковъ. Какъ бы мы ни объясняли, однако, написанія русскихъ памятниковъ XI-го в., мы не можемъ отрицать, что въ памятникахъ XIII—XIV в. дѣйствительно отражается извѣстное діалектическое явленіе, о которомъ говорилъ Потебня, и въ существованіи котораго я не могу сомнѣваться въ виду извѣстныхъ формъ современныхъ сѣверо-западныхъ великорусскихъ говоровъ, каковы *верѣх*²⁾, *смерѣтушка*³⁾, *стѣлоб* и *стѣлобѣ*⁴⁾, при чемъ отрицаніе этого явленія, высказанное А. А. Шахматовымъ⁵⁾, мнѣ не кажется вполне обоснованнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не вездѣ формы второго полногласія явились фонетически, что во многихъ случаяхъ опѣ обязаны своимъ существованіемъ другимъ родственнымъ формамъ, и что послѣднія имѣютъ аналогію въ случаяхъ, не относящихся къ разряду разбираемыхъ сочетаній, а именно въ приводимыхъ Шахматовымъ добор, веперь, мысль (сравн. сербск. добар, мѣсао В. С. К., болгарск. мѣсль Дюверн.); тѣмъ не менѣе, какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ появленіе новыхъ гласныхъ передъ *р*, *л*, такъ и въ разбираемыхъ нами появленіе второго гласнаго послѣ *р*, *л* вызвано извѣстнымъ фонетическимъ стремленіемъ, и важность этого стремленія заключается въ его не общемъ, а діалектическомъ характерѣ, вслѣдствіе чего оно можетъ служить вмѣстѣ съ другими чертами для характеристики особенностей извѣстныхъ говоровъ. Изъ того, что явленіе имѣетъ аналогію въ другихъ явленіяхъ, не слѣдуетъ, что мы должны отрицать его

¹⁾ Archiv f. slav. Phil. I, 366—376.

²⁾ Олонецк. у. (сообщ. П. Романовскаго въ Матеріалахъ для изуч. великор. говор. IV, № 29, Извѣстія II Отд., т. II, 236), Новгор. г. Боровичск. у. (Мат. III, 77, № 28), Псков. г. Новорж. у. (Мат. V, с. 191, № 39), Арханг. (Потебня, Къ ист. зв., 93).

³⁾ Новгор., Псковск., Тверск. (Потебня, *ibid.* 93).

⁴⁾ Олонецк. у. и г. (Мат. IV, № 29, Извѣст. т. II, с. 236), Боровичск. Новг. г. (*ib.* III, 77, № 28), Псковск. (Потебня, *ib.* 92).

⁵⁾ О языкѣ новгородск. грамотъ, § 26, с. 183—184.

особенность сравнительно съ ними; но важно то, что и въ приведенныхъ аналогичныхъ случаяхъ играютъ роль звуки *p* и *l*, длительный характеръ которыхъ сказывался во всѣхъ говорахъ и нарѣчійхъ, хотя и не въ одинаковой степени. Замѣчу еще, что приводимыя Шахматовымъ, кромѣ выше упомянутыхъ, малорусск. ф. *мо́зкѣ*¹⁾ (вм. *мо́згѣ*) и великорусск. ф. род. мн. *до́сокѣ*, миѣ кажется, сюда совершенно не идутъ и объясняются вліяніемъ суффикса *-жк-* (сравн. сербск. *мо́зак* В. С. К., болг. *мо́згѣ* Дюв., сербск. род. множ. *дасáкѣ* В. С. К.).

Отъ діалектическихъ случаевъ «второго полногласія» слѣдуетъ отличать, какъ это и сдѣлалъ уже Потебня, такіе общерусскіе, какъ *пóлон*, *дóлог*, малорус. *пóвен* (сравн. *поленѣ* у Сквороды, Харьк. изд. 1894 г., стр. 226), *чóвен*, польск. *реѣп*, но и они требуютъ объясненія, которое и было предложено проф. Фортунатовымъ²⁾: онъ удачно обратилъ вниманіе на то, что эти обычные въ русскомъ языкѣ формы являются въ тѣхъ словахъ, которыя имѣютъ въ сербскомъ языкѣ рѣзкое удареніе на соответствующемъ русскому *ол* звукѣ *у*, а сербское рѣзкое краткое удареніе въ плавныхъ сочетаніяхъ обыкновенно соответствуетъ чешской долготѣ³⁾ (если плавные сочетаются съ этимологически предшествующими имъ полными гласными, которые мѣняють въ чешскомъ и сербскомъ свой общесловянскій порядокъ, т. е. являются послѣ плавныхъ, или если позади общеслов. слогообразующаго \downarrow развивается въ чешскомъ гласный зв. *u*) и въ тѣхъ сочетаніяхъ, въ которыхъ передъ плавными былъ въ общеслов. языкѣ полный гласный, имѣетъ соответствіе въ русскомъ удареніи на второмъ, развившемся въ общерусскомъ языкѣ, гласномъ; такимъ образомъ: общеслов. **solma*, **voŋna* = сербск. *слама*, *вра̀на* = чешск. *sláma*, *vrána* = рус. *со́лома*, *во́рна*, между тѣмъ какъ общеслов. **dъlgъ* «longus» = серб. *дѹг* = чешск. *dlouh(y)* = рус. *ддо́г*, *ддо́гий*, общеслов. **rъlnъ* = серб. *рѹн* = рус. *пóлон*, *пóлный* (чешск. *plnŭ* нехарактеристично потому, что слогообразующіе плавные въ чешскомъ всегда кратки, но можно указать съ долгимъ \downarrow юговосточно-моравское *plnit* въ злинскомъ говорѣ, гдѣ также

¹⁾ Бѣлорус. *мо́зкѣ* (Носовичъ), т. е., вѣроятно, *мо́зак* или *мо́згѣ* и т. п.

²⁾ Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslav. Sprache, Archiv f. slav. Phil. IV, 585.

³⁾ Странно, что это обстоятельство упущено изъ вида во II ч. «Лекцій по слав. языкознанію» Т. Флоринскаго, вслѣдствіе чего и приписанъ сербскому яз. рядъ невѣрныхъ по ударенію формъ (стр. 79).

dĭ'hŭ и sĭ'p¹⁾ съ долгими ĭ соответственно новочешскимъ дифтонгическимъ сочетаніямъ въ *dlouhŭ* и *sloup*, при чемъ долгое слогаобраз. *l* находимъ и въ гемерскомъ говорѣ словацкаго парѣчія: *dĭ'hja ruka*)²⁾, т. е. въ **soĭna* и т. п. долгое слогаобраз. *l* передало свое удареніе развившемуся послѣ него гласному, въ **dĭĭg* же, гдѣ полногласія въ ту же эпоху не развилось³⁾, предшествующій плавному ирраціональный гласный принималъ на себя удареніе и слогаобразующую силу плавнаго, который, однако, и послѣ потери ударенія могъ удерживать извѣстную степень долготы, а послѣдняя и давала поводъ появленію гласнаго позади *l*. Особенно важно съ *dōlog* «longus» сравнить *долгъ* «debitum», гдѣ съ старословянской точки зрѣнія незамѣтно никакой этимологической разницы, которая могла бы вызвать различіе звуковыхъ формъ, но гдѣ эта разница становится ясной съ точки зрѣнія общесловянской, а именно соответственно второму мы имѣемъ въ сербскомъ *dŭg* (въ словѣнск. *dōlg* при ф. род. ед. *doĭgā*, Плет.), въ чешскомъ же *dĭuh*, т. е. долгота въ сербскомъ и краткость въ чешскомъ. Въ той же статьѣ Фортунатовымъ сдѣланъ выводъ о соответствіи сербской долготы съ нисходящимъ удареніемъ литовскому долготу восходящему (Куршатовскому ~) ударенію, а въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ рефлексамъ сочетаній съ краткимъ индоевроп. плавнымъ и наоборотъ чешской долготы литовскому нисходящему ударенію (Куршатовск. знаки ' на долгихъ и ` на краткихъ слогахъ)⁴⁾, а въ другихъ индоевроп. языкахъ рефлексамъ соче-

1) Bartoš, Dialektologie moravská, d. I, 6; Fr. Pastrnek, Beiträge zur Lautlehre der slov. Sprache, 90. Однако слѣдуетъ замѣтить, что моравская и словацкая долготы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, новаго происхожденія, отступаютъ отъ чешской и согласуются какъ будто съ сербской: злинск. *vĭšek* *ibid.* при *vlk* (серб. *vŭk*), можетъ быть, вызвано прибавкой суф. -ьк-; сравн. впрочемъ средне-словацк. *sĭnce* (Šembera, Zákl. 71), юговосточно-моравск. *sĭncečko* и при тѣхъ же условіяхъ чешск. *slunce*, *sluncečko*, сербск. *sŭnce*, *sŭnašce* (Р. Брандтъ, Начерт. слав. акцентологии, 306).

2) Pastrnek, *ibid.* 91 (Šembera, Základové dialektologie československé, 77).

3) Что полногласія въ его настоящемъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ развитія позади плавнаго второго гласнаго, *вполнѣ равнаго* по количеству ирраціон. гласному, предшествовавшему искони плавному, въ общерусскую эпоху здѣсь быть не могло, очевидно изъ того, что удареніе падаетъ всетаки на предшествующій гласный, хотя по аналогіи **моръзъ* = *моръзъ* = чешск. *mráz* = серб. *mráz* мы бы ожидали **долъгъ*, **полъгъ*, если бы ѣ позади *l* былъ уже въ эпоху выдѣленія общерусскаго языка такимъ же по количеству, какъ и предшествующій звуку *l*; такимъ образомъ, считать формы **дъгъ* и т. п. прарусскими нельзя, но возможно, что въ общерусскомъ языкѣ было уже **дългъ*...

4) Выраженія «восходящее» и «нисходящее» ударенія въ литовскомъ или по Куршату «*geschliffen*» и «*gestossen*» нужно понимать условно, такъ какъ они не вполнѣ соответствуютъ характеру самыхъ удареній; по мнѣнію Авр. Лескина (*Untersuchungen üb. Quantität u. Betonung i. d. slav. Sprachen*, В. III, *Abhandlungen der phil.-hist. Cl. Kön. Sächs. Ge-*

таній съ долгимъ индоевроп. плавнымъ, а въ послѣдующихъ статьяxъ и лекціяхъ развилъ теорію двоякаго вида литовско-словаинской долготы, изъ которыхъ одинъ—*длительный*, унаслѣдованный отъ индоевроп. праязыка, удерживался въ плавныхъ сочетаніяхъ въ чешскомъ языкѣ, другой—*прерывистый*, развившійся въ словяно-литовскую эпоху, потерявъ чешскимъ и сохраненъ сербскимъ яз. Такимъ образомъ, в.русскія *пѣлон*, *дѣлог*, малорус. *пѣвен*¹⁾, польск. *peřen* могутъ объясняться тѣмъ, что въ этихъ языкахъ нѣкогда дольше удерживался именно старыи видъ долготы. Чтѡ касается малорусск. *чѡвен*, то оно не подходитъ подъ это объясненіе, такъ какъ мы имѣемъ въ чешскомъ *člun*, а въ сербск. *чѣн*, и должно быть приписано другимъ причинамъ, напр., можетъ быть, трудности произношенія согласнаго сочетанія *ln* или *wn* послѣ исчезновенія конечнаго *z*, требовавшаго гласной поддержки или позади или внутри, чѣмъ объясняется, можетъ быть, и переходъ этого слова въ основу среди. р. на *o* въ польскомъ: *czółno* при *czóln* и уменьшит. *czółenek*, *czółenko* (словарь Бартошевича). Можетъ быть, такое же объясненіе придется примѣнить и къ великорусскому *пѣсолонь*²⁾ (сравни. чешск. *sluň*, на *sluni Šum. R.*); однако необходимо замѣтить, что сербское *сѣнце* вслѣдствіе прибавки суффикса *-ице*³⁾ можетъ быть прямо сравниваемо лишь съ русскимъ *сѣ(л)нице*, ст. сл. *слѣнице* и чешск. *slunce*, а чешск. *sluň*, вполне совпадающее по формѣ съ русск.—*солонь* и указывающее вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ краткимъ *u* на старую краткость, все таки не можетъ окончательно, какъ мнѣ кажется, рѣшить

sellsch. d. Wissensch., В. XIII, Leipzig, 1893, с. 552—556) оба литовскихъ ударенія принадлежатъ къ разряду «падающихъ» съ небольшимъ различіемъ (при «восходящемъ» послѣ паденія является во второй части слога опять легкое повышение, см. *ibid.* 553).

¹⁾ Впрочемъ, относительно малорус. *пѣвен* слѣдуетъ сказать, что въ немъ развитіе *e* вѣроятно, не имѣетъ ничего общаго съ той старой причиной, которую возможно допустить для развитія второго *o* въ *дѣлог*: какъ справедливо указалъ еще Потебня (Къ истор. звук. I, 91), самое *e* малорусскихъ *пѣвен*, *чѡвен* свидѣтельствуетъ о позднемъ происхожденіи *e*, «такъ какъ, если бы въ основной ихъ формѣ гласная стояла послѣ *л* (въ родѣ *плннѣ*), то *л* неизмѣнилось бы въ *o*», а такъ какъ трудно отдѣлить по образованію отъ малорус. *пѣвен* великор. *пѣлон* и польск. *peřen*, то, вѣроятно, и ихъ слѣдуетъ объяснять также; слѣдов. остается одно *дѣлог*, для объясненія котораго, однако, также возможно удержаться въ предѣлахъ историческаго періода великорусскихъ говоровъ, а именно, предположить вліяніе суф. *-ик-* (сравни. н. луж. *dłujki* изъ **dług-ki*, ср. Брандтъ, Р. Ф. В. 1882, с. 182).

²⁾ Соболевскій, Лекціи по истор. рус. языка, Кіевъ, 1888, с. 28; Потебня, Къ ист. звук. I, 92.

³⁾ По закону (2) Авг. Лескина здѣсь *u* въ положеніи передъ *n-t-cons.*, находясь подъ удареніемъ, во всякомъ случаѣ должно было удлиниться (Unters. üb. Quant. u. Beton. 1885, X т. «Abhandlungen» саксонской академіи наукъ филос.-истор. отдѣл., с. 8=76).

вопросъ, такъ какъ возможно вліяніе болѣе обыкновенной формы *slunce* на болѣе рѣдкую *sluñ*; на формы же родственныхъ языковъ др. инд. (санскр.) *sūga-*, *sūgva-*¹⁾ и литов. *sáulė*, свидѣтельствующихъ о старой долготѣ, конечно, сослаться нельзя, такъ какъ онѣ имѣютъ лишь отдаленное этимологическое сродство съ нашими словянскими словами (существенная разница въ томъ, что онѣ представляютъ образованія отъ корня, оканчивающагося плавнымъ, между тѣмъ какъ словянскія производятся отъ корня, оканчивающагося сочетаніемъ «плавный + носовой»), и нисходящее удареніе литовскаго дифтонга *ai* можетъ свидѣтельствовать лишь о количествѣ *i*, чередующагося съ нимъ въ слабой степени вокализма, а не о количествѣ плавнаго, который нигдѣ въ этомъ корнѣ не можетъ стать слогаобразующимъ; замѣтимъ еще, что это словянское слово имѣетъ нѣкоторыя отступленія во всѣхъ словянскихъ нарѣчіяхъ: в. луж. *slouco*, *swoico* (Потебня, Къ ист. зв. I, 64), болгарск. діалектич.²⁾ (Чепино, Рупчось и частію дебрск. говоры) *слонце*, южносербск. діалектич. (въ нѣкоторыхъ волостяхъ «Старой Сербіи») *слунце*³⁾, съ которымъ справедливо сравнивали⁴⁾ встрѣчающіяся въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ формы *слюнце* (Мирослав. Еванг. к. XII в.)⁵⁾, *слоуньце*, *слѣньце* (Вукан. Еванг.)⁶⁾, *Ѡ слоунѣ ца* (перг. сборн. проф. Срезковича XIII—XIV в., л. 15 об.—16)⁷⁾, наконецъ *slonce*⁸⁾ въ зильскомъ говорѣ хорутанской

1) Bechtel, Hauptprobleme... 289.

2) В. Облакъ, Приносъ къмъ българската граматика, Сборникъ отъ народни умотвор. т. 11 (1895 г.), с. 573, 576; Einige Capitel aus der bulgar. Grammatik, Archiv f. slav. Phil. XVII, 443.

3) Ястребовъ, Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ, СПб. 1886, с. 253, 254, 256 (въ Средской и Сириничской волостяхъ); между другими особенностями этой переходной отъ сербской къ болгарской «языковой области» (употребляю удачное выраженіе проф. Бодуэна-де-Куртене) слѣдуетъ отмѣтить: 1) удержаніе глухихъ звуковъ, напр. *д'на*, *д'нас*, *к'д* при *кад*, *тѣпан*—серб. *támjan* (греч. *θυρίαχον*), ст. сл. и др. рус. *тѣмьянъ* (Сб. 1076 г., слов. Востокова), 2) *e* вм. *z* въ предлогѣ *ses* (**сезъ*); наклонность къ глухому произношенію рефлексивъ *z* и *ь* замѣчается въ положеніи безъ ударенія и въ говорахъ юговосточной половины сербскаго королевства (К. Мисирковъ, «Значеніето на моравското или ресавското наречіе за съвременната и историческата этнография на Балк. полуостр.», Български прегледъ, год. V, кн. I, 1898, 123).

4) V. Oblak, Zum silbenbild. l im Slavischen, Archiv f. slav. Phil., XVI, 207—208.

5) С. М. Кульбакинъ, Замѣтки о языкѣ и правописаніи Волканова Евангелія, с. 13 (Отд. отт. изъ III т. «Извѣстій Отд. р. яз. и сл. И. Ак. Н.», с. 1152); *ю* въ Миросл. Ев. графически часто вмѣсто *у* (*ѡ*, *z*, этимолог. *ѡ* и *ж*).

6) Ibid. с. 13=1152; Срезневск. Свѣдѣнія и замѣтки... XII, с. 32.

7) М. Соколовъ, Матеріалы и замѣтки по старинной слав. литерат., вып. I, стр. 8, 20.

8) В. Облакъ, Приносъ къмъ бълг. грам., 576.

группы словѣнскаго языка; очевидно, здѣсь были какія-то особыя условія. Развитие второго *o* въ великорус. *пѣсолонь* мнѣ представляется необходимымъ фонетически независимо отъ этимологическихъ соображеній: по закону неударяемыхъ гласныхъ Потебни и Богородицкаго здѣсь слогъ *со(сь)* приходился въ положеніи слога наиболее слабого (непосредственно за ударяемымъ слогомъ), вслѣдствіе чего въ ф. **пѣслнь* должно было произойти одно изъ трехъ слѣдующихъ явленій: или усилиться и приобрести вполне слоговой характеръ конечное *ь* → *ѣ*, или ослабиться весь конецъ слова упрощеніемъ группы согласныхъ, или наконецъ развиться второй гласный между *л* и *н*; изъ нихъ первое не могло произойти потому, что такимъ путемъ разбираемое слово отступило бы отъ другихъ словъ той-же синтактической категоріи, принимавшихъ окончаніе *ь* даже вмѣсто этимологическихъ *е* и *ь* (сравн. выше стр. 118 *прочь, прямь, пѣсторонь*), второе было затруднительно по фонетическимъ причинамъ вслѣдствіе сонантического характера группы *лн* въ положеніи послѣ ослабленнаго слога *сѣ(сѣ)*¹⁾ и было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы въ подлежащей ослабленію группѣ одинъ согласный былъ несонорный и недлительный, слѣдовательно неизбѣжно должно было произойти третье, т. е. развитіе новаго гласнаго между *л* и *н*.

Общерусскіе случаи *верѣвка* изъ **вр(ь)вѣка* и *дерѣвня* изъ **дър(ь)вня* объясняются образованіемъ группы длительныхъ согласныхъ *рѣ* послѣ утраты слогового характера суффиксальныхъ *з* и *ь*, старое удареніе которыхъ передвинулось влѣво и должно было бы пасть на первое *ь*, если бы слабый зачатокъ ирраціональнаго звука между *р* и *ѣ* не задержалъ его передвиженія на первый слогъ и не развился, благодаря этому, самъ въ слоговой гласный, тождественный съ гласнымъ перваго слога. Первое производно отъ др. рус. *врѣвь*²⁾, позднѣе *верѣвь*²⁾, ст. слов. *врѣвь, врѣвь* (Miklos. Lex. pal.), съ которыми сравн. болгар. *врѣвь, врѣвѣца, врѣвѣж* «иду,

¹⁾ Для уясненія зависимости измѣненія группы *лн* отъ положенія срав. *сонце* малорус. великорус. изъ **сѣлнце*: здѣсь *лн* въ положеніи непосредственно послѣ ударяемаго слога было въ сонантическомъ отношеніи слабѣе, вслѣдствіе чего и упрощалось въ *н*; тоже въ малорус. *челчій* изъ **чърнчій*, въ великорус. и малорус. *юничар, Гончарѣв* изъ **гърньчарѣв* и т. п. въ слогахъ передъ удареніемъ.

²⁾ Срезневскій, Матеріалы для словаря др. русск. яз., в. в. Форма *веревка* (ibid. 243) отмѣчена уже въ памяти. 1589 г., ibid. *веревочка*. Сравн. арханг. «*веревныя книги*» (Потебня, Къ истор. звук. I, 93), «*вѣревяя (...тяглая, тѣглова) сажень*», «*вѣревяя (...дѣлевая) книга*», «*вѣревыцки*» («*дѣлѣлыцки*») и глаголѣ *врѣвить* — «*мѣрять веревкой землю*» (Подвысоцкій, Слов. области арханг. нарѣчій, в. в.).

спѣшу, слѣдую».... (Дювернуа съ указан. удареній Лаврова), словѣнск. vřv, vřvī, vřvca, vřvica — «Seil, Strick», vřvēti «wimmeln» (Плетершн.), литовск. wirwē «Seil, Strick» (Куршаты), свидѣтельствующія объ исконной акцентовкѣ на суффиксѣ. Второе еще А. Аѳ. Потебня ¹⁾ сравнивалъ съ литовск. dirwā «ноле», «пашня», и я вполне соглашаюсь съ этимъ сближеніемъ, хотя не вижу необходимости принимать вмѣстѣ съ Ал. Аѳ. за основную форму «дѣрва»; нашей формѣ, производной отъ *dъrвā, по звукамъ буквально соответствуетъ литовская ф. прилагат. ж. р. dirwinė «пахотная», «полевая» (Курш.).

Діалектическіе случаи «второго полногласія» существенно мало отличаются отъ разобранныхъ общихъ, и разница преимущественно въ томъ, что они не ограничиваются сочетаніями двухъ длительныхъ звуковъ, т. е. сочетаніями «плавный+носовой» или «плавный+звучный спирайтъ» (напр. губн. ѳ), а распространяются на сочетанія съ плавнымъ мгновенныхъ согласныхъ, и причины ихъ могутъ быть весьма различны ²⁾; изъ общихъ случаевъ у насъ такой только въ выше разобранномъ *дѣлог*.

Но пора приступить къ систематическому обзору написаній Синод. списка Новгородской 1-ой лѣтописи.

Въ части, написанной 1-мъ поч., находимъ слѣдующіе случаи -зл-: вългаре 90, вългоу 67, 86, на вълзѣ 86, вълны 21, вълхв(е) 59 (Ф. мѣст. п. ед. ч.)—(о) 79, дълго 40, мълкълаше 31. 4, 51, мълннн 60, 94. 12, 16, пълк(ъ) 71. 11, 80. 4,—(оу) 86 (2 р.),—(у) 33,—(омь) 86, 88, (стѣ)—(а) 1. 4—5 ³⁾, 2. 4, 11. 10—11 ³⁾, 37, 44. 1—2,—(омь) 36,—(ъ) 2. 4, 5. 7, 11, 14, 15, 38, 44, 45, 48, 50. 5 ⁴⁾,—(кво)—(ъ) 26, 27, 31, 39,—(а) 83, 87, 89, (мъво)—(а) 88, (кво)—(омь) 80, 88,—оу 39, 83, стѣпълчъ 15, каронълцѣмъ 27. 2—3, пълн(е) 46 (е вм. ѣ, Ф. им. дв. ч.), (на) пълн(исл) 21. 1, 41, 52, 95, хълл(а) 29,—(ъ) 46, (на)—(ѣ) 48, 102,

¹⁾ К исторіи звуковъ рус. яз., IV (1883 г.), 18. *Деревня* встрѣчается уже въ грамотахъ XIV-го столѣтія (см. Срезневск. «Матеріалы» s. v.), но можетъ быть, не вездѣ она имѣетъ указанное выше происхожденіе. любопытнымъ свидѣтельствомъ котораго является значеніе этого слова до сихъ поръ въ архангельскомъ нарѣчій (Подвысоцк. s. v.); малорус. *деревня*, какъ это доказала Потебня (ibid. 19), должна быть поставлена въ этимологическую связь съ словомъ «дѣрево», и возможно, что и въ господствующемъ великорусскомъ значеніи сохранился слѣдъ сліянія въ одномъ словѣ двухъ этимологически неродственныхъ и различныхъ по значенію, но сходныхъ по звукамъ.

²⁾ Нѣкоторыя указаны Фортунатовымъ въ Archiv f. slav. Phil. IV, 585.

³⁾ Переносъ послѣ з.

⁴⁾ Конечное з исправлено на а.

106, 120,—всего 61 разъ; случаи -*вр-*: *вързо* 51, *въ вързѣ* 21, *кърма* (Ф. род. ед. ч.) 88, *скървь* 63, на *търговици* 28, 32, 46, 58, 87, 90, 99, *търговѣн полъ* 29. 5, 58, *търг(ъ)* 40, 53, 67, 83, 88, 115,—(оу) 23, 49, 53, 60, 82, 87, 111, 116,—(у) 60, *нокотържѣц(и)* 67, 88, 89, 120,—(е) 89, (въ)|—(е) 97, *нокотържѣцѣ* 49—50—всего 35 разъ; -*вр-*: *съвъргоша* 29. 2, 93, *върстѣ* 70, 86, *върхоу* 115, *твърд(о)* 72,—(ъ) 86,—(лтицю) 46, *четвъртън* 72, *четвъ* 64. 14, *държаше* 42, 116, *смърд(ъ)* 104,—(фухъ) 72. 1, (оу)|*мърлѣ* 79. 17—18 (въ концѣ строки з съ короткой горизонтальной верхней чертой вмѣсто ъ ¹⁾), *мъртвѣ* 106, *мъртвѣца* 24, *номърче* 91, *първаго* 17, 70. 8, *растърза* 45, *църкова* 90, 101, (ц)|*ърнець* 102, (ч) — *ствѣ* 103, *църн(и)гов(оу)* 56, 115,—(ъ) 14,—(ф) 61,—(у)—(ф) 13,—(и)—(ъцелъ) 111, (оу)|*чърнигов(а)* 9. 14,—(ъ) 110, 114,—(ф) 16—35 разъ ²⁾); -*лз-*: *мълъквти* 28. 15—16, *пълъкъ* 8. 2, *иропълъкъ* 116. 8—9, *иропълъ* 4. 14—15 (примѣръ этотъ сомнителенъ, такъ какъ неизвѣстно, пропущено ли только *к* послѣ *л*, или *кз* послѣ *лз*), *истълъкъше* 23. 13—14, *стълъпника* 104. 4—6 разъ; -*врз-*: *търгѣ* 107, на *тържѣкоу* 115—2 раза; -*връ-*: *вървнищ(е)* 116. 11,—(ю) 56. 1, 65. 6, 116. 10, *вършь* 22—5 р.; -*връ-*: *мъръзноути* 1. 3, *мърътва* 95—2 р.; -*р-*: *дръж(ице)* 68. 17,—(лти) 6. 13, *црък(овѣ)* 112. 7—8,—(ъ) 102. 13—14—4 р.; -*ол-*: по *волзѣ* 50, *волхов(о)* 28, 45, 46, 96, *въ*—(ф) 21,—(е) 24, *въ волховѣ* 45. 8—9, *въ воховѣ* 22, *стѣполкъ* 11. 9—10 р.; -*ер-*: *съверша* ³⁾ и съ *моста* 42. 9, *смерд(омъ)* 2. 9,—(ъ) 33, до *смерти* 42. 7—8, съ *мерчеса* 95. 7—8, *църнигов(ъци)* 31. 10,—(ъскъ|и) 31. 14—15,—(и) 31. 16, *църнѣци* 58, *чърнигов(оу)* 55,—(ъскън) 15. 2,—(ъци) 111—12 р.; -*вр-*: *съвъргоша* 34. 12, *съвърш(е)на* 19. 10—11,—(е|ноу)

¹⁾ Этой опискѣ я не придаю никакого значенія и считаю этотъ примѣръ вмѣстѣ съ другими, имѣющими ъ передъ *р*.

²⁾ Примѣръ читѣкъ сюда относится лишь въ томъ случаѣ, если эта форма предполагаетъ основную **четвър(тѣ)къ* (сравни мнѣнiе Соболевскаго въ Р. Ф. В. 1889 г., № 1, с. 122), а не **четвър(ѣ)къ*; основная же форма **четвъркъ*, какъ въ изд. 1888 г., с. 145, въ суф. -*к* (не -*къ*), хотя и относилась бы сюда, представляется мнѣ согласно съ Соболевскимъ сомнительной; въ КАТ. *четвертокъ*.

³⁾ Описка вм. **сверюша*; менѣе вѣроятно предполагать здѣсь искаженную форму нетематическаго образованія сигматич. аориста, которая была бы или **свереша*, или въ ц.-слов. видѣ **сверыша* (съ русской замѣной *л* на *а*: **сврѣша*); сравни ст. слов. -*врѣшти*, -*врѣж*, достиг. *върѣщѣ*, -*врѣсти*, -*врѣжъ*, аор. *отврѣса са* (см. Ягича, словарь къ Мар. Еванг.). Аналогія ст. слов. *мръхъ*, *тръхъ* (Wiedemann, Beiträge zur altbulg. Conjugation, 103—104), которымъ могли бы соответствовать русскія **мерхъ*, **терхъ* (сравни малорус. неопред. *мерти*, *терти*), неполная. Въ АТ. *сверюша*.

113,—(иша) 46—4 р.; 1 р. -оръ-: моръдва 12. 15; 1 р. -оро-: нок^оте-рожьци ¹⁾ 115. 8—9; 1 р. -ерь-: ис церк^ннигова 116. 7—8; 1 р. -пръ-: съкѣрьши 118. 10—11; 1 р. -ере-: церенцемъ 35. 2. Кроме того съ неопредѣленнымъ правописаниемъ вслѣдствіе сокращеній подъ титлами въ формахъ двухъ словъ: слѣц(ѣ) 91,—(ѣ) 95, црѣк(и) 28, 48, 53, 79, 87, 95, 118,—(и) 4. 2, 16, 19, 22, 25, 32, 34, 46, 47, 49 (2 р.), 54, 57, 65, 66, 74, 75, 76 и др.... (44 раза), црѣкѣи 107, црѣкы 4. 4, 10 (2 р.), 14, 15, 20, 34 и др. (11 р.), црѣкы ²⁾ 10, црѣковъ 12, 91, 113, 122, црѣкы 117; всего подъ титлами 2+69=71 разъ.

Въ части второй находимъ: 29 р. -эл-: кълзѣ 166, кълхуы 204, кълхуок(о) 212, 228, (къ) — (ѣ) 212, кълкоу ³⁾ 180. 1, дълго 211, пѣлк(омъ) 151, 170,—(омъ) 185, 186,—(окъ) 186,—(къ) 170. 14, (стѣ) — (къ) 177,—(ты) 150, 166, 168, 169, 199, 208. 1, 11, 210, 233, 234, пѣлна 227, стѣпѣлчу 177, стѣлпы 139, хълам(а) 228, (на) — (ѣ) 126; 38 р. ⁴⁾ -эр-: (къ) вързѣ 224,—хъ 167, вързѣхъ ⁵⁾ 215. 1, върма (род. ед. къ имен. *кърма) 166, скъ|рѣ 227. 15—16, (на) тѣрг(овици) 164,—(оу) 138, 162, 208, 226,—(къ) 165, тѣрж(екъ) 175,—(къкъ) 161,—(къкомъ) 165,—(къкоу) 199, 200, 201. 7, 16,—(къкъ) 150, 152, 164. 3—4 (переносъ послѣ -жь-), 12, 19—20 (перен. п. тѣ-), 184, 199, 215. 1—2, 2—3 (перен. п. -жь-), 216. 5, 6, 222, (ново)тѣржъ(ци) 168. 14, 19—20 (пер. п. тѣ-), 169, 202. 18—19 (пер. п. тѣ-), —(чи) 223, тѣржоу 202. 14 [описка вм. тѣрж(къкоу?), тѣрлици|ца ⁶⁾ (Домажиря)—190, тѣрмоу ⁷⁾ 154 (одно изъ названій различныхъ чудскихъ племенъ); 82 -ър-: къ гра върне 141, къвъргош(а) 161,—(къ) 220, вържемъ 157, върсты 202, върх(а) 222,—

¹⁾ Исправлено изъ ноягородъци.

²⁾ Опискою лишній разъ поставлено к.

³⁾ Ф. вин. ед. къ имен. гълка «шумъ, мятежъ, ὄρριβος, tumultus» (Срезневск., Матер. сл. др. рус.); сравн. болг. *мъкъ, мъчъ, мъчка* «шумъ», *мъчъ* «шумлю» (Дювернуа), слов. *gôlč* «Reden, Rede» (вост. штир. и венгерск.), *gôlčati* «sprechen» (ibid.), *gôlk* «Tosen d. Donners» (резьян.) (Petersnik), чешск. *hluk* «шумъ» (Шумавск., Ранкъ), польск. *zgiełk* «шумъ, сумятица, толпа» (Бартошевичъ).

⁴⁾ Въ это число входятъ два собств. имени несловянскаго происхожденія, изъ коихъ одно географическое, другое личное отечественное, сочетающееся въ данномъ случаѣ съ характернымъ для сѣв. великорус. словянскимъ.

⁵⁾ Вѣроятно, вмѣсто *вързѣхъ*, срв. въ список. КАТ. подъ 1238 г. *въ борзѣхъ* (изд. 1888 г., с. 230).

⁶⁾ К. *трѣлиница* (изд. 1888 г., с. 215).

⁷⁾ КАТ. *торму* (а. 1212 г., изд. с. 194).

(оу) 166,—(ы) 175, вѣршь 161. 16, сѣвѣрши 145. 2, 153. 2—3¹⁾,—(ша) 144. 19, тѣрд(и) 128, 200,—(ь) 164, тѣрд(исла) 144, 149, 161, 181, 182, 184, 185 (3 р.), 186, 198,—(ислава) 149, 179, 185,—(иславницъ) 220. 3,—(иславница) 162. 20, 217. 18,—(иславичю) 223,—(и|славомъ) 181. 12—13,—(иславомя) 173,—(иславоу) 173,—(ислакъ) 152, 179, 180, 183, 186,—(ї|славѣ) 158. 4—5,—(омь) 158. 7—8, оутѣврднѣкъ 135, четѣкъ 166. 2 (см. сказанное выше, въ изд. 1888 г. *четверкъ* 200, л. 83 об.), дѣржа(ти) 132, 149, 188,—(цѣ) 221, дѣрновница 174. 16, смѣрдомъ 215, помѣръзъшю 212. 18, помѣрло 165, мѣртв(аи) 226,—(ъ) 161,—(ьци) 226,—(ьца) 222. 6, 14, помѣръце 219. 7—8, испѣрва 153, 211, пѣрв(оу) 131,—(ъи) 134, *собств. имя города пѣртоука* 184. 16—17, цѣрнгов(оу) 202,—(ъ) 217, 220, 223, 224,—(ѣскоу) 229. 4, цѣрнговѣ 229. 14—15, цѣрнь|ца (род. ед.) 126. 12—13, цѣрньца 184. 14—15, цѣрньца (вин. ед.) 189, чѣрмьн(ъи) 156,—(аго) 157, чѣрнгов(ъ) 145,—(оу) 159,—(ьскыи) 146,—(ьскыи) 158, чѣрн(ы) 133,—(ьць) 216. 16; 1 р. -*злѣ-* при переносѣ: стѣ|лѣпшика 144. 13—14; 2 р. -*ръ-* при переносѣ: дѣр|зюу 128. 4—5, мѣр|твого 149. 2—3; 2 р. -*ръ-*: вѣрѣнницю 215, дѣр|жа 218. 9—10; 15 р. -*ол-*: по волѣ 167, волух(о) 220,—(у) 212, (вѣ)—(ѣ) 228, полкѣ 170. 16 (б. о слилась въ черное пятно), полк(оу) 183,—(оу) 172,—(ы) 234, исполчитиса 196, полни 222, (на) полни 219,—(са) 222, полн(оу) 162, (ис)—(ишаса) 166, столпы 139; 3 р. -*ор-*: (ис)порт(а) 198,—(ы) 170. 7, сѣ торжкоу 223; 9 р. -*ер-*: сѣвершиша 198, пертоукоу 183, цѣрнговь(ци) 199,—(саго) 197, цѣрницъ 126, чѣрнговьскѣи 158,—(ицѣ) 141,—(ь) 132,—(ьчѣ) 141. 10—11; 7 р. -*ър-*: вѣрхуу 197, сѣвѣршиша 126, 183. 6—7²⁾, сѣвѣрньны 221, цѣрнгов(ъ) 214,—(а) 229, чѣрнгова 215; 1 р. -*оло-*: поволожкѣ 168. 2; 5 р. -*оро-*: тѣрж(коу) 152, 161. 16, 175. 15—16³⁾, 202. 13,—(ькоу) 161. 12; 1 р. тѣржкоу 161. 15⁴⁾; 7 р. -*оро-*: новоторожьскыи 160. 8—9, новоторожьци 216. 7, торожь|коу 164. 15—16, торожкоу 167. 9—10, торожкоу 167. 13—14, торожкоу 168. 11, 224; 1 р. -*ерь-*: вѣр|вню 137. 2—3; 3 р. -*ьре-*: одѣрень 162. 8, 228. 1, цѣрени 235; 2 р. -*ере-*: вѣ

1) Переносъ послѣ в.

2) Переносъ послѣ ъ.

3) Переносъ послѣ о.

4) Здѣсь второе з замѣтно исправлено на о (буква имѣетъ форму кружка о, слѣва отъ котораго сверху видна верхняя горизонтальная черта бывшей буквы з).

черенцихъ 216. 14, *собств. имя города шереньскъ* 229. 7 ¹⁾; кромѣ того слѣдующія съ сокращеніями: *слѣче* 219, *мртв(а)* 199,—(о) 207,—(ъ) 175, 180, *смрт(и)* 132, 211,—(ъ) 219, *срдц(е)* 222,—(и) 177, 185, *цркв(и)* 131,—(и) 141, 153, 175,—(ъ) 144, 145, 153, 154, 175, 183, 198, 199, 203, 204, 205, *црквъ* 228, *цркы* 125, 199, 233, 235, всего подъ титлами: $1+7+3+20=31$ разъ.

Въ 3-ей части и остальныхъ правописание съ однимъ *о* или *е* передъ *л*, *р* составляетъ правило, исключенія изъ котораго представляютъ лишь слова (*слѣче* 300, 323 и др., *цркы* или *цркы* 249, 254, 276, 308 и др., *смрти* 264, 289, 291 и др., *срдце* 282, 283), обыкновенно пишущіяся сокращенно, вслѣдствіе чего я считаю возможнымъ ограничиться приведеніемъ лишь нѣсколькихъ примѣровъ: *верже* 301, 333, *версть* 255, 258, 291 и др., *верхъ* 333, *тврдно* 254—255, *тврдиславичъ* 257, 260, *тврдость* 277, 305, *тврдо* 312, *четвергъ* 337. 12—13, *держаче* 254, *смерти* 273, *исперва* 237, *черниговоу* 238, *черньца* 244 и мн. др., *волгарскою* 239, *волгоу* 316, 322, *волховъ* 295, 320 и др., *молчанное* 309, *полкъ* 247, 257, 258, 265 и мн. др., *в ворзѣ* 293, 301, *торгъ* 304, 313 и др., *торж(еъ)* 247, 308, 314....,—(коу) 249, 261, 308 и др.

Единственный случай «второго полногласія» въ 3-емъ почеркѣ — форма *надолобомъ* 243 (дат. мн., предполагающ. имен. ед. *надолобъ*, см. И. И. Срезневскаго «Матеріалы» т. II, вып. 1, с. 279, гдѣ, кромѣ нашего примѣра, изъ Сузд. лѣт. по Акад. си. подъ 6745 г. приведена форма дат. мн. *надолбомъ*, а изъ Псковск. I л. 7070 г. ф. твор. мн. *за надолбами*, указывающая на им. ед. *надолба*); значеніе этого слова, какъ въ нашемъ примѣрѣ (*вишася|крѣшко. і прѣгонниша ихъ|к.....*), такъ, повидимому, и во всѣхъ древнерусскихъ, приводимыхъ Срезневскимъ и А. Л. Дювернуа ²⁾, — второе изъ означенныхъ Срезневскимъ, а именно «тынъ, городская ограда»; такъ какъ въ нынѣшнихъ великорусскихъ говорахъ оно (обыкновен. въ ф. женск. р. *надолба*) имѣетъ значеніе «столбикъ, тумба, потѣрчива, вкопаная стойка....., перила» (В. И. Даль, Толк. слов.), при чемъ въ особенности употребительно въ качествѣ приворотнаго столба («стоятъ, какъ приворотная надолба»), то понятно, что въ значеніи «тына» въ древнерусскомъ оно могло употребляться лишь во множеств. ч., какъ рядъ колебъ или вко-

¹⁾ Сравни. КА. *шернескъ* (изд. 1888 г. подъ 1231 г.), въ Лаврент. лѣт. подъ 6635=1177 г. подъ *Шерньскимъ лѣсомъ* 258, подъ 6745 г. (1237) до *Шерньского лѣса* 324.

²⁾ Матеріалы для словаря др.-русскаго яз., М. 1894, в. v.

панныхъ въ землю бревень; песомнѣнной представляется этимологическая связь съ глагол. *долбѣть*, словѣнск. *dólbsti, dólbatí* (Плет.), польск. *dłubać*, чешск. *dloubati* (Шум.—Р.).

Чтобы уяснить, какъ отнеслись писцы 1-ой и 2-ой частей нашего памятника къ разбираемому нами явленію, обратимъ прежде всего вниманіе на числа тѣхъ и другихъ написаній. Въ 1-ой части (123½ стран.) на 61 -*зл-* встрѣчаемъ 6 -*злз-* (изъ нихъ три при переносѣ, а четвертый сомнителенъ), 10 -*ол-* и 2 раза -*л-* (только въ словѣ *слище*); во 2-ой ч. (112½ стран.) ¹⁾ на 29 -*зл-* приходится 1 р. -*злз-* и 1 р. -*оло-* при 15 -*ол-* и 1 -*л-* подъ титлою. Въ 1-ой ч. на 35 -*зр-* 2 р. -*зрз-*, 1 р. -*орз-* въ заимствованномъ названіи одного изъ финскихъ племенъ и 1 р. -*оро-*, имѣющее мало значенія не только потому, что послѣ -*то-* переносъ, но и потому, что все слово исправлено изъ другого, имѣющаго правильную форму 1-го полногласія; во 2-ой ч. на 38 -*зр-* 3 р. -*ор-*, 5 р. -*зро-*, 1 р. -*зро-* съ *о*, написаннымъ на бывшемъ ранѣе *з*, и 7 р. -*оро-*, изъ коихъ 3 при переносѣ на интересующихъ насъ слогахъ. Въ 1-ой ч. на 35 -*зр-* 4 р. -*рѣ-* (изъ нихъ два при переносѣ), 5 р. -*ырѣ-*, 2 р. -*ырз-*, 12 -*ер-*, 4 -*нр-*, 1 -*ерѣ-*, 1 -*нрѣ-*, 1 -*ере-* и 69 -*р-* подъ титлою только въ различныхъ формахъ слова *црѣкъ*; во 2-ой ч. на 82 -*ыр-* (изъ нихъ одинъ случай въ иностранномъ собств. имени города *Берна*, «идеже|бе жилъ поганьи злыи дедри|къ» ²⁾), а другой въ собств. им. города *Пъртоунва*) 2 р. -*ырзѣ-*, 2 р. -*ырѣ-* (одинъ при переносѣ), 9 р. -*ер-* ³⁾, 7 р. -*нр-*, 1 р. -*ерѣ-*, 3 р. -*ыре-*, 2 -*ере-* и 30 -*р-* преимущественно (20 р.) въ формахъ слова *црѣкъ*. Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ общее число -*зл-*, -*злз-* въ 1-омъ поч. (67) почти въ 7 разъ больше числа -*ол-* (10), во 2-омъ же число -*зл-*, -*злз-* (30) менѣе, чѣмъ въ два раза, превосходитъ число -*ол-*, -*оло-* (16), а отношеніе числа -*зр-* и -*зрз-* (37) къ числу -*орз-*, -*оро-* (2) въ 1-омъ поч. также значительно больше, чѣмъ во 2-омъ п. отношеніе числа -*зр-*, -*зр(з)-*, -*зро-* ⁴⁾ (38+1+5=44) къ числу -*ор-*, -*оро-* (10), въ отличіе отъ этого отношеніе общаго

¹⁾ Не смотря на разницу въ числѣ страницъ, объемъ второй части не меньше, а, вѣроятно, даже больше первой, такъ какъ въ 1-ой многія страницы почти пусты (т. е. приводятся только числа годовъ безъ событій).

²⁾ На это мѣсто обратилъ вниманіе акад. А. Н. Веселовскій въ связи съ изученіемъ сказаній о Дитрихѣ Бернскомъ.

³⁾ Изъ этихъ девяти одинъ въ названіи города *Пертунева* (= нынѣшн. Пернова, см. указатель къ издан. 1888 г.), которое встрѣчается 1 разъ и съ ѣ при переносѣ.

⁴⁾ Случаи -*зро-*, какъ и -*ыре-*, въ противоположность -*орѣ-* и -*ерѣ-*, я отношу къ случаямъ употребленія *з* и *ѣ* потому, что существеннымъ должно признать употребленіе *з* и *ѣ* на ихъ этимологическихъ мѣстахъ.

числа случаевъ *-ър-*, *-ръ-*, *-ьръ-*, *-ьръ-* ($35+4+5+2=46$) къ общему числу случаевъ *-ер-*, *-ьр-*, *-ерь-*, *-ьрь-*, *-ерс-* ($12+4+1+1+1=19$) въ 1-омъ п. значительно меньше взаимнаго отношенія чиселъ тѣхъ и другихъ случаевъ во 2-омъ поч. (89:19). Однако, этому различію отношеній я не придаю особаго значенія и приписываю его до нѣкоторой степени случайности. Я обращаю вниманіе напр. на то, что во 2-омъ п. часто употребляется собств. имя *твърдиславъ* (28 р. съ производными), въ формѣ котораго условія для сохраненія ѣ были особенно благоприятны: 1) удареніе, вѣроятно, падало на третій отъ начала слогъ, чтò содѣйствуетъ и въ нынѣшнемъ господствующемъ великорусскомъ произношеніи начальнаго слога образованію въ немъ глухого звука; 2) съ точки зрѣнія общей теоріи измѣненія глухихъ въ словянскихъ нарѣчіяхъ (правило Гебауэра) положеніе для звука ѣ здѣсь было «неслоговымъ», другими словами, если бы для полнаго ослабленія и затѣмъ исчезновенія его не было задерживающихъ обстоятельствъ, онъ могъ бы исчезнуть, какъ напр. въ словѣ *м(ѣ)стислав(ѣ)*, а задерживающія обстоятельства здѣсь заключались въ сочетаніи «*р+д*», т. е. вообще въ сочетаніи «*liquida+muta*», передъ которымъ ѣ и з послѣ согласныхъ стали слоговыми еще въ общерусскую эпоху и такими оставались въ теченіе всего послѣдующаго періода исторической жизни отдѣльныхъ русскихъ говоровъ, совершенно независимо отъ того, слѣдовалъ ли за «*muta*» гласный полнаго образованія, или ирраціональный (глухой) слоговой или неслоговой; тѣмъ не менѣе мнѣ кажется возможнымъ допустить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда за «*muta*» слѣдовалъ гласный полный, з и ѣ, оставаясь неизмѣнно слоговыми, дольше удерживали свой ирраціональный характеръ, чѣмъ въ случаяхъ, когда за «*muta*» были ѣ или ѣ, т. е. что первое ѣ въ *твърдь*, первое з въ *тзръз* ранѣе могли переходить въ полные е и о, чѣмъ ѣ и з въ *твърди*, *тзри*. Замѣтимъ, что во всей части до 237-ой стран. (по 236-ю) ни разу въ корнѣ *твърд-* не встрѣчается замѣны ѣ черезъ е.

Примѣры съ ѣ вмѣсто е я объясняю частію графически — большимъ сходствомъ буквъ ѣ и ѣ, чѣмъ ѣ и е, частію тѣмъ, что буква ѣ въ первыхъ частяхъ нашего памятника имѣетъ часто значеніе краткаго звука е, склоннаго къ ѣ, — *e^к*, т. е. отражаетъ произношеніе тѣхъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ, въ которыхъ е неударяемое и даже иногда ударяемое приближалось къ ѣ, на чтò обратилъ вниманіе Шахматовъ¹⁾. Изъ приведенныхъ

¹⁾ Изслѣдованія въ области русской фонетики, 150—151, 223.

имъ примѣровъ ъ в м. е немало указано и изъ нашего памятника. Нелишне будетъ тѣмъ болѣе въ специальномъ изслѣдованіи языка этого памятника отмѣтить эти случаи съ указаніемъ страницъ фототипическаго изданія.

а) Внутри словъ передъ твердыми и мягкими слогами передъ удареніемъ или послѣ ударенія, а иногда и подъ удареніемъ: (въ)вѣд(оша) 55, 62, 74, 211, 224—225, 233, — (енъ) 129, — (ете) 204, (на) — (ѣ) 221, (по) — (ени) 209, вѣлик(оѣ) 20, — (ъ) 212, озър(о)¹⁾ 205, — (оу) 212, (на) — (е) 120, 121, — (ѣ) 209, олъксѣ²⁾ 128, мѣдвезю 231, 233, к нѣм(оу) 1.5, — (ѣ) 1.6, грѣбл(и) 60, — (ю) 161, погрѣб(ена) 4, — (енъ) 225, — (ъ) 61, състрѣ: 130, остн(и) 61, 212, — (ъ) 63, 125, вѣл(го) 84, — (моу) 115, вѣколо(да)³⁾ 27, 41, 80, 81 и др., — (дицю) 187, — (дѣомъ) 39, — (дъ) 80, 115, — (жили) 125; б) въ конечныхъ открытыхъ слогахъ: ф. имен. вин. ед. словъ средн. р.: вѣ 20, 38, 63, 110, 125, вѣ(ц)ѣ 159, 165, 176, 220, 224, — (ч) — 160, горѣ 162. 6, 10, ф. имен. ед. муж. р. вѣнездѣ⁴⁾ 99. 14, зваг. ед. муж. р. оканьнѣ 177, имен. мн. вѣ(а)нѣ 49,

¹⁾ Но *озера* (ф. род. ед.) 206, 212; эти колебанія весьма понятны при многочисленныхъ случаяхъ е в м. ѣ, тѣмъ болѣе, что писать ѣ в м. е въ такихъ же случаяхъ заставляла писца не традиція, а собственное соображеніе. Замѣчу, что е в м. ѣ наоборотъ, кажется, пишется преимущественно подъ удареніемъ, а также въ словахъ ц.-славянскаго происхожденія: при бежа 42, 220, бежать 194, бежаше 196, победиша 2.3, бед(ы) 95, — (а) 105 (*бѣда* 78), вѣл(зоша) 25, — сти 24.4 (при вѣльзѣше 105.3—2 снизу) и нѣкот. друг., въ которыхъ удареніе, вѣроятно, не падало на ѣ → е, мы находимъ бегающе 206, (по) беже 179, — беглѣ 214, повежѣ 163, вѣст(и) 68, 106, — (ъ) 164, 165, оуведавѣше 135, вернѣмъ 110, вѣезды 91, говениѣ 20, дети 25 (при детьми 89), вѣделаша 110, гневѣ 226, слѣпѣ 132 (слѣплѣнъ 11, 81), лесѣ 236, мѣцѣ 232, ехалѣ 33, (въ)вѣха 163, (изъ) — (ша) 155, оустре(тениѣ) 99 (— тоша 120, 183), засеки осеки 37, 3 л. ед. аор. исече 25, 31 (сравн. вѣскопа 105.8,12,17), сести 33, сед(ѣ) 3 л. ед. аор. 39, 61, — (е) 26, 66, 78, 231 (сравн. сѣдѣ, сѣде 78), гдѣ съ большой вѣроятностью удареніе падало на ѣ → е, ц.-славянизмы бе 37, 141, 177, 206, — (ста) 196—197, — (ше) 202, дите 130, (не) — 171, решѣ 41 и др.; тоже замѣтить можно въ суффиксахъ: при частомъ новгородѣ (произнос. новѣгородѣ?) 15, 22, 32, 34, 36, 39, 46, 55, 73, 75, 76, 79, 83, 85, 93, 98, 106, 115, 117, 119, 173 и болѣе рѣдкихъ новѣгородѣ 93, 98, но вѣ городѣ 38—39, обыкнов. пишется зимѣ 55, 58, 65, 81, 93, 109, 116, весне 56, 79, 119, себе (дат. и мѣстн.) 2, 31, 32, 41, 42, 54, 57, 68, 79, 80, 93, 112, 114, 119, 121, 143, 163, 177, 178, 179, 182, 193, 194, 210, 213, 217, 218, 224, 230, тебе 135, 151 (—ъ—), 182, 209, 210, при чемъ въ 1-омъ поч. е безъ исключенія въ этихъ мѣстоименныхъ формахъ, во 2-омъ же есть нѣсколько случаевъ собѣ 204, 207, 214, 230.

²⁾ Сравн. выше, стр. 105—106.

³⁾ Предположеніе Шахматова, что удареніе здѣсь стояло на *о*, подтверждается слышаннымъ мною произношеніемъ этого имени въ Курмышск. у. Симбирск. губ.

⁴⁾ Сравн. выше, стр. 142. Въ коренномъ слогѣ здѣсь е вмѣсто ѣ: сравн. вѣздѣнѣцѣ 99.14—15, при чемъ въ формахъ вѣзднѣцѣ 98, вѣсдоу 68, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть искаженіе болѣе первоначальной формы вѣнезд(ъ) 229, — (а) 124, — (оу) 216. Это собств. имя я сблизжаю этимологически съ сербскими Приѣзда, Поѣзда (В. С. Караѣиѣ, Српске нар. пјесме, књ. друга, у Бечу, 1875, с. 500, 502, или въ изд. 1887 г., књ. I, № 81, с. 519, сравн. вѣнездѣ въ Синодикѣ ц. Бориса, Соф. рукоп. л. 30. 7—9, Попруженко, стр. 71).

— (я) — 7 (но — е 59, 159), *огниранѣ*¹⁾ 235 (— е 66, 111), *роунѣ* 235.9, *напикшѣ* 217, виц. мн. *дворанѣ* 150 (при — е 178), 3 л. ед. аор. *наведѣ* 221 (чит. *наведе*)²⁾, *привезѣ* 154, *истопѣ* 228, 234, *исѣцѣ*³⁾ 231 и др.; в) отдѣльно слѣдуетъ упомянуть случаи: 1) ф. дат. и мѣстн. ед. ж. р. *всѣи* 62, 73, 116, 126, 187, 213, 215, 217 (рѣже *е*: *всен* 224, 228, *всен* 235), твор. ед. *всѣю* 48, 117, 225, 229, 234, мѣстн. ед. *кнѣи же* 227.4—5 (*ibid.* 7 въ *нен же*)⁴⁾, 2) *кдѣ* 198 (въ 3-емъ поч. правильно *кдѣ* 269, 303, 321, *сдѣ* 290 при церковнослов. *донде* 303, 326, 332)⁵⁾ и 3) частію *нѣ*⁶⁾ 11.2 (— како *баше ходити*), 124 (*бѣ* — *пошль*), 127 (— *лзѣ баше поити*), 129 (— *лзѣ бо баше инако изити*), 130 (*оувѣ-часта* — *яко* — *воквати* . . .), въ 3-емъ поч. *нѣ* (чимь) 256.7, (*баше*) — (*лзѣ*) 287 (при *нелзѣ баше* 256.6), въ которыхъ *нѣ* объясняется перенесеніями отъ тѣхъ формъ и словъ, гдѣ оно этимологически правильно, при чемъ эти перенесенія могли быть уже въ южнорусскихъ образцахъ, попадавшихъ въ руки нашихъ книжниковъ⁷⁾. Подобное указанному въ первыхъ

1) Прежде я объяснялъ эти формы на *нѣ*, какъ формы винит. мн., въ которыя, какъ и въ формы им. вин. мн. ж. р. и род. ед. ж. р., *нѣ* переносилось отъ мягкихъ основъ (какъ *новотържць* *всѣ* 50 и др.), имѣвшихъ въ др. русскомъ правильно окончаніе *нѣ*, откуда великорус. *е* (въ нашемъ памятникѣ б. ч. и здѣсь *е* вм. *нѣ*, а также болѣе позднее *и* подъ влияніемъ или другихъ падежныхъ формъ, или тѣхъ же формъ другихъ основъ, и *нѣ*, соответствующее ст. словянскому *а*, что особенно часто въ 3-емъ поч.) и малорус. *і*, соответственно польскому и чешскому *е* (сравни. Соболевскаго «Ислѣд. въ обл. русск. грам.», с. 1—39), но теперь склоняюсь къ мнѣнію Шахматова. Формъ съ этимологич. *е* здѣсь все-таки больше; кромѣ указанныхъ выше въ скобкахъ: *ладожане* 27, 44, 64, *лоу(ч)ане* 120, — (ц) — 68, *поло(ч)ане* 120, — *смолянне* 39, 111, *вожане* 162, *галичане* 183, *ижеране* 206, *неревлане* 180, *торопчане* 202.

2) Относительно ударенія см. выше, с. 112, а также Gj. Daničić, Akcenti u glagola, Rad... VI, 51.

3) Сравни. *исеце* съ одной и *исѣкоша* съ другой стороны, что могло быть связано съ разницей ударенія.

4) Сравни. *ѣ* въ этихъ формахъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ сербскаго извода: *вѣски*, *нѣи* (Вукан. Еванг., С. М. Кульбакинъ, Запѣтки о яз. и правопис. Волк. Ев., с. 14), *вѣни*, *нѣи* (Гршков. отрыв. глагол. Апост., V. Jagić, Glagolitica II, 8—9, 14, 17), *вѣни*, *вашни* грам. Стефана 1234 г. (Miklos., Monum. serb., № XXIII).

5) Какъ извѣстно, это особенность сѣвернорусскихъ и среднерусскихъ рукописей (см. Соболевскаго «Лекціи», с. 37 изд. 1888 г.), имѣющая параллель въ сербскомъ и старосербской письменности (*доиднѣже* въ Гршков. Апост. XII—XIII в., V. Jagić, *ib.* 20).

6) Я прибавилъ «частію» потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *нѣ* можетъ дѣйствительно выражать этимолог. *нѣ*.

7) Напомнимъ, что формы *вѣни*, *нѣи* и т. п. отмѣчены проф. Соболевскимъ въ цѣломъ рядѣ памятниковъ, написанныхъ, по его мнѣнію, въ области «галицко-волинскаго» нарѣчія (см. «Очерки изъ исторіи русскаго яз.», с. 3—4, 13, 22, 36 и др.), слѣдоват. возможно, что въ новгородскія рукописи онѣ попадали путемъ заимствованія съ юга русскаго, куда

двухъ частяхъ Синод. списка Новгородской лѣтописи употребленіе *н* вмѣсто *е* я замѣтилъ еще въ двухъ рукописяхъ XIII-го в. — Прологъ № 187 Хлудовской б-ки, на который мнѣ приходилось уже неоднократно ссылаться вслѣдствіе сходства его правописанія съ правописаніемъ нашего памятника, и въ Стихирарѣ Новгор. Софійской б-ки, № 96 (отд. 13) С.-Петербургской духовной академіи, языкъ котораго представляетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ новгородскихъ говоровъ (*ч* вм. *ц*: *чловѣколюбъч* 1⁶.2 при—*ц* — 2⁶.5, *мытопмыча* 2⁶.9, особенности словаря: *сто|ровѣк* въ припискѣ, съ свинными *жирууа* 4^а.9, сравн. у насъ *тировати* 107.17 по опискѣ вм. *жи-ровати*¹⁾, а также собств. имя *домажиръ* 190 и въ нынѣшнихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ *домажиръ* въ значен. «домосѣдъ»²⁾, *доможирика* Каргоп. «хозяйка», *жировать* Пудожск., Петрозав., Каргоп. «постоянно жить. . . , сидѣть», *жира* Пт. Пд. Крг. «жизнь, достатки» и мн. др. въ олонекскихъ³⁾ и архангельскихъ⁴⁾ говорахъ). А именно, въ Прологѣ мнѣ удалось отмѣтить слѣдующіе примѣры: *погрѣбѣи(о)* 19^в, — (а) 39^в, 144^в, *погрѣ(сти)* 39^в, 66⁶, — (бохъ) 66⁶, — (боуть) 39⁶, — (бъць) 30^г, (в томъ) — (бѣ) 30^г, въ формахъ наст. врем. передъ личными суффиксами 2-го и 3-го л. ед. ч.⁵⁾: *сѣ|блюдѣши* 31^г, *постигнѣтъ* 33^в, *оурѣѣтъ* 9^в, въ конечн. открытыхъ слогахъ въ формахъ имен. ср. р. и зват. муж. ед. и 3 л. ед. аор.:

въ свою очередь могли попадать съ юга славянскаго, хотя я не отрицаю возможности и независимаго развитія ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Этимологию отрицанія *н* см. у Потебни, Изъ записокъ по русск. грамматикѣ, II, с. 420—424 издан. 1888 г.; сравн. у Соболевскаго *ibid.* 85—86; тамъ-же о *кдѣ* 86—87.

¹⁾ Сравн. мое «введеніе», с. 20. Въ «Матеріалахъ» Срезневскаго см. *жировати* «упитываться, пасться, жить, быть» . . . , *доможирица* «домочадецъ» (Хроногр. 1494 г.). Миклошичъ (Lex. palaeoslov.) отмѣтилъ этотъ глаголь въ знач. *бѣжесѣди* и въ южнославянскихъ памятникахъ (между прочимъ одинъ примѣръ изъ Болонской псалтыри XII в.). Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и вообще, на словарныхъ особенностяхъ строить заключенія нельзя, хотя и можно обратить вниманіе на то, что этотъ нѣкогда весьма извѣстный въ старославянскомъ яз. глаголь теперь употребителенъ преимущественно въ мѣстностяхъ сѣверно-великорусскихъ.

²⁾ «Нарѣтъ фсѣ нѣ мѣстѣровой, дѣмажи́р», говорили при мнѣ въ вагонѣ Моск.-Курской ж. д. крестьяне Тверской губ., возвращавшіеся съ промысловъ изъ Курской губ., о старооскольскихъ крестьянахъ Курской губ. (слышано 27 декабря 1891 г.).

³⁾ Герм. Куликовскій, Словарь областн. олонекскаго нарѣч. въ его быт. и этногр. примѣн., СПб. 1898.

⁴⁾ А. Подвысоцкій, Словарь областн. арханг. нарѣч. въ его быт. и этногр. прим., СПб. 1885.

⁵⁾ Сравн. послѣднее въ древнѣйшихъ памятникахъ «галицко-волынскаго» нарѣчія (Соболевскій, Очерки. . . 4,92), а также и другихъ (Е. О. Будде, Къ исторіи великорус. говоровъ, 206—207).

горѣ мѣ 14^а, — намъ 36^б, ѡ карѣ 51^б, чло|вѣцѣ (и в. м. ч) 144^б, вѣдѣ ма нѣ на|коѣ мѣсто... 6^а, по|грѣвѣ 33^а, пр(и)дѣ 32^а, — (i) — 54^а, нѣ (истовъ) 35^б, 35^а, — (дають) 52^а; но для насъ едва ли не болѣе важны встрѣчающіеся въ этомъ памятникѣ примѣры њ в. м. этимологич. ѡ въ положеніи послѣ плавнаго р¹): грѣцъстѣмъ 65^б, стрѣмленіа 9^а, трѣпещо|щи^а) 65^а; наоборотъ е в. м. њ въ ф. дат. ед. тѣе 14^г, 31^г, сее 18^г, тѣе 14^а, — б, — г, 60^г, 65^а, 144^б, сое 11^г, 17^б, 65^а, 125^а и др. согласно съ нашими первыми двумя частями, но несогласно съ нашимъ почти постоянно всехъ 9^г, все|мъ 9^г, 90^б³). Въ Стихирарѣ Новгор. Соф. б—ки № 96: вѣз-грѣшьноюу 5^а.9, възвѣдоша 2^б.15, съ дѣвѣма надѣсате. 113^а.5 (сравн. тринадцать въ грам. 1300 г., Смирн. № 47, с. 47, и нынѣшн. *дванадцать*, польск. *dwaście* и т. п., см. сказанное мною на стран. 116—117 и у Фортунатова въ сборникѣ «*Χριστήριον*», стр. 488), ф. зват. ед. муж. *христѣ* 2^б.6, им. вин. ед. ср. *къѣ* 3^б.7; ѡ вмѣсто њ: вси вѣрнии 128^а.7; њ в. м. ѡ изъ i (кажется, исправленное на ѡ): сто|ровѣн (на заглавномъ листѣ въ припискѣ).

Формы *дръжаще*, *дръжати*, *ирѣ|ковъ*, *ирѣ|кы*, встрѣчающіяся только въ 1-омъ поч., должны быть приписаны, мнѣ кажется, вліянію церковно-словянскихъ памятниковъ, въ которыхъ не могли не быть начитанными авторы нашей лѣтописи, вслѣдствіе чего кстати замѣчу, что даже церковно-словянская постановка з и ѡ въ Поученіяхъ Ефрема Сирина по рукоп. С.Пб. Публ. б-ки Погод. древлехран. № 71а, относимой Соболевскимъ къ

¹) Такое же старое ѡ возможно предположить и въ нѣкоторыхъ формахъ глагола (*но*)*ребу*, напр. въ аористѣ * (*но*)*ирѣбѣтъ*, причаст. страд. — * *ирѣбѣнъ* и т. п., сравн. *прибрѣде* Новг. Синод. 42 (см. у насъ стр. 60, а также 111—116) и чешск. *lřběti* «begraben werden» (Rauk--Šumavský), восходящее къ * *грѣбѣти*.

²) При старослов. *трѣпещати* (Miklos. Lex. pal.) возможно на основаніи польск. *trzępiot-*, чешск. *třpyt* «Schimmer» (Ранкѣ-Шумавск.) предположить общеслов. вариантъ * *трѣпет*.

³) Правильно употреблено њ въ нѣ бѣва|до 29^в, възгрѣбай 39^в, потрѣкнай 64^а, трѣкѣ 67^б и часто въ ц.-словянскихъ сочетаніяхъ съ плавнымъ: вѣрѣжена 18^б, вѣрѣма 10^а, дрѣва 35^г, прѣ (давѣ) 10^б, — (дѣ) 32^а, — (же) 10^а, чрѣвоу 64^в, въ чемъ опять замѣчательное сходство съ правописаніемъ нашего памятника, въ 1-омъ поч. котораго находимъ: вѣрѣ 71, вѣрѣма 79, 88 (вѣрѣ 95, времени 95), прѣ(льстивъше) 55, — (ображениа) 118, — (стависа) 5, 6, 9 (2 р.), 10 (2 р.), 11, 12, 13, 15 (4 р.), 16, 18 (2 р.), 19 и мн. др. (35 р.), а всего прѣ — 37 р., прѣ — 26 р. (18 р. — стависа, 4 р. — ображениа и др.), во 2-омъ поч.: плѣн(ать) 191, — (иша) 191, на вѣрѣѣ 205, вѣрѣм(а) 177, — (енѣ) 191, стѣвѣщѣ 149, дрѣва 139, жрѣбѣи 217, прѣ(да) 197, — (даша) 179, — (иде) 195, — (льсти) 177, — (стависа) 127, 144, 145, 188 и др. — (дѣ) 128, 140, — (же) 178 и др., срѣкѣро (въ отличіе отъ ст. слов. древнѣйшаго правописанія *сърѣкѣро*) 130, 132, чрѣкѣ 133, 228—всего 43 р., привѣце 138, вѣрѣнѣ 142, вѣе 155, прѣ(дѣ) 225, 226, срѣкѣ(а) 140, — (о) 148, — (омѣ) 139, — (ьно) 139, — (ьнаи) 140, — (ьнѣж) 139 и друг.—всего 17 р. и 1 р. ѡ въ ф. срѣдѣ стѣра 219, такъ что њ чаще, чѣмъ е.

1492 г. (Очерки изъ ист. р. яз., 50, 56), не можетъ служить доказательствомъ столь новаго ея написанія.

Общее заключеніе, какое я могу сдѣлать изъ правописанія, представляемаго частью по 236-ю стран. фототипич. изданія нашего памятника, есть во-первыхъ то, что этимологическіе *з* и *ь* въ разсматриваемыхъ сочетаніяхъ еще не были вполне тождественными съ этимологическими *о* и *е*¹⁾, хотя и были всегда слоговыми, отличаясь лишь болѣею или меньшею опредѣленностью въ зависимости отъ ударенія²⁾; во-вторыхъ, что и послѣ плавныхъ въ большинствѣ случаевъ слышались небольшіе неслоговые, развившіеся, какъ я думаю, еще въ общерусскую эпоху, звуки, въ отдѣльныхъ случаяхъ вслѣдствіе особенныхъ фонетическихъ условій стаповившіеся слоговыми, т. е. приблизительно равными по количеству съ этимологическими *з* и *ь*, предшествовавшими плавнымъ. Такимъ образомъ, недоразвившійся въ большинствѣ случаевъ и говоръ *зачатокъ* «второго полногласія» я отношу къ общерусской эпохѣ, самое же явленіе въ смыслѣ равенства по количеству предшествующаго плавному гласнаго послѣдующему считаю ограниченнымъ отдѣльными случаями въ отдѣльныхъ говорахъ. Изъ встрѣчающихся въ нашемъ памятникѣ доегласныхъ написаній въ особенности важны тѣ, которыя подтверждаются фактами живыхъ говоръ. Вслѣдствіе этого я подвергаю сомнѣнію пока формы *мгъзвити*, *тързгъ*, *дъръжа*, при чемъ, какъ это сдѣлано Ягичемъ для болѣе древнихъ памятниковъ, не исключается и здѣсь возможность, въ виду *дъръжаще* и т. п., видѣть вліяніе старословянскаго правописанія, но я не отрицаю возможности выраженія здѣсь, какъ и въ *мърззноути*, *мързтва*, *дърззноу*, *мързтвого*, *церънигова*, *свъръши*, общерускаго неслогового звука, нѣсколько усиливавшагося передъ группою согласныхъ или передъ согласнымъ длительнымъ, но изъ приведенныхъ примѣровъ нельзя придавать значенія тѣмъ, въ которыхъ вторыя *з* и *ь* приходятся въ концѣ строки. Болѣе несомнѣнными представляются случаи, имѣющіе параллели въ живыхъ говорахъ, или по крайней мѣрѣ находящіе оправданіе въ особенныхъ фонетическихъ условіяхъ вслѣдствіе положенія передъ сочетаніемъ согласныхъ, нѣкогда

1) Въ числѣ словъ у меня попадаетъ нѣсколько заимствованныхъ, частію изъ германскихъ (*Бърнъ*), частію изъ финскихъ или тюркскихъ нарѣчій (*моръдва*, *търма*, *влма*, *бъмаре*), хотя и нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что всѣ они представляли въ моментъ заимствованія тождественныя съ коренными словянскими сочетанія, и возможно, что болѣе позднія заимствованія, какъ *моръдва* перешли къ намъ прямо съ *о* (*ь* послѣ *р* означ. неслогов. иррац. звукъ, сравн. Ипат. торы|кы 164 б. 11—12, Андрияновъ).

2) Безъ ударенія, вѣроятно, являлся болѣе сильно глухой звукъ.

раздѣлявшихся звуками *з* или *ь*. Таковы, можетъ быть, *пългкъ*¹⁾, *истълг|кше*, *стълг|нника*²⁾, *търъжъкоу* (съ неслогов. *ь*), *върѣбниц(е)*³⁾ — (*ю*), *върѣшь*⁴⁾, *цѣреницмъ*⁵⁾ — въ 1-омъ и *стълг|нника*²⁾, *поволожкѣ*⁶⁾, *търъжкоу*, *търрожкоу*, *търрожъкоу*, *тороуж(ь)коу*, *новотороужымъ*⁷⁾, *върѣбницю*³⁾, *одѣренъ*⁸⁾, *цѣрениц*,

1) Влад. *полѣк*, *полкѣ* (Потебня, Къ исторіи звуковъ, I, 93); въ Ипат. лѣт. *полокъ* 232 (ib. *полкм*), сообщ. Андрианова (рук. соч., с. 63). Можно предполагать вліяніе суф. -*ък*-.
2) Псков. *стѣлоб* и *стѣлоб* при род. *стѣлоба* (Потебня, ibid. 92), то же олон. и боровичск. (Матер. IV, № 29, Извѣст. II, с. 236; III, № 28, с. 77).

3) Сравни назван. мѣстности въ Новгородской губ. *Веребѣ* близъ рѣки Мсты (станція Никол. жел. дор.), хотя я, къ сожалѣнію, не знаю ударенія этого слова, что было бы важно. Сюда относятся въ др. русск. письменности: *верѣбница* нѣ Парем. 1271 г., *верѣбницю* Ипат. 6655 г. (Срезневскій, Матер. в. в.; въ изд. Арх. ком. 1871 г. с. 241).

4) Судя по значенію «хлѣбъ, жито» (Срезневск., Матер. в. в.), что ясно и изъ примѣровъ другихъ памятниковъ (всякой *верши* по имени или пшеница арон или ѡзимон. Псков. суд. грам.), при чемъ именно «жито въ кладяхъ» (Даль, Толк. словарь...), хотя и не вымолоченное, но лишь готовое къ молотѣбѣ: на оснѣ сѣки морозъ *върѣшь* | всю и озимницъ. 22. 16—17 6635 г.), той осени... покн мразѣ озимкѣ по волости. | а на търъжкоу все чело бѣ. и за | и князъ *върѣшь*... нѣ | поу въ городѣ нѣ *воза*. 161. 13—17 (6723 г.), много по полю *вершеи* пегинан. Псков. I л. 6976 г. (Срезн., Мат., сравни также Дювернуа, Мат. для слов. др. р. яз.), а также сравнивая съ словѣнск. *vřš*, — *ř*, «Getreide», *vřšiti* («das Getreide mit Vieh austreten» (Pleteršnik), можно ставить это слово въ связь съ старослов. глаголомъ *врѣжж*—*врѣжшн* (Miklos., Lex. palaeoslov.)=болг. *врѣжж*, *врѣжж* «молочу» (словарь Дювернуа в. в., предисловіе П. А. Лаврова къ 3-му выпуску, с. XXV), др. рус. *врѣжж*, который сближается съ латинск. *vergo* «мету» (Бодуэнъ-де-Куртенэ, Изъ лекцій по латинской фонетикѣ, с. 318), д. в. нѣм. *wergau*, нѣм. *wergwigen* (Срезневск., Матер. для слов. др. рус. яз.), и съ которымъ въ этимолог. связи находятся слова ст. слов. *вражъ* 1. «trituration», 2. «*сѣрѣс*, *acervus*» (Miklos. Lex. pal.), болг. *вражъ* 1. «гумно», 2. «снопы хлѣба, предназначенные для молотѣбы» (Дювернуа), великор. *ворох* «куча вымолоченнаго хлѣба» (с. Теплый Станъ Курмышск. у. Симб. г., сообщеніе Р. М. Сѣченова) и *ворѣжж* 1. «охапка сѣна, соломы, хворосту» (повсем. въ Арханг. губ., Подвысоцк.), 2. «вывѣянный зерновой хлѣбъ» (Онежск. Арх. г., Подвысоцк.). Если такъ, то извѣстное изъ говоровъ Олонецкой, Новгородской и Псковской губ. *верѣж* вм. *вержж*, какъ неродственное, ничего не даетъ для доказательства реальности полногласія нашего *върѣшь*.

5) Сравни *чѣренъ*... «чернолѣсье» (Псковск., Тверск., Потебня, Къ ист. зв., I, 93) и прилаг. ф. нечлен. муж. р. *чѣрен* въ литературномъ яз., аналогичная съ *пѣлон*; условія для развитія полногласія здѣсь болѣе общія, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Любопытную аналогію представляетъ ф. *горончарскій конецъ* въ Ком. сп. подъ 1360 г.—А. Т. *горничарскій* (издан. Новгор. лѣт. 1888 г., с. 355). Съ другой стороны, если не развивалось «второго полногласія», то являлось упрощеніе группы согласныхъ: **чѣрничий* → *малорусчечий*, **чѣрничар* → *чончар* (фамил. *Гончаровъ*, улица *Гончаровка*), **сѣлничъ* → *сонце*.

6) Сравни *воложка*—«всякій изъ множества боковыхъ рукавовъ Волги, образующихъ острова», а въ Пермской губ. «протоки на Камѣ и другихъ рѣкахъ» (Даль).

7) Подобныя формы находимъ и въ новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV в.: 1264—1265 г. (у Шахматова № 1): *тороужкѣ* при *тържжкѣ*, 1269—1270 г. (Шахм. № 3): *тороужкоу* при *торжжкѣ*, 1294—1301 г. (№ 4 и 5): *новоторжжъцевъ*, *торжжкѣ*, 1304—1305 г. (№ 9): *тържжкѣ*, *тържжкоу*, *тържжкоу* и т. п. Шахматовъ объясняетъ («Изслѣд. въ обл. русск. фонет.», с. 33) *тороужкѣ* при *торжжкѣ* вліяніемъ чередованія сходныхъ звуковыхъ формъ, какъ *смольнеск*—*смоленска*, *жерц*—*жерца*.....

8) Срв. пермск. *водеренъ*—«вовсе, совсѣмъ, на вѣки» (Срезневскій и Даль). Въ такомъ

черенныхъ, шеренскъ — во 2-омъ поч. Формы *одьрень* (съ предполагаемымъ удареніемъ на *о*), *тѣрож(ь)коу* и *цѣренци* (съ предполагаем. ударен. на *у* и *и*) имѣютъ нѣчто общее въ томъ отношеніи, что въ нихъ *з* и *ь* написаны въ томъ слогѣ, который, по закону Потебни и Богородицкаго, долженъ отличаться наибольшою слабостью: слогъ *дь*, слѣдующій непосредственно за ударяемымъ, по слабости равняется слогамъ *тѣ* и *цѣ*, занимающимъ третье мѣсто передъ конечнымъ ударяемымъ, если считать первымъ этотъ послѣдній (*одьрень* = 3, 1, 2, 1; *тѣрож(ь)коу*, *цѣренци* = 1, 2, 3); конечное *ь* въ *одьрень* могло или равняться по количеству первому¹⁾, или быть еще слабѣе, т. е. не составлять полного слога, котораго несомнѣнно не составляли и *ь* между *ж* и *к* въ *тѣрож(ь)кѣ* и не выраженное на письмѣ этимологическое суффиксальное *ь* между *н* и *ц* въ ф. *цѣренци*, хотя эти послѣднія были, вѣроятно, во всякомъ случаѣ слабѣе, чѣмъ конечное *ь* въ *одьрень*, которое при извѣстныхъ условіяхъ могло приближаться по количеству къ слоговому, какъ и всякое конечное *ь*. Противъ моего толкованія *тѣрож(ь)коу*, *одьрень* и *цѣренци* могутъ возразить, что эти написанія слишкомъ единичны сравнительно съ массою случаевъ *одерень* въ другихъ памятникахъ и *торож(ь)коу*, *шеренцемъ*, *черенныхъ* и т. п. у насъ и во многихъ другихъ памятникахъ, вслѣдствіе чего, можетъ быть, рискованно придавать имъ значеніе въ смыслѣ разницы звуковъ, выражавшихся черезъ *з*, *ь* съ одной и черезъ *о* и *е* съ другой стороны; тѣмъ не менѣе я не считаю возможнымъ не обратить вниманіе на то, что *одьрень* во всемъ Синодальномъ спискѣ встрѣчается только два раза и именно съ такимъ правописаніемъ; я согласенъ, что *ь* послѣ *д* удержано, какъ старое этимологическое, и не думаю, что оно уже успѣло обратиться въ *е*, которое опять получило ирраціональный отбѣнокъ

же приблизительно значеніи *одерень*, *одьрень*, *одернь*, *одьрнь*, *одирнь* и *въ одерень* часто въ древне-русскомъ: даю... два села съ вбильемъ, и съ лошадьми...., и пень, и колода, шдѣрень сѣмоу Гергю, *рук. Кмм. д. 1270 г.* И да Игнате на теи земли 8 рублевъ... а пополонка за телицу полътретьяцятъ бѣлъ, соби одирнь и своимъ дитемъ *Новг. купч. XIV—XV в., 19* (и вм. *е^ѣ*, см. у Шахматова, Изслѣд. въ обл. рус. ф., гл. 19). А купилъ себѣ *въ одерень*... *Новг. купч. XIV—XV в. 28* и друг. (Срезневскій, Матер. для словаря др. рус. яз., 613). Это нарѣчное выраженіе, образованное подобно *пболоноу*, производится отъ слова **дрьнь* (Срезн. Матер.: *дрнь* = *дрьнь* = *cespes*) = ст. сл. *дрнь*: овъ же дрнь въскроуць на главѣ покладаа присагоу творить Гр. Наз. XI в. 322 (Срезн. Мат. с. v.), переносно употреблявшееся въ значеніи «присяги» (ib.), откуда *дерноватги*, *одерноватги* въ знач. «крѣпостной, находящейся въ полной собственности»: а челядь мою *дерноватую*..... братъ мой... отпусти на свободу (*рук. Новгор. Остафья п. 1396 г.*, Срезневск., Мат. д. слов....).

¹⁾ Въ пользу этого говоритъ изрѣдка встрѣчающаяся въ грамотахъ форма *одерене* (см. Срезневск., Матеріалы для слов. др. рус. яз. с. v.).

вслѣдствіе положенія въ открытомъ слогѣ позади ударяемаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ почти не сомнѣваюсь, что новорусскій экспираторный характеръ ударенія былъ вполне развитъ, хотя и не въ одинаковой степени, во многихъ говорахъ великорусскихъ XIII-го столѣтія (сравни. смоленскую грамоту 1229 г. и сказанное мною на стран. 94—96) и между прочимъ не былъ чуждъ и говорамъ, отразившимся въ 1-ой и 2-ой частяхъ Синодальнаго списка Новгородск. лѣт., и что этотъ экспираторный характеръ ударенія могъ быть причиною того, что позднѣе развившійся слоговой гласный послѣ *p* получалъ большую силу сравнительно съ старымъ общерусскимъ слоговымъ *ъ*, предшествовавшимъ плавному. Вмѣстѣ съ тѣмъ буквамъ *o* и *e* во всѣхъ этихъ примѣрахъ сочетаній гласныхъ съ плавными въ части Синод. списка по 236 стр. я не придаю значенія точныхъ выразителей звуковъ *o* и *e*, а думаю, что самое колебаніе въ правописаніи доказываетъ и здѣсь произношеніе звуковъ, хотя и весьма близкихъ къ *o* и *e*, но нетождественныхъ съ послѣдними.

Этимъ я позволю себѣ закончить изслѣдованіе судьбы и характера въ извѣстной части русскихъ говоровъ XIII—XIV в. тѣхъ сочетаній, которыя являются наслѣдниками общесловянскихъ сочетаній «согласн. + ъ (ь) + плавн. слогов. + согласн.», при чемъ въ число примѣровъ этихъ унаслѣдованныхъ отъ старины сочетаній я допустилъ лишь немного заимствованныхъ въ историческое время изъ иныхъ языковъ. Заканчивая эту главу, я вмѣстѣ съ тѣмъ заканчиваю и изложеніе ряда вопросовъ, связанныхъ съ судьбою общесловянскихъ, а частію и новыхъ ирраціональныхъ гласныхъ въ извѣстной части русскихъ говоровъ въ извѣстную эпоху. Этимологическій характеръ моего изслѣдованія, необходимо вытекающій изъ самаго предмета его, т. е. объясненія звукового значенія цѣлаго ряда сбивчивыхъ и не всегда послѣдовательныхъ написаній, что неизбѣжно при изслѣдованіи письменныхъ памятниковъ старины, заставилъ меня нерѣдко отклоняться въ область сравненій какъ съ правописаніемъ другихъ сходныхъ по языку памятниковъ, такъ и съ фактами живыхъ говоровъ, которые одни только и могутъ дать надежную точку опоры при объясненіи правописанія древнихъ памятниковъ; но ясно, что этими ближайшими сравненіями нельзя было ограничиться, такъ какъ во многихъ словахъ могло быть подвержено сомнѣнію этимологическое первенство того или другого звука, безъ опредѣленія котораго нельзя рѣшать вопросовъ звуковой исторіи, и вотъ съ этой цѣлью нерѣдко приходилось дѣлать экскурсіи въ область другихъ словянскихъ нарѣчій

и вслѣдствіе извѣстной зависимости древнерусской письменности отъ старословянской и южнословянской прежде всего обращаться за справками, иногда довольно обширными, къ памятникамъ старословянскимъ древняго «паннонскаго» извода, а также изводовъ южнословянскихъ, затѣмъ къ явленіямъ живыхъ южныхъ и западныхъ словянскихъ нарѣчій и наконецъ въ рѣдкихъ случаяхъ и къ другимъ индоевропейскимъ языкамъ, изъ которыхъ первое мѣсто для насъ занимаетъ языкъ литовскій. Все это вмѣстѣ съ желаніемъ наиболѣе полно обнять матеріалъ, представляемый разбираемымъ мною памятникомъ, столь расширило объемъ моей работы, что вмѣсто предполагавшагося сначала полнаго обзора звуковыхъ явленій я принужденъ пока выпустить отдѣльно лишь часть его, объединяемую только тѣмъ, что въ ней разбираются вопросы, связанные съ судьбою звуковъ *z* и *z'*¹⁾.

Дополненія и поправки.

Къ стран. 11: Кромѣ указанныхъ здѣсь говоронъ — болгарскаго тетевенскаго и сербскихъ въ южной Черногоріи, слѣдуетъ упомянуть еще изъ болгарскихъ сушскій въ юговосточной Македоніи, имѣющей, по опредѣленію Облака, соотвѣтственно старословянскимъ *z* и *z'* въ извѣстныхъ случаяхъ (т. е. тамъ, гдѣ они не успѣли раньше перейти въ *o* и *e*) глухой («Halbvocal») звукъ съ характеромъ *e* (Macedonische Studien, 11—12), а изъ сербохорватскихъ съ одной стороны нѣкоторые говоры «Старой Сербіи» (напр. въ Средской и Сириничской волостяхъ Косовскаго округа), отличающіеся полуболгарскимъ переходнымъ характеромъ и имѣющіе, какъ можно судить по неточнымъ записямъ Ястребова («Обычай и пѣсни турецкихъ сербовъ», СПб., 1886, стр. 253—259....), какой-то глухой звукъ, колеблющійся между *e* и *a* (шарец и шарац, *к'д*, *д'на*, *д'нас*, *твъан* при *кад*, *дана*, ф. предлога *сес*, а при *сам* даже *сом*, что, можетъ быть, слѣдуетъ приписать вліянію слѣдующаго *m*), съ другой нѣкоторые чакавскіе, напр. вербниціи и омишльскій на островѣ Кркѣ, въ которыхъ краткіе рефлексы глухихъ являются въ качествѣ *e*, долгіе же согласно съ большин-

¹⁾ Данное мною обѣщаніе (въ предисловіи, стр. VII), такимъ образомъ, остается исполненнымъ только отчасти.

ствомъ сербо-хорватскихъ въ качествѣ *a* (*denēs* при *dān*, им. ед. *kebēl* при ф. род. мн. *kebāl*, им. ед. *otēs* при род. мн. *otāc* и т. п.)¹⁾, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ добринскомъ при тѣхъ же условіяхъ съ долгимъ *a* чередуется краткое *o* (*donōs*, *počōs*, *vōs*, *pōs*, *moglā*, *von*, *kōsno* при *dān*, *māh*, род. мн. *otāc*, *rās*)¹⁾. Затѣмъ не мѣшаетъ вспомнить говоры кайкавскіе, б. ч. имѣющіе *e* вмѣсто *ь* (*ъ*), и сѣверо-восточную полосу словѣнскихъ, замѣняющихъ глухіе безъ различія ихъ этимологіи и фонетическихъ условій черезъ *e*, наконецъ говоры крайнскіе вмѣстѣ съ литературнымъ словѣнскимъ языкомъ, знающіе глухое *e* въ краткихъ слогахъ при долгомъ *a*²⁾. Все это вмѣстѣ съ свидѣтельствами старосербской (кирилловской и глаголической) и старословѣнской (Фрейзинг. отрывки) письменности говоритъ въ пользу предположенія въ древности по крайней мѣрѣ трехъ южнославянскихъ группъ говоровъ: одна изъ нихъ, слѣды которой сохранились преимущественно въ говорахъ болгарскихъ, долгое время различала общесловянскіе звуки *ъ* и *ь*, другія двѣ уже въ древнѣйшую эпоху смѣшивали ихъ въ одномъ звукѣ, при чемъ въ одной изъ нихъ этотъ звукъ былъ ближе къ старому *ъ*, откуда преобладаніе *ъ* въ извѣстномъ рядѣ старословянскихъ памятниковъ, исключительное употребленіе *ъ* въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятникахъ сербо-хорватской редакціи, македонскія діалектическія *o*, *o* изъ общесловянскихъ *ъ* и *ь*³⁾, чакавск. діалектич. *o*, въ другой — къ старому *ь*, откуда господство *ь* въ памятникахъ сербо-хорватской редакціи, *e*, *i* въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ, діалектич. сербо-хорватск. глухое и ясное *e*, словѣнское глухое и ясное *e*. Эти двѣ послѣднія группы выдѣляли изъ себя затѣмъ четвертую — *акающую*, получившую затѣмъ въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ господство не только надъ малочисленной въ этихъ предѣлахъ группой *ъ*, но и надъ болѣе обширной, какъ

1) V. Oblak, Die Halbvocale . . . , Archiv f. slav. Philol., XVI, 172, 173, 174.

2) Oblak, ibid. 163.

3) Это вторичное македонское *o* отлично этимологически отъ того македонск. *o*, которое въ болѣе раннюю эпоху возникало изъ общеслов. слогового *ъ*, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда легко рѣшить, имѣемъ ли мы дѣло съ результатомъ стараго звукового стремленія, или съ дѣйствіемъ новаго. Несомнѣнно ново всякое *o* изъ *ь* (*могла* = вост. болг. *мыла*, слов. *Довернуа*, *пѣстра*, *сѣвналу*, Лавровъ, Обзоръ... 37), но и въ этихъ случаяхъ начало его не позже XIV столѣт.: въ грам. Василя Болгарохтона 1020 г. (по списку XIV-го стол.), какъ сообщилъ мнѣ М. С. Дриновъ, встрѣчается τὰ Μόγλαινι (ἐν τοῖς Μογλαίνοις, Пер. Сп. 1873 г., VII—VIII, с. 21), а у Хоматиана Μόγληνοι; у Кедрина упоминается объ архонтѣ *могленскомъ* въ X в. (М. С. Дриновъ, Южные славяне и Византия въ X в., с. 85—86); въ царств. Петра упоминается епископская кафедра *могленская* (ib., с. 71).

кажется, группой *ъ*, хотя отдѣльные говоры акающей группы могли получать свое полное *а* какъ изъ ирраціональнаго *е^а*, такъ и изъ иррацион. *о^а*; такимъ образомъ, эти двѣ группы, преимущественно же болѣе обширная группа *ъ* (*е^а*), легли въ основаніе нынѣшнихъ сербо-хорватской и словѣнской¹⁾. Но каждая изъ двухъ древнихъ и образовавшаяся изъ нихъ позднѣе новая группа не могли не сталкиваться съ первой, которую условно назовемъ «старословянской»; эти столкновения не могли не содѣйствовать уже и безъ того начавшемуся въ «старословянской» группѣ въ «неслоговыхъ» положеніяхъ, т. е. при развитіи «сильно-глухихъ» звуковъ, нарушенію этимологическаго различенія между *з* и *ъ*; результата этихъ вліяній группъ, искони смѣшивавшихъ *з* съ *ъ*, на группу, не смѣшивавшую ихъ, нельзя не видѣть въ говорахъ болгарскихъ. Облакъ²⁾ предположилъ для болгарской группы прежде всего два момента въ развитіи *з* и *ъ*: во-первыхъ «*ъ* и *з* при извѣстныхъ условіяхъ рано (въ нѣкоторыхъ говорахъ, вѣроятно, уже къ концу X-го столѣтія) перешли въ *е* и *о*», во-вторыхъ «во всѣхъ не тронутыхъ этимъ измѣненіемъ случаяхъ вскорѣ затѣмъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ, вѣроятно, уже въ началѣ XI стол., оба полугласныхъ» (буквально перевожу терминъ «Halbvocale») «совпали въ одномъ *ъ*». Причину древняго проясненія глухихъ въ извѣстныхъ случаяхъ Облакъ (*ibid.* 187—188) видѣлъ въ количествѣ, которое и до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ македонскихъ говорахъ (см. *Maced. Studien*, § 131), и для подтвержденія своего предположенія сдѣлалъ нѣсколько сопоставленій болгарскихъ *е* изъ *ъ* съ долгимъ сербо-хорватскимъ и словѣнскимъ *а*; что касается *о* изъ *з*, то значительная часть (сѣверовосточная) болгарскихъ говоровъ въ немъ (за исключеніемъ случая передъ членомъ *-тъ*, *Arch.* XVI, 186) не участвуетъ. Желаніе Облака искать причину проясненія *ъ* въ общеболгарск. *е* и *з* въ македонск. *о* въ количествѣ обусловлено тѣмъ, что появленіе этихъ *е* и *о* не ограничивается закрытыми слогами; но возможно объяснять это распро-

1) Мой взглядъ на развитіе рефлексовъ общесловянскихъ *ъ* и *ъ* въ сербохорватскомъ и словѣнскомъ имѣетъ, такимъ образомъ, то существенное отличіе отъ взгляда проф. Милетича (*O članu u bugarskom jeziku*, 33, 37), что я не могу признать, что глухой, въ которомъ слились оба общесловянскихъ звука, былъ въ этихъ группахъ говоровъ вообще ближе къ *ъ*, какъ потому, что есть указанія на его ббльшую во многихъ говорахъ близость къ *ъ*, такъ и потому, что онъ во всякомъ случаѣ не могъ быть качественно одинаковъ на всемъ пространствѣ этой «языковой области».

2) *Archiv f. slav. Philologie*, XVI, 197. Раньше указано на это проф. Милетичемъ (*Пер. Сп. XXVII*, 397...., *O članu u bugarsk. jez.*, 32, 37—38, см. его разъясненіе въ *Archiv f. sl. Phil.* XX, 589).

страніе *e* и *o* и въ нѣкоторыхъ открытыхъ слогахъ и наоборотъ *z* въ закрытыхъ вліаніемъ однихъ формъ на другія производныя отъ того же корня¹⁾. Въ формулировкѣ второго момента развитія глухихъ въ болгарскомъ я бы сдѣлалъ ту поправку, что вмѣсто совпаденія въ *z* предположилъ бы (если подъ *z* не разумѣется отвлеченнаго представленія о глухомъ вообще безъ опредѣленія качества) совпаденіе въ различныхъ звукахъ, качественно приближавшихся въ однихъ говорахъ къ древнему *z*, въ другихъ къ древнему *z̄*. Оговорить это считаю необходимымъ потому, что въ общесловянскомъ *z* вижу ирраціональный звукъ съ лабіальнымъ, а въ общесловянскомъ *z̄* иррац. звукъ съ небнымъ отгѣнкомъ, вслѣдствіе чего, если въ однихъ говорахъ изслѣдователи отмѣчаютъ глухой звукъ съ «базисомъ -*o*»²⁾, мы можемъ сказать, что здѣсь старое *z̄*, поскольку оно удержалось въ качествѣ глухого звука, перешло въ *z*, если же въ другихъ отмѣчаютъ глухой съ «базисомъ -*e*»²⁾, мы можемъ говорить о переходѣ въ нихъ стараго *z* въ *z̄*; «базисъ—*a*», который можетъ считаться господствующимъ въ восточно-болгарскихъ говорахъ³⁾, есть видоизмѣненіе или *z* или *z̄*, и, если вѣрить проф. Милетичу³⁾, совершенно отрицающему въ болгарск. глухомъ губное округленіе, требующееся для произнесенія звуковъ *u* и *o*, и исправляющему ссылку Облака на Цонева въ томъ смыслѣ, что послѣдній говоритъ только о положеніи губъ, требующемся для *i*, а не для *u* (Сборн. м. IV, 499)⁴⁾, нельзя не признать, что ново-восточно-болгарскіе глухіе образовались путемъ большаго приближенія *z* къ *z̄*, чѣмъ наоборотъ.

Къ стр. 12: Въ виду изложенныхъ соображеній о звуковомъ характерѣ глухихъ въ древнѣйшихъ южнославянскихъ говорахъ для насъ не будетъ загадкой употребленіе *z̄* и въ памятникахъ западно-сербскихъ и хорватскихъ, вслѣдствіе чего и частое *дещерь* (Миссалъ Новака 1368 г., I. Berčić, Chrestomathia linguae veteroslov. caractere glagolitico, Praga-Jadera, 1859, стр. 87, 89), *дещи* (Бревиар. XIII-го столѣт., ib. 81, Брев. Пасманск. XIV в., ib. 94) и т. п. въ хорватской глаголической письмен-

¹⁾ В. П. Щепкинъ, Крит. разборъ сочин. П. А. Лаврова «Обзоръ звук. и форм. особ. болг. яз.», с. 22—25, «Разсужденіе о яз. Саввиной кн.» («Извѣстія» 1898 г., с. 1191—1196).

²⁾ Macedonische Studien, 11.

³⁾ Lj. Miletič, Bemerkungen zu Oblak's Macedonischen Studien (Archiv XX, 589—590). По Милетичу, болгарскій глухой при всѣхъ діалектическихъ отгѣнкахъ всегда «ein nicht gerundeter gutturaler Vocal».

⁴⁾ При справкѣ въ данномъ мѣстѣ статьи Цонева я убѣдился, что, хотя онъ отрицаетъ близость болгарск. глухого къ глухому *e*, онъ столько же отрицаетъ и его близость къ *o* и *ö* и считаетъ его болѣе близкимъ къ *a* (глухому).

ности нѣтъ никакой надобности приписывать болгарскому оригиналу, какъ это сдѣлалъ В. Н. Щепкинъ, увлекшись внѣшнимъ совпадениемъ этихъ формъ съ живыми формами болгарскихъ говоровъ (Извѣстія Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ, III (1898), кн. 4, стр. 1188, сноска 1).

Къ стр. 26—30: эти сличенія и соображенія о текстѣ Синодальнаго списка были уже напечатаны, когда вышло изслѣдованіе А. А. Шахматова «О начальномъ кievскомъ лѣтописномъ сводѣ», гдѣ высказано много дѣльныхъ замѣчаній о времени и способѣ составленія Синодальнаго списка въ его нынѣшнемъ видѣ, но, что для меня особенно важно, Шахматовъ (стр. 2) не только признаетъ три главныхъ почерка, но относитъ ихъ по палеографическимъ особенностямъ къ тремъ вѣкамъ: XII, XIII и XIV, слѣдовательно, въ отличіе отъ моей уступки, дѣлаемой миѣнію проф. Соболевскаго, заключающейся въ допущеніи, что первый и второй почерки составляютъ трудъ приблизительно одного времени (с. VII и 17), здѣсь написаніе первой части отодвигается ко времени гораздо болѣе раннему, чѣмъ написаніе второй. Я все-таки думаю, что разница между временемъ написанія первыхъ 61 л. и части 62—118 л. гораздо меньше, чѣмъ между временемъ написанія 62—118 л. и 119—167 л.

Къ стр. 40: *отъиметь, отоймалъ* и т. п. могутъ объясняться также и вліяніемъ сложений съ предлогами, оканчивающимися гласнымъ полнымъ (по, до, на, за); въ пользу этого особенно говоритъ малорус. *одійду, зійду* и т. п.

Къ стр. 48: Въ отличіе отъ ошибочно сказаннаго здѣсь — *гда* встрѣчается очень часто и не при переносѣ, а именно въ Синайской глаголической псалтыри: *когда* л. 4.9 (Гейтлеръ, стр. 3), 11.7 (Гейтл. 9), 127.18 (Г. 107), *кънегда* 128.16—17 (129), *тогда* 130.20 (109); послѣдній примѣръ получаетъ несомнѣнность, благодаря фотографическому снимку, сдѣланному съ рукописи проф. Н. П. Кондаковымъ и любезно доставленному мнѣ проф. Е. К. Рѣдинымъ, за что приношу ему мою глубочайшую благодарность. Въ Синайск. молитвенникѣ вмѣсто *з* значекъ: *кѣгда* 76^b, *исѣгда* 86^b (*не* при переносѣ). Сложеніе въ частицѣ — *гда* призналъ еще Ягичъ въ 1871 г. (Das Leben der Wurzel *dě* in den slav. Sprachen, с. 58).

Къ стр. 50: Уже послѣ напечатанія высказаннаго мною здѣсь предположенія двухъ праформъ съ *з* и *о* (*тз* — и *то* —, *кз* — и *ко* —) въ общеславянскомъ яз. я съ удовольствіемъ прочелъ такое-же у В. Н. Щепкина

въ разборѣ соч. П. А. Лаврова «Обзоръ звуков. и форм. особ. болгарск. яз.», стр. 33 (по поводу болгарск. *кога, тога*).

Къ стр. 52: О союзѣ *тоже* упоминаль уже А. А. Потебня (Изъ записокъ по русск. грам.², с. 190—191).

Стр. 53: Союзъ *тъ* отмѣченъ уже въ «Матеріалахъ для словаря древнерусскаго яз.» А. Л. Дювернуа (Москва, 1894 г., s. v.) въ значеніи «*tum, deinde*», при чемъ взять одинъ примѣръ изъ Новгородской I-ой лѣтописи, но, къ сожалѣнію, исправленъ по спискамъ К. А. s. a. 1137 (*прілетъ* вм. *приметъ*).

Стран. 60, строка 3 снизу: слѣдуетъ читать *крѣ* (вмѣсто *крѣ*).

Стран. 61, сн. 1: *szczegól*.

Стран. 67, стр. 6: по справкѣ оказалось, что ф. мча Chron. I. 206 (6771—91=1263—83 г.), на которую ссылается Миклошичъ, есть не ф. род. ед. ч. слова **мчь*, а ф. 3 л. ед. ч. аор. глагола **мзчати*: видѣвъ королевича *мча* подъ руку, и възвѣха по досцѣ и до самого корабля.

Стр. 74, примѣч. 3: форма *sā* (изъ предполагаемаго **цsъ*) существуетъ, однако, и теперь въ пригорскомъ говорѣ кайкавскомъ (V. Rožić, Kajkavački dijalekat u Prigorju, отдѣльн. оттискъ изъ CXV, CXVI и CXVIII кн. «Rad» а, u Zagrebu, 1894, с. 24, 92); здѣсь имен. ед. муж. и жен. р. звучитъ одинаково. Аналогично съ этимъ *sā* и болгарск. діалектич. *сѣ пās*, которое Щепкинъ сопоставляетъ съ *сѣ* въ Саввиной книгѣ (Извѣстія II отдѣл. 1898 г., III, 2, с. 430, 467). Въ рабскомъ говорѣ на самомъ сѣверномъ изъ острововъ, тянущихся по Адриатическому морю вдоль береговъ Далмаціи, вмѣсто *sav* и *vas* говорится среднее между ними *svās* при род. ед. *svēga* (М. Kušar, Rapski dijalekat., Rad.... CXVIII, отд. отт., стр. 36). Можетъ быть, *sāv*, какъ и *svās*, есть только результатъ вліянія формъ косвенныхъ, гдѣ *sv*— вмѣсто *vs*— могло явиться вслѣдствіе перестановки ранѣе, чѣмъ *v* успѣло обратиться въ *ц* и исчезнуть, какъ это случилось въ кайкавскомъ *sēga, sēmi* (Rožić, ibid. 24), что понятно при обилии въ данномъ кайкавск. говорѣ и другихъ случаевъ ослабленія начальнаго и средняго *v* передъ согласными (*lās, ladati, srāb, tŕd* и др.). Формы общеслов. **вхъ, сѣ* (ст. слов., др. рус., др. болг., др. сербско-хорватск.), точнѣе *вхъ, вѣсъ*, къ которымъ восходятъ др. рус. *вхе*, болгарск. *вхе* (Лавровъ, Щепкинъ), *сѣ*, кайкавск. *sā* и *sā* (Rožić, 24), представляютъ результатъ перенесенія неслогового кореннаго *ъ* изъ формъ косвенныхъ въ форму имен. ед. муж. р., гдѣ фонетически мы ожидаемъ слогового корен. *ъ*. Интересную

аналогію съ этими формами представляетъ ф. *ncē* вм. *nēsъ* въ Остров. у. Псковск. губ. д. Будаевой Сопинск. волости (сообщ. Е. А. Артемьева въ «Матер. для изуч. великорус. говоровъ» V, с. 2, прилож. къ 1-ой кн. III т. «Извѣстій»).

Къ стр. 76. 7 (снизу): слово *znādьba* до сихъ поръ извѣстно въ значеніи «значокъ, замѣтка» въ олонекскихъ говорахъ (петрозав., лодейнопольск., см. Словарь областного олонекскаго нарѣчія Герм. Куликовскаго, s. v.).

Къ стр. 77, сноска 1: не греческое посредство доказываетъ —*as*, а скорѣе литовское.

Къ стр. 80. 10: въ Ипат. 166^a. 10—11 мнѣ попался случай паразитнаго ъ и не въ концѣ строки: зѣ|мьлѣ; (переносъ послѣ *ze*—).

Къ стр. 82. 11: примѣръ на стран. 69-ой (л. 35^a) читается въ связи съ другими окружающими словами такъ: и приведе поло|нѣ въ роуьску землю. толь силъ|но ако и числа не баше. 69. з—1 (съ конца); замѣтимъ, что конечное *o* въ разбираемомъ словѣ слилось въ черное пятно, хотя и нельзя сомнѣваться, что это *o*; если дѣйствительно здѣсь ф. вин. ед. муж. р. (*o* изъ *ъ*), а не нарѣчіе, то примѣръ долженъ быть причисленъ къ ранѣе (строки 2—4) упомянутымъ случаямъ «слогового» положенія и помѣщенъ рядомъ съ силъ|нѣ 65. 2—1 (съ конца), такъ что вмѣсто 11 случаевъ употребленія ъ въ такомъ положеніи въ суффиксѣ —*ьн*— въ 1-омъ поч. слѣдуетъ отмѣтить 12.

Къ стр. 94: о языкѣ Смоленской грамоты 1229 г. любопытны замѣчанія И. И. Срезневскаго («Мысли объ исторіи русск. яз. и другихъ слав. нарѣч.» изд. 1887 г., стр. 153).

Къ стр. 105—106: графическое смѣшеніе ъ съ ѣ относится, повидному, къ довольно древнему времени; ѣ вмѣсто ъ находимъ уже въ словахъ Григорія Богослова по сп. Имп. публ. б-ки XI в.: звѣ|наштоу л. 1, β (Будиловичъ, издан. стр. 1), скврѣнѣ|нѣ л. 3, γ (ibid. 3), жизнѣ|нааго л. 5, β (ib. 4), двѣри л. 5, β (ibid. 5), истѣнѣ|въшемъ л. 6, γ (Будилов. ib. 5 при-вод. соотвѣтств. греческ. λεπτυνόμενος), мѣчтомъ л. 7, α (ib. 6), видѣць л. 3, β (ib. 3), тѣ|мно л. 2, β (ib. 2, въ изслѣдованіи Будиловича стр. 12), шѣ|ствиємъ л. 4α (изд. 3, изслѣдов. 12).

Къ стран. 111, сноска 2-ой: раньше проф. Брандта знакъ — для обозначенія долготы безъ ударенія въ сербо-хорватскомъ былъ употребленъ Антономъ Мажураничемъ, на котораго ссылаются самъ Р. Θ. Брандтъ (Акцентолог., с. 48) и Ковачевичъ (Archiv für slav. Philologie, III, 686).

Къ стр. 112: сербскому правильному колебанію ударенія между *плѣ-тох*, *нѣкох* съ одной стороны и *плѣте*, *нѣче* съ другой въ болгарскомъ со-отвѣтствуютъ однообразіе, какъ слѣдствіе вліянія или формы 1 л. на формы 2 и 3 л. или, что, кажется, чаще, наоборотъ: *бодох* — *бодѣ* (*бодѣх* — *бодѣ*), *нѣкох* — *нѣче*, но при *додох*, *додох* возможно и *дудѣх*..... (А. и Д. Куг. Sankof, Grammatik der bulgar. Sprache, с. 81—82. Т. Флоринскій отмѣчаетъ въ образцахъ: *нѣсох*—*нѣсе*, но *нѣкох*—*нѣче*, *бодох*—*бодѣ* (Лекціи, I, с. 149), а Ворачекъ и Стойновъ (Наука 1884, XI—XII, 999—1018) говорятъ, что удареніе въ формахъ аориста глаголовъ 1-го кл. обыкновенно падаетъ на 1-ый слогъ: *кѣдѣхъ*, *нѣсохъ*, *чѣтѣхъ*.

Къ стран. 110—117: эти страницы были уже напечатаны, когда я познакомился со статьею Ф. Θ. Фортунатова «Индоевропейскія плавныя согласныя въ древнеиндійскомъ языкѣ», помѣщенной въ изданномъ учениками Θ. Е. Корша сборникѣ «Χαριστήρια» 1896 г. (стр. 459—490), въ которой Ф. Θ.—чь подробно излагаетъ свою теорію ирраціональныхъ гласныхъ (стр. 484—488), при чемъ, кромѣ принимавшейся раньше имъ и другими лингвистами «слоговой ирраціональной гласной», отражавшейся въ общесловянскомъ яз. въ качествѣ *o*, предполагаетъ другой видъ «слоговой ирраціональной гласной», отражавшейся въ общеслов. яз. въ качествѣ *ь* или *з*; этотъ второй видъ «слоговой ирраціональной гласной», возникавшей въ сочетаніи съ согласными несонорными изъ сокращенія различнаго рода *a* (*a⁹* и т. п.), существовалъ, по его мнѣнію, «именно въ первомъ слогѣ словъ (фонетически, можетъ быть, лишь непосредственно передъ слогомъ съ удареніемъ)» (стр. 486); онъ же въ сочетаніи съ сонорными согласными становился неслоговымъ, а въ общеслов. яз. являлся также въ видѣ *ь* и *з*¹). Этотъ слоговой ирраціональный гласный (или «слоговая ирраціональная гласная») отражается, по мнѣнію проф. Фортунатова, именно во всѣхъ разсмотрѣнныхъ мною на стр. 110—117 случаяхъ, которые согласно съ этимъ объясненіемъ восходятъ къ дословянской эпохѣ. Сопоставленія формъ отдѣльныхъ языковъ, сдѣланныя проф. Фортунатовымъ, настолько убѣдительны, что я не могу съ нимъ не согласиться. Такимъ образомъ, съ словянской точки зрѣнія не было бы причины разсматривать формы —*жъжсе*, —*жъ*— и т. п., *дѣсятъ* и т. д. отдѣльно отъ другихъ случаевъ употребленія этимологическаго *ь*, съ общеиндоевропейской же вмѣстѣ съ ними пришлось бы

1) Сравн. также статью Фортунатова въ Zeitschrift f. vergl. Sprachforschung XXXVI (1898), 38—54.

разсматривать отдѣльно и многіе другіе, въ которыхъ ѝ восходитъ не къ индоевроп. *ī*, а къ индоевроп. иррац. гласному. Тѣмъ не менѣе я не теряю надежды, что мои старанія объяснить указанныя формы на почвѣ спеціально словянской имѣютъ по крайней мѣрѣ методологическое значеніе, а замѣчанія объ общесловянскихъ колебаніяхъ ударенія въ различныхъ формахъ, можетъ быть, пригодятся при рѣшеніи вопроса, въ какихъ именно формахъ индоевропейскаго праязыка являлся ослабленный гласный.

Къ стран. 115—116: форма *gaci* въ венеціанск. говорѣ словѣнск. языка, восходящая къ **r̥gim*, приводится Облакомъ (*Die Halbvocale.....* 170) со ссылкой на Клодича. Въ отличіе отъ сказаннаго мною здѣсь и въ старопольскомъ извѣстна повелительная форма *rczy* (т. е. *rcy* или *rci*), напр. Ps. Flor. 78, b и друг., Ps. Puł. 67, a (Kalina, Hist. jęz. p., 435, сравн. также Oblak въ *Archiv f. slav. Phil.*, XIV, 3 H., 440). Любопытно также (с. 116), что и теперь въ олонекскихъ говорахъ извѣстна форма, восходящая къ слабому виду корня: куда у ихъ было *норчено* въ путь ѣхать, лежитъ на дороге сѹмкѣ (Гильф. Он. б. № 185, с. 904 изд. 1-го, Колыванъ богатырь, Выгозеро, Висаріоновъ).

Къ стран. 139, 6—11: то-же высказалъ Ягичъ въ VI-омъ т. «*Archiv für slav. Philologie*», с. 296 (въ отличіе отъ высказаннаго имъ въ «Критич. замѣткахъ», с. 29): «*Mir ist es wenigstens nicht wahrscheinlich, dass die Beispiele auf oi (für ѣи) in den Quellen des XI. Jahrhundert. schon die wirkliche Aussprache veranschaulichen, da man in den späteren Jahrhunderten (etwa vor dem XIV^{ten}) so selten dergleichen Formen begegnet. Was ist also jenes oi in einigen Texten des XI. Jahrh.? Doch wohl nichts weiter als die russische Auffassung und russische Aussprache der altslovenischen Formen auf —ѣи, —ѣихъ, —ѣими п. s. w. Man vergl. in den Eugeniusfragmenten богатѣи neben сильной, нечѣстивои, oder in dem Menaeum vom J. 1097: животьвѣчьной, отъ оузь болѣзньнойхъ.....*». Я прибавлю лишь, что не только —*ѣи*—, но и —*ои*— могло уже быть найдено русскими писцами въ южнословянскихъ оригиналахъ, какъ это показываетъ правописаніе старословянскихъ памятниковъ, въ особенности Синайской псалтыри.

Къ стр. 140, 14—16: см. у Шахматова, Изслѣд. о яз. новгор. грам., с. 169 (Лоукъанъ— и др.).

Къ стран. 141, 2—1 (снизу): въ дополненіе къ сказанному здѣсь слѣдуетъ указать тѣ случаи, въ которыхъ мы находимъ —*ки*—, —*ми*— въ суффиксальныхъ слогахъ передъ гласнымъ. Случаи эти встрѣчаются въ

1-омъ поч. и всѣ относятся къ формѣ имен. мн., при чемъ въ одномъ изъ нихъ вмѣсто —*ки*— находимъ —*ке*—: *извѣени кы|ша печерьскен. и югьрьскни въ пѣчере. а другини за колокомь...* 95. 2—4, им. мн. сътъскни 116, сравн. даньници новгородьстни 51, др(о)узни 24, 25, 36, 108, 226, рѣустни 193, 195, рязаньстни 146, 179. Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь —*ски*—, —*зи*— замѣняютъ не старыя —*скзи*—, —*гзи*—, а старыя —*сти*—, —*зи*— (вм. *зи*) и въ этомъ отношеніи должны быть сопоставлены со случаями —*скп*—, —*ске*—¹⁾ частію вмѣсто —*стп*—, частію вмѣсто —*скзи*— подъ вліяніемъ окончанія *ъ* въ соответствующихъ надежныхъ окончаніяхъ мягкихъ основъ. *Ски*, *скп*, *ске* являлись частію, можетъ быть, чисто фонетически путемъ извѣстнаго рода диссимиляціи звуковъ *с* и *т*, частію подъ вліяніемъ *ск*, являвагося правильно въ сочетаніяхъ *ска*, *скз*, *скзи*, *скоу*, *ско*— формъ другихъ надежей. Памятники доказываютъ, что всего раньше *кп* появилось именно въ этомъ сочетаніи: И. В. Ягичъ²⁾ привелъ дѣствѣ изъ житія Кондрата XI-го в. и другіе подобныя примѣры изъ памятниковъ XIII-го в. Позднѣе появились сочетанія *м*, *т*, *ки*, *кп* и т. п., такъ что при нѣсколькихъ *ски*, *скп*, *ске* въ Синод. спискѣ Новг. л. по 1-му и 2-му поч. находимъ только 1 р. *зи* въ ф. *другини*. Но эта возможность фонетическихъ сочетаній *ски*, *зи* и т. п., явившихся вмѣсто *сти*, *зи* и т. п., еще не доказываетъ, что въ то-же время не произносились уже *скзи*, *кзи*, *гзи* и т. п. Правописаніе нашего памятника слишкомъ ясно доказываетъ реальность этихъ звуковыхъ сочетаній въ извѣстныхъ сѣвернорусскихъ говорахъ XIII-го столѣтія, и я думаю, что *ки*, *зи* являлись сначала въ суффиксальныхъ, преимущественно ударяемыхъ, затѣмъ коренныхъ ударяемыхъ слогахъ передъ гласными (т. е. передъ неслоговымъ *ѣ*), а потомъ уже распространялись во всѣхъ другихъ сочетаніяхъ. По мнѣнію Шахматова³⁾, явленіе это находилось въ связи съ утратой лабиализма гортанными («задненебными»), которые вслѣдствіе этого приходили въ непосредственное соприкосновеніе съ слѣдующими гласными, а въ данномъ случаѣ задненебные *к* и *г*, ассимилируясь гласному средняго ряда *у* (русск. *ы*, ст. слов. *зи*) «должны были переходить въ средненебные звуки», а «за

¹⁾ на лямьскемъ 82, въ печерьскемъ 57 (сравн. въ печерьстѣмъ 51), въ перельскемъ(к) 75, 145 —(ъ) 181, 204, изъ грѣчьскѣи земли 129, волости новгородьскен 91, вин. мн. городѣ черниговьскѣиъ 158. 11—12 и т. п.

²⁾ Критич. замѣтки по исторіи русск. яз., 79.

³⁾ Къ исторіи звуковъ русск. яз., 42.

отсутствіемъ въ языкѣ средненѣбныхъ чистыхъ являлись средненѣбныя смягченныя $k \acute{g}$, откуда, вслѣдствіе ассимиляціи гласной согласной, — ki , gi). Но какъ объяснить *ke* въ ф. имен. множ. печерьскеи? Пока я не могу придумать ничего лучшаго, кромѣ сопоставленія этой формы съ формой винит. мн. городь черниго|вскѣнѣ, и такимъ образомъ объясняю печерьскеи смѣшеніемъ обѣихъ формъ, а — черниго|вскѣнѣ перенесеніемъ окончанія мягкихъ основъ на твердыя, обычнымъ какъ въ древнерусскихъ памятникахъ, такъ и въ нынѣшнихъ великорусскихъ и малорусскихъ говорахъ.

Къ стран. 166-ой: въ отличіе отъ ошибочно сказаннаго здѣсь старословянскіе памятники даютъ намъ, хотя, можетъ быть, и единственное, однако вѣрное указаніе на то, что это былъ именно гласный ϵ , который могъ рано чередоваться съ ε : въ Зограф. Еванг. знамениѣ *ннедѣногоже* Иоан. X, 41 (л. 260^a) = Мар. *ннединога же* (л. 254^b) (Jagić, Studien....., 114), но *ѣдѣначѣ*¹⁾ Зогр. 37^b = Мар. *единачѣ* л. 16^b (Мато. XV, 16) (Jagić, *ibid.*), ^{одѣ} *начѣ* Псалт. Син. л. 202.19 (Гейтл. 170).

Къ стр. 173, с. 11—15: высказанное въ этихъ строкахъ соображеніе мнѣ представляется въ настоящее время довольно страннымъ. Послѣ моего разговора съ Ф. Θ. Фортунатовымъ въ январѣ 1899 г., т. е. когда всѣ эти страницы (172—175), заключающія мои соображенія и выводъ о новомъ происхожденіи формы съ —*ьн*— въ имен. ед. ч. муж. р., были уже напечатаны, мнѣ стало ясно то, что раньше приводило меня въ недоумѣніе, тѣмъ болѣе, что я получилъ возможность, благодаря любезности В. Н. Щепкина, воспользоваться, хотя и давно напечатанными, но не вышедшими еще въ свѣтъ листами «Лекцій по старослав. яз.» Ф. Θ. Фортунатова, въ которыхъ уже есть кое-что изъ изложеннаго имъ мнѣ на словахъ. Какъ и я, проф. Фортунатовъ признавалъ и признаетъ въ формахъ **ѣдѣнѣ* (въ Лекціяхъ 1888 г., с. 221 **jedēnē*) и **ѣдѣнѣ* (см. *ibid.*) результатъ сочетанія извѣстной частицы, съ которой онъ также сопоставляетъ болг. *ede*— (*еди*—), съ извѣстнымъ мѣстоименіемъ — числительнымъ, но важно то, что форму съ ϵ онъ не выводитъ, какъ я, изъ формы съ i путемъ сокращенія, а считаетъ ее теперь даже болѣе органичной, чѣмъ форму съ i . Рѣшающимъ въ этомъ отношеніи было мнѣніе проф. Фортунатова, кажется, ранѣе имъ не высказанное, о звуковой общесловянской формѣ *инѣ*: по его

¹⁾ Въ Галицк. Еванг. 1144 г. *юдначѣ* 33^б, 24.

мнѣнію, она, хотя и родственна, но нетождественна съ лат. *ūnus*, готск. *aīns* и т. д., т. е. заключаетъ въ себѣ рефлексъ не индоевропейскаго дигтонга *oi*, а чередовавшаяся съ нимъ *i* (непосредственно изъ α_i , котор. изъ α_i)¹⁾, которое на словянской почвѣ послѣ согласныхъ передавалось какъ *o*, а въ началѣ словъ и слоговъ послѣ гласныхъ какъ *u*. Что касается частицы, съ которой сочеталось *инз* въ общесловянскомъ яз., то форму ея проф. Фортунатовъ представляетъ также иначе, чѣмъ я на стран. 173-ой: по его мнѣнію, это было **hed(o)*— или **hed(z)*— съ подвижными *o* и *z*, т. е. такими, которыя, при извѣстномъ положеніи въ словѣ становясь неслоговыми, затѣмъ отпадали²⁾, при чемъ явившаяся при извѣстномъ фонетическомъ положеніи форма съ отпавшимъ *o* (*z*), могла переноситься затѣмъ и въ другія положенія, гдѣ такое отпаденіе фонетически не было оправдано (сравни въ «Лекціяхъ», стр. 201, 202 и слѣд.). Такія формы съ подвижными *o* и *z* въ особенности обычны были въ предлогахъ (*об*—, *от*—, *взз*— изъ **объ*, **отъ*, **вззз*). Такимъ образомъ, подобно *вззъмж* изъ *взз-* + *ймж* и другимъ сочетаніямъ предлоговъ съ глаголами, имѣющими начальное *u* изъ индоевроп. α или α_i , изъ сочетанія **jed-*³⁾ + *инз* получалось **jed-инз*, подъ вліяніемъ же простаго *инз* являлась возобладавшая по крайней мѣрѣ въ им. ед. муж. р. въ нѣкоторыхъ говорахъ — предкахъ нынѣшнихъ словянскихъ нарѣчій форма **jed-инз*. Но какъ объяснить долготу, на которую указываютъ сербскія формы *једѣни*, *једѣи* (В. С. К.)? Нельзя ли думать, что при частицѣ **jedъ* или **jedz* существовала въ общеслов. яз. другая родственная съ ней частица **jedi-*? Изъ сочетанія **jedi-* + **инз* правильно получилось бы общеслов. **jedi нз*.

Къ стр. 178—179, сноска 1: въ отличіе отъ высказаннаго мною здѣсь предположенія, что въ ст. слов. жад- отражается корень **gend-*, отличающійся отъ **ged-* носовымъ инфиксомъ, проф. Фортунатовъ предполагаетъ въ этомъ старослов. корнѣ первоначальн. **gind-*, какъ вариантъ корня *gid-* съ носов. инфиксомъ: **gind-* давало *žind-* и далѣе *žīd-*, *žēd-*⁴⁾. Желая этимологически поставить въ связь словянскія *жѣд-* и *жид-* съ

1) Zeitschrift für vergl. Sprachforschung, В. XXXVI (XVI), с. 40 (1 Heft.).

2) Эти подвижные иррациональные гласные возникали изъ конечныхъ *o* и *z* въ ту эпоху жизни общеслов. языка, когда въ немъ еще удерживались конечные согласные.

3) Относительно измѣненія *he* въ *je* черезъ посредство *e* въ зависимости отъ ударяемости см. въ «Лекціяхъ» с. 217—221 (южнослов. и русск. *e*—*э* при лужицкомъ *he* объясняется ударяемостью *hé* въ этихъ случаяхъ въ общеслов. яз.).

4) Phonetische Bemerkungen, Archiv f. sl. Phil. XI, 573.

одной стороны съ литовск. *geid-*, а съ другой съ словянск. *wod-*, я предположилъ во-первыхъ въ *жд-* не только слабый видъ корня **geid-*, но и слабый видъ корня **ged-*, во-вторыхъ въ *geid-* образование съ инфиксомъ *i*. Теперь я подвергаю сомнѣнiю высказанныя мною здѣсь соображенiя: если и возможно предположить носовой инфиксъ какъ въ *gid-*, такъ и въ *ged-*, такъ что словянск. *жд-* возводимо и къ **gind-* и къ **gend-*, то едва-ли возможенъ инфиксъ *i*. Кажется, скорѣе придется предположить независимое существованiе корней **geid-* (въ слабомъ видѣ **gid-*) и **ged-* (слаб. **gxd-*), при чемъ **ged-* приходится предполагать пока лишь на основанiи чередованiй крайнихъ степеней *god-* и *жд-*. Рискованно также на основанiи, можетъ быть, случайнаго отсутствiя въ литовскомъ подвергать сомнѣнiю при *geid-* видъ **gid-*, на который ясно указываетъ словянское *жд-*.

Къ стран. 189, сн. 1: замѣчательно, что при *wiać* въ польск. существуетъ *wijadł* «вьюга, мятель».... (Бартошевичъ) и *wiejadło* «вѣяло, лопатка для вѣянiя» (*ibid.*); первое я объясняю новымъ осмысленiемъ при помощи примѣненiя къ корню *wi-* (*wić*), второе производствомъ отъ **wiejać*, которое могло существовать въ сознании говорящихъ при формѣ наст. вр. *wieje*. Къ старословянскимъ примѣрамъ у Миклошича слѣдуетъ прибавить изъ Синайскаго глаг. Молитвенника сжри виѣланци 44^b, виѣланцеж *ibid.*

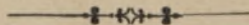
Къ стран. 190: польск. **brzesć* я предполагаю на основанiи приводимыхъ формъ въ сочин. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ «О древнепольскомъ яз. до XIV-го столѣт.» (словарь, стр. 4), при чемъ встрѣчается не только *brzesc*, но даже и *Brest*; только такимъ путемъ я бы могъ объяснить себѣ нынѣшнюю русскую форму; заимствованiе съ чешскаго *břest* представляется мнѣ мало вѣроятнымъ.

Къ стран. 190, строкѣ 3 снизу: форма *помочкѣ* въ морфологическомъ отношенiи можетъ быть освѣщена примѣрами изъ Супрасльск. сборника: *повелѣ же воевода призвати нѣхъ коравь на помощкы клоу, и вѣскричакъше иже вѣахъ къ корави, призваша коравѣа на помощкы илкъ прити.* 115 (изд. Миклошича), *проповѣдимъ спаснаго дьни паматикъ....* 365 (*ib.*, сл. *іаіна* злат. на св. пасхъ).

Къ стран. 236—242: я не упомянулъ еще объ одномъ случаѣ, по-видимому, ъ вмѣсто з, который не умѣю объяснить, а именно въ загадочномъ мѣстоименiи *онъси* 1.7 (сравни. Микл. Lex. pal. *онъсь*—форма, засвидѣтельствованная, кажется, только однимъ примѣромъ, взятымъ изъ словаря Востокова, въ которомъ этотъ примѣръ читается такъ: *онъ сего*

свѣзда сего Ѹгаси. *Еван. толк.* XVI в.). Такъ какъ это мѣстоименіе и родственное съ нимъ оньсица (азь.... оньсица града епискоупѣ поставькнѣ ксмѣ. *Супрасл.* 210) почти исключительно пишется въ древнихъ памятникахъ не только средневѣковыхъ южнославянскихъ, но и старославянскихъ и русскихъ съ ъ (з встрѣтилось только въ памятникѣ XVI в.), то вѣроятно, форма *оньси* или **оньсь* должна быть признана болѣе первоначальной, чѣмъ **оньсь* и т. п., гдѣ з, можетъ быть, подъ вліяніемъ простаго *онз*. Такимъ образомъ, если ъ въ *оньси* и обязано своимъ появленіемъ слѣдующему мягкому сочетанію *си*, измѣненіе з въ ъ здѣсь относится не къ исторіи звуковъ въ русскомъ языкѣ, а или къ періоду общеславянскому, или къ языку старославянскому, если считать все слово заимствованнымъ въ русскомъ изъ языка старославянскаго. По образованію вторая часть сложенія можетъ быть или указательной частицей, или формой имен. ед. муж. р. вмѣсто *сии* (изъ *съ-и*), сравн. въ Пчелѣ (рук. Синод. б-ки XIV в.) ѡньсий, ѡнсий (Буслаевъ, *Истор. христ.*, 546).

Къ стран. 256-ой: сравн. и болгарск. *нъленъ, дълзъ* (Дювернуа), въ Чепинѣ *дъолак потъ* (Пер. Спис. 1889 г., XXVIII—XXX, 618).

Biblioteka WSP Kielce

0148847